
Закат российской эмиграции
во Франции в 1940-е годы
История и память

Ассоциация «Зарубежная Россия» (Франция)

Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы

История и память

Под общей редакцией Михаила Якунина

Париж - Новосибирск
2012

УДК 94(44)(=161.1)"194" + 325.25(=161.1)(091)"194"
ББК 63.3(4Фра=411)6 + 63.3(2)6-362
З-18

Научный редактор Дмитрий Гузевич

Составитель Михаил Якунин

Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы: исто-
З-18 рия и память / Ассоциация «Зарубежная Россия» (Франция) ; науч. ред. Д. Гузевич ; сост., общ. ред. М. Якунин. – Париж ; Новосибирск, 2012. – 508 с.

ISBN 978-5-94560-200-7

Настоящий сборник подготовлен французской ассоциацией «Зарубежная Россия» в рамках работы по формированию Музея российской эмиграции и диаспоры во Франции.

Книга включает два раздела – исследовательский и публицистический. Первый раздел содержит два аналитических историко-архивных исследования, посвященных ряду слабо изученных аспектов истории и эволюции российской диаспоры во Франции в ее соприкосновении с Россией.

Публицистический раздел добавлен для более широкого ознакомления сообщества соотечественников с инициативой создания объединительного музея диаспоры. В нем представлены материалы интернет-газеты «Русский очевидец» («L'Observateur Russe»), являющейся официально признанным русскоязычным органом французской прессы.

УДК 94(44)(=161.1)"194" + 325.25(=161.1)(091)"194"
ББК 63.3(4Фра=411)6 + 63.3(2)6-362

ISBN 978-5-94560-200-7

Содержание

ВВЕДЕНИЕ
От составителя

Настоящий сборник подготовлен французской Ассоциацией «Зарубежная Россия» («La Russie hors frontières») в рамках формирования концептуально-аналитического фундамента Музея российской эмиграции и диаспоры во Франции.

Книга включает в себя два раздела – исследовательский и публицистический. Первый раздел содержит два оригинальных строго научных историко-архивных исследования, посвященных ряду слабо изученных или замалчиваемых аспектов эволюции российской диаспоры во Франции в ключевой для ее развития период, эпицентром которого стала Вторая мировая война.

Автором первого аналитического исследования является известный российско-французский специалист по российской зарубежной истории, сотрудник Центра по изучению России, Кавказа и Восточной Европы Школы высших социальных исследований в Париже и эксперт Фонда им. Лихачева в Петербурге *Дмитрий Гузевич*. Его труд характеризуется глубиной и детальностью разработки как главной, так и ряда сопутствующих тем. Это – весьма оригинальный, парадоксальный и, порой, неортодоксальный исследователь, смело и беспристрастно распутывающий некоторые небезболезненные сплетения исторических сюжетов. Значительный вклад в исследование внесла его неизменная единомышленница и соавтор – сотрудница Центра Мориса Альбвакса Школы высших социальных исследований в Париже *Ирина Гузевич*. Оба автора занимают ведущее место в коллегии научных консультантов французской инициативной группы по созданию музея.

Второе изыскание проведено авторитетным петербургским ученым Михаилом Лепехиным, выделяющимся среди коллег из историко-научной среды своим искренним, истовым и неколебимо тщательным отношением к предмету разработок, которые, по всей очевидности, составляют суть и счастье его интеллектуального бытия.

Плодом синергии этих трех самобытных мыслителей стало представляемое вниманию читателя комплексное и детальное историко-аналитическое обследование эволюции такого редкостного, а то и

неповторимого, социального феномена, как российская эмиграция во Франции, от пика ее зрелости до начала увядания, которые совпали и были связаны с эпохой возгорания, наивысшего накала и затухания Второй мировой войны и ее перерастания в войну «холодную». Их разработки содержат обильную фактологическую информацию, эвристические суждения и нетривиальные выводы об этом переломном периоде бытия французской диаспоры россиян. Объективная добросовестность мудро сочетается у них с искренним личностным отношением к драматичнейшим общественным событиям и индивидуальным судьбам той эпохи.

Наряду с введением в научный и общественно-политический оборот ряда малоизвестных фактов истории эмиграции и диаспоры авторы предложили новые воззрения и подходы в отношении даже достаточно освещеннных явлений. Уточнены многие детали и акценты. Неоднократно со стороны исследователей явным образом прозвучало новое слово в рассматриваемых областях.

Это касается, прежде всего, отхода от бинарного, прямолинейного и черно-белого восприятия самого характера и сюжета Второй мировой войны, которая применительно к России рассматривается ими в известной степени как продолжение или возобновление войны гражданской. Это позволяет более спокойно и непредвзято называть своими именами благородство и геройство, подлость и негодяйство, не взирая на лица и на избранную сторону баррикад и не поддаваясь флеру чрезмерной политкорректности.

Убедительно и доказательно освещены сложнейшие переплетения ситуаций, связанных с соприкосновениями зарубежных россиян с властями СССР, Германии и Франции. На фоне привычных уже отсылок к коллаборационизму русских эмигрантов с немецкими оккупационными органами, особый, а порой как будто и излишний, акцент сделан на, фактически, весьма бесцеремонных действиях советских служб на освобожденной французской территории. Равно как и на готовности определенной части российской диаспоры «первой волны» к взаимодействию с ними. Но, как правило, этот акцент достоверно подтверждается авторами с помощью непреложных фактов.

Смело и с доброй сдержанностью рассматриваются в сборнике процессы и эпизоды, касающиеся «перемещенных лиц» и маргинальных воинских образований россиян на Западе, включая «власовцев». Становится понятным, что это – не поголовно моральные уроды, а в основном плоть от плоти российские люди, волею судьбы оказавшиеся в нежелательное время в нежелательном месте. Люди, которые как умели, с русскими слабостями и изъянами и с русским же достоинством

и стойкостью, выживали на чужбине и среди врагов, сохраняя при этом свою русскость. Это – очень плодотворный и человечный подход, особенно с учетом того, что у того слоя диаспоры, относимого ко «второй волне» эмиграции, есть во Франции многочисленные потомки, которые заметным образом тяготеют к России и которым важно хотя бы сдержанное понимание жизни их предков, в том числе со стороны самих россиян.

Не обозначенный прямо, но непреложно следующий из логики авторского анализа, напрашивается и парадоксальный вывод о том, что несмотря на существенное численное пополнение российской эмиграции во Франции за счет изгнанников «второй волны», именно они стали во многом причиной оттеснения, размывания и деградации эмиграции элитно-белогвардейской и ослабления позиций диаспоры в целом.

Найдутся у авторов и критики, особенно в том, что касается их порой демонстративно неотличимого и симметричного подхода к оценке действий российских большевиков и германских нацистов в рамках предложенного небинарного подхода к истории войны в целом, и диаспоры – в частности. Правда, противовесом этому у них оказывается столь же нелицеприятный и критичный анализ и некоторых позиций и акций западных демократий, в том числе самой Франции, и их виднейших деятелей.

Многочисленные жесткие упоминания личности Сталина и несколько эмоциональное выстраивание всех советских действий вокруг его имени на деле порой выглядят как невольное поддержание и увековечение его культа. Хотя и здесь к достоинствам авторов следует отнести объективное признание в некоторых местах весомости этой исторической фигуры в хищнических окружающих условиях того времени.

Следует подчеркнуть, что мнение составителя далеко не всегда совпадает с мнением авторов. И, наоборот: авторы были отнюдь не во всем согласны с содержанием настоящего "Введения". Это принципиальная позиция нашего издания, дающего возможность на его страницах встретиться различным точкам зрения. Именно поэтому мы уже в первом выпуске включили раздел публицистики. Любую обоснованную критику и дискуссии редакция готова публиковать как в электронной форме в газете «Русский очевидец», так и, затем, на страницах очередного музейно-аналитического сборника.

Интеллектуальная насыщенность опубликованных в сборнике трудов побуждает искренне радоваться находкам авторов, вызывающим полный резонанс с собственными воззрениями читателя, и столь же искренне искать аргументы в случаях несогласия или незавершенности анализа. При этом, ввиду небезразмерного объема сборника в ряде случаев историки вынуждены ограничиваться только постановкой важных вопросов,

что, несомненно, тоже принесет плодотворную отдачу в ближайших разработках их самих и их коллег.

При всей своей академичности исследовательские разделы сборника, несомненно, способны заинтересовать, взволновать и растрогать читателей, даже и далеких от науки, но пристрастных к судьбам России и ее заграничных выходцев.

Заключительный публицистический раздел включен в сборник для ознакомления российского и заграничного сообщества соотечественников с содержанием и концептуальным обоснованием инициативы создания Музея российской эмиграции и диаспоры во Франции. В нем представлены материалы русскоязычной интернет-газеты «Русский очевидец» («L'Observateur Russe»), являющейся одним из официально признанных органов французской прессы.

Для полноты картины в публицистический раздел включены не только авторские статьи о задачах и перспективах музея, но и обширные выдержки из читательских дискуссий по рассматриваемым вопросам на форуме газеты. Тексты отзывов читателей приводятся в оригинале с минимально необходимой орфо-синтаксической коррекцией.

Несмотря на все противоречия и нестроения в эмигрантской среде, о которых, в частности, ярко рассказано тремя поименованными историками, человеческая и интеллектуальная добросовестность побуждает все же говорить об этой диаспоре как о едином самоорганизованном и самоосознанном общественном организме. Такой подход обязывает уважать, хранить и передавать русско-французским потомкам и метропольным россиянам ее совокупную историю и душевные накопления. Передавать дóлжно, прежде всего, все сильное и светлое. Но нельзя заслоняться и от сложных, неудачных, а порой и нелепых явлений и эксцессов собственного прошлого, ибо на них, как ни парадоксально, тоже опирается, в частности, строение исторической общности зарубежных россиян.

Именно в этой связи с неизбежностью в очередной раз встает вопрос о создании объединительного музея. Начинание это – непростое и щепетильное, но постепенно совместными силами формируется общее согласие и накапливается первичный массив архивно-артефактных и исследовательских материалов, которые лягут в основу будущей как аналитической, так и экспозиционной музейной работы.

Президент Ассоциации «Зарубежная Россия»,
член инициативной группы Музея эмиграции
Михаил Якунин

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ В 1940-е ГОДЫ
или
ПОЧЕМУ ПАРИЖ НЕ ВОЗРОДИЛСЯ КАК СТОЛИЦА РОССИЙСКОГО ИЗГНАНИЯ

Дмитрий Гузевич
Ирина Гузевич

Предисловие 2012 года

Начнем с необходимых пояснений по поводу предыстории настоящей работы.

Она родилась в ходе осмысления материала, собранного при подготовке к печати «Полицейского отчета» 1948 г. о русской колонии в Париже [410]. Опубликован он нами был в томе 8 «Диаспоры»[1] в самом начале 2007 г. Аналитические соображения и приложения по причине большого объема публикации выделены были во 2-ю часть и должны были появиться в следующем, 9-м томе. Однако по техническим причинам издатель был вынужден в конце 2007 г. выпустить этот том без нашего текста, уже почти законченного редактированием «в первом чтении», и перенести его в завершающий, 10-й том. По счастью, этот текст был переслан нам для последующей работы, ибо через две недели в результате вирусной компьютерной атаки были уничтожены все материалы, собранные для этого, 10-го тома. Неожиданное прекращение финансирования издания парижским Домом наук о человеке, который оплачивал существенную часть расходов, если не окончательно, то надолго похоронило альманах «Диаспора» – едва ли не единственное строго академическое издание по вопросам российской эмиграции. Это – безусловная потеря как для исследователей, так и для тех читателей, которые всерьез интересовались историей российского зарубежья.

---

[1] «Диаспора» - альманах (ежегодник) академического уровня, который выходил в 2001-2008 гг. в С.-Петербурге и был посвящен истории российской эмиграции. Всего было опубликовано 9 томов по 700-800 стр. каждый.

Нам же лишь остается радоваться, что чудом сохранился наш текст, к тому же прошедший черновую редакторскую обработку, выполненную Татьяной Притыкиной, которой мы приносим свою искреннюю признательность.

С тех пор прошло почти 5 лет. Исчезновение последних надежд на публикацию в «Диаспоре» совпало с предложением, полученным от президента французской ассоциации «Зарубежная Россия» Михаила Якунина, об издании этой части в виде отдельной книги. Мы с радостью дали свое согласие. Конечно, мы прекрасно понимаем, что за эти годы появились новые материалы и публикации. Однако лучшее – враг хорошего, и фундаментальные дополнения, потребовав еще много месяцев работы, не дали бы нам возможности уложиться в отпущенные и очень короткие сроки. Поэтому мы представляем текст в основном в том виде, в котором он был завершен осенью 2007 года, сделав его автономным и перенеся в приложение 1 ряд необходимых биографических и исторических справок из комментариев к самому «Полицейскому отчету», а также дополнив лишь той литературой, которая появилась в пределах нашей досягаемости. Так что дополнения и новые комментарии все-таки есть, но их немного[2]. Самым важным из них является публикуемая в виде отдельного раздела статья Михаила Лепехина, которому мы

[2] Об одном исправлении надо сказать особо. В «Полицейском отчете» 1948 года упоминаются «Les Sectaires Sabbataires» или Sabbatiens [410, с. 384, 433]. Мы были в некотором недоумении, ибо саббатиане – последователи лжемессии Саббатая Цви – к середине XX века уже исчезли как отдельная конфессиональная группа. Был дан соответствующий комментарий (см. приложение 1.I.1), но вопрос остался открытым. Во время Круглого стола «Источники по истории русско-еврейской эмиграции во Франции» на международной конференции «Русско-еврейский Париж: 1881-1991», которая проводилась в Париже 12-14 ноября 2008 г., мы рассказали эту историю. На самом заседании никаких идей высказано не было, но во время кулуарных дисскуссий решение все-таки возникло. Речь идет не о саббатианах, а о субботниках (их же в XIX в. стали называть жидовствующими в память о русских сектантах XV века) – целой группе сект, возникших в конце XVIII – начале XIX вв. и близких к иудаизму и караимам. Этнически это были в основном великороссы, в прошлом – православные, в своих религиозных исканиях вернувшиеся к Ветхому завету и празднованию субботы. В настоящее время большая часть из них переселилась в Израиль. А на французский язык «субботники» будут переводиться тем же самым словом, которым обозначали саббатиан. Таким образом, мы можем констатировать, что среди российской эмиграции во Франции была и эта маргинальная конфессиональная группа, – лишнее подтверждение нашего принципиального тезиса, гласящего, что российская эмиграция несводима к эмиграции русской, является этно-конфессиональным слепком со всей Российской империи и может быть адекватно понята только в своем многообразии. Ну, а последнее требует совместного изучения всех этнических, субэтнических, конфессиональных и этно-конфессиональных групп, покинувших территорию империи, с их системами взаимосвязей, контактов, внутренних союзов и войн.

приносим нашу искреннюю благодарность. Без этого исследования, подготовленного по нашей просьбе, наши рассуждения о первом эмигранте второй волны не были бы полными.

Вступление

Как сам «Полицейский отчет» 1948 г. о русской колонии в Париже [410], так и материалы, собиравшиеся при подготовке его к печати[3], вначале заставили сформулировать сам вопрос, стоящий в заголовке, а затем, как нам кажется, позволили приблизиться и к ответу на него. Ранее он не то чтобы не возникал, но ответ казался очевидным: Гитлер, война, оккупация, разоренная Франция, смена поколений. В результате

---

[3] При подготовке отчета к публикации мы исходили из следующего положения: ввиду того, что сама публикация носила академический характер, должны были быть прокомментированы все встречающиеся имена, наименования организаций и органов печати. Причем степень подробности комментариев должна была быть такой, чтобы читатель не должен был искать дополнительную информацию по справочникам и отдельным изданиям, часто труднодоступным. По счастью, эта позиция была с пониманием принята издателями «Диаспоры», Т.Б. Притыкиной и О.А.Коростелевым, но встретила резкие возражения рецензентов (напр., [367]). Для последних «сестрой таланта» являлась краткость, но никак не исчерпывающий характер работы, к которому мы стремились. Правда, позднее, один из рецензентов со смущением признавался, что широко использовал нашу, раскритикованную им, публикацию в ходе собственных исследований. А вот пример краткости (особенно, в области источников), который обзорно-архивную работу делает просто опасной для использования. Мы имеем ввиду статью И.В.Сабенниковой «Иностранные диаспоры во Франции» [440]. Она основана на материалах тех же архивных коллекций, в которых хранится и «Полицейский отчет» 1948 г. (Archives de la Préfecture de Police, Paris, Cart. BA 1681). Полный отказ от использования уже опубликованных источников и историографии по вопросу приводит к тому, что автор оказывается не в состоянии правильно назвать организации российского зарубежья, дать верные имена действующих лиц и т.п. Только до войны организаций этих насчитывалось около 800, как признает сама автор [367, с. 228], и их названия часто отличались друг от друга не просто одним словом, но, иногда, только лишь расстановкой одних и тех же слов. Те из них, которые были официально зарегистрированы (около 200 организаций), имели по два имени – русское и французское, не всегда являвшиеся кальками друг с друга. В этой ситуации требуется предельная точность и осторожность, и систематические ошибки в их именованиях, приводящие к появлению организаций-фантомов, нельзя признать допустимыми для профессионального исследователя. Так, никогда не существовало Генерального Союза русских шоферов [440, с. 229], но был Объединенный Союз русских шоферов; никогда не было Центра содействия русской эмиграции [440, с. 231], но было Управление делами русской эмиграции; при оккупации не было журнала «Парижский курьер», но была газета «Парижский вестник»; Жеребкова звали не Георгий [440, с. 231], а Юрий. Конечно близко, но почему-то напоминает анекдот советской эпохи про дело Цукермана, которого проверяли на родственные связи с академиком Сахаровым.

ядро эмиграции переместилось за океан[4]. А последующая история тех его осколков, что еще оставались в Париже, – это история ее агонии. Мнение широко бытовало, и не случайно Л. Шкаренков в свое время так и назвал свою книгу: «Агония белой эмиграции» [560].

Однако по мере освоения материала становилось очевидно, что ситуация отнюдь не так проста. Во-первых, только в самой Франции на момент Освобождения оказалось, по разным оценкам от 250 до 335 тыс. советских граждан: 115 (200?) тыс. бойцов восточных батальонов и 135,5 тыс. военнопленных и «восточных рабочих» – «остовцев» или «остарбайтеров»[5]. В 1943-44 гг. в страну, в рамках пространства, контролируемого Германией, могли перемещаться уходившие с востока от Красной армии и с юга – от союзников эмигранты первой волны и беженцы из Восточной Европы (оба этих потока имели место). После войны – те же самые лица, уходившие из советской зоны оккупации[6], и перемещенные лица – Ди-Пи[7], – из английской, американской и французской зон оккупации[8]. А также беглецы из советской зоны, и среди них такие, кто уже был схвачен во Франции или в других странах, передан советским репатриационным миссиям, направлен в СССР, но

---

[4] В. Варшавский, в первую очередь, о литературной части эмиграции: «Во время войны центр культурной и общественной жизни эмиграции перемещается из Парижа в Нью-Йорк. <...> Во Франции под немецкой оккупацией жизнь замерла, ушла в подполье. После освобождения в Париже как будто началась новая весна. Выходят "Русский сборник", "Встреча", "Орион". Но литературный круг трагически поредел: многие погибли, многие уехали, у оставшихся, выживших уже не было прежних сил» [88, с. 370].

[5] [655]. Если не считать бойцов восточных батальонов и легионеров, то на территории Франции к началу 1944 г. насчитывалось от 25 до 40 тыс. советских граждан (30% из них военнопленные), которые содержались в 25 концентрационных лагерях. И они продолжали прибывать в течение зимы-лета 1944 г. На весну 1945 г., по советской оценке, в стране находилось до 100 тыс. советских граждан. По другим данным, всего было завезено 135 456 советских военнопленных, но к весне 1945 г. часть из них уже репатриировалась, а часть погибла, так что цифры, в целом, подтверждают друг друга [57, с. 25; 64, с. 496; 204, с. 27; 391, с. 22; 471, с. 541; 641, с. 238; 655, с. 64].

[6] Согласно утверждению Е. Пивовара, «около 30 тыс. "старых" эмигрантов вторично эмигрировали из стран, вошедших в зону влияния СССР» [373, с. 78]. Как видим, прорвалось очень мало людей, но, тем не менее, они были.

[7] *Ди-Пи = D.P. = Displaced Persons*. Для простоты мы будем пользоваться этим термином при описании ситуации, начиная с осени 1944 г., хотя сам термин официально возник чуть позже.

[8] А. Столыпин о спасении Ди-Пи: «В результате ряда усилий во Франции – и в какой-то мере в соседней Бельгии – образовался своего рода остров спасения. Сюда в начале 1947 года из Италии удалось перебросить несколько десятков бывших советских граждан, над которыми там нависла непосредственная угроза насильственной репатриации» [487, с. 43].

по дороге бежал[9]. По мере того, как становилось известным вероломство союзников, осуществлявших насильственную репатриацию[10], и тот прием, который ожидал репатриируемых в советской зоне, люди пытались решать свои проблемы сами, рвались за океан, и Франция оказывалась перевалочной базой, в которой большинство не прочь было бы и задержаться, если бы почувствовало себя в безопасности. К тому же сразу после освобождения Парижа, уже в 1944 г., наметился обратный поток из-за океана: начали возвращаться те, кто бежал от немцев в 1940-42 гг., – у кого в жилах текла хоть капля еврейской крови и кто принадлежал к левому лагерю политической эмиграции. Большим резервом могли быть эмигрантские колонии в Северной Африке, где, впрочем, оказалось немало и советских граждан всех мастей. То есть, отчасти повторялась картина 20-х годов, в ходе которых Париж стал столицей российской эмиграции. И, тем не менее, второй раз этого не произошло.

В попытке осмыслить события и родился настоящий текст – отнюдь не история эмиграции 1940-х гг., но лишь материалы к этой истории. Если он толкнет кого-нибудь на размышления и продолжение исследований, значит, его цель выполнена.

Однако, все по порядку. Напомним, что в предыдущем исследовании [410] много говорилось о четырех просоветских эмигрантских организациях, действовавших во Франции в конце войны и сразу после нее. Это одна из организаций Сопротивления – *Союз русских патриотов во Франции* (СРП), учредительное собрание которого проходило конспиративно на квартире Г. Шибанова в Париже 3 октября 1943 г. Затем возникший в 1944 г. *Союз друзей советской России* (СДСР). Еще до окончания войны, 10 марта 1945 г., в ходе объединительного съезда они слились, образовав *Союз советских патриотов* (ССП). Последний, в свою очередь, был преобразован в *Союз советских граждан* (ССГ),

---

[9] См. приложение 4.10. М. Раев: «После войны во Францию стали прибывать "ди пи", главным образом пленники гитлеровских лагерей, а также бежавшие от Сталинского режима... Часть из них затем перебралась в США» (цит. по [334, с. 17]. Несколько отличающаяся версия в [402, с. 17]).

[10] Сразу же подчеркнем во избежание кривотолков: мы отнюдь не утверждаем, что насильственной была вся репатриация, в том числе и тех, кто был захвачен в немецкой форме. И присоединяемся к мнению Н. Толстого, считавшего, что добровольно возвратились две трети Ди-Пи или несколько меньше [512, гл. 16; 675, с. 320]. Другими словами, от ½ до ⅔ перемещенных лиц, бывших советских граждан. Естественно, для совокупности лиц, которые никогда не являлись советскими гражданами, – представителей белой эмиграции и жителей западных, – областей, эти цифры будут совершенно иными, стремящимися если не к нулю, то к очень малому проценту.

учредительный съезд которого состоялся 8-11 августа 1947 г. Каждый из этих союзов имел разветвленную сеть дочерних структур – женских, спортивных, молодежных (например, Союз русской молодежи, созданный в ноябре 1944 г. при СРП). В комментариях к «Полицейскому отчету» [410] была показана их генетическая связь с предвоенными просоветскими организациями, которые создавались и действовали при прямом участии чекистов. Таковая, например, существовала между СДСР и его предвоенным аналогом – *Союзом друзей советской Родины,* выросшим из *Союза возвращения на Родину*[11].

Эти организации взяли под контроль значительную часть старой эмиграции, которая оставалась во Франции во время войны, как, впрочем, и в Бельгии[12]. Во-первых, действительно «советизанов» – просоветски настроенных лиц, среди которых были и старые коммунисты, вступившие в Русскую компартию во Франции в 20–30-е гг., и те, чьи взгляды формировались под влиянием побед Красной армии. А, во-вторых, тех, кто в годы войны активно сотрудничал с немцами, а после их изгнания, опасаясь за свою судьбу, резко «покраснел».

Более мы о них специально говорить не будем, а обратим внимание на те структуры, с помощью которых устанавливался контроль над военнопленными в лагерях и в отрядах маки, над «остовцами», над бойцами Восточных батальонов, над эмиграцией из лимитрофных государств, отошедших в зону советского влияния, а также над самими французами.

Мы посчитали необходимым дополнить наш текст приложениями, где привели выдержки из ныне труднодоступной русскоязычной периодики, а также из листовок 1940-х гг., касающиеся российской эмиграции.

Политическая ориентация изданий, представленных в приложениях, самая разная. «Парижский вестник» (ПВ) и «Новое слово» (НВ) – две прогерманские газеты, обе антисемитской направленности. Первая, чисто эмигрантская, выходившая в Париже при оккупации его немцами в 1942-44 гг., довольно быстро приняла провласовское направление. Вторая, берлинская, общеполитического характера, жизнь эмиграции почти не освещала. «Социалистический вестник» (СВ) в 1940-е гг. выходил в Нью-Йорке. Этот орган меньшевиков отличался определенным вниманием к еврейским проблемам и филосемитской ориентацией. «За свободу» (Нью-Йорк) – орган партии эсеров. «Свободная мысль» (Париж) – независимые непериодические сборники антиболь-

---

[11] Обо всех этих организациях см. справки в приложении 1.1.2-6.

[12] [12]. См. приложение 4.18.

шевистской направленности, созданные в попытке прорвать советскую монополию на русскоязычную прессу во Франции[13].

Изучение русскоязычной прогерманской прессы времен войны привело нас к нижеследующим заключениям.

А) Эта пресса не более необъективна, чем советская той же эпохи.

Б) В целом и те, и другие больше говорили правду, чем лгали, особенно о своих противниках. Вопрос был в терминологии, в форме представления и в дозировании информации. И Германия, и СССР совершали столько преступлений, и они носили столь массовый характер, что не было необходимости что-либо выдумывать. Достаточно было выявлять и предавать гласности такие вопиющие факты как вскрытие гекатомб (массовых захоронений жертв расстрелов), информацию о лагерях, свидетельские показания и т.п.

В) Значительно более тяжела для критики та часть текстов, в которых эти газеты говорят о собственных режимах. Но и здесь лжи не так много. Оба режима были социалистическими (национал-социалистический и большевистский) и, одновременно, геноцидными. Точнее, большевистский к преступлениям геноцидного характера сделал шаг лишь в годы войны – в ходе депортаций репрессированных народов, учитывая, что условия депортаций и приема на местах назначения вызывали массовую гибель депортируемых. А так это был *социоцидный* режим[14]. Поэтому при самовосхвалении расписывались социальные

---

[13] Подробнее об этих изданиях см. [410, с. 586-589, 602-603] и в приложении 1.I.7-10. Обратим внимание на проблемы критики как этих источников, так и других, которые мы широко использовали в комментариях, – газетных статей, текстов информационно-пропагандистских брошюр и листовок. Можно выделить несколько групп, различающихся по степени достоверности и методам критики: свидетельские показания (причем имеется различие для прямых и мемуарных), репортажи, агитки, письма, тексты официальных отчетов. Подтверждения из независимых источников, как правило, говорят о том, что сообщения отражают реалии (вопрос в том, в каких формулировках). Некоторые из них мы привели в комментариях или в тексте.

[14] Не уделяя специально внимания данному термину в настоящей работе, мы, тем не менее, считаем необходимым дать краткий комментарий. Термин изредка встречается в историографии, но отсутствует в юриспруденции. В принципе, социоцид – преступление такого же уровня, что и геноцид, но уничтожаемыми являются представители не этно-конфессиональных, а социальных групп и лишь за свою принадлежность к ним, а то и просто за происхождение из этих групп. Не существует принципиальных различий между призывами к уничтожению народов и уничтожению классов. Причем на всех уровнях. Во-первых, и тот, и другой призывы могут воплощаться на практике в относительно «гуманных» формах – насильственной ассимиляции и насильственной же десоциологизации (превращение общества в сборище деклассированных и люмпенизированных элементов – подробнее см. на эту тему [397а]). А могут быть и крайние формы, которыми, как раз и являются геноцид и социоцид, или

достижения (которые были у обоих режимов) – открытие школ, больниц, музеев, библиотек, стадионов, детских садов; помощь беженцам, раненым, сиротам; строительство дорог, заводов; трудовые и спортивные достижения, энтузиазм населения – и тщательно скрывались не только преступления режимов, но и просто их дефекты.

Близость текстов советских и русскоязычных прогерманских газет такова, что стоит заменить, скажем, в статье «Высоко несут русское имя» (прилож. 3.2), некоторые названия и термины, и – можно печатать в «Красной звезде». Или другой пример: советские территории, на которые вошли или с которых были изгнаны немецкие войска и, соответственно, с которых ушли или на которые вернулись советские войска, именуются *освобожденными*. В первом случае – прогерманскими газетами (соответственно, речь идет об освобождении от большевизма), во втором – советскими (соответственно, от немецко-фашистских оккупантов). Впрочем, далеко не все и заменять-то надо. Прогерманская пресса полна проклятий англо-американским «плутократам». Но ведь те же проклятия мы встречаем в советской прессе и, более того, даже в научных работах (напр., [291, с. 43]). Аналогичная ситуация наблюдается в плакате, что показала в свое время работа Доминик Россиньоль «История пропаганды во Франции с 1940 г. по 1944 г.». Рецензент книги, А. Тарханов, делает вывод, к которому мы не можем не присоединиться: «Россиньоль продемонстрировала абсолютную идентичность пропагандистских кампаний по обе стороны фронта, равно как и абсолютную аморальность пропаганды» [502]. Отчасти эта близость объясняется антидемократическим характером обоих режимов, а, отчасти, тем, что многие из текстов принадлежат перу бывших

близкие к ним – этнические чистки, депортации, раскулачивание, расказачивание и т.п. Конечно, нам могут напомнить, что требование уничтожения эксплуататорских классов в «чистой» марксистской теории отнюдь не подразумевает физического уничтожения принадлежавших к ним лиц. И наши оппоненты по своему будут правы. Ну, что ж, в этом случае нам придется также вспомнить, что, во-первых, в нацистской пропаганде евреи представлялись эксплуататорским народом, и уничтожение эксплуататоров трудового населения представлялось столь же обоснованным, как и в марксизме. И, во-вторых, что красные кхмеры. – восточная марксистская производная, – физически уничтожая все «буржуазные» классы и прослойки, просто добуквенно выполняли завещания вождей мирового пролетариата.

Россия сейчас пожинает плоды советской политики, в т.ч. и в области теории и терминологии. Не имея в комплексе юридических дефиниций понятия «социоцид», она оказалась беспомощной перед политическими спекуляциями вокруг Голодомора. В действительности это был не геноцид украинского народа, а социоцид южного крестьянства: украинского, южно-русского, южно-уральского, северо-кавказского. В других наших работах мы надеемся обсудить понятие более детально.

советских журналистов (как, впрочем, плакаты и политические карикатуры – карандашу и кисти бывших советских художников). Однако к ним удивительно близка продукция и немецких, и французских журналистов и художников эпохи[15]. Так что дело далеко не только в происхождении. Ряд характеристик – и текстовых, и графических – настолько зеркально точны, что возникает желание взять некоторые из них в качестве эпиграфа. Останавливает лишь авторство. Например (предлагаем подставить слово «нацизм»): «Большевизм не есть политическое течение или мировоззрение. Большевизм – это организованное преступление». Автор – Адольф Гитлер [123].

Ну, а карикатуру «Фронт» мы публикуем среди иллюстраций.

Таким образом, материалы этих газет дают возможность работать с фактами при обязательной проверке информации по независимым источникам (при этом источники должны быть, действительно, независимы). В случае невозможности проверки это должно оговариваться. Но, тем не менее, даже тогда сообщаемая информация – все равно *информация*, все равно свидетельские показания, просто требующие последующих проверок по архивам и всему комплексу печатных текстов. Наша же задача сейчас – поставить вопросы.

Особое внимание предлагаем обратить на статью «Сеть НКВД во Франции», которая так же, как и текст «Полицейского отчета», является обзором состояния русской эмиграции в Париже, но выполненном «изнутри» эмиграционного сообщества. Чрезвычайный интерес представляют записки военного журналиста, выпускника ИФЛИ, капитана Михаила Корякова, который прошел плен, с 22 мая 1945 г. 10 месяцев прослужил в советском посольстве в Париже и бежал оттуда 25 марта 1946 г. [647]. Он прекрасно знал ситуацию изнутри и был знаком со многими участниками «охоты за черепами». Мы не воспроизводили отдельно его работы (это две книги и целая серия статей, в т.ч. [251; 252; 253]), но широко их использовали и обширно цитировали в тексте и комментариях.

---

[15] «Фигаро-магазин» в 1980-е гг. выпускал серию брошюр «История, воспроизведенная в прессе эпохи», где представлялись тексты с разницей в 40 лет (советская пресса тоже любила подобные колонки на своих страницах). Так вот, весной 1983 г. вышел очередной номер, возпроизводивший тексты, опубликованные во французских газетах с 19 по 25 марта 1943 г. «Правда», давшая обзор этому выпуску, с возмущением приводит серию цитат: «"Советская угроза устранена из Европы, – заявляет фюрер в Берлине. – Немецкий солдат и его союзники защищают извечную гуманную сущность цивилизации". "Легион французских добровольцев, сражающихся против большевизма, воздает почести погибшим в боях. Церемония происходила в Версале"» [176]. Предлагаем заменить именования лиц и систем на те, которые были по другую сторону линии фронта.

Все эти приложения мы не рассматриваем как академические переиздания статей из русской эмигрантской прессы, но как публикацию материалов, важных для понимания ситуации, а потому комментарии к ним носят лишь самый общий, первичный характер.

Специальные исследования при подготовке именного указателя не проводились, но везде, где возможно, мы старались раскрывать инициалы и дополнять имена. Воинские звания указаны для лиц, о которых известны лишь их фамилии, для их минимальной идентификации. Исключение сделано для персонажей, которые появляются лишь в библиографических списках: их фамилии даны курсивом.

Российская диаспора как сообщество

Можно ли российскую эмиграцию во Франции между двумя войнами рассматривать как некое сложившееся и относительно автономно функционирующее сообщество?

Дадим слово современнику – В.В. Рудневу – человеку информированному и, судя по его тексту, хорошему социологу (из доклада 1929 г.): «Именно эмиграции во Франции предстоит, по нашему глубокому убеждению, сыграть совершенно исключительную роль. Если эмиграции суждено когда-нибудь выйти из аморфного состояния и приобрести черты некоторого действительно организованного единства, то предварительным условием для этого является сгущение где-то в одной из стран основного её ядра, достаточно численного количественно, наиболее сильного материально и духовно <...>. Наиболее благоприятные условия для такой начальной концентрации эмигрантской <так!> имеются, бесспорно, во Франции. Франция – страна, где русская эмиграция до сих пор нашла наилучшие экономические и правовые условия для постоянного своего трудового устройства. Нет основания опасаться, чтобы эта благоприятная обстановка могла резко и надолго измениться к худшему. <...> здесь уже сосредоточилось не менее половины (по-видимому, около 200.000) общего ее количества. И дальнейший приток русских эмигрантов во Францию из всех стран их рассеяния не прекращается. Параллельно сосредоточению эмиграции во Франции и укреплению ее материальной базы, повышается и напряженность эмигрантской самодеятельности в этой стране в самых различных направлениях» [418, с. 13-14].

«Полицейский отчет», написанный спустя почти два десятилетия после доклада Руднева, подтверждает его выводы, в первую очередь там, где говорится о деятельности в области «solidarité». Организаций этого

рода – благотворительных, гуманитарных, педагогических, юношеских – насчитывалось несколько сотен. Степень их разветвленности и роль в поддержании жизни эмигрантского социума достойна удивления и восхищения.

Из тысяч активистов особое внимание обращают на себя несколько человек, сыгравших роль тех самых китов, на которых держалось и удержалось на плаву Русское зарубежье. Эти люди на момент обрушения Российской империи или уже находились за рубежом, владели связями, имели доступ к финансовым средствам, или сумели вывезти эти средства на Запад и создать сеть связей. И разумно, расчетливо, жестко, проявляя фантастическую энергию и недюжинные организаторские способности, занялись спасением соотечественников, содействием их выживанию, решением юридических проблем, образованием детей, обеспечением достойной старости. В первую очередь, это В.А. Маклаков (как и другие лица, входившие в Совещание послов)[16], В.И. Дмитриев, М.М. Федоров. По масштабу деятельности к ним приближаются не имевшие изначально таких средств и связей Н.С. Долгополов, С.М. Зёрнова, К.Р. Кровопусков, Н.А. Недошивина. Заметим, что имена их всех присутствуют в «Полицейском отчете» 1948 года[17]. Они не создавали произведений искусства, не писали книг, не блистали на сцене. Но без них жизнь в эмиграции была бы много трагичнее, а средняя ее продолжительность много короче. Между этими людьми возникали, подчас, сложные отношения[18]; они, безусловно, имели свои

---

[16] Некотрые финансовые вопросы поддержки эмиграции и встававшие в связи с этим проблемы разумного расходования средств, обсуждаются в переписке Бахметева и Маклакова [476].

[17] См. [410] по именному указателю и приложение 1.I.11-17.

[18] Для социального психолога представляет несомненный интерес развернутая характеристика С.М. Зёрновой в сравнении с Н.С. Долгополовым, которую дал в письме к Б.А. Бахметеву от 25.6.1946 В.А. Маклаков. Некоторые выдержки: «Вы, конечно, правы, что З<ёрнова> и Д<олгополов> друг друга не любят и что между ними есть какая-то щель. Она тем загадочнее, что встречаются на одном и том же поприще общественной деятельности и что на ней у обоих и большие качества, и большие заслуги. Но они слишком разные типы <...> З<ёрнова> – первоклассный работник, преданный делу всецело, и много достигает; она изобретательна, предприимчива, умеет находить помощников и сотрудников; привлекает симпатии и к делу, и к себе самой. Но <...> она не общественный человек <...>. Она отлично работает там, где она – центр всего. Она организовала когда-то центр-эд, где была генеральным секретарем, но она была всем. <...> когда она увлеклась помощью детям, весь центр-эд стал заниматься только этим. <...> она очень ревнива к своему делу. Ей хочется не только делать все самой, но и одной. Я мог это наблюдать при освобождении, когда она оказала мне неоценимые услуги при возобновлении работы офиса. <...> Но тут я увидел, как трудно иметь ее

политические взгляды и пристрастия, но они решали возникавшие проблемы, и все их действия с определенной точки зрения были принципиально аполитичны,[19] – для них эмигрантский социум выступал как некое единство, которое они должны поддерживать вне зависимости от происхождения, религии или политических пристрастий нуждающегося в помощи.

Прошло почти ¾ века после работы В. Руднева, и другой исследователь, И. Савицкий в своей небольшой, но очень основательной статье «Становление Парижа как столицы русской эмиграции» [441], дал анализ этого процесса и показал механизмы, которые привели к указанному результату. Берлин и Прага оказались промежуточными станциями.

сотрудницей вместе с другими. Она не только им не помогала, но всячески их подрывала, даже когда как будто хвалила; не хотела делиться с другими ни опытом, ни связями; не хотела, чтобы другие делали то, что она <...>. Ревность к себе переходит и на самое дело. Ей неприятны успехи других на том же поприще <...> к ее отзывам о других нужно относиться с большой осторожностью; она может быть и постоянно бывает очень несправедлива, пристрастна, злопамятна <...>. Д<олгополов> – гораздо менее сложная фигура, чем З<ёрнова>. Он не ставит загадки, почему молодая, страстная женщина отказалась от личной жизни и вся ушла в общественную работу, внося туда все, что ей не хватает. Д<олгополов> – обыкновенный средний человек, он насквозь общественный в старом и хорошем смысле этого слова <...>. Делу он отдан без малейшего личного элемента; в его столкновении с Кр<овопусковым> в Координационном комитете он повинен лишь в том, что не хотел сам ставить личных вопросов, готовить почву, подготовить выборы, <дал> себя обойти и потом обиделся, и не за себя, за общее дело <...> он был создан для вторых ролей, не для первой <...>. З<ёрнова> талантливее и, м<ожет> б<ыть>, умнее, а Д<олгополов> гораздо надежнее» [469-3, с. 520-522].

[19] По сути (но не по форме) аполитичен даже знаменитый визит Маклакова к советскому послу А.Е.Богомолову 12 февраля 1945 г., – попытка примирения с сохранением своих позиций, – то, что позднее и для других ситуаций назовут «мирным сосуществованием». В идеале последнее подразумевает, что сосуществующие стороны не касаются политических взглядов и пристрастий друг друга, осуществляя контакты на основе экономических, культурных и гуманитарных интересов друг друга. В этом отличие визита Маклакова в посольство от визита Бунина туда же через 10 месяцев, хотя Маклаков формального политического характера визита и не скрывал, а Бунин безуспешно доказывал, что в его встрече с послом никакой политики не было. Именно потому попытка Маклакова и провалилась: советской стороне нужно было покаяние, о котором для него речи быть не могло. Не встань он «над схваткой», он просто не смог бы выполнять свои функции. Из малоизвестного отчета Богомолова о втором (неофициальном) визите к нему Маклакова 23 марта 1945 (упомянут в [333] в связи с отказом Маклакова получать советскую визу): «Не без юмора Маклаков отмечает, что русская эмиграция оказалась самой склочной из всех политических эмиграций в истории Европы, т.к. она явилась эмиграцией сразу двух враждебных друг другу режимов, которые были свергнуты третьим. Создались сотни карликовых организаций с вождями, платформами и т.д. С трудом разделились на "левых" и "правых". Управлять такой эмиграцией было невероятно трудно, и эмиссаром Лиги наций по делам апатридов был избран Маклаков в качестве надпартийного примирителя» [549-2, с. 581-582].

Обратим также внимание на сложившееся с конца XIX в. существование нескольких «русских Парижей», которые почти не пересекались друг с другом, отражая этно-конфессиональное, социальное, профессиональное и политико-идеологическое деление «русской» колонии[20]. Ко времени оккупации, согласно «Полицейскому отчету», сохранился почти тот же «географический» конгломерат российского социума в изгнании. Попытка воссоздания родного дома и идентификация на новой территории привели, в конечном счете, к формированию особого типа сообщества, состоявшего из «подсообществ» (русского, украинского, еврейского, кавказских и др.), сохранявших, с одной стороны, специфические национальные черты, с другой – поддерживающих определенную связь друг с другом, а, с третьей – входивших в активный контакт с французским обществом[21].

Эмиграция и оккупационные германские власти

Текст «Полицейского отчета» 1948 года и материалы комментариев с неизбежностью ставят проблему сотрудничества эмиграции

---

[20] Мысль Е.М.Макаренковой, высказанная в ее кратком варианте введения к публикации «Полицейского отчета».

[21] В отношении характера того сообщества, которое создает диаспора, первая и четвертая (послесоветская) волны российской эмиграции являются антиподами. У представителей первой имелся референтный мир – дореволюционная Россия, которую они знали и которой были преданы. Им было что воссоздавать. Так возник российский микрокосм за пределами страны. Четвертой воссоздавать было нечего. Люди уезжали не от наступающего варварства, а от той социально-культурной системы, которую знали всю свою предыдущую жизнь и которую стремились как можно быстрее забыть. Но, не имея другой, оставались, а большинство остается и до сих пор, и по менталитету, и по поведению все теми же советско-российскими гражданами. Их изменения в одежде и некоторых привычках – скорее внешняя мимикрия под то сообщество, в котором они живут. Русские за рубежом в наше время не хотят общаться с русскими. Это едва ли не единственная национальная группа, которая не создает землячеств (их лишь отдаленно напоминают еврейские общины, к которым в полуадминистративном порядке оказываются приписаны лица, выехавшие по каналам еврейской эмиграции в Германию, Швецию и некоторые др. страны). Конечно, возникают какие-то добровольные организации, объединения, что-то публикуется, кто-то где-то выступает или «выставляется», где-то открывается русский магазин или ресторан. Но нет ничего хотя бы отдаленно похожего на тот невероятный по интенсивности внутренней жизни мир, который создала первая волна, и который в разной степени был поддержан (по угасающей) второй и третьей. Из этого правила есть два исключения: США (в первую очередь, Нью-Йорк) и Израиль – места, где компактно проживают не десятки, а многие сотни тысяч российских эмигрантов (или репатриантов), и где третья волна плавно перешла в четвертую (для Израиля – в «большую алию»). Заметим, что эти цифры почти на порядок превышают численность русской колонии Парижа между войнами.

с оккупационными властями во время войны. Причем оно было отнюдь не столь редким, как иногда пытаются представить[22]. Впрочем, попытки защитить эмиграцию, максимально занизив уровень ее сотрудничества с немцами, возникли уже в 1945 г. (см. прилож. 4.1). Но тогда они объяснялись необходимостью защиты и спасения людей в послевоенной Европе, и уже в силу этого были оправданы вне зависимости от соотнесения их с реалиями. Ныне же нас интересуют собственно эти реалии при принципиальном отказе от этических оценок. Хотя полностью избежать последних, по всей видимости, невозможно, но свести к минимуму необходимо, если мы хотим получить сколько-нибудь объективные результаты.

О масштабах коллаборационизма см. в работе Ю.С. Цурганова [547], где ясно показано, что в Сопротивлении «даже те, кто принадлежал к каким-либо российским эмигрантским организациям, представляли скорее лично себя. Единственное исключение – младороссы». В отличие от них те, кто сотрудничали с немцами, «как правило, входили в какую-либо военную или политическую структуру, руководитель которой в начале войны четко обозначил <прогерманскую – *ДИГ*> позицию возглавляемого им объединения» [166, с. 147]. Другими словами, на сторону немцев вставали «полками», «станицами», «союзами», а в Сопротивление каждый шел в одиночку.[23]

---

[22] Напр., В.Костиков в трогательной попытке защитить эмиграцию от обвинений, нагроможденных в советской публицистике, или О.Будницкий в своей основательной статье «Попытка примирения» [155-1, с. 187-188; 254, с. 334].

[23] Любопытные соображения на эту тему дал В. Варшавский, глубоко знавший ту среду, о которой писал: «Легко составить реестр доводов, при помощи которых каждый объяснял сделанный им выбор. Но большей частью эти доводы разума задним числом подгонялись для обоснования уже принятого решения. Так, русские эмигранты, которые оправдывали свою любовь к Гитлеру тем, что Гитлер борется против Коминтерна, продолжали любить Гитлера и после того, как он заключил пакт со Сталиным. Любовь этих эмигрантов держалась <...> чувством глубокого соответствия, глубокой родственности всего духа национал-социализма их собственным вожделениям и идеалам. Какие бы ни заключались пакты, они "знали", что гитлеровская Германия защищает "добро" – священное национальное начало – против погубивших Россию и правящих Англией и Францией темных сил интернационального иудео-масонства. И также те, кто выбрал лагерь демократии, сделали это <...> без всяких доводов, даже вопреки доводам. В грозный и трагический час войны они почувствовали без колебаний, почувствовали инстинктом, совестью <...>, что если бы даже разговоры об английском империализме и о влиянии лондонского Сити были справедливы, мир демократий, несмотря на все его недостатки, все-таки по сравнению с тоталитарным – добрый человеческий мир, который во что бы то ни стало надо отстоять» [88, с. 308].

"COLLABORATION"
GROUPEMENT DES ENERGIES FRANÇAISES POUR L'UNITE CONTINENTALE
9, RUE DE MARIGNAN
PARIS-VIIIe
LE NUMERO : 5 FR. MAI-JUIN 1944
• RENOVATION FRANÇAISE • RECONCILIATION FRANCO-ALLEMANDE • SOLIDARITE EUROPEENNE •

Nos principes d'action

par **JEAN WEILAND**

Le 30 avril dernier se tenait à VICHY *un congrès réunissant les dirigeants de tous les Comités "Collaboration" de zone Sud, en présence des représentants de Monsieur Pierre Laval, Chef du Gouvernement ; de Messieurs Abel Bonnard, Ministre Secrétaire d'État à l'Éducation Nationale ; Maurice Gabolde, Garde des Sceaux ; Marcel Déat, Ministre Secrétaire d'État au Travail et à la Solidarité Nationale ; Philippe Henriot, Secrétaire d'État à l'Information et à la Propagande ; du Général Bridoux, Secrétaire d'État à la Défense ; de Joseph Darnand, Secrétaire Général au Maintien de l'Ordre ; de plusieurs membres de l'Ambassade d'Allemagne et du corps diplomatique. MM. Ernest Fornairon, Secrétaire Général ; Jean Weiland, Vice-Président et Directeur Général ; Jacques Schweizer, Chef des Jeunes de l'Europe Nouvelle, et de Salvagnac, Président du Comité de Toulouse, prirent successivement la parole.*

Voici le discours de M. Jean Weiland.

Excellences,

Messieurs,

S'il est un désir dont j'ai, depuis longtemps, ardemment souhaité la réalisation, c'est bien celui de voir, réunis autour de nous, ces Français courageux et dévoués qui ont accepté de représenter en zone Sud notre Groupement et d'en répandre la doctrine.

Ce jour est arrivé. Je m'en réjouis sincèrement, et je vous rends grâces, messieurs, d'avoir répondu à notre appel.

Fondé au lendemain de la défaite, autorisé au début de l'année 1941, le Groupe COLLABORATION, comme l'on disait alors, s'est rapidement et facilement développé en zone occupée.

Ce n'est que plus tard, à la suite d'une autorisation arrachée à l'amiral Darlan, qu'il a pu pénétrer en zone libre.

Mais l'existence de la ligne de démarcation, les nombreux obstacles mis à son développement par une administration rétive, la quasi-impossibilité de correspondre, de voyager, et par conséquent d'avoir des contacts directs, la conception un peu spéciale que l'on a eue longtemps, dans cette partie de la France, à l'égard des problèmes de l'heure, un certain esprit d'indépendance aussi, il faut bien le dire, tout ceci avait contribué peu à peu à donner à notre Groupement en zone Sud une physionomie assez différente de celle que nous lui avions donnée en zone Nord.

Je vais tenter, messieurs, de vous démontrer tout d'abord que nous ne pouvons avoir, au Nord comme au Midi, à l'Est comme à l'Ouest, qu'une seule et même conception lorsque nous sommes placés en face de ce dilemme : la France veut-elle mourir ou veut-elle vivre ?

Si nous sommes d'accord sur les principes, nous le serons aussi, j'en suis certain, sur les méthodes.

On a prétendu parfois que notre doctrine manquait de consistance et que nos directives étaient imprécises. Mais ceux qui nous adressent ce reproche ont-ils pris connaissance de nos statuts, de nos déclarations, lisent-ils notre Bulletin, s'inspirent-ils de nos circulaires ?

Фото 1. **Первая страница периодического издания, давшего название целому движению – коллаборационизму**

Участников Сопротивления надо отличать от тех, кто служил во французской армии (как по призыву 1939-40 гг., так и в качестве добровольцев[24]), а таковых, согласно «Полицейскому отчету» [1, л.62], насчитывалось среди эмиграции до 10 тысяч человек, в том числе около 150 офицеров[25]. Точно также не имел никаких связей с Сопротивлением советский агент С.Н. Третьяков, арестованный Гестапо в июне 1942 г. Его биографические данные, а также ряд свидетельств о его аресте приведены нами в приложении 1.1.18. Значительно менее известен подробный рассказ о событиях, опубликованный в «Новом слове» (см. прилож. 2.1.2).

Автор «Полицейского отчета» отмечает, как умело часть эмиграции использовала пребывание оккупационных войск, занималась торговыми операциями на черном рынке или поставками для немецких закупочных контор [410, с. 449]. Об этом же дважды говорит в своих мемуарах Л. Любимов[26] и дает этому явлению свои объяснения[27]. При всей

---

[24] По утверждениям ряда исследователей, добровольцев оказалось около 4 тыс. русских эмигрантов [232, с. 306].

[25] [410, с. 398, 447]. В [116] опубликованы имена 223 русских, павших на полях сражений за свободу Франции в составе французской армии. 19 биографических справок по погибшим привел В. Варшавский [88, с. 314-324]. На кладбище Сен-Женевьев-де-Буа имеется памятник (установлен А. Воронко-Гольдберг в честь ее сына и эмигрантов, павших павших в 1939-45 гг. в боях против фашизма), на котором перечислены фамилии 242 человек [129, с. 347].

[26] О нем см. [410, с. 525] и приложение 1.1.19.

[27] «Ксенофобия, в частности русофобия, разгулявшаяся во Франции во время "странной" войны, больно ушемляла русских эмигрантов, законно раздражала их, а часто и озлобляла. Между тем оккупационные власти сразу же предложили русским работу в качестве переводчиков, управляющих реквизированными помещениями, служащих по хозяйственной части, шоферов (а сколько русских шоферов бедствовало после реквизиции такси <французским правительством в 1939-40 гг. – *ДИГ*>!), поручили русским организацию военных столовых и т.д. Работа эта оплачивалась хорошо, а кроме того, ставила русских если не в привилегированное, то, во всяком случае, в особое положение, уже ничего не имевшее общего с тем, которое связывалось с кличкой "паршивого иностранца". Немецкая военная администрация широко привлекала к работе русских, как людей, знающих французский язык, французские порядки и нравы и в то же время нейтральных. Итак, русские могли тешить себя мыслью, что служат посредниками между немцами и французами, помогая последним легче переносить чужеземную власть». «Среди лиц, разбогатевших при немцах, эмигранты составляли значительный процент. Равняясь на пресловутые "двести семейств" французского правящего класса, русские острили: "У нас тоже теперь свои восемнадцать семейств". Столько примерно насчитывалось русских, вначале скромно работавших у немцев по хозяйственной части, а потом затмивших дурной роскошью многих из французских королей черного рынка. Так кое-кто из мелких эмигрантских деляг, до войны пробавлявшихся чем попало, в годы оккупации стали первыми жуирами, первыми денежными

моральной нечистоплотности автора, думаем, что фактологическую сторону вопроса он описывает в целом верно, ибо это подтверждается другими источниками. Так, о работе эмигрантов в германских учреждениях в Париже рассказывает Б. Николаевский (см. прилож. 4.1). А кто-то был информатором, выслеживал подпольщиков или евреев[28]. В целом германские власти сделали все, чтобы развить в среде эмиграции антисемитские настроения и натравить ее на участников Сопротивления (в т.ч. и русских эмигрантов), которые иначе, как бандитами не назывались. Благо не составляло большого труда представить в качестве бандитизма террор против оккупационных властей, а также убийства французов, продолжавших оставаться верными правительству Виши, или эмигрантов, не скрывавших свои прогерманские настроения (см. далее). Позднее этой «антиплутократической» пропаганде не только в эмигрантской, но и во французской среде в целом очень сильно помогали сами союзники, нещадно бомбившие французскую территорию. В результате бомбардировок Франции англо-американской авиацией за годы войны погибло не менее 180 тыс. человек[29]. Эта авиация с удовольствием разрушала промышленные центры Франции под предлогом, что они работали на Германию, но в реальности значительная часть этих бомбардировок не вызывалась стратегической необходимостью [340, с. 33].

Воззвание митрополита Серафима[30] от 22 июня 1941 г., прославлявшего «Вождя Германскаго народа, канцлера Хитлера», который «объявил крестовый поход против поработителей России», приведено в прилож. 2-І. Из текста очевидно, что достаточно большая часть эмиграции поддерживала нападение Германии на СССР, видя в этом поход против большевизма и продолжение гражданской войны. Напомним также о прогитлеровской позиции Мережковского [122].

магнатами, в огромных роскошных квартирах пропивавшими, не считая, все, что могли, при помощи целой ватаги своих же русских "верноподданных". Ясно, что и сами эти господа и к ним примазавшиеся соотечественники с тоской и тревогой следили за освободительным шествием Советской Армии» [285, с. 324-325, 331].

[28] Нам известен случай, когда книготорговец-эмигрант донес немцам на своего конкурента – владельца «Дома книги» М.Каплана, что тот является евреем [139, с. 22-24]. По просьбе детей Каплана мы не называем имя доносчика, ибо до сих пор существует лавка его потомков, которые ни в чем не виноваты.

[29] [333, с. 110, 122] со ссылками: *L'Humanité*, 6.1.1951 г.; *France d'abord*, 29.3.1951 г.

[30] См. о нем [410, с. 564] и приложение 1.І.20.

ВОЗЗВАНІЕ.

Вѣрные сыны Россіи.

Пробилъ часъ освобожденія нашей многострадальной, дорогой Родины отъ власти богоборцевъ.

Вождь Германскаго народа, канцлеръ Хитлеръ объявилъ крестовый походъ противъ поработителей Россіи. Началась страшная, рѣшительная борьба съ красными дьяволами. Открылась священная война со злѣйшими врагами Русского народа и всего человѣчества. За вождемъ Германскаго народа пошли въ бой съ міровыми злодѣями многіе народы Европы. Россія наканунѣ освобожденія и возвращенія къ новой лучшей жизни, къ свѣту, къ славѣ, къ величію.

Да будетъ благословенъ день и часъ, когда началась великая, славная война съ III интернаціоналомъ.

Да благословитъ Всевышній великаго Вождя Германскаго народа, поднявшаго мечъ на враговъ Самого Бога.

Да погибнетъ дьявольская шайка злодѣевъ, распявшая Россію.

Да исчезнутъ съ лица земли масонская звѣзда, серпъ и молотъ.

Да возсіяетъ на родной Землѣ и по всей Вселенной Крестъ Христовъ.

Да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги Его.

Именемъ Божіимъ, Крестомъ Христовымъ благословляю всѣхъ борцовъ за освобожденіе Россіи, за ея грядущую славу и величіе.

Съ нами Богъ!

Призываю всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи на великій, славный, ратный подвигъ за вѣру, Родину, за Святую Русь, за Домъ Богородицы, за нашъ Священный Кремль въ Москвѣ, за русскихъ Угодниковъ.

Встанемъ всѣ дружно, какъ одинъ человѣкъ на честный, ратный бой съ красными діаволами. Прекратимъ всѣ наши распри и раздоры. Объединимся всѣ въ священной борьбѣ за правду Божію, за спасеніе Родины, за благо человѣчества.

Прочь колебанія, сомнѣнія, трусость. «Дерзайте, дерзайте люди Божіи, ибо Богъ побѣдитъ враговъ, такъ какъ Онъ всесиленъ».

Святой Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій, Великій Князь Димитрій Донской, Святѣйшій Патріархъ Гермогенъ и всѣ наши Угодники и молитвенники за Русскую Землю да благословятъ нашу священную войну съ слугами сатаны.

Да здравствуетъ Великая Національная Россія.

Митрополитъ СЕРАФИМЪ.

22 іюня — День всѣхъ Святыхъ, въ Землѣ Русской просіявшихъ. 1941 года. ПАРИЖЪ.

AUFRUF

Treue Söhne Russlands,

Die Stunde hat geschlagen wo unser teures, schwer heimgesuchtes Vaterland von der Macht der Gottesfeinde befreit werden wird.

Der Führer des deutchen Volkes Reichskazler Hitler, hat einen Kreuzzug erklärt gegen die Versklaver Russlands. Der schreckliche entscheidende Kampf gegen die roten Teufel hat angefangen. Der heilige Krieg gegen die schlimmsten Feinde des russichen Volkes und der gesamten Menschheit ist im Gange. Viele Nationen Europas sind dem Führer des deutschen Volkes in seinem Kampf gegen die Weltbösewichte gefolgt. Russland steht am Vorabend seiner Befreiung, seiner Rückkehr zu einem neueren und besseren Leben, zum Licht und Ruhm.

Der Tag und die Stunde sollen gesegnet sein, wo der glorreiche Krieg gegen die dritte Internationale angefangen hat.

Möge der Allerhöchste den grossen Führer des deutchen Volkes segnen der das Schwert gegen Feinde Gottes gezogen hat.

Die teuflische Rotte der Bösewichte, die Russland ans Kreuz geschlagen hat soll untergehen der Freimaurerstern, die Sichel und der Hammer sollen vom Antlitz der Erde verschwinden.

Es möge das Kreuz Christi in unserem Vaterland sowie in der gansen Welt erglänzen.

Gott soll auferstehen und seine Feinde sollen zugrunde gehen Im Namen Gottes segne ich mit dem Kreuze Christi alle Kämpfer für die Befreiung, den Kunftigen Ruhm und die Künftige Grösse Russlands.

Gott mit uns!

Ich rufe alle treuen Söhne Russlands zu grossen und ruhmreichen Kriegstaten für den Glauben das Vaterland, das heilige Russland, das Haus der Mutter Gottes, für unseren heiligen Moskauer Kreml und für russische Heilige.

Raffen wir uns alle einmütig auf zu einem ehrlichen Kampf gegen den roten Teufel. Vergessen wir alle unseren Zwistigkeiten und linigen wir uns in diesem heiligen Kampf für die Wahrheit Gottes, die Rettung unseres Vaterlandes und das Wohl der Menschheit.

Фото 2. Воззвание митрополита Серафима (листовки на русском и немецком языках) 22.06.1941 в поддержку «Хитлера», напавшего на СССР

Ю. Жеребков рассказывал В.Штрик-Штрикфельдту, что он вместе с генералом Н.Н. Головиным зарегистрировал в Париже более 1 500 белых офицеров, высказавших желание воевать против большевизма. Из них вначале немцы набрали около 200, дали им особую форму и отправили на Восточный фронт, где часть погибла, часть получила ранения и многие – награды. Однако через несколько месяцев их отозвали в Германию, запретили носить форму, раненых и инвалидов предоставили собственной судьбе[31]. В целом при полной незаинтересованности самого Гитлера в использовании российской эмиграции количество желающих принять участие в военных действиях на стороне

[31] [567, с. 58-59; 129, с. 202]. В [603, с. 188], где пересказана немецкая версия книги Штрик-Штрикфельдта, говорится, что немцы использовали 300 русских офицеров-эмигрантов.

Германии было столь велико, что *Управление делами русской эмиграции* (УДРЭ)[32] во Франции было вынуждено остужать этот пыл. Впрочем, старых эмигрантов использовали в качестве переводчиков на оккупированных («освобожденных») территориях. Допускаем, что в этой группе превалировали бывшие российские немцы.

Фото 3. Пропагандистские брошюры
Добровольческого французского легиона против большевизма

Прогерманские настроения были характерны для части российской эмиграции по всей Европе. Приведем лишь один пример: в июле 1941 г. на базе Болгарского отдела НОРР, чьи организации были закрыты, возник прогитлеровский Петровский союз, который стал основой Всероссийского Петровского движения во главе с Богдановичем,

---

[32] См. [410, с. 462-463] и приложение 1.1.21. Об управлениях украинской и кавказской эмиграцией во Франции, а также об аналогичных управлениях в Бельгии, см. [410, с. 468-469] и приложение 1.1.22.

будущим редактором «Парижского вестника». «Петровцы» рассматривали войну как освободительную для русского народа, а Гитлера – как борца против коммунизма и призывали содействовать германским властям как в эмиграции, так и на оккупированных территориях России [350, с. 43-53].

Современному читателю, который торопится давать этические оценки событиям, надо хорошо представлять, что в это время во Франции о зверствах нацистов на восточных территориях еще не было известно ничего, а вот о зверствах большевиков – очень много. И речь идет не только о Гражданской войне или о сталинских лагерях – от ужасов первой эмигранты и бежали во Францию и в другие страны, а о втором стало известно еще 30-е гг. Но во время войны немцы на советских территориях стали раскрывать массовые захоронения – «гекатомбы» – в Катыни, в Виннице, под Одессой. Становились известны злодеяния НКВД в Прибалтике и Бессарабии перед войной, во временно освобожденных от немцев и бравшихся ими опять городах – Ростове-на-Дону, Харькове, или при отступлении из них, на освобожденных территориях – в Чернигове, на Кубани, на Кавказе, а также факты уничтожения собственных тяжелораненых при отступлении и военнопленных времен финской войны. Журналистам предоставлялась возможность осмотреть и сфотографировать эти результаты работы советских органов. Информацией о них была полна европейская пресса, выпускалось множество плакатов, брошюр и летучих листков с фотографиями лежащих рядами трупов и эксгумированных могил.[33] Даже если делать скидку на пропагандистские ухищрения и на какой-то процент дезинформации, итоги все равно оказываются впечатляющими. А потому врагами европейской цивилизации и России в эмигрантской среде (как и в значительной массе французского населения, пока его самого не коснулись репрессии оккупационных властей) воспринимались отнюдь не нацисты, а именно большевики[34].

[33] Например, [60; 72; 84; 96; 103; 147; 169; 175; 181; 186: 187; 188; 189; 190; 272; 337; 338; 346; 353; 392; 405; 406; 425; 472; 489; 502; 514; 524; 526; 592; 602; 676; и мн. др.].

[34] Характерный, еще довоенный, пример: в марте 1936 г. была опубликована статья Шамбы Балинова «Русское “оборончество” и казачье “пораженчество”» [43], где автор дает довольно трезвую оценку просоветского движения *Оборонцев* в контексте советской политики и мнимости эволюции сталинского режима, и там же демонстрирует полное непонимание сути гитлеровского режима, ставка на который через 10 лет приведет казачество к гибели.

Фото 4. Брошюры, посвященные преступлениям большевизма

Просмотр «Парижского вестника», выходившего в годы оккупации, говорит также о достаточно активной культурной жизни эмиграции в этот период. При УДРЭ действовали отделы молодежи, спорта, воинских организаций, военно-морской, казачий, медицинско-санитарный, юридический, инженерно-технический, культурно-просветительный, торгово-промышленный, отдел литературы, журналистики и искусства (литературно-артистический); имелся свой юрисконсульт. Можно, конечно, вслед за Б.К. Зайцевым[35] клеймить парижское «Объединение русских деятелей литературы и искусства»

[35] Он же в письме к Бунину от 14.1.1945 г., защищая Берберову: «Я.Б. Полонский занимается травлей Нины Берберовой <...> он написал, что она “работала на немецкую пропаганду”!! Ты понимаешь, чем это пахнет по нынешним временам?...» [144-3, с. 107]. Немцы ушли. Гестапо исчезло. А страх – остался. Это к вопросу о послевоенном климате в освобожденной Франции.

как «Союз сургучевско-жеребковский»[36], но, тем не менее, он был и действовал, как действовали театры и спортивные залы, школы и церкви, художественные салоны и различные курсы, консерватория и Дом молодежи. Достаточно раскрыть т. 5 «Хроники научной, культурной и общественной жизни» русской эмиграции [434-5], чтобы понять: в годы оккупации ее социальная, профессиональная и культурная жизнь отнюдь не умерла, хотя и не была столь интенсивной, как в 30-е гг., да и состав действующих лиц претерпел изменения.

Отдельное внимание необходимо уделить Ю.С. Жеребкову[37] – личности, безусловно, неординарной и неоднозначной, далеко выходящей за рамки клички «фюрер русской эмиграции». С одной стороны, перед нами антисемит (что он впоследствии отрицал, описывая себя

---

[36] По имени Сургучева Ильи Дмитриевича (15/27.2.1881 г., Ставрополь – 19.11.1956 г., Париж; кл. в SGdB) – одного из организаторов этого объединения в 1940 г. (В [282, с. 374] место кончины указано как «Божон, Париж». Божон (Beaujon) – это не город, а небольшая улица в 8 округе Парижа и находящийся недалеко сквер) Писатель, очеркист, драматург, литературный критик, синолог. Окончил с отличием фак-т восточных языков (китайское отделение) Петербургского ун-та (1907 г.). После революции 1905 г. сблизился с писателями, группировавшимися вокруг книгоиздательского товарищества «Знание». В 1911 г. приезжал к М. Горькому на Капри и некоторое время жил у него. Работал в театрах: Александринском (где была поставлена его пьеса) и Малом, а также в Московском художественном. Во время Гражданской войны – в Ставрополье; затем с армией генерала П.Н. Врангеля перебрался в Крым, сотрудничал в Осведомительном агенстве (Осваг). В 1920 г. эвакуировался в Константинополь, в августе 1921 г. перебрался в Прагу (где участвовал в создании русской театральной труппы), в 1924 г. – в Париж. С 1925 г. постоянный сотрудник «Возрождения», где с 1930 г. вел отдел прозы и очерка; сотрудничал в журналах «Иллюстрированная Россия», «Мир и искусство», «Ухват», «Современные записки», «Жар-Птица», «Зарницы», «Русской мысли», «Литературном современнике», «Перезвонах». Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. В 1934-35 гг. – член правления Ставропольского землячества; был председателем ревизионной комиссии Земгора; с 1937 председатель правления музыкально-артистического объединения «Ассамблея». Основал в Париже «Театр без занавеса» (1942-44 гг.); пробовал себя как режиссер и артист. В годы оккупации Парижа немцами печатал в «Парижском вестнике» и «Новом слове» статьи прогерманского и антисемитского характера ([495] и др.), за которые в октябре 1945 г. парижским судом был приговорен к 6 месяцам тюремного заключения. С 1955 г. – литературный советник журнала «Возрождение». Печатался в газете «Русское воскресенье», «Грани». Библиофил; обладал коллекцией антиквариата, икон. Автор нескольких книг; в Париже ставились его пьесы. Как сценарист, был связан с Голливудом. Пройдет чуть более полувека, и в России начнут публиковаться его произведения: газета «Правда» опубликует фрагмент из его пьесы «Вождь» (о Сталине); «Роман-газета» в 1993 г. повесть – «Детство императора Николая II», которая в 1995 г. выйдет уже в книжном формате, и др. [104, с. 538; 282-1, с. 374-377; 327-6-2, с. 258-259; 414-3, с. 243-244; 434-IV, VIII; 494; 493; 624, с. 372].

[37] См. [410, с. 463-466] и приложение 1 I.23.

лишь как русского патриота), содействовавший, уже в силу своего поста, депортации российских евреев. А с другой – человек, вытягивавший из германских лагерей эмигрантов [359; 360], сражавшихся в рядах французской армии в 1939-40 гг. и попавших в плен, сделавший все от него зависящее, чтобы убедить союзников не выдавать Сталину власовцев и бойцов восточных батальонов, и, наконец, сумевший под самым носом ФКП и НКВД или уничтожить, или вывезти из Парижа перед его освобождением регистрационную картотеку на 20 тыс. русских эмигрантов, проживавших в городе в период оккупации, и тем самым спасший этих людей[38]. Ну, так он и выжил[39], в отличие от своего коллеги из Брюсселя Ю.Л. Войцеховского[40].

---

[38] За ней во время боев в Париже, 19 августа 1944 г., шла настоящая охота, и советские партизаны вместе с бойцами СРП во главе с Шибановым рвались к зданию УДРЭ, оно же здание советского посольства, где хранилась картотека.

[39] Его «исчезновение» из поля зрения журналистов и историков после отбывания срока заключения, некоторые исследователи склонны объяснять тем, что он жил под измененным именем. Вполне возможно, хотя никакими данными на этот счет мы не владеем. Но, как нам кажется, можно объяснить, почему в тот момент, когда он захотел проявиться, статьи о нем появились именно в журнале «Зарубежье» [174; 355]. Редактором последнего с 1965 г. являлся Е.И.Мамуков (25.9.1891 г., ст. Александра Невского Терского казачьего войска – 1.2.1976 г., Мюнхен), который до 1955 г. был одним из руководителей НТС, а в 1944 г., после того как Гестапо арестовало руководство Союза, возглавил его центр [42, с. 89; 344, с. 25-27]. Он мог знать Жеребкова по его работе в КОНР.

[40] Войцеховский Юрий Львович (6.11.1900 г., Польша? – 1.9.1944 г., Брюссель), брат известного эмигрантского деятеля, писателя и публициста, председателя Русского комитета в Польше, Сергея Львовича Войцеховского (4.3.1900 г., Варшава – 21.1.1984 г., Толстовская ферма, США). Если в датах их рождения нет ошибок [424, с. 104, 452, 459], то они братья, скорее, единокровные. По утверждению Н. Толстого, Сергей Львович Войцеховский (а, значит, и Юрий) был двоюродным братом генерала Сергея Николаевича Войцеховского (16.10.1883 г., Витебск – 7.4.1951 г., лагерь под Тайшетом), возглавившего последнюю попытку белых спасти Колчака от выдачи ([512, гл. 16; 675, с. 318]; в разных переводах имеются разночтения; см. также [129, с. 454-455]). Ю Л. Войцеховский – член антисоветской организации в Киеве; содержался в тюрьме. В эмиграции с 1921 г., в Польше. Делегат Зарубежного съезда 1926 г. Председатель Польского объединения русской национальной молодежи. 4.5.1928 совершил в Варшаве покушение на советского торгпреда Лизарева и в 1928-33 гг. был в заключении. Управляющий Русским комитетом самопомощи в Бельгии, затем начальник УДРЭ там же. Известно, что находился в очень сложных отношениях с проживавшими в Брюсселе начальником РОВС генералом А.П. Архангельским, генералом П.А. Кусонским, главой русской эмигрантской колонии в Брюсселе Б.Е. Гартманом и др. Они Войцеховского иначе как «шуцманом» (полицейским) не называли. Последний спровоцировал арест Гестапо Кусонского и ряда других офицеров. Архангельский в письме к А.А. фон Лампе 19.8.1941 г., объясняя этот арест и давая характеристику Войцеховскому: «Это или сведение личных счетов, или страх, что его "авторитет" может быть подорван. Морального авторитета у него в нашей колонии нет никакого, есть авторитет "шуцмана", за коим стоит сила германской власти». [129, с. 166; 301, с. 83-85; 327-1,

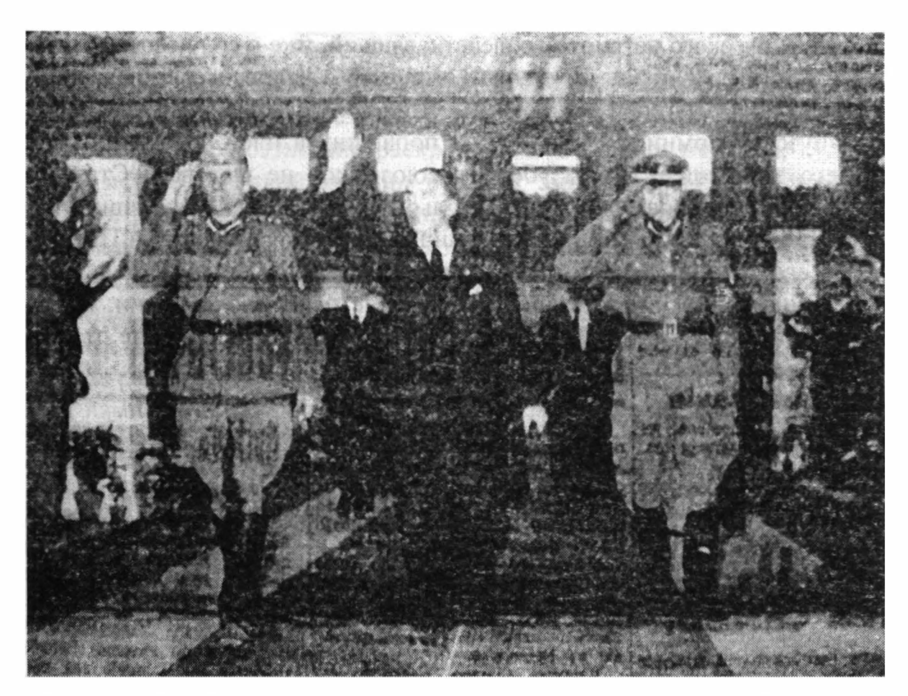

Фото 5. «Ю.Л. Войцеховский, капитан Белов (справа) и поручик Давиденков (слева)» (*Парижский вестник*. № 56. 10.7.1943. С.2). (Большое антикоммунистическое собрание в Брюсселе)

с. 602; 424, с. 104, 459]. Его брат, С.Л. Войцеховский, приезжал в Брюссель на «Антибольшевистскую манифестацию» на рубеже июля и июня 1943 г. [362]. В. Варшавский о Павле Зиссермане, цитируя заметку из «Вестника русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции» (дело происходит в Бельгии): «22 июня 1941 года Зиссерман был арестован немцами в числе многих других русских людей, и попал в концлагерь в г. Малинь – это, как во Франции, Компьенский лагерь для русских. “Фюрер” русской эмиграции в Брюсселе, г. Войцеховский, был служака усердный, мстительный и злобный; он постарался создать в малиньском лагере мрачные условия для заключенных, так, чтобы он ничем не отличался от “настоящего” примерного концлагеря в самом Рейхе. Тут было все, что нужно для издевательства: ежедневные избиения, голод, гнусные “капо”, – и немцы, и уголовные, – ежеминутно преследовавшие людей» [88, с. 363]. Умер Ю.Л. Войцеховский отнюдь не в Польше, как указано в [424, с. 459]. По словам Любимова, он «проявил себя подлинным гестаповцем, сажавшим по своей инициативе русских в тюрьму» [285, с. 332], за что и поплатился при освобождении Брюсселя. «Войцеховский, бывший русский студент Лувенского университета <...> был убит неизвестным лицом у выхода из своей кацелярии, когда собирался бежать в Германию с последними частями немецкой армии, покидавшими Брюссель в начале сентября 1944 г.» ([119, с. 300-301]. В [285, с. 332]: «убитый перед самым уходом гитлеровцев, кажется, советским военнопленным». В [88, с. 363]: «впоследствии убитый резистантами».

Мы думаем, что период жизни русской эмиграции во Франции с июня 1940 г. по август 1944 г. требует отдельного фундаментального исследования. Он не сводим ни к Сопротивлению, ни к коллаборационизму, хотя даже само имя – «La Résistance» = «Сопротивление», ставшее именем всего европейского антигитлеровского движения, дали российские эмигранты во Франции (Б. Вильде)[41], как, собственно, и гимн этого движения, «Chant des partisans» («Песня партизан»), созданный в 1942-43 гг. в Лондоне сторонниками генерала де Голля – танцовщицей, гитаристкой и певицей, Анной Марли, знаменитым французским писателем, будущим академиком, Жозефом Кесселем, и тогда еще очень молодым Морисом Дрюоном, тоже будущим академиком и автором «Проклятых королей».

Анна Марли, «трубадур Сопротивления», эмигрировала из России с матерью в начале 20-х гг. Ее отец был расстрелян в первые дни революции. Иосиф Самуилович (Жозеф-Эли) Кессель, «французский Киплинг», был сыном российских евреев, эмигрировавших в Аргентину. Детство провел в Оренбурге, с 10 лет – во Франции. В составе французского экспедиционного корпуса участвовал в Гражданской войне. Затем стал писателем русского изгнания. Ну, а М. Дрюон – его родной племянник, представляющий второе поколение русско-еврейской, еще дореволюционной эмиграции[42].

---

[41] Если быть точным, то слово «la résistance» прозвучало уже в первых двух речах де Голля по радио из Лондона, 18 и 19 июня 1940 г. Но они были обращены, в первую очередь, к довольно узкой военной аудитории, и речь шла о военном сопротивлении Французской империи, несмотря на потерю территории метрополии. Таким образом, значение слова было совсем иным и отнюдь не подразумевало антигерманских движений на оккупированных территориях [315, с. 144; 550, с. 171-172; 617, с. 11-12; 637, с. 9-10]. Но эти слова услышал и подхватил русский эмигрант Борис Вильде (8.7.1908 г., СПб. – 23.2.1942 г., Париж), который с 15 декабря 1940 г. по март 1941 г. в подвале Музея человека в Париже выпускал газету «Résistance». Он сам дал название и написал передовицу. Всего вышло 5 номеров, но именно от них и пошло имя всего движения, а слово приобрело новый, ранее неизвестный смысл – «résistance» превратился в «Résistance» – тот смысл, за который сам Вильде заплатил жизнью [88, с. 329-343; 108; 391, с. 261-264; 232, с. 310-311; 263; 314; 478; 550, с. 180-181].

[42] Анна (а не «Ален», как в [243, с. 605]) Марли (Anna Marly, урожд. Бетулинская = Betoulinsky; 30.10.1917 г., СПб. – 15.2.2006 г., Аляска), в марте 1941 г. эмигрировала через Испанию и Португалию в Англию, где присоединилась к «Свободной Франции». В 1942 г. написала музыку и русские слова «Песни партизан». Ж. Кессель (Joseph Kessel; 10.2.1898-23.7.1979 г.) стал членом Французской академии в 1962 г., М.Дрюон (Maurice Druon; р. 23.4.1918 г., Париж) – в 1966 г. М. Дрюон – сын актера Лазаря Кесселя (младшего брата Жозефа), покончившего жизнь самоубийством в возрасте 21 года, когда Морису было всего 2 года; принял фамилию отчима (возможно, чтобы отличаться от своего знаменитого дядюшки). Участвовал в борьбе с фашизмом с 1940 г. В Англию к де Голлю оба перебрались в 1942 г. В 1943 г. на музыку Анны Марли написали французский текст «Песни партизан», который и стал «Марсельезой Сопротивления» [58-8, с. 515; 141; 162; 232, с. 312; 243, с. 605, 614-615; 326, с. 13, 22; 603, с. 166; 645; Интернет].

Были российские эмигранты и в войсках «Свободной Франции». Достаточно сказать, что «десятым добровольцем, записавшимся в Лондоне 18-го июня, в день призыва генерала де Голля – был русский: Н.В. Вырубов, геройски проделавший впоследствии все кампании войск Свободной Франции» [88, с. 327-328]. Подозреваем, что десятым, а не первым князь Вырубов оказался лишь потому, что, по всей видимости, должен был ехать в Лондон из Оксфорда, где был студентом [232, с. 317].

По вполне справедливому утверждению Варшавского, «в 1941 году, когда Сопротивление было еще в самом зачатке и когда внутри страны еще не было партизанских отрядов <в чем автор ошибается: их было мало, но они были – *ДИГ*>, в рядах Войск Свободной Франции уже бились и умирали русские люди» [88, с. 327].

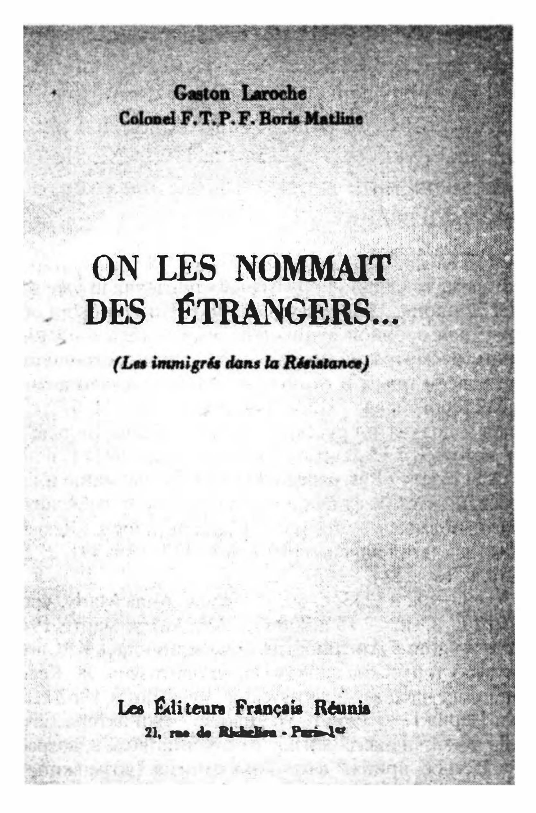

Фото 6. Обложка книги Гастона Лароша
«Их называли иностранцами: Иммигранты в Сопротивлении» (Paris, 1965)

Назовем также единственного человека, прозванного «легендарным героем» – подполковника кн. Дмитрия Георгиевича Амилахвари (1906-1942 гг.), начальника полубригады Иностранного легиона, кавалера Креста Освобождения, погибшего в Северной Африке при Эль-Аламейне. Однажды хитростью он сумел завладеть несколькими итальянскими кораблями, стоявшими на рейде в Массауа. По свидетельству других эмигрантов, В. Алексинского и В. Варшавского, в деголлевских частях возник настоящий культ памяти этого офицера. В 1956 г. выпуску Сен-Сирской военной школы было присвоено его имя. Впрочем, его брат, кн. Константин Георгиевич Амилахвари (1901-1943 гг.), также служивший в Иностранном легионе, вступил во Французский добровольческий легион против большевизма, воевал на Восточном фронте на стороне Германии и за героизм был награжден немецким Железным крестом[43].

И, тем не менее, за исключением евреев и представителей левого политического лагеря, вынужденных эмигрировать или уйти в подполье, российская эмиграция и под оккупационным режимом, и на территории Виши жила относительно спокойно (как, впрочем, и сами французы)[44]. Что, в конечном счете, логично: эти люди бежали именно от того режима, с которым, начиная с 1941 г., воевала Германия. В результате ФКП, за 3-4 года до того сама искавшая пути к сотрудничеству с немцами[45], в ходе Освобождения и сразу после него, т.е. с августа-сентября 1944 г., смогла начать кампанию травли русской эмиграции[46], от которой последнюю спасло... советское полпредство во Франции.

---

[43] Об том сюжете, как и о русских мигрантах в частях союзников во время действий в Северной Африке, а также литературу по вопросу, см. в [48; 88, с. 328; 232, с. 317; 414-1, с. 50]; имена погибших – в [88, с. 314-324; 116].

[44] Поразительная выставка фотографий «Париж под Оккупацией» («Paris sous l'Occupation») весной и летом 2008 г. была открыта в Исторической библиотеке города Парижа (Bibliothèque historique de la Ville de Paris). При ее осмотре у авторов этих строк постоянно вставал вопрос: «Господа, а была ли у вас война?». Может быть и не совсем справедливый, но вставал. Полемическая рецензия на выставку: [604]. О Франции и Париже под оккупацией: [585].

[45] О «смутном периоде» в жизни ФКП с сентября 1939 г. по июнь 1940 г., и уж о совсем «темном» – с июня 1940 г. по июнь 1941 г. работ довольно много – и научных, и публицистических, и художественных. См., например, [239; 384, с. 235-264; 666, с. 485-532; 667, с. 243-257] и мн. др.

[46] Во Франции в этот период было зарегистрировано 9 тыс. самосудов, которые осуществили бойцы Сопротивления [550, с. 213]. Сколько из них коснулось российской эмиграции, мы не знаем, но сколько-то коснулось. Непризнание (вплоть до последнего десятилетия) французскими левыми, и особенно ФКП, этой эмиграции, и усилия, которые они предпринимали, чтобы не допустить сохранения исторической памяти, достойны

Восточные (добровольческие) батальоны

Они имели множество названий – «Восточные батальоны», легионеры, «батальоны РОА» или просто «РОА» (Русская освободительная армия), «Ост-батальоны» = «Ostbataillone», «Осттруппен» = «Osttruppen», «Добровольческие восточные части», «Батальоны Добровольческих частей с Востока», «восточные добровольцы», «четвертые батальоны», были среди них также «Festung Bataillone» («Крепостные батальоны») и «Baubataillone» (рабочие или строительные батальоны) и др. Все эти имена фигурировали в разные периоды, в разных источниках и для разных подразделений, или ими пользовались различные стороны и военно-административные структуры, и все они подходят, кроме одного, которое упорно и совершенно необоснованно звучало в советских, а, отчасти, и в западных публикациях, а оттуда перешло в постсоветские: «власовцы»[47]. Эти люди к А.А. Власову не имели никакого отношения, хотя авторитет генерала был среди них чрезвычайно высок, и они мечтали стать частью его армии. Однако не он их формировал, не он ими командовал, не он их перебрасывал на Запад. Все, что Власов смог сделать, – это направить в добровольческие части офицеров-наблюдателей и пропагандистов, дав наиболее проверенным из них тайное задание брать на заметку тех, кто в качестве полицейских или карателей совершал преступления в России и просто скрывался в добровольческих частях [445, с. 165].

лучшего применения. Два примера с разницей в 7 десятилетий. Пример первый, 1932 года: после убийства президента Думера эмигрантом Горгуловым: «В связи с делом Горгулова "Юманите" развернула борьбу за изгнание с французской земли контрреволюционной белой эмиграции» [64, с. 174]. Пример второй, 1999-2000 гг.: муниципалитет Сент-Женевьев-де-Буа, которым много лет заправляли левые, делал все возможное, чтобы помешать захоронениям русских на местном кладбище и не допустить его перехода на статус мемориала (см. [484]; последствия этой политики особенно почувствовались после урагана конца 1999 г., когда было повреждено около 300 могил [86]). Ну, а в 2000 г. местная администрация запрещала выставить деревянный крест на русском военном кладбище в Мурмелоне (Mourmelon) [431].

[47] Во Франции также сражались несколько «восточных» подразделений СС: 30-й (русский) дивизион Waffen SS, 14-й «галицийский» дивизион («galicienne n°1» и «russe n°2») и 3-й украинский батальон [603], не имевшие никакого отношения ни к Вермахту с его Восточными батальонами, ни к Власову, и действовало подразделение очень пестрого состава – *Ostlegion* со штаб-квартирой в Лионе, в котором служили, в основном, бывшие красноармейцы, а также, по-видимому, «остовцы» и который боролся с партизанами (maquis) [603, с. 114-115].

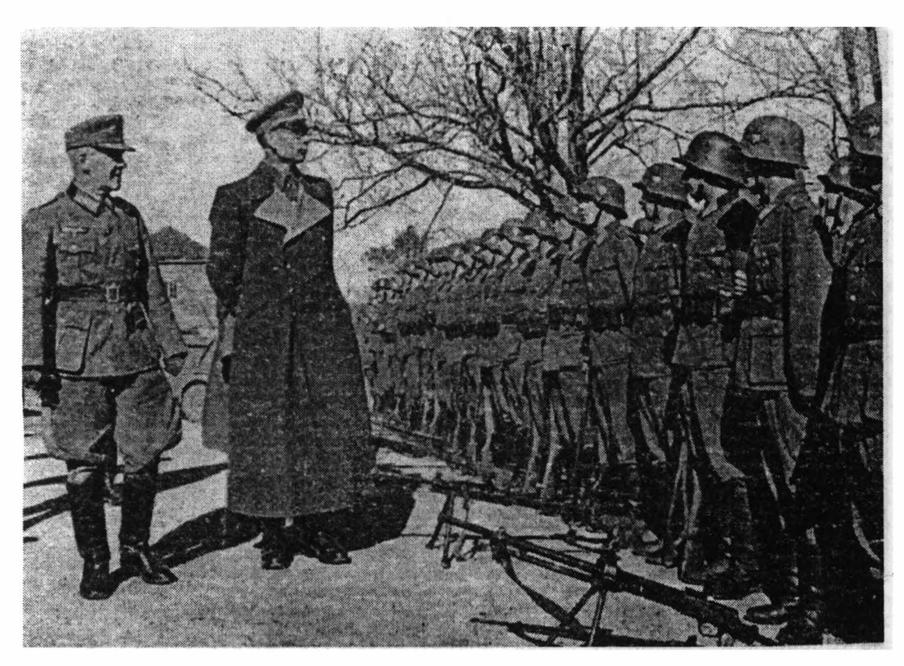

Фото 7. «Генерал А.А. Власов производит смотр русским добровольцам, сражающимся в рядах Германской армии»
(*Парижский вестник.* № 55. 3.7.1943. С. 1)

В литературе часто встречаются описания того, как бойцы восточных подразделений массами переходили на сторону партизан, или что они были мало боеспособны[48]. Это было. Но было и другое – воинская доблесть и героизм. В приложении 3 мы приводим некоторые публикации из эмигрантской русскоязычной прессы за июнь-август 1944 г., описывающие поведение этих батальонов во Франции во время высадки союзников и, для сравнения, в Италии. У них есть одна особенность: очень редко называются фамилии (что иногда даже оговаривается), ибо у многих бойцов в СССР остались семьи.

---

[48] [73; 345, с. 422-423; 391, с. 124-126; 603; 641, с. 249-264; и др.]. Н.Д. Толстой приводит любопытные цифры на основе британских документов: «Французская 1-я армия и силы сопротивления взяли в плен около 15 тысяч русских, служивших в немецкой армии; еще 20 456 человек перебежали к французам, из них 8 тысяч присоединились к Свободной Франции и участвовали в боях на стороне союзников» [512, гл. 16; 675, с. 305].

Фото 8. Французы из частей СС и вермахта перед расстрелом французами из «Свободной Франции». Слева направо: оберштурмфюрер Сергей Кротов (Serge Krotoff) (сын русского моряка, эмигрировавшего из России после революции), лейтенант легиона LVF Поль Бриффо (Paul Briffaut) (на переднем плане, в форме вермахта) и оберштурмфюрер Робер(т) Доффа (Robert Doffat) [217а]

Можно, конечно, сомневаться в объективности газетных репортажей с прогерманской стороны. Но вот свидетельство командовавшего 7-й американской армией генерала Пэтча, касающееся поведения этих людей во время высадки союзников во Франции: «многие русские действительно ожесточенно сражались на немецкой стороне, против нас»[49].

---

[49] [567, с. 389]. Впрочем, и у французских добровольцев (в сумме – около 20 тыс. человек), сражавшихся на стороне Германии (заметим, с согласия законного правительства Виши), была та же картина: кто-то складывал оружие, а кто-то сражался до последнего. Оказались среди них и русские эмигранты. Так, «около 500 уцелевших в боях французских добровольцев из дивизии "Шарлемань" приняли участие в защите рейхстага на заключительном этапе битвы за Берлин в апреле-мае 1945 года. С ними столкнулись советские войска при штурме Берлина». И далее: «29 апреля 1945 г. на площади Гендарменмаркт в пылающем Берлине встретил свою смерть штандартен-юнкер дивизии СС "Шарлемань" Сергей Протопопов (внук царского министра, расстрелянного большевиками), успевший перед гибелью сбить из пулемета "МГ-42" советский самолет-разведчик». И далее: «8 мая 1945 года, уже после подписания акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, в районе немецкого курортного городка Бад-Рейхенгалль, были без суда и следствия, по приказу французского генерала Леклерка, командира 2-й танковой дивизии "Сражающейся Франции", расстреляны 13 французских добровольцев из состава дивизии СС

"Шарлемань". Французские волонтеры СС (в том числе – русский белоэмигрант), сражавшиеся только на Восточном фронте и не пролившие ни капли крови своих французских сограждан, сложив оружие в день капитуляции, сдались американцам, но были переданы американцами подтянувшейся дивизии Леклерка. Генерал Леклерк, опираясь на палку, прошелся перед строем французских зеленых эсэсовцев, после чего спросил одного из них: «А почему это на вас немецкие мундиры?». Ответ военнопленного ни в чем не уступал вопросу: «Мой генерал, а почему это на Вас американский мундир»? <...> генерал немедленно приказал расстрелять не только дерзкого пленника, но и 12 его товарищей по оружию. Тела расстрелянных пролежали на месте экзекуции не погребенными в течение трех дней. Французские добровольцы были последними, кто защищал бункер бесноватого фюрера. Почти все были уничтожены» [532а]. А вот некоторое уточнение: «12 немецких военнослужащих-французов были казнены солдатами «Свободной Франции». 11 из них были из 33-й пехотной дивизии СС «Шарлемань» (1-й Французской) (33.Waffen-Gren.Div. der SS «Charlemagne» / Franzusische Nr 1) и один (Поль Бриффо) – из 638-го французского пехотного полка (немецкое название) или Легиона французских добровольцев против большевизма (Légion des Volontaires Français contre le Bolchévisme, LVF). Они долечивались в немецком госпитале, когда в начале мая 1945 года его заняли американцы. Пациентов госпиталя разместили вместе с другими пленными во временном лагере в казармах альпийских стрелков в городе Бад-Райхенхалль. Прошел слух, что американцы передают город французским частям генерала Леклерка, и эти 12 людей попытались скрыться, но были задержаны патрулями и переданы французам. Они оказались в руках солдат 2-й бронетанковой дивизии «Свободной Франции». Пленные держались с достоинством и даже вызывающе. Когда командир дивизии генерал Леклерк назвал их предателями и заявил: «Как вы, французы, могли носить чужую форму?» один из них ответил: «Вы сами носите чужую форму – американскую!» (дивизия была экипирована американцами). Говорят, это разозлило Леклерка, и он приказал расстрелять пленных. 8 мая 1945 года этих 12 пленных казнили. Тела бросили на месте и только через три дня их похоронили американцы». Из этих 12-ти «Поль Бриффо и Робер Доффа в ноябре, Сергей Кротов в декабре 1947 г., и Раймон Пайрас (еще один из расстрелянных) в 1950 г. были заочно осуждены и приговорены Судом департамента Сена к расстрелу за измену Родине» [217а]. Почему-то кажется, что Леклерку ответил либо француз без головного убора, стоящий перед ним, и чьего имени мы не знаем, либо Робер Доффа (третий слева на другой фотографии) – слишком прямо и с достоинством держатся эти два офицера. Оставим без других комментариев рассказы о бессудном расстреле генералом Леклерком военнопленных, в том числе и русского эмигранта, но остановимся на двух именах. Как утверждается в [217а], С. Кротов – сын русского моряка, эмигрировавшего из России после революции. Единственный моряк с такой фамилией, которого нам удалось найти, это Владимир Юрьевич Кротов (10.4.1904-28.10.1973, Париж?; кл. в SGdB), гардемарин, первопоходник (мальчишкой участвовал в « Ледяном походе» Добровольческой армии); в июле 1923 г. окончил Морской корпус в Бизерте [296, с. 79; 624, с. 201]. Не отец ли это Сергея Кротова? По возрасту вполне мог. Обратимся теперь к Сергею Протопопову. Последнего министра внутренних дел Российской Империи, о котором идет речь, звали Александр Дмитриевич (1866-1918). В Ницце, на кладбище Кокад, похоронен дипломат князь Протопопов (Протопопов-Ухтомский) Евгений Сергеевич (12.07.1875, Рига – 5.01.1944, Канны). И, по-видимому, около его захоронения, имеется памятная доска его сыну, Сергею Евгеньевичу (23.09.1923, Ницца – 1944), солдату французской армии. «Во время Второй мировой войны участвовал в боевых действиях. Пропал без вести». [414-2, с. 543-544]. Не об одном ли и том же человеке идет речь? В какой из французских армий он воевал и на чьей стороне? Тем более, что по году своего рождения, никак не мог быть мобилизован в сентябре 1939 г. А вот года через три уйти добровольцем – вполне. Правда, внуком министра он не был, но родственником – скорее всего. Да и дата смерти ошибочна. Из-за незнания и отсутствия вестей? Или специально, чтобы можно было памятную доску безопасно поставить?

Фото 9. **Пленные французы из частей СС и вермахта перед генералом Леклерком, командиром 2-й бронетанковой дивизии «Свободной Франции». Через несколько минут он прикажет их расстрелять, обозленный дерзким и полным достоинства ответом [217а]**

Как нам кажется, уже представляемой в приложении информации достаточно, чтобы поставить под вопрос их оценку как предателей и трусов, лишь спасавших свою шкуру. Но и взгляд на их действия как на действия тех, кому нечего терять, также не верен: до ялтинских соглашений февраля 1945 г., по которым они, единственные в мире, будут лишены прав военнопленных, определяемых носимым мундиром, а не происхождением, еще далеко, и эти люди о них еще не подозревают[50].

[50] «Из объяснительных записок репатриантов явствует, что власовцы, казаки, национальные легионеры и другие "восточники", находившиеся ранее у гитлеровцев на военной или полицейской службе, в массе своей совершенно не предвидели того, что англо-американцы будут насильно передавать их советским властям. <...> Было известно о существовании в США и Великобритании законов о предоставлении убежища политическим беженцам, каковыми себя считали власовцы и им подобные» [191, с. 6-7]. SIC! Второй раз в истории западных демократий (в первый раз – в июле 1938 г., когда на Эвианской конференции 32 страны отказались принимать еврейских беженцев из Германии и Австрии) миллиону человек, бегущих от тоталитарного режима, не поверили, что они – политические беженцы. В данном случае им отказали в праве убежища только потому, что они позволили себе поднять оружие против этого режима. Утверждение, что среди них были военные преступники, в качестве оправдания массовых насильственных репатриаций не работает, ибо подозреваемые должны были быть выданы или судимы индивидуально, по представлении доказательств их личной вины. Коллективные наказания, характерные для библейских времен, были отменены, как известно, еще Новым заветом. В целом же «дух Ялты», о котором любили говорить деятели соцлагеря и все левые политики, имеет нечто общее с «духом Мюнхена»: то же умиротворение суперопасного соседа в надежде обеспечить мир, да и разменной монетой являлись те же малые народы и этносоциальные группы. Разница лишь в том, что появился опыт, и соглашение действительно позволило

мирно просуществовать до распада этого соседа, т.е. без малого – полстолетия. Предательства в Ялте были сделаны значительно тоньше, чем в Мюнхене, к ним было сложнее подкопаться юридически. Наступило III тысячелетие. Объдиненная Европа с распростертыми объятиями приняла восточноевропейские страны, когда-то отданные Сталину на заклание, причем сделала это так поспешно, что вызвала кризис внутри самого Европейского союза. А вот эмигранты той эпохи, военнопленные и те, кто с оружием в руках готов был воевать против большевизма, до сих пор находятся за пределами официального внимания и признания государствами вины перед ними. Да что там судьбы презренных «коллаборантов». Даже собственное участие в депортациях и уничтожении евреев и цыган, – т.е. в действиях, давно определенных преступными, – страны признают крайне неохотно. Так, Франция устами своего президента, Жака Ширака, признала это лишь 16 июля 1995 г. Чего не скажешь о США и Великобритании. Приведем лишь два самых вопиющих примера (они далеко не единственны).

Пример первый. 27 мая 1939 г. на лайнере «Сент-Луис» в Гавану прибыли 936 евреев, переживших ужасы погромной Хрустальной ночи. Они продали все свое имущество, чтобы оплатить проезд и кубинский сертификат (734 из них имели уже номер американской иммиграционной квоты, им нужно было дождаться очереди на иммиграцию, и сертификат позволял переждать на Кубе это время). Но уже оплаченные и выданные сертификаты тут же были аннулированы, лишь 22-м наиболее состоятельным пассажирам позволили сойти на берег. С остальными корабль вернулся в Гамбург, его пассажиров ждала смерть. Если учесть, что «Джойнт» перевел в один из гаванских банков 500 тыс. долларов на прием этих беженцев, что кубинские сертификаты были у них уже на руках (то есть, что были и деньги, и документы), и что Куба полностью была зависима от США, то становится ясно, что окончательное решение принималось не в Гаване. Ну, а что касается США, то они не предпринимали никаких действий, которые могли бы осложнить их отношения с нацистским правительством Германии (прием беженцев относился к таковым). Более того, через 5 с лишним месяцев после описанных событий, уже после начала Второй мировой войны, 4 ноября 1939 г. в Америке был принят закон о нейтралитете [242]. Ну, а сам Гитлер отнюдь не торопился обострять с ними отношения, при условии, что они не будут лезть в Европу, как то следует из интервью фюрера, данного американскому журналисту эльзасского происхождения Карлу фон Виганду 11 июня 1940 г. (т.е. за 3 дня до оккупации Парижа): «Америка – для американцев, Европа – для европейцев» [630]. И США еще долго не знали, на чью сторону встанут, во всяком случае, пока 7 декабря 1941 г. не грянул гром Пёрл-Харбора, заставивший принять окончательное решение. Пример второй. 16 декабря 1941 г. 767 румынских евреев, спасаясь от гибели, на старом, аварийном суденышке «Струма» сумели добраться до Стамбула. Шесть недель судно простояло в порту на якоре. Турки никого не выпускали на берег. Англичане отказались впустить беженцев в Палестину. По настоянию британского министра по делам колоний лорда Мойна плавучий гроб «Струма» с неработающим двигателем был отбуксирован в открытое море на расстоянии 8 км от берега и на следующий же день во время шторма затонул со всеми беженцами. Спасся лишь один опытный пловец. (Благодарим Н. Каменецкую за помощь в подборе материала).

Если учесть, что у пассажиров «Сент-Луиса» по прибытии на Кубу были аннулированы ранее полученные документы на право пребывания в этой стране, то их отправка в Гамбург против их воли принципиально не отличается от депортации (ниже, в примечаниях к главе «де Голль и уничтожение эмигрантских колоний Средиземноморья», нами описана близкая ситуация, когда во Франции в 1940 г. для облегчения депортации лишались уже полученного гражданства евреи-иммигранты). А в случае со «Струмой» мы не видим принципиальных различий между действиями британских и турецких властей, с одной стороны, и действиями большевиков, которые заполняли баржи поверившими их обещаниям бывшими белыми офицерами, и топили эти баржи в море. И вынуждены признать фантастическую гибкость позвоночников тех, кто умудрился Гитлеру сдавать евреев (и даже участвовать в уничтожении последних), а Сталину – «антисемитов» (казаков, пленных солдат Восточных батальонов и пр.).

Фото 10. Могила семейства Протопоповых на русском кладбище в Ницце (Cimetière russe de Caucade, Nice) [623а]. Где-то рядом должна находиться памятная доска С.Е. Протопопову (23.9.1923, Ницца – 29.4.1945, Берлин).

Мы глубоко убеждены, что подвиг является подвигом, а преступление – преступлением вне зависимости от того, кто их совершал – «свои» либо «чужие». Неуважение к воинской доблести, даже чужой, есть действие постыдное, лишающее человека чести, а сокрытие преступлений делает его их моральным соучастником.

Сложно сказать об этом лучше, чем сказал сам ушедший в эмиграцию М. Коряков, – «о трагедии русского солдата, защищавшего Россию и защитившего большевизм»[51]. Здесь остается лишь добавить, что на тех, кто не хотел защищать большевизм, навесили ярлыки предателей России. Так они и висят до сих пор, хотя большевизм давно умер.

Добровольческие батальоны – явление, «параллельное» власовскому движению, и они оба требуют изучения. В определенном смысле, у них разные векторы. Первые из них, как и любые национальные части, формировавшиеся германским командованием, начиная с дивизий СС, – эстонской, латышской, «Галичин» и др., – суть попытки этого командования использовать в своих целях различные национальные и антибольшевистские силы. Власовское же движение, как казачье или украинское (УПА-ОУН), – это попытки соответствующих сил использовать в своих целях германское командование. Первое удалось лишь частично, второе не удалось полностью[52].

На Западе серьезные работы о Восточных батальонах и Власовском движении появляются с 70-х гг. Собственно Франции посвящен фундаментальный труд Ж. Кудри [603]. Однако отечественные исследователи инстинктивно чувствовали, что результаты работы могут откорректировать этические оценки событий времен войны, боялись этого, и редко касались сюжета. Лишь в последнее время на эту тему стали появляться труды действительно исследовательские, а не пропагандистско-публицистические [20; 21; 132; 250; 352]. Но и по сей день они часто вертятся вокруг антитезы «герои-предатели», и в лучшем случае вопрос остается без ответа.

---

[51] [253, с. 363]. Надо отдать должное командованию Вермахта, которое, в отличие от руководства самого Третьего рейха, прекрасно понимало ситуацию. Еще 16 апреля 1943 г., после того как было создано командование восточных войск, «начальник штаба группы армий “Север” генерал Кинцель, критикуя уставы, предназначенные для этих формирований, писал командующему восточных войск генералу Гельмиху, что в них обходится главный вопрос: “что будет с их, бойцов восточных войск, родиной после войны”, поскольку совершенно неверно думать, что они «сражаются на стороне Германии из благодарности за освобождение от большевизма”. “Для бойцов восточных войск на самом деле вопрос стоит так: перейдем ли мы из большевистского рабства в рабство германское или мы боремся за свободу и независимость своей родины?”» [475].

[52] Благодарим А. Блюма, в дискусси с которым оттачивалась аргументация.

В кратком виде наши выводы сводятся к следующему:

– война 1941-45 гг., получившая название Великой отечественной, в принципе не описываема в бинарных терминах: Германия – СССР, фашизм (нацизм) – большевизм (коммунизм), капитализм – социализм, завоевание – освобождение, варварство – цивилизация, даже с поправкой на участие многочисленных союзников с обеих сторон, а, значит, и появление каких-то оттенков в этих антитезах;

– вторжение германских войск 22 июня 1941 г. на территорию своего союзника по Второй мировой войне, которая началась 1 сентября 1939 г., и в которой участвовали оба государства, спровоцировало начало новой гражданской войны на территории СССР;

– распространения этой гражданской войны старались не допустить оба основных противника, но по разным причинам: для Сталина это было смерти подобно, Гитлер же не желал признавать за антисталинскими и антибольшевистскими силами самостоятельного значения, т.е. готов был рассматривать их как покорных и низших помощников, но не как союзников;

– изменения в политике Германии произошли лишь осенью 1944 г., когда, с одной стороны, немцы себя полностью скомпрометировали, и злодеяния нацистского режима получили огласку, а с другой – уже ничего изменить было нельзя, и обе империи совместно загасили разгоравшийся огонь гражданской войны.

Произошло нечто прямо противоположное тому, что имело место в годы Первой мировой и Гражданской войн, хотя и в рамках того же самого глобального сценария: там развалились империи, победили повстанцы, и одна из их групп пожрала остальных. Здесь империи задавили повстанцев, после чего одна из них пожрала другую. Обратим внимание, что пожиратель в обоих случаях был один и тот же – большевизм.

В рамках предлагаемой модели, отходящей от бинарной формулы войны, вполне адекватно описываются явления, до сих пор не нашедшие себе места в общей картине событий. И уж, во всяком случае, изменяются стереотипы понятий предательства и чести, доблести и преступления, очищаясь от идеологической шелухи. Чтобы было понятно: даже самым убежденным противникам батьки Махно не придет в голову обвинять его в том, что он – предатель России. Сии критерии в гражданской войне принципиально иные. Ну, а единственным критерием преступления оказывается «кровь» – физическое уничтожение невооруженных лиц, которые не могут оказать сопротивления, вне зависимости от причин, обосновывающих их убийство, и от того, кто

оказывается в роли ликвидатора. Причем преступлением является как прямое участие в акциях уничтожения, так и их организация, включая подготовку их юридического или идеологического обоснования. Сюда же относится организация депортаций (в т.ч. насильственных репатриаций), если их целью является уничтожение депортируемых или даже просто возникает угроза их жизни, а также если в ходе самого перемещения происходит массовая гибель людей.

Этим сюжетам мы надеемся посвятить следующую работу, а сейчас вернемся к добровольческим батальонам во Франции.

В комментариях к «Полицейскому отчету» мы уже говорили о *Комитете антивласовского действия* – одной из загадочных структур, явно связанной и с ЦК СП, и с СРП. И указывали, что организация комитета, скорее всего, была вызвана ожесточенным сопротивлением, которое оказывали союзникам при высадке Восточные батальоны.

Допускаем, что в основе комитета лежит подразделение Союза русских патриотов (СРП) во главе с А. Кочетковым и Г. Гегелия. Кочетков изначально, с 3 октября 1943 г., был ответственным от СРП за работу с «власовцами» и за разложение РОА во Франции. При этом у него была прямая связь с ЦК ФКП, куда он писал рапорты (таковой от 4.1.1944 опубликован в [509, с. 126]). Первоначально его помощником «по агитации и пропаганде среди власовцев» был один из организаторов СРП, Сафронов (работал зимой 1944 г. в Шербуре). Его неосторожность привела к провалу СРП, видимо, в середине марта 1944 г. [345, с. 447-448]. Гегелия, скорее всего, появился в качестве одного из руководителей группы после этих событий. Среди других ее членов – Евгений Арканов, К. Зноско-Боровский (сын известного русского шахматиста), Л.Б. Савинков, А.П. Покотилов, Станислав Снарский (Старский?; член также Дурданской группы) с женой Ноной, Алла Клименюк. По-видимому, когда группа СРП превратилась собственно в Комитет антивласовского действия, в его деятельности, помимо «капитана разведывательных служб армии Тизона» (явно офицера из голлистских вооруженных сил), приняли участие и другие французы, в т.ч. некто «комбатант Тома» (Thomas), выступавший (лже)свидетелем на процессе Кравченко[53].

Ложь и определенный пропагандистский трюк (характерный не только для противников, но и для сторонников власовского движения[54], пытавшихся представить его как можно более массовым) заложены уже

---

[53] [393, с. 58; 509, с. 126]. См. также [410, с. 479-480, 494, 496] и приложение 1.I.24-27.

[54] Самыми корректными оказываются авторы статей, публиковавшихся в «Социалистическом вестнике»: слово «власовцы» там идет только в кавычках (см. приложение 4).

в самом названии комитета, ибо к Власову и его армии не имел отношения на территории Франции ни один русский солдат[55], но лишь несколько офицеров. Соединения, переведенные в эту страну в 1943-1944 гг., были сформированы из советских военнопленных и перебежчиков задолго до появления Власова (начали создаваться с ноября 1941 г.) и никогда ему не подчинялись.

В отличие от собственно власовских дивизий, которые подчинялись Комитету освобождения народов России (КОНР) и соотносились с Вермахтом как союзные армии, Осттруппен были непосредственной частью Вермахта. В сумме формирования из бывших советских граждан (в т.ч. и «новых»), воевавшие на стороне Германии, охватывали, по разным оценкам, от 800 тыс. до 1,2 млн человек [216, с. 289; 334, с. 12]. По словам Кромиади, человека осведомленного: «Советские добровольческие формирования на стороне немцев <...> стали появляться с весны 42-го года и к концу года их насчитывалось около 800 тысяч человек, а в 43-м году их число перевалило за миллион» [267, с. 130]. Поправим Кромиади лишь в одном: полевые части Вермахта стали набирать русских добровольцев в качестве вспомогательной силы почти с самого начала войны. Во всяком случае, красноармеец, а в прошлом студент и советский зек, Николай Анин[56], попав к немцам под Львовом в июле 1941 г., через два дня уже служил в одной из таковых частей. А к концу 1941 г. численность «хиви»[57] приближалась к 200 тыс. чел. [410, с. 595; 475].

В [463, с. 463-464], без ссылок на источник: всего в 1941-1945 гг. в Вермахте, войсках СС и полиции служили 1,2 млн бывших советских военнослужащих, в т.ч. 70 тыс. казахов, туркмен и узбеков, 40 тыс. азербайджанцев, 25 тыс. грузин, 20 тыс. армян, 30 тыс. северокавказцев, 12 тыс. волжских татар, 10 тыс. крымских татар, 7 тыс. калмыков; на февраль 1945 г. в сухопутных войсках Германии их было более 600 тыс., в авиации и войсках ПВО – 150 тыс., во флоте – более 15 тыс. чел.

Есть и другие данные, но они все совпадают в общей оценке: 1,0-1,2 млн чел. за период войны. В последних публикациях эти общие цифры начали детализироваться, и становится понятно, что число со-

---

[55] [29; 56; 216; 266; 445; 537; 567; 603, с. 20, 136-163].

[56] См. о нем [410, с. 595], приложение 1.1.28 и статью М. Лепехина в этом же сборнике.

[57] «Хильфсвиллигеры» – «Hilfswillige»: вспомогательный добровольный персонал, рабочие при военных частях.

ветских граждан, служивших в Вермахте или в союзных с ним частях, даже превышало 1,2 млн чел.[58]

Так, согласно сводной таблице в [655], где перечисляются 183 воинские части: русских – 75 формирований (310 000 чел.), украинских – 21 (250 000), туркменских и татарских – 42 (240 000), северокавказских – 12 (110 000), литовских – ? (104 000), латвийских – ? (36 800), азербайджанских – 13 (36 500), армянских – 8 (7 000), калмыкских – ? (5 000). Итого: 1 099 300, т.е. около 1,1 млн чел. Как видим, сюда не вошли белорусские, эстонские и грузинские части (а это еще несколько десятков тысяч человек)[59], а также укомплектованные бывшими красноармейцами вспомогательные подразделения в рамках германских частей, доходившие, по некоторым свидетельствам до 15% от личного состава дивизий. Были также подразделения из осетинов, кабардинцев, аварцев, карелов. При всей немногочисленности представителей каждого из этих народов, они существовали (иногда, в качестве отдельных рот в Восточных батальонах [603, с. 115-116]), и мы не знаем, вошли ли они в общий счет, и если да – то все ли.

О частях, в т.ч. казачьих, укомплектованных эмигрантами, мы сейчас не говорим.

Восточные батальоны подчинялись не Власову, а главнокомандующему Осттруппен (он же генерал Восточных войск = General der Osttruppen) генерал-майору Гайнцу Гельмиху[60] (начальник штаба в 1943 г. – подполковник Герре). Их переброска на Запад – в Италию, Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию[61] явилась компромиссом между немецким верховным командованием и Гитлером, который в сентябре 1943 г. потребовал расформировать эти подразделения

---

[58] Встречается оценка и от 1,2 до 1,5 млн чел. [304]. По разным оценкам в немецком плену в годы 2-й мировой оказалось от 5,7 до 6,2 млн советских военнопленных [525; 475; 655]. Другими словами, количество тех из них, кто надел немецкую форму, составляло от 20 до 25%, а если учесть массовую смертность в лагерях, особенно в 1941-42 гг. (только зиму 1941/42 гг. не пережило более 2,5 млн чел., а всего в них погибло ок. 4,2 млн пленных), то процент от выживших надо увеличивать в 2-3 раза. Это выходит за какие-либо разумные границы, описываемые исключительно в бинарной терминологии противостояния двух стран или даже двух систем.

[59] Только в Эстонской дивизии СС служило 15 тыс. чел., а в 45 батальонах Белорусской обороны (БКА), из которых была позднее сформирована 30-я дивизия СС, – 21 600 чел. [304, с. 29].

[60] О его гибели см. приложение 3.I.6.

[61] Русские «хиви» оказались даже в армии Роммеля в Северной Африке, где с бывшими советскими солдатами, но уже в германской форме, впервые и столкнулись союзники, хотя масштаб этого явления им еще не был понятен [475; 603, с. 27].

(они же – «территориальные формирования»), ибо до него дошли слухи об их ненадежности. Компромисс между ним и военными, которые понимали губительность этой акции для Германии, был достигнут к середине октября 1943 г., а в целом переброска завершилась в январе 1944 г. Исключение составили те добровольческие подразделения, которые командиры германских дивизий перевели на статус «хиви», и не отдали. Т.о. переброшено было гораздо меньше добровольцев, чем предполагалось поначалу. Впрочем, мы допускаем, что какие-то вспомогательные русские части могли оказаться на Западе и ранее сентября 1943 г.

По некоторым оценкам численность русских войск во Франции, куда было переброшено почти 100 батальонов[62], на июнь 1944 г. превышала 115 тыс. чел. (по английским данным, до 200 тыс.)[63]. Значительная часть их под названием «четвертых батальонов» была включена в размещенные вдоль атлантического побережья немецкие полки. Для них всех был создан Командный штаб генерала восточных войск при командующем войсками на Западе. Решение о переброске было для Власова неприемлемым («Власов объявил, что, как и раньше, он не будет иметь ничего общего с “восточными войсками” во Франции, пока они будут выступать только в немецких интересах и под немецким командованием» [567, с. 291]). Более того, ему не дали даже посетить эти воинские подразделения, хотя генералы Малышкин и Жиленков в конце 1943 г. побывали в частях РОА, оказавшихся во Франции, а генерал Трухин в тех, что попали в Италию. 1 января 1944 г. генерал-майор Гельмих был заменен генералом-от-кавалерии и бывшим германским военным атташе в Москве Кёстрингом (уроженцем Московской губернии и воспитанником Михайловского артиллерийского училища, впрочем, покинувшим Россию с семьей еще в XIX в. [415], но, тем не менее, российским эмигрантом), наименование «генерал Восточных войск» было изменено на «генерал Добровольческих под-

[62] Кудри: по приказу Гитлера, отданному в августе 1943 г., 72 Восточных батальона были направлены на Запад и размещены от Гасконского (Бискайского) залива до о. Тексель [603, с. 28]. Насколько мы можем судить, в дальнейшем их численность на Западе была сильно увеличена, а география размещения значительно расширена. Один из батальонов был целиком набран не из военнопленных, а из белых русских эмигрантов. По описаниям, в нем царила атмосфера старой русской армии, и «шеф для солдат был уважаемым отцом» [603, с. 189].

[63] [603, с. 110; 655]. Н. Толстой считает, что число «русских» солдат во Франции достигало 470 тыс. чел. [603, с. 110], но это уже явно завышенная цифра.

разделений», а офицеры и солдаты РОА уравнены в правах с немецкими чинами. В глазах Власова «старания Кёстринга улучшить условия службы добровольцев только подчеркивали их статус наемников. Он отказался иметь что-либо общее с "кёстрингскими наймитами"» [567, с. 305]. Лично Кёстринг и Власов встретились лишь 14 ноября 1944 г. Заметим также, что война во Франции (исключая небольшие территории на северо-востоке страны) закончилась до того, как с ноября 1944 г. по январь 1945 г. были сформированы две первые действительно «власовские» дивизии, они же – Вооруженные силы КОНР, которые, подобно подразделениям Кёстринга, были известны как РОА. К этому времени добровольческие части на Западе были распущены и превращены в рабочие батальоны.[64]

У Восточных батальонов, оказавшихся на Западном фронте, и у собственно власовских частей было важное различие в форме: первые носили нашивку «РОА» (щит с андреевским синим крестом на белом поле с красной каймой) на левом рукаве, а вторые – на правом, и еще соответствующую кокарду. В этом также было их отличие от национальных подразделений в рамках Восточных войск, ибо последние имели значки с национальными цветами своих народов [29, с. 266; 174, с. 18; 537, с. 37, 209; 567, с. 191-193].

Если полевые части союзников, эмигранты и рядовые военнопленные еще могли заблуждаться, путая две различные группы войск с нашивками РОА, то этого не скажешь ни о руководителях подполья, ни о разведке союзников, что подтверждает рассказ Жеребкова[65]. Но если это так, то очевидно, что выдача Сталину участников Русского освободительного движения (РОД) – от РОА и КОНР до казачьих и национальных частей – была не следствием неосведомленности, как это иногда представляют, а исключительно политическим решением, и принимали его лица, прекрасно отдававшие себе отчет в том, что этим они нарушают Гаагскую и Женевскую конвенции, но просто в сложившейся ситуации чувствовавшие себя в полной безопасности.

---

[64] [29; 67; 173; 174, с. 18; 216, с. 329-330; 266, с. 196, 203; 377, с. 200; 554; 567; 603, с. 189-190].

[65] Когда после трех неудачных попыток перейти швейцарскую границу Жеребков оказался в Ноудерсе, то 10 мая явился к коменданту города, стремясь войти в переговоры с американцами, но был интернирован и отправлен в Имст (Imst) в Тироле, где содержался 2 месяца. В ходе допросов он с удивлением понял, что американская разведка обладала детальной информацией о КОНР, в т.ч. и о нем самом [174].

Фото 11. «Черчилль передал Сталину от имени английского короля почетный меч (из газет)» (Рис. Смирнова. *Новое слово*. 22.12.1943. № 102(588). С. 1)

Фото 12. «Его Величество король Великобритании пожаловал тов. Сталина кавалером ордена Подвязки» (Рис. Тэна; *Новое слово*, 10.5.1942. № 37(419). С. 1)

Характерный пример лжи, перемешанной с реальными фактами (речь идет о русских частях в районе Нанси): «Разложение власовских частей усиливалось с каждым днем. Большинство солдат вступило в армию предателя Власова под угрозой смерти, и, чтобы искупить свою вину они массами переходили на сторону партизан. В городе Сан-Мийель[66] находилась немецкая школа переводчиков, укомплектованная из власовцев. После распространения наших листовок и прокламаций из школы бежало 7 человек с оружием. Из них был создан отряд "Катерина" <...>. Из власовского полка, размещенного в городе Лион, бежало в лес 300 человек» [345, с. 422-423]. Этот мемуарный текст принадлежит очень осведомленному человеку, члену ЦК СП и начальнику Штаба по руководству советскими партизанскими отрядами на востоке Франции, В.К. Таскину. Общаясь с людьми, о которых писал, он не мог не знать реалий. И если термин «власовцы» еще может рассматриваться как «обиходный», вбитый в голову пропагандой[67], то его расшифровку как «армия предателя Власова» осведомленным человеком – уже нет. Именно поэтому мы и утверждаем, что перед нами нечастый случай открытой лжи. «Власовский» же полк, стоявший в Лионе – это, скорее всего, Ostlegion, к Власову также не имевший никакого отношения. Из текста Таскина следует, что он прекрасно знал разницу между бойцами собственно русских частей и «легионерами»: «В июне-сентябре 1944 года активное участие в боях против гитлеровцев принимали более пяти тысяч советских партизан, не считая отряды, состоявшие из бывших власовцев и легионеров» [345, с. 428].

Легионеры – это солдаты национальных подразделений Osttruppen. «Русские, украинцы, балтийцы, кавказцы, тюркские народности – все попали под общее обозначение "восточные" ("Ost")» [567, с. 185]. От них надо отличать ряд формирований, которые к Франции не имели никакого отношения, в т.ч. Казачью дивизию, позднее кавалерийский корпус под командованием генерала Гельмута фон Панвица (сражался в Югославии с партизанами), Казачий стан генерала Доманова (ок. 9 тыс. казаков, а также их семьи), размещавшийся в Северной Италии, и сформированный 12 сентября 1941 г. из эмигрантов в Югославии Русский охранный корпус (с января 1945 г. – Русский корпус; на 1943 г. – 16 тыс. чел., на начало 1945 г., после тяжелых потерь – ок. 5 тыс. чел.) под командованием генерал-майора М.Ф. Скородумова, а затем генерал-лейтенанта Б.А. Штейфона; были также: соединение из представителей

---

[66] Saint-Mihiel, департамент Meuse.

[67] Еще более грустно, когда этот обиходный термин – «les Vlassovistes» – употребляет не по назначению человек не только осведомленный, но и чьи личные достоинства зафиксированы историей – Борис Матлин, он же Гастон Ларош [641, с. 244].

кавказских народов под командованием капитана Оберлендера и Тюркский (он же Туркестанский) легион, был калмыкский кавалерийский корпус, был волго-татарский легион Идель-Урал и мн. др.[68] Из них далеко не все подчинялись генералу Восточных войск. Так, Туркестанский легион в РОА не входил и рассматривался в качестве вооруженных сил признанного германским правительством Национального Туркестанского комитета во главе с Вели Каюм-Ханом [535], хотя это еще не говорит о его оперативном подчинении.

Редкий случай корректности при описании событий: ЦК СП предполагал в марте 1944 г. выпустить «специальное воззвание к солдатам так называемой русской армии»[69]. Но это не из советской печати, а из отчета самого ЦК СП за январь-март 1943 г., подписанного его секретарем М.Я. Слободинским, по всей видимости представлявшим ситуацию.

В отечественной «не провласовской» историографии корректность появилась лишь в последнее время. Так, у М. Ковалева (2006 г.) читаем про СРП и те же самые воинские части во Франции: «... пропаганда среди солдат "национальных легионов" и формирований РОА». В. Голдин (2005 г.) их называет «русскими "добровольцами"»[70]. Упоминание о мифических «власовцах» исчезло.

Открытая ложь не прекращается и в постсоветское время, несмотря на множественность и доступность источников. Два примера. В академической литературе – статья П. Пальчикова [364], в которой, среди прочего, смешиваются воедино все власовские и не власовские русские формирования, сражавшиеся на стороне Вермахта, а их суммарная численность уменьшается в 20-30 раз. Из популярной литературы назовем книгу Н. Коняева о Власове, где читаем: «В 1942-1943 годах было сформировано 90 полевых батальонов из уроженцев Кавказа, Средней Азии и Поволжья, казачья карательная дивизия СС, украинская дивизия СС "Галичина", мусульманская дивизия СС "Ханшар". Формирование русских частей началось позднее, и связывается оно чаще всего с именем Власова.... Сформировано, как известно, было всего две русские дивизии" [250, с. 162]. Автор, прекрасно знающий источники, «забыл», что на 5 мая 1943 г. было еще «90 русских батальонов, 140 боевых единиц, по численности равных полку <...>, не поддающееся исчислению количество более мелких военных подразделений, а в немецких частях <...> от 400 до 600 тысяч добровольцев» [537, с. 7].

---

[68] [73; 75; 120; 121; 129; 194; 255; 265; 266, с. 178, 250; 278; 301; 324; 351; 378; 394; 443; 444; 474; 537, с. 7-8; 567, с. 278-279] и др.

[69] [391, с. 353; 509, с. 123]. Типографию СРП, где оно должно было печататься, разгромило Гестапо. Не погибло ли воззвание вместе с ней?

[70] [129, с. 343-344; 232, с. 316]. Почему-то слово "добровольцами" Голдин берет в кавычки.

Иногда тексты становятся просто анекдотичными. Так, А. Френкин, показав, что собственно власовцев «было всего две дивизии РОА, да и те набрали лишь под конец войны» и что «к власовцам причисляют и части, никакого отношения к РОА не имевшие», которые он далее перечисляет, через абзац пишет: «были, разумеется, и власовцы-каратели, отличавшиеся особой жестокостью, особенно в расправах с <...> пленными партизанами» [533]. Но если две единственных власовских дивизии были сформированы лишь в 1945 г., то какие каратели и партизаны? Другими словами, когда надо доказать, что власовцев было мало, используются факты, а когда утвердить, что все они были мерзавцы и преступники, – возвращаются к мифу. И автора может совершенно не смущать, что на одной и той же странице он помещает два взаимоисключающих утверждения.

В ряде случаев (напр., [655]) мы имеем дело с небрежностью или неопытностью автора, все восточные части во Франции делящего на «национальные легионы» и «власовцев». На фоне авторов, называющих этих солдат «власовцами», редкими исключениями выглядят В.В. Алексеенко, который говорит о «национальных легионах» (но он в своей партизанской деятельности имел дело именно с национальными формированиями – армянскими и грузинскими, что и помогло ему сохранить корректность в воспоминаниях), и И.А. Кривошеин, определявший их как «насильно завербованных» «советских военнопленных, которых гитлеровцы использовали на подсобных работах», а в другом месте как формирования «РОА» и «национальные легионы» [391, с. 165-169, 279, 284-285, 287].

Отношения собственно власовского движения со старой эмиграцией были непростыми, хотя сам Власов прилагал большие усилия к установлению контактов и формированию единого антибольшевистского союза. Однако эмиграцией первой волны власовцы третировались как «советские». Необходимость союза понималась лишь небольшой группой наиболее дальновидных представителей этой эмиграции, и мы должны назвать среди них Ю.С. Жеребкова, сделавшего для этого больше, чем кто-либо другой. Именно благодаря ему газета «Парижский вестник» получила открыто провласовскую направленность, особенно с осени 1943 г. Надо сказать, что германские власти отнюдь не поощряли этого союза, во всяком случае, до осени 1944 г., но к тому времени германские войска из Франции уже были изгнаны, и для этой страны проблема разрешилась сама собой.

Поэтому мы можем назвать лишь одну акцию Власова, непосредственно коснувшуюся русской эмиграции во Франции: два выступления его представителей Париже в июле 1943 г.: 17-го, в Гомон Палас[71] –

[71] Gaumont Palace, 1, rue Caulaincourt, 18°.

капитана Белова[72] и поручика Давиденкова[73], прибывших из Бельгии между 28 июня и 9 июля (согласно ПВ, зал, вмещавший то ли 5, то ли 7,5 тыс. чел., был полон), и 24-го, в зале Ваграм (слушателей до 4 до 6 тыс. чел.) – помощника Власова, генерал-майора В.Ф. Малышкина с объяснением генезиса и целей Русского освободительного движения, а также полковника ген. штаба В. Боярского (приехали по приглашению Жеребкова 15 июля 1943 г.), а также Белова и Давиденкова.

Эти события имели большой резонанс. Жеребков добивался приезда самого Власова, однако тот с весны 1943 г. находился под домашним арестом в Далеме (Dahlem), пригороде Берлина, и прибыть в Париж никак не мог. Малышкин с Жеребковым получили от германских властей выговор за это выступление, однако скандал быстро замяли[74].

Фото 13. «Справа налево: Командующий Добровольческими частями на Западе генерал фон Вартенберг приветствует генерала Малышкина. Между ними (в штатском) Начальник Управления Делами Русской эмиграции во Франции С. Жеребков. Сзади генерала Малышкина – М.В. Арцимович и редактор газеты "Парижский вестник" Н.В. Пятницкий (оба в штатском)» (*Парижский вестник*. № 95. 15.4.1944. С.2).

[72] Офицер старой русской армии. Видимо, сражался в составе одной из белых армий, а затем, в 1941-43 гг. – на стороне Германии против большевиков. Примкнул к власовскому движению [389; 425; 426].

[73] Н. Давиденков, бывший лейтенант Красной армии, примкнул к власовскому движению. Позднее остался в Париже, встречался с Н. Берберовой. Последняя описывает их разговоры об Ахматовой. Давиденков читал стихи Ахматовой, которых Берберова не знала. После войны он был схвачен и отправлен в советский лагерь [389; 425; 426; 603, с. 187]. См. о нем подробнее статью М. Лепехина в этой же книге.

[74] [29, с. 81; 174; 250, с. 260; 377, с. 199-200; 425; 426; 537, с. 287; 567, с. 276-278; 603, с. 187-189].

Первый эмигрант «второй волны»[75]

Заголовок отчасти провокационен. Но лишь отчасти. Если мы зададимся этим вопросом, то кое-какие имена, пожалуй, удастся назвать. Нужно только определиться, по каким параметрам мы будем вычленять этих «пионеров».

Для начала напомним: «вторая волна» – это советская эмиграция, в отличие от «первой волны» – российской и досоветской (небольшое по численности исключение составляют эмигранты, сумевшие покинуть СССР, начиная с 1922/23 гг., а также невозвращенцы). А затем определим, *кого нельзя* причислить к эмигрантам второй волны, во всяком случае, до определенного момента времени.

Во-первых, это потенциальные или «виртуальные» граждане СССР, проживавшие на западных территориях и успевшие уйти с них до введения туда Красной армии в 1940 г.: они себя советскими гражданами справедливо не считали, но их таковыми числил Кремль.

Во-вторых, это все те, кто «не вышел из войны», ибо человек, сражающийся против определенной власти, – еще не эмигрант (обратим внимание: мы опять начинаем говорить в терминологии гражданской войны). Эмигрант – это человек, который покинул территорию, контролируемую этой властью, либо потерпев поражение в войне против нее, либо не участвуя в боевых действиях, но не желая жить под этой властью, либо уходя от преследований, арестов, репрессий. Так было с первой эмиграцией, так было и со второй. Другими словами, все те советские граждане, что служили в рядах Вермахта (бойцы Восточных батальонов, «хиви» и др.), в СС или в формированиях союзного характера (во Власовских дивизиях, в казачьих частях, в Туркестанском корпусе и др.), на момент ведения ими боевых действий эмигрантами не являлись[76]. Сюда же не могут быть отнесены военнопленные, содержавшиеся в лагерях различного типа, и восточные рабочие – остарбайтеры или «остовцы», даже если они обладали более высокой степенью свободы. И уж тем более, те из них, которые бежали и сражались на Западе уже с немцами в составе партизанских отрядов, особенно советских.

Это все резерв будущей второй волны эмиграции, которому придется пройти состояние Ди-Пи, откуда будет четыре выхода. Меньшинству удастся уйти в эмиграцию, какая-то часть репатриируется

---

[75] Благодарим Т.Б. Притыкину за саму идею этой главы, родившуюся в ходе наших дискуссий при подготовке к печати «Полицейского отчета» 1948 г.

[76] Впрочем, те, кто эмигрантами были уже до того, оказываются в двойственном положении.

добровольно (особенно, сражавшиеся в советских партизанских отрядах), основная масса будет выдана насильно, а еще часть (и отнюдь не столь малая) погибнет от рук чекистов в процессе выдачи, в результате захватов и побегов или покончит с собой, чтобы избежать репатриации.

Впрочем, было две группы, на первый взгляд очень близких, но с совершенно разным юридическим статусом, которые уже в годы войны стояли значительно ближе к эмигрантам, чем перечисленные выше. Однако до определенного момента времени – до завершения боевых действий на территориях, где находились эти люди, – у нас все-таки недостаточно оснований для их причисления к категории эмигрантов.

Во-первых, это остовцы, а то и бывшие военнопленные, которые были переданы в качестве рабочих (как правило, сельскохозяйственных) в немецкие семьи. Причем происходило сие не только на территории Германии в ее нынешних границах и касаться может, например, также немецких поселенцев, которые после аннексии Эльзаса и Лотарингии (24.7.1940) быстро начали проникать на эти земли [345, с. 341-342]. Формально работники предоставлялись германским государством, но находиться в таком состоянии они могли по нескольку лет и, учитывая массовую гибель на фронте мужчин, многие из них *de facto* становились членами семей. Однако и попадание их на Запад, и распределение на работы было актом, как правило, вынужденным[77], а посему на годы войны о них, как об эмигрантах говорить не приходится. Хотя допускаем, что среди них был достаточно высок процент лиц, избежавших не только репатриации, но и даже лагерей Ди-Пи. В любом случае, их эмиграция начинается не раньше исчезновения той власти, которая их направила в эти семьи, т.е. нацистского режима. Или, если уж быть совсем точными, не ранее прекращения контроля этой власти над соответствующими территориями, что для Эльзаса и Лотарингии датируется концом 1944 г. [315, с. 281; 600, с. 648].

Другая группа – пленные, остовцы и бойцы восточных батальонов, бежавшие из лагерей или воинских частей на территориях, оккупированных немцами, и скрывавшиеся в семьях местных жителей. Кто-то из них вполне мог участвовать в Сопротивлении, но не в советских отрядах, и не в контакте с коммунистами. Хотя они также оказались на Западе не по своей воле, но побег, укрытие в семьях (членами которых они часто становились) или участие в некоммунистическом Сопротив-

[77] Даже если учесть, что определенная часть остовцев выехала на работы в Германию относительно добровольно, и с этой точки зрения может рассматриваться как трудовая миграция, но все дальнейшее от них уже не зависело.

лении – их сознательный выбор. В большинстве случаев это была уже эмиграция (для участников Сопротивления – после окончания боев). Однако эти люди, как правило, жили предельно скрытно и довольно долго старались не оставлять следов. Соответственно, среди них долго не могло быть и не было «публичных» персонажей.

Мы не знаем ни их численности, ни их имен, ни дат их ухода в эмиграцию. По косвенным данным можно судить, что только во Франции их количество исчислялось несколькими тысячами человек. Мы также не знаем, сколько из них избежало насильственной репатриации, ибо за ними шла настоящая охота, как то видно из текстов, приведенных в приложении 4.

Таким образом, хотя эта группа, по-видимому, *de facto* открывает вторую эмиграцию, но, во-первых, мы о ней почти ничего не знаем, а, во-вторых, ее публичное влияние до 1948 г. было минимальным. Эта эмиграция изначально была подпольной, и легализация значительной ее части проходила после декабря 1947 г., когда был аннулирован советско-французский договор о репатриации. Исключение – женщины, вышедшие замуж за французов, для которых этот процесс начался с осени 1945 г.

Была еще одна массовая группа, исчислявшаяся сотнями тысяч человек, которая изначально уходила в эмиграцию, – беженцы, передвигавшиеся с отступавшей германской армией, убегая от освобождавшей их Красной армии.[78] Хотя какой-то процент среди них был и «эвакуируемых», т.е. тех, кого немцы уводили насильно. Реально говорить об их эмиграции можно лишь с момента пересечения ими границы СССР, во всяком случае, старой.

Поток этих людей был чрезвычайно велик, что показывает, например, ситуация в Прибалтике, где скопление десятков тысяч беженцев заставило германские власти к середине февраля 1944 г. создать русские представительства при правительствах Эстонии (поверенный в делах русского населения К. Аренбургер), Латвии (председатель Русского комитета представительства русского населения Г.А. Алексеев) и Литвы (начальник управления – А.В. Ставронский). В их задачи входило «обеспечение, улучшение быта и защита интересов граждан, эвакуируемых из областей вновь занятых большевиками». Эвакуированные были «приравнены в правах к местному населению тех стран, в которых они сейчас проживают» (см. прилож. 2.IV). Таким образом, гитлеровская Германия оказалась первым государством, которое взяло под защиту вторую эмиграционную волну, уходившую от перспектив

[78] Тема освещалась в прессе эпохи. См., напр., [46; 435].

советского освобождения. Иначе как фантасмагорией сложившуюся ситуацию назвать трудно. Однако перед нами своеобразный «фальстарт»: он не имел прямого продолжения в сколько-нибудь значительных масштабах. На эти территории пришла Красная армия. Если в Румынии, Венгрии, Польше[79] беженцы могли уходить, хотя бы отчасти, на Запад, то в Прибалтике они оказались прижаты к морю. Участь тех, кто не успел уйти от освободителей, была, по всей видимости, достаточно грустной. А те, кто успел, в основном должны были попасть в лагеря Ди-Пи, через которые и лежал их путь в эмиграцию. Около 30 тыс. человек (как советских беженцев, так и собственно прибалтов) сумели на лодках перебраться через море в Швецию.[80] Но и с ними вопросы решались лишь в конце 1945 – начале 1946 гг.

Тогда кто же положил легальное начало второй эмиграционной волне? Поддаются ли определению те, кого можно считать ее первыми представителями?

Думаем, что да. Таковых – две группы, причем очень малочисленных.

Первую составляют советские невозвращенцы, оставшиеся в странах-союзницах по антигитлеровской коалиции, и не выданные ими обратно. Уже по определению, таковых могли быть лишь единицы. Наиболее известный из них – капитан Виктор Кравченко, член советской Закупочной комиссии в США, бежавший 1 апреля 1944 г. из советского посольства в Вашингтоне. Сообщениями о его побеге газеты запестрели начиная с 4 апреля[81]. Это был «публичный» невозвращенец, который прославился своей книгой «Я выбрал свободу» (1947 г.) [635] и скандальным процессом в Париже в 1949 г., начисто проигранным советской стороной.

Однако Кравченко не был первым. Значительно менее известен побег руководителя советской военной миссии в США генерал-лейтенанта Алексея Ивановича Готовцева, который произошел осенью 1943 г. (не позже первой половины ноября; подробнее см. прилож. 2.V.1-2).

---

[79] О возможности старым эмигрантам, как и новым беженцам в июле 1944 г. эвакуироваться на Запад (для начала, в Словакию) из Варшавы, см. у С.Л. Войцеховского [101; 102]. О русском населении в Польше во время оккупации см. также [92]. О ситуации в Праге кратко рассказано в [399-149; 399а].

[80] См. приложение 4.4. «По данным органов репатриации и советского посольства на 1 января 1952 г. в Швеции на положении перемещенных лиц находились 27 750 советских граждан, в том числе 22 459 эстонцев, 3 929 латышей, 497 литовцев, 312 украинцев, 100 белоруссов, 94 русских и 269 прочих» [191, с. 16].

[81] См. Приложение 2.V.3-4. Первая информация – официальное заявление самого В. Кравченко, подготовленное на английском языке Джозефом Чаплиным и опубликованное в «Нью-Йорк Таймс» 4 апреля 1944 г. (в продаже – с вечера 3 апреля) [146, с. 235].

Другая группа – те, кто сознательно перешел линию фронта и сдался немцам[82] (или остался в оккупации), сумел избежать или со временем выйти из военной службы, перебраться на Запад, жить в качестве частного лица и после окончания войны суметь избежать лагерей Ди-Пи.

Фото 14. Руководитель советской военной миссии в США, генерал-лейтенант Александр Иванович Готовцев, один из самых первых невозвращенцев-перебежчиков времен войны. (*Новое слово*. 17.11.1943. № 92(578). С.1)

[82] За 1941 и первую половину 1942 годов, т.е. когда перебежчиков было больше всего, данных о них нет, но за вторую половину 1942 г. на сторону немцев перешла 61 тыс. красноармейцев, за 1943 г. – 24 тыс., за январь-март 1944 г. – 2,2 тыс. чел. Далее данных нет, но перебегали даже в марте 1945 г. (SIC !) [475]. Другими словами, насчитывалось около 100 тыс. прямых перебежчиков только со второй половины 1942 г., и, значит, в несколько раз больше за предыдуший год.

Таковых тоже должно было быть немного. Но они были, и, похоже, что именно с них начинается легальная часть второй эмиграционной волны, а, значит, в конечном счете, и сама волна, ибо эти люди в оккупированной Европе появились раньше, чем советские невозвращенцы в союзных странах.

Наиболее ранний из выявленных нами представителей этой группы известен как «профессор Гротов»[83]. Он представлялся профессором Ростовского университета и выдавал себя за специалиста по астрономии. В 1930 г. А.Гротов был арестован. Прошел лагеря. Был мобилизован в Красную армию. Оказался в штрафных частях. И не позже января 1943 г. стал перебежчиком, перейдя линию фронта. 25 мая 1943 г. находился в оккупированном немцами Симферополе, откуда утром 16 июня выехал в Бельгию, где собирался прочесть ряд докладов. Через 11 дней, 27 июня 1943 г., он выступил на антикоммунистическом собрании в Брюсселе с сообщением «на прекрасном французском языке» о том, как «ожидовела русская наука» и «что дало жидовское влияние»; при этом смешивал евреев (Иоффе, Дунаевского, Пастернака) и караимов (Имбер), которых немцы евреями не считали. С июня по сентябрь 1943 г. выступил с антибольшевистскими и прогерманскими докладами в 16 городах Бельгии: Брюсселе (27.6.1943 г.), Вильворте, Антверпене, Сен-Никласе, Куртрэ, Генте, Брюгге, Мускорне, Коммине, Монсе, Ла Лувьере, Шарлеруа, Вервье, Льеже, Нивеле и Намюре[84], где ему помогали Ю.Л. Войцеховский и протопресвитер о. А.Ф. Шабашев, и в 13 городах северной Франции: Лилле, Круа, Рубэ, Камбрэ, Дюнкерке, Булони[85], Кале, Армантьере, Дуэ, Бетюне, Монсе, Бомоне, Энен-Льетаре[86] [61; 135]. То есть, 29 городов – за 3 месяца. Поэтому даже если он не был профессором, но лекторский опыт имел и французский язык знал.

Приехав в Париж в июле 1943 г., он, по-видимому, там и остался. Нам не известно, на какие средства он существовал, тем более, что

[83] См. [410, с. 594-595], приложение 1.1.29 и статью М. Лепехина в этом же сборнике.

[84] Bruxelles, Vilvoorde, Antwerpen, Sint-Niklaas, Courtrai, Gent, Brugge, Moucron, Comines-Warneton, Mons, La Louvière, Charleroi, Verviers, Liège, Nivelles, Namur.

[85] Публикация в «Новом слове» («НС») от 12.9.1943: «Прибывший во Францию профессор Ростовского университета Гротов прочитал в Булони доклад о своем многолетнем пребывании в концлагерях в Сибири» [177], касается другого города – Boulogne-Billancourt или Boulogne-sur-Seine в департаменте Sein под Парижем.

[86] Lille, Croix, Roubaix, Cambrai, Dunkerque, Armentières, Douai, Monceau-Saint-Waast (деп. Nord); Boulogne-sur-Helpe в деп. Nord или Boulogne-sur-Mer в деп. Pas-de-Calais; Calais, Béthune, Beaumont, Hénin-Liétard (деп. Pas-de-Calais). Выбор районов явно связан с тем, что поездку Гротову устраивали бельгийские иммигрантские власти, а с сентября 1940 г. регионы Север и Па-де-Кале находились под контролем германской администрации Бельгии [600, с. 566].

военным он явно не был, и ни в РОА (восточные батальоны), как Н. Анин – один из активных авторов «Парижского вестника» («ПВ») [33; 292; 410, с. 595], ни во власовских структурах не служил. Понятно, что для выезда из Крыма с лекциями Гротов должен был быть ангажирован какими-то германскими пропагандистскими структурами (по всей видимости, принадлежавшими к министерству Розенберга). Однако военной службой это отнюдь не являлось. Совершенно очевидно также, что сама его пропагандистско-лекционная поездка сразу пошла по западным эмигрантским центрам «германского извода» – по управлениям, создававшимся германскими оккупационными властями, – бельгийскому и французскому. Гротов активно сотрудничал в «ПВ» и, вполне возможно, выполнял какие-то функции в УДРЭ в Париже или его задания пропагандистского характера. С конца января и по май 1944 г. ездил в 1-ю казачью дивизию под командованием генерала А.Г. Шкуро, воевавшую в Югославии с партизанами Тито [136; 137; 138].

Биография Гротова за 1943-1944 гг. хорошо прослеживается по «Парижскому вестнику», а вот все, что мы сообщили о нем до 1943 г., опирается лишь на его собственные статьи автобиографического характера. А в них – явная недосказанность, притом что не удалось найти даже его имени, лишь первый инициал, а второй – под вопросом. И здесь нам на помощь пришел М.П. Лепехин, которому удалось раскрыть загадку этого персонажа. «Профессор Гротов» – это псевдоним, который использовал ленинградский историк Сергей Викторович Сигрист (см. статью Лепехина в этой же книге).

Судя и по «Полицейскому отчету» и по работе Лепехина, Гротова после войны постигла не судьба одного из Ди-Пи, а участь русского эмигранта во Франции, наказанного за коллаборационизм. Таким образом, для французского послевоенного правительства юридически он уже был эмигрантом. В противном случае его просто выдали бы Сталину.

Этот человек с его воинствующим юдофобством[87] явно не вызывает симпатий, но на сегодня он является первым известным публичным представителем второй волны российской эмиграции. И более того, очень типичным, ибо значительная часть представителей этой волны

---

[87] Отчасти, быть может, вынужденным. Однако самому Власову, как и его ближайшему окружению, антисемитизма удалось избежать, даже в условиях сильнейшего прессинга. Более того, идеолог власовского движения, по-видимому, сам еврей, М.А.Зыков (см. о нем приложение 1.III), редактор власовской газеты «Заря», погибший осенью 1944 г. в гестаповских застенках, в ответ на требования немецких цензоров изобрел метод буквального цитирования нацистского официоза «Фёлькишер Беобахтер» [29, с. 120]. Это, как правило, избавляло от необходимости включения антисемитских пассажей в другие материалы газеты.

вышли в эмиграцию под псевдонимами, тщательно скрывая настоящие имена, о чем мы еще скажем. Это ее характерное отличие от первой и последующих волн.

Итак, выход в эмиграцию Гротова-Сигриста в конце мая 1943 г. – начало второй российской эмиграционной волны. Возможно, что со временем появятся другие имена и более ранние даты. Но пока – это именно он, при всей условности этого утверждения.

Мы думаем, что страницы «ПВ» совместно с «Полицейским отчетом» [410] могут дать и другие имена самых ранних ее представителей. Однако для большинства из них необходимо выяснить, оставались ли они до конца войны военнослужащими (т.е. служили ли в РОА или власовских структурах) и далее шли по пути военнопленных и Ди-Пи, или сумели выйти в гражданскую жизнь и эмиграцию еще в годы оккупации. Но, опять-таки встает проблема псевдонимов. Так, автора «Парижского вестника» Николая Анина (которому Гротов явно предшествует, ибо военным просто не был) Лепехин идентифицирует как Николая Давиденкова. В этом случае из войны, до самого ее конца, он так и не вышел.

Таким образом, уже сами обстоятельства зарождения второй эмиграционной волны в Европе определяют, что первые легальные эмигранты могли быть лишь лицами, настроенными прогермански (заметим, что и невозвращенец генерал Готовцев попал под подозрение за свои прогерманские высказывания). Тот, кто имел антигерманские взгляды, уходил не в легальную эмиграцию, а в подполье и/или в Сопротивление. Потом, уже после войны, в состав второй волны в Европе войдут и те, и другие. Их объединяла лишь ненависть к большевизму и социализму и/или нежелание жить под советской властью. Но тот факт, что первыми эмигрантами, заявившими о себе публично, были лица прогермански, а то и пронацистски и антисемитски настроенные, сыграл свою роль в неприятии демократической частью старой эмиграции зарождавшейся второй волны, и дал повод для ее огульного шельмования советской и значительной частью левой печати. И, в конечном счете, сыграл свою роль в том, что история второй волны изучена много слабее, чем первой[88].

---

[88] Хотя ею начали заниматься в СССР еще в эпоху перестройки (например, см. [191]). Из изменений, которые стали происходить в последние годы, назовем III Нансеновские чтения – «Русская эмиграция и Вторая мировая война», которые проходили в С.-Петербурге 17-19.11.2009 и, в значительной степени, были посвящены истории возникновения второй эмиграционной волны. Отчет о конференции см.: [319].

Изменения в советской политике тайных операций и судьбы русской эмиграции 1943-47 гг.

По имеющимся публикациям возникает ощущение, что активность СССР в установлении своего контроля на территории Франции резко возрастает с лета-осени 1943 г. Думается, это не случайно. Изменения начали происходить еще весной, после 15 мая 1943 г., когда был распущен уже полузадушенный и вполне ручной Коминтерн. Это расширило пути для дипломатических маневров, хотя пропагандистская подноготная роспуска в преддверии тегеранской встречи была очевидна для современников: «Стремясь продемонстрировать перерождение большевиков понятным для англо-американского общественного мнения образом, Сталин ликвидирует Коминтерн. <...> во время войны легальное положение Коминтерна в СССР стало тормозом для борьбы за мировую революцию и фактически было уже переведено на нелегальное. "Ликвидация" лишь оформляет де-юре то, что было де-факто. Она облегчает сотрудничество с англо-американцами, притупляет бдительность их национально-политических партий» [256]. Пресса говорила про «новый обман Сталина», про «двуличие Коминтерна», а в августе появилась статья «Сталин восстанавливает Коминтерн»[89].

Коминтерн не оказался исключением. Такая же судьба постигла ряд наиболее одиозных структур, доставшихся в наследство с революционных и послереволюционных времен. Так, по изящному выражению «Нового слова», «Ради прекрасных глаз епископа Кентерберийского <...> был втихомолку ликвидирован Союз воинствующих безбожников вкупе с его богохульным председателем Емельяном Ярославским» [483].

Одновременно происходит активизация внешней политики по остальным каналам, причем опробуются несколько схем, особенно с использованием различных эмиграционных групп по всей Европе (а вскоре и в Азии). В их среде формируются различные марионеточные союзы патриотов. Так, в среде русской эмиграции во Франции создается «Союз русских патриотов», а в среде польской на советской территории – «Союз польских патриотов в СССР» (и соответствующие воинские части)[90]. В одном случае это создание механизмов контроля над эмиграцией,

---

[89] [36; 152; 482; 600, с. 609].

[90] [59]. Варианты: на территории СССР в декабре 1941 г. из интернированных чехословаков и добровольцев «чехословацкой национальности» начинают формироваться чехословацкие части (к апрелю 1942 г. сформирован первый батальон); в июле 1943 г. образуется Национальный комитет «Свободная Германия», а в 1944 г. – «Антифашистское бюро австрийских военнопленных», а из военнопленных формируются подразделения. Все они участвуют в боях на территориях своих стран [273а, с. 223-224; 298].

а в другом – зародыши будущих просоветских послушных правительств с их таковыми же вооруженными силами, но все эти действия направлены на расширение советского влияния за пределами границ СССР.

5 июня 1943 г. Сталин подписал совершенно секретное постановление Государственного комитета обороны за № 3522сс, касающееся мероприятий «по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР». Отныне разведка строго делилась на военную, военно-морскую и политическую. Последняя занималась получением «сведений о внешней и внутренней политике иностранных государств, их политическом и экономическом положении, о политических партиях, группах и общественно-политических деятелях, о достижениях и изобретениях в области науки и техники, сведений по вопросам печати, религии, положении национальных меньшинств и эмиграции». И, как справедливо замечает П. Кнышевский, если «ранее операции ВЧК – НКВД – НКГБ проходили в связи с конкретными оперативными задачами», то «новая программа содержала в себе замысел всеобъемлющего и постоянного политического сыска и контроля». И далее: «Разведупру госбезопасности предписывалось создавать агентуру в правительственных учреждениях, торговых, финансовых, общественных организациях. По линии легальной предполагалось "шире использовать возможности советских организаций, находящихся за рубежом (посольства, консульства, торгпредства, представительства Интуриста, ТАСС, ВОКС, РОКК, Инторгкино и др.) <...>. Практиковать также посылку за рубеж кадровых работников разведорганов в составе различных комиссий и делегаций и привлекать к разведывательной работе отдельных известных ученых, писателей, художников, артистов..."»[91].

[91] Этому предшествовала реорганизация органов госбезопасности. В апреле 1943 г. было принято решение о выделении из состава НКВД всех подразделений разведки и контрразведки. Указом Президиума ВС СССР от 14.4.1943 был образован (или, точнее, восстановлен) Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР, а постановлением СНК СССР от 19.4.1943 образованы Главное управление контрразведки (ГУКР) «Смерш» НКО и Управление контрразведки (УКР) «Смерш» НКВМФ [539]. При этом надо представлять, что, несмотря на все эти реорганизации, символом органов госбезопасности еще долго оставалась аббревиатура «НКВД». А потому утверждение в мемуарной, эпистолярной или публицистической литературе про какого-либо персонажа, что он «энкавэдэшник», означает лишь признание его принадлежности к спецслужбам, а не точное указание на ведомство приписки (аналогично характеристике «чекист» по отношению к сотрудникам позднейшего КГБ). А потому не может служить аргументом в пользу «лживости» или неточности рассматриваемых неакадемических текстов (мы уже сталкивались с подобными попытками непрофессиональной критики источников, когда критерии, применимые для одного жанра, переносятся на другие).

Мы не можем не увязывать этот указ с роспуском Коминтерна: Сталин лишался одной агентурной сети и заменял ее на другую[92]. Для Франции, где агентурная сеть внешней разведки находилась в самом плачевном состоянии, использование сети коминтерновской (т.е. ФКП) приобрело особое значение. С другой стороны, вряд ли мы ошибемся, если выскажем мысль о том, что Франция, жизненно нуждавшаяся в помощи СССР и вынужденная за нее платить открытием дверей, оказалась именно той западной свободной (неоккупированной Советским Союзом) страной, где с лета 1943 г. по декабрь 1947 г. отрабатывались новые методики, и программа получила свое максимальное воплощение. Сталин торопился, и не зря, ибо наступил момент, когда сама Франция поставила этому предел.

Де Голль и уничтожение эмигрантских колоний Средиземноморья

Уничтожение российского эмигрантского социума во Франции началось с ее средиземноморских территорий (Северной Африки и Корсики) еще в 1943 г. Колонии в Северной Африке были своеобразным резервуаром, из которого российская эмиграция с неизбежностью постепенно перебралась бы в метрополию, как то были вынуждены сделать сами французы, в т.ч. и «les pieds noirs» («черные ноги»), т.е. те, которые родились в Магрибе, а также магрибские евреи. Процесс этот уже начался в 1943 г., когда часть эмигрантов, живших в Тунисе, при отступлении немцев[93] бежала от войск союзников на Корсику. На североафриканских и островных средиземноморских территориях Москва взяла курс на то, что даже не пыталась сделать в самой Франции: депортировать целиком всю старую эмиграцию, в т.ч. и тех, кто уже натурализовался. При попустительстве союзников и в нарушение международных

---

[92] Ранее эти сети действовали паралельнено и на относительно паритетных началах, хотя и в контакте друг с другом [363-4, с. 310-323]. После мая 1943 г., рядовых агентов Коминтерна, судя по всему, переподчинили, чего не скажешь о ее центральных фигурах. Часть их была просто уничтожена советской разведкой. Наиболее яркий пример – убийство 17 августа 1943 г. в Брюсселе Эжена Фрида (Eugène Fried) – серого кардинала ФКП и ее настоящего мозга, неотъемлемой тени Мориса Тореза. Последний был фигурой номинальной, послушной (потому и выжил) и публичной, лишь озвучивавшей идеи Фрида, начиная с создания Народного фронта. Фрид – как бы «зазеркальное» отражение Тореза, вплоть до того, что был женат на его первой жене, Авроре, и воспитывал его первого сына – Мориса Тореза-младшего [666, с. 544 и др.; 667, с. 649-650]. Его биография еще ждет своего исследователя.

[93] Окончательно германо-итальянские армии в Северной Африке капитулировали 11 мая 1943 [334, с. 205].

норм, она это отчасти выполнила (целиком сие удалось лишь на территориях Европы и Азии, оккупированных самой Красной армией).

Чтобы понять, как такое могло случиться, необходимо обратиться к истории 2-й мировой войны. Вспомним, что последнюю с разницей в 16 дней начали два союзника своим вторжением в Польшу: с Запада, 1 сентября 1939 г. – Германия, с Востока, 17 сентября – СССР. И так продолжалось почти два года. Пока Третий Рейх воевал в Центральной, Южной и Западной Европе, Советский союз поглощал Западную Белоруссию и Западную Украину, Бессарабию, Прибалтику, часть Финляндии. Где в чистом виде «аншлюсом» (с помощью интервенции – в первых двух случаях; мирным вариантом – в третьем), где с помощью экспорта революции (вся Прибалтика), где войной (Финляндия). И тот факт, что бóльшая часть этих областей, действительно, были отрезаны от России и союзных с нею республик в ходе Гражданской войны, ничего не меняет[94]. В конечном счете Гитлер также начинал с установления контроля над областями, которые были частично (и, по его мнению, явно несправедливо) выведены из-под германской юрисдикции (Саар, Рейнская демилитаризованная зона), с аншлюса Австрии или расчленения и частичного поглощения Чехословакии.

С другой стороны, Франций было как бы две: мятежная «Свободная Франция» де Голля, в ходе капитуляции страны, 17 июня 1940 г., покинувшего материк и ставшего в оппозицию к режиму Виши, и Франция с законным правительством в этом самом Виши, подписавшая перемирие с гитлеровской Германией, а затем ставшая ее союзницей.

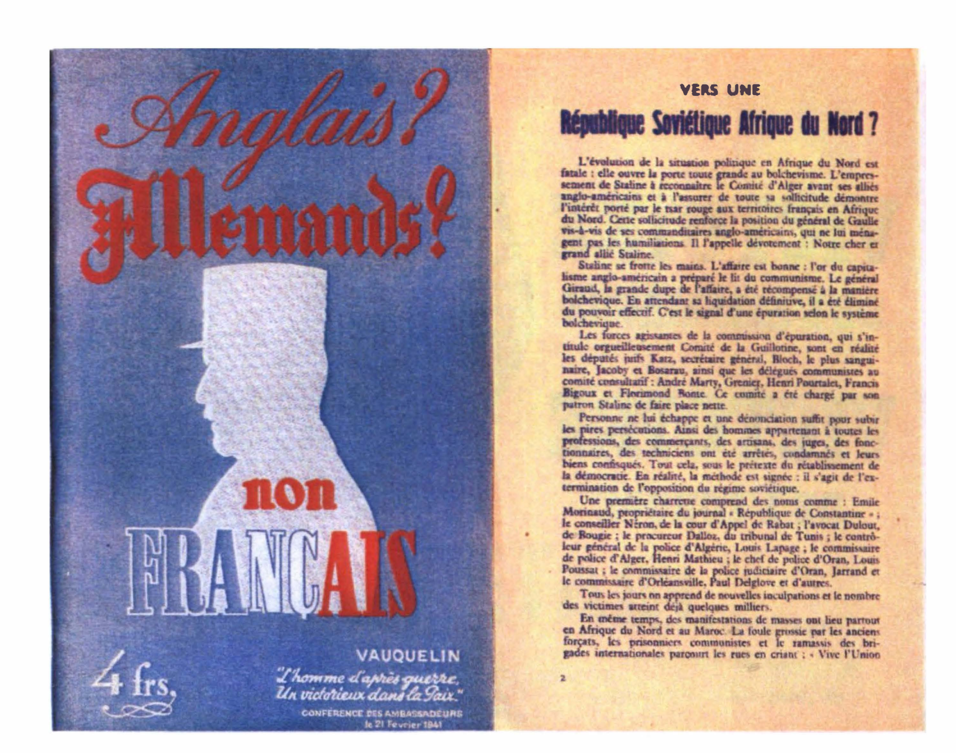
А СССР, союзник Германии с сентября 1939 г. (и потому отнюдь не противник Виши с июня, и, тем более, с октября 1940 г.[95]) и ее враг с 22 июня 1941 г. (а, значит, союзник де Голля), – был один и тот же. И даже имел одного и того же посла в этих двух Франциях – А.Е. Богомолова[96].

---

[94] Хотя и подтверждает нашу гипотезу о второй гражданской войне: в ее логике действовали не только противники большевистского режима, но и сам Сталин. Впрочем, о том же говорит и послевоенная охота Сталина не только за новой, но и за старой эмиграцией.

[95] После личной встречи 24.10.1940 в Монтуаре Петена и Гитлера, Виши пошло на открытое сотрудничество с Германией. «Парижские протоколы» мая 1941 г. распространили его на военную область [315, с. 160; 466, с. 201; 465].

[96] Виши разорвала дипломатические отношения с СССР 30 июня 1941 г., и все официальные советские представители были высланы из Франции, но уже 22 июня 1941 г. генконсульство СССР в Париже подверглось нападению отряда СС и было ликвидировано. Попытки обелить дипломатические связи СССР и Виши в советской историографии делались постоянно. Когда сводя функции посольства СССР лишь к консульским и отрицая имевшиеся связи («Советское посольство в Виши занималось организацией возвращения на родину интернированных граждан СССР, в том числе бывших бойцов

VERS UNE

République Soviétique Afrique du Nord ?

L'évolution de la situation politique en Afrique du Nord est fatale : elle ouvre la porte toute grande au bolchevisme. L'empressement de Staline à reconnaître le Comité d'Alger avant ses alliés anglo-américains et à l'assurer de toute sa sollicitude démontre l'intérêt porté par le tsar rouge aux territoires français en Afrique du Nord. Cette sollicitude renforce la position du général de Gaulle vis-à-vis de ses commanditaires anglo-américains, qui ne lui ménagent pas les humiliations. Il l'appelle dévotement : Notre cher et grand allié Staline.

Staline se frotte les mains. L'affaire est bonne : l'or du capitalisme anglo-américain a préparé le lit du communisme. Le général Giraud, la grande dupe de l'affaire, a été récompensé à la manière bolchevique. En attendant sa liquidation définitive, il a été éliminé du pouvoir effectif. C'est le signal d'une épuration selon le système bolchevique.

Les forces agissantes de la commission d'épuration, qui s'intitule orgueilleusement Comité de la Guillotine, sont en réalité les députés juifs Katz, secrétaire général, Bloch, le plus sanguinaire, Jacoby et Bosarau, ainsi que les délégués communistes au comité consultatif : André Marty, Grenier, Henri Pourtalet, Francis Bigoux et Florimond Bonte. Ce comité a été chargé par son patron Staline de faire place nette.

Personne ne lui échappe et une dénonciation suffit pour subir les pires persécutions. Ainsi des hommes appartenant à toutes les professions, des commerçants, des artisans, des juges, des fonctionnaires, des techniciens ont été arrêtés, condamnés et leurs biens confisqués. Tout cela, sous le prétexte du rétablissement de la démocratie. En réalité, la méthode est signée : il s'agit de l'extermination de l'opposition du régime soviétique.

Une première charrette comprend des noms comme : Emile Morinaud, propriétaire du journal « République de Constantine » ; le conseiller Néron, de la cour d'Appel de Rabat ; l'avocat Dulout, de Bougie ; le procureur Dalloz, du tribunal de Tunis ; le contrôleur général de la police d'Algérie, Louis Lapage ; le commissaire de police d'Alger, Henri Mathieu ; le chef de police d'Oran, Louis Poussat ; le commissaire de la police judiciaire d'Oran, Jarrand et le commissaire d'Orléansville, Paul Delglove et d'autres.

Tous les jours on apprend de nouvelles inculpations et le nombre des victimes atteint déjà quelques milliers.

En même temps, des manifestations de masses ont lieu partout en Afrique du Nord et au Maroc. La foule grossie par les anciens forçats, les prisonniers communistes et le ramassis des brigades internationales parcourt les rues en criant : « Vive l'Union

2

Фото 15. Пропаганда режима Виши («Англичане? Немцы? Нет, французы», 1941; «К Советской республике Северной Африки?», 1943)

интернациональных бригад в Испании»; «СССР некоторое время поддерживал формальные дипломатические отношения с Виши, но ясно, что ни о каком советско-французском сотрудничестве здесь не могло быть и речи» [64, с. 467; 316, с. 38]), когда с помощью «нужной опечатки». Так, в труде Ю.В.Борисова просто указано, что Петен разорвал дипломатические отношения с СССР 29 июня 1940 г. [65, с. 101]. Все смещено ровно на год, и вопросов как бы нет. В то же время контакты СССР и Виши были достаточно нетривиальны, к консульским отнюдь не сводимы, и даже обсуждалась возможность создания треугольника Виши – Берлин – Москва (см. [497]). Косвенно это подтверждают и «Очерки истории российской разведки», где прямо говорится, что маломощность и низкая эффективность советской разведки во Франции в годы войны «была обусловлена тем, что политическое руководство страны, руководство разведки и резиденты допустили серьезные просчеты и медлительность при организации разведывательной деятельности с нелегальных позиций на случай войны, и особенно отъезда из Франции советских официальных представительств» [363-4, с. 235, 245]. То есть, этого отъезда не ожидали и вели себя как в дружественном государстве, с которым конфликтов не предвидится. Что касается де Голля и Национального комитета «Свободная Франция», то до апреля 1942 г. официальные отношения с ними Москва поддерживала через советского посла в Великобритании И.М. Майского [372, с. 195-196].

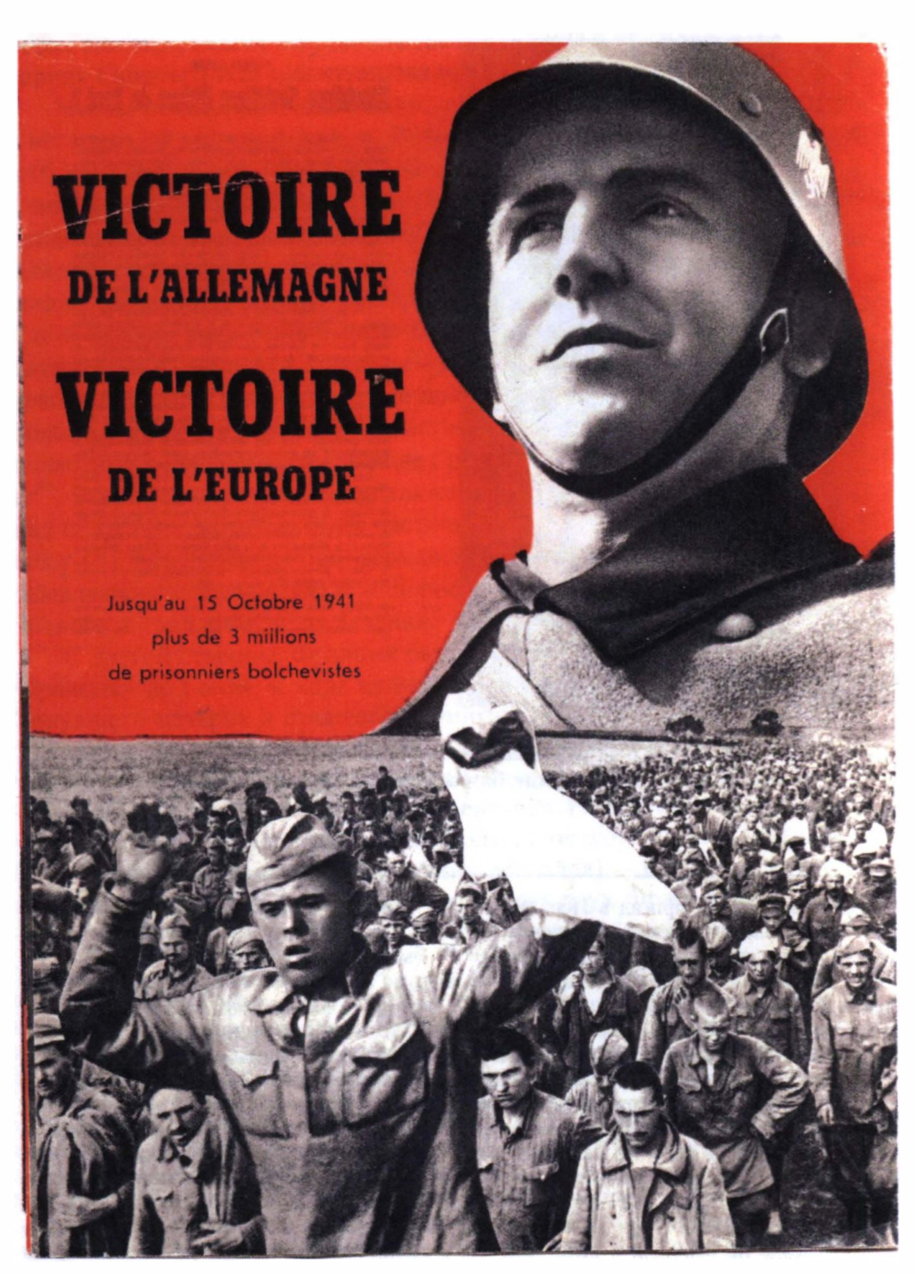

Фото 16. Пропаганда германских оккупационных властей во Франции («Победа Германии – победа Европы» (1941)

Фото 17. Пропаганда Франк-тирер (французских партизан): «Петен и пятая колонна» (1944)

Но де Голль пытался сохранить Францию в качестве великой державы. А это именно то, чего не хотели допустить его союзники – Англия и США, решившие поставить крест на ее могуществе. Отношения с ними у де Голля были чрезвычайно тяжелыми, и он терпел сильнейшие унижения от обоих союзников, особенно от Америки, которая до 8 ноября 1942 г. поддерживала дипломатические отношения с Виши и, соответственно, де Голль для нее в принципе был персоной *non grata*.

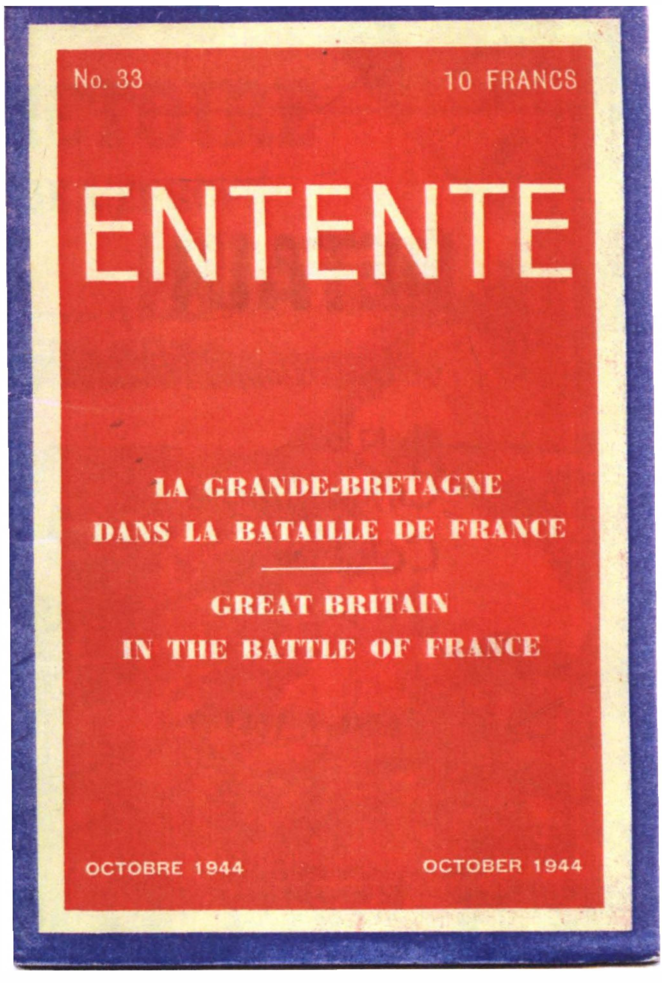

Фото 18. Пропаганда английских союзников («Великобритания в битве за Францию», окт. 1944 г.)

Фото 19. Брошюры, посвященные российским антибольшевистским формированиям («Русский народ против большевизма»; 1943 г.)

Так, американцы пытались выгнать голлистов с островов Сен-Пьер и Микелон у побережья Канады, где те высадились 24 декабря 1941 г., и вернуть острова Петену, а представитель «Свободной Франции» по их настоянию не был допущен к подписанию декларации Объединенных Наций (опубликована 1.1.1942 г.). Голлисты не извещались об операциях союзников в 1942 г. (например, по захвату о. Мадагаскар, а затем Алжира, Туниса и Марокко – тогда французских колоний), а колониальные французские территории, куда входили англо-американские войска, не передавались под контроль «Свободной Франции»[97], ибо союзники сами рассчитывали получить часть «французского наследства». Однако для англичан ситуация была не столь однозначна, ибо, с одной стороны, они имели свои противоречия с американцами[98], а, с другой – им нужен был «противовес мощи русского колосса на континенте»[99], и Черчилль делал ставку на де Голля, то удлиняя, то укорачивая поводок. Впрочем, поддержка его была слабой. К тому же союзники предполагали после вво-

[97] С 24 сентября 1941 г. – Национальный комитет Свободной Франции; с июня 1942 г. – «Сражающаяся Франция», с 3.6.1943 – Французский комитет национального освобождения, с 2.6.1944 – Временное правительство Французской республики.

[98] Последние мечтали получить и часть «английского» наследства, особенно, в первые годы войны (еще даже не вступив в нее), когда положение Англии было отчаянным [242]. О попытках Англии и США захватить французское золото см. [160].

[99] Слова, сказанные вице-консулом в Марокко в 1941-45 гг., К. Пендаром (K. Pendar), в 1946 г. Цит. по [496, с. 61].

да войск установить во Франции оккупационный режим во главе с союзным главнокомандующим, чего в принципе не мог допустить де Голль[100].

При этом стан самой французской эмиграции раздирала настоящая гражданская война вплоть до вооруженных столкновений и тайных убийств. Дело в том, что американцы сделали ставку не на антивишистские силы, а на умеренную группировку в стане петеновцев, во главе которой стоял адмирал Дарлан (Darlan), а также бежавший из германского плена генерал Жиро[101]. В свое время Дарлан произвел настоящий государственный переворот в рамках правительства Виши: 13 декабря 1940 г. он отстранил от власти прогермански настроенного (вице-)председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции, Лаваля (Laval), и заключил его под домашний арест, что вызвало гнев фюрера. Как позднее утверждало «Новое слово», за этой акцией стоял американский посол [369].

Фото 20. Дарлан пока еще в Виши. Слева – маршал Петэн, справа – президент Лаваль («Europe-Amerique». № 153. 1948, 20.05. P. 5)

[100] [316, с. 40-43; 476, с. 116; 548, с. 46].

[101] Giraud Henri (18.1.1879 г. – 13.3.1949 г.). Этот 63-летний человек сам подготовил свой побег из неприступной горной крепости Кёнигштайн (Königstein), где он находился в заключении. Хотя какую-то помощь, вроде бы оказала вишистская разведка. 17 апреля 1942 г. он спустился по веревке со стены и отвесной скалы 40-метровой высоты, на которой стоит крепость, и сумел добраться до Франции, где присягнул Петену, как главе государства. Отсюда в Гибралтар его доставили уже американцы на подводной лодке [315, с. 192; 363-4, с. 293; Интернет].

Усилия американцев принесли свои плоды. 8 ноября 1942 г. их войска высадились в Марокко и Алжире, 9 ноября – в Тунисе, а 10/11 ноября 1942 г. французский главнокомандующий, адмирал Дарлан, сдал союзникам всю французскую Северную Африку, приказав подчиненным ему войскам сложить оружие. Предварительные 3-месячные переговоры с Дарланом, который, похоже, в ходе инспекционной поездки подготовил сдачу, позволили американцам выиграть не менее двух месяцев, перенеся высадку с начала января 1943 г. на начало ноября 1942 г., и избежать жертв. Эйзенхауэр принял Дарлана в объятия. Тот стал Верховным комиссаром Франции в Северной Африке, а в начале декабря 1942 г. провозгласил себя главой французского государства, главнокомандующим же был назначен Жиро[102].

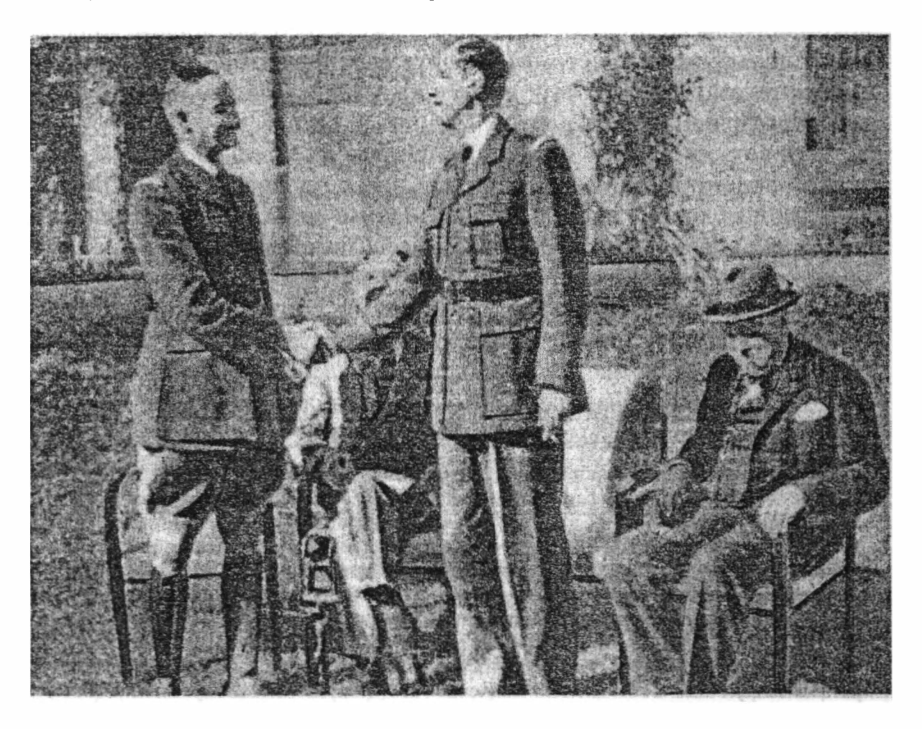

Фото 21. Встреча Жиро и де Голля в Касабланке в январе 1943 г. Сидят Черчилль и Рузвельт. («Europe-Amerique». № 59. 1946, 1.08. P. 26)

---

[102] [127, с. 85-87; 185; 209, с. 294; 363-4, с. 293; 471, с. 486; 600].

Эти события были как нож острый де Голлю, Черчиллю и Сталину. Все трое, хотя и в разной степени, отодвигались в Северной Африке на второй план. Перед де Голлем замаячила мрачная перспектива быть полностью вытесненным со сцены. О том, что эта перспектива была реальной, говорят судьбы Драго Михайловича и его четников в Югославии или Армии Андерса и Армии Крайовы в Польше. Обратим внимание на один факт: все они сохранили верность своим правительствам в изгнании, а их победившие противники – Тито и его партизаны в первом случае, и 1-я Польская армия с Армией Людовой (21.7.1944 объединены в Войско Польское) – во втором, были даже не ставленниками, а детищами Сталина.

Де Голль был удачливее и Михайловича[103], и Андерса. На его стороне оказался случай, сходный с трагедией премьер-министра и главнокомандующего польскими силами Сикорского, погибшего вместе с еще 7 польскими офицерами на борту взлетевшего с Гибралтара английского самолета, который рухнул на землю. Спасся тогда лишь пилот, спрыгнувший с парашютом[104].

Так вот, 24 декабря 1942 г. Дарлан был смертельно ранен в собственной приемной и умер в госпитале или по дороге в него. Убийца – 20-летний молодой человек, Фернан Бонные де ла Шапель (Bonnier de la Chapelle), который, по утверждению «Chronique du 20e siècle», был монархистом, однако газеты эпохи называют его «де-голлистом». Версию с удовольствием повторяет советская послевоенная историография: «Французский буржуазный публицист А. Кериллис утверждает, что организаторами убийства Дарлана были деголлевцы, поскольку он (Дарлан – *Н.Г.*) претендовал на власть и являлся соперником де Голля»[105].

---

[103] «Англия предает сербов. По сведениям шведской газеты “Свенска Моргенбладет” <...> югославское эмигрантское правительство передало партизанскому генералу Михайловичу требование распустить свою организацию и присоединиться к главе партизан Тито. Генералу Михайловичу было заявлено, что англичане не будут более оказывать ему поддержку» [28]. «Генерал Михайлович, вождь национальных сербских партизан, должен будет уступить свое место вождю сербских коммунистических банд Тито. Как сообщает “Ивнинг Стандарт”, Молотов категорически потребовал на московской конференции устранения Михайловича» [178].

[104] [520]. «По данным польской газеты, Сикорский вез с собой важный материал, компрометирующий Советы. Этот материал был получен им от польских офицеров, находившихся на Ближнем Востоке. Опубликование этого материала вызвало бы новое напряжение между Лондоном и Москвой» [105].

[105] [127, с. 87] со ссылкой: *De Kérillis*. De Gaulle dictateur, p.215. В действительности, это утверждение находится в другом месте цитируемой работы [606, с. 186]. См. также [417, с. 405; 521; 550, с. 194-195; 600, с. 602], приложение 2.II.3. Это совпало с по-настоящему разнузданной антидеголлевкой кампанией в СССР. Ни до, ни после конца 40-х – начала 50-х такие тексты уже не появлялись. Научной вершиной этой эпохи явились работы Н. Годунова [127; 128], терминология которых дает представление

Советская версия конца 1980-х: «Одни называли де ла Шапеля роялистом, другие – голлистом...» [315, с. 197].

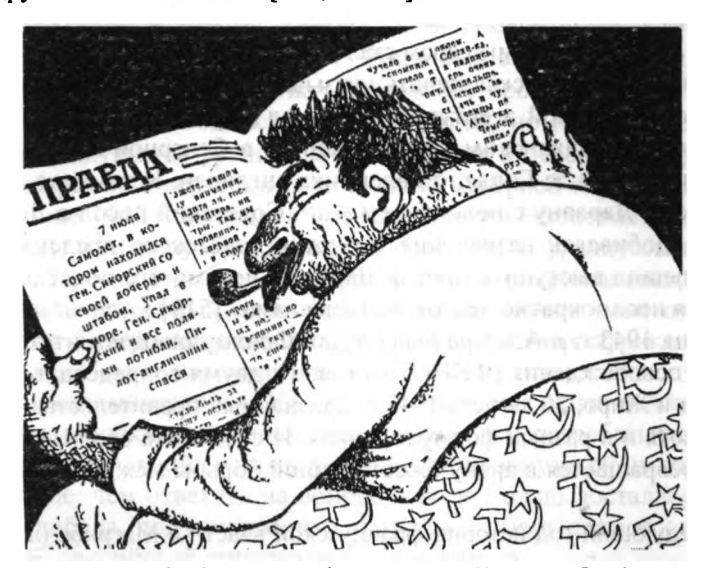

Фото 22. «Зависть профессионала: – Чистая работа!
Вот бы у кого поучиться нашим катынским головотяпам...»
(Рис. Ив. Ольхина. *Новое слово.* 11.7.1943. № 55(541). С.3).

(В газете «Правда» заметка: «7 июля. Самолет, в котором находился ген. Сикорский со своей дочерью и штабом, упал в море. Ген. Сикорский и все поляки погибли. Пилот-англичанин спасся». В. Сикорский – глава польского правительства в игнании. В апреле 1943 г., после раскрытия катынских захоронений и разрыва отношений с СССР, стал чрезвычайно неудобен Черчиллю. 4 июля погиб в странной авиакатастрофе у Гибралтара)

и о самом содержани, и о характере кампании: «преступления де Голля и его англо-американских хозяев против французского народа», «клика де Голля», «вооруженные фашистские банды де Голля», «тайные вооруженные банды де Голля» (последние два высказывания – о голлистских группах Сопротивления), «предатель де Голль», «на помощь гитлеровцам пришли <...> англо-американские реакционеры и де Голль». То же – у А. Усвяцова: «фашистский сброд де Голля». Ныне забытые Н. Годунов или А. Усвяцов – историки «ну очень средней руки», чего уже не скажешь о такой величине первого порядка, как А.Манфред. Читаем у последнего: «блок неофашистских головорезов де Голля», «погромная банда де Голля», «патриарх предательств и измен Леон Блюм» [291]. Значительно более корректен (хотя и обвиняет де Голля в «двурушничестве и предательстве») только что вернувшийся в СССР М.Штранге [564], которому, заметим, еще надо было доказывать свою лояльность и было чего бояться. О том, что даже в ту эпоху можно было писать вполне корректные тексты без инвектив и преувеличений, говорит статья Н. Сурина [496] – безусловно, ангажированная, антидеголлевская, но не скатывающаяся к площадной брани, порочащей, прежде всего, самого автора.

Концы в воду спрятали мгновенно: уже 27 декабря убийцу расстреляли, хотя он до последней минуты твердил, что влиятельные лица вмешаются и предотвратят казнь (может, потому и расстреляли так быстро?). Верховным комиссаром стал Жиро. «Новое слово»: «По поводу этого убийства германская печать указывает, что оно было совершено британской секретной агентурой. Адмирал Дарлан был лицом, тесно связанным с американским командованием в Северной Африке и являлся соперником де-Голля, ставленника англичан. К тому же Англия относилась к Дарлану с недоверием <...>. Советский посол в Лондоне, Майский, добиваясь назначения в Алжир советского представителя, тоже поспешил выступить против Дарлана, потому что последний выявлял себя неоднократно врагом большевизма» [519].

3 июня 1943 г. в Алжире был создан Французский комитет национального освобождения (ФКНО) во главе с двумя сопредседателями – де Голлем и Жиро, 26 августа 1943 г. признанный правительствами трех держав, хотя и в разных формулировках. И с момента своего создания ФКНО превращается в арену ожесточенной борьбы между двумя генералами[106].

Последующий год истории французской власти в Магрибе (а, отчасти, и в других районах Средиземноморья) – это история соперничества де Голля и Жиро с постепенным выдавливанием последнего[107], с тотальными чистками, отстранением от власти, должностей или даже арестами и казнями представителей подчиненной Жиро и в прошлом вишистской администрации и офицерства. Однако с самим Жиро, под началом которого де Голль когда-то служил [315, с. 192], ему повезло меньше, чем с Дарланом. Несколько покушений провалились. Во время одного из них этот немолодой генерал умудрился разоружить обоих террористов, в то время как его жена прикрывала собственным телом коляску с маленьким внуком[108]. Противостояние между двумя антигерманскими ветвями французской армии достигало такой остроты, что иногда

---

[106] [53, с. 36-39; 127, с. 88; 128, с. 42; 209, с. 295; 299, с. 119-121; 315, с. 197-210; 316, с. 45; 550, с. 194-200].

[107] Не стоит изображать Жиро тупым и ограниченным солдафоном. Партии его волновали мало, и он значительно легче, чем де Голль, готов был идти на союз с внутренним коммунистическим Сопротивлением, лишь бы оно эффективно воевало с Германией. По его просьбе к партизанам был послан офицер для связи. Но когда он вернулся, Жиро уже потерял пост, о чем сильно сожалел в своих мемуарах министр-коммунист Ф. Бийу [53, с. 36-37].

[108] Рассказано авторам весной 2006 г. частным лицом, слышавшим эту версию от участника событий (во время которых последний, как раз, лежал в коляске), считавшего террористов деголлевцами.

выливалось в прямые вооруженные столкновения, как то было в декабре 1942 г. в Сирии, или между голлистами и американцами в июле 1943 г. в Алжире. Союзников такая борьба во французском лагере явно устраивала[109]. Наконец, к ноябрю 1943 г. Жиро был вынужден окончательно отказаться от председательства (*de facto* это произошло уже 31 июля, хотя он продолжал подписывать ордонансы), но пока еще оставался главнокомандующим французскими войсками в Северной Африке[110].

Одновременно решалась судьба самой Северной Африки. Де Голль еще в конце 1942 г. выдвинул проект переноса Национального совета из Лондона в Африку и создания там свободного французского правительства. Проект этот был встречен в штыки американцами, которые предложили встречный план формирования независимой от Европы Федерации Северо-Африканских государств («Североафриканской федерации», «Союза народов»), которая бы политически подчинялась Англии, экономически – США. Туда должен был войти и Алжир, хотя и под французским управлением. Американцы разрабатывали также проекты федеральной системы управления Французской империей[111].

Прежде, чем ответить на вопрос, как де Голлю досталась окончательная победа, подчеркнем, что этот ответ имеет прямое отношение к судьбам российской эмиграции во Франции.

Союзники недооценили циничную решительность де Голля: ради Великой Франции он был готов на союз даже с дьяволом. Жиро, более приверженный этическим принципам, проиграл. С одной стороны, де Голль постарался войти в контакт со всеми ветвями Сопротивления внутри Франции, в т.ч. и с коммунистами. А, с другой – его естественным союзником оказался Советский союз. В сложившихся условиях ориентация на СССР была для генерала единственной возможностью отстоять интересы Франции.[112] И, наоборот, для Сталина голлисты играли роль «пятой колонны» в среде союзников, которую он поддерживал и взращивал, через которую влиял на события и после прихода к власти которой получил возможность контролировать ситуацию во Франции. Парадокс в том, что де Голль, являясь активным противником коммунистов, значительно больше нуждался в советском вожде, чем тот в нем. А эта зависимость для российской эмиграции во Франции имела катастрофические последствия.

---

[109] См. приложение 2.II, а также [64, с. 472-479; 417, с. 403-452].

[110] [179; 315, с. 209-210]. Подробнее о борьбе группировок Дарлана-Жиро, с одной стороны, и де Голля, с другой, см. в книге, написанной почти что по горячим следам и опубликованной уже в октябре 1945 г. [606, с. 187-253].

[111] [53, с. 32; 89; 315, с. 198-199].

[112] [65, с. 102-108; 391, с. 19-20; 470; 548].

Для современников возможность именно такого развития событий была очевидной (см. прилож. 2.III.A.21). И лишь самые заинтересованные стороны – Англия и Америка – этого, похоже, не понимали. Они были поглощены дележом французских колоний.

В окружении де Голля концепция опоры на Советы в противовес англосаксонскому влиянию возникла не позже начала января 1941 г. [299, с. 114]. И потому в нападении Германии на СССР он увидел для себя спасение. По его словам, это открывало «перед Францией новые большие надежды» [315, с. 166], ибо Москва тем самым оказывалась «четвертым игроком» в числе союзников. Де Голль узнал о нападении 23 июня 1941 г. и уже на следующий день, официально взял курс на сотрудничество с СССР. Второй раз его представители поставили перед послами СССР вопрос об установлении официальных отношений 8 августа в Лондоне (Кассен и Дежан) и 9 августа 1941 г. в Анкаре (Жеро Жув). Результаты не заставили себя ждать: де Голль сумел сделать то, что ему не удалось за год до этого – первый шаг на пути формирования будущего французского правительства. «Когда по дипломатическим каналам вопрос о советском признании был согласован, де Голль издает 24 сентября 1941 г. ордонанс № 16 об учреждении Французского национального комитета под своим председательством». Уже 26 сентября Советское правительство признало комитет и самого де Голля «как главу всех свободных французов». Не считаться с этим союзники не могли. И с тех пор, по 1945 г. включительно, СССР, как правило, первым признавал различные модификации комитетов де Голля, которые вели последнего к власти. Москва также «проталкивала» представителей деголлевских комитетов в различные союзнические структуры. Так, благодаря давлению СССР, французский представитель вошел в 1943 г. в Консультативный совет по вопросам Италии, а позднее Франция получила зону оккупации в Германии, была включена в Союзный контрольный совет наравне с СССР, США и Англией, вместе с ними принимала капитуляцию Германии и вошла в Совет министров иностранных дел, который решал проблемы мирного урегулирования, получила одно из пяти мест постоянных членов в Совете безопасности ООН, и т.п.[113] Другими словами, теперь уже Сталин вводил четвертого игрока, который усиливал его позиции.

Особенно эффективной советская дипломатическая помощь стала в 1943 г., после того как в марте 1943 г. посланец де Голля, Пьер Кот,

---

[113] [35, с. 9-10, 12; 64, с. 475-485, 500; 204, с. 25; 299; 315; 316, с. 39-49; 363-4, с. 288-302; 391, с. 19-20; 467, с. 206].

отправился в Москву (см. прилож. 2.III.А.18, 20). В этот момент статус СССР в среде союзников резко изменился: только что завершилась Сталинградская битва (2 февраля 1943 г.), а в мае Сталин, распустив Коминтерн, заявил тем самым миру, что он отказался от идеи всемирной революции и наконец-то стал демократом.

Фото 23. «Волшебная флейта»
(рис. Эльпе. *Новое слово.* 24.11.1943. № 94(580). С. 1).
(К итогам конференции в Москве Хэлла, Идена и Молотова, на которой Англия и США согласились предоставить большевикам свободу рук в Европе)

Таким образом, именно благодаря поддержке СССР положение де Голля в течение войны медленно, но неуклонно менялось к лучшему[114].

Однако за признание себя в качестве единственного законного представителя Франции надо было платить. Козырей у де Голля было немного, но он сумел пустить их в ход. Во-первых, в его части были внедрены офицеры и агенты НКВД. И на те территории, куда вступали голлистские части, вступали и чекисты. Кроме этого агенты вербовались в самой голлистской среде. Так, советским агентом был высокопоставленный чиновник Жорж Пак[115], завербованный в Алжире в 1943 г. резидентом внешней разведки Аваловым (Иваном Ивановичем Агаянцем, 1911-68 гг.), который там действовал с августа того же года. По другим сведениям, завербовал его атташе посольства СССР в Алжире, Александр Гузовский, с которым Пака познакомил бывший участник войны в Испании, врач Бернштейн (Bernstein). Впрочем, одно не исключает другого. Пак, начиная с января 1943 г., работал в комиссариате информации, в кабинетах «силовых министров», премьер-министра, президента, затем в Генеральном штабе Франции, и, наконец, в 1962 г. становится одним из руководителей пресс-службы НАТО. Даже сам де Голль, когда ему было выгодно, не гнушался через «дипломата» Агаянца, с которым в Алжире имел многочисленные доверительные беседы и о реальных функциях которого просто не мог не догадываться, выступать в роли информатора: «Используя контакт с Агаянцем, де Голль ставил советское правительство в известность обо всех <... антифранцузских – *ДИГ*> маневрах англо-американских союзников и просил дипломатической поддержки, которую он и получал» [236; 363-4, с. 300; 363-5, с. 465; 618]. Позднее, советский перебежчик, майор КГБ А.М. Голицын, просто утверждал, что «окружение генерала де Голля “кишело” шпионами» [236]. Ну, а советская разведка сделала максимум, чтобы обеспечить де Голлю победу в схватке с Жиро, чему российские историки разведки посвятили даже отдельный очерк «Де Голль или Жиро» [363-4, с. 288-302].

---

[114] О взаимоотношениях де Голля и СССР в годы войны существует огромная историография. Помимо работ, которые мы цитируем конкретно, укажем на коллективную франко-российскую монографию 2006 года [605], как основанную на большом количестве архивных материалов, так и содержащую достаточно обширную библиографию, а также на серию статей российских и французских исследователей, опубликованную уж совсем недавно, в 2010 г. [37; 197; 498].

[115] Pâque Georges (29.1.1914 г., Шалон-на-Соне, деп. Сона – дек. 1993 г., Париж). Был арестован французской контрразведкой 10 августа 1963 г. (его выдал перешедший в 1961 г. на запад майор КГБ Анатолий Михайлович Голицын), в 1964 г. осужден на пожизненное заключение. В 1968 г. де Голль его помиловал, и, в конечном счете, он был условно освобожден в 1970 г. [363-4, с. 299-300; 363-5, с. 140-152, 465; 388].

Во-вторых, на территориях, подконтрольных голлистам, ФКП была не только легализована, но и получила возможность ввести своих представителей в законодательные и исполнительные органы власти[116]. Контроль над радио оказался у Комиссариата, во главе которого стоял коммунист Э. Фажон (E. Fajon), подчинявшийся Москве. Передачи «Радио Алжира» открылись речью А. Марти «"Советская республика Северной Африки" как первая из "Союза Советских Европейских Республик"» («"République soviétique Afrique du Nord" comme première de "l'Union des Républiques soviétiques européennes"» [584]). Таким образом, англо-американская идея Североафриканской федерации подспудно трансформировалась в идею советской республики. Хотя, конечно, генералу надо отдать должное: будучи антикоммунистом, он как мог, затягивал решения, связанные с ФКП, с введением ее в различные правительственные структуры, позднее – с передачей министерских постов, стараясь платить Сталину другой монетой.

В-третьих, де Голль начал было торговать своими сторонниками в качестве пушечного мяса, предлагая посылать их на Восточный фронт. Причем первые его предложения датируются уже 9 декабря 1941 г. Но здесь он, похоже, натолкнулся не только на противодействие английского командования, но и на сильнейшее внутреннее сопротивление. Единственной удачной акцией явилось формирование эскадрильи «Нормандия». В апреле 1942 г. было решено послать в СССР 30 французских летчиков и 30 человек наземного персонала. Советско-французское соглашение об участии французских авиационных частей на советско-германском фронте было подписано 25 ноября 1942 г. В марте 1943 г. эскадрилья была сформирована (отбыла на фронт 25.3.1943 г.), неуклонно расширялась и в августе 1943 г. стала полком «Нормандия-Неман»[117].

---

[116] Так, ФКНО отменил декрет от 26.9.1939 о запрещении ФКП [64, с. 480; 363-4, с. 301; 513, с. 152; 666, с. 501]. ФКП была запрещена из-за свой зависимости от государства, являвшегося союзником гитлеровской Германии, которой Франция только что объявила войну. А, тем более, после того, как СССР сам напал на Польшу 17 сентября 1939 г., ибо существование на территории Франции легальной структуры, ему подчиненной, вошло уже в очевидное противоречие с безопасностью страны.

[117] [35, с. 11; 57, с. 25; 64, с. 492-496; 204, с. 25; 273а, с. 220; 315, с. 169; 316, с. 42]. В свете этого утверждение Ф. Бийу: «как сообщил в своем докладе генерал Пети, возглавлявший французскую военную миссию в СССР, предложение сформировать в Советском Союзе одну или несколько французских дивизий не встретило благоприятного приема со стороны де Голля» [53, с. 40], может ввести читателя в заблуждение. Де Голль, скорее всего, был готов, вот только французы не хотели. Однако пропагандистский эффект от самого факта действий французского полка на Восточном фронте был высок. Это поняло норвежское правительство в изгнании. И норвежский военный отряд принял участие вместе с Красной армией в боях на территории Норвегии, начавшихся в октябре 1944 г. [273а, с. 226]. Поэтому утверждение, что «эскадрилья "Нормандия" <...> была единственным воинским соединением западных держав на советско-германском фронте» [35, с. 11], ошибочно.

Фото 24. «“Отец народов” за работой»
(Рис. Тэна; *Новое слово*, 9.12.1942. № 98(480). С. 1)

В целом лица, готовые сражаться в рядах голлистов, подписывали бумагу, которая давала право де Голлю отправлять их на любой фронт. Но в какой-то момент довольно большая группа будущих солдат, которых тайно вывозили из Франции через Испанию и Португалию, намереваясь перебросить в СССР, узнав о том, куда их собираются направить, взбунтовалась, повыбрасывала из поезда голлистскую охрану и совершила побег. По всей видимости, многие из этих людей имели опыт подполья и прошли отряды маки, в результате испанская и португальская полиции потерпели фиаско при их поимке[118].

---

[118] См. приложение 2.III.A.10-11. Допускаем, что среди этих 5,5 сотен французских эмигрантов были и эмигранты российские – евреи и лица левых взглядов, которые бежали с территории, подконтрольной Виши, где пребывание для них стало опасным. Возвращение в СССР для них было смерти подобно, и в этом случае именно они могли оказаться инициаторами побега.

И, наконец, четвертое, самое важное для нашего исследования: де Голль стал беззастенчиво торговать российской эмиграцией, уничтожение которой было для Сталина идеей фикс. Речь в этот период шла не о Ди-Пи, которым еще только предстояло появиться, а о старой эмиграции. Еще не было никаких ялтинских соглашений, и генерал сдавал всех оптом – и в Алжире, и на Корсике. Впрочем, и там, и там были чрезвычайно сильны коммунисты [127, с. 70], и в этом вопросе у них с де Голлем разногласий не было. То же самое, судя по всему, в Южной Италии делал председатель Совета министров Италии маршал П. Бадольо, пытавшийся удержаться у власти и тоже в какой-то момент поставивший на Сталина (см. прилож. 2.III.А.19-21). Однако в последнем случае англичане и американцы сумели воспротивиться столь противоестественному союзу [481].

Как видно из материалов в приложении 2.III.А.7, 12, 15, не останавливался де Голль и перед прямым преступлением – депортацией тех эмигрантов, которые уже успели натурализоваться, т.е. французских граждан[119]. Сколько их было среди тех, кого сгоняли в лагеря и насильно направляли в СССР, мы не знаем, впрочем, как и не знаем, сколько всего было депортированных (в отличие от Ди-Пи, к первой эмиграции термин «насильственная репатриация» не применим в принципе). К сожалению, вопрос практически не изучен. Мы владеем лишь отнюдь не беспристрастной информацией из прогерманской эмигрантской

---

[119] Если таковые события в Алжире и на Корсике, действительно, имели место, то это – серьезное преступление деголлевской администрации. Мы опросили ряд французских юристов с просьбой дать юридическую оценку депортации французских граждан французской администрацией, и… не получили вразумительного ответа. Все сходятся на том, что таковые действия являются противозаконными, но определения дают, в лучшем случае, самые общие – на уровне оценки в качестве «преступлений против человечности». Ближе других к истине был, пожалуй, не юрист, а один старый генерал, который в эти годы служил в Алжире, знал и Жиро, и де Голля. Он спокойно констатировал, что законы там тогда просто не существовали, и каждый действовал по праву сильного. По его мнению, все, что касается де Голля, во Франции до сих пор находится под цензурным контролем, и он просил не называть его имя, что мы и исполняем. Но хотим добавить, что законы существовали даже тогда, и если правительство Виши в 1940 г. лишило гражданства 15 тыс. чел. (в т.ч. 6 тыс. евреев), которые получили оное после 1927 г., а также отменило французское гражданство для алжирских евреев [85, с. 648, 651], то это лишь доказывает, что и в годы войны во Франции и ее колониях французские власти (в отличие от оккупационных) не могли просто так депортировать французского гражданина за его происхождение (еврея – в Германию, русского – в СССР), но прежде его нужно было этого гражданства лишить. Что касается Алжира, то Дарлан почти за год до появления там советского посла, в ноябре-декабре 1942 г., занялся отменой расистских и дискриминационных законов, принятых Виши, а в марте 1943 г. Жиро объявил недействительным и все вишистское законодательство, т.е. возвратился к довоенному французскому законодательству ([315, с. 294; 417, с. 412], прилож. 2.II.1).

прессы, которая, тем не менее, такой же источник, как и все остальные. Ответы, возможно, хранятся в российских, французских, итальянских, алжирских и тунисских архивах. Мы полагаем в качестве своей цели не исследование проблемы, но лишь постановку самого вопроса.

Де Голль в своих действиях в отношении российской эмиграции пользовался полной поддержкой прокоммунистической и антифашистски настроенной части населения. Как мы уже говорили, большая часть эмиграции прекрасно жила и при немцах, и, тем более, при режиме Виши, автоматически оказываясь, с точки зрения голлистов и коммунистов, в числе «коллаборантов». Но если голлисты в этом лагере не были никогда, то коммунисты тем яростнее нападали на эмиграцию, что им надо было замазать свое «прогерманское» – с сентября 1939 г. по июнь 1940 г., а затем и чисто «коллаборационистское» прошлое (вплоть до борьбы с начавшим возникать Сопротивлением) – с июля 1940 г. по июнь 1941 г.

Охоту за старой эмиграцией Советский союз вел не только во «владениях» голлистов, но и по всему Средиземноморью[120]. О Южной Италии мы уже говорили. А вот информация по Египту – традиционной зоне влияния англичан. Внедрение в эту страну напоминает «ползучую агрессию» (см. прилож. 2-III-В). Вначале – разрешение на ведение радиопередач с египетской территории. Затем первые шаги по установлению дипломатических отношений и постройка советских аэродромов в Египте для «торговых целей». И, наконец, через месяц после того, как советский посол прибыл в Каир, был поставлен вопрос о переводе всех эмигрантов (около 3000 чел.) в советское подданство и их депортации в СССР. Египетское правительство ответило отказом, считая, что получение советского гражданства – личный вопрос каждого эмигранта. Однако ситуация была крайне неустойчивой, домогательства советской стороны – настойчивы и агрессивны, и значительная часть эмигрантов в панике запросила египетского гражданства.

Итак, еще в период войны, в 1943-45 гг., Сталин, который сделал ставку на де Голля, смог разрушить российские эмигрантские колонии в значительной части Средиземноморья. Те, кто не уехал за океан, частично были депортированы, частично – уничтожены физически, частично вынуждены натурализоваться в странах пребывания (что, впрочем, спасало не всегда). И лишь малая часть сумела перебраться в метрополию – собственно во Францию.

---

[120] Мы этот регион выделяем особо, ибо он был вне зоны оккупации Красной армии, в отличие от стран Восточной и, отчасти, Центральной Европы, где вопросы решались много проще.

Добавим сюда ликвидацию значительно более многочисленных эмигрантских колоний Центрально- и Восточно-европейских стран, которые были оккупированы Красной армией.

Другими словами, к концу войны была в принципе уничтожена возможность повторения процесса, который в начале 1920-х гг. превратил Францию и Париж в центр российской эмиграции: потенциальные доноры, каковыми являлись различные колонии, исчезли. От НКВД смогли уйти лишь единицы – в основном те, кто бежал с отступавшими германскими войсками. Их появление во Франции было зафиксировано, но численность – ничтожно мала для сколько-нибудь заметных демографических изменений. И к тому же совершенно не определен юридический статус: Советы пытались их рассматривать в качестве Ди-Пи. В связи с этим напоминаем, что пока мы говорили о представителях первой эмиграции, в т.ч. считая и 2-е ее поколение, но не касались Ди-Пи, бойцов восточных батальонов и различных национальных формирований, легионеров, отдельных представителей власовского движения, оказавшихся на территории Франции, «повторных беглецов» (совершивших побег уже в процессе репатриации) и сформировавшейся на их общей основе второй волны эмиграции.

Георгий Владимирович Шибанов

Шибанов представлял собой столь примечательное явление в среде русской эмиграции, и столь важное для нашего исследования, что мы считаем необходимым уделить ему особое внимание.

Общие биографические данные о нем из комментариев к «Полицейскому отчету» 1948 г. представляем в приложении 1.I.30. Ниже приводится лишь то, что осталось «за кадром» или удалось выявить совсем недавно.

Во-первых, его имя присутствует в биографическом словаре французского рабочего движения [599; 679]. Текст заметки достоин воспроизведения: «Шибанов. Доброволец в республиканской Испании. Предполагается,

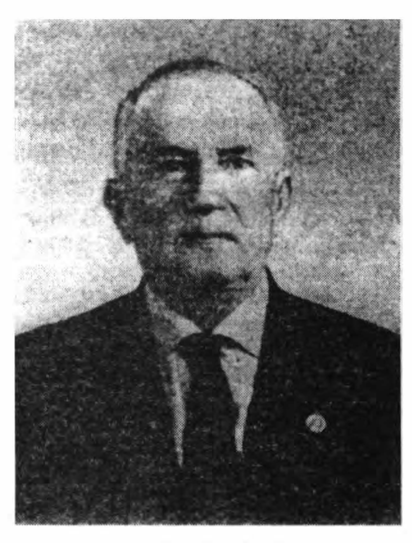

Фото 25. Г.В. Шибанов. Фотография середины 1960-х гг.

что Шибанов дезертировал 6 марта 1938 г. (он фигурирует в списке убитых или пропавших без вести). Источник: Архив A.V.E.R.»[121].

Этого человека можно обвинить в чем угодно, но только не в трусости. Но тогда исчез он из Испании по приказу свыше.

Встречающееся утверждение, что он «уже в первые месяцы войны <по контексту – Мировой, а не Отечественной – *ДИГ*> принял участие в антифашистских акциях» [561, с. 99], противоречат политике ВКП(б) и, вслед за нею, ФКП и больше похоже на подлог: антифашистская деятельность Шибанова не могла начаться до 22 июня 1941 г., что следует и из его собственных мемуаров [345, с. 438-440]. Напомним, что с 1943 г. он в подполье занимался как эмиграцией, так и советскими гражданами, оказавшимся на территории Франции (советскими военнопленными, интернированным лицами и бойцами «Восточных батальонов», которых он сам упорно называл «власовцами»). Объединение этих функций в руках эмигранта первой волны представляется фантастическим, но становится возможным в случае, если мы говорим о человеке, проверенном и завербованном спецслужбами. Инициатива шла с двух сторон, и собственно вербовка с длительными проверками (как минимум на 4-х уровнях) происходила с мая по конец июля 1943 г. Шибанов описывает ее сам[122], хотя и в несколько другой терминологии: в мае случайная встреча со знакомым армянином, участником Сопротивления, Диряном Воскереджианом; в начале июня Шибанова через связного выводят на ответственного по кадрам парижской организации Сопротивления по имени Феликс. Тот производит первую проверку и через некоторое время представляет его «товарищу Ляпорту, работавшему в высшей инстанции»; здесь вторая проверка биографии и присвоение клички «Андрэ». Шибанов предлагает «план организации русской патриотической группы Сопротивления» и организацию побегов военнопленных. В конце июля, т.е. через месяц или полтора (время вполне достаточное для проверок в Москве, тем более что там с июня кардинально меняется политика в отношении внешней разведки; см. [231]), цепочка Феликс – Ляпорт его выводит на «уполномоченного Национального фронта по организации и руководству русской группой Сопротивления» (ранее его представляли как уполномоченного «по работе среди советских военнопленных» – это одно и то же лицо), Гастона Лароша, он же полковник ФТП (Франк-Тирёр э Партизан = Вольные

---

[121] [599]. A.V.E.R. – Amicale des anciens volontaires français en Espagne républicaine. В т. 16 он просто присутствует в списке французских добровольцев в Испании [679].

[122] [345, с. 442-444]. См. также [259].

стрелки и партизаны) и уполномоченный ЦК ФКП Борис Матлин[123]. На очередной встрече Ларош сообщил Шибанову, что тот «утвержден вышестоящей инстанцией Сопротивления ответственным по кадрам русской группы». Что значит быть «ответственным по кадрам» в коммунистическом мире, достаточно ясно, и поставить на эту должность белого эмигранта ЦК ФКП могло лишь в одном единственном случае – ежели это был приказ из Москвы.

---

[123] Laroche (Ларош, Лярош) Gaston, он же Борис Матлин (Matline Boris; colonel FTPF; 31.5.1902 г., Russie – 3.9.1964 г., Москва). Родился в рабочей семье (явно еврейского происхождения); был младшим из 6-ти детей. В 2-летнем возрасте родители увезли его во Францию. Проживали в 3 округе Парижа. После обучения в муниципальной школе окончил профессиональное механическое училище, откуда вышел с дипломом помощника механика-наладчика. Работал в Компании парижских омнибусов. Стал активистом молодежной рабочей организации. Помимо французского, владел русским, немецким, испанским и английским языками. К 1940 г. был женат, имел троих детей. Довольно рано ушел в подполье, оставив семью, чему способствовал арест полицией Виши его брата и обыск в его собственном доме. До конца 1942 г. действовал в составе Национального фронта (Front National) в парижском регионе. Затем, благодаря знанию языков, он оказался в руководящих органах организации «Рабочая сила иммигрантов» (Main-d'œuvre immigrée; MOI) и руководил борьбой иммигрантов против оккупации Франции. В сентябре 1942 г. под его руководством была группа из 20 человек; в феврале 1943 г. он командовал уже тремя отрядами. В январе 1944 г. под его командованием уже было 600 человек. Он принимал участие в атаках на здания, казармы, гаражи, склады, занятые немцами, а также в уничтожении немецких офицеров. Сражался в Па-де-Кале, в Арденнах, руководил восстаниями в Менде (Mende), в Лозере(Lozère) и в Мерт-и-Мозель (Meurthe-et-Moselle). Руководитель Центра действия и защиты иммигрантов (Centre d'action et de défense des immigrés – CADI) и в период подполья и после освобождения. Получил звание полковника; кавалер ордена Военный крест с пальмовой ветвью (Croix de guerre avec palme); 31 мая 1947 г., в день своего 45-летия стал кавалером ордена Почетного легиона. Секретарь Общества «Франция – СССР». Генеральный секретарь Федерального союза иностранных добровольцев французской армии (Union fédérale des groupements d'anciens engagés volontaire et résistants d'origine étrangère – UGEVRE). Вместе с женой был приглашен на празднование 20-летия парижского восстания в Москву, где и умер от сердечного приступа. Известно, что давал консультации Н.И. Кальма при сборе ею материалов для романа «Книжная лавка близ площади Этуаль» [64, с. 497; 129, с. 346, 505; 218; 391, с. 22, 281; 508, с. 155; 560, с. 195; 641, с. 11-12; 655, с. 68]. Его знаменитая книга «Их называли иностранцами» («On les nommait des etrangers») [641], посвященная иностранцам во французском Сопротивлении, увидела свет уже после его кончины. В ее основе лежат статьи Матлина-Лароша разных лет (начиная с 1944 г.), иногда сильно переработанные (напр., см. [640]). В СССР появилась рецензия на эту книгу [664], но сама она на русский никогда не переводилась. Выдержки из нее печатались в различных французских изданиях (например, [664]). Посмертная биография Лароша, опубликованная в книге, вызывает очень странное впечатление: описаны юность, затем – «провал» в два десятилетия; описана война и – опять «провал» до приезда в Москву в 1964 г. И множество вопросов. Например, откуда этот человек, получивший незаконченное среднее техническое образование (нечто типа советских ФЗУ 40-х гг.), владел 5 языками, да так, что мог на них работать? Не учился ли он еще где-либо, о чем в середине 60-х еще предпочитали умалчивать?

Фото 26. Gaston Laroche – Гастон Ларош,
он же полковник Борис Матлин (colonel F.T.P.F. Boris Matline).
Профессиональный разведчик свое лицо сможет не показать даже на портрете

Любопытна реакция Русского освободительного движения (РОД) на создание Союза русских патриотов во Франции (СРП). Во власовской газете «Доброволец» (№9 от 30.1.1944) появилась статья «Об одной провокационной попытке», перепечатанная 12 февраля 1944 г. «Парижским вестником». Информации в ней немного, больше ругани – у авторов в руках лишь две прокламации СРП. Единственное, в чем они уверены, – организации СРП толком не существует (есть лишь «пара вражеских агентов, располагающих пишущей машинкой и поддержкой иностранной разведки») и что это дело рук («провокация») Интеллидженс-Сервис и/или НКВД [347], и в последнем предположении недалеки от истины. Впрочем, у этой публикации есть еще одна особенность: обширные цитаты из обеих листовок. Мы их публикуем в приложении 2.I.4, ибо далеко не уверены, что сами прокламации где-либо сохранились.

СРП как организация Сопротивления не предполагала никаких боевых партизанских и диверсионных действий (во всяком случае, на начальном этапе), как хорошо видно из указанных листовок, но лишь проведение массово-агитационной, организационной, разъяснительной работы с каким-то несмываемым оттенком «стукачества». Как иначе охарактеризовать их цель под № 1: «Выявлять и сообщать имена предателей родины»? [347]. Ведь это писали люди, жившие во Франции, их родиной являлась Россия, которую они давно покинули, а предать ныне можно было только Советский Союз. Так кому ж они сообщать-то собирались о предателях? Представителям НКВД? Или, все-таки, писали другие люди, не эмигранты? Собственно сражаться должны были «советские партизаны», включая «власовцев». Видимо, не случайно у русских участников Сопротивления, членов французских подпольных организаций, было крайне скептическое мнение о работе СРП (см. прилож. 4.18). Указание на ее марионеточный характер прорывается и в советских публикациях. Так, в [450, с. 159] указано, что «по поручению ЦК ФКП в октябре 1943 г. он <Шибанов> создал русскую организацию Сопротивления “Союз русских патриотов”». Тот факт, что ЦК ФКП руководило созданием и деятельностью СРП, подтверждают и мемуары самого Шибанова [345, с. 438-452]. Но ФКП могло проявить инициативу в формировании русской эмигрантской организации исключительно по приказу Москвы.

Из отчета «Сеть НКВД во Франции» (см. прилож. 4.18) однозначно следует, что Шибанов после войны был одним из руководителей «эмигрантского» оперотряда по отлову Ди-Пи, и что через него шло финансирование этого отряда.

Явно его имеет в виду А. Столыпин в следующем пассаже: «Небольшая, но весьма активная группа русских эмигрантов, так называемых

"советских патриотов", начала сотрудничать с советскими карательными органами и помогала СМЕРШу охотиться за русскими черепами (у некоторых из вожаков этих "патриотов" уже была набита рука в этом деле во время гражданской войны в Испании)» [487, с. 42].

Обратимся теперь к факту награждения Шибанова орденом Отечественной войны I степени[124].

Мы проанализировали за 12 лет (с 1957 по 1978 г.) «Ведомости Верховного Совета СССР» [90], в которых печаталась информация о награждениях. Вот любопытная статистика: за участие в войне против фашизма, за спасение советских военнопленных, за помощь Красной армии советскими орденами и медалями в эти годы был награжден 881 иностранный гражданин, 3 бывших военнопленных, бежавших из лагерей и сражавшихся в партизанских отрядах в Европе, и 6 «соотечественников», читай – «эмигрантов». Пик награждений пришелся на середину 60-х гг., когда модно было говорить о советских участниках европейского Сопротивления.[125] Такое ощущение, что значительная часть награждений раздавалась как бы по разнарядке. Особенно это заметно для военнопленных: один – сражавшийся во Франции (знаменитый В.В. Порик), один – в Бельгии (Е.И. Доценко), один – в Италии (Ф.Н. Мосулишвили). Причем все трое – посмертно[126].

Из 6-ти эмигрантов – 4 награждены посмертно [522]. Два оставшихся – Шибанов и Гафт – и привлекают наше внимание. Шибанов

---

[124] Указ Президиума ВС СССР № 4100-VI от 18 ноября 1965 г. [522].

[125] В работах 1940-50-х гг. по истории Сопротивления (напр., [127; 128; 651]) эта тема почти не затрагивается. Редчайшее исключение – статья М. Штранге, где он позволил себе упомянуть бежавшего из плена и отличившегося в боях в июне 1944 г. комсомольца Василия Долганова (да и то, скорее всего, потому, что тот вскоре погиб в горах Верхней Савойи) [564, с. 119-120]. Зато с 1960 г. начинается и продолжается до первой половины 70-х гг. целый вал литературы (мемуарной, аналитической, публикаторской, художественной) о российских и советских людях в Сопротивлении, а также мемуары некоторых реэмигрантов. Напр., см.: [23; 108; 115; 208; 218; 243; 244; 259; 277; 285; 311; 312; 326; 329; 330; 345; 391; 417; 450; 455; 507; 508; 509], и мн.др. Мы не можем не увязывать этот факт, как и серию награждений, с политикой хрущевской «оттепели». Это был, по своему, прорыв – своеобразный глоток свободы и для исследователей, и для еще живых участников событий. Его можно сравнить с таким же прорывом в отношении эмиграции в эпоху перестройки и в постсоветский период, характеризовавшихся «стихийным увлечением темой русской эмиграции» [373, с. 425]. В обоих случаях открывались ранее запретные темы.

[126] В указах [90-1964, № 30, с. 571; 90-1966, № 29, с. 568; 90-1972, № 41, с. 625] о том, что все эти награды даны посмертно, нет ни слова. Мосулишвили награжден позже двух других. Просто его было уж совсем неудобно не наградить после того, как сам итальянский посол вручил его семье награду Италии – медаль «За воинскую доблесть». Информация о том, что он погиб 3 декабря 1944 г. в бою, – из [277]. О Порике см. [244; 391; 507; 571; 640, с. 397-400; 641, с. 264-266]. О Доценко см. [450, с. 230-232].

оказывается *единственным* из всех выживших эмигрантов – участников Сопротивления, кого наградили советским орденом (Отечественной войны I ст.). К тому же статус этого ордена в 1960-е гг. (до массового «юбилейного» награждения им в 1985 г. всех инвалидов ВОВ, а орденом Отечественной войны II ст. всех участников войны) был очень высок. Еще один выживший эмигрант – Михаил Яковлевич Гафт, работавший вместе с Шибановым, член ФКП и ЦК СП, вернувшийся в СССР, получил медаль «За боевые заслуги». Такого могли удостоиться лишь реальные и доказавшие свою преданность агенты, выжившие в относительно вегетарианское (для агентов) послевоенное время, и награжденные в брежневское в соответствии со своим рангом и положением.

ЦК советских пленных во Франции (ЦК СП)[127]

Создана эта структура была, по официальной версии, при содействии или «братской помощи» французской компартии[128]. В действительности, просто по решению ЦК ФКП, который выделил для ее организации особых уполномоченных и которому ЦК СП напрямую подчинялся, отчитываясь о своей работе[129]. Комплекс подобных действий просто немыслим без прямых указаний из Москвы. Интересную проговорку при описании газеты ЦК СП сделал публикатор документов из Центрального партийного архива ИМЛ ЦК КПСС, с неизбежностью привязанный к знакомым формулировкам: «Газета “Советский патриот”[130] издавалась в Париже <...> при участии ЦК советских пленных, с помощью ЦК КП Франции» [508, с. 155]. Так ЦК СП сам издавал собственный главный печатный орган, или лишь участвовал в его издании?

Не менее любопытен состав организационного собрания ЦК СП, которое происходило на нелегальной квартире 15 октября 1943 г.: уполномоченный ЦК ФКП по работе среди советских военнопленных во Франции Гастон Ларош – похоже, что резидент советской разведки, работавший через ФКП (возможно, что это была еще агентура Коминтерна); эмигрант первой волны, член ФКП Г. Шибанов; и три бежавших военнопленных: политрук Марк Яковлевич Слободинский, капитан

---

[127] См. об этой структуре также [603, с. 122-125].

[128] [64, с. 498; 65, с. 112; 244, с. 93; 391, с. 282-283; 655, с. 68-69]. Самый мягкий вариант: ЦК СП действовал «в тесном контакте с руководством Французской компартии» [467, с. 207].

[129] [330; 391, с. 197, 348-349; 507; 508, с. 151; 509, с. 119]. Отчет ЦК СП перед ЦК ФКП за январь-март 1944 г. опубликован в [391, с. 350-356; 509].

[130] Далее СП-1. Первый, советский и подпольный вариант газеты “Советский патриот”. См. [410, с. 490-491].

Иван Николаевич Скрипай и ст. лейтенант погранвойск и курсант Высшей пограничной школы Василий Таскин[131]. Обратим внимание, что событие это происходит через 12 дней после такового же собрания, на котором под руководством того же Шибанова был создан СРП [410, с. 472]. Шибанов же, на наш взгляд, с лета 1943 г. становится едва ли не штатным советским агентом, хотя с сетью либо НКВД, либо Коминтерна был связан и ранее.

Другими словами, организаторами ЦК СП являются три офицера, из которых один – политрук (самоконтроль партии), а второй был офицером НКВД, ибо именно этому наркомату подчинялись погранвойска[132]. Ими руководят ЦК ФКП (который в декабре 1943 г. утвердил состав ЦК СП) и, судя по всему, советская резидентура. Информацию об утверждении состава ЦК СП сообщили его членам на совещании (Париж, ул. Сен-Марсель, д.55[133]) в начале 1944 г. все те же Ларош и Шибанов.

М. Слободинский стал ответственным секретарем ЦК СП и редактором газеты «Советский патриот» (далее: СП-1), И. Скрипай – ответственным по кадрам, В. Таскин отвечал за организацию подпольных комитетов Сопротивления в лагерях для советских военнопленных и за создание советских партизанских отрядов. Но два контролера и далее не оставляли организацию с громким именем «Центральный комитет советских пленных», которая, по логике, никак не могла подчиняться ни французам, ни белоэмигрантам. Как свидетельствует Таскин, Ларош и Шибанов в дальнейшем присутствовали «на большинстве наших заседаний <...>. Обычно заседания начинались с информации Лароша <...>. Затем каждый из членов ЦКСП отчитывался <...>. ЦКСП действовал под непосредственным руководством Центрального Комитета Французской коммунистической партии, регулярно направлял ему отчеты о своей деятельности».[134] Таким образом, ЦК СП к эмиграции не имел никакого отношения. Эта была сугубо советская административная организация, которой руководили офицеры Красной армии и НКВД и которую через ФКП очевидным образом контролировала советская

---

[131] [345, с. 416; 450, с. 163, 178; 641, с. 246; 655, с. 69]. Утверждение в [467, с. 207], что помимо этих троих ЦК СП возглавляли также В.Порик и Н.Смаричевский, не находит подтверждений в историографии. Ларош, к работам которого восходит значительная часть информации, ясно пишет, что эти два человека присоединились позднее [641, с. 246].

[132] Руководство пограничными войсками осуществляло Главное управление пограничных войск НКВД СССР (до 1939 – Главное управление пограничных и внутренних войск НКВД СССР) [210].

[133] Видимо, имеется ввиду бульвар Сен-Марсель. Его нечетная сторона относится к 13 округу (bd St Marcel, 13°).

[134] [391, с. 202-203]. См. также [330, с. 39].

разведка. В структурах, ей подчиненных, действовали ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ, в которых шел прием новых членов [244, с. 74; 508; 509].

Этим выводам на первый взгляд противоречит описание решений, которые были приняты 3 октября 1943 г. первым оргсобранием СРП, происходившим на квартире самого Шибанова: «поручить Шибанову организацию лагерных комитетов среди советских военнопленных[135], побегов из лагерей, а также создание советских партизанских отрядов; поручить Кочеткову вести разъяснительную и агитационную работу среди власовцев с целью привлечению их в ряды советских партизан; издавать свой печатный орган "Русский патриот" и нелегальную газету "Советский патриот", предназначенную специально для советских военнопленных и партизан» [345, с. 445]. Но это лишь на первый взгляд, ибо функции были разделены. Заниматься советскими пленными должен был советский агент Шибанов, а солдатами «Восточных батальонов» («власовцами» в пропагандистской терминологии тех лет), которых старались отделить от собственно пленных, сведя к минимуму их контакты[136], – эмигрант первой волны Кочетков. На долю же собственно советских людей – Слободинского и Таскина – выпало редактирование советской газеты – «Советский патриот».

Интересное свидетельство содержится в воспоминаниях бывшего советского военнопленного, бежавшего из концлагеря под Верденом, Б.В. Лайкевича. Группа таких же беглецов, как и он, входила в состав французского партизанского отряда под командованием некого Фреде. Со временем на них вышел член ФКП М.Я. Гафт (он же Ник, он же Владимир) и связал с представителем ЦК СП Василием Таскиным[137]. О встрече с последним в местечке Леванкур[138]: «Все документы и отчеты о боевых операциях, которые вы сдаете Фреде, остаются у французов и в Советский Союз не попадут, – говорил Василий Таскин. – Поэтому трудно судить о том, что проделано вашими отрядами. Советским партизанским отрядам нужно иметь свое руководство, всю документацию сохранять, сдавать ее только на Родине или во Франции представителям

---

[135] На январь 1944 г. ЦК СП контролировал ужс более 20 лагерных комитетов [115, с. 188; 641, с. 246].

[136] Таскин: дезертировавших «власовцев» выделяли в отдельные отряды, стараясь не смешивая их с «советскими партизанами» [345, с. 422-423, 428; 391, с. 168]. Это подтверждается и другими мемуаристами. Боялись «тлетворного влияния»? Облегчали органам госбезопасности будущую послевоенную селекцию? Допускаем, что присутствовали все эти мотивы, плюс были указания из Москвы.

[137] Самого Василия Константиновича Таскина (1908 г. – после 1971 г.), 12 июня 1943 г. бежавшего из лагеря, в ЦК СП привел тот же Гафт и передал Шибанову [345, с. 414-415; 391, с. 192-210, 283-284; 450, с. 178; 522].

[138] Судя по упоминанию Вердена (Verdun), речь идет о коммуне Levoncourt в деп. Meuse.

Советского Союза. Вскоре в Париже созывается совещание командиров советских партизанских отрядов <...>. О том, как вам доехать до Парижа, позаботится Ник». И чуть далее: «На совещании было принято решение о том, чтобы советские партизанские отряды действовали самостоятельно. <...> Было также решено в одной из типографий выпускать свою газету» [345, с. 373-374]. Если эти пассажи сравнить с датой выхода первого номера газеты «Советский патриот» (СП-1) – к 7 ноября 1943 г., и предыдущим утверждением Лайкевича, что на момент его встречи с Гафтом, ЦК СП уже был создан (оргсобрание 15 октября 1943 г.), то понятно, что события происходят в этот промежуток времени, и что это первое такое совещание, созванное только что организованным ЦК СП.

В [410, с. 472] мы уже писали, что организованный Шибановым СРП осуществлял тесное взаимодействие с ЦК СП, и для связи с отрядами советских партизан выделил 20 «переводчиков», каждый из которых был постоянно прикомандирован к какому-либо отряду, и 5 «инструкторов» (Михневич, Лисицын, Сикачинский, Шапошников, Красницкий), которые «направлялись в крупные районы, где действовали советские партизанские отряды и размещались лагеря для военнопленных» – в Руан, Лилль, Лориан (Бретань), Лион и Сент-Этьен [391, с. 283]. Похоже, что это было не только обеспечение контакта с ЦК СП, но и попытка взять под контроль районы, куда Центральный комитет еще не успел распространить свое влияние.

Последнее же его заседание, на котором «было решено считать его функции исчерпанными ввиду того, что борьба советских патриотов против немецких оккупантов во Франции закончилась», происходило 4 декабря 1944 г. [244, с. 93]. Однако перед нами отнюдь не самороспуск общественной организации, признавшей, что ее миссия завершена, а рутинная ликвидация советской административной структуры после того, как она выполнила свои функции. Таскин: «В декабре 1944 года, после изгнания фашистов с территории Франции и прибытии в Париж советского представительства, мы отчитались за работу советских пленных во Франции перед Центральным Комитетом Французской коммунистической партии. Затем мы доложили советской военной миссии о результатах борьбы советских партизан против фашистских захватчиков на севере и востоке Франции и сдали все отчетные материалы и документы начальнику миссии»[139]. При своем роспуске, ЦК СП представил на утверждение ЦК ФКП отчетный доклад о проделанной работе,

[139] [391, с. 210]. Он же в другом тексте: «В ноябре 1944 года, после <...> прибытия в Париж советского представительства, мы вышли из подполья и прекратили свою деятельность. Мы <...> сдали все отчетные материалы и документы начальнику миссии генерал-майору тов. Драгуну» [345, с. 428].

а весь архив ЦК СП был передан представителю уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в Западной Европе и попал в Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС [509, с. 119, 121].

Итак, если резюмировать: написали отчет для контрольной организации и передали все документы реальному хозяину, точнее, его уполномоченному. При этом ЦК СП вышел из подполья лишь в ноябре 1944 г., когда этот уполномоченный появился, хотя Париж был освобожден в августе. Т.е. в течение трех месяцев военизированная организация вела подпольное существование, дожидаясь советской миссии. Думаем, что, с одной стороны, людей легче было держать под контролем именно в таком состоянии напряжения. А, с другой – в первые недели и месяцы после Освобождения было непонятно: будет ли Французской компартии дан указ из Москвы попытаться взять власть в стране. И подпольные вооруженные формирования советских людей вполне вписываются в логику этого ожидания[140].

Сразу после Освобождения тот же Шибанов создал параллельную структуру – *Комитет помощи бывшим советским военнопленным и депортированным* (КПБСВиД). Основанием для его организации явилось решение собрания СРП, состоявшегося на ул. Сен-Ламбер[141] в Париже 20 августа 1944 г., т.е. еще до освобождения последнего, «создать центры по собиранию и обслуживанию бывших советских военнопленных и гражданских, привезенных гитлеровцами для работы во Франции» [391, с. 285]. Оно и положило начало формированию КПБСВиД.

Со своей стороны, временный поверенный в делах СССР при ФКНО, С. Козырев, утверждал 14 сентября 1944 г. в телеграмме руководству, что именно он организует этот комитет: «В Париже действует множество комитетов помощи русским военнопленным, большая часть из которых явно подозрительна[142]. <...> Мы проводим следующую работу: <...>. 4. С помощью советских граждан, проживающих в Париже, создаем на базе уже существующего комитет помощи советским военнопленным и советским гражданам, насильно вывезенным во Францию» [471, с. 108]. Какие же «советские граждане» на 14 сентября 1944 г., т.е. менее, чем через три недели после освобождения Парижа, не просто

---

140 О принадлежавших ФКП и существовавших еще в конце 1947 г. тайных складах оружия и боеприпасов, см. [235].

141 Saint-Lambert, 15°. В целом во время восстания (19-25.8.1944 г.) штаб СРП и осуществлявший общее руководство Гастон Ларош размещались в Латинском квартале на ул. Руайе Колар (Royer-Collard) в д.7 [345, с. 438-452; 391, с. 24, 280-287].

142 Другими словами, среди гуманитарных организаций, оперативно созданных старой эмиграцией и французами, были и такие, чьи действия шли вразрез с советской политикой. Какие-нибудь комитеты, сформированные НТС?

временно находились там, а *проживали*? Другими словами, жили достаточно долго, что с неизбежностью включает и период оккупации тоже, и помогали создавать КПБСВиД? Ведь СРП включал только эмигрантов. Кто из них *уже стал* советским гражданином?

Позднее, в 1945 г., когда военнопленные если еще и не были репатриированы, то находились под контролем советской миссии, КПБСВиД превратился в Отдел помощи советским гражданам ССП.

Свидетельство Лайкевича проливает свет на феномен удивительного количества советских партизанских отрядов на территории Франции, которые действовали в контакте с французскими, но отдельно от них[143]: Москва старалась их разъединить и даже отделить те группы, которые уже были интегрированы во французское Сопротивление, а также там, где возможно, сводить отдельные советские отряды в крупные соединения. Цель – контроль, как взаимный (в т.ч. через созданные партийные и комсомольские ячейки), так и документальный, а также максимальное сокращение контактов с французами.

---

[143] На территории Франции к началу 1944 г. насчитывалось более 30 советских партизанских отрядов, а на момент освобождения – от 35 до 50, из части которых 22 августа 1944 г. был создан Первый советский партизанский полк в составе 2200 чел. под командованием А.А. Казаряна. Был даже женский советский партизанский отряд «Родина». 49 командиров отрядов являлись гражданами СССР. [57, с. 26; 64, с. 497; 65, с. 112-113; 204, с. 27; 211, с. 272; 244; 345, с. 360; 375; 655, с. 64]. Есть и такие версии: «В 1944 г. во Франции действовали 40 советских партизанских отрядов и почти столько же отдельных партизанских групп, в которых сражалось около 4 тыс. советских граждан» [391, с. 27; 768, с. 209]. В. Таскин вспоминал: «по неполным данным, 900 советских партизан сражались под командованием французских партизан, составляя отдельные отряды и группы» [345, с. 426]. То есть, Таскин учитывает и какое-то число советских партизан, находившихся при французских отрядах, но которых, все-таки удалось взять на контроль. Другими словами, по этим оценкам советских партизан было в сумме – от 4 до 5 тыс. чел. Но вот оценки другие: «17 тысяч советских патриотов сражались в 55 партизанских отрядах на французской земле» [91, с. 112; 330]. Похоже, что здесь две цифры не соответствуют друг другу: названо число советских партизанских отрядов и общее число советских участников партизанского движения, т.е. и тех, кто входил во французские отряды. Другой вариант: из лагерей на территории Франции только к маю 1944 г. бежало в общей сложности около 12 тыс. советских граждан [509, с. 120], т.е. к августу было много больше; общее число советских партизан во Франции достигало 30 тыс. чел. [655, с. 64]. Но тогда остальные сражались во французских отрядах, и советской стороне удалось взять под наблюдение не более $^1/_6$ от общего числа партизан из бежавших военнопленных, остовцев и бойцов восточных батальонов. А вот еще одна цифра: на французской территории в годы войны погибло 18 тыс. советских граждан [570]. Похоже, что это число охватывает вообще всех погибших: и от рук немцев (в партизанских отрядах и в лагерях для военнопленных), и от рук союзников (легионеры и бойцы РОА; лица, сопротивлявшиеся репатриации), и от рук советской военной миссии (невозвращенцы при побегах и оказании сопротивления).

Любопытно, что бойцы советских партизанских отрядов после Освобождения оказались во Франции пораженными в правах по отношению к тем, кто сражался во французских отрядах (вне зависимости от их происхождения и гражданства). Последним, на основании документов, подписанных командирами отрядов, в 1944-45 гг. (т.е. в самое тяжелое время) полагалось некоторое пособие, которого «советские партизаны» не имели[144].

Обратим внимание на одну из задач, возложенных на ЦК СП: «выявлять скрывавшихся во французских семьях советских граждан, бежавших индивидуально из лагерей, и направлять их в партизанские отряды» (цит. по [391, с. 25]). Двусмысленность формулировки очевидна, тем более, что задача выявления «индивидуально» исчезнувших из поля зрения стояла второй по списку[145]. После Освобождения именно этим и будут заниматься опергруппы советской миссии.

Итак, часть беглецов (меньшая) сражалась в советских партизанских отрядах, часть (большая) – во французских, а кто-то скрылся во французских семьях. Еще несколько сотен перешли швейцарскую границу[146]. Рубакин особо выделяет русских «девушек, одиноко живших в семьях горожан и крестьян» [455, с. 87]. Но это Швейцария, не знавшая значительных потерь мужского населения. Во Франции демографическая ситуация была иной, и думаем, что здесь в семьях укрылось значительно бóльшее количество мужчин, чем в Швейцарии. В ближайшем будущем те из них, кто сумеет уйти от бдительного ока ЦК СП и ФКП, а затем советских миссий, составят часть второй эмиграционной волны.

Однако, во французских семьях «растворились» не только мужчины, но также сотни и тысячи женщин-«остовок». Их ситуацию на 1945-46 гг. описал М. Коряков, свидетель того, как они приходили в советское посольство в наивной попытке получить документы, необходимые для официальной регистрации брака с французом, и обратно из посольства

---

[144] [492-4, с. 74]. См. приложение 4.14.

[145] Только с января по февраль 1944 г. ЦК СП выявил 150 таких индивидуальных беглецов и, взяв под контроль, направил в партизанские отряды [640, с. 396; 641, с. 246].

[146] Некоторая информация о них содержится в материалах из архива Н.А. Рубакина [455]. Русский дореволюционный эмигрант (что обеспечило возможность публикации его материалов в хрущевскую эпоху), он создал в Лозанне русскую библиотеку. В годы войны читателями библиотеки стали более 2 тыс. русских. Сколько из них пришло из Франции, а сколько из Германии и других стран, сказать сложно. Осенью 1944 г. была репатриирована группа также в 2 тыс. чел. А затем, «последние конвульсии войны выбросили в Швейцарию новую волну беглецов, в частности около 10 тысяч советских людей» [455, с. 88]. К этому времени Франция была уже давно освобождена, и из нее могли придти лишь уходившие от советской репатриации, а не от немцев.

уже не возвращались. А без легализации женщины к тому же не получали продовольственных карточек, и семьи, которые их принимали, должны были быть готовы делиться своим куском хлеба. «Положение женщин было отчаянным», резюмирует этот очевидец [252, с. 236]. Более того, советские репатриационные власти не только не оформляли им документы, но и отбирали уже выданные французами[147]. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что у этой группы Ди-Пи проблемы решились раньше, чем у других. Дело в том, что их выдача и вырывание из семьи противоречили не только международному праву (как, впрочем, и любая насильственная репатриация), но и традиционному правосознанию рядовых французов, для которых жена разделяет судьбу мужа, и не может быть отнята никем. И французы взбунтовались. Среди прочего они задействовали английское и американское посольства. «Под давлением таких случаев осенью 1945 года к июньскому соглашению была прибавлена оговорка: обязательно репатриируются все, за исключением женщин, вышедших замуж и принявших французское подданство»[148]. Таким образом, сезон охоты за женщинами, вышедшими замуж и сумевшими оформить французские документы, во Франции продолжался чуть более года; за всеми остальными – еще более двух, до декабря 1947 г.

Однако вернемся к советским партизанским отрядам. Фактически перед нами единый блок, из которого вырваться в эмиграцию было почти невозможно (и организационно, и психологически), и который затем, видимо, целиком был репатриирован в СССР. Не случайно в многочисленных мемуарах этих лиц практически отсутствует описание сбора на репатриационных пунктах, обратной дороги, приема. Рассказы завершаются на получении французских наград. Самые длинные описания у Ю.А. Галузина (из одной фразы): «Выезжая на сборный пункт советских граждан, мы тепло распрощались с французскими братьями по оружию», и у В.К. Таскина (из трех фраз): «После окончания боевых действий на востоке Франции советским партизанским отрядам был дан приказ с имеющимся вооружением явиться в Нанси. Прибывшие на сборный пункт советские отряды имели вид настоящих

---

[147] Из сводки от 10 июня 1945 г., подписанной генерал-полковником Ф.И. Голиковым: «На французские приемные пункты в районе г.Лилль из Западной Германии прибывают советские женщины, вступившие в брак с французами. На этих пунктах советским гражданкам выдаются документы на право жительства во Франции. Нашими офицерами отобрано около 400 подобных документов» [191, с. 20].

[148] [252, с. 237-238]. На мужчин, женившихся на француженках, это правило не распространялось.

воинских подразделений. Машины и вооружение были переданы представителям местной организации Сопротивления» [391, с. 210, 259]. Все это сводило к минимуму возможности для самостоятельного выбора судьбы[149].

Любопытно было бы выявить те исключения, которые, безусловно, имели место[150]. Да и разделить французских и советских партизан удалось далеко не везде. К тому же деятельность ЦК СП распространялась лишь на департаменты севера и востока Франции [330, с. 39]. На юге и западе советские люди оказались свободны от его контроля. Любопытная проговорка у Таскина: «к моменту высадки союзных войск на территории Франции насчитывалось 32 советских партизанских отряда» [345, с. 425]. Но из дальнейших приводимых им данных следует, что речь идет лишь о севере, северо-востоке и востоке Франции, где ситуацию в свои руки взял ЦК СП, и об отрядах, ему подконтрольных.

---

[149] Особняком стоит описание обратного пути Б.Н. Стариковым: в конце 1944 г. при помощи ФКП самостоятельно двинулись в обратный путь 10 партизан и 50 освобожденных военнопленных через Марсель, Италию, Египет, Босфор и Черное море в Одессу, куда прибыли в апреле 1945 г. [345, с. 413; 391, с. 137-138]. А вот еще одно свидетельство того же старого французского генерала, который рассказывал нам об Алжире и пожелал сохранить анонимность: его покойный друг, полковник Тевенон (Thévenon), в конце войны служивший в чине майора в 1-й французской армии генерала де Латтра, получил приказ сопроводить в Варшаву и передать советскому командованию «русский» пионерный батальон. Он целиком состоял из бывших советских военнопленных, которые бежали из концлагерей, сражались в рядах маки, а затем прошли боевой путь с французской армией. О том, что ожидало в СССР побывавших в плену, майор узнал лишь много позднее, и этот вопрос, по-видимому, его мучал. По мнению генерала, все документы о 1-й армии раскрыты, и подробную информацию можно найти в военном архиве (SHAT, Венсен) [374]. Совесть майора можно успокоить: те вооруженные люди, которые с ним сами дошли через Европу до репатриационных органов, должны были хотеть возвратиться и принять уготованную им судьбу. Однако должны заметить, что из подобной системы очень тяжело выбраться колеблющемуся человеку, и во многом потому, что его имя уже зафиксировано в списках, а, значит, его родственники становятся заложниками.

[150] Отчасти они связаны со вступлением бывших военнопленных в ряды французской армии. С. Козырев жаловался 14 сентября 1944 г.: «Получаем сведения о принудительной вербовке советских граждан во французскую армию. Отказывающихся подвергают арестам. При этом вербовщики заявляют о якобы имеющейся договоренности с Советским правительством» [471, с. 108]. Речь могла идти не только о вербовке в Иностранный легион, но и о об обычных частях, что видно из предыдущего примечания. И мы не знаем, какая часть из служивших вернулась в СССР. Что касается арестов при отказе, то есть сомнения, что они могли касаться военнопленных, во всяком случае, в сколькоб-нибудь заметных количествах. А вот тех, кто носил германскую форму, – могли. Эти люди оказывались совершенно бесправны, и шантаж должен был действовать, ибо в этом случае арест означал неминуемую последующую передачу советской миссии.

Но тогда значит, что в других частях Франции таковых не было. С одной стороны, это не совсем так[151], но с другой – его утверждение отражает тот факт, что собственно советские отряды как массовое явление своим развитием обязаны именно ЦК СП. В других районах советские граждане сражались в основном в рядах французского Сопротивления. Информации о них в советской литературе значительно меньше, чем о советских партизанах, хотя она и встречается в мемуарах[152]. Можно не сомневаться, что в рамках этого контингента число невозвращенцев, пополнивших вторую эмиграционную волну, было значительно выше, чем у тех, кто подчинялся ЦК СП.

«Охотничья сеть», которую Москва пыталась набросить на движение Сопротивления, по всей видимости, не исчерпывается комплексом структур ФКП – ЦК СП – СРП. Во всяком случае, в воспоминаниях Р. Гуля находим факты, явно не укладывающиеся в эту схему. О Якове Борисовиче Рабиновиче: «Я.Б.[153] во время войны был руководителем подпольного еврейского[154] (он был сионист) и эмигрантско-русского движения "сопротивления"». «Этот резистанс <...> позднее сливался и с коммунистическим, которым руководил коммунист-чекист Михаил Михайлович Штранге (<...> фон Штранге) <...> из московских дворян. Но сей М.М. стал коммунистом сразу же после Октября. На границе Швейцарии и Франции, в Савойе, его отец и мать, приехавшие из СССР, снимали замок, якобы "пансион" для отдыхающих, на самом же деле это была явочная квартира коммунистов-сопротивленцев. Туда приезжали и другие сопротивленцы. <...> там бывал и Я.Б. и рассказывал, какие кулебяки, пироги, пельмени и другие "русские вкусности" подавались у Штранге» [144-1, с. 270; 144-3, с. 79-80]. Перед нами явно другая линия, уже прямо созданная советской разведкой, хотя и в рамках

---

[151] Например, советские отряды (командиры Алексеенко и Хетагуров) участвовали в освобождении Бордо и центра провинции Дордонь (Dordogne) [471, с. 108].

[152] Напр., [391, с. 292-342]. Из редких отдельных публикаций см. [329].

[153] Рабинович Яков Борисович (9.9.1897(1898 г.), Могилев – 12.5.1964 г., Париж; кладб. Банье), экономист, адвокат, масон. Окончил кадетский корпус; Петербургский политехнический ин-т. В эмиграции с начала 1920-х. Жил в Париже. Доктор права и государственных наук Иенского ун-та (Германия); кандидат права Парижского университета. В 1930-е годы вел адвокатскую практику. Член Союза защиты евереев-эмигрантов. С 1945 г. член комитета Очага русско-еврейских беженцев в Париже. Член Содружества русских участников Сопротивления (1947 г.). Участвовал в р-те Нюрнбергского процесса в качестве эксперта по международному праву. Юрисконсульт Франко-израильской Торговой палаты. Член Объединения С-Петербургских политехников. Периодически жил в США и Израиле. Мастер ложи Друзья любомудрия (с 1931 г.); почетный член ложи Юпитер. На 1964 г. были живы жена и дочь [327-6-1, с. 114; 434-VIII; 452, с. 678; 414-2, с. 563].

[154] О еврейском Сопротивлении во Франции см. [52; 641, с. 204-221].

коммунистической ветви Сопротивления. Да и финансовые средства были другие. Насколько можно судить, через эту структуру пытались взять под наблюдение «непросоветскую» часть эмигрантского и еврейского Сопротивления, которая не входила в состав СРП.

Видимо этот самый пансион имеет в виду В.Ф. Седов, рассказывая о советской разведке во Франции в годы войны: «В южной зоне действовала также служба по организации приема и предоставлению убежища преследуемым участникам Сопротивления, к каким бы группам они ни принадлежали. Эти лица в течение нескольких дней имели бесплатное питание и жилье, а затем получали другие удостоверения личности и уезжали на новое место» [363-4, с. 241].

Гипотезу, что все описанные выше структуры управлялись из единого центра, подтверждает следующий пассаж того же Гуля: «"Борегаром" ведал советский полковник-чекист Никонов и его помощник, лейтенант-чекист М. Штранге» [144-3, с. 102]. О репатриационном лагере «Борегар», созданном СРП и переданном под контроль советской военной миссии, как только она появилась во Франции, мы будем говорить далее. А Штранге, его родителям и конспиративной «квартире» в Савойях мы посвящаем приложение 1.II.

Как видим, от описания, на первый взгляд, одинокой и маргинальной организации, мы пришли к пониманию наличия целой контрольной сети, которую Москва пыталась накинуть как на советских военнопленных и остарбайтеров, находившихся на территориях, ею не контролировавшихся, так и на французское движение Сопротивления в целом.

Эмиграция в Париже после войны по свидетельствам современников

Современники прекрасно чувствовали кризис эмиграции в послевоенном Париже. Конечно, отчасти это было связано с тем, что уходили из жизни старики, сменялось поколение. Из письма В.А. Маклакова (Париж, 16 сентября 1946 г.) Б.А. Бахметеву: «Существование наших эмигрантских учреждений переживает острый кризис с самого начала войны и массового вымирания лиц, которые с <19>20-го года ведали этим. Ясно, что долго мы существовать не можем, но протянуть еще возможность есть» [469-3, с. 523].

Но это была лишь одна из причин кризиса. И мы даже не можем назвать ее основной, ибо на процесс развития диаспоры как живого социума оказывает влияние столько факторов, что они могут «гасить» те из них, которые носят негативный характер. Если бы это было не так, не смогли бы существовать в течении столетий и тысячелетий такие

диаспоры, как еврейская, ассирийская, цыганская или армянская. Поэтому для того, чтобы прервать развитие уже сформировавшегося социума, на проблему смены поколений должно было наложиться экстраординарное по своей силе внешнее давление. Что в 1940 г. и начало происходить.

Первый удар исходил от Гитлера, лишившего российскую эмиграцию во Франции ее еврейской и лево-социалистической составляющих. Но их изгнание продолжалось всего 4 года, а то и менее, особенно если учесть, что часть этих лиц перед повторной эмиграцией продолжали некоторое время жить во Франции на территориях, подконтрольных Виши. И после войны равновесие вполне могло быть восстановлено. Однако последовал новый удар – теперь уже от «освободителей».

Так, И. Бунин в письме к Б. Зайцеву от 4 ноября 1944 г. писал: «Ведь эмиграции больше нет и в возвращение из Америки и Марка <Алданова> и сотни прочих – не верю: может быть, они и мечтали, но теперь... Надеюсь, ты меня поймешь». В предыдущем письме от 26 октября Бунин описывал то, как Союз друзей Советского Отечества и Союз русских патриотов собирались 7 ноября праздновать день Октябрьской революции (от которой они все бежали из России), и как туда зазывали его самого, и еще через месяц, 2 декабря: «До чего несчастна русская эмиграция! Чего только не пережила! И вот опять чуть ли не все, видимо, в ужасе – спешат страховаться – валом валят записываться в "патриоты", в "Союз друзей Советского Отечества"... (довольно странное, кстати, сказать, название – "Советское Отечество")». Через 1,5 года, 10 мая 1946 г., из Парижа: просит М.Алданова передать А.Керенскому «совет: ни в коем случае не приезжать (слышал вчера, будто собирается)». Таким образом, становится очевидно, какие Бунин имеет в виду изменения Франции, мешающие возвратиться из США русским эмигрантам, и как сам относится к их возвращению. Хотя Алданов все-таки приехал и в письмах из Ниццы (ок. 1947 г.) указывал на тяжелые «моральные условия», существовавшие тогда в Париже[155].

В. Варшавский: «После того, как некоторые русские резистанты взяли советские паспорта <…> распространилось неверное представление, что все русские резистанты были советскими патриотами. В действительности большинство из них было не советскими, а русскими патриотами <…>. Будь в Париже не немецкая, а советская оккупация, то очень многие русские участники резистанса против немцев пошли бы в резистанс и против советов, а из тех эмигрантов, кто сотрудничал с немцами, очень многие так же бы коллаборировали

[155] [19-81, с. 124-125; 78-152, с. 165; 80-138, с. 155-156, 158, 161].

с большевиками. Не случайно среди лиц, взявших после "амнистии" советские паспорта, бывших коллаборантов было больше, чем бывших резервистов» [88, с. 364]. И далее, о молодом поколении эмиграции: «"Русские мальчики", несмотря на беспочвенность, нищету и отверженность, сохранили в изгнании верность самым высоким заветам русской культуры <...>. Но если был выдержан главный экзамен на гражданство вечной России, то с экзаменом идеологическим дело обстояло гораздо хуже. Почему так часто кончалось скатыванием в фашизм или в советский патриотизм? <...> Они не знали, что общий им всем идеал Русской правды и социального раскрытия христианства не осуществим без той "формальной" демократии, в презрении к которой они были воспитаны» [88, с. 373].

Безусловно, в эмоциональных словах Варшавского есть правда, но далеко не вся. Многие эмигранты вынужденно «спешили страховаться», ибо угроза, исходящая от французских властей и от коммунистов, нависла над всеми, кто жил при оккупации, а сюда целиком входил парижский эмиграционный социум. После освобождения Парижа человек мог быть арестован лишь за то, что просто служил в германской администрации, даже если это была для него единственная возможность пропитания. Так провела несколько месяцев в тюрьме близкая знакомая семейств Зайцевых и Буниных, Е.Н. Жирова. Б. Зайцев писал о ней из Парижа И. Бунину 8 ноября 1944 г.: «Издевательства были большие, и над ней, и над Натальей Федоровной. И все зря. Ляля все еще сидит... Хлопочут о ней все, вины за ней никакой, а она сидит». 17 ноября: «Ляля все сидит. Вера видела С.М. Зернову, работающую по этой части в пользу русских, та сказала, что надеется скоро ее высвободить». О ее освобождении – в письме от 7 декабря[156].

Тех, кто был более знаменит, постарались просто удалить. Так, 30 ноября 1945 г. префект полиции, Редон (Redon), направил министру внутренних дел предложение о высылке из Франции вел. кн. Владимира Кирилловича. В конечном счете, тот перебрался в Испанию, где проживал «в предместье Мадрида в небольшой вилле» [490; 643, с. 438-439].

П. Ковалевский, свидетель событий: «Если многие русские были посланы в концентрационные лагеря сперва французами, а потом немцами, то не менее трагичной была судьба тех, кто, часто без всякой причины, были арестованы и судимы после ухода немцев. Если среди них были

[156] Жирова Елена Николаевна (урожд. Лишина; 20.10.1903 – 9.2.1960, Париж?; кл. в SGdB), жена Н.Я. Рощина, а с 1948 г., после возвращения его в 1946 г. в СССР, – поэта А.Е. Величковского. Вера – жена Б. Зайцева. [17-217, с. 78; 17-224, с. 97; 184-140, с. 157-161; 184-146, с. 136; 387, с. 180; 624, с. 136].

явные сотрудники оккупационных властей, то большинство было захвачено по частным доносам и осуждено на тюрьму и каторжные работы политическими судами, в которых большинство судей были коммунистами, за свои антикоммунистические убеждения. Новая волна арестов и высылок произошла в связи с переменой во внутренней политике Франции, когда руководители организаций "советских патриотов" были высланы из страны» [234, с. 235].

Указанные процессы коснулись не только Франции, но и других союзников СССР. Они сдавали Москве не только Ди-Пи, но и эмиграцию первой волны, начиная с казаков, служивших под знаменами Вермахта. Де Голль, как помним, в 1943 г. сдавал всех. Но союзники в 1945 г. готовы были идти еще дальше, и даже приступили к разрушению эмигрантского социума, который с таким трудом создавался в течение 2,5 десятилетий. По счастью, этот процесс не зашел далеко, но то, что он начался – это факт. Вот лишь один пример. 15 ноября 1945 г. в Лондоне на заседании Бойскаутского международного комитета было решено исключить НОРС (Национальную организацию русских скаутов во Франции), чтобы «избежать любого обстоятельства, которое могло бы скомпрометировать возможную скаутскую организацию внутри СССР, которая могла бы в конечном итоге стать членом мирового скаутского братства» (цит. по [350, с. 37]). Принятое решение, с одной стороны, говорит о том, что комитет существовал в каком-то химерическом мире, абсолютно не понимая реалий сталинского режима, а, с другой, что этот акт был безусловной удачей советской дипломатии, одним из шагов по уничтожению эмиграции.

Но это касалось все еще старой эмиграции, которая была значительно лучше защищена, чем представители нарождавшейся второй волны. Р. Гуль рассказывал об охоте за новыми эмигрантами: «Все это происходило под властью генерала де Голля, при полном попустительстве, а иногда и при содействии французской полиции. Причем среди эмиграции распускались упорные слухи, "что все равно скоро де Голль выдаст всю эмиграцию Советам". И в это верили, этого боялись <...>. Чекисты лезли напролом, поставив своей целью *уничтожение эмиграции*, замаскировав его "патриотизмом для дураков"» [144-3, с. 102]. А вот как об этом писали сами совпатриоты осенью 1944 г. (статья Н.Я. Рощина «Конец эмиграции» в газете «Русский патриот», 1944 г., n°14, с. 2): «Ныне рассеялся и последний туман эмигрантщины. Все кончено. Политика ожиданий и тактики "страусова крыла" – в прошлом. Больше не будет ни эмигрантских комитетов... ни иностранных подачек...».[157]

[157] Цит. по [80-138, с. 158, 161].

Выдержки из писем, принадлежащих перу едва ли не самого осведомленного человека в рамках российской диаспоры во Франции, – В.А. Маклакова, – в Америку, другому столпу этой же диаспоры, но уже за океаном – Б.А. Бахметеву. В письме от 19 июня 1946 г.: Франция «пережила разврат оккупации, а сейчас переживает специфический разврат. Массы ищут спасителя, которого не видать, а спастись сами не могут. Конечно, здесь все произойдет в формах более мягких, но повторение 1917 года возможно». В письме, написанном между 8 апреля и 5 мая 1947 г.: события в СССР – «вне реальных предвидений. Реальна только победа коммунизма во Франции. На нем кончится и моя личная жизнь». 25 октября 1947 г.: «Раньше, чем Америка что-либо сделает, вся Европа попадет под коммунистов, и здесь начнется истребление несогласных. <...> Оттого и характерное явление. Бегство не только иностранцев, вроде нас, но самих французов, кот[орые] потеряли веру в свое государство. <...> Я недавно по просьбе Рубинштейна[158] писал Керенскому о здешних делах. Они для нас имеют большое значение, так как процесс разрушения того, что здесь сделано для нас, эмигрантов, может пойти быстрым темпом. Этому содействуют несколько французов, кот[орые] хотят занять места, на которых сидят другие, в том числе Рубинштейн. <...> Но я отсюда не уеду, даже если Торез придет к власти»[159]. Обратим внимание, что письмо написано через 5,5 месяцев после изгнания коммунистов из правительства, но ощущение их возможного прихода к власти и катастрофы, которая при этом грозит эмиграции, остается. Ощущение не случайное. В конце той же осени 1947 г. М. Торез находится в Москве и, готовый к бою, рапортует Сталину о принадлежащих компартии складах с оружием [235]. Возможно, через месяц-полтора, когда пройдут акции Э. Депрё и Ж. Мока, настроение Маклакова несколько изменится. Как написал через 10 лет современник, «коммунисты, покинув правительство, перешли в резкую оппозицию, пытаясь путем почти беспрерывных стачек парализовать страну»[160]. Из письма 9 апреля 1948 г.: все «понимают,

[158] Адвокат Я.Л. Рубинштейн, с 1935(36) представитель эмиграции в совещательном комитете по беженцам при Лиге Наций. См. приложение 1.I.31.

[159] [469-3, с. 520, 530, 536-537].

[160] [32, с. 221]. См. также [650]. Стачечное движение началось в том же мае 1947 г., когда коммунисты были удалены из Кабинета. И вряд ли это случайное совпадение. Открыли его рабочие завода Рено; затем, в июне, всеобщая забастовка железнодорожников; в июне-июле – шахтеры. И далее, с небольшими передышками, по нарастающей – под руководством тогда полностью контролировавшейся коммунистами Всеобщей конфедерации труда, охватывавшей 85-90% организованных рабочих Франции. Пик пришелся на 13 ноября – 10 декабря 1947 г. когда суммарное число забастовщиков достигло 3 млн человек. Министр внутренних дел, Жюль Мок, и министр обороны, Поль Рамадье

что война себя не окупает, что захват территорий бесполезен, что без нее постепенно страны идут к объединениям. Прежние мотивы "империализма" заглохли, но зато войны хотят те, кто видит в ней ступень к гражданской войне, к революционным переворотам. Но таких гораздо больше, чем думают. <...> И не потому ли Советы ведут себя так нагло, что именно они войны не боятся? Им хуже не будет». И рядом: «Я не думаю, что страна погибла, здоровый элемент в ней есть, но она ждет почина власти. Власть же при ее теперешнем построении это сделать бессильна. И страна сама это понимает и тянется к диктаторам, к Торезу и Голлю, как приняли когда-то Петена, это явление одного порядка» [469-3, с. 540-541]. Это не просто мнение частного лица, высказывавшееся на протяжении двух лет, но мироощущение не склонного к излишним эмоциям русского человека, жившего в послевоенной Франции и владевшего информацией.

А вот совсем иной свидетель, М. Коряков: «Так открывалась мне жизнь "русского Парижа". В эмиграции происходили сложные, противоречивые и, как я видел, трагические процессы. Посольство следило за ними: пришел момент избавиться от эмиграции, существование которой всегда было неприятно советскому правительству. Теперь разделаться с "белыми" было легко – они сами давались в руки. В посольской передней шныряли осведомители: некоторых я заставал в час и в два часа ночи. Курьезная вещь: один, тогда еще незнакомый мне, встретив меня в офицерской форме, разговорился, разоткровенничался и... сделал донос:

– В "Социалистическом Вестнике", что выходит в Нью-Йорке, вы "Письмо из Парижа" читали?[161] Антисоветская штучка! Так я дознался, кто его написал. Такой-то... – назвал он фамилию.

(оба – социалисты), были вынуждены применить вооруженную силу – полицию и армию. Шли настоящие бои. Были убитые и раненые. Армейские части начали переходить на сторону бастующих. Пришлось применять колониальные войска. В подавлении беспорядков участвовали даже еще не распущенные польские части из армии Андерса [291, с. 48, 56; 317, с. 162-165; 528]. Даже социалистическая пресса характеризовала эту стачку как «мятеж саботажников», настаивая на том, что «страна требует порядка и спокойствия» ([291, с. 56] со ссылкой: «Populaire», 7-8.12.1947 г.). Фактически, в стране была спровоцирована революционная ситуация (Н. Толстой: «В 1947 году перспектива вооруженного коммунистического путча во Франции, при поддержке советского оружия и, возможно, армии, вовсе не выглядела нереальной» [512, гл.16; 675, с. 308]). И Торез, чья партия владела секретными складами оружия, ездил в Москву за инструкциями. Но «отмашки» к началу боевых действий так и не получил. Остроту ситуации и реальную опасность коммунистического переворота и гражданской войны чувствовали все. Генеральный секретарь французской социалистической партии Ги Молле, не рассчитывая на внутренние силы, 19 ноября 1947 г. заявил на пресс-конференции: «Если американцы не окажут помощи <...>, в Европе не будет больше ни либералов, ни демократов» (цит. по [528, с. 93]).

[161] До дня бегства Корякова из посольства, 25 марта 1946 г., в СВ было опубликовано 3 статьи с таким подзаголовком: [182; 276; 473]. Но [473] появилась в печати лишь

Ночами встречался в передней один бывший писатель – из “беляков”. В передней со всеми курьерами он был на “ты”. Однажды между нами произошел забавный разговор. Писатель пожаловался, что нью-йоркский Литфонд посылает в Париж посылки, а ему – отказано:

– Ни я, ни Х., ни У. не получили. Им, говорят, не надо – они теперь советские.

– Не тот ли У., что сотрудничал в “Возрождении”? – спросил я. – От “Возрождения” ездил в Польшу и написал антисоветскую книжку.

– Был подлецом! Был подлецом, – залебезил писатель. – Но теперь исправился, вполне наш человек.

Помолчав, он спросил:

– А вы и такие книжки знаете, как очерки У. о Польше?

– Ну, я многое знаю, – ответил я смеясь, – например, “Журавли” тоже читал.

Он покраснел, вытаращил стеклянно-пустые глаза. “Журавли” была его книжка, полная самой грубой брани по адресу “красной сволочи”.

– Позвольте, позвольте, где вы ее достали? Такая книжка не существует больше!

Не брезгуя услугами таких “бывших подлецов”, Посольство обволакивало эмиграцию сетями. <...> то были сети единственно для уловления» [251, с. 279-280].

Для расшифровки имен осведомителя и писателя Х. материалов у нас явно недостаточно. Но два персонажа определяются легко: “У.” – это Л. Любимов[162]; книга, которую он написал по возвращении из Польши, – «На рубеже новой Европы: Очерки современной Польши» (Париж, 1930 г.). А собеседник Корякова, автор книги «Журавли» (Белград, 1930 г.), – в прошлом белый офицер, а тогда член ФКП, и писатель Н.Я. Рощин, «капитан» в переписке Бунина. Для последнего Рощин по собственной

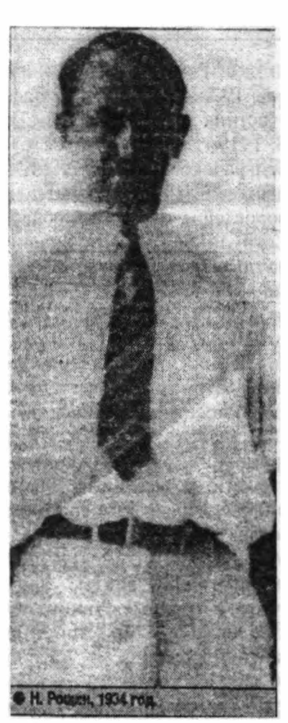

Фото 27. Н.Я. Рощин. Фотография 1934 г.

---

15 марта, т.е. всего за 10 дней до бегства, и, учитывая сроки доставки почты через океан в те годы, ее мы можем не учитывать. Остаются две статьи в номере от 10 ноября 1945 г., из которой более «антисоветской» является [276] (текст см. в приложении 4.3). По всей видимости, речь шла о ней.

[162] См. о нем [410, с. 525] и приложение 1.1.19.

инициативе в 1944 г., еще при оккупации, собирал деньги, так и не дошедшие до адресата[163].

А вот о личности автора «Письма из Парижа», скрывшегося под инициалами «Л.Д.» [276], мы можем выдвинуть лишь гипотезу. В самом указателе содержания газеты «Социалистического вестника» этот псевдоним не расшифрован [638, с. 90]. Но вот в сводном указателе журнальных статей указано, что им пользовались два автора – Л. Донатов, публиковавшийся в 1965-68 гг. в «Гранях», и Лев Адольфович Аронсон, опубликовавший в парижском «Возрождении» в 1964 г. статью «Начало театрального сезона в Париже» [610, с. 278]. Информации о Донатове и о том, где он находился осенью 1945 г., нам найти не удалось.

---

[163] Рощин Николай Яковлевич (Rochtchine; наст. фамилия – Федоров; псевд. Р. Днепров; 19.2.1892[1896?], Смоленск [Дорогобуж Смоленской губ.?] – 26.10.1956 г., Москва), участник I мировой войны, капитан Белой армии. Писатель, журналист, критик. Масон. В 1919 г. эвакуировался с госпиталем в Югославию. Окончил философский фак-т Белградского ун-та. В 1924 г. перрехал во Францию. Работал на вагоноремонтном заводе. С 1924 по 1940-е гг. периодически жил у Буниных. Писал для «Последних новостей», «Иллюстрированной России», «Современных записок», «Дней», «России». Сотрудничал в «Возрождении»: «до войны один из наиболее старательных "молодцов на посылках" в "Возрождении" Гукасова, и теперь принятый во французскую компартию» (текст 1946 г., [381, с. 136]) С 1928 г. член Союза русских писателей и журналистов. В 1930 г. входил в литературный кружок «Четверг» в Ницце. Во Франции выпустил несколько книг. С 1938 г. сотрудничал с органами НКВД. С 1942 г. участвовал в движении Сопротивления во Франции. В 1944 г. вступил в ФКП, сотрудничал в «Русском патриоте», затем в «Русских новостях» и «Советском патриоте». 3.9.1945 официально посетил советское посольство в Париже (судя по рассказу Корякова [251, с. 279-280], неофициально бывал там регулярно). 26.11.1946 на пароходе «Россия» в составе группы из 360 реэмигрантов уехал из Марселя в Одессу (утверждение в [414-3, с. 654], что он был выслан из Франции как советский агент в 1946 г., вызывает глубокое сомнение. По другим данным, на этом самом пароходе «Наша Россия» должны были возвратиться в СССР 2 300 бывших эмигрантов [649, с. 48]. О Рощине из статьи С. Мельгунова, опубликованной в конце декабря 1946: «Самым видным представителем эмигрантской "элиты", пустившимся на поиски "вечной России", повидимому надо считать писателя Рощина, обремененного "семнадцатью томами" литературных произведений. Он объяснил при отъезде сотруднику "Ле Монд", что его превращение из "антибольшевика" в "патриота" объясняется исключительно ролью, которую сыграли "Советы" в спасении его родины от нашествия германцев. Он забыл только сказать, что одновременно оделся и в официальный коммунистический мундир. Одновременно ли? Перед нами лежит документ, свидетельствующий, что этот сотрудник "Возрождения" еще в 38 году состоял в близких сношениях с розыскными органами советской власти. Очевидно, военное перевоплощение не было уже столь мгновенно и столь эмоционально» [649, с. 48]. Жил в Москве. Работал как журналист. Печатался в «Огоньке», «Новом мире». [17-216; 79; 80; 104, с. 470, 537; 184; 282-1, с. 337-338; 285, с. 217; 414-3, с. 653-654; 416; 452, с. 713; 530-2, с. 723, 953]. О его отъезде в числе других репатриантов из Франции в *Monde* была опубликована целая статья, где, среди прочего, указывалась фантастическая цифра в 10 000 новых советских граждан, которые должны были покинуть Францию еще «через несколько дней», по предположению С. Мельгунова, сообщенная корреспонденту «Ле Монд» Рощиным [595; 649, с. 48].

Вряд ли в Париже. Во всяком случае, ни в одном из томов хроники культурной жизни во Франции [434] он не упоминается. К тому же «Грани» выходили в Германии, и, скорее всего, Донатов проживал в этой стране. А вот театральный критик Л.А. Аронсон (1893, Украина – 24.9.1984, Париж), известный под псевдонимом «Доминик», как раз мог находиться в послевоенном Париже и написать это письмо. Он вошел в историю российской эмиграции как создатель и хозяин знаменитого ресторана «Доминик», одного из культурных центров «русского Парижа» (где легко было собрать информацию для письма), и учредитель театральной «Премии Доминика». Был кавалером ордена Почетного легиона. В отличие от Донатова, он – постоянный персонаж хроники культурной жизни[164].

Но шли и другие процессы. После войны часть эмиграции, бежавшая от немцев за океан, начала возвращаться. В этом был заложен потенциал возрождения эмигрантского сообщества. Б. Зайцев в письме И. Бунину от 28 октября 1944 г. из Парижа: «Вообще Париж сейчас живей. Появляются новые люди, получаем новые письма. Вчера обедал у нас лейтенант Gabriel Mouratov, из Марокко. Приехали Аминадо, Долгополов, Михельсон <...> от Марко Богатого (Алданова – М.Г.) слушок – он и Федотов собираются возвращаться (из Америки – М.Г.)». И. Бунин в письме к М. Алданову от 16 августа 1945 г. из Парижа: «На днях был у меня только что приехавший из Америки И.Л. Френкель (адвокат, милейший человек)»[165]. Кто сразу возвращался, кто приезжал осмотреться.

Вопрос был в том, какая из тенденций возьмет верх.

Советское посольство в Париже и эмиграция

В комментариях к «Полицейскому отчету» мы уже говорили, что осенью 1944 г. российскую эмиграцию от физического уничтожения «резистантами», компартией и режимом де Голля спасло советское полпредство[166].

Во-первых, речь идет об опасении перерастания антиэмигрантских (точнее, анти[бело]эмигрантских или анти[русско]эмигрантских) настроений просто в антирусские, которые легко могли перейти и в антисоветские, чего посольство не без основания опасалось. «В этой обстановке полпредство решило выступить в роли защитника эмиграции. Богомолов

[164] [327-1, с. 130-131; 414-1, с. 79; 434].

[165] [78-150, с. 175; 184-146, с. 140]. «М.Г.» – публикатор письма, Милица Эдуардовна Грин, и в круглых скобках она дает свои комментарии.

[166] [410, с. 472-473]. См. приложение 1.1.2.

лично посетил де Голля и говорил с ним о нежелательности преследований русских эмигрантов <...>. Де Голль согласился, и специальный курс против русской эмиграции был упразднен. Одновременно соответствующие инструкции получили и французские коммунисты, которые перед тем были инициаторами кампании против эмигрантов»[167].

Но была еще одна тщательно скрываемая причина крайнего неудобства для Москвы антиэмигрантского курса де Голля и ФКП, указанная Б. Николаевским уже в июле 1945 г. А она заключалась в том, что погромами и арестами эмигрантов дело не ограничивалось. Предполагалась постановка больших, «едва ли не показательных процессов». А вот «эти процессы не могли не быть крайне неудобны для советских представителей, т.к. во время них необходимо зашел бы вопрос о событиях 1940-1941 годов и о тогдашнем поведении этих самых представителей (напомним, что <...> полпреду Богомолову в начале войны пришлось покинуть Францию за его враждебные союзникам заявления)»[168].

Справедливости ради заметим, что первые шаги, облегчившие положение эмиграции, были сделаны де Голлем задолго до вмешательства советской стороны. Так, 15 сентября 1944 г. он распустил народные трибуналы, а с 28 августа по 28 октября 1944 г. разоружил все внутренние силы, партизанскую гвардию и милицию, предложив им влиться во французскую регулярную армию, чего ему так и не смогли простить французские коммунисты[169], а Москва об этом вспомнила в конце 1940-х, во время «антидеголлевской» кампании, и черных красок уже не жалела[170].

Внутренние силы, как и жаждавшие крови судилища, представляли большую опасность для всех, кто не успел или не захотел в последний

---

[167] [333, с. 134]. См. прилож. 4.1.

[168] [333, с. 134]. О Богомолове см. [410, с. 489] и приложение 1.1.32.

[169] де Голль в своих мемуарах отнюдь не скрывал, что при Освобождении опасался «восстания наподобие своеобразной Коммуны», в ходе которого коммунисты установят «так называемую диктатуру пролетарита». И позднее выражал глубокое удовлетворение тем, что проведенные во Франции после Освобождения «глубокие реформы задушили в зародыше революционные начинания» (цит. по [464, с. 57, 59]).

[170] См., напр. [291]. В последующие годы тон обвинений несколько снизился, но до конца советской эпохи продолжала сохраняться обида на союзников, которые во Франции, Бельгии и Голландии разоружили «национально-патриотические силы» (в значительной степени контролировавшиеся местными компартиями, добавим мы). «В отдельных случаях против них была применена даже военная сила» [258]. Обратим внимание на последний пассаж и вспомним, что столкновения с антигитлеровскими и, одновременно, антикоммунистическими партизанами было характерно для наступления Красной армии и ее союзников (Армия Крайова – в Польше, ОУН-УПА – на Украине, четники Д. Михайловича – в Югославии и др.). Ну что ж, союзники столкнулись с прокоммунистическими силами.

момент перекраситься в красный либо, хотя бы, розовый цвет.[171] Даже советские историки были вынуждены признать, что при Освобождении «не обходилось, конечно, без крайностей и эксцессов». Однако сама эмиграция к причине роспуска одних и разоружения других отношения не имела. Просто де Голль в принципе не поддерживал требований наказания вишистов, за исключением узкой группы высших сановников, действительно виновных в преступлениях, и «стремился сдерживать стремление к возмездию» [315, с. 214, 242-243], не говоря уже о том, что подчиненные ФКП вооруженные отряды представляли безусловную опасность. Не случайно, в Бельгии с ее 8 миллионами населения за коллаборационизм посадили 50 тыс. чел., а во Франции с ее 40 миллионами – лишь 39 тыс. (т.е. 1 на 160 чел. и 1 на 1026 чел. соответственно) [315, с. 286]. Но среди них было немало русских эмигрантов. Во всяком случае, пострадали почти все, кто был связан с УДРЭ (см. [410]).

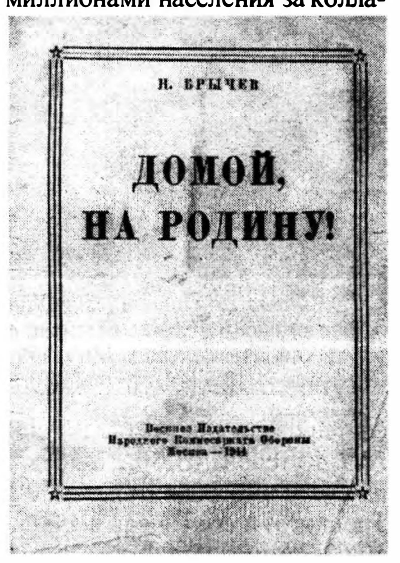

Фото 28. Пропаганда советской репатриационной миссии

Платой за защиту посольством эмиграции явилось приглашение к новому сотрудничеству, на этот раз с советской властью. Представители старой эмиграции были задействованы в идеологических и пропагандистских акциях советского посольства и, хуже того, приняли прямое участие в насильственной репатриации в СССР новых эмигрантов[172].

Один из оперотрядов численностью до сотни человек, занимавшийся охотой за бывшими советскими граж-

---

[171] Из телеграммы С.Козырева в Наркомат иностранных дел 15 сентября 1944 г.: «Примером двоевластия могут служить проводимые местным комитетом освобождения и особенно Парижским муниципальным комитетом чистка и аресты различных лиц, сотрудничавших с правительством Лаваля и с немцами <...>. Аресты производятся непосредственно различными подразделениями вооруженных отрядов Сопротивления без ведома, а порой и вопреки указаниям прявительства и министерства внутренних дел. <...> наиболее активную роль в местных комитетах освобождения играют коммунисты и социалисты. <...> де Голль особенно боится компартии» [471, с. 110-111].

[172] Об атмосфере страха и всеобщей подозрительности, в которой в послевоенные годы жили представители первой эмиграции в Париже, нам в мае 2006 г. рассказывали о. Бобринский и его супруга. Дети на улице боялись говорить по-русски, чтобы их не приняли за новых эмигрантов [10а]. См. также [603, с. 192-193].

Фото 29. Николай Скоблин, организовавший с Сергеем Третьяковым похищение генерала Миллера (*Новое слово*, 10.5.1942. № 66 (448). С. 1)

данами[173], т.е. за представителями второй волны[174], состоял из представителей первой. Кто-то из них зарабатывал себе право на возвращение в Россию, кто-то – замаливал грехи коллаборационизма, кто-то просто работал за деньги (подробнее см. прилож. 4.18).

Однако растлевалась не только старая эмиграция, но и бывшие Ди-Пи, согласившиеся ради собственного спасения принять участие в охоте на своих бывших сотоварищей по плену или по принудительным работам. Именно из 30 бывших Ди-Пи была составлена половина другой опергруппы, охотившейся за невозвращенцами во Франции (см. прилож. 4.18).

Следует, впрочем, уточнить, что сезон охоты друг на друга внутри российской диаспоры во Франции советские секретные службы инспирировали еще в 20-е гг., начиная с известного похищения генерала А.П. Кутепова. В 30-е гг. эта охота достигает определенных вершин: на счету эмиграции слежка с лета 1936 г. за Львом Седовым (сыном Троцкого) и его гибель в 1937 г.; странная смерть в марте 1937 г. Евгения Замятина; убийство в ночь с 4 на 5 сентября 1937 г. в Пюлли близ Лозанны Игнатия Рейсса (он же Людвиг, он же Порецкий); похищение генерала Е.К. Миллера 22 сентября 1937 г.[175]

---

[173] В начале 1990-х гг. одна пожилая француженка рассказывала нам, как в течение трех лет после войны прятала собственного мужа – бывшего советского военнопленного – из опасения, что он может быть схвачен и отправлен в СССР. Члены всей ее большой семьи в районе Амьена передавали его из дома в дом. И лишь с началом «холодной войны», когда представители НКВД были выставлены из Франции, он смог зажить нормальной жизнью.

[174] О беженцах «второй волны» («les réfugiés Soviétiques») во 2-й половине 1940-х гг. см. [621]. Наступил момент, когда эти затравленные люди в условиях полуподполья начали организовываться. Так возник, не позже февраля 1946 г., *Комитет советских невозвращенцев на территории Франции*, печатавший свои листовки [642].

[175] В [11, с. 143-144] со ссылками на разных авторов высказано предположение, что не только к убийству Рейсса, но и к трем другим событиям приложил руку С.Я. Эфрон, член и платный работник Союза возвращения на Родину. В [555, с. 442] указано, что

Мы перечислили лишь самые громкие случаи. В других мы не можем сказать, где убийства осуществлялись руками эмигрантов, а где кадровые сотрудники органов действовали сами (исчезновение в Барселоне сына социал-демократа Р. Абрамовича, Марка Рейна, и бывшего секретаря Профинтерна Андреаса Нина; гибель невозвращенцев Навашина и Беседовского; похищение бывшего секретаря Троцкого Р. Клементиса [322]).

В годы оккупации Парижа эту информацию тщательно собрали организаторы выставки «Большевизм против Европы», опубликовав в брошюре «Преступления ГПУ во Франции» [671]. После нападения Германии на СССР и захвата в этот же день отрядом СС генерального консульства в Париже на рю Гренель № 79, всплыло также, что в этом здании существовал застенок, где был замучен 21 человек [527]. Обратим внимание, что в случаях Кутепова, Миллера и Замятина мы можем говорить о стравливании «правой» (антибольшевистской) и «левой» (просоветской) ветвей старой эмиграции, а в случаях Седова и Рейсса – старой эмиграции с новыми невозвращенцами, хотя иногда речь может идти и о простом криминале.

Таким образом, основные варианты сценария «самоуничтожения» эмиграции 1944-47 годов отрабатывались в 1936-37 годы, и после войны выдумывать ничего принципиально нового не пришлось. А во время войны эмигранты – участники Сопротивления, охотились за эмигрантами, вставшими под германские знамена, и наоборот. Так, например, в июне 1942 г. был ранен взрывом бомбы, подвешенной к калитке собственного дома, Василий Карлович Орловский, незадолго до того возвратившийся Восточного фронта [339].

Чтобы продемонстрировать неразборчивость действий не только советской стороны, но и, очень часто, ее бывших врагов, ставших вдруг «советизанами», предлагаем перечесть воззвание митрополита Серафима от 22 июня 1941 г. ([451] и прилож. 2.1.1) и его биографию непримиримого антикоммуниста, возносившего публичные молебствования за Гитлера [129, с. 173-174; 305, с. 564], а затем представить, что именно он был назначен в августе 1946 г. Экзархом Московской патриархии в Западной Европе и в 1954 г. возвратился в СССР.

факт участия Эфрона в слежке за Седовым выяснился в ходе следствия по убийству Рейсса. Но помимо него были другие активисты, и генерал Скоблин с «русским соловьем» Н.Плевицкой, тому гарантами. Из воспоминаний Е.Н.Федотовой: после похищения Миллера и убийства Рейсса «из наших <...> бывших знакомых немедленно исчезли супруги Клепинины... и Сергей Эфрон» [544, с. 163])

Фото 30. «На Венском Соборе: митрополит белградский Анастасий, митрополит берлинский и германский Серафим, митрополит парижский Серафим» (*Новое слово*. 10.11.1943. № 90 (576). С. 1). (Собор епископов Русской православной церкви за границей, проходил в середине октября 1943 г. в Вене)

Похоже, что среди управления сборных лагерей (в первую очередь, «Борегара») были и те, кто успел послужить Германии, а затем СССР – кто в очередной раз, а кто и впервые. Тот факт, что ССП покрывал грех коллаборационизма своих членов, был хорошо известен в среде эмиграции, но тщательно затушевывался Советами. Из отчета А. Богомолова о встрече с Маклаковым 23 марта 1945 г.: «Маклаков уже чисто по-провокаторски намекает, что в среде "советских патриотов" имеются люди, сотрудничавшие с немцами» [549-2, с. 583]. Как видим, даже в секретном донесении посол предпочитает называть эту информацию провокаторской.

Советы как огня боялись объединения двух потоков эмиграции и сделали все, чтобы натравить один из них на другой и, насколько это возможно, уничтожить оба (вторая волна была в этот период значительно более беззащитна, чем первая). Благо противоречия между ними были, действительно, сильные, причем на всех уровнях. И охота на новую эмиграцию при участии старой – лишь крайнее проявление этих противоречий, использованное Москвой. Проблемы начали возникать сразу, уже при первых попытках Власова и, в целом, РОД установить тесную связь со старой эмиграцией. Наиболее безобидный уровень – глубокое презрение, которое питала старая эмиграция к Ди-Пи, – хорошо виден по письмам И. Бунина: «поощрение графоманов Ди-Пи к писанию» (10 июня 1951 г., по поводу издания приложения к «Новому

русскому слову»), «угождать этим Ди-Пи, снижаться до них вообще позор» (23 августа 1951 г., по поводу переиздания его книг в новой орфографии). Впрочем, последних Бунин, похоже, даже за эмигрантов не считал: «неужели "Издательство имени Чехова" имеет в виду только Ди-Пи и совершенно отказывается помогать печататься нам, эмигрантам?»[176].

Таким образом, растление эмиграции – безусловная заслуга обоих родственных режимов – и гитлеровского, и сталинского. Но если одиозный Жеребков был осужден в 1948 г. на бессрочные принудительные работы за участие в депортации русских евреев, то участники аналогичных акций в послевоенные годы (уже не депортаций в Германию, а насильственных репатриаций в СССР) избежали наказания. Впрочем, многие из них сами репатриировались, и кто знает, как повернулась их судьба...

М. Коряков о лете 1945 г.: «Шесть лет кружила война на полях Европы. Русскую эмиграцию тоже разметало и разнесло во все стороны: одни, пытавшиеся на немецком бронетранспортере въехать в Россию, теперь искали, как бы погрузиться на пароход, отходящий в Бразилию; другие, ослепленные блеском золотых погон на советских мундирах, не замечали, как их окружали сетями, запутывали в такие сложные отношения с советской разведкой, французской компартией, что иным было уже не выпутаться; третьи же, которым незачем было ни бежать в заокеанские страны, ни отбывать митинги во "дворце советских патриотов", собирались своим кругом, как бы производя в поредевших рядах перекличку»[177].

В этой ситуации честь первой эмиграции спасали такие люди, как С. Мельгунов, А. Столыпин, В. Лазаревский, И. Толстой и чета Голицыных, Н.В. Козубская, А. Тыркова-Вильямс, о. А. Чекан, члены редколлегии «Социалистического вестника» и многие другие, боровшиеся против насильственной репатриации; изготавливавшие для Ди-Пи фиктивные документы; помогавшие представителям второй волны покинуть Европу; распространявшие информацию и разъяснявшие ситуацию не только эмигрантскому сообществу, но и общественности западных стран. За ними – тысячи спасенных жизней.

Обратим внимание: после войны спасали людей не западные демократии – союзники СССР по борьбе с фашизмом и не представители «прогрессивного человечества» (коммунисты[178] и левая интеллигенция),

---

[176] Из письма от 9.9.1951 г. [17-155, с. 131, 142, 145-146].

[177] [253, с. 340]. Соображения о психологических причинах послевоенного превращения белых эмигрантов в советских патриотов см. также в [56, с. 229; 485].

[178] ФКП просто тесно сотрудничала с НКВД в охоте на невозвращенцев. Французские коммунисты были информаторами, наводчиками, проводниками, и даже принимали личное участие в отлове людей (см. прилож. 4.18).

а бывшие коллаборационисты[179], энтэзсовцы (НТС была едва ли не единственной из старых эмигрантских организаций, поставившей во главу своей деятельности в эти годы спасение людей от насильственной репатриации)[180] и даже бывшие фашисты, во всяком случае, итальянские. Вот независимое свидетельство И.Л. Новосильцева, спасшего в 1946-49 гг. от репатриации многие сотни человек в Италии, изготавливая им подложные документы. Описав поведение коменданта лагеря, – итальянского майора (а, значит, человека, служившего офицером еще в армии фашистской Италии), – он заключает: «Не один раз итальянцы нам помогали. Это были другие люди, не "бывшие союзники"» [340, с. 251].

И как антиподы им – сотрудники советского посольства, *изначально* прекрасно знавшие, какая судьба ожидает репатриируемых. Причем речь идет не о кадровых разведчиках и энкаведистах, оценка морального уровня которых – разговор совершенно особый, а о дипломатах, которым возвращавшиеся вполне доверяли как представителям власти, под покровительство которой они себя передавали. А значит, вся кампания по привлечению эмиграции в СССР изначально являлась акцией по завлечению тысяч людей в ловушку. Из рассказа М. Корякова (по контексту, начало 1946 г.): «В типографии, где печатались "Вести с родины", работал корректором В., человек большой честности и по-старинному доверчивый, наивный. В. просил, чтобы я помог ему получить советский паспорт и визу на въезд в Россию, и я

---

[179] Например, архиепископ Анастасий (см. приложение 1.I.33). Впрочем, нужно признать, что далеко не только он, но и «карловчане» в целом много сделали для спасения Ди-Пи. Упоминаемый далее И. Новосильцев являлся представителем переселенческой организации, созданной именно этой церковью [334, с. 15; 340]. О роли православной церкви см. также [487, с. 45].

[180] Так, К.В. Болдырев (1909-1995 гг.), член НТС, назначенный американцами «организатором и администратором перемещенных лиц в районе ландкрейса Хохенштейн» и введенный в состав Военного управления американских оккупационных войск, «17 июля 1945 г. был арестован американскими властями и заключен в тюрьму. Причиной ареста послужили многочисленные доносы, обвиняющие его в попытках скрыть от советских репатриационных комиссий "предателей Родины" и "военных преступников". 10 октября 1945 г. был освобожден за "недоказанностью преступления" и продолжал службу в должности администратора лагерей Ди-Пи» [42, с. 98-99]. А. Столыпин: «Спасавшимся от насильственной репатриации делали новые документы, я сам присутствовал при том, как в подполье заучивали свои новые биографии: одни становились выходцами из Прибалтики, другие – из Бессарабии, третьи – из Польши. Надо было доказать, что вы никогда не были гражданином СССР и не находились на его территории до сентября 1939 года, а следовательно насильственному вывозу в "социалистический рай" не подлежите. <...> В то же примерно время <1947 г.> через Францию в Марокко, бывшее тогда еще французским протекторатом, удалось благополучно пропустить два эшелона беженцев, которым грозила выдача. Руководил этой акцией известный общественный деятель, член НТС К. Болдырев» [487, с. 42-43].

свел его с одним атташе Посольства. Корректору выдали анкету, бланки, велели принести фотографические карточки.

– Куда он хочет ехать? – спросил меня атташе, когда мы остались наедине.

– В Ленинград. Там он родился, вырос.

– А в Якутск не хочет? – захохотал атташе, и мне представилась горькая участь В., если он попадет в Россию» [251, с. 280].

Это же подтверждает и рассказ Д.А. Руманова о своем отце, ответственном секретаре газеты «Советский патриот», А.В. Руманове: «В июне 1946 года вышел указ Сталина, позволяющий русским эмигрантам возвратиться на родину <...>. Отец запросил советский паспорт, но нансеновский не возвращал. Сомнения – куда ехать: в СССР или в Израиль – оставались. За советом он обратился к послу СССР во Франции Александру Богомолову, с которым находился в дружеских отношениях. Тот долго молчал, потом, многозначительно посмотрев, шепнул: “Лучше в Израиль”. Произнося эту фразу, советский посол сильно рисковал» [420, с. 158-159]. Ну что ж, нет людей абсолютно черных или белых, и быть может этой фразой спас свою бессмертную душу посол, заманивший в ловушку репатриации много тысяч людей. Но факт остается фактом: дипломаты прекрасно знали, на что они обрекают поверивших им.

Фото 31. Парадный вход в особняк резиденции Посла России во Франции, в котором в прежние годы располагалось все Посольство

Фото 32. Центральное здание резиденции Посла России во Франции

Когда читаешь строки о добровольном возвращении представителей белой эмиграции (только после войны до 6 тыс. чел. из тех 11-ти, что приняли советское гражданство) и потом об отчаянных попытках вырваться обратно[181], о деятельности «Оборонцев», «Друзей советской Родины», СРП-ССП-ССГ и других эмигрантских просоветских организаций, об их вербовке ГПУ-НКВД и гибели по возвращении (как С. Эфрон или Н. Скоблин), об участии эмигрантов первой волны в той охоте, которую советские органы вели за перебежчиками и эмигрантами второй волны, или о том, что, скажем, сын похищенного генерала Кутепова, ученик кадетского корпуса, бежал в СССР, где был приговорен к смертной казни,[182] возникает ощущение коллективного безумия.

[181] Позволим себе пополнить многочисленные рассказы о том, как первые репатриируемые давали знать оставшимся, что ехать не следует, еще одним. Понимая, что их письма будут вскрываться, уезжающие договорились с родственниками, что пришлют фотографии. Если они будут на них изображены в рост – то репатриироваться можно, если сидящими – то ехать в СССР ни в коем случае нельзя. Через некоторое время после их отъезда во Францию пришли письма с бравурными призывами приезжать, но вот на фотографиях все как один были изображены полулежа. (Сообщение Татьяны Борисовны Флоровой, Сент-Женевьев-де-Буа, апрель 1993 г.).

[182] По другой версии, его захватили в плен во время войны, как солдата Вермахта. Однако, учитывая нередкий переход русских добровольцев из германских частей на сторону партизан или Красной армии, а также проблемы плена и репатриаций, обе эти версии вполне могут увязываться друг с другом.

При связях с гитлеровской Германией безумия не было – был когда ошибочный, когда преступный, но расчет. И это не просто эмоциональная реакция исследователя, слишком близко к сердцу принявшего судьбы эмиграции, но и возможный диагноз. Заметим, что именно так оценивали ситуацию по прошествии 20 лет сами участники, но только в более жестких выражениях (о возрождении движения Витязей): «В 1947 году <...> огромные трудности морального порядка, т.к. влияние оккупации и общий послевоенный маразм губительно отражаются на состоянии умов» [261, с. 5]. Здесь уже поле действия для специалистов в области социальной психологии, и оно еще ждет своих исследователей. Мы же можем заключить соображения о контактах эмиграции со сталинским режимом лишь одним вопросом, заданным недавно и в отношении совсем иных тоталитарных систем: «Можно ли договориться с раковой опухолью?»

Советская русскоязычная пресса во Франции в 1940-е годы

В 1944-45 гг. советское консульство взяло под контроль всю эмигрантскую русскоязычную прессу во Франции, добившись *de facto* монополии на информацию в эмигрантском секторе, не говоря о наличии мощной франкоязычной коммунистической прессы, а также массовом импорте просто советских газет и журналов («Огонек», «Крокодил», «Советский Союз» и др.).

В самой Франции, с одной стороны, финансировались и/или поощрялись центральные и местные издания просоветской ориентации, а с другой, подавлялась любая критика – через Министерство внутренних дел Франции запрещались и конфисковывались издания антисоветской направленности под предлогом, что они наносят вред франко-советским отношениям. Технически после войны осуществлять такую монополию было несложно, ибо еще действовал разрешительный закон на издание периодики.

Мы уже писали о «Русском патриоте» (РП) и двух газетах под одним именем – «Советский патриот» (СП-1 и СП-2)[183], из которых СП-1 являлось не эмигрантским, а советским изданием, и именно поэтому отсутствует в справочниках по эмигрантской прессе[184].

---

[183] [204, с. 27; 410, с. 490-491]. См. [410, с. 490-491, 595-596] и приложения 1.I.34-35.

[184] [282-2; 609]. В [467, с. 207] без каких-либо ссылок утверждается, что нелегальная газета СП-1 издавалась на русском и французском языках. Однако это не подтверждается известными нам источниками, да и издание франкоязычной версии СП-1 было бы совершенно алогичным: она предназначалась аудитории, французским языком не владеевшей.

Специальный выпуск
Ноябрь 1943 г.

Советский Патриот

Информационный орган советских пленных во Франции.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 26-ая ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДОБЛЕСТНАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ — ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

...

ПИСЬМА ИЗ ЛАГЕРЕЙ.

ПОЩАДЫ НЕТ ФАШИСТАМ!

...

Фото 33. Советский патриот-1 (коллаж из ННИ, 1964, n°4).

Это была далеко не единственная советская газета, выходившая на территории Франции. Так, по утверждению Ю.В. Борисова, там распространялись также газеты «Советский партизан» и «Советский вестник»[185]. Насколько можно понять по воспоминаниям В.К. Таскина, решение о выпуске первой из них было принято в мае 1944 г. в Нанси, на заседании штаба по руководству действиями советских партизанских отрядов на востоке Франции; печаталась она в типографии коммунистической организации Нанси[186].

Первое Объединение красных партизан в Лотарингии летом и осенью 1944 г. выпускало рукописную газету «Советский гражданин», праздничный номер которой вышел к 27-й годовщине Октября[187].

Эта пресса представлена в каталогах и указателях периодики несравненно хуже других, ибо не попадает ни под рубрику эмигрантской, ни под рубрику советской, каковой она являлась[188].

При возвращении во Францию советского посольства, появилась еще одна газета – «Вести с родины», которая взяла на себя функции всех указанных выше и прекративших после Освобождения свое существование подпольных изданий. Из рассказа Корякова о встрече 22 мая 1945 г. в Париже с первым секретарем посольства Ф.И. Видясовым (когда-то оба учились в ИФЛИ): «Приятная встреча, – сказал Видясов, – будем работать вместе. На моей шее висит газетенка – "Вести с родины". Выпускается она Посольством для советских граждан, освобожденных из плена. Весь матерьял, от первой до последней строчки, передается по телеграфу из Москвы – нам остается только типографская работа» [251, с. 275].

Сначала ее техническим редактором состоял лейтенант Николай Садовский, бывший военнопленный (попал в плен в апреле 1942 г. под Вязьмой, бежал, пробрался во Францию, выучил французский, «присоединился к макизарам»; в 1945 г. был переводчиком при военной репатриационной миссии в Париже). В конце мая 1945 г. его сменил в газете журналист-профессионал Коряков (проработал до марта 1946 г.). Машинистка в редакции – Анна Булыгина, из «остовок»; муж ее погиб в концлагере в Германии; она пробралась во Францию. Попала в Борегар.

---

[185] [65, с. 112]. Согласно [391, с. 372-374], их экземпляры за август 1944 г. имеются в документальном фонде ЦМВС СССР, № 15/1004 и 7/8035.

[186] [345, с. 421-422; 391, с. 205].

[187] [345, с. 327; 391, с. 44-46, 57-59].

[188] Например, ни одной из этих газет нам не удалось найти ни в указателе партизанских и подпольных газет эпохи Великой отечественной войны [279], ни в фундаментальном многотомном указателе «Газеты СССР: 1917-1960» [113], ни в справочниках по эмигрантской прессе [282-2; 609].

Оттуда – в посольство, где какое-то время была подругой Корякова [253, с. 309, 325][189].

Значение этой газеты вышло далеко за границы агитационного листка для бывших военнопленных. Коряков: «Дела “Вестей с родины” приняли неожиданный оборот. В августе <1945 г.> пошли широкие отправки советских военнопленных из Франции – военная миссия уже отказывалась от газеты. Но газету было решено сохранить и пустить в продажу. Под заголовком переменили надпись: для советских граждан, проживающих во Франции (вместо “освобожденных из немецкого плена”). В действительности же газета предназначалась для русской эмиграции» [251, с. 275].

«Ялтинское соглашение» де Голля от 29 июня 1945 г. и его последствия

Два соглашения определили советское присутствие во Франции в конце войны и после нее.

Укрепляя международный престиж Франции и придавая ей политический вес перед лицом англо-американских союзников, де Голль 8 ноября 1944 г. в беседе с послом Богомоловым изъявил желание посетить СССР. Он уже неоднократно просился и ранее[190]. На этот раз его услышали. В результате ходе обмена телеграммами 13-14 ноября 1944 г. Сталин сделал де Голлю официальное приглашение (опубликовано в сообщении ТАСС 18 ноября 1944 г.), которое тот принял. В СССР он прилетел 27 ноября 1944 г. вместе с министром иностранных дел Временного правительства Франции Ж. Бидо, начальником штаба генералом Жюэном и другими лицами. Самолет после посадок в Каире и Тегеране приземлился в Баку. Далее они ехали поездом и 2 декабря 1944 г. прибыли в Москву. На переговорах де Голлю удалось отказаться от трехстороннего англо-франко-советского пакта, который срочно предложил Лондон. 10 декабря 1944 г. в Москве был подписан *Договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Французской республикой* (на 20 лет, с продлением на неограниченный срок при отсутствии денонсации одной из сторон)[191]. Слова Ж. Поль-Бонкура на заседании

---

[189] Коряков: «в машинописном бюро я проводил добрых полдня, передиктовывая телеграммы, так как весь материал, печатавшийся в “Вестях с Родины”, от первой до последней строчки передавался из Москвы» [253, с. 326-327].

[190] Например, 30 марта 1943 г. в разговоре с тем же Богомоловым, в августе или осенью 1943 г. в беседах с советским резидентом И.Агаянцем [64, с. 501; 363-4, с. 300].

[191] Опубликован 19 декабря 1944 г. и 22 декабря оперативно ратифицирован французской стороной (советской – 25 декабря). В мае 1955 г. Верховный Совет СССР аннулировал договор [35, с. 13-19; 37; 65, с. 107-108; 197; 204, с. 29-31; 211, с. 290-291; 315, с. 251-255; 316, с. 50-53; 456, с. 291-297; 470; 471, с. 138-210; 467, с. 212-213; 498; 603, с. 93].

Консультативной ассамблеи 21 декабря 1944 г. как нельзя лучше отражают политические амбиции французской стороны, которая рассматривала договор как возрождение франко-русского союза: «Франция вновь стала великой державой, с которой ведет переговоры самая могущественная континентальная держава»[192]. Как видим, политический расчет генерала был верным, но за услуги надо платить. К тому же, в принципиальных политических вопросах де Голль поддавался давлению Сталина с большим трудом, в лучшем случае идя на компромиссы[193], хотя будущие границы, предложенные Сталиным, признал сразу [64, с. 503]. Он ведь тоже предвидел проблемы с будущими границами Франции. Но тем охотнее платил «эмиграцией», а также, уже не столь охотно, тем, что было связано с легализацией ФКП и передачей ей различных властных полномочий.

Одной из важных проблем было возвращение во Францию из Москвы Мориса Тореза, которого за дезертирство приговорили заочно 25 ноября 1939 г. к 10 годам тюрьмы, а 17 февраля 1940 г. лишили французского гражданства. Дело в том, что, призванный с началом войны во французскую армию, он 4 октября 1939 г., по приказанию из Москвы, сбежал оттуда, был доставлен в СССР, где относительно безбедно и просидел до ноября 1944 г. Еще шли бои за освобождение Парижа, а ФКП уже начала массированную кампанию по возвращению Тореза во Францию: статьи с требованием об этом в коммунистической прессе стали появлялись каждый день (например, см. [665]). На де Голля они оказывали слабое впечатление, пока ему не понадобился договор со Сталиным. Не исключаем, что положение ФКП и право Тореза на возвращение оказались в этот момент в значительно большей степени разменной монетой, чем положение собственно эмиграции и Ди-Пи. Наши утверждения подкрепляются тем фактом, что Торез из Москвы во Францию вылетел в тот же день, что де Голль из Парижа в СССР. Э. Рош ретроспективно описывая ситуацию: «в прошлом году состоялась поездка в Москву генерала де Голля, чей самолет, несущий наши цвета, мог пересечься где-то в небе Германии с советским самолетом, возвращавшим Мориса Тореза в Париж» [668]. Он, правда, несколько горячится: ни Торез, ни де Голль не летели над Германией. Пути их пролегали через Каир и Тегеран, и в Париж Торез прилетел 27 ноября 1944 г.[194]

---

192 [35, с. 15-16; 64, с. 507-508; 204, с. 29].

193 Так, добиваясь заключения декабрьского договора с СССР, де Голль согласился обменяться представителями с нелегитимным Польским комитетом национального освобождения, сформированным в оккупированном советскими войсками Люблине, но отказался разорвать связь с польским эмигрантским правительством в Лондоне [64, с. 503-505; 315, с. 253-254; 316, с. 51-52; 471, с. 157-207, 516-517].

194 [513, с. 151-153, 178; 667, с. 247-249, 271].

Зато второе соглашение между де Голлем и Сталиным имело для эмиграции в целом и, в первую очередь, для второй волны, последствия почти что катастрофические.

В комментариях к «Полицейскому отчету»[195] мы уже писали, что в июне 1945 г. в Москве был подписан договор с Францией, по которому обе стороны предоставляли друг другу «право взаимно посещать лагеря беженцев и военнопленных для выяснения наличности в этих лагерях русских и французов» [437, с. 26].

Действия де Голля совершенно понятны – он был заложником обстоятельств, и ему нужно было спасать граждан своей страны. Более того, еще 12 сентября 1944 г. де Голль объявил во дворце Шайо перед 8-тысячной аудиторией, что «его правительство будет управлять страной до тех пор, пока окончание войны, возвращение пленных и депортированных не позволят провести всеобщие выборы в Национальное собрание» [315, с. 245]. Другими словами, осуществление массовой репатриации французов являлось и условием существования его правительства, и одной из официально провозглашенных целей его деятельности.

В составе германских вооруженных сил на Восточном фронте сражались десятки тысяч французов. Это были жители аннексированных Эльзаса и Лотарингии, которых по призыву направляли на службу как германских граждан, а также бойцы добровольческих соединений, которые Петен предоставил в распоряжение Гитлера для войны на Восточном фронте. В первую очередь, речь идет о Французском добровольческом легионе против большевизма – L.V.F.[196] Часть этих людей с неизбежностью попала в плен. Но это была лишь малая толика французов, оказавшихся в 1945 г. в советских руках. К ним надо добавить еще три значительно более многочисленные группы, которые оказались в советской зоне оккупации. Во-первых, это французские военнопленные, захваченные Германией в 1940 г. (а их было почти 2 млн чел. [467, с. 204]), значительная часть которых была оставлена для работ, хотя режим их содержания и был сильно смягчен. Далее, это свободные французы, которых добровольно-принудительно, в рамках трудовой повинности, послали на работы в Германию. Всего было отправлено по разным оценкам от 700-800 тыс. до 1 млн человек, хотя во многих случаях был своеобразный «обмен»: Германия возвращала французских пленных из расчета 1 пленный на 3 французских рабочих[197]. И, наконец,

---

[195] [410, с. 454]. См. приложение 1.1.5.

[196] *Légion des volontaire français contre le bolchevisme*. Создан летом 1941 г. Сражался на Восточном фронте в составе IV германской армии. Носил форму Вермахта [64, с. 467; 593; 594; 603, с. 228-229; 644; 653; 660].

[197] В 1942 г. Германия потребовала отправки 150 тыс. французских рабочих, в феврале 1943 г. – 250 тыс., и в апреле – 400 тыс. человек [127, с. 27]. См. также [550, с. 185].

это депортированные евреи, участники Сопротивления и иные захваченные оккупационными властями лица, которые оказались в концлагерях и были еще живы к моменту прихода Красной армии. Всего на конец войны в Германии, в плену или на работах, находилось от 2,0 до 2,5 млн французов[198]. На общую численность тех, кто оказался в советской зоне оккупации или в самом СССР, указывает цифра в 315 548 чел. [180, с. 22], которые, в конечном счете, были репатриированы. Эта цифра не охватывает тех, кто погиб уже в советских лагерях для военнопленных или в репатриационных.

Любопытные данные приведены в интервью с директором ЦГА СССР А.С. Прокопенко: «Есть письмо наркома внутренних дел, датированное 18 ноября 1944 года, в котором он предписывал своему заместителю сосредоточить всех французских военнослужащих, взятых в плен или освобожденных советскими войсками из немецкого плена, в лагере № 188[199], откуда в последующем они могут направляться на родину» [131].

Сопоставим дату приказа с датой переговоров по визиту де Голля в СССР – 13-18 ноября 1944 г. Очевидно, что это одна из «морковок», подвешенных перед де Голлем, чтобы тот был послушным. Французская военная миссия существовала в СССР уже давно. В том же интервью цитируется благодарственное письмо ее главы, дивизионного генерала Э. Пети, от 15 июля 1944 г. по поводу хорошего содержания французских военнопленных. Содержали-то хорошо, вот только собирать для репатриации стали лишь тогда, когда от главы их государства надо было получить согласие на режим наибольшего благоприятствования: люди – опять разменная монета.

Однако окончательно рай для НКВД во Франции был создан по договору не от декабря 1944 г., а от июня 1945 г. И это не случайно. Англия и США уже подписали капитулянтские ялтинские соглашения (11 февраля 1945 г.)[200], и надо было заставить подписать близкие договоры «малых» союзников. Так, с Бельгией подобное соглашение было подписано 13 марта 1945 г. (прилож. 4.6).

Рабочий Бодю, выехавший в Германию из Северной Франции в декабре 1942 г. оказался 100-тысячным французским специалистом в Германии, был премирован 20 000 франков и получил часы. Пресса всячески рекламировала это шоу [486].

[198] [315, с. 241; 391, с. 10]. По другим данным – ок. 1,5 млн одних пленных, не считая интернированных, насильно угнанных, заключенных в концлагеря [195, с. 172].

[199] Лагерь Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР у д. Рада под Тамбовом. По некоторым оценкам в нем погибло более 10 тыс. французов. См. о нем: [81; 82; 131; 240; 241; 290; 390].

[200] О влиянии этих соглашений, а также дополнительного соглашения, подписанного в мае 1945 г. между командованиями советских и западных оккупационных войск, на процессы репатриации, начавшиеся ранее, и юридическую оценку действий союзников, данную с разных сторон, см. [30; 62; 149; 191, с. 5-6; 334; 383; 487; 488; 675]. Документы Крымской конференции: [504]. Б.Двинов в 1949: «Для русского Ди-Пи слово "Ялта" долгое время являлось самым зловещим, самым проклятым» [149, с. 37].

Что касается де Голля, то он «заключил со Сталиным свое "ялтинское соглашение" 29 июня 1945 г.»[201]. Но тогда и оплата пленными должна была начаться после 29 июня.

Так и есть. Прокопенко цитирует распоряжение начальника ГУПВИ начальнику ОПВИ УНКВД Тамбовской области от 12 июля 1945 г.: "Всех военнопленных французов срочно отправить в г. Вельциг (Германия) для передачи их органам репатриации". И чуть выше: «По документам ГУПВИ всего французов за годы войны было пленено 23 163 человека. Освобождено и репатриировано 21 811. По нашим данным, которые могут быть неполными, умерли 1352» [131]. По другим источникам, французских военнопленных на территории СССР было от 30 до 32 тыс. чел. Впрочем, процесс освобождения французов начался еще до заключения этого соглашения, и в течение трех месяцев, пока велись переговоры, из этих 32 тыс. французов в качестве аванса были репатриированы 15 тыс., и из 100 тыс. советских граждан во Франции – тоже ок. 15 тыс. человек [241; 471, с. 541].

Остается лишь добавить, что лагерь №188 был ликвидирован в сентябре 1946 г.[202] К этому же времени в основном завершилась и репатриация французов из зоны советской оккупации в Германии. Из статьи начальника штаба Французской военной миссии по репатриации в Москве подполковника Раймона Маркье, опубликованной в «Красной звезде» в декабре 1947 г.: «После двух с половиной лет трудоемкой работы были репатриированы 315 564 француза, из них 21 321 эльзасец и лотарингец <...>. Руководимая мною миссия всегда выступала против лживых кампаний, проводимых во Франции, направленных на то, чтобы заставить поверить, что в СССР еще остается большое число французов. Объем проделанной работы, достигнутые результаты опровергают эти лживые объяснения. <...> Прежде чем покинуть территорию Советского Союза <...>», и далее идут благодарности[203].

Риторика статьи очевидна: высланный из СССР после 6 декабря 1947 г., когда Франция аннулировала соглашение о репатриации, Маркье

---

[201] [471, с. 355-358]. У Н.Д. Толстого ошибочно указано, что в Москве побывал сам де Голль [512, гл.16; 675, с. 305]. В действительности, туда ездил его уполномоченный, П. Шарпантье. Допускаем, что передача 40 боевых самолетов Як-3 и полного вооружения полка «Нормандия-Неман» де Голлю 5 июня 1945 г. (этим числом датировано письмо Сталина), т.е. за 24 дня до подписания договора, являлось своеобразным авансом с советской стороны. Самолеты приземлились на парижском аэродроме Бурже 20 июня 1945 г. и несли службу до 1952 г. [35, с. 11; 64, с. 495-496; 107, с. 146; 204, с. 26].

[202] [131]. В [603, с. 93] приведены несколько другие, округленные до тысяч, цифры, а также даты. Но общей картины эти расхождения не меняют.

[203] [195, с. 49, 173-177]. Сама цит. по [195, с. 175]. По оценкам занимавшегося этим вопросом Д. Селлема, президента Ассоциации Эдуарда Калифа (по имени француза, узника Освенцима, позднее исчезнувшего в СССР), на советской территории осталось около 3 тыс. не репатриированных французов. Подробнее см. [238], а также [241].

пытался «не обрубать концы», по-видимому, допуская, что еще кого-то из французов придется вытаскивать из страны Советов, но названные им цифры в сопоставлении с тем, что мы привели выше, говорят, что репатриация, действительно, была завершена. Другими словами, к концу 1947 г., когда произошел коренной поворот французской политики в отношении российских эмигрантов и военнопленных, и французское правительство смогло освободиться от министров-коммунистов, руки у него оказались развязаны. И тогда нашлись люди, которые стали действовать.

Москва откровенно использовала французских военнопленных и перемещенных лиц, оказавшихся под ее контролем, в качестве инструмента шантажа. У де Голля в 1944-45 гг., если он хотел спасти своих граждан, просто не было выхода. Тем более, что прогермански настроенные эмигранты для него не имели никакой ценности, и уж конечно ничего не значили личные желания граждан советских – Ди-Пи, которых Сталин хотел заполучить в обмен на французов. В результате и возник июньский сговор.

Речь идет о *Соглашении о содержании и репатриации советских и французских граждан, находящихся соответственно под контролем французских и советских властей*, подписанном А. Вышинским и П. Шарпантье. Оно касалось лиц, не подпадавших под ялтинские соглашения, и долго сохранялось в секрете, предоставляя уникальные возможности обоим государствам. Так, статья 2 гласила, что стороны не только будут тут же сообщать друг другу «об обнаруженных ими гражданах другой Договаривающейся стороны», но и их «уполномоченные по репатриации будут немедленно допускаться в сборные лагеря и пункты размещения граждан своей страны, и они будут иметь право назначать там внутреннюю администрацию и устанавливать внутренний распорядок и управление в соответствии с воинскими порядками и законодательством их страны».[204] При этом, права и желания самих репатриируемых никак не оговаривались. Приходится признать, что лагерь в Борегаре, о котором речь впереди, вполне отвечал духу соглашения между двумя Высокими договаривавшимися сторонами.

С другой стороны, де Голль как бы самоустранился в вопросах выдачи Ди-Пи и, в определенном смысле, спас честь французской армии, не запятнав ее этим преступлением[205], в отличие от американцев и, в осо-

[204] [471, с. 355]. См. также [98; 471, с. 355-358; 487; 603, с. 100-101, 313-317].

[205] Н. Толстой на основе документов МИДа Великобритании: «В отличие от правительства, французская армия не поддалась советскому нажиму. В Потсдаме Новиков жаловался, что во французской оккупационной зоне Германии белоэмигранты ведут пропаганду среди советских перемещенных лиц с целью убедить их не возвращаться на родину: “В данном случае эта деятельность ведется при активной поддержке со стороны французских военных властей и службы военной безопасности”». И далее:

бенности, англичан, которые не побрезговали заняться этим непосредственно[206]. Обращают на себя внимание отдельные офицеры, отказывавшиеся исполнять приказы по насильственной репатриации. Так, в начале апреля 1945 г. американский полковник Хаурт и администратор лагеря «Рен» (Rennes) майор Генри-Авер отказались нарушить Женевскую конвенцию и отправить из Франции в СССР 15 чел., не желавших репатриироваться.[207] Британскую честь безуспешно пытались спасти бывшие русские эмигранты – лейтенант английского военно-морского флота князь Ливен и капитан английской службы Нарышкин [488, с. 52]. Очень надеемся, что когда-нибудь будет издана книга с именами всех этих офицеров – «just» – праведников, спасавших реноме своих наций.

Несмотря на значительно более просоветскую позицию руководства Франции, ее армия в данном вопросе должного рвения не проявила. «Нам неизвестны случаи участия французских солдат в насилиях над пленными», пишет Н. Толстой[208]. Подтверждением его слов являются

«Нам неизвестны случаи участия французской армии в насилиях над пленными. Французские солдаты не избивали до потери сознания протестующих против возвращения пленных, не кидали бесчувственные тела в грузовики, не загоняли прикладами в вагоны для скота малых детей, которых ждала Сибирь. Сотрудники НКВД сами явились во Францию для проведения репатриации. Создается впечатление, что отдельные государственные институты страны проводили фактически автономную политику, министры-коммунисты в правительстве покрывали убийц и похитителей людей, тогда как французская армия в Германии и Австрии на каждом шагу чинила препятствия работе советской репатриационной комиссии» [512, гл.16; 675, с. 307-309].

[206] Позор союзников тем более велик, что даваемая ими гарантия «обеспечения свободной и независимой жизни», часто была условием сдачи в плен бойцов РОА в Бельгии и Франции летом 1944 г. [488, с. 49]. Более того, летом 1944 г. они предполагали из бывших советских военнопленных создать отдельную воинскую часть под командованием белого эмигранта, капитана 1 ранга русского флота и майора британской армии Г.Е. Чаплина, которому предполагалось при этом дать генеральский чин. «Советские власти выразили энергичный протест против этого замысла», в результате идея была отставлена [129, с. 361].

[207] [191, с. 6]. 4 сентября 1945 г. «отступил» даже командующий американскими войсками в Европе генерал Эйзенхауэр, негласно распорядившийся временно, «до выработки новой интерпретации» Ялтинского соглашения о «ди-пи», приостановить их принудительную выдачу советским властям [334, с. 13].

[208] Цит. по [324, с. 353]. А. Столыпин: «Во французских зонах Германии и Австрии бывших советских граждан было меньше, чем в других. Советским руководителям поэтому казалось, что репатриацию там будет проводить легко. Но к великому негодованию советской стороны, все требования советской репатриационной комиссии, обосновавшейся в Инсбруке, наталкивались на отказ французского военного командования. Попытки энкаведистов навести свои "порядки" в лагерях перемещенных лиц также встретили отпор французов. Н.Толстой приводит характерный случай: "Летом 1945 года генерал НКВД Вихорев энергично принялся за розыски русских людей во французской оккупационной зоне Австрии. Он нацелился на многолюдный лагерь Фельке, невдалеке от лихтенштейнской границы. Но в тот момент, когда он собрался туда проникнуть, ему преградил путь недружелюбно настроенный блюститель порядка <...>. Это был полковник

советские жалобы на то, что в зонах французской оккупации в Западной Германии из лагерей для Ди-Пи СССР не были выданы 9805 чел., в Австрии – свыше 12 тыс., «без всяких на то оснований» [180, с. 24]. Общеизвестно, что личное нежелание лица репатриироваться советской стороной во внимание не принималось (как, впрочем, и английской, и американской). Но как заметил еще в 1947 г. французский юрист Галиньяк, понятия «насильственная репатриация» международное право не знает (см. прилож. 4.16). Впрочем, П.Полян приводит примеры выдачи французами и белоэмигрантов (казаков), но справедливо настаивает на критической проверке различных, взаимоисключающих утверждений в отношении поведения французской стороны [383, с. 454-455]. Что касается Ди-Пи на территории самой Франции, то де Голль просто предоставил проведение акций по их репатриации самим советским спецслужбам, которые получили во Франции совершенно удивительную свободу. А французские власти больше бездействовали и молчали, чем помогали советской стороне.

«Борегар» как символ советских лагерей во Франции

Вернемся к воспоминаниям Шибанова [410, с. 480-481]: «По окончании вооруженной борьбы в Париже Союз русских патриотов вышел из подполья <...>. Требовалось срочно оказать помощь бывшим советским военнопленным и возвратившимся из отрядов партизанам. В ожидании прибытия советской военной миссии мы организовали Комитет помощи, в который вошли Надя Ходасевич, Дмитрий Смирягин и Дмитрий Грединов. Меня избрали председателем комитета. Наш комитет организовал для советских граждан лагерь "Борегар"»[209]. Русские там появились уже в конце августа 1944 г. [603, с. 64-65].

Фишелье – французский уполномоченный по делам военнопленных и перемещенных лиц". <...> Весьма возможно, что на поведение французских военных властей до некоторой степени повлияли два обширных меморандума, составленные представителями первой русской эмиграции <в т.ч. Столыпиным> и поданные в Штаб французской армии уже осенью 1944 года, почти сразу после ухода немцев и вступления в Париж дивизии генерала Леклерка. В этих меморандумах разъяснялось, что из себя представляют бывшие советские граждане, оказавшиеся за границей (военные и гражданские), а также предсказывалась насильственная репатриация и поведение органов СМЕРШ. Но еще более важно, что среди французских военных нашлись бескорыстные и деятельные друзья, сделавшие все, что возможно, для спасения людей, иногда подставляя под удар свою личную карьеру. Это были не только лица русского происхождения, служившие во французской армии (такие, как тогда лейтенант, а теперь полковник Михаил Васильевич Гардер), но и чистокровные французы (такие, как один из переводчиков книги Н. Толстого на французский язык – майор Жан Жоба)» [487, с. 43-44]. См. также [512, гл.16; 675, с. 305-309].

[209] [345, с. 451]. Борегар (Beauregard) – место под Парижем, между Версалем и Ла-Сель-Сен-Клу.

Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. Так возникло одно из самых зловещих учреждений на французской земле, просуществовавшее почти 3,5 года.

Военнопленным и бывшим партизанам, действительно, нужны были кров, одежда, питание, медицинская помощь, и многие искренне желали возвратиться домой. 11 сентября 1944 г. в лагере уже насчитывалось более 400 советских граждан [383, с. 456] (это пока «свободная» эпоха его существования). Но «Борегар» оказался настоящей ловушкой, из которой выход если и был, то лишь путем бегства, как из концлагеря, во всяком случае, после появления там советской охраны. Впрочем, у нас есть глубокое сомнение, что Шибанов действовал исключительно из человеколюбия. Да и директива о создании подобного сборного лагеря, скорее всего, исходила от советской стороны и шла через ФКП.

Однако этот лагерь был далеко не первым. Его предтечи возникли почти на три месяца раньше, после 6 июня 1944 г., когда началась высадка союзников в Нормандии. Именно тогда англо-американцы впервые в массовом порядке столкнулись с русскими, которые обороняли Атлантический вал. Они попадали в плен. Причем специальными листовками на русском и армянском языках союзники, в случае добровольной сдачи, гарантировали этому контингенту свободную и независимую жизнь [488, с. 49]. Англичане «обратились за разъяснением в советское посольство в Лондоне. Посольство медлило с ответом целый месяц, ибо оно не знало, как признать факт существования советских военных в германских мундирах, готовых сражаться против СССР». К тому же опасались, что если информация об их выдаче Англией Сталину проникнет в Германию, то могут пострадать английские военнопленные [30, с. 276]. Так или иначе, бывшие солдаты РОА пока оказались в лагерях, ну а военнопленные плавно переместились из германских концлагерей в репатриационные союзнические (в большинстве случаев для этого, по-видимому, надо было просто сменить вывеску).

Есть нечто иррациональное в том, что караимов от французского правительства Виши спасли нацисты[210], русскую эмиграцию в целом от травли французскими коммунистами и правительством де Голля – большевики, что немцы оказались первыми, кто взял под защиту вторую эмиграционную волну, уходившую от перспектив советского освобождения, что немецкие оккупационные власти много раньше французских властей признали право на автономность национальных эмигрантских колоний от русской колонии[211], или что само существование

---

[210] [410, с. 581-582]. См. приложение 1.1.36.

[211] Как мы уже говорили, оккупационные власти в апреле 1942 г. создали три независимых друг от друга Управления делами: русских, украинских и кавказских эмиг-

сражавшейся гитлеровской Германии заставляло союзников в течение почти года соблюдать нормы международного права в отношении пленных красноармейцев, воевавших в мундирах Вермахта, а ее падение освободило их от этой необходимости. Повторим: все эти события в принципе не укладываются в бинарную схему описания войны.

В целом на территории Франции в 1944-45 гг. существовало не менее 76 лагерей под французским, американским, британским и советским управлением, а если считать со сборными пунктами, то – 135, в которых содержались советские граждане. По разным оценкам через них было пропущено от 110 тыс. чел. (французские данные) до 120 917 чел. (на 1 марта 1946 г., советские данные) [383, с. 458, 798-803; 603, с. 72-73]. И «Борегар» – лишь один из них. Мы не пишем его историю, тем более, что уже полтора десятилетия назад это сделал Жорж Кудри (Coudry) [603]. Эту работу, основанную на большом количестве французских архивных материалов и свидетельских показаний, необходимо публиковать на русском языке. Однако в ней не используются русскоязычные источники. Много говорит о «Борегаре» на основе совсем других документов П.Полян [383, с. 456, 458-459, 523, 798]. Но и он не исчерпывает тему. Надеемся, что когда-нибудь все эти источники будут сведены воедино, а история «Борегара» с его дочерними структурами будет написана заново, и пока делаем для этого то, что в наших силах – публикуем несколько статей о Борегаре из труднодоступной периодики, современной событиям, а также даем ряд комментариев (см. прилож. 4.14-15).

Сразу подчеркнем, что «Борегар» был своеобразным «головным» лагерем, у которого в Париже и его окрестностях возникло несколько отделений (на жаргоне гулаговской администрации их можно было бы назвать «командировками», если бы это слово вязалось с Парижем). Из приложения 4.14 ясно, что одно из таковых отделений находилось на севере от Парижа в «Монеу». – Думаем, что речь идет о Мо (Meaux) в департаменте Seine-et-Marne, где находился один из лагерей [603, с. 72-73]. Какой-то лагерь (возможно, именно этот) возник одновременно с «Борегаром». Из уже упоминавшейся телеграммы С. Козырева от 14 сентября 1944: «В предместьях Парижа имеется два лагеря наших пленных на тысячу человек каждый. В один из них ездил Гузовский[212].

рантов (см. приложение 1.1.22.). Французские же власти лишь через 6 лет сделали несколько шагов по этому пути: в апреле 1948 г. утвердили А. Шульгина в качестве технического советника украинской колонии, и в августе одобрили специальный статус украинских беженцев. Но так и не дали особого статуса представителям кавказских диаспор, за исключением армянской, которая возникла во Франции еще в начале XX в. и независимо от российских волн [440, с. 232-236].

[212] Гузовский Александр Александрович, первый послевоенный «легальный» резидент советской внешней разведки, прибыл в Париж 10 сентября 1944 г. [363-4, с. 240, 245; 381, с. 136]. О нем говорится в приложениях 4.10, 4.12, 4.14, 4.17-18.

Лагерь создан самими пленными, захватившими большие немецкие казармы. Большинство лиц этого лагеря составили отряды, которые приняли участие в освобождении Париже, но затем были разоружены французскими властями <...>. Будут ли командированы сюда офицеры для организации всей работы с пленными? Считаю это крайне необходимым. На первое время достаточно будет пять – десять человек». И комментарий: «Комиссия по репатриации совграждан в составе семи офицеров, возглавляемая полковником Новиковым, вылетела в Париж 19 октября»[213]. Сам Козырев посетил «Борегар» 11 сентября. Скорее всего, именно с ним в этот день и ездил Гузовский, прибывший в Париж лишь накануне [363-4, с. 240; 383, с. 456].

Из приложения 4.14 также следует, что еще один лагерь, хотя и связанный с «Борегаром», но независимый от него, располагался в самом Париже, в казармах Рейли или Рейи[214], занимая часть этого огромного здания. Наличие лагеря в казармах подтверждает и Ж. Кудри [603, с. 72-73]. Режим там, по-видимому, был несколько более свободным, и казармы использовались также в качестве общежития для офицеров советской миссии. Во всяком случае, оказавшийся в Париже в М. Коряков 22 мая 1945 г. получил от начальника штаба военной миссии записку к советскому коменданту казарм с указанием принять его на довольствие на две недели. «В сентябре все советские из Рейи уехали», пишет далее Коряков, но сам он сумел там формально остаться, хотя в реальности и жил в другом месте [251, с. 274, 276].

Для послевоенной эмиграции во Франции «Борегар» стал фольклорным символом произвола и насилия, почти таким же, как Соловки для советских граждан 20-х гг. Его название регулярно встречается в текстах эпохи и мемуарах, как, например, у Р. Гуля: «в 1945 году <...> советская акция была серьезна. Для советских эмигрантов второй волны они открыли лагерь "Борегар", куда насильно свозили тех, кого захватывали (хоть на улице). А некоторых и убивали» [144-3, с. 102]. Он же о женщинах, осевших во французских семьях, но не имевших документов (ситуация до осени 1945 г.): «Иные мужья-французы считали простым делом – сходить в миссию и получить бумаги. Но в миссии

---

[213] [471, с. 108, 511]. Полковник Н.В.Новиков, член репатриационной миссии в Париже. С июля 1945 г. работал в Берне. С января 1949 по январь 1950 г. – представитель по репатриации про посольстве СССР в Швейцарии [383, с. 496, 503, 789]. В именном указателе [383, с. 542] совмещен с неким полковником Новиковым, который был заместителем начальника штаба Управления тыла 1-го Белорусского фронта в то самое время, как наш персонаж работал во Франции.

[214] Точное произношение: «Рёйи» (Caserne de Reuilly). Огромный неправильный пятиугольник в квартале, образуемом тремя улицами: rue Chaligny, rue de Reuilly и boulevard Diderot, 12°.

говорили: "в Оршу! Нечего тебе здесь делать!...", брали женщину, – оставляя ребенка у нее на руках, иногда на руках француза, – сажали в кузов грузовика и везли в лагерь у Борегара, окруженный проволокой, обставленный часовыми. Кое-кому удавалось из Борегара бежать. Не думали о бумагах – только бы спрятаться» [252, с. 237].

Если СРП организовал Борегар, то НТС сосредоточился на том, чтобы помочь покинуть его тем, кто не желал возвращаться в СССР. А. Столыпин: «Нина Валерьяновна Козубская, член НТС, <...> смогла устроиться на работу в самое чекистское логово, в лагерь Борегар, и спасла оттуда целый ряд людей. Чекисты дважды пытались ее убить» [487, с. 43].

Этот лагерь использовался в качестве пересыльного даже для лиц, с Францией никак не связанных. Так, через него прошел глава военно-воздушных сил КОНР полковник В.И. Мальцев (в прошлом – командующий воздушными силами Сибирского военного округа), который «вместе с его Школой летчиков взятый в плен американцами, был американской разведкой передан советской разведке, увезен в советский лагерь Борегар во Франции и оттуда отправлен в Москву» [245, с. 55], а 1 августа 1946 г., после 2-дневного закрытого суда, был повешен в день вынесения приговора вместе с Власовым и его сподвижниками («по слухам <...> на пианинной струнной проволоке, на крюке, поддетом под основание черепа» [29, с. 116]).

«Штурм» лагеря силами французской жандармерии и армии в ноябре 1947 г. (о чем будем говорить ниже) означал конец насильственной репатриации Ди-Пи во Франции и конец свободных действий НКВД-НКГБ/МГБ на этой территории.

Таким образом, «Борегар» родился в дни Освобождения как символ милосердия к военнопленным и узникам концлагерей и существовал в эпоху «охоты за черепами» как символ насилия и несвободы, а его падение символизировало завершение одной из самых мрачных эпох в истории российской эмиграции во Франции, да и самой Франции тоже.

Общество «Франция – СССР» – Association France-URSS

Историки эмиграции не обращают внимания на это общество как на не относящееся к предмету исследования. А зря. Созданное при непосредственном участии ФКП и рассчитанное на привлечение левой интеллигенции и получение определенного контроля над ней, оно, не являясь эмигрантским, имело к изучаемому нами сообществу самое прямое отношение, уже хотя бы потому, что всячески оказывало на него давление и способствовало его травле.

У общества *«Франция – СССР»* были предшественники. Во-первых, это созданные левыми силами в годы первой революции и гражданской войны *«Общество друзей русского народа»* (1905 г.; инициатор и председатель Анатоль Франс; вице-председатель – вдова Эмиля Золя), *«Общество защиты русского народа»* (1919 г.) и довольно узкий *«Кружок новой России»* (после октября 1924 г.). В апреле 1924 г., под влиянием движения за установление дипломатических отношений с СССР, в Париже возникло довольно узкое по численности, но влиятельное по составу *«Общество новой франко-русской дружбы»* (оно же «Французско-русская дружба»), имевшее 101 члена и издававшее журнал «Амитье нувель» («Amitié nouvelle» – «Новая дружба»). В него вошли 11 сенаторов, 13 депутатов, 20 видных ученых, 16 представителей деловых кругов и т.д. Почетным председателем его был избран один из его основателей, Э. Эррио[215], активную роль играл Поль Ланжевен. После установления дипломатических отношений с СССР оно прекратило свою деятельность, но сохранило две секции – научную (Комитет по научным отношениям с Россией) и художественно-литературную. В 1927 г. в Париже было основано новое полуофициальное *«Общество культурного сближения с СССР»*, получившее от Министерства образования Франции средства, а также право оформлять визы для приглашения советских ученых. А в 1928 г. – довольно элитное *«Общество "Новая Россия"»*, охватывавшее различные слои интеллигенции.

В ноябре 1927 г. Москва выступила инициатором создания международной сети организаций *«Друзья СССР»*. На 10-летие празднования Октябрьской революции были приглашены многочисленные делегации со всего мира (от Франции – 120 чел.), которым на торжественном собрании в Кремле и подкинули идею создания подобных организаций. В результате во Франции в 1928 г. появилась уже чисто просоветская и довольно массовая организация *«Друзья Советского Союза»* (*«Друзья СССР»*) под председательством Анри Барбюса (ум. в 1935 г.), объединявшая рабочих, служащих и крестьян. Во время войны она некоторое время действовала в подполье, сумев в период оккупации издать 52 номера журнала «Россия сегодня». Ее генеральным секретарем стал коммунист Фернан Гренье (Fernand Grenier), он же – генеральный секретарь Международного комитета обществ друзей СССР, с 1945 г. – член ЦК ФКП, в будущем один из создателей общества *«Франция – СССР»*[216].

---

[215] См. [410, с. 457] и приложение 1.1.37.

[216] Данные о ее численности несколько варьируют. Так, встречается утверждение, что к концу 1928 г. она уже имела 20 тыс. членов. В годы кризиса их число, по всей видимости, уменьшилось, и на 1933 г. она насчитывала 6148 чел. А затем численность начала расти: в 1935 г. – ок. 23 тыс. чел., в 1938 г. – 80 тыс. Ее не стоит путать с послевоенным эмигрантским *«Союзом друзей Советской России»* (СДСР). [57, с. 75; 64, с. 43, 92-93; 195, с. 23, 154-157; 204, с. 19; 316, с. 11; 518]. 25 октября 1978 г. вышел следую-

Лишь в самое последнее время история этих организаций начала привлекать внимание исследователей, не принадлежавших ранее к официальным историографам «советско-французской дружбы». Вот мнение французской исследовательницы Софи Кёре: «Документы Государственного архива Российской федерации (ГАРФ) <…> ясно показывают, что 1924 г. ознаменовал собой начало легального установления во Франции оригинального инструмента воздействия, которым были общественные организации, финансируемые и получающие информацию от Москвы, иногда контролируемые коммунистическими "фракциями" <…>. Перекрестная история этих учреждений, их членов и взаимных связей является одним из наиболее захватывающих направлений исследований, открытых в последние годы» [225, с. 214]. Мы полностью присоединяемся к этому мнению и продолжим наш рассказ.

Само *Общество «Франция – СССР»* зародилось в Алжире весной все того же 1943 г. Не позже 20 мая на осколках бывшего *«Общества (Ассоциации) друзей Советского Союза»* возникло *«Общество сближения с СССР»* (оно же *«Общество франко-советского сближения»*; РАФСО). Инициаторами являлись, казалось бы, «местные французы» [417, с. 446], но – удивительное совпадение – произошло это менее, чем через месяц после появления в Алжире (28 апреля 1943 г.) первых советских представителей. Оно объединяло 4,5 – 5 тыс. чел. Его первое собрание состоялось 13 июня. Председателем был проф. Даллони, а секретарем – 25-летний алжирский поэт и писатель-коммунист Жербо. Помимо них на митинге выступал А.Н. Рубакин, врач и советский дипломат. В свое время его интернировали, он долго сидел в вишистском лагере, в т.ч. в Алжире, а после освобождения и до своей репатриации, в апреле-июне 1943 г. был приписан к советскому представительству. Выступления транслировались по радио[217].

После приезда в Алжир советского посла Богомолова в октябре 1943 г. (ранее его туда не допускали союзники, опасаясь усиления де Голля [363-4, с. 298-301]), активность общества резко возросла, и уже в ноябре 1943 г. оно издало при поддержке советского полпредства первый номер информационного бюллетеня (журнала) «Франция – СССР»

щий указ ВС СССР: «В связи с 50-летием основания во Франции общества "Друзья Советского Союза" наградить бывшего генерального секретаря этого общества, члена Национального комитета общества "Франция – СССР" тов. Фернана Гренье орденом Дружбы народов» [90-1978, n° 43, с. 676].

[217] [58-28, с. 29; 417, с. 437, 446, 451; 204, с. 32]. Т.о., датировка возникновения Общества июлем 1943 г. [471, с. 512] – ошибочна.

(«France – URSS»)[218]. Первым редактором был Жербо. Большую роль в его издании играл Фернан Гренье. Возникло даже целое издательство «France – URSS». Всего в Алжире вышло 10 номеров журнала, поэтому на обложке первого номера, появившегося 1 октября 1944 г. в Париже, стояло: "№ 11 (Nouvelle série)", а на втором уже: «№ 2 (Nouvelle série)» [449, с. 105; 613].

В начале 1944 г. вроде бы сами французы предложили преобразовать РАФСО в более широкую организацию – «Франко-советское общество», а 3 марта 1944 г. комиссар информации ФКНО А. Боннэ предложил советскому представителю в Алжире образовать ассоциацию *«Франция – СССР»*. В апреле 1944 г. было официально объявлено о ее создании. На пост председателя был выдвинут ректор Алжирского университета Ложье, который до войны был членом *«Общества друзей Советского Союза»*. Весной 1944 г. ассоциация уже успела провести большой фестиваль советской музыки [471, с. 512].

Однако алжирский период развития общества был отчасти «внутриутробным». В массовую организацию оно начало превращаться лишь после освобождения на территории самой Франции. В конце сентября 1944 г. в Париже был создан Инициативный национальный комитет *Общества «Франция – СССР»*. Было образовано множество секций и комиссий. Комиссию по вопросам физики возглавили Ланжевен и Жолио-Кюри, литературную – Франсуа Мориак и т.д. [471, с. 512-513]. Поразительна скорость развития и размах, которую получило это Общество. Ибо через 3-4 месяца, на рубеже 1944/45 гг., в нем уже состояло 60 тыс. членов, объединенных в 24 департаментских и 508 местных комитетов, представленных на его первом национальном (учредительном) конгрессе 13-14 января 1945 г. в Париже (300 делегатов и столько же гостей). Помимо бывших министров Ж. Поля-Бонкура и Фернана Гренье, на конгрессе выступил посол СССР А.Богомолов. На конец 1945 г. общество уже насчитывало 54 департаментских и 1350 региональных комитетов и 200 тыс. членов. Ежемесячный журнал «Франция – СССР», едва перебравшись из Алжира, 1 октября 1944 г., сразу вышел тиражом 80000 экз., в ноябре и декабре 1944 г. (№ 2 и 3) – по 100 000, в январе 1945 г. (№ 4) – 134 000, в феврале (№ 5) – 150 000, в январе-марте 1946 г. (№ 5-7) – 190 000 экз. Пик был достигнут в августе 1946 г.: 220 577 экз. С того же октября 1944 г. публиковался ежемесячник «Франция – СССР: Внутренний бюллетень департаментальных и местных комитетов» [615]. С января 1946 г. стал выходить также

---

[218] [614]. В [65, с. 139] указано, что журнал начал издаваться в декабре 1943 г., однако информацию о его выходе мы находим уже в номере НС от 28 ноября 1943 г. (см. приложение 2.III.A.10).

ежеквартальный «Информационный бюллетень» Культурного и экономического центра общества [597]. II национальный конгресс (800 делегатов) прошел 6-7 апреля 1946 г. в Исси-ле-Мулино (Issy-les-Moulineaux), под Парижем. К III Конгрессу Национальный секретариат общества предполагал иметь 500 000 членов (цифра, включенная в резолюцию II Конгресса). Однако к этому времени, не без усилий французского правительства, начинается отрезвление, численность Общества и тиражи журнала начинают медленно снижаться, а сам III Конгресс, проходивший 21-22 ноября 1947 г. в Монруже (Montrouge), традиционно коммунистическом предместье Парижа, собирает уже не 800, а 500 делегатов. Общество владело издательством «France – U.R.S.S.» (29, rue d'Anjou, 8°), которое с 1945 г. выпускало пропагандистские брошюры типа «Антисоветизм против Франции»[219].

Фото 34. Послевоенная пропаганда ФКП («Антисоветизм против Франции», Париж: Франция-СССР, 1954; «75 000 расстрелянных коммунистов», 1951 г.(?))

[219] [57, с. 78; 65, с. 139; 195, с. 157-168; 225, с. 212; 449; 597; 613]. Любопытно, что это единственное общество (за исключением страховых), с деятельностью которого было разрешено знакомиться советским туристам, что с очевидностью следует из русско-французского разговорника 1957 г. [430, с. 130].

Для всего этого требовались огромные деньги, которыми не обладала ни одна общественная организация в разоренной военной и послевоенной Франции. Учитывая аналогичную режиссуру, близкие сроки и цели в организации СРП-СДСР/ССП/ССГ, участие в обоих случаях ФКП, а также согласованное участие активистов всех трех организаций зимой-весной 1949 г. в процессе Кравченко, где они выступали на советской стороне (или, точнее, на стороне противников Кравченко), можно с достаточным основанием полагать, что и реальные организаторы, и финансирующие структуры, и руководящие центры были одни и те же.

Эта гипотеза получила неожиданное подтверждение, когда выяснилось, что секретарем *Общества «Франция – СССР»* был все тот же неизменный Гастон Ларош [64, с. 497].

В ее пользу говорит и многолетнее местонахождение Общества в так называемом «Русском доме», который располагался в парижском особняке по адресу: 61, rue Boissière, в том числе и в течение пятнадцати лет после его приобретения советским правительством в 1975 г. В связи с распадом СССР соответствующие структуры оказались дезориентированными, лишились финансовой поддержки, и, пытаясь выжить, несколько раз меняли название и приоритеты. Так, в декабре 1991 г. в особняке бывшего Общества «Франция-СССР» обосновалось *Общество «Франция-Россия» (Association France-Russie)* [659], а затем там, среди прочего, некоторое время действовали «Российский культурный центр» *(Centre Culturel de Russie)*, Центр «Пушкин *(Centre Pouchkine)* (для обучения русскому языку) и другие более мелкие общественные или частные организации первого постсоветского периода. 16° [413; 598].

История взаимодействия с такими европейскими просоветскими структурами берет начало с 1923 г., когда возникли две организации – Комиссия заграничной помощи при Президиуме ЦИК СССР (КЗП) (*Commission de l'aide étrangère*) и Объединённое бюро информации при КЗП (*Bureau uni d'information institués auprès du Comité Exécutif Central de l'U.R.S.S.*). 8 августа 1925 г. Совет народных комиссаров принял решение объединить их во *Всесоюзное общество культурной связи с заграницей – ВОКС* (*Société nationale pour les Relations Culturelles Étrangures – SNRCE*)[220]. В 1958 г. на смену ему пришел *Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами – ССОД* (*Union des associations soviétiques d'amitié – UASA*), объединивший более 1000 общественных организаций (в т.ч. на 1975 г. – 63 собственно общества дружбы с отдельными странами), которые

[220] Согласно [58-5, с. 464] ВОКС возник в апреле 1925 г.

развивали контакты с 7500 аналогичными структурами в 134 странах мира (к этим цифрам мы еще вернемся)[221].

---

[221] [58-5, с. 464; 58-24-I, с. 275; 58-24-II, с. 491; 413; 453]. Предоставим слово М. Якунину, обрисовавшему хронику смены хозяев особняка на рю Буассьер в постсоветскую эпоху: «В 1992 г. в Москве была учреждена Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС), ставшая формальной правопреемницей Союза советских обществ дружбы (ССОД). На самом деле правопреемником ССОД, на балансе которого находился особняк, оказалось Российское агентство международного сотрудничества и развития (РАМСИР), образованное в 1994 г. в качестве федерального государственного органа. 6 февраля 2002 г. (по указу президента Путина) был сформирован Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации (Росзарубежцентр). А 6 сентября 2008 г. (по указу президента Медведева) появилось Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). В 2010 г. отмечалось 85-лет ВОКС-ССОД-Росзарубежцентра-Россотрудничества. 26 мая 2011 г. был основан фонд «Российский союз обществ дружбы» (РСОД) и возобновлена деятельность Дома дружбы с народами зарубежных стран. В соответствии с Соглашением между Правительством Французской Республики и Правительством Российской Федерации (от 12 ноября 1992 г.) в 1995 г. в Париже был открыт Российский центр науки и культуры». И далее М. Якунин ссылается на статью из газеты «КоммерсантЪ» от 15.1.1994 № 5: «Вчера корреспондентам Ъ из информированных источников близких к МИД России удалось выяснить подробности конфликта нескольких влиятельных российских структур за пятиэтажный особняк в Париже – так называемый "Русский дом", где ранее располагалось общество “Франция – СССР”. Особняк является федеральной собственностью, так как был куплен на бюджетные средства СССР, а по замыслу МИД России в особняке должен разместиться российский Культурный центр. Между тем создание центра затягивается из-за попыток нескольких российских структур получить здание в свое распоряжение. В частности, на здание претендует корпорация “Интурист Холдинг компани” – один из “обломков” бывшего ВАО "Интурист", на имя которого в 1975 году была оформлена купчая на особняк во Франции. “Русский дом” – пятиэтажный особняк XVIII века (улица Буассьер д.61) – в свое время был приобретен сподвижником Петра I графом Шереметевым. С тех пор особняк неоднократно переходил из рук в руки, и, наконец, в 1975 г. был приобретен СССР и в нем разместилось общество “Франция – СССР”. Деньги на покупку здания были выделены распоряжением премьера Косыгина из бюджета, но само здание в России числилось на балансе ССОД, который в дальнейшем платил налоги по владению собственностью и землей. После распада СССР ВАО “Интурист” и общество “Франция – СССР” были ликвидированы, а французские сотрудники “Русского дома” уволены. В связи с этим французское правительство выплатило им социальные компенсации за увольнение без предварительного уведомления за полгода (8,5 млн французских франков) и создало в Париже ликвидационную комиссию общества. Комиссия распродала имущество общества и частично покрыла этим его долги перед французским бюджетом. Тем не менее сам особняк не был продан (для уплаты всех долгов), а в некоторых документах ликвидационной комиссии правопреемником ликвидированного общества был указан “Интурист холдинг компани”. По некоторым данным, на этой формулировке настоял тогдашний представитель России при Комиссии европейских сообщества Иван Силаев. В связи с этим корпорация “Интурист холдинг компани” начала распоряжаться особняком – сдавать в аренду часть его помещений. Кроме “Интурист холдинг компани” на особняк претендуют еще несколько структур. В частности, Российское агентство международного

Едва ли не основная задача, которая ставилась перед *Обществом «Франция – СССР»*, заключалась в борьбе с антисоветизмом, что в принципе заложено уже в самом его названии. И о том, что оно эту задачу усиленно решало, говорит отчетный доклад его генерального секретаря, Камия Пайерэ (Camille Pailleret), 6 апреля 1946 г. на II Национальном конгрессе общества. Так, рассказывая обо всех направлениях деятельности, «он разоблачает с большой энергией вред, нанесенный Франции антисоветизмом» [613-9/1946, с. 14]. Под последним же понималась любая критика СССР и проводимой им политики. Инакомыслие подавлялось всеми возможными путями, и важнейшую роль здесь играла пропагандистская пресса.

В 1995 г. по адресу бывшего Общества «Франция-СССР» открылся *Российский центр науки и культуры – РЦНК (Le Centre de Russie pour la science et la culture – CRSC).* РЦНК от своих предшественников унаследовал не только здание, но и библиотеку Общества «Франция – СССР»[222]. Логично было предположить, что в ней собраны все его многочисленные и труднодоступные издания – журналы, бюллетени, проспекты, брошюры, тем более, что некоторые из них готовились

сотрудничества и развития (РАМСИР) — правопреемник ССОДа, на балансе которого находился особняк, а также Фонд гуманитарного и культурного сотрудничества с Францией (председатель Олег Лобов). Зампредседателя РАМСИРа Светлана Швецова рассказала корреспонденту Ъ, что ее ведомство "претендует на здание по праву", так как указом президента России от 14 августа 1992 года Госкомимуществу России было поручено передать на баланс РАМСИРа здания и другое имущество, находившееся на балансе бывшего ССОДа. По словам г-жи Шевцовой, хотя купчая на особняк во Франции в 1975 году была оформлена не на ССОД, а на ВАО "Интурист" – это вовсе "не прибавляет "Интуристу" прав на здание. Дело в том, что правительство не хотело афишировать свою заинтересованность в пропаганде во Франции "советского образа жизни" и поэтому предпочло оформить сделку на имя негосударственной структуры, каковой в глазах французов должно было являться ВАО "Интурист". Как удалось выяснить корреспонденту Ъ, председатель "Интурист холдинг компани" Игорь Коновалов пытался учесть все эти интересы и в конце 1992 года предложил создать ассоциацию пользователей особняка, куда предполагалось включить "Интурист холдинг", РАМСИР и Фонд г-на Лобова. Однако создание ассоциации было приторможено МИДом, который хочет разместить в особняке государственный культурный центр в соответствии с межправительственным соглашением России и Франции от 12 ноября 1992 года. Между тем, по мнению экспертов Ъ, усилия всевозможных негосударственных структур завладеть зданием напрасны, так как особняк является федеральной собственностью. В связи с этим в начале этого года МИД России направил ноту французскому правительству с просьбой "сообщить о процедуре переоформления прав собственности на "Русский дом" в Париже на Российскую Федерацию". Ъ вернется к этой теме, когда МИД получит ответ на свою ноту. *Алексей Ъ-Герасимов, Михаил Ъ-Казаков*».

[222] На старых книгах этой библиотеки стоят две печати: «Assocciation France-URSS. *Centre Culturel*. BIBLIOTHÈQUE» или «ASSOCCIATION FRANCE U.R.S.S. BIBLIOTHÈQUE DOCUMENTATION 61. Rue Boissière 75116 PARIS. Tél. : 553.62.74» и «Centre Culturel de Russie. Bibliothèque. 61, rue Boissière – 75016 PARIS».

в самом этом здании, что указано в их выходных данных. Например, наследовавший в 1991 г. амбициозному журналу «France-URSS» более простой «La Lettre France-URSS»[223]. Каково же было наше удивление, когда выяснилось, что в бывшей библиотеке Общества ныне *нет ни одного* его издания. И по сообщению руководства библиотеки[224], не было уже на конец 1990-х гг. Такое ощущение, что при передаче фондов эти журналы и брошюры скрывались или уничтожались, либо «приватизировались».

В целом же, через *Общество «Франция – СССР»* Москва пыталась установить свой контроль над французской интеллигенцией. Это – элемент как бы второй, “параллельной” сети, которую советские секретные службы пытались накинуть на Францию. Но не заблуждаемся ли мы? Действительно ли перед нами сеть, а не изолированное явление? Давайте посмотрим.

Мультиплицирование модели «ФКП – Общество “Франция-СССР”»

Опробовав модель установления контроля и подавления инакомыслия (в среде как эмигрантов, так и местной интеллигенции) в рамках связки «ФКП – Общество “Франция-СССР”», Москва начала ее множить, задействуя своих сторонников в оккупированных ею странах. Так возникли и на осень 1947 г. активно действовали коммунистические ассоциации: Франция – Польша, Франция – Румыния («Association France – Roumanie»), Франция – Чехословакия («Association France – Tchécoslovaquie»), Франция – Югославия («Association France – Yougoslavie»). Конечно, основное внимание они обращали на собственную эмиграцию, и их весьма тревожила деятельность «предателей, фашистских клик Андерса, Михайловича и К° эмигрировавших во Францию» [646, с. 11], но при необходимости они действовали совместно и так согласованно, будто исполняли один и тот же приказ, что показали события октября 1947 г. при «Битве за зал Ваграм». Приведенные выше строчки были опубликованы в «Юманите» в 1947 г. Как видим, ФКП записала в фашисты бойцов армии Андерса, которая подчинялась Польскому правительству в изгнании, сражалась в составе союзных сил и покрыла себя славой в Италии в боях против фашистов (вспомним Монте-Кассино). А во Францию ее солдаты эмигрировали после войны.

---

[223] [614]. То, что оно стало более простым, и что вышел всего один его номер, говорит об истощении средств. И это при той волне интереса к СССР, которая была во Франции в годы перестройки! То есть, финансирование издания, если не целиком, то его львиная часть, шло не от французов (т.е., не зависело от интереса к стране Советов), а из самого СССР, который в 1991 г. находился в глубоком кризисе и оплачивать уже ничего не хотел и не мог.

[224] Благодарим за информацию Л. Найдич.

и были «костью в горле» и для коммунистов, и для Москвы, так же как и сербы Дража Михайловича (27.4.1893 – 17.7.1946), сражавшиеся в формированиях четников, ибо и те, и другие были союзниками «Свободной Франции» и, в отличие от действительно профашистских формирований, должны были находиться под защитой государства.

У всех обществ дружбы были свои печатные органы. Общество «Франция – Югославия» издавала таковой с 1945 г. («Yougoslavie»); «Франция – Румыния» – с 1949 г. («Cahier France – Roumanie»); «Франция – Албания» – с 1950 г. («France – Albanie: Bulletin de l'Association France – Albanie»). Имелся журнал и у общества «Франция – Чехословакия» («Paris – Prague»).

Рассмотрим их на примере общества «Франция – Болгария» (*Association France – Bulgarie*). Оно возникло в начале 1951 г. на базе Комитета дружбы с Болгарией (*Comité d'amitié avec la Bulgarie*), организованного, по всей видимости, сразу после войны (вряд ли позже *Association bulgaro-française*, созданной в Софии в декабре 1946 г.). Общество «Франция – Болгария» находилось под полным контролем ФКП и на начальном этапе отнюдь не было многочисленным, объединяя лишь около 300 членов, но при этом умудрялось с момента своего возникновения в 1951 г. издавать журнал «France – Bulgarie». Во главе его стоял коммунист Эмиль Лабери (Émile Labéry), едва ли не профессиональный глава обществ дружбы, ибо он также являлся президентом и франко-румынского общества (*Association France – Roumanie*) – по-видимому, для простоты управления ими. Генеральным секретарем франко-болгарского общества был член ЦК ФКП Роже Герэн (Roger Guérin). Как признает болгарская исследовательница Е. Калинова, культурные достижения общества были более, чем скромными [634]. Думается, не они были главной целью подобных структур, во всяком случае, в первое послевоенное десятилетие.

Таким образом, вся эмиграция из стран Восточной Европы (а не только российская и советская) оказывались под советским наблюдением как напрямую, так и через ФКП.

Аналогичные процессы шли и в других странах. Не случайно почти совпадают даты создания различных обществ дружбы с СССР. В 1975-76 гг. прокатилась волна их награждений в связи с 30-летием со дня основания: 14 января 1975 г. – Общество «Франция – СССР», 30 мая 1975 г. – Австро-советское общество, 9 ноября 1976 г. – Общество «Италия – СССР»[225].

---

[225] С 1973 по 1977 г. ВС СССР наградил 12 таких обществ и 16 (еще 4 – в 1966-70 гг.) наград получили их президенты, председатели, исполнительные директора, генеральные секретари и старейшие члены [90].

К французской компартии также примыкали или курировались ею такие массовые организации, как *«Союз французских женщин»* (Union des Femmes Françaises), *«Республиканская ассоциация ветеранов и жертв войны»* (Association Républicaine des Anciens Combattants et Victimes de Guerres, ARAC), *«Национальный Фронт»* (Front National)[226], *«Союз республиканской молодежи Франции»* (Jeunesse Républicaine de France); ассоциации «*Семьи расстрелянных и убитых*» (Familles de fusillés et de massacrés), «*Народная помощь*» (Secours populaire), «*Вольные стрелки (франтиреры) и Партизаны*» – ФТП (Francs-Tireurs et Partisans – FTP,) и др. ФКП имела большое влияние на *Всемирную федерацию научных работников* (ВФНР)[227], созданную в 1946 г. по инициативе и под председательством коммуниста Ф.Жолио-Кюри, и на ее французскую версию – *Association des travailleus scientifiques*; а также на *Всеобщую конфедерацию труда* (ВКТ), численность которой в 1945 г. достигла 5,5 млн чел. В том числе под контролем коммунистов находились крупнейшие профсоюзные объединения во Франции, 13 из которых перечислены нами ниже в главе «Битва за зал Ваграм»[228].

Насколько мы можем судить по отрывочной информации, встречающейся в советской литературе, СССР пытался управлять всеми ими не только через ФКП, но и напрямую, как через тайную агентуру, так и через вполне легальные структуры и прессу. Однако наступил момент, когда французы попытались разорвать эту сеть, и достигли определенных успехов.

После того, как в ноябре 1947 г. советский пересыльный лагерь в Борегаре был переведен под французский контроль и выслано руко-

---

[226] Полное название: *Front national de l'indépendance de la France*, он же *Front National (French Resistance)*. Основан в 1941 г., после нападения Германии на Советский союз, Жаком Дюкло (J. Duclos) и Пьером Вийоном (P. Villon) как одна из организаций французского Сопротивления. Не путать с крайне правой партией *Национальный фронт*, созданной Ж.-М. Ле Пеном в 1972 г. См. о них информационные справки в Интернете [652].

[227] Коммунистической, просоветской или, по крайне мере, левой была значительная часть французской научной и университетской интеллигенции, которая к российской и, тем более, советской эмиграции относилась крайне отрицательно. Это отнюдь не способствовало вовлечению последней в духовную и научную жизнь Франции. Во главе различных, опекаемых ФКП научных структур, объединений, изданий очень часто стояли три знаменитых ученых – Поль Ланжевен (Paul Langevin), Фредерик Жолио-Кюри (Frédéric Joliot-Curie) и Анри Валлон (Henri Wallon). Характерный пример – один из самых влиятельных «интеллектуальных» журналов Франции – «La Pensée» («Мысль») [657], возобновленный в октябре 1944 г. Значительную часть своего объема он уделял вопросам марксизма, ленинизма, официозному одобрению погромных кампаний в советской науке 40-х гг. (например, n° 23, 25-26, 28 за 1949-50 гг.). Причем собственно коммунистическим журнал себя не провозглашал.

[228] [45; 317; 325, с. 22-23; 467, с. 211; 607, с. 102].

водство Союза советских граждан, «Французские власти запретили в стране распространение советских журналов “Огонек”, “Крокодил”, “Советская женщина”, “Советский Союз”, газеты “За прочный мир, за народную демократию”. Покинули французскую территорию руководящие органы Всемирной федерации профсоюзов, Всемирной федерации женщин, Всемирной федерации демократической молодежи, Всемирного Совета Мира» [65, с. 120]. Отметим, что на II Национальном Конгрессе Общества «Франция – СССР» (апрель 1946 г.) присутствовали официальные представители первых трех организаций (Fédération Syndicale Mondiale, Fédération Mondiale Démocratique des Femmes, Fédération Mondiale de la Jeunesse démocratique), а в резолюции упоминалось тесное сотрудничество с ними [613]. Таким образом, в конце 1947 г. входившие в них аналогичные французские структуры лишились непосредственного контроля. Остался только тот, который осуществлялся через ФКП. Да и количество пропагандистской прессы резко уменьшилось.

Все подобные организации при необходимости задействовались в антиэмигрантских и просоветских акциях. И все они поставляли электорат ФКП и примыкавших к ней группировок. Так, на выборах в Учредительное собрание 21 октября 1945 г. они получили 5,024 млн голосов или 26,2% из 19 654 тыс., пришедших на голосование (152 депутатских мандата из 545). Это больше, чем у любой другой партии. А на выборах в Национальное собрание 10 ноября 1946 г. собрали около 5,5 млн голосов[229].

Оценим число российских эмигрантов, которые испытывали давление этих почти 6 млн сторонников ФКП. Различные авторы называют от 70 до 400 тыс. между двумя войнами (колебалось по годам), причем считают, что к 1939 г. осталось около 70 тыс. чел. и даже меньше[230].

На наш взгляд, расхождения в оценках связаны не только с использованием разных источниковых баз, но и с различным подходом к тому,

---

[229] [32, с. 217; 198; 325, с. 22-23, 55; 467, с. 211; 646]. Впрочем, с точным числом голосов, поданных за коммунистов, в опубликованных источниках явные расхождения. Так, в русском переводе книги Бийу дается цифра в 5 746 268 голосов. [53, с. 63]. Согласно А. Манфреду, это 5 476 тыс. избирателей [291, с. 45]. Не переставлены ли две цифры? «СВ», вышедший сразу после выборов, в конце ноября 1946 г. называет 5 410 тыс. голосов (но, по-видимому, еще без учета голосов в колониях) [446, с. 250]. В Интернете встречаем указание на 5 430 593 человек [623]. Но там же под рубрикой «Разное» дается еще одна цифра: 154 377 голосов, поданных за мелкие партии. Не приводится ли в советских публикациях лукаво некоторое суммарное число голосов, поданных не только собственно за ФКП, но еще и за какие-то мелкие, присоединившиеся к ней группы? Тогда может быть 5,476 млн, но никак не 5,746 млн.

[230] См. [145; 232, с. 305; 324, с. 34; 341, с. 126; 440, с. 227].

кого считать «русским» эмигрантом. Например, при подсчете количества обладателей нансеновских паспортов, автоматически из числа эмигрантов исключаются натурализовавшиеся, т.е. лица, получившие гражданство какой-либо страны. С юридической точки зрения это верно. Впрочем, лишь до того момента, пока так же считают правительства этих государств. А как мы видели на примере деголлевской администрации в Алжире или вишистской в оккупированной Франции, когда гражданства лишали уже натурализованных иностранцев, правительства могут и поменять свое мнение. Однако получение нового документа – паспорта дает лишь дополнительную степень свободы, но не меняет культурную принадлежность и менталитет. Поэтому, если мы изучаем диаспору как некое сообщество, то следует признать, что, в отличие от происхождения, натурализация не является для этого сообщества системообразующим признаком первого порядка, в лучшем случае влияя на второе и третье его поколения.

Другое принципиальное расхождение: кого причислять именно к «русской» эмиграции при ее удивительной неоднородности? Как правило, за бортом остаются различные этнические и этноконфессиональные группы. Особенно тяжел их учет в тех случаях, когда они имели свои правительства в изгнании (армянское, азербайджанское, грузинское), которые выдавали им документы и вели их регистрацию. Собственно к «русским» эти группы себя никак не относили. И, более того, даже объединялись друг с другом на антирусской основе (как украинское и ряд кавказских сообществ). Впрочем, само это отторжение говорит о наличии определенной зависимости, указывающей на общее происхождение этих групп, имевших до эмиграции сложнейшие системы взаимосвязей и соподчиненности. Другими словами, чтобы увидеть явление во всей его полноте, мы должны говорить не о «русском», а о «российском» и о «советском» эмиграционном мире. А он включает *всех выходцев* из этих двух наследовавших друг другу империй. То есть, его базу составляют эмигранты, при своем рождении являвшиеся подданными этих империй вне зависимости от их дальнейшей натурализации и декларируемых взглядов. Далее уже можно уточнять, как быть с теми, кто родился вне империй, но оказался на аннексированных территориях, или со вторым поколением. Но это уже следующий этап, и он находится за пределами настоящего исследования.

Нам встретилась любопытная цифра, которая до сих пор, похоже, не использовалась: число «аусвайсов», выданных в Париже УДРЭ в 1942-44 гг., т.е. число зарегистрировавшихся русских эмигрантов. На 29 июля 1944 г. было выдано 20 358 удостоверений [361], в т.ч. несколько десятков – повторно. Итого 20 000 чел. Нам неизвестно,

сколько эмигрантов зарегистрировалось в украинском и кавказском управлениях (УДУЭ и УДКЭ). Обе диаспоры достаточно большие, хотя и меньше собственно русской. Примем (с большим запасом), что УДУЭ и УДКЭ совместно контролировали столько же человек, сколько одно УДРЭ.[231] Получим 40 000 чел. Здесь не учтены дети до 15 лет. Итого, общее число российских эмигрантов в Париже в период оккупации – 50-60 тыс. чел. По сравнению с довоенной ситуацией здесь почти полностью отсутствует обширная еврейская составляющая и сильно уменьшена лево-социалистическая. Обе группы частично покинули страну, а частично перебрались в «свободную» зону, увеличив численность эмиграции на юге; кое-кто погиб. Также не учтены мобилизованные в 1939-40 гг. во французскую армию (до 10 тыс. чел.[232]) и попавшие в плен (в основном освобождены в 1943 г., но оставались в Германии на работах, а во Францию могли приезжать в отпуск), служившие в армии де Голля (до 3000 чел. [324, с. 287]) и участники Сопротивления, перешедшие на нелегальное положение. Утверждая, что число всей российской эмиграции на территории Франции в период войны (с учетом территории, подконтрольной Виши) превышало число зарегистрированных в Париже как минимум в 2-3 раза, мы, вряд ли ошибаясь в сторону увеличения численности, получим цифру в 120-180 тыс. чел.[233] Останется учесть тех, кто взял французские паспорта. Таким образом, 200 тыс. чел. – это минимальная численность российской

---

[231] Сами украинцы оценивают численность своей диаспоры во Франции в годы войны в 40 000 чел. [588], т.е. мы не ошибаемся в сторону увеличения численности.

[232] [410, с. 447; 643, с. 336]. Заметим, что 10 тыс. мобилизованных в 1939-40 гг. – один из параметров, который может дать примерную оценку общей численности российской диаспоры перед войной. Здесь надо учитывать мобилизационные законы тех лет, большой процент пожилых людей в эмигрантской среде, высокий процент инвалидов среди людей среднего возраста (бывших военных), а также число натурализовавшихся, которых надо будет добавить к тем, кто ходил с нансеновскими паспортами. Прекрасная работа для специалиста по исторической демографии.

[233] Из заметки в приложении 2.I.3 следует, что на октябрь 1942 г. на территории, подконтрольной Виши, скрывались 2750000 иностранных евреев. Порядок этих цифр вызывает сомнение – похоже, что приписали лишний ноль, но то, что заметка отражает факт действительно большого числа европейских евреев, для которых «свободная зона Франции», откуда можно было эмигрировать дальше, стала первым этапом спасения, – это точно. И евреев из бывшей Российской империи среди них была значительная часть, хотя были также и выходцы из Бельгии, Голландии, Германии, Румынии и Польши [95]. Она свидетельствует, что наши оценки даны с большим запасом в сторону уменьшения численности российской диаспоры. Надо сказать, что режим Виши показал себя «святее Папы Римского», проводя в отношении иностранных евреев в отдельные периоды даже более жесткую политику, чем оккупационные власти. Однако пытаясь избавиться от иностранных евреев, он не препятствовал их эмиграции в любом направлении [85]. А это именно то, что и было нужно для спасения.

диаспоры на территории Франции в годы войны[234], что в 28 раз меньше числа сторонников ФКП на конец 1946 г. Сами эмигранты считали на лето 1946 г., что только в Париже с предместьями проживало около 100 тыс. бывших российских граждан и их потомков (т.е., эмигрантов первой волны) [332, с. 186]. Мы не считали 115 (200 ?) тыс. бойцов восточных батальонов и 135,5 тыс. пленных [655], ибо это резерв уже второй волны. Впрочем, из них во Франции легально осталось менее 20 тыс. чел. И какое-то количество еще – подпольно.

Как действовала описанная выше просоветская машина, и какие в случае необходимости запускались механизмы, хорошо видно на попытке левых сил сорвать Международный митинг угнетенных, который все-таки состоялся 28 октября 1947 г. в зале Ваграм, и описан в «Полицейском отчете» (где его название представлено как «Международный митинг жертв советского притеснения», см. [410, с. 409]).

«Битва за зал Ваграм» и антисоветский митинг

Это знаковое событие для истории эмиграции. «Битва за зал Ваграм» советскому читателю была известна как «славная страница истории ФКП». Ее суть в следующем: различные эмиграционные общины из Восточной Европы, наконец, проявили волю к жизни, нашли в себе силы для организации отпора давлению, которое на них оказывал Советский Союз и его сателлиты, и сумели договориться о проведении учредительно-организационного митинга. Для советского посольства в Париже начали сбываться страшные сны. Чтобы не допустить этой манифестации, была мобилизована вся мощь ФКП и множества соподчиненных организаций. Сам факт их одновременного выступления позволяет сделать вывод о наличии единого координирующего центра.

---

[234] Именно поэтому утверждение, что во Франции на 1946 г. было ок. 55 тыс. русских эмигрантов, из которых ок. 11 тыс. приняли советское гражданство [643, с. 456], в первой своей части нам кажется в несколько раз занижающим общую численность эмигрантов, тем более, что в указанные 11 тыс. входили не только люди с нансеновскими паспортами, но и какое-то число тех, кто уже успел натурализоваться (лишнее доказательство того нашего положения, что эмигрантов надо считать вне зависимости от имевшегося у них гражданства). Любопытные данные на основании полицейских архивов приводит И. Сабенникова: после принятия ВС СССР 14 июня 1946 г. декрета, разрешившего эмигрантам принять советское гражданство и вернуться в СССР, во Франции «около 18 тыс. беженцев перешло в положение советских эмигрантов, получив советские паспорта (среди них были также украинские и кавказские). На 31 декабря 1946 г. только в департаменте Сены насчитывалось 2004 советских эмигранта, 800 из которых должны были быть репатриированы в СССР. 2000 русских эмигрантов, по данным на 1946 г., уже покинули Францию, уехав в СССР» [440, с. 227].

Расскажем о событиях на основании источников прозмигрантской направленности.

Событиям, предшествовавшим митингу, посвящены написанные Готеро вступление к сборнику материалов последнего и две статьи «Битва за Ваграм» (La « bataille de Wagram ») «Зал Ваграм» (Salle Wagram) [646, с. 9-21]. Резюмируем рассказ Готеро, который ведется от его имени[235].

Когда заметкой в «Монде» было обьявлено о митинге 28 октября 1947 г., «Юманите» от 23-го тут же выступила против «антисоветской провокации Готеро» и заявила, что «парижане» запретят сборище «предателей, фашистских клик Андерса, Михайловича и К°, эмигрировавших во Францию, СС и бандитов из L.V.F.» и что Ассоциация «Франция – СССР» направила Председателю Совета Министров (Président du Conseil des Ministres) письмо с требованием запрещения митинга, являющего собой «серьезное оскорбление дружественной и союзной страны», с которой французское правительство «начало переговоры о поставке 1 500 000 тонн пшеницы». Таковы были тон и методы нападок, которые продолжались до 28 октября. Лозунг «Все в Ваграм в 19 часов» был брошен 25 октября. Воззванием к «Парижскому народу», под которым стояли подписи дюжины коммунистических группировок: A.R.A.C. (Республиканская ассоциация ветеранов и жертв войны), Союза французских женщин, Национального фронта, Республиканской молодежи Франции, ассоциаций «Семьи расстрелянных и убитых», «Народная помощь», «Вольные стрелки и партизаны», и т.д.). К ним присоединились комитеты «Франция – СССР» 11-ти округов Парижа и 19-ти пригородных коммун, 8-ми «Профессиональных комитетов», в т.ч. из Перигё (Périgueux) и Бордо. Делегацию подписантов привели в Президиум Совета министров и в Парижскую префектуру Жюльет Семар (Juliette Semard), Фернан Гренье (Fernand Grenier), Альбер Байе (Albert Bayet) и Андрэ Узулян (André Ouzoulian). 27 октября в «Юманите» «со всех сторон поступаают возмущенные протесты патриотов и демократов, которые восстают против провокации Готеро»; среди них отметим протесты коммунистических ассоциаций (обществ дружбы): франко-польской, франко-румынской, франко-чехословацкой, франко-югославской; «профессиональных группировок» железнодорожников Батиньоль (Cheminots des Batignolles), заводов Рено (Régie Renault), французской электрической компании (Electricité de France), Парижской префектуры; ассоциаций Версаля, Руана, Меца, Лиона, Марселя; Общего рабочего профсоюза химических предприятий Парижского

[235] В кавычки поставлен перевод пассажей, которые цитирует он сам; наши пояснения – в скобках.

района (Syndicat Général Ouvrier des Industries Chimiques de la Région parisienne), Общего объединенного профсоюза сотрудников метрополитена (Syndicat Général Confédéré du Personnel du Metro), Союза строительных профсоюзов (Union syndicale du Bâtiment). 28 октября Исполнительное бюро Обьединенного профсоюза металлургов (Union syndicale des Métallurgists) требует от «металлургов Сены организации энергичного отпора» и «массового прибытия сегодня вечером в 19 часов в Ваграм, чтобы заставить замолчать фашиста Готеро, бывшего агента Гестапо». В тот же день Марсель Кашен (Marcel Cachin) лично посвятил в «Юманите» свою директорскую передовицу «гнусной провокации» человека, который в Пюто (Puteaux) был кандидатом «от имени трестов и наихудшей реакции!». «Нет! – заключает он, – Париж не потерпит провокации, вызова, гнусности, которой угрожает ему Готеро». И вот таким образом, смешивая профессиональные и политические сферы с самой очевидной ложью и низкими оскорблениями, Коммунистическая партия намеревалась натравить на Готеро весь рабочий класс. Помимо «Юманите» в кампании участвовали такие крупные издания, как «France-Dimanche» и «Le Comtois». Свои призывы и интенсивную пропаганду «Юманите» подкрепляла большими афишами и листовками, которые миллионами экземпляров разбрасывались повсюду. Среди прочего, в них говорилось следующее: «Париж не позволит ... чтобы новые крестоносцы Долларового Империализма провоцировали Союзницу Франции ... Вчера на службе Гитлера, сенатор Петена, наемник под командой предателя Дорио[236], Готеро, из Антибольшевистской и Антифранцузской Лиги, продолжает сегодня грязную работу своих хозяев. ПАРИЖ ПРИМЕТ ВЫЗОВ!» Этим строкам сопутствовал портрет Дорио, в гитлеровской униформе, с железным крестом и подписью: «Предатель Дорио на параде преступников Антибольшевистской лиги». С учетом предыдущих фраз, имело место явное ассоциирование с Готеро, который становился новым Дорио. Эту клевету подписала «Федерация Французской коммунистической партии Сены». Когда к 19 часам Готеро прибыл на Площадь Звезды (place de l'Etoile), авеню Ваграм была перекрыта толпой, поющей «Интернационал». С конца узкого коридора, ведущего к залу Ваграм, Готеро увидел такое же зрелище, продолжавшееся до площади Терн (place des Ternes). Количество участников этой манифестации оценивалось в 10 000 чел. Звучали при-

[236] Жак Дорио (Doriot Jacques; 26.9.1898 г., Bresles – 22.2.1945 г., ок. Mengen, Германия), в 25 лет – генеральный секретарь коммунистической молодежи Франции, потом один из руководителей ФКП, затем основатель профашистской Народной французской партии (Parti populaire français) и один из основателей L.V.F., в составе которого воевал на Восточном фронте. Погиб в Германии во время авиационного налета [596; 654], а не был «убит французскими патриотами» [417, с. 437].

зывы к расправе: «На столб!» (аналог русского: «Вздернуть на фонаре!») – над Готеро и... генералом де Голлем. В 20.15 Готеро и его друзей, находившихся внутри зала, отделяла от возбужденной толпы лишь складная входная решетка и двойной ряд невозмутимых полицейских. Только обращение Готеро к префекту полиции и генеральному директору муниципальной полиции с просьбой обеспечить, наконец, в соответствии с законом, свободу частного собрания, повлекшее за собой вмешательство сил порядка, позволило очистить авеню Ваграм от толпы. Были применены дубинки, и имелись раненые, ответственность за которых была также возложена на организаторов митинга. Среди обрушившихся на Готеро после этого обвинений в коммунистической печати было и такое: «петенист Готеро сотрудничает с журналом Жеребкова» (заголовок статьи «Юманите» от 28 октября). И пояснение: Жеребков, «агент Гестапо», во время гитлеровской оккупации занимался «делами русских эмигрантов во Франции» с комментарием Готеро в сноске: «Надо ли говорить, что этот Жеребков был мне совершенно незнаком»[237]. Митинг носил частный и закрытый характер: попасть на него можно было только по пригласительным билетам. Сорвать его не удалось. В зале Ваграм присутствовало 1300 человек. Резолюцию приняли единогласно [646, с. 26, 110].

Этот митинг был чрезвычайно опасен для советского влияния во Франции, ибо являл собой попытку представителей первой волны объединить все антисоветские эмиграции во Франции – и «молодые», и «старые», и российские, и советские, и восточно-европейские – именно на общей для всех них платформе: неприятии советского режима и большевизма.

Другой важный для нас случай – процесс Кравченко зимой-весной 1949 г., – бой, который был дан просоветским силам уже новой эмиграцией при поддержке представителей первой волны[238]. Парадокс в том, что хотя эти два крупных столкновения эмиграция выиграла, в долгосрочной перспективе Москва добилась своего, не допустив восстановления на территории Европы живого и развивающегося социума российской диаспоры.

---

[237] [646. с. 11-17]. См. также [644; 658]. От себя добавим, что в просмотренных нами номерах «Парижского вестника» (1942-44 гг.), издававшегося Жеребковым, не встретилось никаких статей, подписанных Готеро, а также, что обвинения его в фашизме и в сотрудничестве с Гестапо не имели никаких оснований и являлись открытой пропагандистской ложью левой прессы. Под Антибольшевистской (и Антифранцузской) лигой, видимо, подразумевается L.V.F. (см. выше).

[238] [27; 39; 142; 143, с. 31; 144-3, с. 117-131; 153; 324; 341, с. 59-60; 393; 409, с. 108-109, 298; 661].

Разгром советских структур на территории Франции

Существование «райских условий» для деятельности НКВД-НКГБ/МГБ во Франции оказалось под угрозой в конце весны 1947 г., когда 4-5 мая[239] министры-коммунисты, проводившие открыто просоветскую политику[240], были изгнаны из правительства[241]. К этому времени была уже провозглашена «доктрина Трумэна» (11 марта 1947 г.)

---

[239] [53, с. 68; 315, с. 287-288; 325, с. 102-104, 357; 607, с. 102]. В [600, с. 700] указано, что изгнание произошло 2 мая, но это ошибка, ибо голосование, после которого премьер-министр Рамадье объявил об освобождении коммунистов от занимаемых постов, имело место 4 мая, а декрет появился 5 мая.

[240] Вопрос о подчиненности ФКП Москве возник рано, и в ноябре 1945 г. М. Торез, просидевший в СССР всю войну, начиная с 1939 г., был вынужден опубликовать в печати открытое письмо «с решительным протестом против попыток поставить под сомнение национальный характер коммунистической партии» [211, с. 303]. Он мог так писать, ибо в 1945 г. грехи ФКП 1939-41 годов были не то, чтобы смыты, а, скорее, так сильно залиты кровью самих коммунистов, что уже не различались. Всегда любопытными являются проговорки информированных лиц. Министр-коммунист Ф. Бийу о весне 1944 г.: «Морис Торез вместе с Артуром Раметтом и Жан-Ришаром Блоком через Московское радио передавали точные директивы сражающейся Франции» [53, с. 49]. Кто в Москве составлял эти директивы для главы партии, который 4,5 военных года был оторван от своей страны? А если директивы были точными, то кто поставлял информацию? И что требуется, чтобы в этих условиях усомниться в национальном характере подчиненной ему партии? О прямом участии ФКП совместно с НКВД-НКГБ/МГБ в охоте за советскими невозвращенцами и о роли прикрытия, которую играла французская коммунистическая печать, когда разражался очередной скандал в связи с очередным похищением или убийством, мы писали выше. Если левые и неожиданно полевевшие эмигранты, принимая советские паспорта, сами шли на заклание, то правая часть эмиграции в 1944-47 годах оказалась чрезвычайно уязвима за свое поведение в годы оккупации. И когда читаешь, что М. Торез как заместитель председателя совета министров боролся «за искоренение остатков вишизма и чистку государственного аппарата от профашистских элементов и коллаборационистов» [198], понимаешь, что речь шла далеко не только о французах. Из текста 1946 года: «Какую общую цель преследует советское правительство по отношению к старой и новой эмиграции? <...> всей советской заграничной агентуре так же, как и коммунистическим партиям поставлено задание: ликвидировать эмиграцию во что бы то ни стало» [161]. Из юбилейной статьи: «Заняв пост заместителя председателя совета министров, <...> Морис Торез настойчиво и последовательно выступал за дружбу с Советским Союзом и выполнение решений Ялтинской конференции» [198]. Напоминаем, что последствием этих решений явилась репатриация нескольких миллионов советских граждан, значительная часть которых направлялась в СССР насильственно, и депортация сотен тысяч (учитывая казаков) эмигрантов первой волны.

[241] С 3-4 апреля 1944 г. по 4-5 мая 1947 г. в правительство (считая с Французского комитета национального освобождения) входило от 2 до 8 коммунистов. Так, с 16 ноября 1945 г. М. Торез был заместителем председателя Совета министров (гос. министром), Ш. Тийон (Ch.Tillon) – министром вооружения, а с 22 января 1947 г. Ф. Бийу (F.Billoux) – министром национальной обороны [53; 198; 211, с. 303, 319; 315, с. 212; 456, с. 291; 466, с. 253-258; 600].

и начиналась «холодная война»[242], явившаяся настоящим спасением для русской эмиграции во Франции[243]. Сама же страна еще долго испытывала последствия послевоенного влияния коммунистов, от принятия компромиссных положений Конституции IV Республики, на 12 лет парализовавшей исполнительную власть в стране[244], до дезорганизации контрразведки в отношении СССР[245], к чему приложили руки коммунистические руководители «силовых» министерств. В результате их действий Франция стала, по выражению одной из брошюр эпохи, «раем советского шпионажа»[246], в сфере внимания которого эмиграция занимала едва ли не первое место. В современных «Очерках истории российской внешней разведки» это сказано открытым текстом: «В ноябре 1944 года Центр направил руководителю "легальной" резидентуры <А. Гузовскому – *ДИГ*> предварительный план мероприятий по развертыванию разведработы во Франции. В числе главных информационных задач Центр указывал на необходимость глубокого освещения <...>

---

[242] Ее началом считается речь У.Черчилля, произнесенная 5 марта 1946 г. в Фултоне (США), в которой он призвал к созданию англо-американского союза для борьбы с мировым коммунизмом во главе с СССР. Вряд ли между событиями 11 марта 1947 г. в Америке и 4-5 мая того же года во Франции есть прямая связь, но косвенная, безусловно, есть. Современники ее прекрасно чуствовали. Из письма Б.А. Бахметева от 14.6.1947 В.А. Маклакову в Париж: «имело ли заявление Truman'а влияние на какие-либо немедленные практические действия. Чем иначе объяснить готовность правит[ельства] идти "без" – а это мы толкуем, как "против" – "товарищей"» [469, с. 531]. Просто изменение политического курса США придало мужества противникам коммунистов.

[243] Мы не случайно увязываем обе волны российско-советской эмиграции, эмиграцию из стран, оказавшихся в зоне советского влияния, и холодную войну. Естественно, последнюю вызвала не эмиграция. Но в основе их обеих лежат одни и те же причины: «Проигранный бой за демократию в Центральной Европе в 1945-1948 гг. оказал влияние на развитие холодной войны» [454, с. 297].

[244] О роли ФКП в принятии этой конституции: «разработанная и принятая благодаря активным усилиям коммунистов в правительстве и парламенте» [198].

[245] Опубликованные ныне работы полностью подтверждают информацию, содержащуюся в «антисоветской» публицистике эпохи. Из «Очерков истории российской внешней разведки»: «По приезде в Париж <в 1946 г.> И.И. Агаянц, учтя довольно благоприятную обстановку в стране и широкие возможности для ведения разведывательной деятельности с официальных позиций <...>. Парижская резидентура под руководством Ивана Ивановича резко прибавила в работе: был расширен круг источников за счет хорошо осведомленных людей, а несколько человек из старой агентуры <...> смогли устроиться на важные государственные посты. Так, например, наша разведка была в курсе мероприятий французской контрразведки и, главное, знала планы и дела отдела, занимавшегося вопросами СССР. Это позволило предотвращать провалы наших агентов и сорвать ряд готовившихся провокаций против советских работников во Франции». Агаянц покинул Францию в сентябре 1947 г., а парижскую резидентуру возглавил его заместитель Н.П. Лысенков [363-5, с. 465-466, 490-491]. В печати также промелькнули сообщения о вербовке военнопленных в советских лагерях, где содержались французы (в первую очередь, эльзасцы и лотарингцы) перед их отправкой на родину [241].

[246] «La France, paradis de l'espionnage soviétique» [612, с. 10].

положения в местных кругах русской, украинской, грузинской и армянской эмиграции <...>. За короткий отрезок времени после освобождения Франции парижская резидентура НКГБ быстро наладила разведывательную работу и добилась положительных результатов. Она сумела использовать благоприятную оперативную обстановку, сложившуюся во Франции в конце 1944 – начале 1945 г., а также возросший престиж Советского Союза <...> для приобретения ценной агентуры и внедрения надежных агентов в наиболее важные объекты страны пребывания. Особенно большое внимание уделялось спецслужбам, дипломатическим и иным представительствам <...>» [363-4, с. 244].

Первые ласточки, показывающие, что терпение французов подходит к концу, появились раньше, хотя пока еще под вполне благовидным «техническим» предлогом: 3 декабря 1946 г., ввиду исчерпания перечня лиц, претендующих на советское гражданство, Франция объявила репатриацию законченной, но фактически репатриация продолжалась до мая и охватила еще 10 481 чел. Кульминацией событий явилась проверка 14 ноября 1947 г. французскими полицейскими и армией советского репатриационного лагеря «Борегар», охранявшегося советским подразделением. Инициатором и ответственным за эту операцию был начальник французской службы безопасности DST (контрразведки)[247] Роже Вибо (Roger Wybot)[248]. Как следует из его воспоминаний, после проведенного расследования он пришел к выводу, что этот пересыльный лагерь («ce camp de transit») превратился в лагерь похищения («un camp d'enlèvements»). Обладая непомерными дипломатическими привилегиями, «Борегар» практически стал экстерриториален. Французам туда доступа не было. Тогда Вибо прибегнул к авиаразведке, которая показала, что в этом неприступном царстве идет какая-то лихорадочная и очень странная подпольная деятельность. Но для вторжения нужен был повод. И таковой, довольно банальный («assez banal»), быстро нашелся.

В Ницце разводилась супружеская пара Спечинских (Spetchinsky) имевшая троих детей – дочерей Марию и Ольгу, 10-ти и 7-ми лет, и сына Зенобиуса (Zénobius, 8 лет). Суд оставил детей отцу, Дмитрию[249]

---

[247] Direction de la sécurité du territoire. [603, с. 273].

[248] Утверждение Е.И. Пивовара, что «в 1947 г. по распоряжению генерала де Голля французской полиции его <лагерь «Борегар» – *ДИГ*> удалось ликвидировать» [373, с. 79], ошибочно: де Голль уже давно был не у власти и к разгрому «Борегара» никакого отношени не имел.

[249] Спечинский (Специнский) Дмитрий Николаевич (?9.7.1896 – 29.7.1981 г., Ницца, деп. Приморские Альпы), ротмистр 12 Ахтырского гусарского полка. Эмигрировал из России во Францию в 1922 г. [327-6-2, с. 138; 383, с. 458]. В русском переводе книги Н. Толстого, где также рассказана история со «штурмом» лагеря, фамилия дана неточно: «Спешинский» [512, гл.16].

(имел французское гражданство). Мать. Софья Субботина, внучка адмирала Рожественского, принявшая советское гражданство, хотела репатриироваться вместе с детьми. 9 октября Спечинский подал протест. Очередное заседание по этому поводу было назначено на 3 ноября 1947 г. Жена похитила детей и попыталась бежать из Франции, а когда это не получилось, скрылась с детьми в посольстве СССР, откуда ее направили в «Борегар». Факт ее пребывания там всплыл из подслушанного телефонного разговора. Вибо получил зеленый свет от премьер-министра Рамадье (Ramadier) и от тогдашнего министра внутренних дел Эдуарда Депрё (Edouard Depreux). Он полностью изолировал лагерь, блокировав все телефонные линии и почтовые отделения в радиусе 10 км, и окружил его подразделениями жандармерии и армии (до 2 тыс. чел.), а один из двух (по другой информации, из 4-х) танков поставил прямо перед воротами и потребовал, чтобы его впустили внутрь. Показалось бледное, встревоженное лицо французского офицера, который официально находился в лагере для связи с советской стороной, но служба безопасности давно подозревала, что он принадлежал к той части армии, которая слишком долго работала рука об руку с коммунистами. Офицер увидел танк, занявший позицию для стрельбы, и тут же пропустил Вибо. Вслед за ним ворвались инспектора с автоматами, которые прочесали весь лагерь, и нашли всех троих детей с матерью (никто из них не был даже зарегистрирован). Советская охрана (60 чел.) вынужденно бездействовала. Однако общие результаты акции были более, чем скромными: в «Борегаре» обнаружили лишь незначительное число потенциальных репатриантов да некоторое количество трофейного оружия, в то время как Вибо предполагал найти много похищенных лиц[250].

Думаем, что Вибо просто опоздал, и советская миссия во главе с полковником Филатовым и резидентом внешней разведки Лысенковым, сработав высокопрофессионально, переиграла французов. Вовремя почувствовав, что обстановка накаляется, они успели вывезти весь контингент. Это и была та самая лихорадочная деятельность, которую видели с самолетов. Но, во-первых, сами эти самолеты не могли не быть замеченными, а, во-вторых, советская сторона, скорее всего, имела информацию о готовящейся акции и, возможно, от высокопоставленных лиц, а то и из недр самой контрразведки, куда она внедрила агентов. Не эта ли ситуация имеется в виду в процитированной выше фразе о том, что удалось сорвать ряд готовившихся провокаций? Остановить налет на лагерь

---

[250] [383, с. 458; 603, с. 273-275]. В [410, с. 452] мы писали, основываясь на имевшихся в нашем распоряжении источниках, что в ходе проверки в лагере «был обнаружен полный беспредел». В действительности, как видим (см. прилож. 4.14), это было до того, а к проверке успели все привезти в порядок.

они не смогли, но людей вывезли. Не случайны сетования Ж. Кудри на то, что архивы МВД, где говорится о французских офицерах и чиновниках, покрывавших действия советских спецслужб по похищению и насильственной репатриации людей, будут открыты лишь в середине XXI в. [603, с. 275].

Однако усилия не пропали даром. Акция в «Борегаре» началась 14 ноября в 16.30, но вечером появилось официальное коммюнике, а на следующий день – отчет. Во французской прессе разразился скандал. И это было нечто новое в общественной жизни. 16 декабря 1947 г. Союзу советских граждан (ССГ) отказали в разрешении на деятельность (объявлено 12 января 1948 г.; дан месяц для ликвидации имущества). А еще раньше, 25 ноября, через 11 дней после событий в «Борегаре», 24 активиста ССГ были высланы в Восточную Германию)[251]. Через 10 дней после акции в «Борегаре» сменился министр внутренних дел. Им стал Жюль Мок[252], который проводил еще более жесткую политику, чем его предшественник. Лагерь с 1 декабря 1947 г. переведен под французский контроль[253], а 6 декабря Франция в одностороннем порядке аннулировала соглашение о репатриации от 29 июня 1945 г.[254] Миссия Филатова по настоянию французского правительства была отозвана из страны. По видимому, в конце ноября 1947 г. в Марселе был арестован сотрудник Филатова и секретарь советского посольства Сорокин. С 17 ноября по 12 декабря посол СССР во Франции Богомолов и советский МИД выступили с несколькими нотами протеста и специальными заявлениями, а из СССР были высланы начальник Французской миссии по репатриации полковник Маркье и его секретарь Дюма [383, с. 458-459, 481]. Ниже мы приводим некоторые свидетельства, не вошедшие в комментарии к опубликованному отчету [410].

---

[251] [180, с. 28; 264, с. 164; 410, с. 410, 508-509; 501, с. 124; 603, с. 272-277].

[252] Moch Jules (15.3.1893 г., Париж – 1.8.1985 г., Cabris, Alpes Maritimes), теоретик Французской социалистической партии. Выпускник Политехнической школы (X 1912 г.). С 1928 г. депутат парламента. Министр публичных работ и транспорта (1938 г., 1945-47 гг.), внутренних дел (24.11.1947 г.–5.10.1949 г., 1958 г.), обороны (1950-51 гг.). Член делегации Франции на сессиях ООН (1947-60 гг.), постоянный представитель в Комиссии по разоружению (1951-61 гг.) [58; интернет]. Свою позицию изложил в програмной речи «Коммунизм и Франция» (произнесена в Национальной Ассамблее 16.11.1948 г.) [650].

[253] Сам лагерь действовал до декабря 1951 г., но в «замедленном» режиме. За это время из него было репатриировано 103 чел. – все, кто этого хотел, и получили убежище во Франции 26 чел. из бывших узников «Борегара» [603, с. 334].

[254] Не исключаем, что действия Франции в этой области носили инициирующий характер, оказав свое влияние на союзников: к концу 1947 г. была в основном остановлена насильственная репатриация, а в начале марта 1949 г. советская репатриационная комиссия была вынуждена покинуть американскую оккупационную зону в Германии [98, с. 229].

Под подозрением оказались все члены ССГ. Д.А.Руманов, рассказывая о своем отце, А.В. Руманове, ответственном секретаре газеты СП-2, писал, что французские «власти закрыли газету "Советский патриот". Профессора Одинца, ее главного редактора, и еще более двадцати человек, получивших советские паспорта, арестовали и выслали в СССР. Никому из них не удалось поселиться на родине в крупных городах. Кто оказался в Сибири, кто погиб в лагерях. Аркадия Руманова до определенного времени не трогали. Думаю, за ним следили. Летом 1949 года его как советского агента арестовала французская полиция. Допрос длился неделю. В конце концов отец смог оправдаться, и его отпустили, но после этого ареста он сильно постарел» [420, с. 159].

Описание событий в советской литературе: «Советское правительство продолжало свой традиционный курс на сотрудничество с Францией. 5 ноября 1947 г. оно согласилось продать ей 200 тыс. *т* зерна и 100 тыс. *т* других зерновых культур. Но в официальном Париже весьма своеобразно ответили на этот дружественный шаг. Всего лишь через несколько дней, 14 ноября, 2 тыс. французских полицейских в сопровождении танков ворвались в лагерь в Борегаре, где ожидали отъезда на Родину советские репатрианты. Все они были насильственно выдворены из Франции[255]. Советское правительство расценило эти действия французских властей как "нелояльный акт по отношению к Советскому Союзу". Затем последовала новая провокация. 25 ноября в нескольких французских городах полицейские власти арестовали руководителей и членов Союза советских граждан во Франции. Всех их тайно перебросили в советскую зону оккупации Германии. Миссии по репатриации – советская в Париже и французская в Москве – были упразднены. А между тем, по советским данным, 20 тыс. граждан нашей страны все еще находились во Франции»[256]. Последняя цифра

[255] Это уже чистая ложь. Во Франции остались все те из обнаруженных в лагере «репатриантов», кто этого захотел.

[256] [65, с. 120]. Варианты: «во второй половине 1947 года французские власти встали на путь открытых антисоветских провокаций. 14 ноября полиция под нелепым предлогом совершила налет на лагерь советских репатриантов под Борегаром» [180, с. 28]. «В одностороннем порядке Франция ликвидировала соглашение о репатриации 1945 года, значительно ограничила доступ в страну советской литературы, ввела дискриминационные ограничения в области торговли» [57, с. 29]. «Французские власти вместо благодарности попустительствовали разгулу реакционных сил. На лагерь сбора советских военнопленных в Борегаре был совершен грубый полицейский налет под предлогом освобождения тех, кто будто бы не хотел возвращаться в Советскую страну. Против главы советской миссии по репатриации было выдвинуто необоснованное обвинение в подрывной деятельности. За этим последовало требование французского правительства о прекращении пребывания советской миссии во Франции» [195, с. 174-175].

относится к легальной французской части 2-й эмиграционной волны – это те, кто избежал репатриации[257].

Ю. Борисов, историк франко-советских отношений, отмечает: «В своих мемуарах министр внутренних дел социалист Жюль Мок горделиво вспоминает о совершенном им “подвиге”: он якобы раскрыл в 1947-1949 годах “шпионскую сеть” во Франции, связанную со многими московскими министерствами и даже... с Академией наук СССР»[258]. Ну, что ж: бывшему министру можно верить. Именно ему пришлось разгребать наследие «советской эпохи» во Франции. Его деятельность по установлению *status quo* продолжалась до 1949 г. Из редакционной статьи (ред. В.В. Орехов) предновогоднего номера «Часового» за декабрь 1948 г.: «Нельзя не отметить ту <...> великолепную энергию, которую проявил французский министр-социалист Жюль Мок, поставивший преграды коммунизму» [354]. А что касается советского шпионажа, то, судя по упоминанию в цитате Академии наук (что Ю. Борисов представляет как нонсенс), он был не только политическим и военным, но и научно-промышленным. Подтверждение этому находим в «Очерках истории российской внешней разведки». Говоря об уже упоминавшемся годовом плане развертывания разведработы во Франции в ноябре 1944 г., Седов пишет: «Важное значение придавалось организации научно-технической разведки во Франции» [363-4, с. 244]. И далее кратко описывает ту самую разведывательную сеть, с которой пришлось иметь дело Моку.

Освещение событий в антисоветской литературе: «Лагерь Борегар просуществовал до ноября 1947 года, когда в правительстве Франции уже не было коммунистических министров и ее не возглавлял больше творец “французской Ялты” де Голль. В этот день два французских танка прорвали проволочные заграждения лагеря и туда сквозь пролом ворвалось 2000 солдат и работников полиции. Они освободили последнюю, еще не отправленную в СССР группу узников и захватили советский тайный склад оружия» [487, с. 43].

---

[257] По данным органов репатриации на 1.1.1952 во Франции оставалось 19 675 лиц, избежавших репатриации, из 620000 лиц этой группы во всем мире. Сюда не вошли вступившие в брак и имевшие от этого брака детей [191, с. 21]. Во Франции в это число не вошли женщины, вступившие в брак и сумевшие до осени 1945 г. избежать объятий репатриационной миссии; все мужчины, скрывшиеся во французских семьях; невозвращенцы, поступившие в Иностранный легион, сумевшие сменить имена, документы и/или ушедшие на 3 года в глухое подполье; все выходцы из западных территорий, не принадлежавших СССР до сентября 1939 г., или сумевшие записаться в их число. Н. Толстой приводит цифру в 102 481 человека, репатриированного в СССР с территории Франции [512, гл. 16; 675, с. 308].

[258] [65, с. 121] со ссылкой: *Moch J.* Une si longue vie. Paris, 1976. P. 319, 396.

Остановимся на этих описаниях, ибо тот самый месяц, который начался переводом «Борегара» под французский контроль и аннулированием соглашения с СССР о репатриации, завершился требованием Министерства внутренних дел подготовить отчет о состоянии русской колонии в Париже, что и было сделано в январе-феврале 1948 г. [410]. За всеми этими действиями стояли министры внутренних дел Эдуард Депрё и наследовавший ему Жюль Мок, а также начальник DST Роже Вибо, которым российская эмиграция, безусловно, многим обязана.

Некоторые итоги

Можно констатировать, что Москва сделала попытку установить свой контроль во Франции по всем доступным ей каналам:

– ***над эмиграцией первой волны***: через дипломатические, военные и репатриационные миссии; через *ФКП*, которая до появления этих миссий являлась едва ли не основным каналом контроля, а затем до мая 1947 г. входила в правительство; через *Союз русских патриотов*, *Союз друзей Советской России*, и их общих наследников: *Союз советских патриотов*, трансформированный в *Союз советских граждан*, а также такие тесно связанные с ними и курировавшиеся советским посольством организации как *Содружество русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления* и наследовавшее ей *Содружество участников Сопротивления русского происхождения во Франции*, *Объединенный союз русских дипломированных инженеров во Франции*, *Бессарабское землячество*, *Национальный Армянский фронт в Париже* и, видимо, наследовавший ему *Союз русских армян во Франции*[259];

– ***над эмиграцией второй волны***: через *ЦК советских пленных*, первоначально находившийся под контролем *ФКП*, и возникшие затем организации помощи – *Комитет помощи бывшим советским военнопленным и депортированным*, позднее превратившийся в *Отдел помощи советским гражданам ССП*, находившиеся под контролем советской военной миссии;

– ***над французской интеллигенцией***: через *Общество «Франция – СССР»*, через *ФКП* и связанные с нею организации, такие как *Союз французских женщин*, *Республиканская ассоциация ветеранов и жертв войны*, *Национальный Фронт*, *Союз республиканской молодежи Франции*,

[259] Отрывочные материалы, опубликованные в [434-5, с. 157, 370, 376] наводят на мысль, что приблизительно в 1947-48 гг. этот союз, не без участия советского посольства, был разгромлен, а председатель, Г.М. Марморян, и ряд активистов, скорее всего, выехали в СССР. Возобновил свою деятельность лишь в апреле-мае 1950 г.

ассоциации «*Семьи расстрелянных и убитых*», «*Народная помощь*», «Вольные стрелки (франтиреры) и Партизаны», Ассоциация научных работников, входившая во Всемирную федерацию научных работников; а также крупнейшие профсоюзные объединения.

Курсивом выделены местные «французские» (т.е., созданные во Франции), а не собственно советские организации, действовавшие в этой стране.

Все эти они имели свою периодическую печать, материальные и финансовые средства, множество дочерних обществ и примыкающих организаций и разветвленнейшую сеть связей, концы которой тянулись в одну точку. Как видим, речь идет о контроле отнюдь не только над эмиграцией и советскими гражданами. Численность ФКП в 1946 г. достигла своего максимума – 804 229 чел. при 1034 тыс. распределенных членских карточек (до войны максимальная численность – 338 127 членов; в 1945 г. – 544 921 член). Вспомним, что *Общество «Франция-СССР»* имело в том же 1946 г. 200 тыс. членов, плюс десятки тысяч в просоветских эмигрантских и просто в советских организациях, куда вошли многие из тех 100 тыс. граждан СССР, которые находились на территории Франции. Таким образом, даже если учитывать, что французские члены компартии составили основу *Общества «Франция – СССР»*, а русские вошли в СРП-ССП/ССГ, то все равно приходится признать, что общая численность организаций, напрямую контролировавшихся Москвой, превышала 1 млн чел. при электорате ФКП в 5,5 млн человек.

В этой ситуации пространства для нормального существования российской эмиграции (как первой, так и второй волн) в послевоенной Франции просто не оставалось (думаем, что ненамного лучше было положение послевоенных эмиграций из восточно-европейских стран). Оно сокращалось как шагреневая кожа: старики умирали; за кем-то шла открытая охота (за теми, кто сотрудничал с немцами, участвовал в германских или власовских воинских формированиях, а также пытался избежать репатриации), а кто-то сам принимал в ней участие (часть старой эмиграции; члены компартии и пошедшие на сотрудничество с Москвой охотились на «коллаборантов» и «новых» эмигрантов); кто-то резко стал «просоветским», и агитировал за дружбу с СССР и репатриацию (кто – свою, кто – других, но сам не поехал как, например, А. Руманов или А.Ф. Ступницкий); кого-то репатриировали – добровольно, добровольно-принудительно или просто принудительно (на восток); кто-то уезжал сам (на запад, за океан или, как вел. кн. Владимир Кириллович, в Испанию); кто-то натурализовался; кто-то

ушел в подполье в надежде переждать «охотничий» сезон и пытаясь выжить; кто-то отбывал наказание за коллаборационизм во французских тюрьмах либо в ссылке.

Высокий уровень информированности полиции вызывает законные сомнения в том, что французское правительство находилось в неведении относительно истинного положения дел. Просто долго не было политической воли или выгоды прекратить неприкрытое и грубое вмешательство иностранного государства в свои внутренние дела, во всяком случае, пока ситуация во Франции оставалась двусмысленной, а в правительстве участвовали коммунисты.

Однако российско-советская и, более широко, вся восточно-европейская антикоммунистическая эмиграция во Франции сумела найти в себе силы, чтобы выжить, соорганизоваться и перейти к активной защите. Начали объединяться ее различные, ранее разрозненные или даже противостоящие друг другу ветви, организовываться митинги и возникать объединительные структуры. Зародился настоящий самиздат – от полуподпольных «Свободных тетрадей» («Cahiers libres») под редакцией В. Лазаревского и затем С. Мельгунова до подпольно размножавшихся «летучих листков»[260]. Перед нами независимые подтверждения того, что в эти годы во Франции эмиграция еще представляла собой живой и борющийся за свое существование организм, а не просто аморфное множество лиц, в разное время покинувших территории, ныне контролировавшиеся СССР. В целом так продолжалось с начала осени 1944 г. по конец 1947 г. Наступление холодной войны и соответствующая реакция французского правительства спасли российско-советскую эмиграцию во Франции от уничтожения. Окончательной границей, когда было сломлено советское давление на эмиграцию, можно считать февраль-март 1949 г. – сокрушительное поражение ФКП и Советов на процессе Кравченко[261].

Итого: 4 года и 2 месяца германской оккупации и деятельности режима Виши (июнь 1940 г. – август 1944 г.), 3 года и 2 месяца советско-коммунистического давления и чисток (сентябрь 1944 г. – октябрь 1947 г.)

---

[260] О том, что публикация на территориях, подконтрольных союзникам, литературы антисоветской направленности была тогда делом небезопасным, говорит пример А.А. Тенсона (1.11.1911 г., СПб. – 17.11.1989 г., Мюнхен), эмигранта первой волны, в годы войны майора РОА (ВС КОНРа), затем руководителя группы НТС в Гамбурге, который «в 1947 г. был арестован англичанами за тиражирование и распространение антисоветских листовок. Пробыл в заключении около года» [42, с. 96].

[261] Отдельные эпизоды процесса и некоторые его участники описаны нами в [410, с. 480, 484-485]. О В.А. Кравченко, его книге «Я выбираю свободу» и о процессе см. [142; 342; 393; 661].

и еще 1 год и 5 месяцев (ноябрь 1947 г. – март 1949 г.) для установления *status quo* – периода надежд, но также страхов и тревог перед возможным коммунистическим переворотом. Без малого – 9 лет. Это оказалось слишком тяжелым испытанием.

Собственно, тогда и определилась дальнейшая судьба российской диаспоры в этой благословенной для эмигрантов стране. Именно тогда и был окончательно подписан приговор «русскому Парижу». Сообщество, которое только начало кристаллизоваться, просто не выдержало всех выпавших на его долю испытаний, и процесс остановился, а европейская цивилизация лишилась одного из ярких феноменов, влиявших на ее культурную жизнь в XX веке.

Но это не была трагедия исчезновения, как то произошло в Восточной Европе. Германский удар уничтожил в этих странах еврейскую часть российской диаспоры и ее демократическое крыло (кто уехал, кто погиб). Какая-то часть эмигрантов успела эвакуироваться перед приходом Красной армии, но все равно «железный занавес» опустился для 154 000 эмигрантов первой волны в Европе и 80 000 на Дальнем Востоке [324, с. 359]. Советская власть довершила разрушение, уничтожив либо депортировав почти все оставшееся: от людей до архивов. А если кто-то и избежал ее внимания, то был выслан чуть позже местными прокоммунистическими режимами (как в Югославии, [273а, с. 190]).

Во Франции же была драма медленного умирания. Исчезал тот российский социум, который уже начал формироваться в межвоенный период. Здесь и германский, и советский удары оказались слабее, чем в Восточной Европе. И мы допускаем, что оживление, наметившееся после Освобождения, могло бы многое восстановить, тем более, что пришла вторая эмиграционная волна и были беженцы из стран Восточной Европы, принадлежавшие еще к старой эмиграции. В принципе – это резерв того эмиграционного сообщества, которое в потенциале могло бы возродиться во Франции. Но Москве удалось «подрезать корни» первой волне[262], уничтожив ее везде, куда смогла дотянуться, и не допустив укоренения во Франции той ее части, которая сумела бежать из Восточной Европы (в результате для этих людей Франция стала лишь трамплином перед броском за океан); свести к минимуму вторую волну и не дать двум волнам в тот момент объединиться (благо противоречия между ними были, действительно, сильные); не допустить возвращения

[262] Среди малоизвестных и ранних шагов Москвы в этом направлении назовем также вербовку русских офицеров в Красную армию. Как ситуация воспринималась белой эмиграцией см. приложение 2.III.C.

в Европу тех, кто покинул ее во время войны (хотя это, быть может, не цель, а следствие: в Америке эмиграция становилась труднодосягаемой, но, пожалуй, и менее опасной), а также максимально осложнить процессы взаимодействия с диаспорами из восточно-европейских стран. Эта комплексная акция оказалась не менее губительной для судеб российской эмиграции во Франции, чем собственно 2-я мировая война и германская оккупация. Последние обычно приводят в качестве основной причины исчезновения того феномена российской диаспоры, который был известен в 20 – 30-е годы и уже не повторился. Начавшаяся в 1948 г. массовая эмиграция перемещенных лиц – Ди-Пи из Европы в США и Канаду[263], а выживших в лагерях и в подполье евреев – в Палестину (несмотря на ожесточенное сопротивление англичан)[264], показала, что время Франции как центра российской эмиграции прошло безвозвратно.

Так ли уж в реальности была для Сталина опасна эмиграция, чтобы тратить столько усилий? Для детального ответа на этот вопрос потребуется эссе объема не меньшего, чем уже написанный. Но кое-что попробуем резюмировать. Террористическая опасность, которую представляли некоторые эмиграционные группы, готовые с оружием в руках бороться против советской власти, безусловно была, но спецслужбы с нею вполне справлялись. Укажем на роль эмиграции как одной из инициирующих сил в гражданской войне, которая разгорелась на территории СССР после июня 1941 г. и о которой мы уже упоминали. Эта роль могла бы быть много больше – нацисты не дали ее сыграть. И большевики не случайно опасались, что в следующем конфликте, которого ожидали, она еще может быть сыграна.

Однако, мы думаем, что была еще одна причина. Сталин прекрасно понимал идеологическую роль эмиграции, как олицетворения иного пути, если не для страны в целом, то для каждого конкретного советского гражданина, который мог бы начать выбирать свою судьбу. Причем идеологическая и политическая разноголосица в эмигрантском

---

[263] Поворотным моментом можно считать принятие Конгрессом США 24 июня 1948 г. по инициативе президента Г.Трумэна *Закона о перемещенных лицах* и дальнейшие изменения в иммиграционном законодательстве этой страны [334, с. 13-18]. Америка раньше европейских стран поняла, какое сокровище само идет к ней, и начала откачивать «руки» и «головы», а Европа их потеряла. Но и здесь бойцы восточных батальонов, дивизий КОНРа (власовцы) и других подобных формирований оказались поражены в правах: согласно американскому закону, иммигрировать мог лишь тот, кто «не воевал против союзников» [334, с. 14].

[264] Это движение началось чуть раньше, но массовый масштаб приняло также с 1948 г. См., напр., [230; 284; 619].

мире работала на притягательность ее образа, ибо каждый – от монархистов до сионистов, от социал-демократов до троцкистов, от националистов до космополитов – мог найти себе референтную группу. А это была реальная опасность. Тем более, что в Западной Европе побывали миллионы советских людей, – ситуация для мирного времени сталинской эпохи просто немыслимая. Две массовых волны стихийного и романтического интереса к эмиграции, – при Оттепели и Перестройке, – причем в среде людей, которые отнюдь не собирались сами покидать СССР, показывают, что опасения вождя были небеспочвенны. Даже если он формулировал их в иной терминологии. Но для веры в партию и социализм сам этот интерес носил, безусловно, разрушительный характер, исподволь подготавливая сознание каждого к пониманию возможности собственной эмиграции. Так что, со своей точки зрения, Сталин был прав и усилия тратил осознанно.

Ну что ж, Москва, в конечном счете, вышла победительницей в неравном поединке с российской диаспорой в Европе в целом, и во Франции – в частности. Пожалуй, это основной вывод, который мы можем сделать на основе изучения всего доступного нам на данном этапе комплекса материалов.

Потом придут другие эпохи и другие эмиграционные волны. Но и разговор об этом уже должен быть другим.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

I. Исторические и биографические справки из комментариев к полицейскому отчету 1948 г. о русской колонии в Париже[265]

1. С. 581: ***«Сектанты Саббатеи», саббатиане*** – последователи лжемессии Саббатая Цви (1626–1676 гг.). Сообщение полиции о наличии их в российской среде во Франции на 1948 г. чрезвычайно любопытно. В еврейской справочной литературе указывается, что «в нач. 19 в. саббатианство практически сохранялось только в христинской франкистской секте (распалась во II пол. 19 в.) и в мусульман. секте дёнме (существовала и в 20 в.). <…> Небольшая

---

[265] См. [410]. После порядкового номера в скобках даются страницы по этому изданию. Тексты даны, в основном, без изменений или дополнений по отношению к публикации в «Диаспоре», ибо целью является исключительно удобство читателей, избавляющее их от необходимости искать саму эту книгу. Некоторое исключение сделано для новой информации, появившейся в [414]. В приложении I.I. сохранен стиль биографических справок и форма представления текста, которая была в [410].

группа последователей Франка просуществовала в Польше до кон. 19 в., но со временем ассимилировалась среди польского населения» [260-(VII, стб. 582; IX, стб. 306)]. Что касается упомянутой секты дёнме, то они жили в Османской империи, и полиция не могла их увязывать с российской эмиграцией. [260-(II, стб. 327-328; VII, стб. 573-584; IX, стб. 300-306); 439; 531].

2. С. 472-473: ***Союз русских патриотов во Франции (СРП)***. Учреждался как русская секция МОИ – MOI (дословно: «Рабочая сила иммигрантов» – «Main-d'œuvre immigrée»; действовала под контролем ЦК ФКП; объединяла армянскую, испанскую, польскую, итальянскую и другие группы [115, с. 187; 391, с. 281]). Третья по времени создания организация Сопротивления, сформированная русскими эмигрантами (И.А.Кривошеин: «Крупнейшая организация российских эмигрантов во французском Сопротивлении», всего насчитывала 120 чел. [391, с. 280, 282]). Еще в 1942 г. по инициативе и под руководством А.А. Угримова возникла Дурданская группа (Groupe de Dourdan; Дурдан – город в 45 км к юго-западу от Парижа), в которую из упоминаемых в «Полицейском отчете» вошли С. Булацель и К. Варягин. Другой группой, возникшей к началу 1943 г., руководил Ю. Монтуляк; она входила во французскую разведывательную сеть «Жад Амикаль». Со временем был установлен контакт между этими группами и их обеих с СРП [391, с. 277-280]. Первое (учредительное) собрание СРП проходило конспиративно на квартире Г.В. Шибанова в Париже 3 октября 1943 г. (9 человек – Г.В. Шибанов, Н.Н. Роллер, Н. Миронов, Д.Г. Смирягин, П.П. Пелехин, Г.Г. Клименюк, Ф. Сафронов, И.Т. Михневич, А.Н. Кочетков). Руководство было поручено Михневичу (Тарасычу); организация лагерных комитетов, создание советских партизанских отрядов и связь с вышестоящими инстанциями Сопротивления – Шибанову; разъяснительная и агитационная работа среди «власовцев» и привлечение их «в ряды советских партизан» – Кочеткову). Окончательно оформился к декабрю 1943 г. Вошел в состав Комитета действия и защиты интересов иммигрантов (Centre d'action et de défense des immigrés – CADI), созданного для руководства нелегальными организациями, боровшимися с оккупацией. Обратим внимание: Шибанов мог хорошо знать командира всех сформированных из иммигрантов отрядов ФТП-МОИ (русскую секцию которых как раз и представляла СРП) – югославского генерала Любомира Илича. Тот в свое время командовал Интернациональными бригадами в Испании, а комиссаром одной из них был сам Шибанов. В конце зимы – начале весны 1944 г. было арестовано 15 членов СРП (заключены в тюрьму Френ; освобождены во время парижского восстания), и разгромлена типография. Осуществлял тесное взаимодействие с Центральным комитетом Советских пленных (ЦК СП); для связи с отрядами советских партизан выделил 20 «переводчиков», каждый из которых был постоянно прикомандирован к какому-либо отряду, и 5 «инструкторов» (Михневич, Лисицын, Сикачинский, Шапошников, Красницкий), которые «направлялись в крупные районы, где действовали советские партизанские отряды и размещались лагеря для военнопленных»; они действовали в Руане, Лилле, Лориане (Бретань), Лионе и Сент-Этьене [391, с. 283]. В 1944 г. генеральным секретарем СРП стал Н.Качва. Имел свой печатный орган – РП. После освобождения Парижа

располагался в зданиях бывшего жеребковского УДРЭ, захваченных в ходе боев группой «из 15–20 советских партизан и членов СРП» ([391, с. 285]; по другой версии, членами РКФ и ФКП). В октябре 1944 г. состоялось учредительное собрание СРП, связанное с его легализацией, и уже на нем называлась в качестве одной из основных задач «подготовка желающих к возвращению на родину» [434-V, с. 63]. 22 ноября 1944 г. прошло первое организационное собрание женского отдела; в ноябре 1944 г. при СРП был создан Союз русской молодежи. С разрешения французских властей превратился в «резистанскую» официальную организацию, ведавшую делами русской эмиграции, с полной поддержкой советского посольства. Последнее вовремя выступило защитником русской эмиграции от французского правительства, которое начало ее преследовать как сообщницу немцев. Инициатором травли эмиграции выступила ФКП. Советский посол Богомолов встретился с де Голлем и добился от него прекращения этого курса, который провоцировал во французском обществе антирусские настроения, нежелательные с точки зрения укрепления франко-советских отношений. Одновременно были даны соответствующие инструкции ФКП, а СРП был представлен как организация, членство в которой спасает от французского преследования. В рамках СРП для работы с невозвращенцами действовал Комитет помощи советским военнопленным и депортированным во Франции, во главе которого в 1944–1945 гг. стоял Шибанов. СРП контролировался парижским резидентом НКВД А.А.Гузовским. На съезде СРП 9 марта 1945 г. был принят учредительный акт нового объединения. На следующий день, 10 марта 1945 г., на совместном конгрессе с СДСР было принято решение о слиянии двух союзов в новый – ССП [12, с. 108, 110; 115, с. 187; 205, с. 68-69; 285, с. 346-349, 355-357; 345, с. 438-452; 391, с. 24, 280-287; 434-V, с. 49, 75; 467, с. 208; 560, с. 192; 576; 633; 641, с. 243-244; 643, с. 416].

3. С. 489: ***Союз друзей Советской России (СДСР)***, 10 марта 1945 г. в ходе объединительного съезда слился с СРП, образовав ССП. Но предварительно и СДСР, и СРП 9 марта провели свои подготовительные съезды. Любопытно замечание в «Полицейском отчете» (см. [410, с. 411]), что СДСР был восстановлен на юге Франции: на съезде СДСР 9 марта предложение о слиянии сделал генеральный секретарь марсельского отдела СДСР, «т. Отар» (Чиджавадзе) [434-V, с. 74-75]. И не менее любопытна констатация связи СДСР с его предвоенным аналогом – Союзом друзей советской Родины, выросшим из Союза возвращения на родину. Это лишний раз подтверждает непрерывность усилий советских органов по разложению эмиграции: все руководимые ими организации – от Союза возвращения до ССГ – имеют прямую генетическую связь, как на организационном, так и на персональном уровне.

4. С. 450-451: ***Союз друзей советской Родины***. 16 ноября 1924 г. в Париже был создан Союз возвращения на Родину («Совнарод») = Union pour le rapatriement; председатель В.Шейко, секретарь А.Качар, оба бывшие офицеры), стоявший на советской платформе. 15 января 1925 г. зарегистрирован Парижской префектурой. Члены правления менялись по мере отправки их в СССР, один из лидеров (председатель?) – С.Я.Эфрон (платный сотрудник «Совнарода» с 1935 г.: «деньги <...> шли из особых фондов советской секретной службы»

[11, с. 143; 459, с. 169]; там же см. об акциях, в которых участвовал Эфрон), благодаря чему о «Совнароде» часто упоминается в работах, посвященных М. Цветаевой и С. Эфрону (напр., [11; 144-I; 224; 459; 543; 544; 553]; библиогр. см. также в [25]). В 1930-е годы во главе Союза стоял Г.В. Шибанов. Как признавался советский генконсул в Париже О.Х.Ауссем в письме к М.М. Литвинову от 2 февраля 1925 г., «Совнарод» занимался разложением эмиграции и хорошо в этом преуспел [70, с. 101]. Центральное правление находилось в Париже, отделения – в 19 провинциях Франции. При них организовывались кружки политграмоты, самообразования, кассы взаимопомощи, библиотеки; устраивались митинги и концерты. Некоторое время пользовался финансовой поддержкой НКИД. Печатные органы: центральный – газета, затем журнал «Наш Союз» (с 1926 г.); местные – «Лионский возвращенец», «Орлеанский совнародец» (рукописный) и др. Разногласия между советскими структурами и сверхподозрительность ОГПУ привели к тому, что работа «Совнарода» с лета 1927 г. г. затормозилась; каждый второй из желавших вернуться получал отказ из Москвы, а французские власти произвели массовые высылки активистов. Наступил конец массовой репатриации, к ноябрю 1928 г. через «Совнарод» прошли 4,5 тыс. человек. Характер организации не был тайной для эмиграции. Так, 25 октября 1935 г. на открытом собрании Национального союза нового поколения один из тезисов звучал так: «Союз возвращения на родину – западня ОГПУ». Союз рекрутировал бойцов для интербригад в Испании (многие смотрели на участие в испанской войне как на выкуп, дававший право на возвращение в Москву; к переправке секретных сотрудников НКВД в Испанию был причастен и С. Эфрон). Последнее сообщение о Союзе в [434] – 21 февраля 1937 г. В том же 1937 г. г. он был преобразован в Союз друзей советской Родины, в котором официально числилось около 300 членов. В терминологии И.А.Кривошеина, оба союза – «прогрессивные эмигрантские организации» [391, с. 280]. «Как за "Союзом возвращения на родину", так и за "Союзом оборонцев" зорко следила (гласно и негласно) французская политическая полиция, и списки тех, по кому намечался удар, были, очевидно, уже давно готовы <...> В ночь на 2 сентября 1939 г. года, одновременно со всеобщей мобилизацией <...>, по всей Франции были арестованы чуть ли не поголовно члены бывшего "Союза возвращения на родину", переименованного к тому времени в "Союз друзей советской родины", члены "Союза оборонцев", то есть русские, открыто занимавшие патриотическую позицию. Обе организации были разгромлены, все их имущество и архивы были конфискованы». В конечном счете, мужчин отправили в лагерь Верне (Vernet d'Ariège) около Тулузы, женщин – в Ля Рокет (La Roquette), а затем в лагерь Риокрос, в деп. Лозер (Rieucros en Lozère). Многие члены Союза возвращения на родину в мае–июне 1940 г. были схвачены французской полицией и посажены в концлагерь. В лагере Верне обе организации объединились [70; 71; 268; 285, с. 250, 283-284, 302, 346; 341, с. 84-89; 434; 561; 576, с. 269; 620, с. 187; 625; 643, с. 336, 338]. Действия французских властей понятны, ибо патриоты СССР оказывались сторонниками страны, которая в союзе с гитлеровской Германией развязала войну, и для Франции с сентября 1939 г. по июнь 1940 г. играли роль

пятой колонны. Прямым наследником этих организаций стал послевоенный Союз друзей Советской России (СДСР, председатель С.Н. Сирин), который 9 марта 1945 г. на съезде принял решение о слиянии с СРП (в качестве одного из руководителей – тот же Шибанов) в новый союз и рассматривал Учредительный акт этого союза (председатель президиума Съезда и затем временного правления – С.В. Матяш). На совместном конгрессе с СРП в Париже 10 марта 1945 г. было принято окончательное решение о слиянии двух союзов в ССП; аналогичное совместное собрание в Марселе прошло 25 марта 1945 г. [434-VIII].

5. С. 452-454: *Союз советских патриотов (ССП)*. 8 марта 1945 г. СРП был преобразован в ССП. Его надо отличать от Группы советских патриотов – подпольного комитета Сопротивления, который был создан в октябре 1942 г. в лагере военнопленных Бомон-ан-Артуа в Па-де-Кале (Beaumont-en-Artois, dép. Pas-de-Calais) по инициативе М.Слободинского, А.Черкасова, А.Крылова, В.Шапина, В.Адоньева (позднее к ним примкнул В.Порик, в конечном счете ставший во главе этого комитета) [115, с. 188; 640, с. 395-397; 641, с. 244-245]. ССП как организацию признали французские власти, и «по всей Франции в районах, где живут русские эмигранты, в ударном порядке был создан подотдел “ССП”» (это происходило весной–летом 1945 г.; на май 1945 г. он уже насчитывал 52 отдела, а на октябрь 1945 г. не менее 75 в разных городах Франции и Бельгии). В мае при ССП открылся Юридический отдел. «Эти провинциальные отделы <…> составляют большую и прекрасно организованную сеть ячеек русской компартии. Официальная деятельность “ССП” – пропаганда в среде русской эмиграции и “культурно-просветительская” работа яро просоветского характера. <…> Русская компартия является в ССП “внутренним контролером”. Почти все руководящие должности в ССП занимают крупные члены компартии» [12, с. 108]. На май 1946 г. ССП насчитывал в своем ведении 20 школ. В июле и августе 1946 г. сформировались «кружок бывших политзаключенных» и кружок «интербригадистов», составленные из членов РКФ с целью восстановления старых связей для грядущего перехода к подпольной работе. 26 апреля 1946 г. в Париже открылся 3-й съезд ССП в составе 64 делегатов. На 1947 г., по подсчетам на основе официальных советских данных, в ССП состояло 3,3–4 тысячи человек (согласно заявлению советского посла Богомолова, это 30–35% от 11 тысяч лиц, которых СССР считал своими гражданами на территории Франции, но в реальности не менее 7 тысяч из них ранее проживали на территориях, захваченных СССР в годы войны). По данным ССП (1947 г.), он насчитывал 6 тысяч членов на 23 февраля 1947 г. На 4-м делегатском съезде ССП, при участии Богомолова, было принято решение о его ликвидации и о создании ССГ [12, с. 108-111; 285, с. 372; 434-VIII]. Из характеристики от 19 февраля 1946 г.: «НКВД никогда не мог бы широко поставить свою работу во Франции, если б не помощь со стороны части старой эмиграции, объединенной в “Союз Советских Патриотов”. Согласно сведениям, полученным из достоверного источника, в январе–феврале 1946 года не меньше ста членов этой организации в одном Париже вели активную работу для НКВД, помогая последнему в его поисках новых невозвращенцев. То же делается отделами Союза Советских Патриотов в провинции. Этот Союз повсюду является основной базой всей полицейской работы НКВД. Агентов

в нем вербуют по старым методам. <...> Оплата сдельная: за каждого выданного "невозвращенца" доносчик получает премию по 5 тысяч франков "с головы"». Редакционный комментарий: «Общей работой НКВД в Париже по наблюдению за эмиграцией руководит резидент НКВД для Парижа Гузовский, числящийся первым секретарем полпредства. Он же "руководит" и всей работой "советских патриотов"» [473, с. 83]. Редакция «Свободного голоса» 12 марта 1946 г. в статье «В "ордене" советских патриотов» писала об отсутствии у нее данных, что в рамках ССП «имеется целая "экипа", которая ведет слежку за эмиграцией», однако она знает «поименно два случая, когда стремящимся в Россию было предложено в полпредстве, после соответствующего искуса, предварительно заслужить доверие информацией о деятельности некоторых эмигрантских организаций» [648, с. 31]. «Социалистический вестник» писал в июле 1945 г.: «Из Парижа сообщают также, что среди новообращенной молодежи, которая массами заявляет о желании ехать в Россию, идет вербовка секретных сотрудников. Повторяется та же история, которая имела место в старых "союзах возвращенцев": желающим ехать в Сов. Россию предлагается "пока что" помочь советской власти в наблюдении за работой "непримиримых" <...> Усердие в этом деле обещают принять во внимание при решении вопроса о визе» [333, с. 135]. В мае 1946 г.: «Дело "охоты за черепами" теперь организовано наново. Для этого создан специальный отряд, носящий название "опергруппы". Он подчинен непосредственно начальнику штаба миссии по репатриации майору Кузнецову и его помощнику, майору Березину <...> "Опергруппа" состоит из двух отрядов: первый состоит из 60 человек советских, специально присланных; второй из 100 человек эмигрантов, навербованных в "Союзе патриотов". За выдачу каждого невозвращенца члены отряда получают премию в 5 тысяч франков на советский отряд и в 2–3 тысячи на отряд эмигрантский: иудина работа последних ценится дешевле... Набор эмигрантов в "опергруппу" происходит в особом помещении неподалеку от полпредства (дом 90 по рю Гренель). – Помимо "опергруппы" существуют отряды НКВД в форме – так называемые "комендантские команды" <...>. В таковых числится человек сорок <...>. Основное зло, это секретный договор, который был подписан де Голлем в декабре 1944 года в Москве, предоставивший чекистам право самостоятельных операций на территории Франции» [460]. Впрочем, через год в мельгуновской «Независимой мысли» появилось опровержение: в июне 1945 г. де Голль в Москве подписал договор, по которому обе стороны предоставляли друг другу «право взаимно посещать лагеря беженцев и военнопленных для выяснения наличности в этих лагерях русских и французов». Вот только Франция такие возможности предоставила, а СССР – нет [437]. В течение трех лет НКВД имел свободу действий во Франции по отлову невозвращенцев и разложению эмиграции.

6. С. 451-452: ***Союз советских граждан (ССГ)***. Преобразован в 1947 г. из ССП. Его созданию предшествовал «указ 14 июня» (Указ Президиума ВС СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции») о возможности принятия всех русских эмигрантов в советское подданство. Экстренный выпуск «Русских новостей»,

посвященный этому указу, вышел 22 июня 1946 г. (номер «Свободного голоса» с анализом указа как «ловушки и рекламы» – в июле 1946 г.). По утверждению Н.А.Кривошеиной, заявления об обмене паспорта можно было подавать в посольство СССР во Франции до 1 ноября 1946 г. По некоторым оценкам, во Франции этим правом воспользовались от 10 до 11 тыс. человек, а около 2 тысяч вернулись в СССР (встречающаяся иногда цифра 6 тыс. явно завышена); одновременно (с 1 января 1946 г. по 1 января 1951 г.) натурализовались во Франции 7,5 тыс. русских эмигрантов. Первые паспорта (в т. ч. митрополиту Евлогию, который по болезни не смог сам присутствовать) на собрании 30 июня 1946 г. в зале на av. d'Iéna, 10, торжественно выдавал посол Богомолов (второе собрание проходило 21 июля 1946 г. в зале Mutualité, где после доклада посла выступали Константин Симонов и Илья Эренбург). Ср.: «Иные обладатели советских паспортов не то раскаивались в своем патриотическом порыве, не то учли ненужность, бесполезность советского паспорта <...>. И таким <...> пошло навстречу учреждение <...> под председательством В.А. Маклакова: советские паспорта менялись вновь на прежние, так называемые нансеновские» [148-203/204, с. 254]. Учредительный съезд ССГ состоялся 8–11 августа 1947 г. после и под впечатлением приема, устроенного 3 июля 1947 г. в советском посольстве В.М. Молотовым для русских эмигрантов (в [643, с. 454] перепутаны ССП и ССГ и ошибочно указано, что 15 августа 1947 г. был создан Союз советских патриотов). ССГ располагался по адресу: 4 rue de Galliéra, 16°. Запрещение этой просоветской организации и высылка 24 ее активистов (число «19», на которое указано в [621; 622], видимо, ошибочно) в Восточную Германию (см. [264]) была связана с проверкой 14 ноября 1947 г. французскими полицейскими и армией советского сборного лагеря «Борегар» (Beauregard) под Парижем (между Версалем и Ла-Сель-Сен-Клу), в результате чего был обнаружен полный беспредел, чинимый там НКВД (лагерь охранялся советским подразделением), а во французской прессе разразился скандал. После чего советская группа по требованию французского правительства была отозвана из страны, а лагерь с 1 декабря 1947 г. переведен под французский контроль. Любопытна реакция на эти события членов СРП-ССП-ССГ – она описана через 33 года Н. Кривошеиной, возвратившейся в СССР и на себе испытавшей, что значит быть членом семьи «врага народа»: даже в конце 1970-х она считала, что никаких злоупотреблений в Борегаре не было, хотя информация имелась в избытке. Еще более резкое описание этой акции как «открытой антисоветской провокации» дал Л.Любимов, но его мемуары, в отличие от мемуаров Кривошеиной, имели сверхзадачу: оправдать и воспеть советскую власть. Свидетельские показания о том, с какими издевательствами в СССР была встречена партия принявших советское гражданство и возвращавшихся эмигрантов (2 тыс. чел.; ехали поездом из восточной Франции в 1947 г.) дал в своем интервью в 1992 г. граф Орлов. См. [12, с. 109; 23, с. 359-365; 144-III; 148-203/204, с. 254-257; 163, с. 400; 254, с. 343-344, 368-370; 264, с. 162-163; 285, с. 372-377; 318; 341, с. 175; 383; 434-V, с. 155; 561, с. 103; 621, с. 476-478; 622, с. 198; 636, с. 141; 643, с. 440, 455]. О беззаконии, творившемся в Борегаре, и о связи с ним ССП см. [172; 473; 492]. Согласно [434-V, с. 239] со ссылкой на РМ (23.1 и 30.1.1948 г.), постановление, по которому был распущен ССГ

и конфискован последний номер СП, датируется 22 января 1948 г. Но эта дата может касаться лишь конфискации номера, который, скорее всего, готовился после запрета издания 20 января 1948 г.

7. С. 467-468: ***«Парижский вестник»*** / «Le courrier de Paris» / «Pariser Beobachter» / «Parijsky Viestnik»: Еженедельная русская газета, выходящая по воскресеньям. Изд. Управления делами эмиграции во Франции (Париж, 14 июня 1942 г. – 12 августа 1944 г. , № 1–112. В №1 – 4 с., далее, до весны 1943 г., – по 6 с., затем – по 8 с.). Пронацистское русское издание. Ответственный редактор П.Н. Богданович (№ 1–22, 62–63; № 23–61 – совместно с О.В. Пузино; №64–68 совместно с Н.В. Пятницким; № 69–112 – ред. Пятницкий). Основан приказом Militärbefehlshaber in Frankreich от 21 апреля 1942 г., когда Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во Франции был реформирован в УДРЭ, куда редакция газеты вошла в качестве отдела (4, rue de Galliéra, 16°). Подчинялась Жеребкову, который являлся ее издателем и в значительной степени определял лицо газеты. Печаталась в Imprimerie de Navarre (11, rue des Cordellières, 13°). С № 78 (от 11.12.1943 г.) полностью перешла на новую орфографию, чтобы «уничтожить последнее техническое препятствие, существовавшее между эмиграцией и внутрироссийскими людьми» (ПВ. 1943 г. № 78, 11 декабря). На ее страницах публиковались Н.Н. Головин, П.Н. Краснов, И.Д. Сургучев, В.П. Родзянко, А.Е. Величковский, Б. Тихменев, В. Георгиев, Б.Д. Приходкин, В.Н. Унковский, Ив. Шмелев. Периодически печатала тексты речей Гитлера и Розенберга. Основанная как прогерманский орган, довольно быстро приобрела провласовское направление (особенно с осени 1943 г., при Пятницком), предоставляла свои страницы офицерам и бойцам РОА. В результате ПВ стала первой эмигрантской газетой, которая пыталась сблизить старую эмиграцию и начинавшуюся «вторую волну». Прогитлеровский характер издания сыграл свою роль в компрометации самой идеи сотрудничества сразу после войны. Между Жеребковым и Пятницким, с одной стороны, и редактором власовских газет М.А. Зыковым (см. о нем прилож. 1.III), с другой, установился тесный контакт. Но, в отличие от изданий Зыкова, ПВ являлся изданием подчеркнуто антисемитским. Сам Жеребков в первой пол. 1980-х утверждал, что, будучи русским патриотом, он «не считал, что еврейский вопрос имеет особое значение» и «часто прибегал к антиеврейским замечаниям, чтобы нацистский цензор легче пропустил в печать ту или иную статью» [29, с. 187]. Однако анализ содержания самой газеты показывает, что практически каждый ее номер содержал и открыто антисемитские тексты (особенно выделялись статьи Б. Ивинского, проф. Гротова, Н. Гудима-Левковича, О.Пузино, Д.Михайлова и некого автора, скрывшегося под псевдонимом «Историк»), в т. ч. призывающие к физическому уничтожению евреев или оправдывающие таковое, что явно превышало минимальный уровень требований цензуры. Тон ПВ несколько смягчился (исчезла открытая брань и откровенно «погромные» статьи) лишь в период редакторства Н.Пятницкого; возможно, сыграла свою роль ориентировка на власовское движение, не поощрявшее антисемитизм [29, с. 120, 185-187, 260; 122; 155-I, с. 466; 281-I-2, с. 393-394; 282-II; 377; 434-VIII; 523, с. 64; 567, с. 178-179, 194-195, 314-319; 609-II, с. 82].

Фото 35. Редакционное совещание «Нового слова».
По-видимому, человек, сидящий в центре, – В.М. Деспотули
(Фото И. Ерапова. *Новое слово.* 17.2.1943. № 14(500). С. 6)

8. С. 588-589: ***«Новое слово»*** / «Nowoje Slovo» / «Neues Wort»: Русская национальная (затем Еженедельная) газета / Russische Zeitung (НС; Берлин, июль 1933 г. – ноябрь 1944 г., т. I–XII, №1–680. Затем передана Отделу пропаганды КОНР, стала его официальным органом и переименована в «Волю народа», выходила еженедельно с ноября 1944 г. по март 1945 г. О том, как это происходило см. [216] (в [42, с. 85] ошибочное утверждение, что газета была создана Деспотули в конце 1920-х; первые годы размножалась на ротаторе). Основана как независимая газета русской колонии в Германии, но очень рано стала финансироваться ведомством А. Розенберга, который, впрочем, также был российским эмигрантом. Редактор-издатель Е. Кумминг; с сентября 1934 г. – главный редактор-издатель Владимир Михайлович Деспотули (Despotuli; 1895 г., СПб. – 20 августа 1977 г., Рейнская обл.; в эмигрантской среде получил прозвище «Гестап»; см. о нем [569]), на 1917 г. – поручик, адъютант командира русского Экспедиционного корпуса в Персии генерала Н.Н. Баратова. Весной 1941 г., при покровительстве высокопоставленного сотрудника А. Розенберга Рудольфа Адамовича Лейб(б)рандта (не разделявшего, отметим, расистских взглядов своего шефа), с которым Деспотули учился вместе в университете и сохранил дружбу, вступил в контакт с Исполнительным бюро НСНП, в результате чего в августе 1941 г. оно перебралось в Берлин, а редакция газеты стала его базой. 6 сентября 1944 г. (по другой версии, в 1943 г.) за связь с НТС Деспотули был отстранен от газеты и посажен под домашний арест (позднее вывезен в СССР и 11 лет, в 1945–1955 гг., находился в советских тюрьмах и лагерях; вернулся в Германию), а во главе газеты и издательства поставлен

эсесовец Амфлет, позднее выпускавший «Волю народа». Зам. главного редактора в годы войны – поэт Евгений Викторович Тарусский (Рышков), подпоручик Дроздовского полка в Гражданскую войну, автор песни «Монмартрский шофер» (покончил с собой в мае 1945 г. в английском лагере в Лиенце, в Австрии, чтобы избежать насильственной депортации в СССР). Газету НС отличали воинствующий антисемитизм, антикоммунизм и борьба с масонством; в отличие от газеты ПВ, в ней ничего не публиковалось о власовском движении, хотя встречались материалы о добровольческих формированиях; в «Воле народа», несмотря на нацистское давление, антисемитская пропаганда исчезла. С августа 1941 г. НС имела представительство в Париже (26, rue de la Pépinière, 8°, затем занимало бюро № 76 по адресу: 8, rue St-Marc, 2°), а Деспотули в феврале 1941 г. стал почетным членом парижского Объединения русских писателей и артистов. Официальным редактором газеты «Воля народа» был начальник Отдела пропаганды КОНР Георгий Николаевич Жиленков; реальным – зам. редактора, эмигрант первой волны Александр Степанович Казанцев (1909 – 23 августа 1963 г., Мюнхен); тираж достигал 250 тыс. экз. Журналисты, которые сильно «скомпрометировали себя прогитлеровскими статьями» в «Новом слове», к сотрудничеству с новым изданием допущены не были [395, с. 194]. С конца января 1945 г. редактором стал Н.В.Ковальчук, затем полковник Н.В. Пятницкий, редактировавший также газету «За Родину», а ранее – ПВ [29; 42, с. 26-27, 85; 229; 216; 267; 282-II; 324; 327-II, III; 395; 409; 424, с. 461; 434-VIII; 445, с. 172-173; 523, с. 58; 609-I, с. 221]. Ср.: «Газета “Новое слово” выходила в Берлине еще до войны. Читать ее в русских кругах считалось не совсем приличным, так как была она, в основном, органом национал-социалистической партии в русском пересказе. Антисемитизм и незамысловатое учение фюрера было ее философией и символом веры. До войны никак не способная перейти на самоокупаемость, она поддерживалась учреждением Розенберга. После того, как немцами была занята вся Европа, она оставалась долгое время единственной газетой на русском явыке на все оккупированные страны. Тираж ее возрос в десятки раз потому, что читать кроме нее было нечего <...>. Я не встретил ни одного читающего человека из Советского Союза, который, хотя бы первое время, не находил ее умной, талантливой, содержательной и интересной. По сравнению с советской стряпней, плоской и бездарной, <...> она, вероятно, и на самом деле казалась откровением. Технически она делалась прекрасно – такого набора, с таким вкусом подобранных шрифтов не было ни у одной русской газеты в Европе, ни во Франции, где выходили <...> “Последние Новости” и “Возрождение”, ни на Балканах <...>» [216, с. 267-268].

9. С. 586-587: ***«Социалистический Вестник»*** / «Le Courrier socialiste» / «Der Sozialistische Bote»: Центральный орган Российской социал-демократической рабочей партии (Берлин, с мая 1933 г. – Париж; 1 февраля 1921 г. – июнь 1940 г.; т. I–XX, №1–462; Нью-Йорк, 15 ноября 1940 г. – ноябрь/декабрь 1963 г. № 463–784; Нью-Йорк, 1964–1965 гг.). Печатный орган Заграничной делегации РСДРП (меньшевиков); двухнедельный, позднее ежемесячный журнал; в 1964–1965 – сборник. Основан Ю. Мартовым и Р. Абрамовичем (Рейном); до 1940 г. редактор Ф. Дан [50, с. 325; 282-II; 324, с. 43-44; 432, с. 523; 523, с. 88; 549; 609-I, с. 287; 680].

10. С. 602-603: ***«Свободная мысль».*** Издание регулярно меняло свои названия. Неизменным был порядковый номер (с 1946 г. по 1957 г. вышло 27 номеров) и место издания – Париж: «Свободный голос» / «Cahiers libres: Edition non periodique en langue russe» (февраль, март, июль 1946 г. Сб. 1-3. По 32 с.). Редактор В. Лазаревский (Vladimir Lazarevski). Далее редактор С.П. Мельгунов (S.P.Melgounoff), при котором долго сохранялся французский подзаголовок «Recueil politique, social, littéraire», а названия варьировались: «Свободное слово» / La parole libre (1946 г. Сб. 1(4). 32 с.); «Независимое слово» / «La parole indépendante» (1946 г. Сб. 5. 40 с.); «Свободная мысль» / «La pensée libre» (1946 г. Сб. 6. 48 с.); «Независимая мысль» / «La pensée indépendante» (1947 г. Сб. 7. 48 с.); «Независимый голос» / «La voix indépendante» (1947 г. Сб. 8, 9. 48 с.); «Свободная мысль» /«La pensée libre» (1947 г. Сб. 10. 52 с.); «Россия и эмиграция» (1947 г. № 11); «За Россию» (1947 г. № 12); «За свободу России» (1948 г. №13); «Борьба за Россию» (1948 г. № 14); «Российский демократ» (1948–1957 гг. № 15–27). Адрес редакции: 48, rue Boissonade, 14°; с № 11–91, rue Lecourbe, 15°. Ср.: «Группа эмигрантских журналистов добилась издания в Париже анти-советского листка» [254, с. 346; 285, с. 365; 324, с. 358; 434-VIII; 487; 523, с. 84; 609-II, с. 100]. Об истории сборника и о замене Лазаревского на Мельгунова см. [144-III]. Об участии в 1946-1948 гг. в издании Р. Гуля и его конфликте с Мельгуновым см. [143, с. 30].

11. С. 454-456: ***Маклаков*** Василий Алексеевич (10/22.05.1869 [8(18?).05.1870?], М. – 14(15).07.1957, Баден, Швейцария; погребен 19.07.1957, кладб. в SGdB). Из дворян, сын окулиста проф. А.Н. Маклакова (27.11/9.12.1837 – 4/16.05.1895, с. Храброво Дмитровского уезда Московской губ.) и писательницы Е.В. Чередеевой (? – 7/19.04.1881); один из лидеров партии кадетов. В сентябре 1917 г. назначен российским послом во Франции, куда выехал 11 октября и прибыл 26 октября / 8 ноября 1917 г.; в тот же день пытался вручить верительные грамоты, но выяснилось, что Временное правительство накануне было низложено. 17/30 ноября 1917 г. распоряжением наркома Л.Д. Троцкого лишен звания посла (10 декабря 1917 г. был опубликован приказ НКИД «Об отстранении послов, посланников, членов посольства и пр., отказавшихся работать под руководством Советского правительства», которым все эти лица – 28 человек – увольнялись со своих постов, лишались пенсий и права занимать какие-либо государственные должности), однако оставался в положении такового до признания Францией СССР в 1924 г. (пользовался дипломатическими привилегиями, но не был включен в официальный дипломатический лист). После смерти М.Н. Гирса (1932 г.) – председатель Совета послов. В январе 1921 г. участвовал в совещании членов Учредительного собрания в Париже. В 1924 г. возглавил Центральный офис по делам русских беженцев при МИД Франции, Бюро Русского комитета объединенных организаций (РКОО) и стал председателем признанного Францией Русского эмигрантского комитета (РЭК; создано в июне–октябре 1924 г.), куда РКОО и более левый Совет общественных организаций под председательством А.И. Коновалова делегировали своих представителей. РЭК защищал интересы российских эмигрантов, выдавал им удостоверения, и Маклаков был фактически неофициальным главой русской эмиграции во Франции. Член

Союза русских адвокатов за границей (с 1922 г., с 1946 г. – почетный член), юридической консультации при Земгоре (1926 г.), Российского общественного комитета (с марта 1930 г.), Совещательного комитета беженских организаций в Женеве (с 1932 г.), Межправительственной нансеновской комиссии (1935 г.), бюро КПРПУФ, Союза русских евреев в Германии (1931 г.). Во время Второй мировой войны противник фашизма, принимал активное участие в организации русского движения Сопротивления во Франции. Арестован гестапо 28 апреля 1942 г. и провел 2,5 месяца в тюрьме Шерш Миди (встречаются утверждения, например, в [205, с. 208] и др., что арестован был в апреле 1941 г. и даже в 1940 г. и что провел в тюрьме 5 месяцев; ср. запись в дневнике И. Бунина от 30 июня 1941 г.: «Слухи из Парижа, что арестован Маклаков» [77, с. 127]. Допускаем, что мог арестовываться дважды или долго находился под угрозой ареста, что провоцировало слухи). Руководимый им Центральный офис был упразднен правительством Виши в январе 1942 г., а его функции переданы возглавлявшемуся им же РЭК, который до того формально упразднен не был. Идейный глава образовавшейся в 1944 г. GAER, занявшей выжидательную позицию по отношению к СССР (именно в рамках этой группы были задуманы РН). 12 февраля 1945 г. во главе группы русских эмигрантов посетил посольство СССР в Париже, где через посла Богомолова передал поздравления Советскому правительству, поднял тост за победы Советской армии. Этот визит, вызвавший скандал в эмигрантской среде, происходил по инициативе посольства, не выполнившего свои обязательства по утверждению для публикации протокола встречи, что придало ей провокационный характер. Позднее М. признал визит ошибкой; еще раз был у посла 23 марта 1945 г. 24 марта 1945 г. на учредительном собрании Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией (выросла из GAER и должна была называться Объединением русской демократической эмиграции) избран почетным председателем; председатель Общества помощи русским беженцам (зарегистрировано 25 января 1956 г. в штате Делавар, США). Автор многих статей о Л.Н. Толстом, которого знал лично. Как публицист участвовал в «Современных записках». О его работах см. в письмах А.Кизеветтера и М. Осоргина [226; 357]. Холост; «великий женолюб» [144-I]. Масон, член Капитула Астрея (М., СПб.), московской Ложи Возрождение, петербургской Ложи Полярная Звезда, парижских Лож Свободная Россия и Северная Звезда, Капитула Северная Звезда и французской Ложи Масонский Авангард. Умер от удара и гангрены ног. Брат: Николай (7.09.1871 – 19.10.1918), гофмейстер, министр внутренних дел (1913–1915 гг.), расстрелян большевиками; сестры: Мария (см.) и Ольга (? – 23.05.1905), сестра милосердия [15; 17; 22; 40; 41, с. 72; 50; 70; 76; 97, с. 219, 223; 104, с. 464, 535; 125, с. 345-346; 126; 129, с. 347-349; 133; 144-(I-III); 155-(I-VII); 165-(I-X); 166, с. 401; 171; 205; 206; 207, с. 128-131; 219; 221; 234; 246; 248; 254, с. 344-351; 280; 285; 287-II, с. 552-553; 288-(II-III); 293, с. 159, 354-365; 321; 322; 325; 310; 324; 327-IV; 336; 379, с. 748; 380; 382; 402, с. 287; 412, с. 568; 414-II, с. 117-118; 422, с. 423; 432, с. 452; 434; 442; 452; 469; 499-I; 515; 516; 517, с. 385; 529; 546; 547; 549; 556; 558; 559, с. 581; 560, с. 234; 576; 577; 583, с. 266; 620; 621, с. 471; 624; 625; 632; 633; 643; 678].

12. С. 583-584: *Дмитриев* Владимир Иванович (3.06.1879, СПб. – 18.02.1965, Париж; кладб. в SGdB). (Даты в [234-II, с. 51]: 1870–1955 гг., как и встречающаяся дата рождения 30 июня 1879 г., ошибочны.) Из дворян, сын врача, крупного земского деятеля. Окончил ун-т и Военно-морскую академию; штурман; много плавал, участник Цусимского боя. Во время Первой мировой войны способствовал принятию русских моряков во Французский флот. С 1913 г. – военно-морской агент во Франции, Бельгии, Испании и Португалии; капитан I ранга (в [270, с. 15] утверждается, что II ранга). После революции дела и денежные суммы советской власти не сдал. Участвовал в снабжении армий и флота Колчака, Деникина, Врангеля; в передаче судов Черноморского флота Франции и оказании помощи эмигрантам. Некоторое время являлся секретарем созданного по решению от 1 августа 1919 г. Комитета помощи при Русско-Британском братстве – благотворительной организации, направлявшей свои усилия на помощь фронту и тылу белых армий. В Бизерте выхлопотал французский паек для русских, обеспечил функционирование Морского корпуса, где обучались 340 гардемарин и кадет (первый выпуск в 1922 г.), и способствовал продолжению их образования в вузах Франции, Чехии и Югославии (только в Электротехнический ин-т в Нанси в 1923–1926 гг. поступило 13 человек из школы в Бизерте). Почетный председатель Морского собрания; председатель Благотворительного комитета Совета старшин Морского собрания, Всезарубежного объединения морских организаций, Союза русских кавалеров Почетного легиона (1935 г.), Попечительского комитета русского кладбища в SGdB (1951 г.). Председатель (1951 г.) и член (1952 г.) комитета по устройству Дня русской культуры. Член Особого совещания по оказанию помощи чинам флота и их семьям (1921–1922 гг.), РЭК (с 31 июля 1924 г.), инициативной группы по сооружению памятника русскому воину в Сергиевском подворье в Париже (8 ноября 1928 г.), комитета старшин Кают-компании морских офицеров (июль 1934 г.), приходского совета Александро-Невского собора (1949–1952 гг.), Союза русских дворян (член совета в 1949–1953 гг.), Объединения бывших студентов СПб. ун-та, Содружества резервистов Французской армии, временного комитета по празднованию 250-летия СПб. (1952 г.), комитета по организации чествования памяти В.А.Маклакова (январь 1958 г.), совета Союза ревнителей памяти имп. Николая II (с 11 мая 1958 г.). В 1934 г. и в июне 1935 г. передавал документы в РЗИА [6; 133; 155-(IV-V); 196; 215; 234-II, с. 51-52, 122: 270, с. 15-16; 327-II; 366; 414-I, с. 489-490; 434; 469-II; 529; 624; 656].

13. С. 556-557: ***Федоров*** Михаил Михайлович (23.04/5.05.1859 (30.09.1858? 30.09/12.10.1859?), Бежецк Тверской губ. – 30.01.1949, Париж; кладб. в SGdB) (часто встречаются ошибочные данные: [40, с. 382; 500, с. 165]: ум. в 1946 г.; [234-I, с. 110]: род. в 1858 г. в Витебске; [306, с. 692]: даты жизни 1855-1948 гг. и др.). Сын генерал-майора; мать – Татьяна Александровна (? – 25 июля 1895, СПб.). Окончил физмат. факультет СПб. ун-та (1881 г.), товарищ министра торговли и промышленности (с 1 ноября 1905 г.), временно управлял этим министерством (18 февраля – 4 мая 1906 г.), затем в отставке. Член Торгово-промышленного союза, издавал «мирообновленческую» газету «Слово» (1906–1909 гг.) либерального направления; во время Первой мировой войны возглавлял областной комитет Земгора по обеспечению армии, член

ЦК ПНС. В ноябре 1917 г. вошел в организованный в Москве подпольный центр – «Девятку», от которого ездил в Новочеркасск для оказания помощи генералу М.В. Алексееву, участвовал в работе Донского гражданского совета; в апреле 1918 г. вернулся в Москву; вошел в «Правый центр» в Москве (март(?) – май 1918 г.) как представитель Торгово-промышленного комитета; организатор и председатель правления «Национального центра» (НЦ) там же; в августе 1918 г. отправился на Кубань к ДА; организовал НЦ в Киеве; с ноября 1918 г. в Новочеркасске; член Ясского совещания от НЦ (ноябрь 1918 г. – январь 1919 г.); член Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (министр без портфеля, 1919 г.). В эмиграции с марта 1920 г., жил в Париже. Один из инициаторов и член кадетского Съезда русского национального объединения в Париже (июнь 1921 г.); избран вице-председателем Русского национального комитета, от которого позднее был делегатом на Зарубежном съезде в Париже (апрель 1926 г.). Инициатор создания и бессменный руководитель ЦКОВОРЮЗ (с сентября 1922 г.), руководитель Ассоциации помощи русским студентам-эмигрантам (Association d'aide aux étudiants émigrès russes); инициатор проведения Дней русской культуры в Париже, председатель ЦК по празднованию Пушкинского юбилея (1937 г.). Один из издателей (после С. Мельгунова; 1926–1931 гг., 240 номеров) журнала «Борьба за Россию» – органа «непримиримой» эмиграции. В 1930-е член строительного комитета Русского дома (церкви и приюта для престарелых эмигрантов в Париже). В [50] назван масоном, но в [452] отсутствует. Жена: Екатерина Ильинична Малышева (30.09/12.10.1862 – 27.05.1935, Париж). Сыновья: Георгий (15(?).08.1894 – 30.03.1951, Париж); Николай (13/25.02.1898 – не ранее 1917); Владимир (5/18 .08.1901 – не ранее 1917), Михаил (10/23.08.1903 – 25.09.1992, Париж) [24, с. 31; 40; 110; 133; 144-II; 155-(II, IV, VI); 168, с. 57; 196; 233; 234-(I; II, с. 42, 140); 246; 254, с. 287-289; 282-(I-III); 286; 306; 309; 324; 341, с. 68; 385; 402; 412; 414-III, с. 399; 424, с. 463; 434; 442; 469-(I, II); 500; 506; 529; 549; 558; 560; 620, с. 97; 624].

14. С. 530-531: в издании в примечании 184 допущена опечатка: вместо имени «Долгополов Николай Саввич» стоит «Крылов С.Д.». ***Долгополов*** Николай Саввич (24.02.1879, Архангельск – 24.06.1972; кладб. в SGdB) – врач-педиатр. Учился в Московском ун-те и в Военно-медицинской академии. Член 2-й Гос. Думы; в 1914 г. основал завод противогазов. Представитель Временного правительства на Черноморском побережье и в Кубанской области; участник Ледяного похода; член Кубанского краевого правительства (объявило себя верховной властью, действовало в 1917–1920 гг.), министр народного здравоохранения в правительстве Деникина (декабрь 1919 г. – март 1920 г.). В ноябре 1920 г. покинул Крым с миссией Американского Красного Креста. В эмиграции в Париже. Член (с 1925 г.), затем председатель Земгора, Общества русских врачей им. Мечникова (с января 1946 г. член ревизионной комиссии), бюро ККРЭБГО с момента его создания (март 1947 г.). В середине 1946 г. ездил в США; стал представителем в Европе американских русских благотворительных учреждений (Литературного и Кулаевского фондов). Награжден орденом Почетного легиона и золотой медалью Société d'Encouragement au progrès (октябрь 1966 г.); в 1949 г. основал Русский дом Земгора для пре-

старелых в Cormeilles-en-Parisis (открыт 23 сентября 1951 г.), в котором стал директором (до июня 1955 г.). Согласно [50], масон (ложа не указана), но в [452] отсутствует. Сын: умер до 31 марта 1958 г. [16, с. 124, 135; 104, с. 99; 133; 144-II; 155-(III-V); 165-(IV, IX); 234-II, с. 13-14, 122; 300, с. 228; 309; 324; 327-II; 414-I, с. 498; 434; 469-I; 529, с. 142; 549; 624]. См. развернутую характеристику Д. в письме В.А. Маклакова к Б.А. Бахметеву [469-III, с. 520-522 (письмо от 25 июня 1946 г.)]. О его помощи разным лицам (И. Бунину, Н.П. Вакару) см. [18, с. 241; 78-150, с. 166, 190; 80-138, с. 174]. См. также некролог: РМ. 1972 г. № 2901, 29 июня.

15. С. 523-524: ***Зернова*** (Зёрнова) Софья Михайловна (24.12.1899, М. – 18.01.1972, Париж; кладб. в Meudon; в [309-V, с. 128] ошибочно указан год смерти: 1978 г.). Из дворян, дочь московского головы М.С. Зернова, врача-терапевта и бальнеолога. В начале 1920 г. вся семья эмигрировала в Константинополь, оттуда в Белград, в 1927 г. (в октябре 1925?) в Париж, где М.С. Зернов открыл частную врачебную практику (на 1929 г. по адресу: 395, rue de Vaugirard, 15°). На 15 ноября 1921 г. – студентка Белградского ун-та (там училась ее сестра Мария и братья Николай и Владимир; Николай, Софья и Мария были слушателями В.В. Зеньковского на богословском и философском факультетах); и в 1925 г. окончила его философский факультет; на 1923 г. член Союза русских студентов этого ун-та, участвовала в создании и работе РСХД – в Югославии, затем во Франции (1923–1931 гг.). В 1932–1934 заведовала бюро по приисканию труда для русских, учрежденном при РОВС в Париже. В 1935 г. (в [433, с. 255] ошибочно: 1925 г.) создала в Париже Центр помощи русским беженцам; организовывала отправку русской молодежи на летние каникулы в Англию и помещение детей на лето в швейцарские семьи; от имени эмиграции преподнесла на балу королю Югославии платиновый браслет-подкову с бриллиантами и сапфирами. Основала Русский детский дом и с 1939 г. им заведывала (в Вильмуассоне, с 1954 г. в Монжероне). В 1948-1951 гг. работала секретарем Центрального офиса русских беженцев. После войны занималась спасением эмигрантов: ей «удалось освободить многих арестованных из незаслуженного ими заключения. А граждане СССР, находившиеся в результате военных действий на французской территории? Скольких из тех, за коими в буквальном смысле слова охотились зимой 1944/1945 гг. НКВД, С<офья> М<ихайловна>, со свойственной ей смелостью, спасла от насильственной репатриации!» [578, с. 290]. В августе 1961 г. и в июле 1966 г. ездила в СССР. По сообщению (ноябрь 2004 г.) букиниста и антиквара И.М. Лемперта (он прибыл во Францию с помощью З., познакомившись с ней в Сочи в летом 1966 г.), оказывала помощь в эмиграции из стран Восточной Европы. Одна из авторов семейных воспоминаний «На переломе» (Париж, 1970). Умерла после тяжелой болезни в госпитале Cochin [31; 104, с. 93-94; 155-(III, V, VII); 165-VIII; 192-II, с. 20-21; 234-II, с. 14, 124; 249; 282-III; 309; 327-II; 365; 414-I, с. 592-593; 433; 434; 499-I; 503-234, с. 129-134; 573; 578; 620, с. 112]. Брат: З. Николай (1898 – 25.08.1980, Оксфорд) – историк и литератор, секретарь РСХД в Париже, первый редактор «Вестника РСХД» (1925–1935 гг.), с 1967 г. президент Пушкинского клуба в Лондоне (некролог см. [26; 398]). Сестра: З. Мария, по мужу Кульман (1902 – 8.08.1965, Лондон) (ее воспоминания см. [273а]) [183].

16. С. 468-469: ***Кровопусков*** Константин Романович (18/30.05.1881, Николаев – 21.01.1958, Париж; кладб. в SGdB; в [309-XXI, с. 407] дата смерти ошибочна: 1957 г.). «Из морской семьи»; обучался в ун-тах Мюнхена и Фрейбурга, специализировался в области социально-экономических наук; преподавал в Николаеве; во время Первой мировой войны – уполномоченный Союза городов; после Февральской революции – уполномоченный министра продовольствия и городской голова в Одессе. Член партии эсеров; вошел в состав Союза возрождения России, принимал участие в работе Ясского совещания; послан для переговоров с французами в Константинополь; ездил для переговоров в Рим, Париж, Лондон; возвратился в начале 1919 г. и едва не попал в плен к большевикам; вывезен на миноносце в Константинополь; семья прибыла в Марсель в 1920 г.; жил в Париже. Член Российского Общественного комитета помощи голодающим в России (август 1921 г.); в 1921–1925 гг. и 1929 г. управляющий делами, в 1925–1926 гг. председатель, затем член совета, в 1930–1937 гг. зам. председателя, с 1944 г. также член (в т. ч. председатель) исполкома Земгора; с 1924 г. бессменно входил (от левых, объединившихся в Совет русских общественных организаций) в РЭК, в 1929 г. член его рабочей комиссии; с 1922 г. товарищ председателя, затем до кончины – председатель правления Одесского землячества. Член Педагогического бюро и Переселенческой комиссии (1925 г.), ЦКОВОРЮЗ (до 1927 г. товарищ председателя), правления Тургеневской библиотеки, бюро ККРЭБГО (с 31 мая 1947 г.; в этом комитете вошел в конфликт с Долгополовым). Сотрудничал с Объединением эмигрантских студенческих организаций, в 1931–1945 товарищ председателя правления Общества «Быстрая помощь», в 1945–1951 зам. Маклакова как директора Офиса по делам русских беженцев во Франции, товарищ председателя Пушкинского комитета (апрель 1949 г.). В разные годы член исполкомов по подготовке «Дней русской культуры»; в 1950–1954 организовывал дома для престарелых эмигрантов, которые приняли до 2 тысяч человек (в т. ч. основатель и директор Русского дома в Gagny). Профессор; преподавал в Русском коммерческом ин-те (с 1928 г., читал курс кооперации), во ФРИ (1933 г., член правления). Член правления РНУ (с 1930 г.), Общества друзей РНУ (с 1932 г., в ревизионной комиссии), администратор бюро библиотеки РНУ (1933 г.). Сотрудник ПН. Масон, член парижских ателье: Капитула Северная Звезда (1926 г.) и Ложи Северная Звезда, а также французской Ложи Космос. Умер после продолжительной болезни в клинике Диаконисс [2; 22; 40; 50; 133; 165-IV; 166, с. 401; 234; 246; 247; 306; 309; 327-III; 414-I, с. 760; 434; 452; 469-III; 500; 515; 529, с. 142].

17. С. 521: ***Недошивина*** Наталия Александровна (10.02.1895, СПб. – 26.05.1983, Франция; кладб. в Saint-Cloud). Училась на юридическом факультете СПб. ун-та. В эмиграции – секретарь профессора Пиленко; по поручению генерала Врангеля работала по устройству эмигрантов. Позже секретарь и член исполкома Земгора (до 1972 г. или позже). Благодаря ей, С. Долгову и Н. Долгополову Земгор действовал во время и после войны. Представитель во Франции Литературного фонда (американская русская благотворительная организация). Член правления общества «Быстрая помощь» (1938–1973 гг.), Русской секции университетских женщин (1938 г.), Объединения русских адвокатов

во Франции (в 1947–1960 гг. член совета), бюро ККРЭБГО (31 мая 1947 г.), Комитета по организации чествования памяти В.А.Маклакова (январь 1958 г.). В 1946 г. член исполкома, главный секретарь Дома для русских пансионеров (с 1951 г.) в Cormeilles-en-Parisis, в последнее время – пансионерка этого дома. В октябре 1966 г. награждена серебряной медалью Société d'Encouragement au progrès. [104, с. 117, 518; 133; 155-III; 165-IV; 234-II, с. 13, 132; 309; 327-V; 414-II, с. 259; 434; 529, с. 142].

18. С. 460-462: *Третьяков* Сергей Николаевич (26.08.1882, М. – 16.06.1944, Ораниенбаумский лагерь, около Берлина) (в [50; 100; 110, с. 494; 233; 306, с. 695; 307, с. 735; 380; 382; 469-1, II] ошибочно: год смерти 1942 г. или 1943 г., место – Франция или Париж). Из семьи московских текстильных фабрикантов и меценатов (отец: Т. Николай Сергеевич; мать: Дункер Александра Густавовна). Потомственный почетный гражданин. Обучался на естественном отделении физ.-мат. факультета Московского ун-та (1901–1905 гг.; не окончил). Член Совета Третьяковской галереи. С 1899 г. возглавлял различные фабрично-торговые товарищества. Член Всероссийского общества льнопромышленников (с 1906 г. товарищ председателя, с 1910 г. председатель), совета Российского союза взаимного страхования (с 1908 г.), Костромского комитета торговли и мануфактур (с 1909 г. председатель), Московского отделения Совета торговли и мануфактур (с 1912 г.), Московского биржевого комитета (с 1912 г., с 1916 г. товарищ председателя), Комиссии технического училища, Русско-французской торговой палаты (в 1929 г. – председатель), совета Московского банка (учредитель), Союза городов, Совета съездов представителей промышленности и торговли (1916 г.), Льняного комитета. Возглавлял директорат Русского акционерного льнопромышленного общества, ред. совет газеты «Утро России». Член ЦК Партии прогрессистов (с 1912 г.; член фракции в 4-й Гос. Думе). По политической ориентации близок к кадетской партии. С 1915 г. товарищ председателя Московского и член Центрального Военно-промышленного комитетов (с 1916 г.?). Гласный Московской городской думы (с июня 1917 г. – по списку ПНС). После Февральской революции товарищ председателей: исполкома Комитета общественных организаций Москвы, Всероссийского союза торговли и промышленности (с марта 1917 г.), постоянного совета Совещания общественных деятелей в Москве (август 1917 г.). Председатель Экономического совета (25 августа – 13 октября 1917 г.) и Главного экономического комитета в 3-м коалиционном Временном правительстве, вместе с министрами которого арестован 26 октября 1917 г. и находился в Трубецком бастионе Петропавловской крепости (до конца февраля 1918 г.). Избран в Учредительное собрание по списку ПНС. Вошел в Правый центр. Уехал в Финляндию, оттуда на юг России; заместитель П.Н. Милюкова в Совете государственного объединения России (Киев, октябрь–ноябрь 1918 г.); участник Ясского совещания, в составе делегации совещания вел переговоры в Лондоне и Париже (июль 1919 г.) о содействии Белому движению. В Омске с октября 1919 г.; ноябрь 1919 г. – 4 января 1920 г. (декабрь 1919?) зам. председателя Совета министров и министр иностранных дел (торговли и промышленности) Всероссийского правительства под председательством В.Н. Пепеляева («Омского

правительства»). После поражения Колчака уехал на Дальний Восток, рассчитывая получить помощь от японцев. В январе 1920 г. эмигрировал, жил в Париже. Один из организаторов и руководителей Российского торгово-промышленного и финансового союза (Торгпром; февраль 1920 г.), объединявшего более 600 российских промышленников, банкиров, торговцев; товарищ председателя Франко-русского общества торговли, промышленности и транспорта. Член эвакуационной комиссии при Особом совещании РОКК; Комитета помощи голодающим России (с августа 1921 г. председатель); Русского комитета объединенных организаций (с 1924 г. один из руководителей); Национального центра (с 1924 г.); РЭК (с 1924 г.; в 1926 г. вышел; в 1929 г. зам. председателя; в 1935–1936 секретарь); Приходского совета в Париже (1925 г.); Российского Центрального объединения (1927 г.); группы содействия журн. «Борьба за Россию» (с 1927 г.); совета общества «Икона» (1927 г.). Участник Съезда представителей русской промышленности в Париже (март 1921 г.); Зарубежного сьезда (один из руководителей) и др. экономических и политических совещаний. Работал в коммерческом отделе «Иллюстрированной России»; сотрудничал с «Возрождением». В 1926 г. пытался покончить с собой. Активно помогал Б.В. Савинкову; сторонник непримиримой борьбы с большевиками. В 1929 г. завербован ИНО ОГПУ, под псевдонимом «Иванов» предоставлял информацию о работе Торгпрома и РОВСа: в Париже занимал 4-й этаж в доме над штаб-квартирой РОВСа, которому сдал помещения на 3-м этаже (в [382] ошибочно: на 1-м) и вел прослушивание с помощью установленной аппаратуры); содействовал похищению ген. Миллера (сентябрь 1937 г.) и дал возможность бежать организатору акции ген. Скоблину. Во время оккупации раскрыт немцами как советский агент (а не как участник Сопротивления, что утверждается в [156]), арестован в августе 1942 г.; расстрелян. Член Ложи Астреи (союз Великой Ложи Франции) в Париже. Жена (с 1904 г.): Мамонтова Наталия Саввишна (Саввовна; 7.07.1883 – 1.03.1945; кладб. в SGdB). Сестра Ольга, художница. Сын Сергей (3.08.1907 – 1.04.1973; кладб. в SGdB), работал в яхтклубе; имел двух дочерей – Ирину (6.05.1906, Москва – 14.03.1964, Париж; кладб. в SGdB) и Татьяну (?, Москва – 24.02.1959, Нью-Йорк; кладб. Ново-Дивеево), содержавших шляпную мастерскую [50; 83; 110; 170, с. 336; 233; 254, с. 442-443; 306; 307; 324; 341, с. 75; 380; 382; 414-III, с. 333-335; 424, с. 454; 434-IV; 452; 469; 587; 624, с. 389]. См. рассказ Н.В. Пятницкого (полковник, член РОВС, служил у немцев и был осведомлен из первых рук): «во время немецкой оккупации во Франции, говорили, что в кабинете ген. Миллера, на улице Колизэ, в стенах за паровым отоплением были обнаружены микрофоны, провода от которых шли на верхний этаж дома, в квартиру видного члена Торгово-Промышленного Союза. Таким образом это лицо могло прослушивать разговоры ген. Миллера с посетителями и передавать их советской разведке. Возможно, что и Скоблин исчез, убегая не вниз, а наверх, в эту квартиру. Связь владельца этой квартиры с ГПУ была, будто бы, установлена немцами после занятия ими Минска, где имелся центр заграничной советской агентуры в Западной Европе, в котором немцы захватили много секретных документов. Слухи эти подтвердились потом арестом этого члена Торгово-

Промышленного Союза германскими властями в Париже» ([401, с. 102]; см. также [50, с. 65-66]). Сведения о Т. гестапо получило из Смоленского архива НКВД, захваченного германскими войсками. Арестовывал Т. чиновник гестапо Иосиф Дедио, видимо, участвовавший в обработке этого архива. Он с сочувствием относился к НСНП/НТС; осенью либо в начале декабря 1950 г. его под Франкфуртом-на-Майне посетили председатель НТС В.М. Байдалаков и член бюро НТС В.Д. Поремский. Дедио «арестовал во время войны в Париже С.Н. Третьякова, в квартиру которого шли провода микрофонов из квартиры ниже, в которой помещался штаб управления РОВСа. В квартиру Третьякова и скрылся 22 сентября 1937 г. года генерал Скоблин, когда генерал Кусонский и адмирал Кедров предложили ему вместе поехать в полицейский комиссариат, чтоб заявить об исчезновении генерала Е.К. Миллера. Допрашивал он и сидевшую в тюрьме Надежду Плевицкую, принесшую перед смертью полную повинную – вместе с генералом Скоблиным долгие годы они состояли на службе большевиков» ([42, с. 33, 66-67]; см. также [144-I; 395, с. 189]). С. Войцеховский пишет, что Плевицкая скончалась в октябре 1940 г. в тюрьме г. Ренн, «где <...> вела дневник, изобличающий ее преступную связь с Третьяковым. Дневник этот, насколько мне известно, стал каким-то образом достоянием одного из американских университетов» [100, с. 222]. «Об открытии предательства» Третьякова вскоре после его ареста появились статьи в прессе, в т. ч. в ПВ [359]. Из статьи кн. А.П. Щербатова (Новое русское слово, 24 октября 1982 г.), разбиравшего в 1945 г. в Германии Смоленский архив НКВД: «разбирая архив, немцы узнали, что генерал Б.А. Штейфон, командир русского охранного корпуса в Югославии <...> был в контакте с Третьяковым. Генерал Штейфон умер при очень загадочных обстоятельствах» (цит. по [581]).

19. С. 525: ***Любимов*** Лев Дмитриевич (18/31.07.1902, Тула – до 16.09.1976, СССР) – журналист, историк, искусствовед, масон. Окончил старший класс Императорского Александровского лицея. Эмигрировал в 1919 г. в Болгарию, где работал атташе при российской дипломатической миссии. Позже выехал к родителям (Л.И. и Д.Н. Любимовым) в Варшаву, затем в Берлин. Учился на отделении истории искусств философского фак-та Берлинского ун-та. С 1924 г. в Париже. В «Возрождении» писал «подстрекательские антисемитские статьи» [155-I, с. 183]. Публиковался в газетах и журналах: «Иллюстрированная Россия», «Candide», «Je suis partout», «Documentation catholique», « Illustration», «Pariser Zeitung» (часть из них выходила при оккупации и носила прогерманский характер). Член Союза русских писателей и журналистов в Париже; в 1937 г. исключен из этого союза. В 1937-39 член правления недолго существовавшего Национального объединения русских писателей и журналистов. В 1940-41 в Париже сотрудничал в Комитете по организации Представительства русской национальной эмиграции во Франции. В [159, с. 231; 282-III, с. 206] характеризуется как «немецкий наймит»; о том же в [155-I, с. 212; 643, с. 579-580]. После войны – активный «советизан», один из создателей СРП, член ССП. Сотрудник газеты СП; принял советское гражданство; был обвинен во вмешательстве во внутренние дела Франции и по решению министра внутренних дел Ж. Мока 25 ноября 1947 г. арестован и выслан из Франции в числе других

24 активистов ССГ. Жил в Сибири, где преподавал французский язык; потом переехал в Москву, печатался в советских изданиях, сотрудничал в Совинформбюро. В Париже выпустил две книги: «На рубеже новой Европы: Очерки современной Польши» (1930 г.) и «Тайна императора Александра I» (1938 г.; потом печатал на эту тему статьи в советских газетах, напр. [104]). В СССР опубликовал мемуары «На чужбине» [285], где обелил себя и облил грязью всех, с кем встречался в эмиграции, исключая участников Сопротивления и лиц, сотрудничавших с советской стороной; автор искусствоведческих работ. Отец: Л. Дмитрий Николаевич (26(23?).02.1883 – 27.09.1942, Париж; кладб. в SGdB) – гофмейстер Высочайшего Двора, сенатор. Мать: Л. Людмила Ивановна (урожд. Туган-Барановская; 12.01.1879 (1877?), М. – 23.03.1960, Париж). Сестра известного экономиста и «легального марксиста» М.И. Туган-Барановского; находилась в свойстве с А. Куприным, являлась прототипом княгини Веры Шеиной в его повести «Гранатовый браслет» (подробнее см. [511]). В Первую мировую войну сестра милосердия, возглавляла санитарный поезд и два отряда Красного Креста. Учредительница и председательница Русского комитета помощи (Русского комитета помощи Л.И. Любимовой), под ведением которого находился Дом престарелых, бесплатная и дешевая столовая. В ноябре 1942 г. УДРЭ собирал пожертвования на устройство дополнительного отделения Дома отдыха для стариков (вмещал лишь 14 чел., а заявлений было более 60); видимо, именно он был открыт (освящение 5 июня 1943 г.) в La Garenne-Colombe (41, rue de Plaisance). Член бюро ККРЭБГО (31 мая 1947 г.); почетный председатель Союза для защиты чистоты русского языка. Брат: Николай (23.12.1906 – ?). [22; 50; 117: 155-(I, V); 254, с. 370; 264, с. 164; 282-III; 309; 324; 327-IV; 414-II, с. 100; 434; 452; 500; 551; 561: 620; 632]

20. С. 564: ***Митрополит Серафим*** (Лукьянов Александр Иванович; 23.08.1879, Саратов – 18.02.1957, Гербовецкий монастырь Кишиневской епархии) (встречающаяся дата 1959 г. – ошибочна). Окончил Казанскую духовную академию; в 1904 г. принял монашество; ректор Таврической (1907 г.) и затем Саратовской (1911 г.) духовных семинарий; с 1914 г. еп. Сердобольский, викарий Финляндской епархии; архиеп. с 1920 г.; возглавлял Финляндскую православную церковь до 1924 г.; лишен кафедры и оказался в заточении в монастыре в Коневце. В 1926 г. по приглашению митр. Евлогия уехал в Англию (по другим источникам, был выслан из страны) и стал настоятелем Лондонского прихода и викарием Западноевропейской епархии, управляемой митр. Евлогием. В 1927 г. предал его и перешел под юрисдикцию Собора заграничной русской епархии Карловацкого толка; со временем переехал в Париж. Митрополит (1937 г.). Почетный председатель Братства им. преп. Серафима Саровского (возобновило деятельность в октябре 1940 г.). Вошел в состав Совещания при Комитете взаимопомощи русских беженцев во Франции, созданном в апреле 1941 г. В день нападения Германии на СССР выпустил на русском и немецком языках воззвание в виде листовки в поддержку «Вождя Германского народа, канцлера Хитлера» и начатого им крестового похода. О его службах в митрополичьем кафедральном храме Знамения Божией Матери (65, rue Michel-Ange, 16°) информация почти в каждом номере ПВ (в то время как

информация о приходах не карловацкого подчинения встречается крайне редко). По свидетельствам современников, «во время войны был пламенным сторонником Гитлера и возносил за него публичные молебствования» [681, с. 51]. 3 сентября 1945 г. присутствовал на приеме в советском посольстве в честь митр. Николая (Крутицкого). В августе–сентябре 1945 г., как и митр. Евлогий, возвратился под юрисдикцию Московской патриархии (в сане); после смерти Евлогия (август 1946 г.), назначен на его место Экзарха Московской патриархии в Западной Европе (постановление Московского патриаршего Синода; официально объявлено 14 августа 1946 г.) вопреки завещанию самого Евлогия, что вызвало новый раскол в Русской церкви; в ноябре 1949 г. был заменен на этом посту архиеп. Литовским и Виленским Фотием (Топиро); 14 мая 1954 г. отбыл в СССР на постоянное жительство в Троице-Сергиевой лавре, но действительным местом его проживания на покое оказался Гербовецкий монастырь в Молдавии [133; 155-(I, III); 158; 227, с. 223, 464; 250, с. 253; 266; 282-III; 285, с. 360; 323; 324; 395; 414-III, с. 85-86; 423, с. 41, 152-153; 434-VIII; 451; 500; 529, с. 223; 540, с. 60; 549; 575; 632; 669].

21. С. 462-463: ***Управление делами русской эмиграции*** (русских эмигрантов) во Франции (УДРЭ; Vertrauensstelle der Russischen Emigranten in Frankrlich). Ему предшествовал Комитет по организации представительства русской национальной эмиграции во Франции (РПК – Русский представительный комитет; 91, rue Olivier-de-Serres, 15°) во главе с кн. Михаилом Горчаковым (см. о нем [285]), внуком канцлера А.М. Горчакова; создан представителями эмиграции в июле 1940 г. По идее создателей, должен был заменить РЭК в новых политических условиях; имел секции: труда (трудоустройство во Франции и Германии), социальной помощи, юридической помощи и по делам арестованных и военнопленных. На январь 1941 г. представителем первого (французского) отдела РОВС при Комитете был полковник В.Н. Мамушин. Вскоре гитлеровцами был создан Комитет взаимопомощи русских эмигрантов[266] (встречающееся «беженцев» – неточно) во Франции (утвержден приказом главнокомандующего Германскими вооруженными силами во Франции от 9 апреля 1941 г., за подписью начальника военного управления генерала Беста) под председательством полковника В.К. Модраха (после 22 ноября 1941 г. уехал в Россию для работы на оккупированных территориях). В состав вошли С.Н. Краснов, П.А. Рогович и Ю.С. Жеребков. Последний возглавил Комитет в июле 1941 г. По его формулировке, «Комитет был создан для помощи и содействия всей русской эмиграции, из которой евреи, конечно, исключаются» [626, с. 183]. При Комитете было образовано Совещание в составе митр. Серафима, атамана гр. Граббе, П.Н. Богдановича и К.К. Случевского. В ноябре туда вошли официальный эксперт по русским делам (Sachverständiger für russische Fragen) профессор бар. М.А. Таубе и, в качестве председателя Совещания, профессор генерал Н.Н. Головин, поставленный во главе всех бывших русских военных союзов во Франции. Отделы Комитета (на 22 ноября 1941 г.): Русского национального

[266] Его иногда путают с возникшим на его основе весной 1942 г. УДРЭ. Например, см. [232, с. 309].

юношества (рук. Богданович), Русских военных (рук. Головин), культурно-просветительские и профессиональные. Приказом Militarbefehlshaber in Frankreich от 21 апреля 1942 г. Комитет был реформирован в УДРЭ под руководством Жеребкова (хотя в своем сообщении от 22 ноября 1941 г. он уже использовал оба наименования: и Комитет, и Управление); его заместителем стал Богданович (в [547] автор не заметил Комитета взаимопомощи, посчитав, что именно РПК в 1942 г. был преобразован в УДРЭ, и во главе обоих поставил Жеребкова). По всей видимости, моделью для УДРЭ явилось возникшее еще в конце 1930-х гг. в Германии «Руссише Фертрауенштелле», во главе с ген. Бискупским. Созданное приказом Militärbefehlshaber in Frankreich от 21 апреля 1942 г., УДРЭ получило полномочия производить регистрацию, обязательную для всех русских эмигрантов во Франции, начиная с 15-летнего возраста. Им выдавался «аусвайс», обязательный для получения удостоверения личности с пометкой «русский беженец» («Refugié russe»). Все не прошедшие регистрацию приравнивались к гражданам СССР. УДРЭ первоначально имело 3 отдела: 1-м (секретариатом) руководил секретарь УДРЭ П.А.Рогович, 2-м – С.Н. Краснов, 3-м, который занимался регистрацией эмигрантов, – ген. Александр Митрофанович Греков; он же возглавил созданный в начале июля 1942 г. Казачий отдел. Затем был образован отдел спорта во главе с В.В. Кедровым. Не позже 16 августа 1942 г. Объединение русских деятелей литературы и искусства («Союз сургучевско-жеребковский» [144-III]) было переименовано в Литературно-артистический отдел УДРЭ; в качестве отдела выступала и редакция газеты ПВ. Юрисконсультом Управления не позже 5 июля 1942 г. был назначен Д.В. Печорин. При УДРЭ было организовано Совещание под пред. ген. Н.Н. Головина, объединявшее отделы: молодежи, воинских организаций, военно-морской, казачий, медицинско-санитарный, инженерно-технический, культурно-просветительный, торгово-промышленный и отдел литературы, журналистики и искусства (возможно, он же – Литературно-артистический отдел УДРЭ). Располагалось по адресам: 4, rue de Galliéra, 16° и 40, rue St-Didier, 16°. В январе 1944 г., после переброски на запад Европы русских добровольческих частей, УДРЭ, с согласия командующего русскими частями, скомплектовало на пожертвования несколько передвижных русских библиотек для бойцов. Похоже, что свою последнюю публичную акцию (торжественное заседание, посвященное памяти генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, УДРЭ провело 9 июля 1944 г. При освобождении Парижа здания УДРЭ были захвачены ФКП, Жеребков бежал [12, с. 108; 38; 129, с. 158-159, 201; 155-I, с. 190, 455, 466; 232, с. 309-310; 254, с. 348, 360; 395, с. 95, 233; 434-VIII; 547, с. 84-90; 561, с. 98; 626; 643, с. 361].

22. С. 468: По распоряжению оккупационных властей (приказом Militärbefehlshaber in Frankreich от 21 апреля 1942 г.) были созданы сразу 3 структуры: УДРЭ во Франции (см.), ***Управление делами украинских эмигрантов во Франции*** (УДУЭ; 1, rue Danton, 6°; на июнь 1943 г. начальник И.Стасив) и ***Управление делами (оно же – Представительство) кавказских эмигрантов во Франции*** (УДКЭ; Vertrauensstelle der Kaukasischen Emigranten in Frankrlich; 6, av. Sully Prudhomme, 7°; на июнь 1943 г. начальник А.Коркия), где до 1.9.1942 г. должны были зарегистрироваться все эмигранты старше 15 лет (позднее сроки

несколько сдвигались). Эмигрантами считались «безподданные русского, украинского и кавказского происхождения, покинувшие Россию вследствие большевистской революции, не приобретшие ни советского, ни какого иного гражданства, зарегистрированные таковыми в одном из трех <...> эмигрантских управлений и получившие в том <...> удостоверение». Причем в УДЭУ предполагалась регистрация и евреев (для них выделялись 2 дня в неделю). Отделы этих управлений, где просходила регистрация, как раз и являлись «офисами», а последнее название не совсем верно проецировалось и на сами управления. УДКЭ состояло из отделов: армянского, грузинского, азербайджанского и северокавказского. По этой же схеме через год (до 10 апреля 1943 г.), в дополнение к УДРЭ в Бельгии, было создано Управление делами кавказских и украинских эмигрантов в Бельгии (Брюссель, 19, рю Дефакс) во главе с армянином Вартанесом Мардигьяном, которое ведало делами армянских, грузинских, украинских эмигрантов и тех казаков, которые не признавали себя русскими – «вольных казаков» ([38]; см. также [358]. К середине февраля 1944 г. русские представительства были созданы при правительствах Эстонии (поверенный в делах русского населения К.Аренсбургер[267]), Латвии (председатель Русского комитета представительства русского населения Г.А.Алексеев) и Литвы (начальник управления – А.В. Ставронский). В их задачи входило «обеспечение, улучшение быта и защита интересов граждан, эвакуируемых из областей, вновь занятых большевиками <...>. Эвакуированные приравнены в правах к местному населению тех стран, в которых они сейчас проживают» [429].

23. С. 463-466: ***Жеребков*** Юрий (Георг, Жорж) Сергеевич (J.S.Cherebkov; 20.06.1908, Новочеркасск – не ранее 1980) – артист балета (в [155-VII, с. 521; 448; 534] ошибочно: инженер), сын казачьего генерала, близкого Краснову (по другим версиям: сын или внук генерала или флигель-адъютанта Николая II; а также: «происходил из казачьей семьи. Его дед был генерал-адъютантом царя и старейшим по чину донским казаком» [567, с. 276]. Согласно [266, с. 178]: Ж. находился в родственных отношениях с Красновым. После революции эмигрировал в Югославию, затем в Германию (видимо, приехал с родителями еще ребенком), где натурализовался. Ср.: «учился когда-то в Праге. Гимназию там не кончил, поехал в Париж учиться пению и танцам. Смазливый, способный – и преуспевал. Потом оказался в составе труппы, которую повезла в Америку М. Кузнецова-Масснэ, танцором, и знакомые мне молодые балерины звали его коротко "Юрка". Роль, отведенная ему в труппе, однако, его не удовлетворяла. Он правильно учел выгоду, какую мог извлечь из своей внешности да еще и некоторой от природы порочности, и поехал – в Берлин. Там надежды <...> быстро оправдались. Кто-то из стоявших близко к гитлеровской уже власти угадал в этом русском Адонисе желанного партнера и приблизил к себе. Карьера Жеребкова была сделана» [148-203/204, с. 220]. Близкая характеристика в [29, с. 187]. Сам именовал себя инженером [129, с. 159] В мае 1941 г.

---

[267] В [410] были допущены сразу две опечатки: в комментарии на с.468 стояло «К. Аренбургер», а в именном указателе на с.744 – «А. Аренбургер», в то время, как надо «К. Аренсбургер».

перебрался или, точнее, был направлен в Париж (по другим данным, во Франции – с 1940 г. г.): по некоторым слухам, его возвышению способствовала дружба с А. Розенбергом (ср.: «бывший танцовщик в Casino de Paris, ставший сотрудником Розенберга» [643, с. 361]; «фамилию этого балетного фигуранта русская эмиграция переделала из Жеребкова в Кобылкина» [144-III]; «среди парижских эмигрантов ходили разговоры, что Жеребков на самом деле был жиголо, платным танцором» [155-VII, с. 524]). По собственным словам, в 1941 г. был довольно молод и принадлежал к молодому поколению эмиграции [626, с. 184]. Л.Любимов пишет про него как про «некоего молодого человека из так называемой “казачьей аристократии”... В русском Париже знали только, что он был до войны профессиональным танцором и что он близок к Краснову <...>, передавали, что он сделал карьеру “по особой части”, крепко удержавшейся в эсэсовском руководстве, несмотря на расстрел Рема и его женоподобных адъютантов» [285, с. 331-332]. Вошел в доверие вел. кн. Владимиру Кирилловичу. Наряду с П.А. Роговичем и С.Н. Красновым входил (с момента создания 9 апреля 1941 г.) в состав созданного гитлеровцами Комитета взаимопомощи русских эмигрантов во Франции (затем – УДРЭ; возглавил его de facto в июле 1941 г., став высшим представителем русской эмиграции, аккредитованным при германском командовании и в Виши. Из его официального сообщения 25 июля 1941 г. представителям эмиграции (около 250 человек) во Франции: «Я назначен Leiter'ом, т. е. руководителем Комитета и Совещания при нем» [626, с. 183]. Стенограмма этого сообщения [9] была известна в среде эмиграции. Ж. как издателю подчинялась пронацистская русская газета ПВ. Однако редактором он не был, как ошибочно указано в [309-XXV, с. 271]. В отличие от старшего поколения эмиграции, довольно быстро принял про-власовскую ориентацию (см.: «мой постоянный – с марта 1943 г. года – хотя и не частый, личный контакт как с Власовым, так и с Малышкиным» [174, с. 17]). Ср.: «Жеребков, который часто приезжал в Берлин, познакомился с генералом Власовым. Власов относился поначалу настороженно ко всем представителям старой эмиграции. Но Жеребкову, тем не менее, импонировала личность Власова. Он решил пропагандировать среди эмигрантов во Франции идеи Русского Освободительного Движения» [567, с. 277-278]. Ж. пригласил Власова выступить в Париже перед русской эмиграцией (однако приехать в июле смог лишь генерал В.Малышкин). Приложил усилия для освобождения эмигрантов, сидевших в лагерях: как арестованных французским правительством, так и военнопленных (мобилизованных во французскую армию и попавших в германский плен). Многим оказывал реальную помощь (ср.: «только что вернулся из Управл<ения> Дел<ами> Русск<ой> эмигр<ации>. Принял меня Жеребков, заведующий учреждением. Завтра тебе высылается бумага от Управления на нем<ецком> языке, для представления местным нем<ецким> властям, которые, по мнению Ж<еребков>а, ходатайство твое о въезде в Париж удовлетворят – принимая во внимание твою славу, возраст, а также то, что в Париже у тебя собств<енная> квартира. Жеребков уже ходатайствовал за эвакуируемых с юга и добился отсрочек, а для ниццких инвалидов – и полной отмены эвакуации. <...> Жеребков принял меня оч<ень> любезно и содействие его

в дальнейшем, если понадобится, для меня несомненно» (из письма Б. Зайцева И. Бунину от 9 марта 1944 г.: [184-146, с. 131]). Публиковал передовицы в ПВ. Его выступления и статьи отличал крайний антисемитизм, ср.: о «власти Сталина и его жидовской банды» (ПВ. 1942 г. № 1, 14 июня) и проч. Со слов Любимова, инициативу расправ «у эсэсовцев не оспаривал и даже порой старался кое-кого выгородить», но обладал образцовой исполнительностью [285, с. 332]. В сентябре 1944 г. прибыл к Власову; 14 ноября подписал Пражский манифест КОНР; с этого дня – глава Отдела сношений с правительственными учреждениями Организационного управления КОНРа (с марта 1945 г. – самостоятельный Отдел внешних сношений КОНР), с января 1945 г. – уполномоченный КОНРа при МИД Германии («с неофициальным заданием правильно информировать западных союзников о целях ОДНР» [56, с. 203]), имел чин полковника. Делал отчаянные попытки убедить руководство КОНР в необходимости установки контакта с союзниками и предания широкой огласке информации о РОД через иностранную прессу, в чем встретил противодействие ген. Г.Н.Жиленкова, посчитавшего, что Ж. «залез на его территорию». Согласие Власова на переговоры получил лишь в январе 1945 г., вступил в контакт с Красным Крестом в попытке добиться заступничества за тех русских (из Восточных батальонов), которые попали в плен к союзникам, и не допустить их насильственной репатриации в СССР. Преодолеть сопротивление кругов СС для поездки в Швейцарию (официально – с целью контактов с Красным Крестом и неофициально – с посольствами США и Англии) удалось лишь к 4 апреля. Подготовил обращение Власова из Праги по радио к первой конференции ООН в Сан-Франциско 19(25?) апреля 1945 г., которое, однако, не состоялось из-за позиции протектора Богемии и Моравии Франка. Во время последней встречи с Власовым 27 апреля получил неограниченные полномочия для ведения переговоров с союзниками, но все было слишком поздно (см. также [409, с. 70-71; 537, с. 205-208]). 30 апреля прибыл на швейцарскую границу, но не получил разрешения на въезд: нейтральный Берн опасался недовольства Москвы. Трижды ночью пытался нелегально перейти границу. Перешел, но был задержан в самой Швейцарии несколько часов спустя и препровожден к австрийской границе у Ноудерса, уже занятого американцами. 10 мая явился к коменданту Ноудерса, все-таки пытаясь наладить переговоры с американцами. Был интернирован и отправлен в Имст (Imst) в Тироле, где содержался 2 месяца. В 1945 г. арестован французскими властями. 12 марта 1946 г. парижский суд приговорил Ж., как возглавлявшего в годы оккупации УДРЭ, к 5 годам «национального бесчестия» (запрещение жить в крупных городах, лишение ряда прав), а 15 мая 1948 г. за пособничество в депортации русских евреев – к пожизненным принудительным работам. В литературе известен как «Fürer russe», «Фюрер русской эмиграции», «Фюрер русских от немцев», «пресловутый русский гестаповец», «русский гаулейтер» [23, с. 358; 29; 38; 50, с. 312; 56, с. 205; 129; 148-203/204, с. 220, 239-240, 250; 155-(I, IV, VII); 232, с. 309-310; 234; 254, с. 348, 360; 264, с. 161; 266, с. 178; 282-(II, III); 285, с. 331-333; 314; 301, с. 85; 324; 355; 377, с. 199-200; 395; 414-I, с. 554; 434-VIII; 448; 500; 534; 537; 538; 547; 549; 560, с. 232; 561, с. 98; 567, с. 380; 603, с. 186, 188; 620; 626; 633; 643и др.]. Согласно [626,

с. 180-181]: после падения Германии Ж. прятался в Испании; возможно, что перебирался на какое-то время в Южную Америку, но позднее жил в Мадриде; в 1977 г. дал интервью журналу «Зарубежье» с рассказом о финансовой части деятельности КОНР [355], а между 1977 г. и 1986 г. – дал интервью Е. Андреевой [29], которая писала тогда книгу о власовской армии. Она сумела отыскать Жеребкова в Мадриде под другой фамилией. Но ее интересовали лишь вопросы, связанные с КОНРом. Она, тогда еше начинающий исследователь, видимо, не очень хорошо понимала, с кем имела дело, и о чем надо было спрашивать этого Дориана Грея. Когда один из авторов этих строк несколько лет назад ее запрашивал о том, что говорил Жеребков об Управлении делами русской эмиграции во Франции и о судьбе эмигрантской картотеки, она с огромным сожалением могла только развести руками: эти вопросы в разговоре не вставали. Возможные родственники: дед (?) – Ж. Алексей Герасимович (? – 19.9.1922 г., Банат, Югославия; кладб. в с. Кисач близ Г.Нови-Сад), генерал, генерал-адъютант, командир л.-гв. Казачьего полка; бабка (?) – Ж. Нина Давидовна, урожд. княжна Эристова (? – 19.06.1935, Берлин); мать (?) – Ж. Елена Федоровна, урожд. Рыковская (? – 21.12.1941, Франция или Германия); братья отца (?) – Ж. Владимир Алексеевич (? – 3.01.1930, Сараево), полковник и Ж. Михаил Алексеевич (? – 7.01.1920, Варшава; правосл. Вольское кладб.), ген.-майор; двоюродный брат (?) – Ж. Алексей Михайлович (? – 3.10.1932, Канн, Франция), офицер л.-гв. Казачьего полка, покончил жизнь самоубийством из-за безработицы; двоюродная сестра (?) – Максимович Лидия Михайловна, урожд. Ж. (ок. 1899 – 12.3.1992, дом Красного Креста в г. Chelles; кладб. Montmartr в Париже) [327-(II, IV)].

24. С. 479-480: ***Комитет антивласовского действия***. Одна из самых загадочных организаций, информация о которых напрямую в литературе отсутствует. Явно была связана и с ЦК СП, и с СРП. Однако неясно, имелось ли какое-либо соподчинение или они действовали на паритетных началах. На возможность последнего указывает участие в руководстве Комитета «капитана разведывательных служб армии Тизона». Речь идет о каком-то офицере из вооруженных сил, подчинявшихся Французскому комитету национального освобождения во главе с де Голлем, а с 2 июня 1944 г. – Временному правительству Французской республики. Организация комитета, скорее всего, была вызвана тем достаточно ожесточенным сопротивлением, которое оказывали союзникам многие из Восточных батальонов (Ост-батальонов; они же Осттруппен / Osttruppen; с конца 1942 г. в пропагандистских листовках стали именоваться РОА; они же Добровольческие восточные части), вплоть до того, что, оказавшись в окружении, подрывали себя, но не сдавались в плен (бойцы 1-й роты Русского добровольческого батальона капитана Бекекра) [174, с. 20; 343].

25. С. 496: ***Кочетков*** Алексей Н. (ок. 1913 – не ранее 1964, СССР?), участник гражданской войны в Испании в составе интербригад; позднее был заключенным в концлагерях Сан-Сиприен, Гюрс и Верне (где сидел вместе с Г.В.Шибановым); до сентября 1943 г. находился на принудительных работах в Германии, где установил связь с немецким подпольем; во время отпуска в Париж (который полагался западным рабочим, трудившимся в Германии)

остался во Франции и перешел на нелегальное положение. Участник подпольной встречи 3 октября 1943 г. в Париже на квартире Шибанова, где было решено создать СРП. По заданию ЦК ФКП, работая в контакте с Г. Ларошем, устанавливал связи с лагерями советских пленных на севере Франции (в [509, с. 126] опубликован его рапорт об этой работе от 4 января 1944 г.). Являлся ответственным от СРП по разложению РОА во Франции. В январе 1944 г., благодаря своему профессионализму, сумел избежать ареста и сделал попытку спасти от провала всю организацию, что не удалось из-за дилетантских действий Сафронова и Пелехина (подробности см. [345, с. 447-448]). На осень 1943 г. был холост, поэтому, если О. Кочеткова являлась его женой, то брак был, скорее всего, зарегистрирован после Освобождения. Вернулся в СССР [285, с. 345; 345, с. 444-448; 509].

Возможная родственница (жена?): Кочеткова О. (? – не ранее 19.03.1948, СССР?) – деятельница ССП. Член Центрального правления ССГ (декабрь 1947 г.). 17 марта 1948 г. во время собрания нового правления ССГ на квартире Д. Одинца была арестована и 19 марта 1948 г. выслана из страны [434-VIII].

26. С. 480: ***Гегелия*** Георгий Д.(?) (? – после 7.05.1945) – член ССП. 7 мая 1945 г. выступал на встрече членов ССП и сотрудников газеты СП по случаю праздника Пасхи [434-V, с. 82]. Весной 1933 г. ПН сообщали о раскрытой провокации ГПУ в грузинских политических кругах. Особая комиссия, назначенная Объединенным центром грузинских политических партий, завершила расследование в конце марта 1933 г., полностью оправдав главного фигуранта дела М. Гамкрелидзе, который «связался с агентами ГПУ с ведома политической грузинской организации» и продолжал эту игру около полутора лет. Но 30 мая в зале «Альянс Франсэз» на собрании грузинской колонии (около 200 человек) объяснения одного из членов комиссии вызвали сомнения, и следствие было продолжено. За 3 дня до этого в номере ПН от 27 апреля 1933 г. Гамкрелидзе опубликовал рассказ о провокации с подробностями дела, «вызвавшего на днях попытку самочинной расправы с большевистскими агентами (избиение Г-лия в кафе на ав. Дю Мэн и на улице)», как сообщается в редакционном предисловии. В номере от 12 мая 1933 г. появилось письмо некоего Г.Д. Гегелия, который открещивался от возникшего против него обвинения как «агента большевиков», утверждая, что это дело рук его политических врагов и что он поставил этот вопрос на общем собрании колонии 30 апреля 1933 г. [114; 118]. Т. е., судя по всему, как агента били именно его. Из показаний комбатанта (генерального инспектора в отставке Министерства ветеранов войны) Тома (Thomas) 14 февраля 1949 г. на процессе В.А.Кравченко: «Комитет, в котором работал Тома, занимался водворением пленных русских и власовцев, а также их семей на родину. <...> Работал г. Тома вместе с грузинским “патриотом” Гегелия» [393, с. 58]. В стенографическом отчете о процессе Кравченко [661, с. 441-443] имя Гегелия отсутствует (видимо, как не относящееся к процессу). Возможный родственник: анархист-коммунист Гогелия (Гегелия) Георгий Ильич (6/18 сентября 1878 г., Озургеты Кутаисской губ. – 22 декабря 1924 г., Тифлис) [382; 559, с. 576].

27. С. 494: ***Покотилов*** Александр Павлович (? – после 1947, СССР). Гардемарин; кадет Одесского кадетского корпуса; в 1920 г. эвакуировался с корпусом в Югославию. В Бизерте (Тунис) окончил Морской корпус (1922 г.). Затем – во Франции, жил в Париже. Член Объдинения корабельных гардемаринов и Военно-морского исторического кружка в Париже; член Союза ревнителей памяти императора Николая II. Участвовал в редактировании морского журнала «Сигнал» (1927-28 гг.). В 1930-е годы – младоросс парижского очага. Участник Сопротивления; один из создателей СРП; боец советского партизанского отряда им. Максима Горького; занимался вербовкой партизан в среде бойцов РОА (Восточных батальонов). Награжден французским Военным крестом, советской медалью «За отвагу». После войны работал коммерческим представителем (1947 г.). Член правления (секретарь) Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления (1946-47 гг.). Член ССП (в 1946-47 гг. – участник и вице-президент съездов ССП). Председатель IV Парижского отдела ССГ. Был выслан из страны в 1947 г. за вмешательство во внутренние дела Франции. Жил в Астрахани. [414-II, с. 470]. Возможно, муж Долговой-Покотиловой, урожд. Кормер, Софьи Б. (20.08.1891, Нижний Новгород – не ранее 17.03.1948, СССР?), участницы Сопротивления, члена СРП. Организовала в продовольственной лавке, которой владела, явочный пункт для членов СРП. Член ССП (март 1947 г.); зам. председателя ССГ (декабрь 1947 г.). 17 марта 1948 г. во время собрания нового правления ССГ на квартире Д. Одинца была арестована и 19 марта 1948 г. выслана из страны. Награждена медалью «За боевые заслуги» [391, с. 290; 414-I, с. 497; 434-VIII].

28. В отношении Анина и следующего за ним Гротова позволяем себе в комментариях сохранить ситуацию «чистого эксперимента»: ниже мы даем реконструкцию биографий двух этих людей, вошедших в историю эмиграции и коллаборационизма под своими псевдонимами, основанную на их собственных статьях в «Парижском вестнике» и опубликованную нами в [410] на с. 594-595 (а в приложении к статье М. Лепехина дадим текст биографических справок из [414-I, с. 61, 435]). С.595: *Анин* Николай (псевдоним; 1910-е, СПб.(?) – не ранее 1944), с июля 1943 г. регулярно публиковал в ПВ свои статьи мемуарно-художественного и публицистического характера, с элементами антибольшевистской и отчасти антисемитской направленности. Анин, студент Ленинградского ун-та, в апреле 1938 г. арестован в составе группы из 300 студентов; провел в Доме предварительного заключения 19 месяцев; выпущен в августе 1939 г. Сразу же уехал на юг, в Орджоникидзе. Служил в Красной армии (мобилизован в начале войны?). В июле 1941 г. под Львовом то ли попал в плен, то ли сознательно перебежал к немцам и через «два дня» стал «солдатом Антисоветской Армии». Судя по всему, служил в «Восточных батальонах» (в дальнейшем подчеркивал свою принадлежность к РОА), однако в Париже оказался за несколько месяцев до их массовой переброски во Францию осенью 1943 г. [33; 414-I, с. 61]. См. статью М. Лепехина в этом же сборнике.

29. С. 594-595: ***Гротов А.В.(А.С.?)*** (конец XIX в. – не ранее 1944), профессор (?) Ростовского ун-та, возможно, был астрономом. В начале весны (в марте?) 1930 г. был арестован и год просидел в ленинградском доме предва-

рительного заключения. Его однодельцы: арестованный в апреле 1930 г. проф. В.А. Бутенко, арестованные в ноябре 1930 г. Б.М. Энгельгардт, П.С. Зиссерман (позднее расстрелян)[268] и А.А. Достоевский (племянник писателя); с последним Г. позднее сидел в лагере. В феврале 1931 г. в этапном вагоне был направлен в Карельские лагеря. В марте прибыл на Лей-губу, был на Май-губе; в июне 1931 г. попал на Шавань, р. Вонца. Осенью 1931 г. – на Беломорканале; в марте 1932 г. находился в лагере на Медвежьей горе; но на Пасху 1932 г. – уже в ссылке в Кузнецкстрое, поднадзорный. На 4 декабря 1934 г. еще в ссылке; в 1936 г. на свободе. Мобилизован в Красную армию не позже января 1942 г.; в июле 1942 г. находился в штрафных частях; дезертировал, перейдя зимой (в январе?) 1943 г. линию фронта. 25 мая 1943 г. находился в оккупированном немцами Симферополе, откуда утром 16 июня выехал в Бельгию, где собирался прочесть ряд докладов. 27 июня 1943 г. выступил на антикоммунистическом собрании в Брюсселе с сообщением «на прекрасном французском языке» о том, как «ожидовела русская наука» и «что дало жидовское влияние»; при этом смешивал евреев (Иоффе, Дунаевского, Пастернака) и караимов (Имбер), которых немцы евреями не считали. С июня по сентябрь 1943 г. выступил с антибольшевистскими и прогерманскими докладами в 16 городах Бельгии, где ему помогали Ю.Л. Войцеховский и протопресвитер о. А.Ф. Шабашев, и в 13 городах северной Франции. Большую часть его статей в газетах ПВ и НС отличает крайнее юдофобство, хотя тексты мемуарного характера страдают этим меньше. С конца января и по май 1944 г. ездил в 1-ю казачью дивизию, воевавшую с партизанами Тито под командованием ген. А.Г. Шкуро. [38; 111; 135; 136; 137; 138; 177; 362].

30. С. 481-483: ***Шибанов*** Георгий Владимирович (Жорж; Андрэ) (14.08.1900, Николаев Херсонской губ. – 1970 (не ранее 1972?), под Донецком) – сын кузнеца из Николаева (?), бывший гардемарин (воспитанник Севастопольского морского корпуса). Пролетарское присхождение гардемарина вызывает некоторое сомнение. Участвовал в оцеплении причалов Севастопольского порта при организации эвакуации; покинул Севастополь в составе армии Врангеля. Затем через Константинополь эвакуировался в Бизерту (Тунис), куда русская эскадра прибыла в декабре 1920 г. – январе 1921 г., и, как гардемарин, должен был закончить там обучение в Морском корпусе в 1921 г. или 1922 г. (см. [51; 99; 366; 385, с. 108; 656]); однако далее, по всей видимости, не обучался (как многие из гардемарин), ибо работал маляром, рудокопом; в 1922 г. прибыл в Марсель, затем в Гренобле работал на ферме; в Париже был мойщиком машин, механиком, шофером такси (машина марки «Рено»). Впрочем, в [259] утверждается, что Ш. был в Галлиполийском лагере (что, думаем, ошибочно), затем выбрался во Францию. В 1930-е годы был одним из руководителей Союза возвращения на Родину. Как член РКФ входил и в ФКП (с 1936 г.?), откуда в 1938 г. вышел по требованию Москвы; воевал в Испании против Франко: боец, затем комиссар интербригады (политкомиссар автотранспортного полка одной из интербригад), капитаном которой был Н. Качва.

---

[268] Видимо, ошибка в инициале, и речь идет о П.И. Зиссермане.

В начале Второй мировой войны (1939 г.) интернирован французскими властями; находился в лагерях Сан-Сиприен (деп. Восточные Пиренеи) и Гюрс, где вместе с ним был А. Кочетков; направлен на франко-бельгийскую границу в составе рабочей роты, укомплектованной иностранцами. Освобожден немцами в 1940 г. в период франко-немецкого перемирия. Бежал в Париж. После нападения Германии на СССР – в движении Сопротивления (с 1941 г.) вместе с другими членами РКФ. Печатал с помощью детского алфавита и расклеивал в Париже антифашистские листовки – «воззвания, лозунги и короткие призывы» (последние также писались мелом на стенах домов), распространял нелегальную «L'Humanité». В конце 1941 г. или в 1942 г. на rue de Chaillot поджег склад хлопка и обмундирования германских Военно-морских сил. По нашей оценке, в 1943 г. стал советским агентом (его непосредственным начальником оказался французский коммунист Гастон Ларош, он же Борис Матлин); занимался как эмиграцией, так и советскими гражданами, оказавшимся на территории Франции (советскими военнопленными, интернированным лицами и солдатами «Восточных батальонов», которых он сам упорно называл «власовцами»). Ср.: «Занимался организацией комитетов в лагерях советских военнопленных, принимал участие в создании советских партизанских отрядов на территории Франции»; «Руководитель русской секции движения Сопротивления в Париже» [508, с. 155; 547, с. 148]. Один из организаторов СРП во Франции, первое собрание которого проходило конспиративно на его квартире в Париже 3 октября 1943 г. («По поручению ЦК ФКП в октябре 1943 г. он создал русскую организацию Сопротивления "Союз русских патриотов", установил связь с лагерями советских военнопленных и "восточных рабочих", занимался антифашистской пропагандой, создавал партизанские отряды и группы. В Центральном комитете советских пленных был ответственным за кадры» [115, с. 188; 450, с. 159]). Участвовал в освобождении Парижа в августе 1944 г.: в захвате резиденции УДРЭ и здания советского посольства на ул. Гренель (их 19 августа 1944 г. захватывали члены РКФ и ФКП; в [63, с. 113] просто указано: «советские партизаны». См. также [345, с. 436, 451]). Лично водрузил советский флаг над зданием посольства в Париже. Из воспоминаний Ш.: «Группе советских партизан было поручено очистить от гитлеровцев улицу Гренель и освободить здание посольства Советского Союза, которое помещалось на этой улице. Среди советских бойцов, выполнявших это задание, довелось быть и мне» [345, с. 451]. Отметим, что на ул. Гренель были сконцентрированы документы об эмиграции и, главное, регистрационная картотека, охватывавшая всех русских эмигрантов «большого Парижа» (всю не уничтоженную и не сгоревшую в июне 1940 г. советскую дипломатическую документацию [222] немцы должны были вывезти еще в начале оккупации). Один из создателей и издателей РП, СП-1 и СП-2. Член правления Парижского отдела СРП (с 17–18 декабря 1944 г., секретарь; переизбран 20 марта 1945 г.). Один из создателей и председатель Комитета помощи бывшим советским военнопленным (осень 1944 г.); один из организаторов лагеря «Борегар». Член правления ССП, в 1945-46 гг. – секретарь парижского отдела ССП. 3 сентября 1945 г. присутствовал на приеме в советском посольстве в честь митр. Николая (Крутицкого) от Парижского

отдела ССП. Выступал на II съезде ССП (12–13 октября 1945 г.). Член правления Парижского отдела ССП (с 23 декабря 1945 г.). В публикации 1946 г. [492, с. 280] назван главой Отдела помощи советским гражданам ССП. В 1946 г. принял советское гражданство. 26 октября 1946 г. в качестве отъезжающего присутствовал на банкете в ССП в честь отъезжающих в СССР (в [414-3, с. 541] указано, что он был «выслан в СССР», что вызывает у нас сомнение). Указом Президиума ВС СССР № 4100-VI от 18 ноября 1965 г. награжден орденом Отечественной войны I степени (единственный из всех выживших эмигрантов – участников Сопротивления; еще один выживший эмигрант, вернувшийся в СССР, – М.Я.Гафт, работавший вместе в Шибановым, член ФКП и ЦК СП, получил медаль «За боевые заслуги»; остальные – только посмертно). На ноябрь 1965 г. пенсионер, проживал в пос. Димитрово Кировоградской обл. [129, с. 345-346, 568; 205, с. 68-69; 228, с. 107-108; 232, с. 316; 259; 285, с. 244; 301, с. 126; 345, с. 415-416, 438-452; 391, с. 197-202, 281-286; 434-VIII; 450, с. 159-160, 178; 508; 522; 547; 560; 561, с. 99; 620, с. 187; 655, с. 66-67; 414-3, с. 541]. Портрет см. [391, с. 290]. Характеристика на сентябрь 1946 г.: «старый коммунист, <...> подпольщик; руководил в 1944–45 гг. "Комитетом помощи советским военнопленным и депортированным во Франции, секция КАДИ" (этот отдел был создан в среде ССП для усиления травли невозвращенцев); один из руководителей "сотрудников" опергруппы тактической сети НКВД; связан непосредственно с <советской> "Военной миссией", получает непосредственно субсидии для "сотрудников"; 50-ти лет, малограмотный, грубый, волевой. Тип большевика-палача. Постоянно вооружен (как и другие члены партии)» [12, с. 110].

31. С. 469-470: ***Рубинштейн*** Яков (Жак) Львович (16.04.1879, Хотин Черновицкой губ. – 2.12.1963, Париж) – адвокат, домовладелец, литератор. Присяжный поверенный округа Харьковской судебной палаты. Председатель Харьковской гор. думы (1917 г.) по списку меньшевиков-интернационалистов; в октябре 1917 г. кандидат в члены Предпарламента. В эмиграции жил в Париже. Член Земгора (с 1920 г. член совета, с 1929 г. председатель юридической комиссии), РЭК, Общественного комитета помощи русским беженцам (1920 г.), Российского общественного комитета помощи голодающим в России (1921 г.), Российской лиги защиты прав человека и гражданина (с 1924 г. товарищ председателя), РМОЗ (член-основатель, 1931 г.; член правления, автор устава; товарищ председателя, 1937 г.), Харьковского землячества в Париже (с 1930 г., почетный член), административно-хозяйственного комитета Русской консерватории в Париже, правления Нансеновского офиса Лиги Наций по беженским делам (в 1935 г. член административного совета), Российского общества Лиги Наций (с 1921 г., один из генеральных секретарей), правления Общества друзей РНУ (1925–1928 гг.), СРПЖ (председатель в 1932 г.), Политического Красного Креста (член ревизионной комиссии с 1929 г.); председатель (1931–1934 гг.) правления Русского коммерческого ин-та в Париже (с 1931 г. почетный член); Комитета Общества помощи сердечным больным в Париже (1931 г., член-учредитель), комитета Общества друзей «Современных записок» (с 1932 г.), правления Общества друзей русского драматического искусства

(1938 г.). С 8 октября 1935 г. представитель (ранее заместитель занимавшего этот пост К.Н.Гулькевича) Совета общественных организаций в эмигрантском комитете в Женеве. Между июнем и сентябрем 1940 г. покинул Париж. После нападения немцев на СССР арестован французскими властями и долгое время провел в лагере, затем жил в Лионе. Член Обьединения русских адвокатов во Франции (после войны и. о. председателя, с 23 марта 1958 г. председатель), правления Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией (с 24 марта 1945 г.), СУСРП, Общества помощи русским беженцам, Комитета по организации чествования памяти В.А.Маклакова (январь 1958 г.), общества «Быстрая помощь». Умер после продолжительной и тяжелой болезни. Член Ложи союза Великого Востока народов России в Харькове и Независимой русской ложи в Париже. Его как «жида Янкеля Рубинштейна» регулярно и с ненавистью упоминал в своих речах Жеребков, а «ПВ» относил к группе «носатых» масонов, правивших эмиграцией [17-216, 217; 50; 70; 155-(I, III, V); 165-(II, VIII-IX); 282-III; 309; 324; 327-6/1, с. 300; 380; 414-2, с. 657-658; 434; 452; 469-II, III; 549; 626].

32. С. 489: ***Богомолов*** Александр Ефремович (1900–1969), имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. Получил военно-педагогическое образование. В 1919–1930 гг. в Красной армии, в 1930–1938 гг. на педагогической работе. На дипломатической работе с 1939 г. Генеральный секретарь, зав. 1-м Западным отделом НКИД (1939–1940 гг.); советник полпредства, затем полпред во Франции (1940–1941 гг., при правительстве Виши); посол при союзных правительствах в Лондоне (1941–1943 гг.); полномочный представитель при Французском комитете национального освобождения (1943–1944 гг.); посол во Франции (1944–1950 гг.); зам. министра иностранных дел СССР; посол в Чехословакии (1952–1954 гг.) и в Италии (1954–1957 гг.); в центральном аппарате МИД (1957–1962 гг.); с 1962 г. в отставке. Кавалер ордена Ленина и ордена Отечественной войны 1-й степени [15; 55; 129, с. 347-349; 155-I; 549; 576; 577].

33. С. 565: ***Архиепископ Анастасий*** (Грибановский Александр Алексеевич, 6/18.08.1873, с. Братки Борисоглебского уезда Тамбовской губ. – 22.05.1965, Палестина). Родился в семье приходского священника; окончил Тамбовскую духовную семинарию и Московскую духовную академию; ректор Московской духовной семинарии, архимандрит (1901 г.); еп. Можайский, еп. Холмский и Люблинский (1914 г.); еп. (1915 г.), архиеп. (1916 г.) Кишиневский и Хотинский; член Св. Синода и Высшего церковного совета (1917 г.); участник Святейшего Собора Православной Русской Церкви; в 1919 г. выехал в Константинополь; председатель Русского комитета в Турции (24 апреля 1922 г.); митр. (1935 г.). Управляющий русскими приходами в Константинополе (1920-24 гг.). Награжден Знаком отличия Красного креста за помощь Красному кресту и Комитету попечения о детях (1924 г.). Наблюдатель за делами Русской духовной миссии в Палестине (1925-36 гг.). Участник Епархиального съезда в париже в 1927 г. В 1922 г. вместе с еп. Вениамином (Федченковым) выступил за исполнение патриаршей воли об упразднении Высшего церковного управления и передачи власти над европейскими приходами митр. Евлогию; после раскола поддержал митр. Евлогия, с 1932 г. – его зам., но в 1935 г. возглавил «карловацкое крыло»

и стал первоиерархом РПЦЗ: с 1935 г. и. о. председателя, а после смерти митр. Антония с 1936 г. (с 1937?) председатель ее Архиерейского Синода в Сремски Карловцах. Во Франции бывал наездами, посещал приходы Парижа и его предместий. Приветствовал нападение Германии на СССР, направлял благодарственные письма Гитлеру. Когда фронт приблизился к Югославии, прибыл в Берлин и, после личной встречи с Власовым (совместно с митр. Серафимом), поддержал власовское движение. После войны бежал в Швейцарию, затем в Мюнхен; безуспешно пытался воздействовать на американскую администрацию для облегчения положения в русских лагерях американской зоны; спасал людей от насильственной репатриации; разрешил отпевание покончивших с собой, чтобы не быть выданными в СССР. С 1951 г. в США (разрешение на въезд получил в 1950 г.), митр. Восточно-Американский и Нью-Йоркский (Северо-Американская епархия); в 1964 г. сложил с себя управление и ушел на покой [42, с. 56, 97-98; 47; 56, с. 224; 93, с. 24; 94; 151; 155-(IV, VI); 233; 234-II, с. 113; 250, с. 253; 266, с. 133-134; 282-III; 302; 323; 324; 327-I; 335; 356; 379, с. 725; 383, с. 446; 386; 395; 414-1, с. 51; 434-VIII; 499-I; 505; 529; 549; 552].

34. С. 595-596: **«Русский патриот»** / «Le Patriote russe»: Орган Союза русских патриотов во Франции / Organe de l'Union des Patriotes Russes en France (РП, Париж, 1943 г. – октябрь 1944 г., № 1–13 [14?]; октябрь 1944 г. – 17 марта 1945 г., № 1–21), газета; выходила под руководством (?) Б.Г.Заковича. Первые редакторы А.С.Сизов и Михаил Михайлович Бронштедт, машинистки Вероника Шпенгер и Р.И. Покровская. После ареста в середине марта 1944 г. Бронштедта и Шпенгер газету редактировал Н.В. Борисов, затем Д.М. Одинец и Н.С. Качва. В РП сотрудничали А.П. Рослов, А.В. Руманов (с начала 1944 г.), писатель Н.Я. Рощин, поэт М.А. Струве. Решение об ее издании было принято на оргсобрании СРП, которое проходило 3 октября 1943 г. на квартире Шибанова; последний играл большую роль в организации газеты. Первые 13 номеров за 1943–1944 гг. выходили подпольно (часть – в пригороде Парижа Эрбле; печать осуществляли на ротаторе Н.Н. Роллер и Д. Смирягин, затем. Б.(Л.?)А. Савицкий), на русском и французском языках (2 или 4 полосы, тираж 300–500 экз). № 1 вышел к 7 ноября 1943 г. (празднику Октябрьской революции; встречающаяся информация, что вышел в начале декабря 1943 г., неточна). См. о РП в письме Б. Зайцева И. Бунину от 4 февраля 1945 г.: «Не помню, писал ли <...> про Капитана (Н. Рощина – *Д.Г.*). Его из "Русск<ого> П<ат-риота>" выставили, равно Любимова и М. Струве. Там теперь комбинация из младороссов и "молодых" писателей (Объединение). Убого очень. Теперь тебя будут туда тянуть, я не сомневаюсь. Заманивают квартирой» [184-140, с. 168]. РП в марте 1945 г. была заменена газетой «Советский патриот» (далее СП-2). Однако в подпольной типографии РП до марта 1944 г. печаталась другая газета с таким же названием (далее СП-1), затем (обычно указывают начало 1944 г. [391, с. 284; 508, с. 120]) типография была разгромлена. Но в отчете ЦК СП за март 1944 г. указано на два готовившиеся мартовских номера СП-1 (которые отсутствуют в современных библиографиях), а о разгроме типографии не говорится. Известно также, что два номера СП-1 пришлось уничтожить при провале, что собственную типографию для СП-1 удалось организовать «с большим трудом» лишь к апрелю 1944 г.

и что на это ушло 10 дней. Т. о. середина марта 1944 г. представляется наиболее вероятной датой. После провала выход РП был, по-видимому, на время приостановлен: «Издавали только газету "Советский патриот"» [144-III; 282-II; 285, с. 347; 345, с. 416, 445-449; 391, с. 282, 290; 420, с. 157; 432, с. 522; 434-VIII; 509; 523, с. 78; 560, с. 192; 609-II, с. 95-96; 622, с. 192; 633; 232, с. 316]. В [50, с. 323] спутана последовательность РП и СП, и к ним отчасти примешаны PH; путаница и в [163; 560; 561]. Утверждение, что № 14 РП в октябре 1944 г. вышел под названием «Советский патриот» [391, с. 282] ошибочно: это произошло лишь в марте 1945 г.

35. С. 490-491: **«Советский патриот»** / «Le Patriore soviétique»: Орган советских патриотов (затем: Орган Центрального правления Союза советских граждан во Франции = Organe du Comité directeur de l'Union des Patriotes soviétiques). Еженедельная газета (далее – СП-2); Париж, 24 марта 1945 г. – 16 января 1948 г., № 22–169; редактор Д.М. Одинец; продолжение газеты РП – под этим названием вышли №№ 1–21). Среди активных сотрудников – А. Даманская. Б. Зайцев в письме к И. Бунину от 4 марта 1945 г. о смене названия: «В "Патриоте" новая революция: твоего Пиотровского и Елиту выставили. Редакция другая. Некто Сирин (!), председатель "конгресса", заявил, что "талант есть явление случайное, редкое, таящее в себе элементы беспорядка". Поэтому он не нужен <...>. Название теперь "Советский патриот"» [184-140, с. 172]. «Стервозная газета», по оценке Бунина; 26 июня 1946 г. опубликовала интервью с ним, в значительной степени сфабрикованное журналистом В. Куриловым, а 5 июля – в измененном виде – его возмущенное письмо [78-152, с. 166-169]. СП-2 – «орган законспирированной русской компартии во Франции». Видную роль играл ответственный секретарь редакции Аркадий Вениаминович Руманов (1878–1960), опытный журналист, в прошлом секретарь вел. кн. Александра Михайловича, который «играл роль загонщика эмигрантских писателей в "советский патриотизм"» и «был известен как человек "небрезгливый"» [348, с. 199]; сотрудником также был принявший советское гражданство А.М. Ремизов. Издатели СП в эмигрантской литературе получили звание «проституток печатного слова». [12, с. 112; 78-155, 156; 144-III; 148-203/204, с. 253; 282-II; 348; 391, с. 381; 420, с. 157-159; 432, с. 522; 547, с. 212; 609-II, с. 103; 622, с. 192]. История газеты сильно запутана в литературе, особенно в [560, с. 192; 561. с. 101], а также в [391, с. 24]. Из этих источников следует, что газеты РП и СП выпускались параллельно одним и тем же СРП (и первые номера появились к 7 ноября 1943 г.), но были рассчитаны на разные аудитории: СП – для советских военнопленных и партизан, а РП был просто печатным органом СРП (т.е. рассчитан на эмигрантов, боровшихся с немцами). Однако это не совсем так. В действительности ту нелегальную газету, которая впервые вышла в ноябре 1943 г. к 26-й годовщине Октябрьской революции под тем же названием «Советский патриот» (далее: СП-1) формально издавала другая организация – Военно-политический центр ЦК советских пленных во Франции (ЦК СП), хотя решение о ее выпуске, по утверждению Шибанова, было принято на первом оргсобрании СРП, состоявшемся 3 октября 1943 г. на его квартире. Газета начала готовиться через 7-10 дней (статьи писали будущие члены ЦК СП В.Таскин и М. Слободинский), но решение принималось еще, как минимум, дважды: 15 октября

на оргсобрании ЦК СП (где присутствовали уже начавшие работать над газетой Таскин и Слободинский), а также на совещании командиров советских партизанских отрядов, которое происходило между 15 октября и 7 ноября 1944 г. Т. о. даже первый номер нельзя целиком приписать СРП, ибо над ним работали представители обеих организаций. Окончательно СП-1 была признана органом ЦК СП на совещании при участии Г.Лароша и Г.Шибанова (проходило в начале 1944 г. в Париже; [345, с. 373-374, 399, 445-446; 391, с. 200-202]). Как можно понять, газета выходила тиражом в несколько сот экземпляров в формате листовки (спец. номер за ноябрь 1943 г. – двухполосный): 7 и 15 ноября 1943 г. (неясно, какой из них являлся «специальным»; скорее всего, № 1); в январе (спец. новогодний номер, отпечатанный «в настоящей типографии» [345, с. 447], – видимо, набранный типографским способом, а не на ротаторе), феврале, апреле, июле (июне?) 1944 г. Видимо, освобождение Франции в августе 1944 г. лишило смысла подготовку августовского номера нелегального издания. В [244, с. 94; 391, с. 202] утверждается, что с ноября 1943 г. по июль 1944 г. вышло 7 (по нашим подсчетам 8) номеров, 2 из которых «пришлось уничтожить во время налета гестаповцев» (речь идет о том, что первые номера печатались в типографии Союза русских патриотов, которую в марте (?) 1944 г. разгромило гестапо. Собственная типография для СП-1 была создана к апрелю 1944 г. [65, с. 112; 208, с. 127; 330, с. 39-40; 345, с. 416, 445-448; 508; 509; 641, с. 243]). В марте предполагался выпуск двух номеров, но, видимо, они как раз и были уничтожены. Статьи писали и редактировали: ст. лейтенант В.К. Таскин, политрук батальона М.Я.Слободинский, позднее – эмигранты «первой волны» Роллер и Смирягин; в создании газеты участвовал член СРП Борис Журавлев; среди тех, кто помогал ее распространять, также были члены СРП – И. Троян, А. Кочетков, Н. Смаричевский, А. Тарасевская, В. Кукарская [391, с. 200-202; 450, с. 178; 641, с. 243]. Однако сам ЦК СП к эмиграции не имел отношения, и потому СП-1 никак не являлась эмигрантским изданием. Видимо, поэтому газета отсутствует в [609] (и в [282-II]). Зато коллекция номеров оказалась в Ин-те марксизма-ленинизма в Москве (по сведениям на 1960 г.: ЦПА ИМЛ. Ф. 69 (61?). Оп. 2. Д. 1; по сведениям на 1972 г.: Там же. Ф. 553. Оп. 1. Д. 1) и в Библиотеке СССР им. В.И. Ленина [244; 391, с. 362, 367]. Таким образом, на начало 1945 г. выходил просоветский эмигрантский РП, но советский СП-1 прекратил существование вместе с ЦК СП. Эта ситуация, судя по всему, и заставила советское полпредство восстановить СП (в виде СП-2) на базе РП, пожертвовав последним. Так что это не простое переименование. В [50, с. 323] последовательность РП и СП перепутана, и к ним отчасти примешаны РН, а в [163, с. 398] СП просто заменена на РН. Библиографический уровень работ о СП-1 [244; 345, с. 447; 391, с. 200-202, 344-350, 360-362; 509] невысок.

36. С. 581-582: ***Общество караимов*** (Караимское общество) в Париже (Крымская колония караимов в Париже) образовано в декабре 1923 г. под председательством С.С. Крыма (собрание его памяти проходило 9 ноября 1936 г.). В правление вошел О.Я. Катлама. На октябрь 1942 г. председателем был С. Касас. Первоначальный адрес: 16, rue Hamelin, 16° (позднее: 16, av. de Tokyo, 16°). Численность около 300 человек, в т. ч. несколько десятков из Турции. Два члена – парижский шофер Иеремия Коджак (Jérémie Kodjak; 18 мая 1894 г.,

Севастополь – 22 февраля 1960 г., Villamblain, около Орлеана, Loiret), в прошлом кавалерийский офицер, и Симон Дуван (Simon Douvan; 1 апреля 1870 г., Евпатория – 5 февраля 1957 г., Beaulieu-sur-Mer, Alpes-Maritimes), в прошлом глава Евпатории, сыграли выдающуюся роль в спасении европейских караимов в годы войны. В сентябре 1938 г. по инициативе и поддержке Коджака Дуван поехал в Берлин и добился того, что решением МВД Германии (письмо Дувану за подписью шефа Reichstelle für Sippenforschung, оно же Расовое бюро МВД, № I 1110/A/17.6-3.9.10 от 5 января 1939 г.) немецкие власти объявили, что не считают караимов евреями. Вне зависимости от них, группой из 18 офицеров-караимов армии Врангеля, проживавших в Германии, был сделан еще один запрос. В 1941 г. уже сама германская администрация обратилась к трем известным еврейским ученым – З. Кальмановичу, М. Балабану и И. Шиперу (погибли в 1942–1944 гг.) с вопросом: являются ли караимы евреями. Спасая последних, все трое высказали мнение об их якобы нееврейском происхождении. «Со своей стороны, европ. К. были в основном равнодушны к Катастрофе европ. Еврейства» [260-IV, с. 99]. Французские фашисты оказались «святее Папы Римского» и настаивали на регистрации караимов как евреев, но в этом вопросе столкнулись с особой политикой Германии. Лишь в январе 1943 г. Генеральный комиссариат по еврейским делам правительства Виши, уступая немецкому давлению, также признал их неевреями. В результате караимская община Франции была спасена. По-видимому, именно с этим ее неустойчивым положением связан тот факт, что С.М.Казас и Б.М.Сарач в сентябре 1942 г. – начале 1943 г., заручаясь поддержкой УДРЭ, много жертвовали на социальную помощь как от себя лично, так и от общины (в т. ч. Казас передал в распоряжение непосредственно Жеребкова на социальные нужды 5000 франков). Как результат, в ПВ появилась статья Вл. Абданк-Коссовского «Караимы», основная цель которой была доказать, что они не являются евреями, что их таковыми не признавал ни один закон Российской империи (1795, 1863, 1881, 1893 и 1910 гг.) и что «в 1938 г. и немецкое правительство, основываясь на заключении государственного расового комитета (Сиппен-Форшунтс-Амт), официально подтвердило, что караимы, являясь самостоятельной народностью, ни по происхождению своему, ни по религии не должны быть отождествляемы с евреями» [13]. Последние упоминания Общества в русскоязычной прессе датируются 6 марта 1954 г. (чествование И.А. Пастака, награжденного орденом Почетного легиона) и февралем 1958 г. Община распалась не позднее 1979 г., хотя потомки ее членов здравствуют и поныне. Так, в 1999 г. караимы Михаил Семенович Сарач из Франции (1.09.1910(19.4.1909?), М. – 14.08.2000, Париж; Новое кладб. в Булони) и Михаил Михайлович Казас, президент Московского караимского общества, опубликовали статью по истории караимов [220; 260-(I, стб. 283; IV, стб. 99-100; X, стб. 215); 434; 447; 673; 674]. В научном мире Парижа уже в нынешнем столетии мы также встречали потомков парижских караимов.

37. С. 457: *Эррио Эдуард* (Herriot Edouard; 5.07.1872, Troyes, деп. Aube – 26.03.1957, Saint-Genis-Laval, деп. Rhône) – лидер партии радикалов и радикал-социалистов (в 1919–1957 гг., с перерывами); в 1905–1940 гг. и 1945–1955 гг. мэр Лиона, член Французской академии. В 1916–1917 гг. министр общественных

работ; в 1912–1919 гг. сенатор; в 1919–1940 гг., 1946–1957 гг. депутат Парламента; в 1924–1925 гг. и 1932 г. – премьер-министр и министр иностранных дел; в 1925–1926 гг. и 1936–1940 гг. председатель Палаты депутатов; 19–21 июля 1926 г. премьер-министр; в 1926–1928 гг. министр народного образования, в 1934–1936 гг. гос. министр; в 1947 г. – январе 1954 г. председатель (затем почетный председатель) Национального собрания. Придерживался левых взглядов. Совместно с Жоресом поддерживал созданное в 1905 г. «Общество друзей русского народа»; в апреле 1924 г. явился одним из создателей «Общества новой франко-русской дружбы» и стал его почетным председателем, а после войны был членом общества «Франция – СССР». Почетный член Комитета Франция–Кавказ (Comité France–Caucase; создан 9 августа 1919 г.), президентом которого был де Монзи. С приходом к власти его кабинета (14 июня 1924 г. – 10 апреля 1925 г.; президент G. Doumergue) положение русской эмиграции во Франции осложнилось, хотя Эррио лично часто оказывал помощь обращавшимся к нему эмигрантам. В 1932 г. Эррио, будучи премьер-министром, подписал договор о ненападении с СССР. В сентябре–октябре 1922 г. (первым из крупных политических деятелей Франции) и в 1933 г. посещал СССР (приезжал «в восторге от Советов» [469-II, с. 337]); опубликовал об этом книгу «Новая Россия» (1922 г.) и серии статей (рассказ о его визите и о «потемкинских деревнях», которые в связи с этим создавались в Харькове, см. [370, с. 15]). Его заявления о прекрасном положении в СССР, сделанные после возвращения, подверглись резкой и обоснованной критике в среде эмиграции. Его просоветская политика обеспечивала ему поддержку ФКП. 23 июня 1921 г. – председатель франко-русского банкета, организованного Комитетом помощи русским писателям и ученым; произнес речь о духовном сближении Франции и России. Входил в состав Комитета, под покровительством которого находился Союз бывших Армян-комбатантов (армянских ветеранов) во Франции (1933 г.). Как мэр Лиона председательствовал на концертах Общества помощи русским детям (27 декабря 1936 г. и 18 апреля 1937 г., Лион). Противник Мюнхенского соглашения, во время войны противник правительства Виши. Отказался (не позже 27 сентября 1942 г.) от ордена Почетного легиона, ибо последний тогда давали «французам, сражающимся против большевиков» [574]. В 1942 г. был арестован, а затем интернирован немцами. В октябре 1945 г. вошел в Почетный комитет по организации Недели помощи еврейским детям-мученикам [54, с. 225, с. 235-237; 57, с. 19-21; 58-30, с. 243; 64, с. 35-46, 127-128, 163-173; 65, с. 140; 87; 148-198/199, с. 188; 195, с. 27-37, 162; 204, с. 7-15; 225, с. 214; 244; 271; 275; 316, с. 8-16; 320; 309; 368, с. 181; 408, с. 223-224; 434; 449; 466, с. 75-82, 103-104; 467, с. 200-202; 469-II, III; 549; 580, с. 18; 589; 591; 601; 611; 620; 628; 629; 639]. О поддержке им в 1943 г. де Голля см. [315, с. 203-204]. О не совсем приглядной роли Эррио в августе 1944 г., когда его пытался использовать Лаваль для создания переходного правительства, см. [127, с. 125-127, 136; 128, с. 48; 315, с. 267; 550, с. 209-210]. О его послевоенной деятельности см. [195, с. 31, 37; 315, с. 277].

38. С. 491-494: ***Одинец*** Дмитрий Михайлович (25.12.1882, СПб. – 10.05.1950, Казань). Из старинного малороссийского рода, отец военврач. Окончил юридический факультет СПб. ун-та (1907 г.; позднее приват-доцент и доцент) и прослушал курс в Археологическом ин-те, а в 1902–1903 гг. в Бер-

линском ун-те. В 1907–1908 гг. читал лекции на курсах Раева. С 1909 г. в Психоневрологическом ин-те (на кафедре истории русского права); в 1916 г. председатель Учебного отдела Петроградского общества народных ун-тов. В июне 1917 г. член президиума 4-го Всероссийского Съезда трудовой группы в Петрограде, от этой группы был на 1-м Всероссийском съезде Трудовой народно-социалистической партии (член ЦК, главный руководитель Киевского отдела), от нее же баллотировался в Учредительное собрание. Министр по великорусским делам в Киеве по назначению Временного правительства; член Генерального секретариата Украинской Рады, секретарь по делам великорусской нации и министр культуры Украины при Петлюре (1917–1918 гг.); председатель Русского национального совета в Киеве и Южного комитета Союза возрождения России. Служил в ДА, пулеметчик (1919 г.); в январе 1920 г. с остатками отряда при эвакуации был оставлен в Одессе; пробились в Румынию, где были интернированы. В 1920 г. жил в Белграде; член-сотрудник Общества русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. От югославского временного комитета Союза возрождения России заключил союз с Русским политическим (эвакуационным) комитетом (во главе с Б.В. Савинковым), переехал в Варшаву и возглавил (на декабрь 1920 г.) Демобилизационную комиссию при нем и Варшавский отдел Союза возрождения России; член Центра действия (участвовал в формировании ударных отрядов для переброски в Советскую Россию). В октябре 1921 г. выслан из Польши. Перебрался в Париж. Член РАГ (затем Союза; в 1925–1926 гг. секретарь, с декабря 1925 г. товарищ председателя, в 1927–1930 гг. генеральный секретарь), КПРПУФ, Административного бюро библиотеки РНУ, комитета Лиги борьбы с антисемитизмом (в 1923 г.); Республиканско-демократического клуба в Париже (1923–1924 гг.), Российской лиги прав человека и гражданина (в 1924 г. секретарь), правления Союза русских преподавателей во Франции (с ноября 1925 г.), правления Тургеневской библиотеки (с 5 июня 1927 г.; с 20 июня 1927 г. товарищ председателя, в 1933–1946 гг. председатель; осенью 1940 г. участвовал в попытке ее спасения), временного комитета Русского литературного архива в Париже при этой библиотеке (с 1938 г.), Комитета содействия национальному воспитанию русской молодежи (1931 г.), Общества помощи сердечным больным в Париже (1931 г., член-учредитель), Международного ин-та философии права (1935 г.), ревизионной комисссии общества «Взаимопомощь», Кружка русской культуры. В 1936–1937 гг. член президиума Совета общественных организаций. Читал множество лекций (в т. ч. бесплатных) в различных кружках, обществах, лицеях, на семинарах и курсах. Профессор (1921 г.). В 1924–1925 гг. преподавал в Праге (в Русском народном ун-те и на юридическом факультете), член Союза русских педагогов средней и низшей школы в Чехословакии. Преподавал на юридическом факультете (русское отделение) Парижского ун-та; с 1927 г. член совета профессоров, инспектор (1932 г.) и секретарь ФРИ. Один из основателей РНУ (преподавал с 1922 г.; член правления с 1921 г.; член совета и товарищ председателя правления с 1923 г., в 1933 г. секретарь). Председатель Землячества Юго-Запада России (с августа 1922 г.) и Киевского землячества (1933 г.) в Париже. С В.В. Зеньковским создал Русское педагогическое

общество (объединение) во Франции и был его председателем (1928–1930 гг.). В 1928 г. участвовал в возобновлении Общества по изучению местного самоуправления и хозяйства в России и на Западе; в 1939 г. сотрудничал с Религиозно-философской академией и Семинаром философии права. Был близок к младороссам и оборонцам. Сотрудничал в ПН, «Новой России», «Современных записках»; автор ряда исторических работ и манифеста вел. кн. Кирилла Владимировича (до 31 января 1939 г.). 22 июня 1941 г. был арестован и несколько месяцев провел в Компьенском лагере, где организовал чтение лекций для заключенных. В 1940 г. безуспешно пытался спасти Тургеневскую библиотеку (вывезена в Германию по распоряжению другого российского эмигранта, А. Розенберга [232, с. 309]). В 1944 г. был принят советским послом А. Богомоловым. 12 февраля 1945 г. участвовал в посещении Маклаковым советского посольства в Париже. Встречается утверждение, что в 1944 г. О. вошел в ССП, однако речь может идти лишь о СРП. С 22 октября 1944 г. зав. юридической секцией, с ноября читал лекции на секции родиноведения, с декабря 1944 г. на культурно-просветительной секции СРП; с августа 1945 г. на семинаре по изучению СССР, с октября 1945 г. на семинаре по родиноведению при отделе молодежи ССП. Председатель культурно-просветительной комисссии ССП, зав. учебным отделом, член временного правления ССП. В 1945 г. кандидат в члены правления, в 1947 г. зам. председателя, с февраля 1947 г. член ЦИК ССП. Участник 2-го (12–13 октября 1945 г.) и 4-го (21–23 февраля 1947 г., председатель ревизионной комиссии) делегатских съездов ССП. С декабря 1947 г. член Центрального правления и председатель ССГ. В 1945 г. редактор газет РП, в 1945–1948 гг. – СП. 16 марта 1946 г. на выборах в новое правление Союза писателей и журналистов в Париже был забаллотирован (45 голосов против из 64) вместе с другим редактором просоветской газеты А. Ступницким, в конце (после 22 ноября) 1947 г. вышел из этого союза. 7 мая 1946 г. и 3 июля 1947 г. присутствовал в советском посольстве на приемах В.М. Молотовым групп русских эмигрантов, в мае или июне 1946 г. имел с ним отдельную встречу (ср.: «Самая последняя новость в чекистски-патриотической среде, это аудиенция, которой удостоены Одине́ц из Союза патриотов и Ступницкий из "Русских новостей". Оба они теперь похваляются, что прием был очень милостивый» [460]). Один из организаторов, председатель педсовета и учитель истории русской школы, открытой 3 января 1947 г. при ССП. О ССП на июль 1945 г.: «главную роль в "Патриоте" теперь играет <так!> Одинец и Марков – единственные недавние демократы, кого удалось завлечь в "Союз"» [333, с. 134]; сентябрь 1946 г.: «Пропагандная работа ведется перешедшими на советскую службу эмигрантами: <...> проф. Одинец» [12, с. 108]. 17 марта 1948 г. (иногда ошибочно называют дату высылки 19 марта) во время собрания нового правления ССГ, проходившего на его квартире и посвященного ликвидации Союза, был арестован Sûreté nationale одновременно с 8 участниками собрания и 19 марта 1948 г. в числе других 8 человек выслан из страны за попытки восстановить в скрытой форме работу распущенного ССГ (по другим источникам, арестовано было 11 человек, из которых 8, в т. ч. О., были депортированы

в советскую зону оккупации Германии; формальный повод – нелегальное издание СП). Долго лечился в Берлине и оттуда переехал в СССР; профессор Казанского ун-та (по другим данным, зав. кафедрой истории русского права при Ин-те юридических наук). Согласно слухам, циркулировавшим в эмигрантской среде, собирался уезжать еще в конце (в декабре?) 1946 г.: как «специалист по истории Украины <…> намеревался, естественно, ехать в столичный град Киев, а ему наметили сначала Тифлис, а потом Ташкент» [649]. Умер от болезни сердца, которой страдал долгие годы. Масон, член Ложи Астреи и Совета Великого Востока народов России в Киеве; Ложи Астреи (Союза Великой Ложи Франции), группы «Лицом к России» и Ложи Северная Звезда в Париже. Жена О. Анна Кирилловна (? – 29 мая 1980 г., Франция; кладб. Thiais, ок. Парижа), судя по месту смерти, либо не уезжала в СССР, либо вернулась. Сын: О. Михаил Дмитриевич (12.12.1913 г., СПб. – 12.08.2005 г., Шавиль под Парижем; кладб. в Медоне), инженер, лейтенат французской армии. Эмигрирорвал в Польшу в 1920 г. Жил в Варшаве, учился во французском лицее. С 1927 г. – во Франции; жил в Шавиле; закончил среднее образование (получил степень бакалавра); в 1937 г. закончил Высшую школу аэронавтики. С 1928 г. – член НОРС; в 1950-е – начальник отдела НОРС во Франции; с 1960 г. – скаутмастер, заместитель старшего скаута в Европе. Участник младоросского движения (Парижский очаг); с 1935 г. активный член НСНП–НТС. Член Союза русских дипломированных инженеров во Франции (с 1930-х годов). Два года отслужил добровольно во французской армии; учился в школе офицеров в Сен-Мекан (под Парижем), лейтенант пехотного полка. Участвовал во Второй мировой войне; в 1940 г. был ранен. Награжден Военным крестом, орденом Почетного легиона. В 1942 г. вместе с женой, Татьяной Константиновной (урожд. Фаге; р.13.9.1916 г., СПб.), направлен НТС агентом в Берлин. Т.К. Одинец была секретарем В. Деспотули, редактора «Нового слова». Осенью 1944 г. были арестованы Гестапо, отправлен в концлагерь Заксенхаузен. Их возвращение из Карлсбада во Францию в апреле 1945 г., в т. ч. и то, как ленточка ордена спасла целую группу членов НТС, описано в [409, с. 87-88]. В 1948 г. оказался в группе с С.Д. Курдюковым, Р.П. Рончевским, М.А. Павловым, которая в результате конфликта откололась от НТС (согласно [396, с. 273]: «в результате фракционных мероприятий руководства НТС, в 1950 г. покинула его ряды большая группа членов отделения в Париже, образовавшая Демократический Союз российских солидаристов под предс. М.Д. Одинца»). Сотрудничал в газетах «СП» и «РМ». В отличие от отца, остался во Франции. В 1945-1976 гг. работал в министерстве Воздушного транспорта (директор службы информации и научно-технической документации). Дочь Д.М. Одинца: была жива в 1980 г. Внучка: О. Ольга Михайловна (р. 1957 г., Париж), гидробиолог [2; 22; 40; 42, с. 62; 49; 50; 104, с. 467, 536; 133; 144-III; 148-203/204, с. 237; 155-(I, V); 165-(III, V, VIII-IX); 192-I, с. 48-50; 223; 237; 264, с. 161-162; 274; 282-II; 285, с. 251, 308; 306; 324; 327-V; 341, с. 68; 380; 391, с. 282; 395, с. 187-188; 396; 402, с. 209; 409, с. 71, 87-88, 288-289; 414-2, с. 334-335; 420, с. 159; 432, с. 463; 434; 452; 469-I; 499-I; 500; 515; 529; 547; 549; 557; 621, с. 470; 624].

39. С. 485-487: *Марков* Александр Прокофьевич (Порфирьевич? Перфильевич?) (16/28 февраля 1885 г., станица Островская Усть-Медведицкого округа Донской обл. – 21 мая 1973 г., Москва; Химкинское кладб.) – экономист, педагог, публицист. Сын станичного учителя и казачки Марии Васильевой. Окончил Донскую духовную семинарию (1905 г.); юридический факультет Харьковского ун-та; оставлен при Московском ун-те для подготовки к профессорскому званию (1910 г.); магистр финансового права при Харьковском ун-те; с 1922 г. профессор финансовой науки в Харьковском ин-те народного хозяйства. Сотрудничал в «Южном крае». При Временном правительстве – губернский комиссар. В 1922 г. выслан из России. Доцент Русского научного ин-та в Берлине (до 1925 г.), член экономического кружка при нем (с 1924 г.). С 1925 г. в Париже. Член РДО (с 1926 г.; товарищ председателя, 1933–1936 гг.; член правления, 1938 г.). Один из наиболее активных лекторов 1920-х–1930-х гг. Профессор (с 1928 г.) экономической географии и экономического строя России Русского коммерческого ин-та (РКИ; открыт 14 декабря 1925 г.) в Париже; вел Экономический семинар (с 1931 г.), к 1935 г. вобравший в себя РКИ. Преподавал в 1926–1940 гг. и 1945 г.: политэкономию во ФРИ (профессор, член совета профессоров, затем член правления) и финансы СССР в Ин-те славяноведения Парижского ун-та. Участник Зарубежного экономического совещания (1926 г.), Экономического совещания при Торгпроме (1931 г.), Международного Конгресса экономических и социальных наук (1937 г.). Представитель сельскохозяйственного казачьего союза во Франции (с 1927 г.). Участвовал в возобновлении Общества по изучению местного самоуправления и хозяйства в России и на Западе. Член Земгора (с 1928 г., в 1932 г. член земельной комиссии); правления РАС (1929–1930 гг.); Русского комитета объединенных организаций (1931 г.); Франко-бельгийской ассоциации профессоров (с мая 1931 г.); правления Казачьего союза от Донского войска (1933 г.; генеральный секретарь в 1930–1935 гг.; председатель культурно-просветительной комиссии), Социально-философского объединения (1936 г.); группы Ксюнина–Маслова (центр политической разведки). Сотрудничал с РАГ (1937 г.), Пореволюционным клубом (1934 г.), парижским союзом РТХ (1935 г.), Ставропольским землячеством (1935 г.). Председатель: исполнительного бюро Комитета русской колонизации во Франции (1934–1935 гг.), Комитета по переселенческим вопросам (1936 г.). За день до оккупации Парижа бежал из города. Арестован в Монпелье петеновской полицией, выслан в Манд (согласно [452, с. 522] – однако такой коммуны во Франции нет, возможно, Mantet / Манте в Восточных Пиренеях), затем в Гренобль (где был до февраля 1945 г.); в 1942–1944 гг. с семьей жил в горной деревне Коран (Corenc, деп. Изер) около Гренобля, работал батраком на ферме. Участник Сопротивления, прятал партизан, переправлял в горы. Читал лекции в подпольном Ин-те географии. Участвовал (август 1944 г., Гренобль) в учредительном собрании общества «Франция – СССР» ([452, с. 522] или СДСР?), организатор регионального комитета этого общества. 10 марта 1945 г. в Париже выступал на совместном конгрессе СРП и СДСР, где был избран в Центральное правление ВС ССП. 18 марта 1945 г. участвовал в собрании инженеров, подготовившем создание ОСРДИ (и далее,

видимо, его член). На май 1945 г. член ЦК ССП, на июль – генеральный секретарь ССП (в [452, с. 522] ошибочно: ССГ); с 30 мая 1946 г. член редакционной комиссии ССП, активный участник всех его мероприятий. Деятельность при ССП: с 30 мая 1945 г. вел в Русской гимназии курс «Родиноведение», читал лекции в Научном обществе (с 14 июня 1945 г., председатель временного правления), на семинаре по изучению СССР (с 9 июня 1945 г.) и семинаре по родиноведению (при отделе молодежи ССП, с 15 октября 1945 г.). Присутствовал на приемах в советском посольстве: 3 сентября 1945 г. в честь митр. Николая (Крутицкого) и 7 мая 1946 г., который давал В.М. Молотов. Один из редакторов «Советского патриота»: «На этой работе сидит проф. А. Марков, бывший сотрудник "Последних новостей". В Париже его иначе не называют, как "Марков Третий". Ему помогает престарелый журналист Руманов»[269]. 30 июня 1946 г. получил советский паспорт и выступал на открытом собрании ССП под почетным председательством посла СССР А.Е. Богомолова при выдаче этих паспортов; 26 октября 1946 г. выступал на банкете в честь русских, отъезжающих в СССР. Сотрудник ПН и «Новой России»; редактор: «Дней» (1926 г.), «Русского экономического бюллетеня» (1934 г.), ежемесячного журнала «Economie et technique en URSS = Экономика и техника в СССР» (орган Научного общества при ССП; № 1 – октябрь 1945 г., на франц. и русск. яз.). В 1945–1947 гг. постоянно выступал с просоветскими докладами по экономике, политике, идеологии, географии. Данные о его удивительно активной деятельности во Франции обрываются 10 июня 1947 г., видимо, в связи с отъездом в Болгарию (в [414-2, с. 144] утверждается, что он был выслан из Франции). Сотрудник Экономического ин-та Болгарской АН (29 июня 1949 г. – 1 сентября 1950 г.), написал работу «План Маршалла». В канун 1951 г. выехал в СССР, жил в Иваново. Был арестован и осужден на 25 лет лишения свободы; освобожден в 1955 г. Младший научный сотрудник в Ин-те экономики АН СССР (с 11 мая 1955 г.) и в Ин-те мировой экономики и международных отношений (с 16 августа 1956 г.). Защитил кандидатскую диссертацию. На экономическом факультете Московского ун-та читал курс по экономике сельского хозяйства Франции (1957 г.). На пенсию вышел в 82 года. Член Ложи Северной звезды в Париже (1926–1931 гг.?). В эмиграции издал не менее 7 книг по экономике СССР. Жены: М. Ольга Александровна (? – ноябрь 1935), Турбович (Ферсман) Надежда Николаевна (5.02.1897, Армавир ныне Кубанской обл. – 1982, Москва; Химкинское кладб.) – переводчица, автор воспоминаний. В 1920 г. эмигрировала через Константинополь в Париж; Во время войны жила под Греноблем, участвовала в Сопротивлении. В [414-2, с. 146] утверждается, она «в августе 1944 г. в Гренобле участвовала в учредительном заседании Общества "Франция – СССР"». По всей видимости, речь может идти лишь о региональном комитете, соорганизаторами которого они являлись вместе с мужем. В 1951 г. приехала в СССР; преподавала английский язык (до 1966 г.). Автор

[269] [381, с. 135]. Напоминаем, что всем еще в то время памятный Депутат III и IV Государственной думы Марков Второй был личностью одиозной, прославившейся своим антисемитизмом и черносотенством.

нескольких книг. Сын (род. ок. 1924) – лицеист, погиб «в стычке с фашистами» [452, с. 523]. Дочь Надежда (по мужу Зуева), старший преподаватель Московского областного педагогического ин-та; вернулась во Францию. [22; 50; 104, с. 464, 535; 165-(V-VI, VIII); 234; 264, с. 161; 294; 295; 309; 313; 414-2, с. 146; 434; 452; 500; 608]. О ССП (июль 1945 г.): «главную роль в "Патриоте" теперь играет <так!> Одинец и Марков – единственные недавние демократы, кого удалось завлечь в "Союз"» (СВ. 1946, сентябрь. С.134); (сент. 1946): «Пропагандная работа ведется перешедшими на советскую службу эмигрантами: проф<ессор> Марков <…>» [12, с. 108].

40. С. 597: ***Волков* (*2-й*)** Николай Константинович (25.11.1875, Вологда – 30.01.1950, Париж). Из купеческой семьи. Окончил Московский сельскохозяйственный ин-т (1901 г., агроном); в течение года служил лектором на инженерном факультете этого ин-та; управлял частными имениями в Тамбовской и Саратовской губ.; с января 1904 г. служил в Чите агрономом 1-го разряда Забайкальского казачьего войска. Член Совета Читинского отдела Приамурского отделения Русского географического общества; товарищ председателя Общества народного чтения. Левый кадет (с февраля 1916 г. член ЦК партии, входил в состав его либеральной части), депутат 3-й и 4-й Гос. Дум (в 3-й Думе член комиссий по вопросам вероисповеданий, по переселенцам), комиссар комитета Гос. Думы в военном и морском министерствах. С сентября 1914 г. в составе руководства Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам; товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. Комиссар в министерстве земледелия при Временном правительстве, со 2 марта 1917 г. товарищ министра земледелия при министре А.И. Шингареве; выступал за сотрудничество с левыми партиями; в октябре 1917 г. вошел во Временный совет Российской республики (Предпарламент); кандидат в депутаты Учредительного собрания от Иркутской обл.; после Октябрьской революции один из руководителей московского Национального центра; с лета 1918 г. в Киеве, где поддержал разработанный П.Н. Милюковым план подавления советской власти с помощью кайзеровской Германии; с весны 1919 г., по поручению Национального центра, – в Омске; представитель генерала Деникина в Сибири. В ноябре 1919 г. присутствовал на Харьковской конференции кадетской партии. Эмигрировал в 1920 г. через Японию в Париж; член Центра действия (1920–1923 гг.); член Российского общественного комитета помощи голодающим в России (август 1921 г.); член комитета (товарищ председателя) Парижской группы кадетов, после ее раскола член демократической группы Милюкова (секретарь с августа 1921 г.). Член Сибирского землячества в Париже (член временного правления, 1924 г.); сторонник «новой тактики» Милюкова, вместе с которым основал РДО (член с 1934 г.). Входил в экономическую комиссию, созданную при исполкоме Совещания членов Учредительного собрания. Коммерческий директор (директор-распорядитель) газеты ПН (во время оккупации спас имущество газеты, передав его после войны бывшим сотрудникам), после войны – газеты РН. Перед самой оккупацией Парижа, 11 июня 1940 г., выехал в Poitiers, к середине июля перебрался в Montpellier, где собрался основной состав редакции

газеты ПН, однако к осени вернулся обратно в Париж. Член Союза русских литераторов и журналистов в Париже. Возглавлял предприятие «Русское издательское дело в Париже». Выступал за сотрудничество эмиграции с СССР (по свидетельству Берберовой: «После войны – “советский патриот”» [50, с. 144]). Последние три года жизни провел в крайней бедности и одиночестве. В [414-1, с. 302] указано, что он похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, но в некрополе Грезина [624] его имени нам найти не удалось. Масон (с 1912 г.), член петербургских лож: Верховного совета, «Гегечкори», Малая Медведица, Розы, «Чермака»; в Париже – Верховного Совета русского масонства [17-216; 50; 78-153, с. 154; 87; 110, с. 431-432; 155-(I, VII); 306; 165-(III, VIII-IX); 219; 234; 308, с. 153; 309; 324; 327-I; 380; 382; 414-1, с. 302; 432, с. 421; 434; 452; 469-II; 515; 529; 536, с. 262; 560, с. 42; 572].

41. С. 597-599: ***Ступницкий*** Арсений Федорович (13(14/26?).12.1893, Минск – 12.03.1951, Париж; кладб. в SGdB) – юрист, журналист. Выпускник юридического факультета СПб. / Пг. ун-та и Школы политических наук в Париже, участник Первой мировой войны (офицер) и Белого движения (в ДА генерала Деникина). В эмиграции жил в Париже, принял французское гражданство. Сотрудник газеты ПН (с 1927 г.), ближайший помощник П.Н. Милюкова. В 1931 г. почетный член корпорации Русского коммерческого ин-та в Париже; в 1931–1932 гг. профессор этого ин-та. Участник Международного конгресса экономических и социальных наук (15–20 июня 1937 г., Париж). Член нового комитета Российского общества помощи голодающим в эмиграции (1924 г.), ревизионной комиссии (1931–1932 гг.) и правления (1937 г.) СРПЖ, РДО, Объединения русских адвокатов (1930–1936 гг.), СРДПУС (1946 г.). Содружества русских резервистов французской армии (1947 г.). Сотрудничал с Объединением русских в восточных пригородах и Объединением русских в Boulogne-Billancourt (1938 г.). В 1940 г. сотрудничал с русским радио, организованным французским правительством. В прошлом ярый антибольшевик, свидетель на процессе Конради (убийство Воровского). 12 февраля 1945 г. участвовал в посещении Маклаковым советского посольства в Париже (ср.: «В. Татаринов (фактический редактор РН. – *Д.Г.*) был вхож тогда в советское посольство, вместе с А.Ф. Ступницким загнал на прием к совпослу Богомолову В.А. Маклакова» [144-I]; в [155-I, с. 205-207] О.В. Будницкий доказывает, что роль Ступницкого была исключительно посреднической); затем постоянный посетитель приемов в посольстве (ср.: «“Визит” стал трамплином для скачка в большевистский лагерь Ступницкого...» [155-I, с. 227]). В частности, был на приемах, которые устраивал В.М. Молотов для групп русских эмигрантов (7 мая 1946 г. и 3 июля 1947 г.); в мае или июне 1946 г. имел отдельную встречу с ним (ср.: «Самая последняя новость в чекистски-патриотической среде, это аудиенция, которой удостоены Одинец из Союза патриотов и Ступницкий из “Русских новостей”. Оба они теперь похваляются, что прием был очень милостивый» [460]). Основатель, издатель и редактор просоветской газеты РН (1945–1951 гг.). Участвовал в редактировании газеты СП-2. П.А. Берлин – М.В. Вишняку (1945 г.): Ступницкий был «близким лицом Гузовского, первого советника советского посольства, первый советник всегда есть представитель

ГПУ» (цит. по [155-I, с. 205])[1537]. Георгий Иванов – А.А. Полякову (не ранее 1948 г.): «Вообще вылезли в люди всякая сволочь и подонки. Плетнев (профессор, публицист Р.А. Плетнев? – *Д.Г.*) важен и надменен. А посмотрели бы Вы на Ступницкого. В последнее время, впрочем, он сильно скис. Подул другой ветер. И выходит, что, пожалуй, кормил он полпреда Богомолова обедами напрасно. Очень тонкие, говорят, обеды. Чекисты ждут в передней и на кухне» [202, с. 142]. Один из организаторов учредительного собрания Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией (24 марта 1945 г.; член правления), впрочем, ровно через год вышел из нее сам. 16 марта 1946 г. на выборах в новое правление СРПЖ был забаллотирован (из 64 голосов – 45 против) вместе с Одинцом. 20 сентября 1947 г. выступал на банкете в ССГ в честь отъезжающих в СССР. Несмотря на то, что как редактор РН агитировал за Советский Союз, советского паспорта не взял, остался французским гражданином и в СССР не поехал (оценку этической стороны его действий см. [480]). Кандидат в Ложи Северной Звезды (1925 г., 1929 г.) и Свободной России (1932 г.) в Париже. Жена: Катуар Ольга Андреевна (29.03.1893 – 20.04.1977, Париж; кладб. в SGdB), Член Комитета Московского землячества в Париже, с 1938 г. казначей. В 1945 г. – член правления общества «Быстрая помощь». Внук – С. Григорий (1965 г.). Брат: Ступницкий Николай Федорович (22.04.1897 – 14.04.1985, Париж; кладб. в SGdB), с 25 января 1948 г. член правления (казначей) ОСРДИ. В 1946 г. участвовал в торжественном собрании памяти патриарха Московского и Всея Руси Сергия (Страгородского) [12, с. 111-112; 17; 50; 144-III; 155-(I, II, VII); 159, с. 230-231; 165-(I, III, V, VIII-IX); 200; 234; 264; 282-II; 285, с. 369; 309; 324; 414-3, с. 234-235; 424, с. 455; 432, с. 481; 434; 452; 547; 549-II; 576; 577; 620; 624; 632].

42. С. 531-532: ***Мещерская*** Вера Кирилловна, кн. (урожд. Струве; 21(?).01/2(1 ?).02.1876 – 17.12.1949, SGdB; кладб. там же, вместе с мужем) – фрейлина. В первой половине 1920-х содержала в Париже пансион для богатых молодых американок (?). Член инициативной группы по организации Выставки декоративного искусства «Китеж» (работы русских эмигрантов; вернисаж 8 июля 1925 г.); в 1930-е организовывала благотворительные вечера и базары изделий прикладного искусства, выполненных эмигрантами. Руководительница Комитета русских мастерских «увруары» и Комитета помощи детям (1930 г.) (оба под эгидой РОКК); основательница (7 апреля 1927 г.) и директор Русского дома в SGdB. Член Комитета по чествованию С.В. Рахманинова (1933 г.), совета РМОЗ (с 1934 г.), Координационного комитета благотворительных и гуманитарных организаций (с марта 1937 г.), бюро ККРЭБГО (31 мая 1947 г.). Председатель Общества помощи больным беженцам (на 1947 г.). До осени 1939 г. под ее наблюдением находился Дом престарелых в Villemoisson, однако с началом войны там разместили несколько сот детей, срочно возвращенных из Швейцарии, и Дом перешел в ведение Центра помощи русским в эмиграции С. Зерновой. Придерживалась монархических взглядов и такую же политику проводила в Русском доме, который по закону должен был быть свободен от политических влияний. Во время войны не скрывала своих прогитлеровских симпатий, что после поражения Германии заставило ее вместе с митр. Серафимом резко

сменить политическую ориентацию, заняв открыто просоветскую и прокоммунистическую позицию (в 1946–1947 гг. Дом неоднократно посещали представители советской стороны – члены военной миссии, ленинградский митр. Григорий с митр. Фотием; в самом Доме жили «два советизанствующие священника – о. Лев Леперовский и о. Борис Старк», по свидетельствам обитателей Дома, применявшие к своей пастве «методы самого грубого давления»). Племянник княгини «советский священник» Шевич «в числе пяти человек летал в Москву» (видимо, участвовал в попытках Москвы поставить различные ветви русской церкви под юрисдикцию Московской патриархии). 17 декабря 1950 г. в Русском доме была торжественно освящена мраморная доска в память М. Муж: М. Петр Николаевич, кн. (24.05/5.06.1869 – 17.11.1944, SGdB; кладб. там же, вместе с женой), полковник Лейб-Гвардии Гусарского полка, флигель-адъютант. В эмиграции во Франции. С 1923 г. – член Союза ревнителей памяти императора Николая II. Сыновья: Кирилл (3.11.1907 – 22.12.1922/4.01.1923), Никита (26.06/9.07.1909 – 1942) и Николай (6.11.1905, СПб. – 18.07.1966, Versalles; кладб. в SGdB), инженер, офицер, участник Сопротивления, кавалер ордена Почетного легиона, награжден Военным крестом и медалью Сопротивления; масон. Дочь Марина. [233; 234; 414-2, с. 183-184; 434; 452; 503-234, с. 130; 568, с. 62; 624].

43. С. 572-573: *о. Александр* (***Чекан*** Александр Иоаннович; 28.08.1893, St-Pedal (?), Подольская губ. – 4.07.1982, Париж; кладб. в SGdB) – протопресвитер, артиллерийский капитан. Окончил Подольскую духовную семинарию, 3 курса Петербургской Духовной академии, Сергиевское артиллерийское училище в Одессе. Участник Гражданской войны. Эвакуировался в Галлиполи, переехал в Болгарию. Окончил историко-филологический фак-т Софийского ун-та. Председатель Союза русских студентов в Софии и Союза русских студентов в Болгарии (1920-е). Секретарь Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за рубежом (с 1926 г.). Стоял у истоков РСХД (в течении 8 лет – его секретарь). Перебрался во Францию. Читал лекции в РСХД (с февраля 1926 г.) и в Кружке по изучению России (декабрь 1927 г.). Священник церкви Св. Николая Чудотворца (Boulogne-Billancourt, 1936–1940 гг.). Преемник в издательской деятельности о. Николая Сахарова. Заведовал студенческим общежитием (на 12 чел.) на bd Montparnasse. Во время войны занимался благотворительностью. С февраля 1941 г. председатель Комитета социальной помощи, при котором было Русское убежище для безработных. Руководил детской летней колонией в Gargenville (июль–октябрь 1941 г.) в Élincourt-Sainte-Marguerite (деп. Oise; колония Земгора), которая во время войны приняла детей из других организаций (до 250 человек; была одним из трех летних лагерей, наряду с лагерями УДРЭ и Н. Федорова, на организацию которых дали согласие оккупационные власти в 1943 г.; в последний раз действовала в полном составе в 1947 г.), а также колонией Св. Николая Чудотворца в Courcelles-sur-Yvette (с июля 1945 г.; не о ней ли речь в письме, опубликованном 6 сентября 1945 г.: «идет отчаянная охота за советскими гражданами, пытающимися не ехать в Россию. Обысков много. Производят их советские военные (т<ак> наз<ываемый> военный контроль). В детском

лагере священника Чекана под Парижем была произведена облава. Нашли двух советских женщин, которые якобы скрывались. Их арестовали – равно как арестовали и начальника лагеря, старика полковника, эмигранта» [200, с. 178]). Член совета ОРОВУЗа (избран на 1-й конференции, 6–11 сентября 1930 г.; затем председатель), бюро ККРЭБГО (31 мая 1947 г.), Общества памяти Иоанна Кронштадтского (с 1945 г.; председатель). Участник съезда РСХД (май 1945 г., Courcelles). 3 сентября 1945 г. присутствовал на приеме в честь митр. Николая (Крутицкого) в советском посольстве. 26 апреля 1946 г. выступал на 3-м съезде ССП. Протоиерей и затем протопресвитер Александро-Невского собора и духовный руководитель сестричества при соборе; настоятель домового храма Св. Николая Чудотворца при Русском доме Земгора в Cormeilles-en-Parisis (1945 г.). Секретарь президиумов Епархиальных съездов Западноевропейского православного русского экзархата Патриарха Вселенского (29 сентября – 3 октября 1949 г.; 3–4 октября 1952 г.) и Чрезвычайного Епархиального собрания Православной архиепископии Франции и Русских Западноевропейских церквей рассеяния (16–18 февраля 1966 г.). На годичных псаломщических курсах при Православном Богословском ин-те преподавал псаломщическую практику и общую церковную администрацию (1954 г.). Автор статьи в [234-II]. Жена: Ч. (урожд. Миллер) Мария Евгеньевна (1897– 14.03.1982, Париж; кладб. в SGdB), дочь генерала Миллера, общественный и церковный деятель. Принимала активное участие в работе РСХД и в работе Сестричества при Св.-Александро-Невском соборе. Сын: Чекан Иван (Иоанн) Александрович (р. 29.12.1933, Париж), хормейстер, педагог, начальник Европейского отдела Организации российских юных разведчиков, ассистент кафедры русского языка в Школе восточных языков. В 1975 г. основал и затем долго руководил православным информационным агенством «Service orthodoxe de presse»; был главным редактором бюллетеня агенства [22; 24, с. 32; 193; 234-II, с. 54-55, 99-107, 141; 257, с. 159; 414-3, с. 471-472; 434-VIII; 620, с. 96; 624].

44. С. 596-597: **«Русские Новости»** / «Les Nouvelles russes» (РН; Париж, 18 мая 1945 г. – 13 ноября 1970 г., № 1–1288 г.) – еженедельная газета просоветской ориентации под «умеренно-демократической» вывеской. Основана группой бывших сотрудников ПН, которые настаивали на преемственности двух изданий. Главный редактор А.Ф. Ступницкий (1945–1951 гг.), затем М. Бесноватый (Бисноватый; 1952–1970); фактический редактор Владимир Евгеньевич Татаринов, административный директор Н.К. Волков. 15 апреля 1948 г. редакция газеты переехала по адресу: 16, rue du Croissant, 2°. До конца 1949 г. РН финансировало советское посольство. Затем Ступницкий продолжал издавать РН сам, и издание несколько поправело [12, с. 111-112; 17-216; 143, с. 24; 144-(I, III); 165-IX; 264, с. 160; 282-II; 309-XXI, с. 397-399; 434-VIII; 523, с. 76; 547, с. 212; 609-II, с. 94]. Из характеристики сер. 1945 г.: «“Русские новости”, которые должны были стать органом “группы Маклакова”, в результате внутреннего переворота, совершенного одним из редакторов (Ступницким), превратились в орган, полностью подчиненный полпредству» [200, с. 178-179]. Дело в том, что газета задумывалась в рамках возникшей в 1944 г. Группы действия русских эмигрантов (Groupe d’action des émigrés russes).

Идейным главой группы был Маклаков, она занимала выжидательную, но никак не просоветскую позицию, и действия Ступницкого не без оснований расценивались как предательские: «газета “Русские новости”, долженствовавшая представлять основное течение объединения, ввиду явно определившегося уклона газеты в сторону “Советского патриота”, уже более не отражает взгляды основной инициативной его группы. Между объединением и газетой получился полный разрыв» (оценка 1945 г. года А.И. Коновалова, цит. по: [254, с. 350]). Газета была поддержана И. Буниным (ср. в его письме к Алданову от 25 мая 1945 г. из Парижа: «Здесь <...> стали выходить “Русские новости” (еженедельно). Я дал в 1-й № рассказ. Газета приличная. И вообще – ничего не поделаешь...» [78-150, с. 172-173]). Впоследствии Бунин вышел из Союза русских писателей и журналистов, и его поддержка РН повлияла на оценку его действий эмигрантским сообществом (см. также [78-153, с. 154]). О сотрудничестве в ней Г. Адамовича, А. Бахраха, И. Бунина, Л. Зурова см. [16, с. 125, 136; 17; 163]. В [50, с. 323; 163] отчасти перепутаны РН, РП и СП.

45. С. 600: ***Лазаревский*** Владимир Александрович (19.05.1897(99?), Киев – 25.08.1953, Ницца; кладб. Cocade) – журналист, редактор, переводчик. До революции сотрудничал в газете «Киевлянин». Учился на факультете права Киевского ун-та. В Гражданскую войну в Белой армии. Племянник В.В. Шульгина, участник самоотверженной экспедиции 30 августа – 9 сентября 1921 г. из Варны в Крым в попытке спасти оставшихся там близких; вывез за границу жену Шульгина, Екатерину Григорьевну. В эмиграции окончил Русский юридический факультет в Праге. Перебрался в Париж; выпускающий редактор газеты «Возрождение»; печатался во французских газетах. В начале февраля 1925 г. присутствовал на специальном совещании эмигрантских организаций, положившем начало проведению Дней русской культуры. Сотрудничал с Обществом русских студентов для изучения и упрочнения славянской культуры (1925 г.), РСХД (1926 г.) и Кружком «К познанию России» (1936 г.). Член Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (до 1928 г.; зав. международным отделом), ОРОВУЗа (на первой конференции, 6–11 сентября 1930 г., вошел в состав административного Совета), Русского национального комитета, Российского центрального объединения (1926 г.), Национального объединения русской молодежи, правления Общества изучения проблем Лиги Наций (1926 г.), административного совета и различных комитетов РМОЗ (1946–1953 гг.), член Пушкинского комитета (апрель 1949 г.), председатель Русско-польского объединения (с 1952 г.); член комитетов: защиты интересов Российского общества красного креста в Югославии, празднованию 250-летия основания С.-Петербурга, по выработке устава Российского национального союза в Париже и др. Член Общества охранения русских культурных ценностей. Был секретарем В.В. Шульгина. Участвовал в Младоросском движении. Переводил русские книги для издательства «Payot». В ноябре 1928 г. награжден орденом Французского Возрождения (Renaissance Française). После Второй мировой войны организовал Российский национальный союз. Редактор «Cahiers libres» в 1946 г. (№ 1–3); основатель и редактор (1947–1953 гг.) РМ. [50; 86; 144-III; 155-(I, III); 234; 270, с. 50; 282-(II, III); 305, с. 635; 324; 327-IV; 414-2, с. 22; 434; 500].

46. С. 568: ***Николай*** (Ярушевич Борис Дорофеевич; 13/25.01.1892, Ковно(?) – 13.12.1961; погребен в Смоленском храме Троице-Сергиевской лавры) – митрополит Крутицкий и Коломенский. Сын священника. Окончил Петербургскую духовную академию (1914 г.). В октябре 1914 г. принял постриг, став иеромонахом. Три месяца был на фронте в качестве священника. С 1915 г. преподаватель духовной семинарии. В 1917 г. защитил магистерскую диссертацию, удостоенную Макарьевской премии. Настоятель Петергофского собора (1918 г.), наместник Александро-Невской лавры в сане архимандрита (1919–1922 гг.); занимал епископскую Петергофскую кафедру (1922–1940 гг.). Архиеп. (1935 г.) с правами епархиального архиерея; временно управлял Псковской и Новгородской епархиями; экзарх в епархиях Западной Украины и Западной Белоруссии в звании архиеп. Волынского и Луцкого (1939 г.), митр. (март 1941 г.) с пребыванием в Луцке; митр. Киевский и Галицкий, экзарх всея Украины (с 15 июля 1941 г.); зам. местоблюстителя и управляющий делами Московской патриархии в Москве. Митр. Крутицкий, управляющий Московской епархией (январь 1944 г.); постоянный член Св. Синода. Награжден медалью «За оборону Москвы», кавалер ордена Трудового Красного Знамени (1955 г.); член Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков. Один из наиболее активных противников иосифлян (с 1927 г.). С апреля 1946 г. председатель новосозданного Отдела внешних церковных сношений при Св. Синоде РПЦ. Член редколлегии «Журнала Московской патриархии», затем председатель издательского отдела Московской патриархии. Его визит в Париж состоялся 24 августа – сентябрь 1945 г.; первая официальная встреча с главой Западноевропейских церквей митр. Евлогием 29 августа; прием в советском посольстве 3 сентября 1945 г.), перед этим, в июне Н. был в Лондоне. В январе–феврале 1955 г. был в Париже для участия в Съезде духовенства Западноевропейского экзархата Московской патриархии (открылся 3 февраля 1955 г.). Инициатор приглашения группы не отмежевавшихся от Москвы верующих из Парижа совершить паломничество к православным святыням России. С 1949 г. представлял РПЦ во Всемирном движении сторонников мира. «Состоял “кооптированным сотрудником” КГБ», но, оказавшись «в оппозиции к Патриархии, умер при загадочных обстоятельствах» [212, с. 227]. К 1957 г. издано 4 тома его «Слов и речей» [158; 227, с. 113-115; 309; 423, с. 42, 140, 145, 172; 434-VIII; 643, с. 431-432].

47. С. 527-529: ***Нольде*** Борис Эммануилович, барон (14.12.1876, СПб. – 28(27).05.1948, Лозанна, Швейцария; кладб. в Брэн-сюр-Же (Brains-sur-Gee), деп. Сарта, Франция) – юрист, дипломат, историк; окончил юридический факультет СПб. ун-та; экстраординарный профессор Петроградского Политехнического ин-та, профессор Александровского лицея, Высших женских (Бестужевских) курсов, Петроградского ун-та по кафедре международного права (1917 г.). Читал лекции в университетах Франции, Бельгии и Голландии. Автор многочисленных научных работ. Служил в МИД (1907–1914 г.): юрисконсульт, начальник юридического, экономического, административного отделов, директор 2-го департамента; участник Международной конференции в Гааге; член постоянной палаты Третейского суда в Гааге. Член ЦК ПНС. Вместе

с Н.Д. Набоковым составил акт отречения от престола вел. кн. Михаила Александровича и передачи им всей полноты власти Временному правительству. Товарищ министра в МИД (при П.Н. Милюкове, с середины марта 1917 г.); с мая 1917 г. член Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное собрание; член Предпарламента; в ноябре 1917 г. арестован в числе других кадетов – членов комиссий по выборам в Учредительное собрание, но вскоре освобожден; из Петрограда выехал в 1919 г. В Белом движении сторонник германской ориентации. В эмиграции с 1920 г. (с лета 1919 г.?). Осенью 1919 г. пытался склонить финнов к участию в походе на Петроград в обмен на признание независимости Финляндии, но Колчак, как Верховный правитель России, этому воспротивился. Один из организаторов Российского общества Лиги народов (председатель учредительного собрания в Париже, 4 февраля 1920 г.). Член комитета Парижской группы ПНС (май 1920 г.; ратовала за поддержку генерала П.Н. Врангеля), РАГ (май 1920 г.), совета профессоров Русского ин-та исторических и юридических наук (сентябрь 1920 г.), бюро съезда Русского национального объединения (июнь 1921 г., Париж). На октябрь 1923 г. в Польше. Доктор государственного права, преподавал советское право в Сорбонне (в т. ч. читал лекции в Ин-те русского права при юридическом факультете Сорбонны, 1921–1922 гг.), в РНУ, в Русском юридическом обществе, декан русского юридического факультета при Ин-те славяноведения в Париже. Участвовал в качестве эксперта в работе Совещания послов. Член Главного управления РОКК; входил в Банковский комитет в качестве приглашенного лица. Был близок к евразийцам. Член акционерного общества издательства «Иллюстрированная Россия» (21 мая 1926 г.); сотрудничал в «Возрождении», ПН, «Современных записках», «Грядущей России»; автор книги о франко-русском союзе и мемуаров (1930 г.); занимался адвокатской деятельностью. Адрес бюро: 12, rue St-Ferdinand, 17° (это и адрес проживания на 1926 г.); адрес на 1938: г. 1, rue Beaujon, 8°. За участие в Сопротивлении награжден орденом Почетного легиона (на 1938 г. являлся офицером ордена, таким образом, после войны должен был стать командором). В 1944 г. был введен В.А. Маклаковым в Совет бывших русских послов. В 1947 г. избран председателем Международного ин-та права. Печатался в РМ. В департаменте Sarthe приобрел имение, где занимался садоводством. В эмиграции прожил с нансеновским паспортом. Жены: в 1-м браке – бар. Н. Александра Андреевна (урожд. Искритская (в [3] ошибочно «Alexandrine Sohritzhy»); ? – 16.03.1932, Франция; кладб. в Brains-sur-Gee, деп. Sarthe]); во 2-м – бар. Н. Ольга (урожд. Терещенко / Terestchenko). Сыновья от первого брака: Борис, барон (25.09.1903, СПб. – ?), в 1923 г. поступил в Парижскую Политехническую школу (курс 1924/25 гг. не закончил), во время обучения натурализовался; инженер-судостроитель, работал как статистик и математик в области страхования, член Союза русских дворян; Андрей, барон (24.10.1905, СПб. – 22.1.1987, Париж), в 1926–28 гг. обучался в Политехнической школе, выпущен в корпус Колониальной артиллерии (следовательно, к моменту выпуска натурализовался), бригадный генерал, председатель Земгора, вице-председатель общества «Быстрая помощь», член Союза русских (дипломированных) инженеров во Франции (в 1980-е годы

входил в правление), кавалер ордена Почетного легиона; Эммануил (ок. 1909 – 31.10.1982, Франция; кладб. в Brains-sur-Gee, деп. Sarthe), чиновник по работе с бывшими французскими колониями, член Ассоциации Тургеневской библиотеки [3; 4; 5; 24, с. 33; 44, с. 7; 97, с. 219; 155-(I, IV-VII); 165-(I-III, VI. VIII-IX); 219; 223; 233; 234; 282-II; 306; 307; 309; 324; 327-V; 380; 382; 402, с. 288; 414-2, с. 307-308; 432, с. 462; 434; 442; 469; 499-I; 500; 529; 545; 625; 663; 677, p. 397, 580]. Проф. А.Э. Нольде (брат?) был убит (при переходе границы?) финским пограничником [324, с. 28]. Председатель Бельгийского союза русских дворян кн. А.Н. Гедройц, утверждая, что бароны Нольде «оказались в Бельгии» [119, с. 291], имеет в виду капитана 2-го ранга Бориса Александровича Нольде (27.5.1885, Костромская губ. – 24(25).5.1936, Брюссель) и его семью [327-V].

48. С. 591: ***Краснов*** Петр Николаевич (10/22.07.1869, станица Каргинская (по другой версии: СПб.) – 16.01.1947, Москва) – генерал от кавалерии, путешественник, военный журналист, писатель. После крушения Белого дела эмигрировал, выехав 20 марта 1920 г. из Ревеля в Берлин. В Германии прожил с перерывами почти четверть века; некоторое время жил во Франции; продолжал активную антисоветскую деятельность. Член Верховного монархического совета. Во время войны был в Германии, где с ноября 1943 г. встал во главе казачьих войск (начальник сформированного в феврале–марте 1944 г. Главного управления казачьих войск с фактическими функциями временного казачьего правительства); принимал участие в военных действиях против Красной армии; отказался сотрудничать с соединениями генерала А.А. Власова. 28 мая 1945 г. в Лиенце вместе с казаками Казачьего стана предательски выдан англичанами советскому командованию; после Московского процесса 1946 г. повешен по приговору суда в Лефортовской тюрьме (встречается ошибочная дата казни 19 января 1946 г.). Автор 21 исторического романа, повестей, рассказов, «не без юдофобства и имперской ностальгии» (в 1921–1944 гг. опубликовал более 40 книг; роман «От Двуглавого Орла к красному знамени» переведен на 15 языков (их критику см. в [285, с. 192-193]). Активно сотрудничал в газете ПВ. О нем как о писателе см. в переписке И. Бунина и М. Алданова, а также в дневниках Бунина [19-81, с. 138; 77-112, с. 208; 78-152, с. 178-180]. Оставил мемуары. Жена: К. Лидия Федоровна (урожд. Грюнейзен; ? – 22.06.1949, Мюнхен), брак заключен в 1896 г. [21; 40; 104, с. 461; 129, с. 493; 132; 133; 144-II; 155-(I-II, IV, VII); 214; 215, с. 842; 217-II, с. 79-87; 228; 266, с. 178-181; 274; 281-I-2, с. 391-392; 282-(I-III); 285, с. 329; 306; 307; 309; 324; 379, с. 744; 380; 383, с. 862; 397; 402, с. 105; 414-1, с. 750; 421, с. 490; 424; 428; 434; 436; 457; 461; 462; 463; 468; 491-III, с. 31; 517, с. 392; 529; 537; 541; 547; 549; 560, с. 233; 583, с. 264; 620].

49. С. 615: ***Петрищев*** Афанасий (Атанас) Борисович (21.02.1872, Брянск Орловской губ. – 6.03.1951, Версаль под Парижем) (в [309-XXII, с. 104] дата смерти ошибочная: 1938 г.) – учитель, литератор, журналист, революционный критик. Из мещан. Окончил учительский ин-т в Белгороде. В 1893–1901 гг. работал учителем; сотрудничал в газетах «Орловский вестник», «Приднепровский край», «Вести Юга». Долго жил в Баку, где был соиздателем газеты «Баку». В 1904 г. жил в Киеве, сотрудничал в «Киевской газете». Постоянный сотрудник журнала «Русское богатство» (с 1906 г.; сотрудничал с 1904 г.; по другим

источникам, с 1901 г.). В период революции 1905–1907 гг. редактировал журналы «Весть» и «Щит»; позднее сотрудничал в газете «Русские ведомости». Один из основателей (1906 г.) Народно-социалистической партии и член ее оргкомитета; от нее на 1-м Всероссийском съезде ТНСП (21–23 июня 1917 г.) был избран в ЦК ТНСП. Поддерживал Временное правительство; резко осуждал Октябрьский переворот. С 1917 г. редактор газеты «Народное слово», с ноября – издатель газеты «Слово в цепях». После 1917 г. заведовал культпросветотделом Брянского губсоюза кооператоров. В 1921 г. вызван Луначарским в Петроград «для литературной работы». 16 августа 1922 г. арестован ПГО ГПУ. Освобожден 21 сентября 1922 г. «ввиду отъезда его за границу 15 ноября». 10 ноября 1922 г. выслан из Советской России в составе «философского парохода» («петербургская группа»; описание отъезда этой группы см. в [167]). Член Комитета помощи русским писателям и ученым (февраль 1927 г.). Выступал в различных объединениях, в т. ч. в РДО (1934 г.) и Союзе студентов сионистов-ревизионистов (1928 г.). Член редакции еженедельника «Дни» (Берлин, затем Париж; редактор А.Ф. Керенский); состоял в штате редакции ПН (1935 г.), сотрудничал в журнале «Русские записки» (1937–1939 гг.; Париж; под редакцией П.Н. Милюкова), публиковался в «Современных записках» (1923 г.), в РН (1945 г.) и в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Автор романа «Великий лес» (о связи ЧК и уголовного мира). Член СРПЖ. В № 7 «Cahiers libres» (1947 г.) ответ редакции на некорректную (по отношению к лицам, насильственно собранным в советском сборном лагере Борегар под Парижем) статью «Легендарный Борегар», которую опубликовал «в эмигрантской газете “Нов<ое> Рус<ское> Сл<ово>” старый писатель-народник А.Б. Петрищев» (Свободная мысль. 1946 г. Сб.6. С. 41). Письма сохранились в фонде генерала К.Н. Оберучева в РЗИА (ныне в ГАРФ). [104, с. 468; 110; 165-(I, III, IX); 167; 282-I; 287, с. 109, 151; 288, с. 123; 309; 380; 414-3, с. 427; 434; 515; 529, с. 341].

50. С. 485: ***Савицкий*** Борис (Л.?) А. (? – не ранее 1969). Кадет. Окончил Хабаровский кадетский корпус, участвовал в Мировой и Гражданской войнах. В эмиграции – в Париже. Участник Сопротивления. Осуществлял в 1944 г. печатание на ротаторе газеты «РП»; после разгрома газеты в апреле 1944 г. участвовал в восстановлении ее издания. Избирался: на первом заседании Парижского отдела СРП (17–18 декабря 1944 г.) в правление (казначей); 9 марта 1945 г. в президиум съезда СРП; 10 марта 1945 г. на совместном конгрессе СДРС и СРП – в Центральное правление ВС ССП (казначей). Член Союза российских кадетских корпусов (в 1969 г. подтвердил свое членство) [391, с. 282; 414-3, с. 22; 434-VIII].

51. С. 487-488: ***Ковалев*** Василий Евдокимович (1895 – 1.11.1974, Париж; кладб. в SGdB), певец, композитор, хормейстер, регент. В эмиграции во Франции. Окончил в Париже Консерваторию по классу теории музыки и композиции. Член Союза возвращения; руководил казачьим хором. Участвовал в благотворительных концертах и вечерах (1938–1960 гг.), в спектаклях (по Гоголю, «Тарас Бульба», 1955 г., в Булони). Автор романсов. В годы войны «долго сидел в немецкой тюрьме» [285, с. 382]. 23 декабря 1945 г. избран в правление Парижского отдела ССП (на февраль 1946 г. – председатель). На 3-м делегат-

ском съезде ССП (27 апреля 1946 г.) избран в президиум ЦК (казначей), а на 4-м (23 февраля 1947 г.) – зам. председателя ЦИК. 28 июня 1947 г. выступал с речью на торжественном собрании в Бессарабском землячестве в Париже под председательством посла СССР во Франции А.Е.Богомолова. На Учредительном съезде ССГ во Франции (8–11 августа 1947 г.) избран в Центральное правление (казначей). Присутствовал в Sarrebourg при отъезде русских эмигрантов, получивших советские паспорта, из юго-западного района Франции в СССР (25–30 сентября 1947 г.; по разным источникам, 348 или 550 человек). Будучи советским гражданином, был обвинен во вмешательстве во внутренние дела Франции и по решению министра внутренних дел Ж. Мока 25 ноября 1947 г. арестован в числе 24 активистов ССГ и выслан. Сумел вернуться [254, с. 370; 264, с. 164; 414-3, с. 702; 434; 624]. Характеристика (сентябрь 1946 г.): «Василий Ковалев, давно живет во Франции, старый коммунист; в прошлом один из руководителей "Союза Возвращения", член СРП, член през<иума> ЦК СПП (явная опечатка: должно быть ССП. – *Д.Г.*), после выборов 27 апреля 1946 г.; говорит хорошо по-французски, женат на француженке» [12, с. 110].

52. С. 487: ***Матяш*** С.В. (Васильевич?) (? – не ранее 21.02.1947). 9 марта 1945 г. на съезде СДСР, где разбирался вопрос о слиянии с СРП, избран председателем президиума и председателем Временного правления, а на совместном конгрессе с СРП 10 марта 1945 г. – председателем Центрального правления ВС ССП (как член президиума и председатель ЦК переизбирался на 2-м и 3-м съездах ССП 12–13 октября 1945 г. и 27 апреля 1946 г.). Присутствовал на приемах в советском посольстве: 3 сентября 1945 г. в честь митр. Николая (Крутицкого) и 7 мая 1946 г., который давал В.М. Молотов. 21 июня 1946 г. выступал на собрании русской эмиграции в Париже, с участием посла и генерального консула СССР во Франции, посвященном Указу Президиума ВС СССР от 14 июня 1946 г. о возможности получения и восстановления советского гражданства. Член организационной комиссии Комитета социальной помощи «Русская помощь» (17 декабря 1946 г.) и правления СУСРП (15 февраля 1947 г.). Последние сведения о нем относятся к 21 февраля 1947 г., когда он делал отчетный доклад на 4-м делегатском съезде ССП [264, с. 161; 434-VIII]. Возможный родственник: Матьяш (Matiache) Роман Васильевич (28 сентября 1897 г. – 4 февраля (?) 1950-е; кладб. в SGdB) [624].

53. С. 483-484: ***Качва*** Николай Сергеевич (30.09.1900, Тифлис – после 25.02.1948, СССР?), в эмиграции во Франции. Работал шофером такси. Член Союза возвращения, председатель «Ассоциации друзей советской Родины». Капитан интербригады в Испании. Как член РКФ, видимо, входил и в ФКП, откуда в 1938 г. вышел по требованию из Москвы; интернирован французскими властями в 1939 г.; освобожден немцами в 1940 г. в момент франко-немецкого перемирия. После начала германо-советской войны участвовал в Сопротивлении (вместе с другими членами РКФ); примкнул к СРП. Характеристика (сентябрь 1946 г.): «член правления СРП, бывший "подпольщик"; в настоящее время заместитель председателя ЦК ССП; руководил отделом молодежи при ССП <...>. Член през. Союза "политзаключенных". Его фамилия цитирована с похвалой в "Известиях" от 3-го июля 1946 г. года. Один

из главных руководителей "внутренней линии" партии в ССП. Карьерист. Культурный человек, лет 50, болезненный, аморальный, не стесняется ничем, чтобы пролезть выше по партийной линии. Плохо говорит по-французски» [12, с. 110]. Ср.: «По отзывам всех русских сопротивленцев, членов французских подпольных организаций, которым приходилось соприкасаться с работой Союза Патриотов, работа последних велась в очень ограниченных размерах и неумело. В среде русской компартии приписывают даже один провал в работе, стоивший гибели нескольких человек, коммунисту К., который, желая продвинуться по партийной лестнице, таким образом устранил своих "конкурентов"» [14, с. 107-108]. Самый крупный провал, когда было арестовано 15 человек, в т. ч. ряд организаторов СРП, и разгромлена типография «Русского патриота», произошел в конце зимы или в самом начале весны 1944 г. [345, с. 447-448]. Качве руководство СРП было поручено в первые месяцы 1944 г. ([345, с. 447] (ср.: «Надо сказать, он хорошо справлялся со своей задачей», [391, с. 282]). Генеральный секретарь (октябрь 1944 г.), член правления (ноябрь 1944 г.) СРП, член правления парижского отдела СРП (декабрь 1945 г.). Некоторое время редактировал газету РП. Член президиума 3-го делегатского съезда ССП, на котором был избран в члены президиума ЦК ССП (26–27 апреля 1946 г.), а на 4-м делегатском съезде ССП (23 февраля 1947 г.) – в члены ЦИК ССП. Генеральный секретарь СРДПУС, и с 15 февраля 1947 г. – наследовавшего ему СУСРП; от последнего сразу после его образования избран делегатом (1 февраля 1947 г.) на Национальный конгресс иностранных добровольцев французской армии и освободительного движения. 3 июля 1947 г. присутствовал в советском посольстве на приеме В.М. Молотовым группы русских эмигрантов. На учредительном съезде ССГ (8–11 августа 1947 г.) избран председателем Центрального правления. 20 сентября 1947 г. присутствовал на банкете ССГ в честь отъезжающих с участием генерального консула СССР А.Г. Абрамова. С 1947 г. генеральный секретарь Содружества русских участников Сопротивления во Франции. Делегат Национального конгресса иностранных добровольцев французской армии (1947 г.). Будучи советским гражданином, обвинен во вмешательстве во внутренние дела Франции и по решению министра внутренних дел Ж. Мока 25 ноября 1947 г. арестован в числе 24 активистов ССГ и выслан [254, с. 369-370; 264, с. 161-164, 181; 285, с. 379; 383, с. 458-459, 481; 434-VIII; 621, с. 478]. Возможные родственники: К. Георгий Сергеевич (? – 31.10.1928, Париж) (брат?) и 17-летний Олег Качва, погибший под Лионом «в стычке с немецким патрулем» [285, с. 349, 382-385; 327-III; 391, с. 288, 291; 414-1, с. 672; 560, с. 195].

54. С. 484-485: ***Говоров*** Алексей Владимирович (1888 или нач. 1889 – 2.03.1967, Киев), Сын священника. Окончил Тверское кавалерийское училище (1907 г.), Академию Генштаба (1914 г.). Подполковник 11-го уланского полка (начальник штаба?). Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода, начальник штаба конной бригады в ДА. В Донской армии: с мая–июня 1918 г. полковник Генштаба, затем генерал-майор; начальник штабов: 1-й Донской конной дивизии (1918 г.), 3-го Донского корпуса, 3-й Донской конной дивизии (с 25 марта 1920 г.), 1-й или 2-й конной дивизии (сентябрь 1920 г.), Донского корпуса

Русской армии (на 1 октября 1920 г.); генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии; начальник Николаевского кавалерийского училища (с 1921 г.), член правления объединения воспитанников училища (с 1929 г.). С 1923 г. в Париже. Глава группы Союза первопоходников (1931 г.). Член Союза русских военных инвалидов, Комитета под председательством атамана гр. М.Н. Граббе для организации торжеств, посвященных 300-летию взятия казаками Азова (июнь 1937 г.). С 1923 г. шофер такси. На 22 ноября 1944 г. – член СРП, выступал с лекцией в культурно-просветительной секции; с 17–18 декабря 1944 г. – председатель правления Парижского отдела СРП с момента его создания; с 29 апреля 1945 г. – ССП. Один из инициаторов создания и председатель художественного совета при парижском отделе ССП (1945 г.). 3 сентября 1945 г. присутствовал на приеме в советском посольстве в честь митр. Николая (Крутицкого). Выступал на 2-м делегационном съезде ССП (12–13 октября 1945 г.); 30 ноября 1945 г. избран председателем Художественного совета при ССП. Вернулся в СССР. В [414-1, с. 378] утверждается, что это произошло в 1947 г.; однако в феврале 1949 г. он еще присутствовал в Париже вместе с сыном. [106; 215, с. 921-922; 397; 434]. В [434-VIII, с. 90] ссылка: «Говоров А.А. (деят. ССП)», но в [434-V, с. 96] некто Говоров, вошедший 21 июля 1945 г. в бюро Отдела молодежи ССП, указан без инициалов. О ССП: «Пропагандная работа ведется перешедшими на советскую службу эмигрантами: <…> бывший белый ген<ерал> А. Говоров <…>» [12, с. 108]. 14 февраля 1949 г. лжесвидетельствовал на процессе В.А. Кравченко, пытаясь очернить последнего. Ср.: «желтолицый, лысый человек. 63-х лет. <…> во время гражданской войны он был начальником штаба Донского корпуса в Крыму. Затем у него была небольшая неприятность на о. Лемносе, после которой его в должности заменил ген<ерал> Есевич. С 1923 г. Говоров живет в Париже. Когда он узнал, что в финской войне отличился советский ген<ерал> Говоров, то он стал выдавать себя за его брата. Сейчас же после войны, в 1944–45 гг., он стал членом центрального комитета Союза советских патриотов, откуда был после первой же чистки вычищен за антисемитизм. Его сделали членом ревизионной комиссии. Сейчас он один из немногих членов этого Союза, оставленных во Франции, остальные почти все высланы в СССР. Он служит в советском учреждении на улице Фезандери № 49» [393, с. 57]. Однако в [133] указано, что пост начальника штаба Донского корпуса занимал (в 1920 г.) генерал-лейтенант Генштаба С.Н. Говоров. Во французском издании стенографического отчета о процессе Кравченко, видимо, по вине стенографистки Г. ошибочно представлен как Logoroff [661, с. 439-441].

55. С. 481: *Пелехин* Павел П. (ок. 1911/12 – не ранее 1963(?), СССР). Согласно [11, с. 109-110], «старый член <русской> компартии, состоял в Союзе Возвращения, участник подпольной работы СРП, член правления СРП, член ЦК ССП до конца 1945 г.; теперь (сентябрь 1946 г. – *ДИГ*) редко показывается в ССП; он лично руководил всеми работами по “оборудованию” домов, купленных Советами во Франции; по некоторым данным, является секретарем русской компартии во Франции; молодой человек лет 35, спортивного вида, высокий, образованный, хорошо говорит по-французски». Воевал в Испании в составе Интернациональных бригад. Был в плену; после концлагеря вернулся

во Францию, перешел на нелегальное положение. Во время оккупации Франции вступил в Сопротивление. Участник подпольной встречи 3 октября 1943 г. в Париже на квартире Г.В.Шибанова, когда было принято решение о создании СРП. Занимался «агитацией и партийными делами парижской группы русских патриотов» [345, с. 447]; был первым (из 15 чел.) арестован во время провала СРП в конце зимы – самом начале весны 1944 г. Они содержались в тюрьме Френ, освобождены в ходе парижского восстания 1944 г. г. На заседании Парижского отдела СРП 17–18 декабря 1944 г. рекомендован в правление (с 20 марта 1945 г. председатель, с 23 декабря 1945 г. зам. председателя). Присутствовал на приеме (3 сентября 1945 г.) в советском посольстве в честь митр. Николая (Крутицкого). 26 октября 1946 г. в качестве отъезжающего присутствовал на банкете в ССП в честь отъезжающих в СССР [285, с. 244, 334; 345, с. 445-448; 414-2, с. 414; 434-VIII]. В [50; 327-V; 414-2; 434-IV; 624] много лиц с этой этой фамилией.

56. С. 507-509: ***Кривошеин*** Игорь Александрович (9/(22?).02.1899, СПб. – 7.08.1987, Париж; кладб. в SGdB) – инженер-электротехник. Третий сын министра земледелия К. Александра Васильевича (19 июля 1857 г., Варшава – 28 октября 1921 г., Берлин), премьер-министра в правительстве генерала Врангеля в Крыму, и Ел. Ген. Карповой (1870 – 27 июля 1942 г., Париж). Окончил ускоренные курсы Пажеского корпуса (1916 г.), участник Первой мировой войны; с октября 1919 г. в ДА генерала Деникина; штабс-капитан лейб-гвардии Конной артиллерии; эвакуировался вместе с армией Врангеля; в октябре 1920 г. прибыл в Константинополь, а 1 декабря 1920 г. – в Париж, где через две недели поступил в Сорбонну на физико-математический факультет (окончил в июле 1922 г.); окончил Высшую электротехническую школу в Париже (август 1923 г.); работал инженером в испытательной лаборатории общества «Апель» («Appel»; декабрь 1926 г. – 1 мая 1928 г.), затем почти 20 лет в Клиши на заводе «Lemercier frères» («Братья Лемерсье»). Активный член Союза Младороссов; был близок к «оборонцам». Член РОВС. 22 июня 1941 г. арестован и заключен в Компьенский лагерь, откуда вышел через 6 недель; вместе с матерью Марией стал создателем Комитета помощи русским заключенным лагеря Компьень (август 1941 г.); спасал евреев от вывоза в Германию; действовал по заданию боевой организации «Вольные стрелки» («Francs Tireurs et Partisans»), собирал информацию для движения Сопротивления, деголлевских и английских служб, скрывал и переправлял в Испанию сбитых над Францией союзнических летчиков; работал в сопротивленческой организации «Ceux de la Résistance»; с 1943 г. вместе с Маклаковым возглавлял русское движение Сопротивления. 12 июня 1944 г. по вине Л.Д. Червинской (в своих воспоминаниях ее имени он не называет, указывая лишь на лейтенанта Абвера Карла Рейбеля, действовавшего в качестве участника Сопротивления под именем Шарль) был арестован, содержался в тюрьме Фрэн; после 11 дней пыток, в ходе которых никого не выдал, приговорен к пожизненному заключению и 17 августа 1944 г. отправлен в Бухенвальд; был на работах в подземном лагере «Лаура» и некоторое время в Дахау. Освобожден 29 апреля 1945 г. и вывезен во Францию. До 1947 г. жил в Париже; получил звание офицера французской армии и медаль Сопро-

тивления (с ноября 1945 г. по 1947 г.); один из основателей и председатель СРДПУС с момента образования (23 октября 1945 г.). 21 июня 1946 г. выступал на собрании русской эмиграции в Париже, посвященном Указу Президиума ВС СССР от 14 июня 1946 г. о возможности получения и восстановления советского гражданства, с участием посла и генерального консула СССР во Франции. В конце июня – начале июля 1946 г. получил вместе с семьей советские паспорта. 15 февраля 1947 г. стал председателем вновь образованного СУСРП, в которое вошло СРДПУ и Содружество подпольщиков «Русский патриот». Присутствовал на совещаниях общественных организаций по вопросу создания ССГ (6 мая и 30 июня 1947 г.); член президиума Учредительного съезда ССГ (8–11 августа 1947 г.; приведенная в [254, с. 369; и др.] дата 15 августа ошибочна). Член организационной комиссии Комитета социальной помощи «Русская помощь» (с 17 декабря 1946 г.). Участник Национального конгресса иностранных добровольцев французской армии и освободительного движения (21–22 февраля 1947 г.). 21 сентября 1947 г. организовал проводы уезжающих в СССР членов СУСРП. Стал «ревностным агитатором сталинских идей в масонстве» [12, с. 113]. Как советский гражданин, был обвинен во вмешательстве во внутренние дела Франции и по решению министра внутренних дел Ж. Мока 25 ноября 1947 г. арестован в числе 24 активистов ССГ и выслан через Кель (немецкий город около Страсбурга, куда их в тот же день доставили автобусом) и западные оккупационные зоны в Восточную Германию (в советский репатриационный лагерь в Бранденбурге), откуда 25 февраля 1948 г. их вывезли в СССР. Между 18 и 20 апреля 1948 г. к ним из Парижа в Марсель, а оттуда в Одессу на пароходе «Россия» выехали члены семей (32 человека), в т. ч. его жена Нина Алексеевна и сын Никита, которые под Одессой прошли пересылочный лагерь «Люстдорф» (в [434-V, с. 255] ошибочное утверждение, что они были высланы французскими властями; на самом деле отъезд был добровольным). Направлен на работу на завод в Ульяновск. В сентябре 1949 г. арестован и приговорен к десяти годам лагерей (в 1952 г. сидел как инженер в «шарашке» вместе с А.И. Солженицыным и Л.З. Копелевым, затем в Озерлаге в Тайшете); освобожден в июне 1954 г.; занимался техническими переводами. В 1957 г. по обвинению в антисоветской пропаганде был арестован его сын Никита и с августа 1957 г. по весну 1960 г. находился в заключении; в ноябре 1970 г. Никита принял предложение КГБ покинуть страну (отъезд состоялся 10 июля 1971 г.). 18 апреля 1974 г. выехали из Москвы в Париж и родители (до этого, в октябре 1972 г. – феврале 1973 г., К. побывал в Париже как турист). Почетный ветеран Сопротивления. Масон, член парижских ателье: двух Капитулов Астрея, двух Лож Друзья Любомудрия и двух Ареопагов Ордо аб хао (Союза ВС Франции и Союза ВС для Франции), двух Лож Астреи (союза Великой Ложи Франции и союза Великой Национальной Ложи Франции), Лож: Лотос, Северное Сияние, Северные Братья, Юпитера и Консистории Россия (союз ВС Франции), Совета объединения русских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава (союз Великой Ложи Франции), и французской Ложи Горячие Товарищи; сделал безуспешную попытку путем контакта с германскими властями сохранить русские ложи во время оккупации [12, с. 113; 40; 50; 68;

112, с. 246-247; 117; 144-(II, III); 155-I; 165-(V, VIII); 166, с. 401; 203; 205, с. 68; 246; 254, с. 358, 369-372; 264; 285, с. 251, 315, 344, 382-387; 309; 324; 327-III; 341, с. 38-39, 171-176; 379, с. 745; 383, с. 458-459, 481; 414-1, с. 757; 434-VIII; 452; 547; 558; 560, с. 197; 561; 621, с. 478; 624; 643; 662]. Оставил воспоминания о Сопротивлении: «Неожиданный союзник», «Так нам велело сердце» [345, с. 363-367; 391, с. 260-291]. Жена: К. Нина Алексеевна (урожд. кн. Мещерская; 1895 – 29.09.1981, Париж; кладб. в SGdB), содержала на rue Daru ресторан «Самарканд». Младщий брат: К. Кирилл (1904, СПб. – 30 мая 1977 г., Мадрид), выпускник Ecole libre des sciences politique, банковский служащий, участник Сопротивления (член Объединенного движения Сопротивления (Mouvement Unis de la Résistance), действовавшего в южной зоне Франции), автор книги об отце, А.В. Кривошеине [262; 400]. Старший брат: К. Всеволод (30.07.1900, СПб. – 22.09.1985, Ленинград; он же (с 1959 г.) – Василий, еп. Брюссельский и Бельгийский, Московская патриархия), учился на философском факультете СПб. университета; в 1919 г. выехал из Новороссийска в Каир; с 1920 г. – в Париже; обучался в Сорбонне и в Богословском ин-те в Париже; с 1960 г. жил при русском храме в Брюсселе; выступал в защиту христиан в СССР; приезжал в Россию, в Ленинград (служил в Преображенском соборе), где скоропостижно скончался. [324, с. 173; 327-(II, с. 500; III, с. 553); 391, с. 276; 414-1, с. 757-758].

57. С. 513: ***Монтуляк*** Юрий (Жорж) Сергеевич (9.08.1898, СПб. – после 23.11.1948, СССР) – химик-технолог. Учился на физико-математическом фак-те Киевского ун-та. Участник Гражданской войны. Эвакуировался в Галлиполи. В 1922 г. переехал в Варну (Болгария), где преподавал в Русской гимназии (1922-26 гг.). В 1926 г. переехал во Францию. С 1928 г. – в Париже. Учился на заочном отделении в Школе радиоэлектроники. Слушал курсы физики, химии, агрономии в Консерватории искусств и ремесел (1932–1935 гг.). Участник Сопротивления. К началу 1943 г. создал одну из первых русских групп Сопротивления во Франции (входила во французскую разведывательную сеть «JAD Amical» и вела в основном разведывательную работу); со временем установил контакт с Дурданской группой и с СРП. Председатель комиссии по подготовке к организации ОСРДИ (18 марта 1945 г.; член правления, 3 июня 1945 г.; генеральный секретарь, 1946–1948 гг.). От ОСРДИ выступал: на 3-м съезде ССП (26 апреля 1946 г.) и на открытом собрании ССП под почетным председательством посла СССР Богомолова при выдаче советских паспортов (30 июня 1946 г.). Выступал с докладами по химии. Участвовал в совещаниях общественных организаций по вопросу создания ССГ (6 мая и 30 июня 1947 г.). С 15 февраля 1947 г. член правления СУСРП, быстро стал заместителем Кривошеина на посту председателя, «фактический “контролер” <СУСРП> со стороны посольства», «старый коммунист <член РКФ>, играющий также роль в “Союзе Патриотов”». Член правления Содружества русских добровольцев и участников Сопротивления (1946 г.). Выслан из Франции, проживал в Твери [7; 12, с. 113-114; 205, с. 68; 232, с. 315; 391, с. 277-278; 414-2, с. 218; 434-VIII].

58. С. 512-513: ***Ермаков*** Мстислав Петрович (14(15/27?).06.1873 (иногда ошибочно: 1875), Кронштадт – 26.07.1960, Париж; кладб. в SGdB) – генерал-лейтенант флота, инженер-механик. Окончил Морское инженерное училище (1895/6 г.?). Служил на Черноморском флоте на броненосце «Ростислав».

Во время Первой мировой войны – главный морской инженер Дунайской флотилии. В 1920 г. осуществил техническое обеспечение эвакуации армии Врангеля в Константинополь, за что в начале ноября 1920 г. произведен в генерал-лейтенанты; начальник Морских сил (1922 г., Константинополь). Занимался оценкой состояния кораблей русской эскадры (1922 г.). Почетный член Морского собрания в Париже; председатель (с 1 января 1923 г., с перерывами) Общества бывших воспитанников Морского технического и инженерного училища имп. Николая I. Один из старшин Кают-компании морских офицеров (с 1929 г.). Зам. председателя Общества друзей журнала «Часовой» с момента его создания (27 апреля 1930 г.). Член Общества воспитанников морских и инженерных училищ (до 1926 г.), Союза русских инженеров во Франции (член правления с 1930 г., товарищ председателя с 1932 г.), Российского центрального объединения (1932 г.), комитета Торгово-промышленного и финансового союза (29 марта 1933 г.). С 24 октября 1934 г. член Объединенного бюро правлений СРДИ и Национального объединения русских инженеров. На 4-м съезде Федерации Союзов дипломированных инженеров (24 июня 1939 г.) был избран на три года секретарем правления Неоднократно выступал с докладами в различных обществах. Казначей, затем председатель Комитета (Содружества) помощи больным туберкулезом им. митр. Евлогия (создан в 1942 г.). 24 марта 1945 г. на учредительном собрании Объединения русской эмиграции для сближения с Советским Союзом избран в состав правления. Принял советское гражданство (ср.: «Еще недавно ярый гитлеровец, а теперь ставший советским гражданином» [12, с. 114]). Председатель вновь организованного ОСРДИ (3 июня 1946 г.); с июля 1945 г. член правления Центра помощи русским больным. Член Ложи Великий Восток Франции. Сыновья: Е. Владимир (1901, Одесса – июнь 1940), мичман запаса русского флота. В эмиграции во Франции. Во время Второй мировой войны служил во флоте; погиб на взорванном немецкой миной корабле; в 1951 г. посмертно награжден орденом Почетного легиона; Е. Мстислав (30.10.1902, Одесса – 1.03.1954, Париж; кладб. в SGdB), гардемарин, инженер. В эмиграции во Франции. Во время Второй мировой войны служил во флоте. После войны работал главным инженером Бюро по проблемам топлива. Возможно, был третий сын – Е. Петр Мстиславович (1904-1975; кладб. в SGdB) [8; 69; 234; 296, с. 59; 300, с. 231; 327-II; 379, с. 738; 414-1, с. 540-541; 434; 436; 624].

II. Михаил Михайлович Штранге

(1907, Казань – 1968, Москва)

Об этом человеке стоит сказать несколько слов особо, тем более, что его личность вызвала чрезвычайно оживленную дискуссию в Интернете на портале «Vive Liberta».

Мы не претендуем на сколько-нибудь последовательный биографический текст, скорее, на сведение воедино ряда разрозненных материалов, причем часть из них взята из сетевых (т.е. вторичных и «третичных») источников. Целью данной публикации является не решение вопроса, а лишь его постановка.

Начнем с нескольких цитат, которые либо лежат в основе большинства других текстов (I-IV), либо представляют собой типичные образцы этих текстов (V-VII).

I. Лето 1945 г.[270], двор советского посольства в Париже. М. Коряков: генерал-майор авиации Вихорев: «заметив в дверях проходной низенького, толстенького, пожилого офицера, крикнул: – Ну, и пропал ты, Штранге! Полчаса тебя дожидался... “Штранге!” – метнуло мне в голову. Как-раз мой приятель-эмигрант спрашивал меня, не знаком ли я с Михаилом Михайловичем Штранге, и рассказал мне странную историю. Жил-был во Франции некий Штранге – во время войны, при немецкой оккупации. Неизвестно, где работал, на какие средства жил. Держался скромно, одиноко. То появлялся в Париже, то куда-то уезжал. Все, кто знали его, принимали за старого эмигранта. Но тотчас же по освобождении Парижа от немцев вдруг увидели: Штранге в кителе с золотыми погонами и тремя звездочками – в чине старшего лейтенанта. Несколько спустя прибыла военная репатриационная миссия – Штранге стал адъютантом генерал-майора авиации Вихорева. – В кафе на рю дю Бак папирос не оказалось, – пожал плечами Штранге, передавая генералу пачку “Честерфильда”. – Пришлось добежать до “Лютеции”. – Вы, я вижу, хорошо знакомы с черным рынком в Париже? – улыбнулся я старшему лейтенанту. – Да, Париж я знаю, – проговорил Штранге и кинулся, забегая перед генералом, открыть ему дверцу большого черного “паккарда”» [253, с. 315-316].

II. А. Даманская: «ВЕРХНЯЯ САВОЙЯ. 1940-42 гг. Пансион “Шато д’Арсим” в деревушке Сен-Пьер-де-Рюмилли, где уже много лет хозяйничала семья бывшего полковника русской службы Мих. Никол. Штранге, известная русской колонии в Париже и пользовавшаяся почтительным расположением местного населения. Было известно, что Штранге в родстве с владелицей этого старого и старинного замка графиней д’Этремон, что у жены Штранге богатые братья в Швейцарии, в княжестве Лихтешптейн, и что в довоенные годы, когда еще функционировала в великолепном белом дворце на берегу Женевского озера Лига Наций, в Шато д’Арсин часто наезжали чай пить именитые гости. Бывший бравый полковник, лихой вояка и неутомимый в прошлом танцор, очутившись за бортом, вне родины и без доходов от своего казанского имения[271], оказался артистом-кондитером, чего и сам в себе не подозревал. Кондитерские приманки, отличные пироги, которые пекла жена Штранге, обладательница в прошлом великолепного сопрано, привлекали на террасу Шато д’Арсин таких гостей, как Бриан, как Иден, и иноземных послов. С этой террасы открывался волшебный вид на горную даль, на пышные сады, в дни очень ясные – и на Женевское голубое озеро. Неподалеку от этой террасы, где накрывался стол и именитые гости решали судьбы мира – за душистым чаем, не менее душистым кофе и неповторимыми кондитерскими специальностями Штранге – стоял могучий тысячелетний кедр исполинских размеров. К моему

---

[270] До 27 июня 1945 г., ибо генерал Александр Вихорев с 27 июня по 29 декабря 1945 г. находился в Берне во главе советской репатриационной группы [371].

[271] Однако в генеалогическом словаре «Казанское дворянство: 1785-1917» семейство Штранге не упоминается [150].

приезду в Шато д'Арсин от былого блеска оставался только кедр, ну и, конечно, прелесть неизменного пейзажа. Дворец Наций в Женеве все так же горделиво белел, но шутники уже наклеивали на ограду его объявления о том, что "сдается в наем или продается за полной ненадобностью". Без виз, без пропусков простым смертным, не разъезжавшим в автомобилях с надменно-внушительными буквами С. Д. (Corps diplomatique) – Дипломатический корпус, из Женевы в В<ерхнеюю> Савойю и из В<ерхней> Савойи в Женеву ездить нельзя было, и кондитерские прелести Штранге не находили уже сбыта, да и изготовлять их уже не из чего было. Лишь благодаря благоволению местных крестьян получал еще пансион продукты, каких в продаже не было. Но и эти редели, исчезали. Пансионеры интеллигентной семьи Штранге были люди скромного достатка и тем не менее о недохватках не было еще речи. Все мы часами не отходили от радио – ловили передачи из Женевы, из Лондона. Вскоре стало необходимым делать это с оглядкой, с опаской. У сына Штранге оказалась хорошая библиотека, главным образом из мемуаров, исторических трудов. Я набросилась жадно на эти умно и толково подобранные книги, и усердное чтение их навеяло мне фабулу романа "Живые тени". Позднее я могла дополнять нужные мне исторические сведения в библиотеках Шамбери, Гренобля и благодаря любезности покойного Н.А. Рубакина, посылавшего мне для прочтения книги из своей богатой библиотеки в Лозанне. <...> 22-го июня, меня разбудил на заре громкий, необычно взволнованный зов хозяйского сына Миши Штранге: – Спуститесь скорее вниз. Я полуодетая побежала вниз и в дверях гостиной остановилась, пораженная странным зрелищем. Все население дома Штранге, пансионеры, прислуга – кто в халате, кто в пижаме, кто в одной рубашке – стояли бледные или полыхающие от возбуждения и слушали радио. Русский спикер говорил о вторжении на заре этого дня гитлеровских орд в пределы России. Выслушали и разошлись молча. Обмен мнений, прогнозов, упований и сокрушений начался позднее. В тот же день на стенах столовой появилось несколько бумажных квадратиков с четко выведенными на них просьбами на русском и французском языках. "Очень просим пансионеров от споров на политические темы в столовой и гостиной воздерживаться". Именно – споров, а не разговоров, – написано было. Хозяева хорошо знали своих пансионеров, знали, какие политические разногласия их разделяют, и нашли благоразумным предупредить споры, которые могли принять характер ссор и неизбежных в таких случаях размолвок» [148-203/204, с. 215-217].

III. Н.А. Кривошеина: 1945 г., Франция: «<...> в августе мы, по совету проф. Рауля Курильского, уехали в горы в Савойю, недалеко от Швейцарской границы и попали (через знакомых, конечно) в чудный старинный замок, стоявший на высоте пятисот метров, с дивным видом на зеленую долину. Владельцы замка были русские, семья Штранге. Там было уютно, красиво, все было вкусно, – комнаты у нас были одна 45 кв. метров, другая – 25 м., подоконники шириной в метр, все за нами ухаживали, старались, чтобы нам было хорошо, весело, беззаботно... ». Лето 1946 г., Париж: «<...> создался недалеко от Парижа пресловутый лагерь Beauregard, и туда (подчас и с помощью французской полиции) полковник Никонов и его помощники (а в их рядах

был и сын милейших владельцев замка в Савойе Миша Штранге, внезапно надевший советскую форму младшего лейтенанта) загоняли всех, кто, по их мнению, подлежал репатриации»». Июль 1952 г., СССР: «Никита <сын Кривошеиных – *ДИГ*> с большим трудом устроил свою судьбу в Москве. Сперва он жил у Штранге, где у него был диван в столовой и утром чашка кофе с куском хлеба – весь день он блуждал по городу и старался подготовить себе поступление в какой-нибудь ВУЗ – экзамены начинались в августе» [264].

IV. Е. Глазунова-Понтер (дочь композитора Александра Глазунова): 1930 г. «В первых числах сентября у родителей в савойском замке-гостинице Шато д'Арсин (Chateau d'Arcine) в Сен-Пьер де Рюмийи (St.-Pierre de Rumitly), куда они переехали из Аннеси, гостили А. А. Винклер и Н. Н. Черепнин» [124].

V. Martine Gabrielle: «В Интернете <...> в связи с политической деятельностью С.Я. Эфрона в Париже упоминается некий Мишель Странке. В одном комментарии <...> этот человек прямо отождествляется с Михаилом Михайловичем Штранге (1907-1968), "сыном хозяев замка Шато д'Арсин в Савойе, где в начале 1930х гг. отдыхали С.Я. Эфрон, К.Б.Родзевич, М.И.Цветаева с сыном; в 1947 г. вернулся в СССР, стал историком". В другом месте обсуждается версия, будто бы Мишель, в то время "студент историко-филологического факультета Сорбонны", был завербован в НКВД Эфроном и был причастен к ликвидации некоторых "советских невозвращенцев". К таким версиям я отношусь очень недоверчиво. И все же интересно знать, <...> почему этот человек, увезенный из послеоктябрьской России маленьким мальчиком, возвратился в Советский Союз, будучи взрослым, сложившимся человеком?.. На портале академических словарей информация очень скупая: "ШТРАНГЕ Михаил Михайлович (1907-1968), историк, исследователь рус. общественного движения XVIII в., сотрудник Ин-та истории АН СССР."» [616].

VI. Жорж Нива: «После войны <...> Кривошеины проводили лето в Верхней Савойе (Haute Savoie), около Бонвиля (Bonneville), в замке д'Арсин (château d'Arcine), где загадочные и сердечные хозяева, Штранге (Strangue), принимали своих друзей, просоветски настроенных эмигрантов. Замок представлял собой пансион для русских эмигрантов, и Марина Цветаева там уже останавливалась в 1936 г.» [653, с. 664].

VII. Анна Саакянц: «Перед Рождеством <1929 – *ДИГ*> разболевшийся Сергей Яковлевич уехал в русский пансион-санаторий в Верхней Савойе, помещавшийся в замке д'Арсин. (Владельцем пансиона был Михаил Штранге, с которым Эфрона свяжет не только большая дружба, но и общая политическая деятельность.) Марина Ивановна писала Ломоносовой, что "друзья сложились и устроили на два месяца" поездку мужа; однако пробудет он там до первых чисел октября следующего года». «<...> еще с 1931 г. года Сергей Яковлевич состоял на службе в советской разведке, или, как впоследствии будет зафиксировано официально, "был завербован органами НКВД". <...> В начале 60-х годов Ариадна Сергеевна Эфрон очень надеялась многое записать со слов Михаила Михайловича Штранге (во Франции он фигурировал как Мишель Странг), владельца, как мы писали ранее, русского пансиона в замке д'Арсин (Савойя), где подолгу жил Сергей Яковлевич, единомышленника и соратника отца. Разговор все откладывался, покуда скоропостижная смерть

Штранге не оборвала, к великому огорчению А.С. Эфрон, единственную надежду записать что-либо конкретное о деятельности отца...»[272].

VIII. Сергей Нехамкин: «Судьба из Борегара: Михаил Штранге. Если совсем точно – фон Штранге. Сын русских эмигрантов. Родители в Верхней Савойе держали маленький пансион, там останавливались летом небогатые соотечественники. Однажды приехала отдохнуть пара с двумя детьми: жену звали Марина Цветаева, мужа – Сергей Эфрон. Так познакомились. Эфрон завербовал студента Мишу в советскую разведку. В 1937-м произошло убийство советского разведчика-невозвращенца Игнатия Рейсса, после которого за Эфроном охотилась французская полиция. Сегодня «цветаевоведы» считают, что Штранге был координатором боевой группы Эфрона, но полиция на него не вышла. Во время Второй мировой он исчез из Парижа: был во французском Сопротивлении. Появился после войны в форме советского младшего лейтенанта. В 1945-1946-м – помощник начальника Борегара. Вернулся в СССР, стал крупным историком, специалистом по Великой французской революции. Умер в 1968 г.» [328].

Далее приводим наш синтез различных материалов, в том числе записок и фотографий, сделанных М. Гузевичем и К.Томсом, которые 4 июня 2011 г. по нашей просьбе посетили замок д'Арсин, встретились с его нынешними хозяевами Даниэлем Хазелтоном (Hazelton Daniel) и его семьей, ознакомились с документами семейного архива, а также приобрели местную краеведческую литературу, которую мы ввели в список работ[273]. Приносим им всем нашу глубокую благодарность. Сами мы побывали в этом замке в конце августа 2011 г., но хозяев уже не застали.

Родился Михаил Михайлович Штранге в Казани 30 сентября 1907 г. [312; 414-3, с. 575].

Семья имеет шведские корни [7а]. Отец – Михаил Николаевич Штранге, родом из Черниговских дворян, из Новгород-Северского уезда [479]. На 1909 г. – капитан 236-го Лаишевского резервного батальона 193-го пехотного Свияжского полка. Свияжск недалеко от Казани, а Лаишево – это небольшой городок в 50 км. от Казани [134]. На 1917 г. он уже был полковником (а не адмиралом) и командиром 95 полка 13-й запасной бригады Казанского военного округа. В середине марта был отстранен от командования солдатами полка [407, с. 35]. В Интернете встречаются сведения, что речь идет о 95 пехотном Красноярском полке, который в 1914 г. квартировал в Казани, а в 1916 г. оказался уже в Австрии, по-видимому, в Тарнополе [34].

[272] [438]. Как видим, автор книги о Марине Цветаевой путает двух Михаилов Штранге: отца и сына. «Владельцем» (думаем, что не владельцем, а в реальности арендатором) замка был не сын (который нас и интересует сейчас), Михаил Михайлович, а его отец, Михаил Николаевич.

[273] Прекрасный пример необходимости топографических исследований на месте, на которых мы настаивали во время дискуссии на портале «Vive Liberta»: купленная в Saint-Pierre-en-Faucigny серьезная работа [591а], изданная в 2006 г. и имеющая код ISBN, отсутствует в основных французских библиотечных базах данных – SUDOC и BN Opale-Plus, т.е. как в Национальной, так и в любой из университетских библиотек Франции.

Мать, Эмма Мельхеоровна, она же Эмма Луиз Дороте Рам (Emma Louise Dorothée Rahm) родилась в Казани (по другим сообщениям, в Москве) то ли в 1866 г., то ли в 1877 г. (вторая дата нам кажется реальнее) [591а, с. 80, 84; 327-VI-3, с. 484].

М.Н. Штранге, судя по всему, в белом движении не участвовал, ибо на рубеже 20-х гг. спокойно проживал в Казани по адресу: улица Третьей горы (позднее – Калинина), дом 76 (по всей видимости, дом был его собственным). Согласно выписке из обвинительного заключения в отношении его то ли личного повара, то ли денщика, обвинявшегося в шпионаже и расстрелянного в 1938 г., ясно, что на 1924 г. это уже был «бывший дом Штранге», т.е. хозяева уехали. Из самого следственного дела следует, что жену М.Н. Штранге звали Эмма Михайловна и что их дочь (возможно, старшая) была замужем за штабс-капитаном, белым офицером Яном Эдуардовичем Возовиком [34]. Разница в отчестве, скорее всего, связана с тем, что для следователей в 1938 г. (впрочем, как и для самого подследственного) "Мельхеоровна" было просто невыговариваемо. Так она и стала в документах НКВД Михайловной. Да и в жизни, по-видимому, предпочитала пользоваться русифицированным вариантом. Ее фотография имеется в РГАЛИ, в фонде А.С.Эфрон [412].

В эмиграцию члены семьи пробирались поодиночке. Сам М.Н. Штранге оказался в Женеве не позже октября 1921 г. Его жена с младшим ребенком, единственным сыном Мишелем, присоединилась к нему не позже 1925 г.[274], оставив в СССР 7 дочерей (по другим данным – 5) и «разграбленный дом». Впрочем, одна из дочерей, Вера (1901, Россия (Казань?) – ок. 1990, Париж), сумела вырваться и в 1925 г. присоединилась к родителям и брату[275]. По всей видимости, именно с этой «поэтапностью» отъезда семьи и связан разнобой в источниках по поводу дат ее эмиграции. Называются то 1920, то 1923, то 1924 гг. [7а; 312; 414-3, с. 575]. Указание на поздний отъезд в эмиграцию следует и из рассказа Я.Рабиновича (в разговоре с Гулем), утверждавшего, что родители М.М.Штранге «приехали из СССР», т.е. после 1922 г. [144-3, с. 79].

Вся дальнейшая жизнь семьи в эмиграции была связана с замком (Шато) д'Арсин (Château d'Arcine) в Сен-Пьер де Румийи (Saint-Pierre de Rumilly)[276]. В конце XIX в. им владел виконт Луи Риверьё де Шамбо (Louis Rivérieux de Chambost). В 1909 г. он продал его графу Кириллу д'Эннемон д'Оремон де Куаффи де Френ (Cyrille d'Ennemond d'Aurémont de Coiffy de Fresnes) и его супруге графине Анне урожденной Гавриловой. Граф, хотя и принадлежал к французской аристократии, но родился в России в 1851 г., куда его предки эмигрировали от французской революции в конце XVIII в. Его супруга по матери была из рода Паттон (Patton), датско-российского происхождения. Их единственная дочь, Софи Мари (Sophie Marie) родилась в Женеве в 1889 г. и в 1912 г. в Петербурге вышла замуж за своего двоюродного брата Бориса Гаврилова.

---

[274] Нынешние хозяева замка д'Арсин считают, что семейство Штранге оказалось в Женеве в 1920 г., а в замке – в 1922 или в 1923 гг. [7а]. Вполне возможно, что последняя дата связана с приездом Эммы Штранге.

[275] [591а, с. 80]. В [542, с. 83] ошибочно представлена, как ***младшая*** сестра М.М. Штранге.

[276] С 1 января 1965 г. коммуна стала называться Saint-Pierre-en-Faucigny.

Революция разметала всех. Кто-то из родственников погиб, кто-то сумел бежать, кто-то нашел пристанище в других странах. Но как бы то ни было, к 1921 г. в Шато д'Арсин собралась довольно многочисленная родственная компания (до 20 человек), из которой выделялись хозяйка имения, графиня Анна д'Эннемон, ее дочь Софи Мари Гаврилова (ее муж так и не смог вырваться из СССР) и кузен Анны, контр-адмирал российской службы Петр Иванович Паттон Фантон де Веррайон (Pierre Patton Fanton de Verrayon). Этой эмигрантской колонией надо было управлять, и по совету своей кузины Софии, Анна д'Эннемон 28 октября 1921 г. в Женеве наняла управляющего – М.Н. Штранге. А постепенно к нему приехали и члены его семьи [591а, с. 78-80].

Именно поэтому утверждение, что семейство Штранге владело замком[277], ошибочно. Вначале они были управляющими, а, затем, арендаторами.

Даманская указывает на родство Штранге с владельцами замка и на богатых родственников в Швейцарии [148-203/204, с. 215]. Дальние родственные связи, действительно, были, но, скорее, они явились следствием, а не причиной пребывания Штранге в Шато д'Арсин. В 1928 г. Вера Михайловна Штранге вышла замуж за капитана Паттона (1884 – ?), племянника контр-адмирала (видимо, сына Николая Паттона, брата контр-адмирала, который жил в том же шато), а около 1935 г. у них родилась дочь Марина [7а; 591а, с. 79-80].

Дальнейшие события для графини развивались достаточно грустно. Российские имения были утеряны; средства, которые имелись у семьи в Европе, подошли к концу. Замок пришлось заложить. Швейцарское общество Pariana, которое ссудило графиню деньгами, решило сдавать замок. В этот момент полковник Штранге и контр-адмирал Паттон решили устроить в замке семейный пансион. И начать они были вынуждены с того, что в 1925 г. выселили из замка саму графиню Анну д'Эннемон с ее дочерью Софи Мари Гавриловой и 4-мя детьми. По преданию, чтобы не покидать свой дом, дети пытались спрятатся в кучах старых листьев....

Предприимчивые вояки закупили мебель, благоустроили комнаты, «Пансион Штранге» открыл свои двери и довольно быстро приобрел известность. Он был рассчитан на российскую эмиграцию, но не только. Обратим внимание на описанных выше Даманской высокопоставленных гостей пансиона: Бриан, Иден, представители дипломатического корпуса. Если семейство Штранге имело отношение к советской разведке, то информация из этого замка в Савойе в Москву должна была поступать богатая. С другой стороны, они могли просто держать явочную «квартиру» в спокойной зоне. И на этом все их функции заканчивались.

Однако вернемся к Михаилу Михайловичу Штранге.

Среднее образование он завершил во Франции. Одни источники говорят, что он обучался в Collège de Thonon, другие утверждают, что он закончил в 1928 г. Collège de Bonneville в Верхней Савойе. Вполне возможно, что правы и те, и другие, и похоже, что один из них был профессиональным учебным заведением, ибо Штранге-младший получил диплом «инженера-кораблестроителя» (думаем, что, скорее, техника) и некоторое время работал на кораблестроительном заводе в Антверпене (Бельгия). В 1930 г. обучался на математическом, а в 1933-

[277] [264; 414-3, с. 575; 438; и др.].

39 гг. – на историко-филологическом факультетах Парижского университета (Сорбонны). Ну, а на каникулы приезжал к родителям [311; 414-3, с. 575; 591а, с. 80]. Литературно очень эрудированный, вел переписку с библиофилом Н.А. Рубакиным, проживавшим в Швейцарии [542, с. 82-83].

Стать «коммунистом сразу же после Октября» [144-3, с. 79] он, конечно же, не мог – ему тогда было лишь 10-11 лет, но вот во второй половине 1920-х гг. – вполне.

Теперь о «слухах», согласно которым М.М. Штранге (он же – Мишель Странге), как и Сергей Эфрон, был причастен к убийству 4 сентября 1937 г. близ Лозанны Игнатия Рейсса (Натана Порецкого). Вроде бы он был «координатором» действий оперативной группы, преследовавшей Рейсса [269]. Наиболее подробно и обоснованно версию изложили Peter Huber и Daniel Kunzi еще в 1991 г. [631]. Подозревают, что некий, так и оставшийся нераскрытым, участник этого дела, известный только под именем «Michel», это и есть Мишель Штранге. Однако перед нами не более, чем гипотеза, хотя и достаточно серьезная, базирующаяся на том, что:

a) Марина Цветаева летом 1936 г. отдыхала в замке д'Арсин в коммуне Сен-Пьер де Рюмийи (Saint-Pierre de Rumilly), которым управляли родители Мишеля;

b) согласно документам самой коммуны, С.Эфрон, начиная с 1935 г. не менее шести раз посещал эту деревню (напоминаем, что Францию он покинул уже в октябре 1937 г.);

c) несколько деревень, в непосредственной близости от Сен-Пьер де Рюмийи оказались связаны с фигурантами того дела;

d) Мишель Штранге упоминается в переписке Марины Цветаевой[278], что подтверждает их знакомство;

e) после войны Штранге «всплыл» как офицер НКВД;

f) многие лица в своих воспоминаниях (часть приведена нами в этой работе) напрямую увязывают родителей Михаила Штранге и советскую разведку.

Информация, встречавшаяся нам, хотя и не доказывает этой гипотезы, но говорит в ее пользу. Так, близость семейства Цветаевых-Эфронов и М. Штранге подтверждается упоминанием имени последнего также и в дневнике сына Марины Цветаевой, Георгия Эфрона. Это запись от 29 мая 1941 г. в дневнике под № 9[279], когда Георгий давно уже был в СССР и вспоминал своих французских друзей. С другой стороны, больной Сергей Эфрон отдыхал в Шато д'Арсин более 9 месяцев, начиная с конца декабря 1929 г. и до начала октября 1930 г. [50, с. 259; 438]. Летом того же года там отдыхала и Марина Цветаева [269]. В замке до сих пор бережно сохраняется память об их визитах. Они, как правило, снимали комнату № 15 на последнем этаже башни замка или комнату в шале, находившемся поблизости [591а, с. 81-82].

---

[278] Его имя многократно с симпатией упоминается Цветаевой в ее письмах к поэту Штейгеру в 1936 г., где она называет Штранге то «Мишей», то «пишущим другом» [542, с. 76, 88-89, 108-109]. См. также [269].

[279] Дневник хранится в РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, д. 225. Опубликован с переводом, ибо оригинал – на французском, в [579]. Имя «Michel Strangue» упоминается на с. 348, согласно примечаниям.

Фото 36. Шато д'Арсин. Общий вид. Справа видна крыша шале

Фото 37. Шато д'Арсин. Вид со двора. Комната № 15, которую снимали Сергей Эфрон и Марина Цветаева, находится на последнем этаже башни замка, под крышей

Фото 38. Шато д'Арсин. Шале.
Иногда Эфрон и Цветаева снимали комнату в этом здании

Т.е. связи были очень старыми, еще до того, как Эфрон оказался завербован советской разведкой (не сыграли ли родители Штранге свою роль в той вербовке? Впрочем, обычно считается, что младшего Штранге завербовал уже сам Эфрон). Во время допросов в Префектуре Парижа в 1937 г. Цветаева подтвердила, что они хорошо знакомы с сыном супругов Штранге, которые содержали семейный пансион, Мишелем, и что муж ее поддерживал с ним отношения [269]. В 1944 г. М.М. Штранге, действительно, получил звание старшего лейтенанта (хотя, по какому ведомству числился официально, мы сказать не можем)[280].

Заметим: М.М. Штранге спокойно жил при оккупации. Это говорит о том, что его имя не фигурировало в т.н. "Смоленском архиве" НКВД, который попал в руки Гестапо и где были документы по похищению Миллера и другим диверсиям против эмиграции в 1937-1938 гг. (именно на основании этих документов был арестован Гестапо Третьяков – участник похищения Миллера).

Н.В. Вольский, чья рукопись 1955-56 гг. «Шпионская сеть около А.И. Гучкова», подготовленная по просьбе Б.И. Николаевского, была опубликована Н. Берберовой [50, с. 257-259], рассказывая, как конспиративные письма Гучкова переправлялись в Германию и далее, в СССР, называл следующую цепочку: Гучков –> журналист Н.Н. Алексеев –> Штранге-сын –> Штранге-отец в шато у границы Франции и Швейцарии –> заграница. Он считал, что Штранге-отец («в прошлом какой-то высокий военный чин, адмирал»[281])

[280] [253, с. 315-316; 414-3, с. 575].

[281] Явно из двух арендаторов замка, полковника Штранге и контр-адмирала Паттона, сделан один – фантом «адмирал Штранге». Однако сам факт этой подмены говорит в пользу того, что слухи впитали реальные события.

агентом Советов, скорее всего, не был, хотя точно это не известно, а вот сын – был, причем задолго до войны. Что именно он, вместе со Скоблиным, следил за А.И. Гучковым, донося «о каждом шаге», и что «содержание "конспиративной" переписки Гучкова, попавшеее в его, Штранге, руки, немедленно становилось известным парижскому представителю ГПУ» (Гучков умер в феврале 1936 г., соответственно М.М. Штранге, по мнению Вольского, должен был быть завербован задолго до этого). Он же передает мнение матери Н.Н. Алексеева, которая считала, что именно М.М. Штранге донес на своего приятеля и ее сына французским властям, что тот является «немецким шпионом». Алексеев был арестован и привлечен к суду; в его защиту вступился Керенский.

В некоторых работах встречаются утверждения, что М.М. Штранге стал агентом НКВД уже в 1933 г., будучи еще студентом Сорбонны [591а, с. 82, 84].

Любопытна чрезвычайная, почти что конспиративная скрытность всего семейства. Их имена отсутствуют в *Культурной хронике русской эмиграции во Франции* [434]: семья, содержавшая русский пансион, известный в русской колонии, и связанная с Сорбонной и литературными кругами, умудрилось не засветиться в русских газетах, даже на уровне рекламы и объявлений. Т.е. они не участвовали ни в каких публичных мероприятиях и в ассоциациях. Нет их и в масонских списках [452]. Случайность? Или сознательная «скромность» людей, представляющих, что такое конспирация?

Во время войны, как написано в некрологе, «Михаил Михайлович установил связи с находившимися в подполье коммунистами. Он получил задание принять участие в организации партизанского движения в Верхней Савойе и выполнил его с честью: сплачивал партизан, координировал их боевые выступления. Французское командование партизанских вооруженных сил отметило боевые заслуги М.М. Штранге орденом Военного креста»[282].

И.А. Кривошеин: «В департаменте Верхняя Савойя в местечке Сан Пьер де Рюмини активным участником партизанской борьбы был М.М. Штранге» [391, с. 289]. С одной стороны, это очень информированный автор, а, с другой – допускаем, что при похвалах участников Сопротивления он, как неравнодушный участник событий, мог допускать и некоторые преувеличения. Более смягченная формулировка – у М. Ковалева (профессиональный исследователь на всякий случай отказался от характеристик) [232, с. 317].

7 сентября 1941 г. в Saint-Pierre de Rumilly в возрасте 75 лет ушел из жизни контр-адмирал Петр Паттон. Погребен он на местном кладбище – фотография его захоронения с каменным православным крестом приведена в [591а, с. 78][283].

---

[282] [311]. Близкий текст в [312].

[283] В справочниках данные о месте его смерти и захоронения отсутствуют, разнятся даты, напр. [414-2, с. 409]. Еще большая путаница со смертью его жены, чье имя на французском пишется как Eugénie Chychrov (Евгения Шишрова?) [591а, с. 84]. Однако, в «Незабытых магилах» встречаем запись: «Паттон Наталия Николаевна (? – 29 янв. 1951, Париж). Вдова контр-адмирала. Бюллетень Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1951, № 1.» [327-5, с. 361]. А в Некрополе кладбища Сент-Женевьев-де-Буа имеется запись: «де Паттон Евгения, 6.01.1874-23.01.1951» [624, с. 289]. Таким образом, основываться надо на последней записи.

В мэрию о смерти адмирала сообщил Штранге-младший, который представился как «безработный и сосед покойного» [7а]. Старая графиня Анна д'Эннемон приехала на похороны кузена, жившего в ее замке.

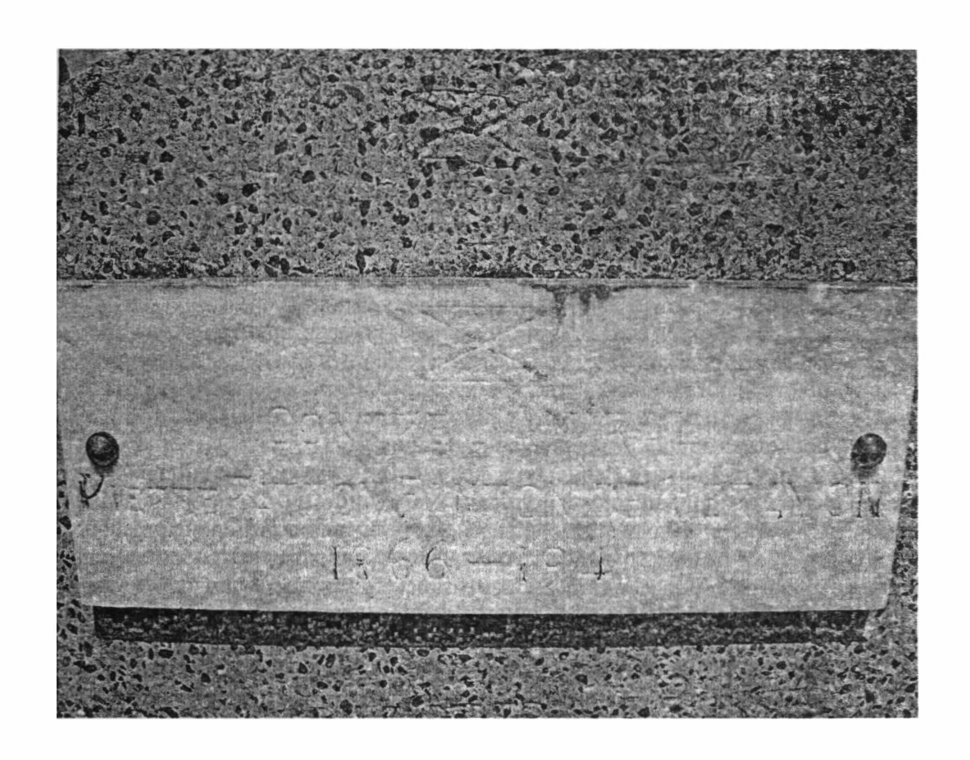

Фото 39. Мраморная табличка на могиле контр-адмирала Петр Ивановича Патона: «Contre-Amiral Pierre Patton Fanton de Verrayon, 1866-1941»

---

28 августа 2011 г. нам удалось обследовать кладбище в Saint-Pierre de Rumilly. На его старой части находится могила с покосившимся 6-конечным православным крестом из искусственного камня. Эпитафия – на белой мраморной табличке, где выбит также контур Андреевского флага: «Contre-Amiral Pierre Patton Fanton de Verayon 1866-1941». Других русских захоронений 1920 – 40-х гг. выявить не удалось. Есть два более новых. На одном (старое кладбище): «Firsoff Dimitri, 1906-1985; Firsoff Yvonne née Broisin 1911-2003». На другом (новое кладбище): «Mari Cluzel née Babenko 1924-1993; Joseph Cluzel 1923-2008». Около имени Babenko – 8-конечный православный крест, около имени J. Cluzel – католический. Это либо дети первой эмиграции, либо представители второй, сумевшие благодаря бракам остаться во французских семьях.

Фото 40. Могила контр-адмирала Петр Ивановича Паттона на кладбище в Saint-Pierre de Rumilly (фото И. Гузевич, август 2011 г.)

Согласно французским документам, после Освобождения М.М. Штранге был аккредитован французскими властями как член Советской военной миссии во Франции.[284]

В связи с утверждениями, что М. Штранге некоторое время был помощником начальника лагеря Борегар,[285] не можем не указать на почти анекдотическое совпадение: всего в 27 км от замка д'Арсин в Верхней Савойе, где Михаил Михайлович проживал со своими родителями, находится замок... Борегар[286] – знаменитый туристический объект, который он не мог не знать.

В СССР М.М. Штранге вернулся в мае 1947 г. [311; 312; 414-3, с. 576]. Отец его возвращаться не хотел. Мать рвалась увидеть своих дочерей. И, тем

---

[284] [631, с. 297] со ссылкой на: Archives du Ministère des Affaires étrangères. Cote Z Europe-URSS, 1144-49, doc. 457.

[285] Скорее всего, это было после отъезда генерала Вихорева в Берн в конце июня 1945 г. Вполне возможно, что Никонов и Штранге пришли на смену лейтенанту Козакову (Казакову), который командовал «Борегаром» с мая 1945 г. после отъезда Иванова и Пестовой (по утверждению «Социалистического вестника») [492-4, с. 75].

[286] Château de Beauregard в коммуне Saint-Jeoire-en-Faucigny (департамент Haute-Savoie).

не менее, однажды вечером в октябре 1947 г. они собрали всех обитателей замка, объявили о своем отъезде и после молитвы в ночь покинули замок, в котором провели четверть века. Штранге-отец, не желавший покидать Францию, вернулся в СССР и умер несколько месяцев спустя, т.е. в 1948 г. [591а, с. 82-84]. А вот с матерью история неясная. Либо она, рвавшаяся в Россию, так и не поехала, отпустив мужа одного, либо поехала, но сумела вернуться обратно. Во всяком случае, Эмма Мельхеоровна Штранге, родом из Москвы, умерла во Франции весной 1964 г. (сообщение от 30.3.1964) [327-VI-3, с. 484]. Отсюда напрашиваются два вывода: или Штранге-родители, в отличие от их сына, шпионажем в пользу СССР не занимались, или конспирация дала свои плоды и французским властям эта их деятельность осталась неизвестна. В противном случае, ни остаться во Франции, ни вернуться в нее Эмма Мельхеоровна не смогла бы.

После отъезда Штранге-старших пансионат в течение года пыталась содержать их дочь, Вера Паттон. Окончательно пансионат закрылся в 1948 г. После того, как разобрались с налогами, замок был возвращен во владение Гавриловых и быстро перепродан [591а, с. 82-83].

По данным нынешних владельцев замка, Штранге-Паттоны жили в замке до 1950 г. Далее он десятилетие стоял пустым. «Париана» («Parian») владела замком до 1971 г., когда он был продан американскому семейству по фамилии Coblens. Нынешний хозяин, Hazelton Daniel, владеет замком с 1981 г. [7а; 10б].

Обратимся вновь к Михаилу Михайловичу. По возвращении он не только не имел никаких поражений в правах, как большинство репатриировавшихся, но и оказался в Москве, что для обычного репатрианта уже было невозможно в принципе. Дальше – больше. На 1952 г. Штранге имел в Москве большую квартиру с отдельной столовой, где у него летом того же года жил и пытавшийся поступить в институт сын Кривошеиных [264]. Ну, а по службе получил должность главного библиографа Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, а с 1955 г. – научный сотрудник Института истории АН СССР [311; 312; 391, с. 289]. Уже в 1949 г. в «Вопросах истории» – центральном историческом советском журнале – опубликовал статью о движении Сопротивления в Верхней Савойе в 1941-44 гг. [564], восхваляющую коммунистическую ветвь Сопротивления (Вольные стрелки и партизаны) и проникнутую резкой неприязнью к деголлевской «Тайной армии». В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, на основании которой в 1956 г. опубликовал работу по влиянию Великой французской революции на русское общество [565; 566]. Заметим, что в 1960 г. Издательство литературы на иностранных языках в Москве перевело эту книгу на французский язык и переиздало ее [672]. Акция явно пропагандистского характера. Другими словами, историческая работа Штранге рассматривалась как политически значимая и «партийная». Позднее стал доктором исторических наук [312].

Что касается тем, в рамках которых первоначально вел исследования Штранге, – Сопротивление и Революция, – то это как раз то, о чем можно было писать, и что приветствовалось.

Более интересным является его труд о русской демократической интеллигенции XVIII в. [562]. Если отвлечься от ярлычков «демократическая», «разночинная», «типичные представители», употребляемых в книге, то перед нами

серьезное исследование интеллектуальной жизни России в XVIII в. М. Штранге участвовал в подготовке таких коллективных трудов Института истории АН СССР, как «Всемирная история», «История СССР»; участвовал в редактировании сборников «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма» и «Международные связи России в XVII-XVIII вв.» (но, обратим внимание, всегда и везде на вторых ролях) [109; 311; 312]. В последнем сборнике опубликовал статью о Жан-Жаке Руссо [563].

Обращает на себя внимание его работа в области международных научных связей, в первую очередь в качестве ученого секретаря Национального комитета историков СССР, а также участие в организации международных научных встреч – франко-советского коллоквиума в Москве (1961 г.), англо-советских коллоквиумов в Лондоне (1963 г.) и Москве (1966 г.), XII международного конгресса исторических наук в Вене (1965 г.)[287]. В ту эпоху подобные функции возлагались на сотрудников КГБ, которые присутствовали в обязательном порядке в каждом академическом институте. Ну, что ж, значит Штранге выполнял эту функцию в Институте истории, даром, что происходил из белой эмиграции. Это значит, что он, во-первых, оказал в свое время важные услуги советской стороне, и, во-вторых, доказал свою 100-процентную лояльность. Что лишний раз подтверждает справедливость аксиомы: «агенты бывшими не бывают».

И, наконец, последнее: некролог после смерти Штранге – репатриированного эмигранта, за которым особых постов и званий не числилось: не директор института, не академик и даже не член-корреспондент или редактор академического периодического издания – опубликовали три ведущие исторические журнала страны: «Вопросы истории», «История СССР» и специализированный – «Французский ежегодник» [311; 312]. Такое бывает лишь если покойный, действительно, оказал серьезные услуги государству, а две его исторические книжки небольшого объема и несколько статей для такого почета отнюдь не достаточны.

Ну, а тем, кто захочет заняться биографией М.М. Штранге более подробно, можно предложить ознакомиться с его архивом, хранящимся в Москве (РГБ, ф. 591: Штранге М.М., 3 карт. и 1 папка, 1944-1968 гг.) [283].

---

[287] [311; 312]. О том, что Штранге, действительно, поддерживал контакты с европейскими историками, говорит, например, такой факт. В библиотеке Русского центра Школы высших социальных исследований в Париже (CERCEC EHESS) хранится эземпляр французской версии его книги [672] (шифр: CR 5367) с дарственной надписью: «A M. Jean-Louis Van Regemorter très cordialement. Moscou le 6/III-61 M. Штранге» («Жану-Луи ван Режемортеру очень сердечно. Москва, 6.3.61. М. Штранге»). Адресат – известный француззский историк-руссист, в те годы – исследователь CNRS, зимой 1960-61 работавший в архивах Москвы [590]. По-видимому, именно Штранге осуществлял от Института истории функции принимающей и, одновременно, надзирающей стороны. Возможно, что с пребыванием ван Режемортера в Москве связано и проведение франко-русского коллоквиума там же. Уже упоминавшийся Вольский завершает свой текст следующей припиской конца 1950-х: « Штранге сейчас в Ленинграде, у него чин "историка" и он принимает или сопровождает приехавших в СССР иностранных историков» [50, с. 259].

III. Мелетий Александрович Зыков

(1901, Днепропетровск – 1944, осень, Заксенхаузен, Германия)

Этот самый загадочный персонаж во всем власовском движении настолько важен для истории не только самого движения, но и российской эмиграции в годы войны, восточных батальонов и других маргинальных групп российской диаспоры, что мы скажем о нем несколько слов. Его важность часто была опосредованной: через идеологию и цели власовского движения. Именно он сформулировал знаменитые «13 пунктов» – политическую программу Русского Комитета, во главе которого встал А. Власов. Будучи главным идеологом движения, капитан Зыков не только удержал его от скатывания к примитивной ксенофобии и антисемитизму, но и сумел придать ему сугубо российскую, объединяющую направленность. Думаем, что его роль, как редактора главных печатных органов движения, – газет «Заря» и «Доброволец», – чрезвычайно велика в том, что это движение – антисталинское и антибольшевистское, так и не стало прогитлеровским и не оказалось в роли прислужника нацистского режима, в чем его пыталась обвинять советская сторона.

Зыков таинственно исчез летом 1944 г. После внутреннего расследования Власов и его окружение пришли к выводу, что Мелетий Александрович был похищен Гестапо [376]. Любопытный пассаж имеется в воспоминаниях председателя Народно-трудового союза (НТС) В.М. Байдалакова. Осенью либо в начале декабря 1950 г. он вместе с членом бюро НТС В.Д. Поремским посетили под Франкфуртом-на-Майне бывшего следователя Гестапо Дедио, в годы своей службы сочувственно относившегося к НТС. Байдалаков: «Он допрашивал поздней осенью 1944 года в концентрационном лагере Заксенхаузен власовского журналиста Зыкова, который был в мае “таинственно похищен” в Берлине. В действительности он был похищен самим Гестапо. О его дальнейшей судьбе Дедио не знает ничего. Предполагает, что он был там же расстрелян, вопреки благоприятному отзыву самого Дедио» [42, с. 67].

Имя Зыкова упоминается едва ли не в любой сколько-нибудь обширной работе, посвященной Власову и его движению[288]. Хотя статей, посвященных ему самому, мягко говоря, немного. Укажем на мемуарно-биографический очерк прекрасно его знавшего лично В. Позднякова [376]. Но происхождение Зыкова долгие годы оставалось загадкой, разрешить которую, по нашему мнению, удалось Э. Максимовой.

Обратим внимание: хотя М. Зыков в эмиграцию так и не вышел, погибнув в концлагере, история с его именем принципиально не отличается от таковых же с именами «профессора Гротова» или «Николая Анина», которым посвящена помещенная ниже статья М. Лепехина. Сокрытие имен и мистификации различного типа – ситуации стандартные для 40-х гг., в столь массовой форме не встречавшиеся ни раньше, ни позже: людям надо было проскочить между жерновами двух тоталитарных режимов и не запятнать при этом свои семьи и родственников, оказывавшихся заложниками их действий.

---

[288] Из отдельных статей, где много говорится о Зыкове и его происхождении, обратим внимание на работу Б. Николаевского [331].

Однако вернемся к статье Эллы Максимовой «Скрывшись за своей фамилией: Кем же был главный идеолог при генерале Власове?» [289]. Ее работа – не академический текст, а результаты журналистского расследования, выполненного на высокопрофессиональном уровне. Опубликованная в газете «Известия» почти полтора десятилетия назад, она, безусловно, труднодоступна для читателей. И мы посчитали целесообразным в этом приложении процитировать значительную часть статьи, снабдив несколькими комментариями[289].

«<...> Наш бывший соотечественник М. Юпп <из Филадельфии – *ДИГ*> просил поискать в архиве газеты <...> сведения <...> и фотографию известинца довоенных лет Цезаря Вольпе <...> – так на самом деле звали, пишет Юпп, загадочную личность в окружении Власова, одного из первых его идеологов и советников, вошедшего под именем Мелетия Зыкова в эту темную, по сей день непроясненную главу хроники войны. <...>. ...Фамилии Вольпе в редакционом архиве не было. И вдруг чьято случайная подсказка: внучку Корнея Ивановича Чуковского зовут Елена Цезаревна, не дочь ли этого вашего Вольпе, имя-то редкое. Так оно и оказалось. Вольпе был мужем Лидии Корнеевны Чуковской – ее первый скоротечный брак, поэтому Елена Цезаревна знает об отце немного, хотя о версии Вольпе – Зыков наслышана и начитана.

Отец Александр. В Москве, в Донском монастыре, с недавних пор живет перебравшийся на родину из Нью-Йорка (а туда – после войны из Берлина) 87-летний протоиерей Александр Киселев, военный священник, когда-то возглавлявший "дело духовного окоромления" РОА (Русская освободительная армия), служивший в церкви гарнизона. Он – из эмигрантов первой волны; увезен из Твери ребенком. Знал близко нескольких из казненных в 1946 году генералов и ценил за "высокую порядочность".

<...> Все движение – с первого шага прославленного в боях генерала, одного из спасителей Москвы в 41-м, сталинского любимца Власова навстречу офицеру немецкой разведки (после разгрома под Ленинградом власовской 2-й Ударной армии): "Не стрелять! Я – генерал Власов!", до последнего шага к виселице по приговору военного трибунала – отражало фантасмагорическую жуть двух противоборствовавших родственных политических систем, созданных двумя повторявшими друг друга монстрами. <...> Вернемся к Зыкову, не только самой таинственной, но, пожалуй, самой парадоксальной персоне в окруженнии мятежного генерала.

– Зыков, считался одним из главных идейных вдохновителей движения. Кто он был – неизвестно. Во всяком случае, личность незаурядная, – рассказывает отец Александр.

– Природная одаренность, кругозор, журналистский талант – все отпущено в большой мере. И огнедышащая ненависть к Сталину. Она зиждилась на измене Сталина классискому интернациональному марксизму. От подозрений, что он советский провокатор, его спасало разве что почти доказанное еврейское происхождение. Чем доказанное? Пересудами.

---

[289] Наши сокращения обозначены многоточиями в угловых скобках; многоточия без скобок – авторские. Все комментарии – наши – *ДИГ*.

М. Зыков из Дабендорфа. Друзей он не заводил, с сослуживцами – немногословен. О себе рассказывал анкетно. Родился в Днепропетровске, журналист, работал в Средней Азии, потом в "Известиях" с Бухариным. Быле женат то ли на дочери, то ли на племяннице ленинского соратника, наркома просвещения Бубнова, вслед за ним в 37-м арестован. Незадолго до войны его освободили и призвали в армию в звании батальонного комиссара. Пленен под Батайском летом 42-го, будучи комиссаром в стрелковой дивизии, номера которой никогда не называл. С Власовым они познакомились в винницком лагере, где содержали особо интересных для вермахта советских офицеров. Оттуда Зыкова привезли в Берлин по распоряжению самого Геббельса. На гимнастерке доставленного в управление пропаганды Зыкова оставались неспоротыми комиссарские знаки различия.

В течение полутора лет в качестве, можно сказать, политкомиссара Зыков работал в учебно-пропагандистском центре РОА в Дабендорфе. Составлял военные обзоры, анализировал положение на фронтах и в тылу, показания пленных. Редактор газет "Заря" и "Доброволец", автор исследования "Крах советской экономики". В дни, когда Власов совсем падал духом из-за угрожающего неприятия его планов фашистскими бонзами, удерживал генерала от безумных решений. Ни в каких боевых действиях не участвовал. Он погиб до того, как РОА перед концом воины из пропагандистского символа превратилась практически в единственную русскую пехотную дивизию (свое короткое существование закончившую в Праге, куда вступила, откликнувшись на призыв о помощи восставших против немцев пражан). Интеллектуал, эрудит, знаток поэзии, особенно пушкинской поры. "Даже в СССР, – говорил Власов, – мало людей такого калибра". Говорил приставленному к нему немецкому офицеру-опекуну, выспрашивая о будущем Зыкова: "Могли бы немцы оставить его в живых на долгое время?". Зыков настойчиво давал всем понять, что его фамилия – псевдоним. А что он еврей, убеждены были и Власов, и нацистское руководство. Благодаря чему, кому просуществовал он два года в самом логове зверя, да еще не скрывая своей неприязни к немцам?

Служивший в Дабендорфе полковник В. Поздняков <...> называет Зыкова "бескорыстным антисоветским политиком очень крупного масштаба, не преследовавшим никаких личных выгод", "правоверным марксистом", который возглавлял левый фланг РОД. Он принимал февральскую революцию, частично даже Октябрьскую.

<...> длинное извлечение из зыковских высказываний. "Конечно, мы не можем доверять нацистскому руководству Германии, но и у них нет другого выхода... Оккупировать СССР не может ни одна страна в мире. Следовательно, даже нацисты будут вынуждены согласиться с организацией временного русского правительства... помочь ему создать армию. Если же аппетиты нацистов будут слишком велики... мы всегда сможем их урезать. В этом нам помогут и теперешние союзники Советского Союза, особенно, когда убедятся, что у нас создано демократическое государство... Нужна ясная политическая программа с конечной целью создания новой России – без большевиков и капиталистов... Мы признаем принцип частной собственности, но мы – против крупных капиталистических объединений и монополий. Земля должна принадлежать кре-

стьянам... Помещики и фабриканты своей земли и заводов не получат. Многие из нас пострадали от советской власти, но никакой мести... мы не допустим".

Зыков погиб, точнее, исчез летом 44-го года из деревушки Рансдорф. После того, как кто-то вызвал его к телефону, он со своим адъютантом вышел из дома и сел в подъехавшую машину...

У аспиранта санкт-петербургского университета экономики К<ирилла> Александрова, заканчивающего книгу о Власове, есть доказательства, что их расстреляли в Заксенхаузене. Похищение последовало за раскрытием гестапо группы заговорщиков, пытавшихся убить Гитлера. Все они общались с власовскими офицерами.

Наше главное управление контрразведки "Смерш" после войны охотилось за Зыковым, не веря в его смерть. Из двенадцати казненных летом 46-го года – сам Власов и его "руководящие сподвижники" – двое не были пойманы сразу, их целый год укрывали американцы и выдали незадолго до судебного проuесса. Так что у чекистов были основания думать, что и Зыков припрятан. В архиве ФСБ хранятся протоколы допросов. Власов тоже утверждал, что Зыков работал в "Известиях". Все подсудимые описывали его внешность одинаково: около сорока лет, среднего роста, широкие полные губы, темные вьющиеся волосы, темные глаза. Все сходится.

Ц. Вольпе. А в биографии Вольпе – ничего похожего. Жил не в Москве – в Ленинграде. Не сидел. Не имел отношения к Бубнову. Литературовед, критик, отдавший дань увлечению марксизмом, печатался в "Записках научного общества марксистов". <...> По словам родных – характер эксцентричный. Блокадной осенью 41-го он вместе с другом-художником нанял машину чтобы перебраться через Ладогу. Больше никто их не видел. В Санкт-Петербурге, в <...> РНБ, есть личный фонд Вольпе. <...> Про то, что позволяло хотя бы предположить превращение Цезаря Вольпе в Мелетия Зыкова – ни строчки. Зацепили лишь две коротие записки: "Если когда-нибудь встретите в Ташкенте Леонида Трауберга (знаменитый кинорежиссер. – Э.М.)... попросите его рассказать о нашем разговоре накануне его отъезда из Ленинграда". И это: "Если мне не удастся уехать, тогда уж не ждите".

Вольпе – Зыков? В литературе о РОД и РОА сюжет Вольпе – Зыков стал хрестоматийным <...>.

Кирилл Александров <...> подсказал: во Франкфурте-на-Майне живет Александр Николаевич Артёмов (Зайцев)[290], когда-то старший преподаватель в Дабендорфе, а до этого советский биохимик, аспирант-философ, потом

---

[290] В. Поздняков о Зыкове: «Его отношения со старшим преподавателем А. Зайцевым и др. лицами, принадлежащими к организации НТС, были весьма натянутыми, если не сказать более резко. К НТС З<ыков> относился весьма недружелюбно и резко критиковал их программные установки, в частности "Схему НТС" (1944 г.), в которой были антисемитские пункты. З<ыков> стоял на платформе полного равенства всех народностей России. Очень плохие отношения были у З<ыкова> и с А. Казанцевым» [376, с. 161]. А.С. Казанцев – НТСовец, в будущем автор известной книги о Власовском движении «Третья сила» [216]. См. о нем в приложении 1.1.8 и в статье М. Лепехина в настоящем сборнике, который указывает, что Казанцев «был пламенным апологетом "Мелетия Зыкова"». Одно никак не исключает другого, и он мог стать таковым уже после смерти Зыкова. В этом даже есть определенная логика.

пленный лейтенант Красной Армии, в лагере отобранный немцами для школы в Дабендорфе, где он вел семинары по русской истории и политике большевизма. Во Франкфурт-на-Майне съездил наш боннский корреспондент Евгений БОВКУН. Вот что рассказывает Артёмов:

– Конечно, мы были коллаборационистами, сотрудничая с Гитлером. Но ведь коллаборационистами были и коммунисты, сотрудничавшие со Сталиным. Нашим идеалом был социализм без Сталина. А что такое демократия, мы тогда не знали. Опыт Веймарской республики, которую погубил политический плюрализм, давал, скорее, отрицательный образец. И идеология национал социализма нас не устраивала, особенно его расовая теория.

Артёмов проработал полтора года бок о бок с Зыковым, о котором ходили легенды. Его группа существовала особняком, позже их обвиняли в том, что они вбивали клин между власовцами и германскими вооруженными силами. Задним числом возник еще и слух, что Зыков – чекист, шпион. В последний раз Артёмов видел его в лесу под Берлином, город уже бомбили. Зыков только что вернулся из Югославии, и Артёмов спросил, почему он там не остался, ведь знал, что в гестапо уже лежат доносы на него. Зыков промолчал... О политике Зыков разговаривать не любил, зато подолгу беседовали о литературе, о символистах, акмеистах. Однажды обсуждали причины внезапной странной смерти поэта Веневитинова, Зыков и скажи, что причастен к изданию книги 30-х годов "Поэты – современники Пушкина". Спустя много лет Артёмов раздобыл сборник и прочел, что один из составителей, автор комментария к Веневитинову – Ц. Вольпе. Возраст сходится. В плен попал с группой ленинградцев...

По просьбе "Известий" Российскй федеральный центр судебной экспертизы сличил фотографию Зыкова, взятую из зарубежного издания, и Вольпе – из семейного альбома. Хотя их разделяют полтора девятка лет и зыковская фотография плохого качества, вывод сделан: это – разные люди.

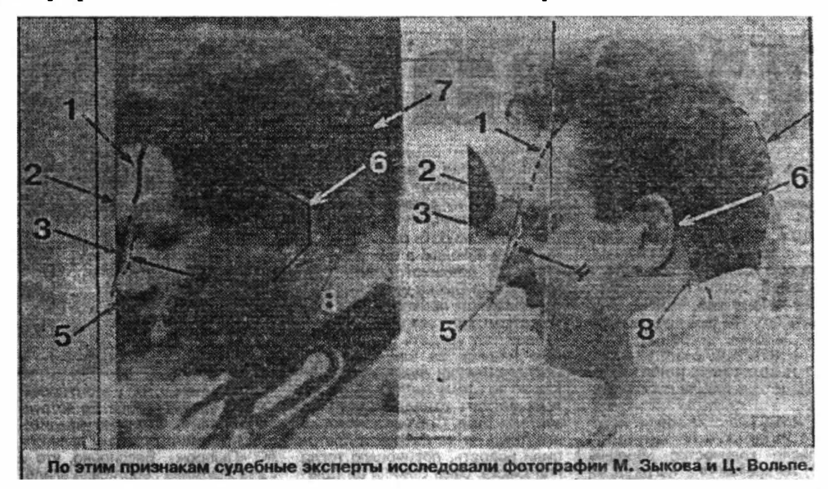

Фото 41. Сравнение портретов М. Зыкова и Ц. Вольпе
(*Известия*. 1997, 3.04. № 62. С. 5)

Для чего, однако, серьезный, умный Зыков выдал себя за известного литератора, усугубляя предположения о своем семитском происхождении? Из тщеславия? Это в сорокто третьем году, в жуткой обстановке, когда на карту поставлена жизнь... А если просто пошутил? Или – слегка преувеличил какое-то свое, действительно имевшее место участие в сборнике?[291] Так был сочинен миф. <...>.

М. Зыков из Москвы. Старший научный сотрудник Публичной библиотеки Нина Антоновна Зубкова, узнав о цели моих разысканий, вдруг невзначай заметила: в каталоге <...> стоит карточка с фамилией Зыков. Да-да, именно, Мелетий Александрович.

Как это? Значит, Зыков – реальное лицо?

Назавтра, я держала в руках сочиненные им в 1930-31 годах, напечатанные издательством воронежской газеты "Коммуна" жиденькие брошюрки на сельскохозяйственные темы: "Хохол – село колхозное", "Возглавить новый подъем колхозного движения". Что стиль, что содержание – не оторваться[292]. "Отлив из колхозов происходил не в результате неправильной линии партии, а вследствие прямого извращения партийных директив. А кулак в это время прямо провоцировал перегибы". Ну не соединяется этот убогий Зыков с тем – публицистом, аналитиком. На каком поле брани, в каком лагере подобрал один имя другого, по всей видимости, погибшего?

И тут в Подольске, в архиве Министерства обороны, обнаруживается карточка на М.А. Зыкова. Родился в 1901 году в Днепропетровске, призван в Красную Армию из Москвы, жена Н.Д. Малькова проживает на улице имени Карла Маркса, дом 22, квартира 158. В 1942-м пропал без вести.

Дальше обвально стали собиаться и неожиданным образом совпадать подробности <...>. Дочь Бубнова после ареста отца укрывались у тетки на улице Карла Маркса. Дом номер 22 в 30-е годы выстроила для своих сотрудников Библиотека имени Ленина, там работала жена Бубнова, а в 60-е годы – некая молодая женщина с той же фамилией Малькова. И, наконец, последнее сообщение нашего корреспондента Е. Бовкуна: жену Зыкова звали Наташа. В старой домовой книге значится Наталья Давыдовна Малькова, художник-шелкограф, скончавшаяся – ирония судьбы – 5 марта 1953 года, в день смерти Сталина.

Все говорит за то, что Мелетий Зыков и был настоящим Мелетием Зыковым, скрывавшимся под своим же именем (мы нашли продукцию Зыкова и в "Известиях"). Не для того ли, чтобы спасти своих близких? Судя по всему, это удалось.

Зыков обманул всех, в том числе НКВД, чьи агенты действительно трудились в Дабендорфе. Он ушел в мир иной один, очевидно, уже поняв тщету усилий выстроить в СССР с помощью немцев-антигитлеровцев и союзников

---

[291] Странное должно быть это преувеличение: «причастен к изданию книги». Зыков имел полное право так сказать, даже если просто давал консультации одному из редакторов по вопросам, которые хорошо знал.

[292] В каталоге РНБ имеются 3 его брошюры: *Возглавить новый подъем колхозного движения*. Свердловск; М.: ОГИЗ, Госиздат., Уральское отд., тип. «Гранит» [в Свердловске], 1931 г. 13, [2] с.; *С М.И. Калининым по колхозам ЦЧО*. Воронеж: изд-во и тип. изд-ва «Коммуна», 1930 г. 55 с.; *Хохол – село колхозное [ЦЧО]*. Там же, 1931 г. 32 с. [403].

Советского Союза “социализм без Сталина и капиталистов”. Ему должна была служить утешением мысль, что он не сгубил при этом свою семью.

В архиве ФСБ сведений о его аресте в 37-м году нет, но такое вполне могло быть, если Зыков сидел без суда и следствия. В редакционном архиве – тоже ничего, да и быть не могло, поскольку личные дела репрессированных сжигали, дабы стереть память о них.

<...> Процитирую писателя Георгия Владимова: “Горестная история РОА написана лишь отчасти, она полна белых пятен, которые, понадеемся, будуг заполнены со временем”. <...>».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2[293]

ТЕКСТЫ ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТСКИХ ИЗДАНИЙ И ЛИСТОВОК 1941-47 гг.

I. Русская эмиграция во Франции в период оккупации

1. Листовка. Текст на одной стороне листа.

«ВОЗВАНIЕ.[294]

Верные сыны Россiи.

Пробилъ часъ освобожденiя нашей многострадальной, дорогой Родины отъ власти богоборцевъ.

Вождь Германскаго народа, канцлеръ Хитлеръ объявилъ крестовый походъ противъ поработителей Россiи. Началась страшная, решительная борьба съ красными дьяволами. Открылась священная война со злейшими врагами Русскаго народа и всего человечества. За вождемъ Германскаго народа пошли въ бой съ мировыми злодеями многие народы Европы. Россiя накануне освобожденiя и возвращенiя къ новой лучшей жизни, къ свету, къ славе, къ величiю.

Да будетъ благословенъ день и часъ, когда началась великая, славная война съ III интернацiоналомъ.

Да благословитъ Всевышнiй великаго Вождя Германскаго народа, поднявшаго мечъ на враговъ Самого Бога.

Да погибнетъ дьявольская шайка злодеевъ, распявшая Россiю.

Да исчезнутъ съ лица земли масонская звезда, серпъ и молотъ.

Да возсiяетъ на родной Земле и во всей Вселенной Крестъ Христовъ.

---

293 Во всех приложениях мы постарались сохранить довольно любопытную орфографию ряда публикуемых текстов – переходный вариант между старой и новой орфографией, бытовавший в эмигрантской среде. Сохранены также пунктуация и те сокращения, которые имелись в оригинале. Отказывались мы лишь от буквы “ять”, которая невоспроизводима в многих программах. В тех случаях, когда описание публикуемой статьи имеется в списке библиографии, в конце в квадратных скобках указывается номер ее позиции по этому списку.

294 Имеется такая же листовка в немецком переводе (текст на двух сторонах листа). См. [451].

Да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги Его.

Именемъ Божіимъ, Крестомъ Христовымъ благословляю всехъ борцовъ за освобождение Россіи, за ея грядущую славу и величіе.

Съ нами Богъ!

Призываю всехъ верныхъ сыновъ Россіи на великій, славный, ратный подвигъ за веру, Родину, за Святую Русь, за Домъ Богородицы, за нашъ Священный Кремль въ Москве, за русскихъ Угодниковъ.

Встанемъ все дружно, какъ одинъ человекъ на честный, ратный бой съ краснымъ діаволомъ. Превратимъ все наши распри и раздоры. Объединимся все въ священной борьбе за правду Божію, за спасеніе Родины, за благо человечества.

Прочь колебанія, сомненія, трусость. «Дерзайте, дерзайте люди Божіи, ибо Богъ победить враговъ, такъ какъ Онъ всесиленъ».

Святой Благоверный Великій Князь Александръ Невскій, Великій Князь Димитрій Донской, Святейшій Патріархъ Гермогенъ и все наши Угодники и молитвенники за Русскую Землю да благославятъ нашу священную войну съ слугами сатаны.

Да здравствуетъ Великая Національная Россія.

Митрополитъ СЕРАФИМЪ.

22 іюня День всехъ Святыхъ, въ Земле Русской просіявшихъ.

1941 года. ПАРИЖЪ» [451].

2. НС, n°66(448), 19.8.1942, с. 1: «*ГПУ в Париже*

"Локаль Анцейгер" и другие немецкие газеты сообщают сенсационное известие об аресте бывшего министра Временного правительства, проживавшего уже много лет в Париже, Сергея Михайловича Третьякова[295], подвизавшегося одним из главных резидентов заграничной сети ГПУ (НКВД). Разоблачение этого предателя произошло совершенно случайно вследствие того, что германскими войсками в Минске были захвачены архивы НКВД. Уже из имеющихся в распоряжении следственных властей данных определенно выясняется предательская роль Третьякова в похищении генералов Кутепова и Миллера. Следствие по делу Сергея Третьякова должно окончательно раскрыть все мрачные тайны заграничных застенков ГПУ. Тем самым получают, наконец, всестороннее освещение оба дела, кутеповское и миллеровское, которые в свое время были положены под сукно иудо-масонскими правителями "демократической" Франции.

Арестованный в Париже Сергей Михайлович Третьяков играл видную роль в кругах зарубежных заправил, захвативших в свои руки монополию руководства трудовой эмиграцией, у которых для делания "высшей политики" не имелось ни времени, ни средств.

Сергей Третьяков принадлежит к известной в старой России богатейшей купеческой фамилии. Племянник основателя знаменитой Третьяковской галлереи в Москве, сам он являлся одним из совладельцев костромской мануфактуры

---

[295] См. [410, с. 460-462] и приложение 1.I.18. В указанном материале допущена ошибка в отчестве: речь идет не о Сергее Михайловиче, а о Сергее Николаевиче Третьякове.

“Коншин, Третьяков с сыновьями” и был председателем московского биржевого комитета. Получив блестящее европейское образование в одном из английских университетов, хорошо владея иностранными языками, Сергей Третьяков разделял либеральные увлечения того времени, был англоманом и англофилом, состоял в масонской ложе и потому, естественно, оказался в числе министров Временного правительства.

С ликвидацией Временного правительства, Третьяков недолгое время был министром в правительстве адмирала Колчака.

Эмигрировав заграницу, Третьяков поселился в Париже, где был генеральным секретарем Торгово-Промышленного Союза и находился в близких отношениях с другим бывшим министром Временного правительства масоном Н.И. Гучковым[296]. До конца тридцатых годов Третьяков, повидимому, не нуждался, проживая остатки оказавшихся заграницей его когда-то очень больших средств. Когда эти средства иссякли, ему пришлось пережить несколько тяжелых, в материальном отношении, годов, и он одно время даже служил конторщиком в конторе журнала “Иллюстрированная Россия”.

Еще до похищения генерала Кутепова, материальное положение Третьякова вдруг снова улучшилась. После похищения генерала Кутепова, генерал Миллер вынужден был, по причине недоразумений с квартирохозяином на улице Каннабьер[297], искать помещение для русского Обще-Воинского Союза. Сергей Третьяков предложил ему за очень невысокую плату одну из двух имеющихся у него квартир на улице Колизей[298] (в районе Елисейских полей). Генерал Миллер с благодарностью принял это предложение от человека, имевшего безупречное антибольшевистское прошлое и игравшего видную роль в эмигрантских торгово-промышленных кругах. Через некоторое время Третьяковв предложил генералу Миллеру поменяться квартирами, находящимися в разных этажах. Ничего не подозревавший председатель Р.О.В. Союза охотно принял это предложение.

После ареста Третьякова в июне с.г. и обыска на его квартире и в помещении Р.О.В. Союза, стало понятным, почему именно Третьякову понадобилось произвести перемену квартир. В кабинете Миллера был установлен (под мраморной доской камина) микрофон, а в кабинете самого Третьякова стол, привинченный к полу, провода и приемник. Таким образом, резидент ГПУ в Париже годами мог слышать все разговоры, происходившие в управлении РОВС’а. Кроме того, рабочими-коммунистами французского министерства почты, телеграфа и телефона был проведен прямой провод с улицы Колизей на улицу Гренель, где помещалось советское полпредство.

“Паризер Цейтунг”[299] полагает, что в результате гнусной провокаторской работы Третьякова погибло в застенках ГПУ около 30 русских антибольшевиков, отправившихся из Франции в СССР для террористических действий.

---

[296] Опечатка, и речь идет об А.И. Гучкове, либо ошибка: его брат Н.И. Гучков не входил во Временное правительство.

[297] Rue de la Cannebière, 12°.

[298] Rue du Colisée, 8°.

[299] «Parizer Zeitung» (1941-1944 гг.). Газета, выходившая в Париже в годы оккупации.

Как теперь выяснилось из бумаг минского архива НКВД, не Скоблин, а именно Третьяков был главным тайным резидентом в Париже, Скоблин находился у Третьякова в подчинении, и руководство похищением генерала Миллера принадлежало Третьякову. Объясняется также внезапное исчезновение Скоблина из помещения РОВС'а, куда его привез полковник Мацылев[300] и откуда адмирал Кедров[301] предложил ему отправиться вместе с ним в полицейский комиссариат. Он просто поднялся одним этажей выше и скрылся на квартире у Третьякова.

Все газеты выражают уверенность, что с арестом Третьякова будут до конца раскрыты все гнусные преступления, совершенные заграничными большевистскими агентами ГПУ.

Коминтерн, свивший свое змеиное гнездо в Москве, вел в течение двадцати лет яростную борьбу со всеми зарубежными антикоммунистическими силами. Заграницей были убиты украинский деятель Петлюра, грузинский лидер Рамишвили и много других. Особенно тяжелым ударам подверглись организации и союзы участников белой борьбы, бывшие соратники Деникина, Врангеля, Колчака и Юденича. Два наиболее опасных для Коминтерна военных начальника РОВС'а генералы Кутепов и Миллер были предательски уничтожены агентами Кремля. Особые отделы ГПУ искусно вводили во все зарубежные антикоммунистические организации своих провокаторов, преследуя цель полной ликвидации заграницей всех непримиримо настроенных к Коминтерну сил»[302] .

---

[300] Мацылев Сергей Александрович (1893 – в ночь с 7 на 8 нояб. 1954 г., Париж,; кладб. в SGdB), полковник. Участник 1-й мировой и Гражданской войн. Служил в Добровольческой армии; эвакуировался из Крыма. Затем – Галлиполи, Болгария, Франция. Начальник 1-го отдела РОВС [327-4, с. 461-462; 624, с. 246]. Не тот ли это «офицер-ровсовец», который был послан генералом П.А. Кусонским и адмиралом М.А. Кедровым за Скоблиным? В. Бортневский, описывая события [66], не называет его имени.

[301] Кедров Михаил Александрович (13.9.1878 г., Епифань Тульской губ. – 29.10.1945 г., Париж,; кладб. в SGdB), вице-адмирал (с 1920 г.). В октябре 1920 г. возглавил русский флот, который увел в Константинополь и далее в Бизерту. Жил во Франции. Проф. Высшего технического института в Париже. Временный председатель РОВСа [129, с. 485-486; 327-3, с. 252; 624, с. 172]. В [327-3, с. 252] указано, что он масон, но в [452] его имя отсутствует.

[302] Приведем несколько свидетельств вторичного характера, которые интересны как отражение мнений и слухов, циркулировавших в эмигрантской среде на протяжении полувека. Берберова: «Было доказано, что он <Третьяков> в конце 1930-х гг. помог ген. Скоблину, похитившему ген. Миллера... Его квартира находилась на ул. Колизэ над квартирой, принадлежавшей Общевоинскому союзу, и у него был микрофон, по которому он слушал, что происходило внизу, в канцелярии Союза. В вечер, когда генералы белой армии допрашивали Скоблина, Третьяков у себя в квартире слышал, как постепенно допрашивающим становилось ясно, что Скоблин играл ведущую роль в этом деле. Третьяков понял, что Скоблин сейчас бросится из квартиры вон. И в момент, когда Скоблин выбежал из дверей Союза и вбежал на площадку Третьякова, тот уже стоял у открытых дверей, спасая его от неминуемого ареста. Генералы сбежали вниз, – полагая, что беглец выбежал на улицу, и не подозревая, что у него есть укрытие в том же доме» [50, с. 65-66]. М. Коряков, с мая 1945 г. по март 1946 г. работавший в совет-

3. НС, n°81(463), 11.10.1942, с. 6: «*Наплыв евреев на Францию*. Парижский еженедельник "Гренгуар" сообщает, что в неоккупированной части Франции в настоящее время находится 2 750 000 иностранных евреев[303]. "Вследствие легкомысленности и безответственности своего правительства, – пишет газета, – Франция стала настоящим убежищем для евреев"».

4. ПВ, n°86, 12.02.1944, С.4-5: «*Об одной провокационной попытке. В ответ на провокационную попытку, проводимую от имени русских эмигрантов, мы воспроизводим полностью статью органа Войск Освободительного Движения «Доброволец» №9, от 30 января 1944 г., в которой бывшие советские люди, взявшиеся за оружие для борьбы с большевизмом, дают совершенно исчерпывающий ответ некоему "Союзу Русских Патриотов". Редакция "Парижского вестника" целиком солидаризируется с приводимой статьей "Добровольца"*[304].

ском посольстве в Париже: «Когда-то по Москве ходили слухи, что парижское посольство выкрало двух белых генералов – Миллера и Кутепова. Передавали, что трупы были сожжены. Переступив порог посольства, я думал : хоть бы краешком глаза посмотреть на эти печи! Оказалось, не так все просто! Даже находясь внутри посольства, советские люди не знают, что тут, в посольстве, творится» [253, с. 311]. В [410, с. 462] и в приложении 1.I.18 мы уже цитировали статью кн. А.П. Щербатова из «Нового русского слова» от 24.10.1982 г., где он утверждает: разбирая Смоленский архив НКВД, «немцы узнали, что генерал Б.А. Штейфон, командир русского охранного корпуса в Югославии <...> был в контакте с Третьяковым. Генерал Штейфон умер при очень загадочных обстоятельствах». Обратим внимание на нецитировавшийся нами комментарий В. Южина: «соратник ген. Скоблина в деле похищения ген. Миллера С.Н. Третьяков на основании бумаг Смоленского Архива был разоблачен немцами, как советский агент, арестован и расстрелян. Если бумаги Смоленского Архива устанавливали связь ген. Штейфона с С. Третьяковым, то "смерть во сне" ген. Штейфона представляется не столь уж загадочной» [581]. Однако не стоит множить сущностей: Третьяков был арестован в июне 1942 г., а Штейфон умер 30 апреля 1945 г., т.е. для указанной версии слишком поздно. У Носика об эмигрантах, пошедших за деньги на службу ГПУ: «Одни, как опустившийся наследник купца Третьякова, спились и впали в нужду. Другие, как Плевицкая, привыкли жить на широкую ногу» [341, с. 75]. Данные о наказании Плевицкой в литературе разнятся: французский суд ее приговаривает то к 15 годам заключения [469-3], то к 20-ти годам каторжных работ [119, с. 285]. В воспоминаниях митрополита Вениамина организатор похищения, муж русской певицы, ген. Скоблин превращен в некого ген. Козмина (возможно, что имя циркулировало в связи с похищением); хуже, что комментатор не только его не поправляет, но и называет сам то же имя [93, с. 381, 447].

303 Цифра, конечно, названа фантастическая, но она является отражением того факта, что на территории, подконтрольной правительству Виши, особенно в первое время его существования, тысячи еврейских беженцев нашли убежище, пусть и временное, но, во всяком случае, давшее возможность многим из них выжить и покинуть Европу.

304 Мы перепечатываем не всю статью, а исключительно данные о самих листовках СРП, частичный их пересказ и обширные цитаты из них, не будучи уверены, что они сами где-либо сохранились. Учитывая даты, расстояния и содержание, речь идет о самых ранних прокламациях СРП ноября-декабря 1943 г.

<...>. Перед нами два небольших, величиной с почтовые листка, отпечатанных на машинке. Один из них прокламация, подписанная каким-то временным Комитетом какого то "*Союза русских патриотов*". Другой листок – такая же прокламация, только с заголовком, стилизованным под нечто, напоминающее старомосковскую вязь: "*Русский патриот*". Изделие того же предприятия <...>.

Саморазоблачающие <так!> "патриоты". <...> цели их – не политическая борьба, не организация русского народа на основе четких и ясных принципов, не счастье родины – а всего на всего шпионаж и провокация. Этого авторы прокламаций не могли скрыть. Они, авторы прокламаций, называют себя русскими эмигрантами, двадцать пять лет тому назад оставившими Россию, двадцать пять лет скитавшимися по чужбине, двадцать пять лет мечтавшими о своей родине.

"Теперь, – восклицают они, – пришло время доказать, что мы русские". "Когда мы, русские зарубежные люди, встретимся с нашими сородичами на родной земле, нас могут спросить: ну, а где вы были в годы освободительной войны и что вы сделали для родины? Время прекратить наши «семейные» неполадки и ссоры. Эмиграция, как таковая, перестала существовать с того момента, как немцы завезли сюда рабочих с нашей родины и заставили работать русских военнопленных во всех странах Европы. Мы должны протянуть друг другу братские руки и итти плечо к плечу..." <...> "Условия военного времени и связанная с ними сугубая конспирация не позволяют нам легализовать наш Союз ни юридически, ни формально каким-либо уставом. Мы заменяем, поэтому, конституционные гарантии нашей общей директивой".

Так начинается листовка – "директива членам союза русских патриотов". <...>

"Мы подчеркиваем, прежде всего, что союз русских патриотов есть совершенно внепартийная и всецело национальная организация русских, проживающих за рубежом и объединившихся на основании патриотизма и любви к родине для оказания всемерной помощи своему народу, своей стране. *В этом союзе мы чужды какой бы то ни было политике* в смысле стремления к власти или сведения счетов с кем бы то ни было и поэтому *мы не имеем никакой программы или платформы*". <...> "Одним из основных принципов нашей организации есть добровольное *самоопределение круга своих обязанностей каждым членом союза* в меру своих физических, семейных, личных, служебных и прочих обязанностей, самим членом определенного и очерченного, каждый член союза осуществляет личную свою связь с прочими членами союза для претворения в дело этих обязанностей не иначе, как через одного, много двух-трех членов союза. Само собой разумеется, что ни о каких общих или даже групповых собраниях не может быть и речи". <...>

Прокламация "Союза русских патриотов" – просто *ловушка иностранной разведки* <...>. Ведь никакой платформы у нее нет, никакой идеи нет <...>. Она борется только за свои цели <...>. Эти цели несложны. Приводим их дословно, так как они изложены в прокламации: 1. Выявлять и сообщать имена предателей родины. 2. Работать среди военнопленных. 3. Вести пропаганду среди, так наз. "власовцев", разложение которых составляет специальную задачу. 4. Проявлять инициативу и активность в военных интересах <...>. Две

одновременно выпущенных прокламации от имени несуществующего “Союза русских патриотов во Франции” лишь *негодная попытка помещать нашему делу* <...>» [347].

II. *Де Голль, Дарлан и Жиро: Северная Африка, Ближний Восток: 1942-44 гг.*

1. НС, n°98(480), 9.12.1942, с. 2: «“Юнайтед Пресс” сообщает, что адмирал Дарлан лично занят ликвидацией всех мер, принятых правительством Виши против евреев в Марокко и Алжире. Ему приходится принимать решения с большой осторожностью, чтобы не восстановить против себя семимиллионное население арабов <...>. Генерал Жиро ведает там исключительно военными делами, а адмирал Дарлан – гражданской администрацией».

2. НС, n°101(483), 20.12.1942, с. 2: «***Столкновения между сторонниками де-Голля и Дарлана в Сирии***. Как сообщает агенство Стефани из Анкары, положение в Сирии между сторонниками де-Голля и Дарлана становятся все более напряженными. Командующий войсками де-Голля издал приказ, в котором сторонники Дарлана считаются враждебными иностранцами и, если появится необходимость, таковые подлежат аресту и заключению в специальные лагеря. Положение настолько остро, что между сторонниками де-Голля и Дарлана произошло уже несколько кровавых столкновений».

3. НС, n°4(490), 13.1.1943, с. 2: «***Убийца адмирала Дарлана***. Согласно сообщению агенства ОФИ из Танжера, убийца адмирала Дарлана – двадцатилетний студент Боннэ де-ля-Шапелль, мать которого еврейка. Семья убийцы проживала в Алжире. Отец и оба сына были известны, как сторонники де-Голля» [521].

4. НС, n°7(493), 24.1.1943, с. 3: «***Вокруг де-Голля***. Англия надеется на быстрое соглашение между де Голлем и Жиро, но их правительство все равно будет временным, и в реальности будет править Черчилль».

5. НС, n°58(544), 21.7.1943, с. 2: «***В Алжире***. <...> 150 французских генералов, 35 адмиралов и несколько сот офицеров Генерального штаба отставлены от занимаемых ими должностей. Эта “реформа армии” была проведена в Алжире во время пребывания генерала Жиро в Вашингтоне. ***В Северной Африке***. По сообщению из Стокгольма, права правительственной власти в Северной Африке предоставлены, по настоянию Эйзенховер, французскому генералу Катру, который вначале играл роль посредника в переговорах между де-Голлем и Жиро. По свидетельству агенства “Ассошайетед Пресс”, недавно в северной Африке был организован путч де-голлистов, в подавлении которого принимали участие также американские части».

6. НС, n°65(551), 15.8.1943, с. 3: «***“Голлист Жиро”***. По сообщениям английских газет, поездка Жиро в Лондон и Вашингтон не привела к удовлетворительным результатам. Под влиянием этого, произошло невольное сближение двух “товарищей по несчастью” – де-Голля и Жиро. Английские газеты иронически замечают, что Жиро вернулся в Алжир в качестве “убежденного голлиста”».

7. НС, n°81(567), 10.10.1943, с. 2: «***Террор в Северной Африке***. По сообщению танжерских газет, военные суды в Тунисе и Сфаксе приговорили 29 лиц

к смерти и 110 к каторжным работам. Т.к. англо-американскими властями в Тунисе производится "чистка", то можно предположить, что большинство осужденных – французы, оставшиеся верными правительству маршала Петена».

8. НС, n°84(570), 20.10.1943, с. 2: "***Покушение на Жиро.*** По сообщению шведской газеты «Ниа Даглит Аллеханда», генерал Жиро был серьезно ранен при автомобильной катастрофе. В Алжире предполагают, что он явился жертвой покушения со стороны последователей де-Голля».

9. НС, n°92(578), 17.11.1943, с. 3: «***де Голль вытесняет Жиро.*** <...> Недавно де Голль устроил конференцию печати <...>. На вопрос, останется ли Жиро на посту главнокомандующего, де Голль ответил демонстративно-уклончиво <...>. Кроме того, де Голль упомянул о коммунистах в Северной Африке, выразив им свою признательность и благодарность. Вхождение коммунистов во французский освободительный комитет является, по словам де Голля, лишь вопросом времени. По сообщению германского информационного бюро, т.н. "Центральный комитет Коммунистической партии Франции", заседающий в Москве, выдвинул шесть коммунистических депутатов в Северной Африке в качестве представителей на общем совещании французских повстанцев, которое состоится на этих днях в Алжире».

10. НС, n°104(590), 29.12.1943, с. 2: «***Жиро боится покушения.*** Как сообщил французский адмирал Миссоф, генерал Жиро опасается, что его в любой момент может постигнуть судьба адмирала Дарлана и Сикорского <...>».

III. СССР и русская эмиграция: 1943-44 гг.

А. ФРАНЦУЗСКОЕ И ИТАЛЬЯНСКОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

1. НС, n°69(555), 29.8.1943, с. 2: «***Москва и эмигранты.*** Советские круги в Лондоне подтверждают, что бывший советский посол при лондонских эмигрантских правительствах, Богомолов[305], назначен представителем в Алжире[306]. Это назначение оживленно комментируется в английских кругах. В назначении Богомолова в Алжир в Лондоне видят демонстративный жест, направленный против эмигрантских псевдо-правительств. Кроме чехов во главе с Бенешом[307], все остальные эмигрантские "правительства" не признаются Москвой, в которой образованы коммунистические эмигрантские комитеты».

---

[305] См. о нем [410, с. 489] и приложение 1.1.32. Дополнительное описание на 1945 г., во время его пребывания в Париже, дал М. Коряков: «Посол <...> массивен, плешив, на горбатом носу – очки в толстой черепаховой оправе; у него совсем молоденькая, круглолицая жена с веселыми карими глазами. Хозяин посольства – не посол, а советник посольства, А.А.Гузовский» [253, с. 312-313].

[306] Первые советские представители (члены Комиссии по репатриации) прилетели в Алжир 28 апреля 1943 г. [417, с. 425, 432, 437].

[307] Бенеш (Beneš) Эдуард (28.5.1884 г., Кожлани, Чехия – 3.9.1948 г., Сезимово-Усти, Чехия), президент Чехословакии (1935-38 гг., 1940-48 гг.). 12 декабря 1943 г. подписал советско-чехословацкий Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве [58-3, с. 195; 299, с. 120]. О его дипломатической игре, позволившей сохранить целостность Чехословакии и сохранить признание СССР, см. [297; 299].

2. НС, n°70(556), 1.9.1943, с. 3: «*В Северной Африке*. В Алжире с большим интересом ждут прибытия советского полпреда Богомолова. Североафриканские коммунисты готовят ему торжественную встречу. По мнению алжирских коммунистических кругов, одной из задач Богомолова является устранение Жиро. Более приемлемым с коммунистической точки зрения является де-Голль. Северо-африканские коммунисты убеждены в том, что в Алжире имеются все предпосылки для успеха миссии Богомолова».

3. НС, n°80(566), 6.10.1943, с. 3: «*Сталинские щупальцы в Средиземном море*. <...> Советским представителем в Средиземноморском комитете назначен зам. Народного комиссара иностранных дел Вышинский. <...> Назначение столь высокого советского сановника, как Вышинский, в Средиземноморский комитет, является показателем того, какое большое значение Советы придают своему участию в делах Южной Европы. Они стремятся превратить Средиземноморский комитет в орган распространения большевизма».

4. НС, n°82(568), 13.10.1943, с. 1: «*Вышинский за работой*. По сообщению английского радио, Сталинского представителя в Средиземноморской союзнической комиссии Вышинского сопровождает не более и не менее как 55 советских "дипломатов"[308]. Это означает, что в скором времени Алжир, наряду с Каиром, где орудует такой матерый волк Коминтерна, как болгарин Димитров, превратится в центр большевистской агитации в Средиземноморском бассейне. Благодаря преступному попустительству англо-американцев, большевики все более прочно обосновываются также и в Сицилии и в Южной Италии. Большое число проживающих там русских эмигрантов недавно "ликвидировано" людьми Вышинского <разрядка автора – *ДИГ*>. Даже те русские, которые укрылись под покровительство англо-американцев, были выданы на расправу большевикам. Насколько мало считается Вышинский с плутократическими «союзниками», свидетельствуют также передачи большевистской радиостанции в Каире. В своих передачах на итальянском языке эта станция призывает итальянское население к саботажу не только германской армии, но и отрядам Бадолио[309], правительство которого должно уйти и уступить место диктатуре пролетариата во Франции!»[310].

С. 3. «*Димитров в Каире*. <...> Что же касается бывших французских владений в северной и западной Африке, то посылка в Алжир двух советских

---

[308] Подтверждения из независимого источника [584]: Богомолов в сопровождении 55 «дипломатов» прибыл в Алжир 10 октября 1943 г. Похоже, что в статье «НС» речь идет о советской миссии в Алжире.

[309] Пьетро Бадольо (P. Badoglio; 28.9.1871 – 1.11.1956 г.), маршал Италии (1926 г.), герцог Аддис-Абебский, маркиз Саботино, премьер-министр, который принял власть над страной после свержения Муссолини (перешел на сторону союзников 26.7.1943 г.), объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны. Но как глава временного правительства Южной Италии на роль французского де Голля явно не тянул ([213]; Интернет).

[310] На эту статью был отклик в газете «Голос солдата» (перепечатан в НС, n°89, 7.11.1943 г., с. 4).

дипломатов не оставляет никакого сомнения в том, что Советы намерены и здесь затеять свою игру. Назначение Вышинского советским представителем, в так называемом, Средиземноморском комитете и назначение советского полпреда при де-Голле и Жиро являются доказательством заинтересованности Советов и Северной Африкой».

5. ПВ, n°70, 16.10.1943, с. 1: «***Белых убивают в южной Италии***. Милан, 12 октября. Газета “Корріерэ делля Сэра” сообщает, что белые русские, покинувшие Сицилию и Южную Италию прибыли в Рим. После оккупации Северной Французской Африки и Сицилии большое количество белых-русских было убито комиссарами ГПУ, находившимися среди англо-американских войск. ГПУ удалось внедрить советских офицеров в войска де Голя. Поэтому Белые русские в Италии бегут в ее Северные области».

6. ПВ, n°71, 23.10.1943, с. 1: «***От УДРЭ во Франции***. <...> Для тех, кто еще верит в эволюцию коммунистической власти, недавнее сообщение из Италии о разстреле англо-советскими войсками белых русских – красноречивее всех слов <...>. Ю.С.Жеребков».

7. ПВ, n°72, 30.10.1943, с. 2: «***Убийства русских на Корсике***. Лицо, только что прибывшее в Париж с Корсики, разсказывает жуткие вещи о расправе, учиненной англо-голистами над русскими белыми после оставления острова германскими войсками. Тотчас по завершении оккупации острова, союзным командованием была произведена регистрация всех русских, проживающих на Корсике. Их оказалось довольно много, гл. образом – лиц эвакуированных сюда после оставления немцами Туниса. Англо-голистами был издан приказ, по которому все русские, способные носить оружие, были обязаны немедленно вступить в ряды голистских войск “для продолжения борьбы с общим врагом”. Что же касается их семей и лиц не способных к военной службе, – то им был дан короткий срок для сборов на предмет отправления их… в советскую Россию! Можно себе представить ужас и отчаяние несчастных! Обреченные люди бросились по всем инстанциям англо-голистского командования с мольбами, протестами и требованием об отмене этого безчеловечного постановления. Напрасно! Союзное командование осталось неумолимо. Не только русские безподданные подлежали отправке, но даже и натурализованные, долгое время прожившие во французском гражданстве. На этой почве среди высылаемых возникло сильное брожение и даже началось сопротивление. Тогда для подавления их и в назидание непокорным, англо-голистское командование рапорядилось публично повесить восемь человек “зачинщиков”-эмигрантов, т.е. белых русских. В этот момент автору этого сообщения удалось покинуть Корсику и дальнейшая судьба наших несчастных соотечественников ему не известна».

8. НС, n°87(573), 31.10.1943, с. 7: «***За неделю***. В Алжире открыта советская выставка. Во время посещения выставки советским послом Богомоловым, была обнаружена адская машина. Все посетители выставки были задержаны и был проведен обыск. Ряд лиц арестован».

9. НС, n°95(581), 28.11.1943, с. 3: «***Коммунисты в Северной Африке***. После учреждения в Алжире советского полпредства, коммунисты в Северной

Африке усилили свою деятельность. Основанное в Алжире общество “Франко-советского сближения” издает, при поддержке советского полпредства, журнал “Франция-СССР”, редактором которого является коммунистический писатель Жербо. В Тунисе коммунисты также усилили свою деятельность. “Коммунистическая партия готовится к захвату власти в Северной Африке”, заявил вождь французских коммунистов Марти[311] в своей речи, обращенной к выпущенным из концентрационных лагерей коммунистам».

10. НС, n°103(589), 25.12.1943, с. 7: «*де Голль предает французских эмигрантов*. По сообщениям из Лиссабона, в будущем эмигранты из Франции и других стран будут посылаться в СССР. Прежде эти эмигранты перевозились в Северную Африку, где они должны были вступать в части де-Голля. Отныне их будут переправлять через Соутэмптон[312] в Мурманск, на основании соглашения, заключенного де-Голлем с советским посланником Богомоловым. В кругах лиссабонских эмигрантов это известие вызвало большое беспокойство. Лиссабонским эмигрантам известно, что в сборных пунктах де-голлистов в Испании эмигранты должны подписывать заявление, в котором говорится о том, что они будут «бороться за Францию там, где это найдет нужным алжирский комитет». Лиссабонские эмигранты предполагают, что Советы хотят образовать французскую «большевистскую дивизию», по образцу пресловутой дивизии польской. Фактически, французские эмигранты станут рабами Сталина. Соглашение, заключенное между де-Голлем и Богомоловым, рассматривается лиссабонскими эмигрантами, как “торговля рабами”».

11. НС, n°3(593), 9.1.1944, с. 7: «*Драма французских эмигрантов*. Лица, прибывшие в Лиссабон из Испании, передают о драматическом столкновении, произошедшем в поезде среди французских эмигрантов, на линии Мадрид–Лиссабон. Под охраной де-голлистов, 550 французских эмигрантов направлялись в Лиссабон. Однако, по дороге французские эмигранты узнали о том, что их готовятся переправить, через Лиссабон и Ливерпуль, в СССР. Возмущенные эмигранты восстали против де-голлистов и сбросили их на ходу с поезда. Воспользовавшись тем, что на повороте поезд замедлил ход, часть эмигрантов спрыгнула с поезда и исчезла во тьме. Об этом эпизоде стало известным лишь на пограничной станции Валенсиа-да-Алькантара[313]. Испанская и португальская полиции принялись за розыски бежавших, до сих пор, однако, безуспешные».

12. ПВ, n°82, 15.1.1944, с. 1: «*Судьба русских в Алжире*. Из очень осведомленных источников нам сообщают, что белые русские, проживающие в Алжире, после приезда туда советского посла Богомолова, специальным декретом все были сняты с работы и лишены права на нее. Через несколько времени новым распоряжением белые русские были заключены в концентрационные лагери. Прошло немного времени и 27 октября 1943 г. года русские эмигранты

---

[311] Marty André (6.11.1886 г., Perpignan – 23.11.1956 г., Toulouse), деятель ФКП (чл. ЦК) и Коминтерна.

[312] Southampton, Англия.

[313] Valencia de Alcántara, испанский город на границе с Португалией.

Алжира были посажены на пароход и увезены в СССР. О судьбе увезенных мы едва ли когда либо что нибудь точно узнаем. Но уже сейчас ясно, что судьба белых, насильно отправленных в СССР – ужасна»[314].

13. НС, n°6(596), 19.1.1944, с. 2: «*Пример НКВД заразителен.* В Алжире состоялось новое заседание т.н. "гильотинной комиссии" – комитета французских эмигрантов. Выработана программа новой "чистки" в Северной Африке. Комиссия заботливо занялась вопросом об учреждении особых террористических судов, на тот проблематичный случай, если большевикам удалось бы укрепиться во Франции. Т.о., де-голлисты не скрывают своего намерения создать во Франции режим террора. В самой Северной Африке комиссия "вычистила" 66 чиновников, занимавших высокие посты. 42 из них были брошены в концлагеря. В числе арестованных – 5 генералов армии Жиро, 5 полковников, 8 префектов и др. видные лица. Суды на территории Франции должны будут состоять из четырех членов – двух представителей правительства и двух членов коммунистической партии. Как заявил "министр юстиции" де-голлистов Лоран, перед этими судами "побледнеют ужасы террора французской революции"».

14. НС, n°7(597), 23.1.1944, с. 4: «*Виктор-Эммануил ищет защиты.* Виктор-Эммануил[315] отправил британскому королю письмо, в котором он просит у него помощи против Сфорцо[316] и Вышинского. Бывший итальянский король просит английского короля спасти итальянскую королевскую династию».

15. НС, n°8(598), 26.1.1944, с. 2: «*Судьба русских в Алжире.* "Парижскому вестнику" (№ 82) из очень осведомленных источников сообщают, что русские эмигранты, проживающие в Алжире, после приезда туда советского посла Богомолова, специальным декретом все были сняты с работы и лишены права на нее. Через несколько времени новым распоряжением эмигранты были заключены в концентрационные лагери, а 27 октября 1943 г. года все русские эмигранты были посажены на пароход и увезены в СССР».

16. НС, n°9(599), 30.1.1944, с. 1: «"*Черный список" Вышинского.* Советский представитель в Международном совещательном комитете по итальянским делам Вышинский поручил своим агентам составить "черный" список

---

[314] О судьбе этой группы насильно репатриированных из Северной Африки нам не известно ничего. Но судьбу другой группы – тоже репатриантов, тоже из северной Африки и в том же году – описал Солженицын (хотя надо помнить, что группы по своему происхождению отличались сильно): «Еще в 1943 г. были какие-то отбившиеся, ни на кого не похожие потоки вроде "африканцев", долго так и называвшиеся в воркутинских строёвках. То были русские военнопленные, взятые американцами из армии Роммеля в Африке («hiwi») и в 1943 г. отправленные на "студебеккерах" через Египет – Ирак – Иран на родину» [477].

[315] Виктор-Эммануил III (11.11.1869 г. – 28.12.1947 г.), последний король Италии (1900-1946 гг.).

[316] Сфорца Карло (Sforza) (1872-1952 гг.), граф, итальянский гос. и политич. деятель, дипломат. В 1926 г. эмигрировал из Италии. Вернулся после падения фашистского режима. В 1944 г. – министр без портфеля, в 1945-46 гг. – председатель Консультативной ассамблеи, 1947-51 гг. – министр иностранных дел. Один из создателей НАТО [157-1, с. 440-441].

итальянских аристократов, особенно тех, кто поддерживал связь с русскими эмигрантами или связан с русскими или польскими аристократами узами родства. Москва намерена требовать от англо-американских властей выдачи этих аристократических семей. Таким образом, по иронии судьбы, именно аристократическое окружение Виктора Эммануила, всегда сочувствовавшее Англии и Америке, должно будет явиться жертвами новой большевистской Катыни».

17. НС, n°18(608), 12.3.1944, с. 4: «***Вышинский орудует в Италии***. По сообщениям из Рима, большевики, следующие по пятам англо-американских оккупационных властей, все больше подготовляют в Южной Италии почву для большевизма. Так, например, Вышинский потребовал, чтобы в Южной Италии были национализированы все церковные имущества, а духовенство “ликвидировано”».

18. НС, n°21(611). 12.3.1944, с. 4: «***Кот едет в Москву***. Согласно сообщению агенства Рейтер, в Алжире обсуждается вопрос об откомандировании бывшего французского министра авиации Пьера Кот[317] на три месяца в Москву в качестве делегата французской комиссии «по национальному освобождению. ***Офицеры де-Голля бегут***. Из Танжера сообщают, что явная коммунистическая политика Алжирского комитета вызвала открытое возмущение среди офицеров состава армии де-Голля и Жиро. В ноябре 1943 года из Северной Африки бежали свыше 500 французских офицеров в Испанское Марокко. Сейчас количество беженцев увеличилось до 1 500 чел.».

19. НС, n°23(613), 19.3.1944, с. 2: «***Политический обзор***. <...> Подтверждается известие о том, что большевики завязывают дипломатические сношения с правительством Бадольо. Повидимому, это решение связано с недавним признанием СССР “Алжирского комитета” де-Голля и вызвано новой политической акцией Советов на берегах Средиземного моря. Уже сейчас, как в Алжире, так и в Южной Италии, большевики поспешили вступить в дипломатические сношения с представителями Бадольо».

20. НС, n°24(614), 22.3.1944, с. 2: «***Де Голль идет по стопам Бадольо***. Де Голль, глава Алжирского комитета в Северной Африке, следуя примеру изменника Бадольо, всячески старается добиться признания своего “правительства” со стороны Москвы. С этой целью он и отправил в Москву своего посланца, бывшего министра авиации Пьера Кот, с поручением просить признания со стороны советского правительства и назначения большевистского посланника в Северную Африку. Де Голль хотел бы также иметь своего посланника в Москве. Помимо того, Пьер Кот должен подготовить договор о союзе между Сталиным и де Голлем по образцу договора с Бенешем, после чего оба

---

[317] Cot Pierre Jules (20.11.1895 г., Гренобль – 21.8.1977 г., Coise-Saint-Jean-Pied-Gauthier, Savoie), французский политический и государственный деятель, левый радикал, министр авиации правительства Народного фронта 1936-37 гг., последовательный антифашист, один из первых сторонников единства действий с ФКП. Эмигрировал в Англию в 1940 г. Предложил де Голлю свою безоговорочную поддержку едва ли не сразу после эмиграции того в Англию и был тесно связан с первым председателем Национального совета Сопротивления, знаменитым Жаном Муленом, который когда-то руководил его кабинетом министра авиации [58-13, с. 282-283; 164, с. 66; 315. с. 148, 179].

договора будут объединены. <...> британская и американская печать утверждают, что этот шаг де Голля является "большой неожиданностью" <...>. Пьер Кот уже прибыл в Москву».

21. НС, n°25(615), 26.3.1944, с. 2-3: «*Политический тупик*. <...> Не прошло и трех месяцев <после Тегеранской конференции – *ДИГ*>, как <...> "полностью выявилась картина дипломатического и политического большого наступления Советов против их союзников на всем Средиземноморском пространстве". Жадные, как акулы, и переоценивающие свои возможности и силы <...> плутократии в их шахматной игре <...> делают много промахов и непоправимых ошибок. Третируя свысока таких своих второстепенных союзников, как предатели де-Голль и Бадольо, она сами бросают их в Сталинские объятия и помогают Москве укрепиться на слабых де-голлевских и бадольевских позициях».

В. БЛИЖНИЙ ВОСТОК

1. НС, n°81(567), 10.10.1943, с. 3: «*Димитров в Каире*. Как сообщают из Лиссабона, Советы получили от Египетского правительства разрешение вести пропаганду через радиостанции на египетской территории. Для организации этих радио-передач бывший секретарь Коминтерна Димитров направился в Каир. <...> Каир является наиболее подходящим центром радио-пропаганды на Балканы».

2. НС, n°82(568), 13.10.1943, с. 3: «*Димитров в Каире*. Одним из существенных последствий англо-советской дружбы было и есть медленное, но верное просачивание большевистских агентов в сферу влияния британской империи. Этот процесс особенно заметен на Ближнем Востоке, где Палестина, Египет и Марокко постепенно включаются в сферу советских интересов, а отчасти и в сферу советского влияния. Что касается Египта, то недавно пришло известие о том, что известный всему миру руководитель Коминтерна, Димитров, получил назначение в Каир, в качестве руководителя советских радио-передач на территории Египта. Из Каира Советы будут вести радиопропаганду на Балканах и в Африке. В английских комментариях к этому известию добавляется, что советская пропаганда будет передаваться через Египетское государственное радио. Этот дипломатический успех большевиков является следствием поездки в Лондон бывшего советского полпреда Майского[318], занимающего теперь пост заместителя Народного комиссара по иностранным делам. Майскому удалось во время своего пребывания в Каире восстановить дипломатические отношения между СССР и Египтом. При этом Советы не сочли нужным известить англичан об этих переговорах».

3. НС, n°83(569), 17.10.1943, с. 1: «*Египетские аэродромы для Советов*. Как сообщает корреспондент американского радио-общества из Каира, вслед за восстановлением дипломатических отношений между Египтом и СССР, последовали переговоры о постройке советских аэродромов на египетской

---

[318] Майский Иван Михайлович (наст. фамилия Ляховецкий; 7/19.1.1884, Кириллов, Вологодской губ. – 3.9.1975, Москва), советский дипломат, историк и публицист.

территории, предназначавшихся для “торговых целей”. Корреспондент замечает, по поводу этого, что интересы Москвы в области Средиземного моря “очень быстро растут”».

4. НС, n°85(571), 24.10.1943, с. 7: «*За неделю*. <...> Как сообщает советское агенство ТАСС, президиум Верховного совета СССР назначил Николая Новикова чрезвычайным уполномоченным послом Советского союза в Египте».

5. НС, n°86(572), 27.10.1943, с. 1: «*Красный империализм*. <...> В странах Ближнего Востока усиленную деятельность <...> развивают “Общество друзей Советского Союза”, “Лига борьбы с фашизмом”, “Объединение арабских рабочих” и “Общество красной победы”».

6. НС, n°89(575), 7.11.1943, с. 3: «*Майский на Ближнем Востоке*. <...> “Нью-Иорк Таймс” сообщила из Каира о новых требованиях большевиков в странах Ближнего Востока. Эти требования ставятся в связь с недавней “инспекционной” поездкой Майского по странам Ближнего Востока. Представитель американской газеты сообщает о том, что Майскому удалось установить дипломатические отношения с теми странами Ближнего Востока, которые до сих пор не поддерживали с Москвой никаких сношений. В Каир вскоре приедет советское полпредство. Там же будет учреждено советское воздушное бюро. До сих пор в Каире было лишь советское торгпредство».

7. НС, n°1(591), 2.1.1944, с. 7: «*За неделю*. <...> Первый советский посланник в Египте, Николай Новиков, передал королю Фаруху, в присутствии министра иностранных дел Нахас-паши свои верительные грамоты».

8. НС, n°10(600), 2.2.1944, с. 2: «*Египетское посольство в Москве*. Бывший египетский посланник в Анкаре, Мухxамед Керим Абд элы Рахим назначен на пост первого египетского посланника в Москве. Новый посланник в ближайшее время отправится в Москву». С. 4: «*Посягательство на русских*. Назначенный недавно в Каир советский посол потребовал от Египетского правительства, чтобы 3 000 русских эмигрантов и беженцев, проживающих в Египте, были предоставлены в распоряжение советских консульств с целью “попечения о них”. Это – одно из последствий начавшихся дипломатических сношений между Москвой и Каиром. Египетское правительство, однако, стоит на той точке зрения, что русским эмигрантам нужно предоставить свободу выбора: оставаться бесподданными или приобрести советское гражданство. Многие русские подали прошение о принятии в египетское подданство, чтобы избежать посягательств большевиков на их свободу и жизнь. Эти сообщения египетской прессы вновь показывают истинные намерения большевиков по отношению к русским эмигрантам».

9. ПВ, n°87, 19.2.1944, с. 6: «*Русские по всему свету*. Египетская печать сообщает, что советские официальные представители, аккредитованные при египетском правительстве, потребовали перевода в советское подданство всех находившихся в Египте белых русских эмигрантов и последующего их отправления в СССР. Огромное большинство русских эмигрантов немедленно ответило на это массовой подачей прошений о переводе их в египетское подданство».

10. ПВ, n°104, 17.6.1944, с. 1: «*Требование Москвы выдать эмигрантов*. Из Анкары сообщают от 9-го июня, что советское консульство в Каире начало

составление паспортов для русских белых эмигрантов, проживающих в Египте. Эта мера введена в момент, когда внимание Лондона и Вашингтона поглощено вторжением на Европейский континент. Советы требуют от всех стран выдачи в СССР прежних русских граждан. "Ле Матэн"». «*СССР требует выдачи русских беженцев*. Как телеграфитуют из Стокгольма 11-го июня, "Радио-Москва" только что передало сообщение, согласно которому Советское правительство выражает заинтересованность прежними русскими гражданами, в первую голову – царскими эмигрантами. Красный Кремль, кроме того, передал некоторым правительствам Ближнего Востока ноту, касательно выходцев из лимитрофных стран СССР. "Радио Москва" объявляет, что Советы не замедлят обратиться с той же нотой к другим странам, требуя выдачи русских беженцев, не считаясь с их теперешним подданством».

11. ПВ, n°105, 24.6.1944, с. 1: «*СССР требует выдачи белых*. Советский посол в Каире Новиков передал египетскому правительству ноту, в которой Москва требует выдачи СССР русских белых, поселившихся в Египте с 1920 г. года, как проживающих согласно статуту Нансена, так и натурализованных. "Матэн", 22 июня».

С. ЕВРОПА В ЦЕЛОМ

ПВ, n°82, 15.1.1944, с. 1: «*Новый обман*. Советская военная миссия, направляющаяся в Англию, получила приказ из Москвы вербовать в красную армию русских офицеров-эмигрантов, быв<шей> царской службы, живущих в изгнании. Один из советских коммисаров по пути в Лондон, заявил в Гибралтаре, что он получил от своего начальства задание "тщательно исследовать" все европейские страны, которые для него достижимы, с целью отыскания такого элемента, обещая им "прежние чины и прежнее жалованье" в случае согласия и угрожая им "ликвидацией" в случае отказа. Корреспондент объясняет такую вербовку царских офицеров красными, острым кризисом командных кадров в СССР. Мы не склонны объяснять этой новости только недостатком кадров и считаем, что тут дело идет еще о ликвидации ценнейших остатков прежней Русской армии с целью не дать их использовать Германскому командованию для его русских формирований с одной стороны, а с другой – подорвать доверие немцев к прежним царским офицерам. Нужно думать, что среди бывших царских офицеров не найдется достаточно наивных людей, которые могли бы довериться после всего пережитого, советским провокаторам, цель которых состоит лишь в очердном обмане для окончательной ликвидации последних остатков русского кадрового офицерства».

IV. Германия и эмиграция в Прибалтике: 1944 г.

1. ПВ, n°87, 19.2.1944, с. 6: «*Русские по всему свету*. В Литовской генеральной области на пост начальника Управления назначен А.В.Ставронский. В Латвийской генеральной области был создан Русский комитет представительства русского населения <...> председатель <...> Г.А. Алексеев. В генеральной

области Эстонии поверенным в делах русского населения назначен К. Аренсбургер[319]».

2. ПВ, n°90, 11.3.1944, с. 6: «*Русские представители в Прибалтике*. При правительствах Эстонии, Латвии и Литвы созданы специальные русские представительства, в задачу которых входит обеспечение, улучшение быта и защита интересов граждан, эвакуированных из областей, вновь занятых большевиками <...>. Эвакуированные приравнены в правах к местному населению тех стран, в которых они сейчас проживают».

V. Невозвращенцы: 1943-44 гг.

1. НС, n°92(578), 17.11.1943, с. 1: «*Новый невозвращенец*. Псковская газета “За Родину” (№258) печатает сенсационное сообщение, полученное в Стокгольме из Вашингтона о том, что руководитель советской военной миссии в Соединенных штатах генерал-лейтенант Алексей Иванович Готовцев <разрядка автора – *ДИГ*> скрылся из помещения советского полпредства. Американская полиция, по просьбе большевистского полпреда, немедленно приступившая к энергичным розыскам, обнаружила Готовцева в Мексике. Генерал заявил, что он покинул Вашингтон и бежал в Мексику, в связи с полученным приказом советского правительства вернуться в СССР. Новый невозвращенец в беседах с сотрудниками советской военной мисси<и> неоднократно высказывал мнение о нецелесообразности для большевиков продолжать войну против Германии. Готовцев подчеркивал, что, несмотря на известные успехи Красной армии, – Сталин войну все равно проиграет. Опасаясь, что вызов в Москву находится в тесной связи с этими разговорами, генерал, достаточно хорошо знающий методы НКВД, порвал с советской властью и решил остаться в Мексике».

2. НС, n°8(598), 26.1.1944, с. 3: «*Еще о побеге Готовцева*. “Русский вестник” (№ 6) сообщает подробности побега нового невозвращенца, главы советской военной миссии в Вашингтоне, генерала Готовцева. Свое бегство генерал подготовил так ловко, что никто не знал о его намерениях, и для всего советского посольства, в помещении которого генерал Готовцев имел свой кабинет, бегство главы военной миссии явилось полной неожиданностью. В день бегства генерал, с маленьким чемоданчиком в руках, вышел через черный ход посольства прямо на вокзал и, с первым отходящим поездом, умчался к границе Мексики. Советское посольство, обнаружив это бегство, тотчас же обратилось к правительству США с просьбой арестовать генерала. Полиция принялась за лихорадочные поиски – все вокзалы подверглись строжайшему контролю, но полиция запоздала. Генералу удалось проскользнуть через границу США и найти себе временное убежище в Мексике. Скандал, вызванный бегством высоко сановника, достиг невероятных размеров, американская

---

[319] Известен Аренсбургер Константин Евгеньевич (псевд. Аренский К.) (15.6.1905 г., Ямбург Петерб. губ. – 1.4.1985 г., Монтерей, Калифорния), химик, фармаколог, писатель. Учился в Тартусском ун-те. С 1934 г. работал фармакологом в госпиталях. В 1950 г. эмигрировал в США. Автор ряда книг [327-1, с. 121]

печать сумела из него сделать в высшей степени неприятную для Советов сенсацию. Как уже раньше сообщалось, генерал Готовцев, согласно его откровенному заявлению в Мексике, является убежденным противником Сталинской войны против Германии, считая ее, с советской стороны, безумием. По его мнению, настоящее Сталинское наступление и некоторые военные успехи настолько ослабят военный потенциал СССР, что последний ни в коем случае не сможет выйти победителем из нынешней войны. НКВД не могло простить генералу такого мнения, и он срочно был вызван в Москву. Генерал Готовцев отлично понял, что его ожидает там и сбежал. Американскую прессу интерсует следующий вопрос: настигнет ли НКВД генерала и в Мексике, где сам полпред Уманский получил инструкции от Сталина, чтобы живым или мертвым доставить беглеца в Москву».

3. ПВ, n°95, 14.4.1944, с. 1: «*Американская сенсация*. Член советской военной миссии, присланной в САСШ, – капитан Кравченко, бывший директор одного из крупных советских заводов, как сообщают из Вашингтона, внезапно покинул свой пост и явился к американским властям с сенсационными разоблачениями <...>» [27].

4. НС, n°31(621), 16.4.1944, с. 7: «*Новый невозвращенец*. В Вашингтоне появился новый советский невозвращенец. Это капитан Виктор Кравченко, член советского посольства в Вашингтоне и советской закупочной комиссии в США <...>.». Далее – пересказ интервью с Кравченко «Нью-Йорк таймс», а также публикаций в ряде других газет.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ БАТАЛЬОНЫ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

I. Франция, высадка союзников в Нормандии

1. ПВ, n°104, 17.6.1944, с. 1: «*Доблесть Добровольцев*. Батальоны добровольцев, охранявшие побережье, мужественно встретили высадку англо-американцев, доблестно защищая берега Ла Манша от союзников. Германское информационное бюро в своем сообщении от 9-го июня передает боевой эпизод, происшедший восточнее устья реки Орн в следующих выражениях: “Штаб Русского добровольческого батальона, вместе с подразделениями роты оказался в центре вражеского воздушного десанта. Добровольцы были окружены и атакованы. Завязался жестокий бой. Несмотря на тажелое положение, русские добровольцы оказали врагу жестокое сопротивление и нанесли ему большие потери. Перешедший в контратаку соседний германский батальон, прорвал вражеское кольцо и освободил товарищей русских. Германский батальон продолжал выполнение боевой задачи, а добровольцы, очистив от противника значительную территорию охраняли германских боевых товарищей от угрожавшего им с фланга десанта частей противника. Люди, боровшиеся

против большевизма и разочаровавшиеся в его идеологии с честью выдержали боевой экзамен в первой боевой схватке с англо-американскими плутократми – союзниками Сталина».

2. ПВ, n°105, 24.6.1944, с. 1: «*Высоко несут русское имя*. Чувством необыкновенной гордости наполняется русская душа, когда слышишь и читаешь о подвигах русских людей, высоко несущих имя русского воина. В "Информационном Листке Добровольческих Частей" сообщаются интересные эпизоды боевой работы наших добровольцев в Нормандии. В штабе русского батальона адъютант, бывший в боях уже раньше на Восточном фронте, рассказывает нам о событиях ночи на 6-ое июня.

Большая часть батальона была разбросана мелкими группами на работах. При штабе находилось только около сорока добровольцев. Когда ночной воздух наполнился шумом вражеских транспортных самолетов и планеров, люди уже заняли боевое положение, т.к. сторожевые посты еще раньше предупредили, что творится что-то неладное и была поднята тревога. Унтер-офицер С. сбил сразу 2 см. зениткой один транспортный самолет и один планер «Томми»! Штаб оказался в центре воздушного англо-американского десанта. Командир батальона решил пробиться к указанной ему на этот случай деревне Н. Присоединив к себе ближайших к штабу 20 чел. первой и четвертой рот, комбат с 60 людьми держит эту деревню против атакующих ее со всех сторон англичан. Русские добровольцы отбивают семь атак, пока к ним на поддержку не подоспели немецкие части, которые теперь защищают этот участок фронта плечом к плечу с русскими солдатами. Характерно, что эти 60 доблестных добровольцев к приходу немецкой поддержки успели взять в плен более 70-ти англичан. Штаб, правда, потерял много своего имущества, но за то захватил много английских пулеметов, автоматов и другого оружия.

На столе стоит отнятая у англичан портативная приемно-передаточная радио-станция. Около стола спит унтер-офицер З., захвативший один десять англичан в плен. Александр З., двадцатилетний модельщик из Москвы, быв. парашютист красной армии, давно уже понял на чьей стороне он может служить интересам своей Родины и потому с 1942 г. года он находится уже в добровольческом батальоне. В многочисленных боях он приобрел себе давно репутацию отважного разведчика. Проводя раведку с 5-ью добровольцами и заметив подозрительный шорох на дороге, унтер-офицер З. оставил на дороге пять своих подчиненных, а сам стороною стал один подкрадываться к месту подозрительного шума. И встретился лицом к лицу с английской разведкой во главе с одним капитаном и лейтенантом. З. решительно выскакивает вперед с автоматом в руках и с крепким русским словцом приказывает, заученное накануне, по-английски «Хэнде ап!» (руки вверх). Те послушно исполняют "команду". Так ведет он 10 гордых сынов Альбиона к своим разведчикам и передает их в штаб батальона.

Лейтенант Н., в английском непромокаемом плаще с двумя американскими пистолетами (калибр 12 мм.) за поясом, рассказывает свое приключение. В ночь на 6-ое июня взводы находившиеся в отделе, после того как заметили начало воздушного десанта, самостоятельно подняли тревогу. Рота располагалась

на западном берегу канала и оказалась сразу же в самом центре английского воздушного десанта. Собравшись по тревоге, под градом бомб англо-американских самолетов и тяжелой судовой артиллерии, рота выступила в назначенное место, но перед рекой наткнулась на крупные десантные силы врага. Весь день ушел на боевую очистку местности от противника. Когда наступила ночь гауптман Плата и лейтенант Н. пошли на рекогносцировку моста через реку. При входе в деревню, немецкий гауптман наткнулся на английского парашютиста, к которому на подмогу выскочили с разных сторон еще 3 британских солдата. Русский лейтенант Н. из автомата убивает двух нападавших на своего командира роты и спасает его выстрелом из револьвера, когда третий пытался нанести гауптману Плата удар кинжалом в спину. К сожалению, я прострелил гауптману рукав его мундира, – оправдывается доблестный лейтенант Н. Так русский офицер спас своего немецкого командира от грозившей последнему неминуемой смерти».

2. Там же: «*Главное Командование о добровольцах*. Сводка военных действий от 16 июня из главной квартиры Фюрера от имени Верховного командования Германскими вооруженными силами, так отмечает деятельность добровольцев: “Батальоны Добровольческих частей с Востока, включенные в боевые зоны фронта вторжения, полностью выдержали испытания и доблестно сражались в ходе жестоких боев”. Это место официальной сводки выделено всеми немецкими газетами особым шрифтом».

3. Там же, с. 2: «*Французы о добровольцах*. Известный французский журналист Ренэ Мартель в “Пари Суар” от 14 июня в небольшой, но сильной заметке “Русские в бою”, помещенной в рамке, так говорит о доблести добровольцев Русской Освободительной Армии (РОА): “Никто не удивится, что после визита, который я сделал русским войскам на берегах Франции, я сейчас отдаю заслуженную дань должного храбрости, которую они теперь проявляют. Все эти люди горели желанием сражаться и были проникнуты наилучшим воинским духом. Поэтому, результаты их действий нисколько меня не удивили. С самой первой фазы вторжения они отличились в борьбе против парашютистов и транспортируемых по воздуху войск. Это они очистили пляжи, расположенные восточнее устья р.Орн, с таким замечательным порывом, что несколько официальных депеш подчеркнули силу их боевого вмешательства. Русские войска сотрудничали в тесном единении с частями Райха. Случалось и этим людям с Востока переживать трудные моменты. Но немцы всегда приходили к ним на помощь, не щадили своих сил. Русские отвечали своим собратьям по оружию – соратникам европейских армий, такой же боевой вежливостью в жестоких боях в Нормандии, с тою же силой и той же полноценностью, как в столкновениях на Востоке. Так грядущая Европа закаляется в горниле борьбы. Мы же не должны забывать той услуги, которую эти суровые солдаты оказывают Франции, защищая ее против вторгнувшихся. Русские прикрывают наши города, наши провинции от ужасных разрушений тотальной войны, которая обращает нашу родную почву в “выжженную землю”, как только на ней развертывается сражение. Нет, мы этого не забудем. Молодая Россия, в рождении которой мы чаем наилучшее благо континента,

завоюет признание своего благородства жертвенностью, добровольно доказываемой лучшими из ее сынов. Счастливой удачи ее славной судьбе!"».

4. ПВ, n°106, 1.7.1944, с. 1: «*Носители русской чести*. По всей линии фронта борьбы с вторгшимися на европейское побережье англо-американцами, наши доблестные батальоны героически сражаются рядом с овеянными военной славой, верными боевыми товарищами, немецкими войсками. Грузинский добровольческий батальон, под командованием капитана Гиллера, принял на себя, на очень широком фронте удар трех дивизий парашютистов противника и, несмотря на то, что батальон в момент нападения лишь частично находился в укрепленных точках, противнику нанесены огромные потери, и добровольцы ни на шаг не отступили перед наступающим врагом. Один из русских батальонов был буквально залит ураганным огнем бомб и морской артиллерии противника, утром вражеские корабли подошли близко к берегу, взвод унтер-офицера Гональ героически оборонялся против высаживающихся и находившихся в тылу англичан. Русская орудийная прислуга работала отлично. Орудие унтер-офицера М. (фамилия этого доблестного солдата не может быть опубликована в интересах его семьи, находящейся по ту сторону Восточного фронта) подбило три десантных баркаса противника. Русский добровольческий батальон под командой капитана Россель, несмотря на крупные потери, блестяще выдержал первый удар противника. Капитан Россель убит. Снятая с укрепленных точек первая рота Русского добровольческого батальона отлично выполнила задачу, очистив лес, освободив местность от вражеских парашютистов, защитила с тыла товарищей, находившихся в жестокой схватке с врагом, несмотря на значительные потери и численное превосходство противника, ни один укрепленный пункт этого батальона не сдался врагу. Командир батальона капитан Беккер[320] и добровольцы, находившиеся уже несколько дней в окружении, упорно сопротивлялись и взорвались, но не сдались в плен».

5. Там же: «*Русским защитникам Шербурга*. В часы решения судеб Европы на долю русских добровольцев РОА выпала тяжкая, почти безнадежная задача защиты Шербурга от англо-американцев, союзников Сталина. В бункерах Атлантического вала, на позициях Кальвадоса, в рукопашных схватках с превосходными силами врага, на всех участках вторжения, – повсюду русский солдат высоко вознес русское имя. Мы убеждены, что русские Добровольческие батальоны укрепленного района Шербургского порта еще более высоко поднимут авторитет русского бойца и союзника для упрочения будущего русско-германского союза, столь полезного и необходимого для обоих наших народов. Вечная память погибшим, вечная слава живым!».

6. Там же: «*Геройская смерть ген. Хельмих*. Бывший командир Добровольческих частей генерал Хельмих, командуя дивизией в Нормандии пал смертью храбрых в бою против англо-американцев. Покойный был большим другом русских».

7. ПВ, n°108, 15.7.1944, с. 3: «*Геройская борьба одного русского добровольческого батальона* / От германского военного корреспондента Эдгара

---

[320] Опечатка в наших комментариях к отчету: вместо «Беккер» или «Бекер» стоит «Бекекр» [410, с. 480, 745].

Биссингер. О славных подвигах частей, которые находились на Нормандском побережьи, храбрость и самоотвержение которых дало германскому командованию возможность во-время подтянуть резервы, мы сможем точно узнать лишь по окончании войны, когда пережившие ее, встретившие первый удар врага армии вторжения, вернутся домой и когда упадут заграждения врага, за которыми скрывается еще много вражеских потерь и поражений. Однако, уже сегодня мы знаем об огромном значении оборонных пунктов Атлантического вала, в боях против первых волн десантных войск. Храбрость этих частей, их геройская оборона, ничуть не умаляются тем, что они не могли достигнуть полной победы и явились лишь средством для выигрыша времени. Одной из таких частей, державшей свою позицию до последнего патрона, нанесшей кровавые потери врагу, и в последний момент освободившейся от врага взрывом всех своих позиций, был русский добровольческий батальон, доблесть которого была особо отмечена в ставке Верховного Командования Германской Армии. Этот батальон, во главе со своим командиром, награжденным германским золотым крестом, майором Бекером, находился по обе стороны устья р. Вир, в бетонированных гнездах сопротивления, тогда как в нескольких километрах в тылу расположился первый резерв. В то время, как солдаты в передовых бункерах сбили 5 неприятельских самолетов, а также уничтожили 3 десантных судна и 8 десантных плотов, резервная часть вместе с одним германским батальоном, уничтожила спустившихся парашютистов и планеры. Уже в первых боевых столкновениях число убитых англо-американцев далеко превосходило общий состав добровольческого батальона. Но самые тяжелые часы для майора Бекера и его русских добровольцев были еще впереди. Приходилось оставить бункера, потому что враг прошел уже далеко в тыл. Нужно было спешно покидать береговой фронт, ища связи с другими батальонами, чтобы заняться очищением от врага полуострова Котантен, одновременно удерживая противника у Порт ан Бессен, пока собственные части освобождались от опасности окружения. В этой операции русские добровольцы показали примеры беззаветной храбрости. Город Изиньи[321], в устье р. Вир, был в руках врага, который прорвался сюда с танковыми частями. Боевая группа из 18 русских добровольцев получила приказ отбить город. Минными заграждениями на улицах свобода действия вражеских танков была сильно затруднена, первый «Шерман» нарвался на мину и взорвался. Судьба первого танка остановила другие, этим воспользовался русский унтер-офицер Баталов, который пытался взорвать второй танк. Храбрый солдат погиб при этом. Когда предпоследний немецкий офицер, лейтенант Мехлер, погиб от взрыва склада боеприпасов, майор Бекер остался один. Ему удалось достинуть моста на р. Вир, где он встретил несколько человек своего батальона. Решено было взорвать мост. Пока русский ассистент батальонного врача придумывал средство уничтожения железнодорожного моста, деревянный мост через дорогу был подожжен буквально спичками и старой бумагой. Англо-американцы все еще не могли перейти через минные заграждения, где подорвался еще один танк. Таким

---

[321] Rivière Vire; péninsule Cotentin; Port-en-Bessin; ville Isigny.

образом, отряду майора Бекера, возросшему до 50 человек, удалось не только перейти реку и занять высотную позицию на западном берегу р. Вир, но и отразить 8 атак неприятеля. Два батальона англо-американцев с танками 18 часов стояли здесь против небольшой группы немецких и русских защитников. Здесь тоже враг понес потери в несколько раз превышающие число доблестных солдат майора Бекера. Лишь через 30 часов врагу удалось перейти р. Вир. В боях на каждого русского добровольца американцами было выпущено более ста танковых гранат. Вражеские самолеты нападали на каждого отдельного человека. Каждый русский из батальона сотни раз испытывал свое мужество и боеспособность, в обстановке, какой он может быть никогда не ожидал. Русские выдержали это испытание так, что их солдатская честь ни в какой степени не уступала чести немецкого солдата. Сегодня, когда из различных разбитых боевых групп остатки батальонов собираются в более спокойном месте и, переформировавшись, снова идут в бой, еще мало что известно о доблестных делах русских добровольцев, но совершенно бесспорно, что многие еще бились и бьются в подобных условиях. Геройское поведение русских – лучшее доказательство их непоколебимой воли в борьбе».

II. Италия

1. ПВ, n°105, 24.6.1944, с. 1: «***Стойкость добровольцев в Италии***. Из Берлина, от 19 июня сообщают о стойких действиях добровольцев в Италии. При эвакуации гор. Россетто[322], в прикрытие отхода были назначены части добровольцев с Востока, которым была поручена упорная оборона арьергардного тэт де пона. Добровольцы держали этот тэт де пон[323] с исключительной стойкостью и отошли на север только после того, как получили специальный приказ об отходе».

2. ПВ, n°108, 15.7.1944, с. 1: «**Доблесть туркестанцев.** Германская официальная сводка от 9 июля отмечает доблестные действия Туркестанской добровольческой пех<отной> дивизии, действующей с германскими кадрами в трудных боях в западной прибрежной зоне Италии»».

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ЭМИГРАЦИЯ В ПАРИЖЕ: 1944-47 гг.

1. СВ, n°11-12(569-570), 3.7.1945, с. 133-135: Н<иколаев>ский Б.[Н.] «***Русская эмиграция в Париже.***

Многочисленные письма, прибывающие из Парижа, позволяют составить ясное представление о настроениях среди русской эмиграции и, в особенности, о своеобразной особенности быта последней: об отношениях. которые там складываются между эмиграцией и советским правительством.

---

[322] Grosseto ?

[323] Tête de pont (фр.) – подходы к мосту.

Чтобы понять парижские настроения надо прежде всего помнить, что за годы немецкой оккупации эмиграция подверглась сильному разложению. Опасным для нее было не политическое сотрудничество с немцами: людей, которые пошли на такое сотрудничество, было относительно немного – из демократического лагеря по этому пути пошли редкие единицы. Их призывы отклика не встречали. Много хуже было с сотрудничеством обывательским. Кризис очень больно ударил по эмиграции, у которой никогда никаких сбережений не было. Работу можно было найти только так или иначе связанную с немцами. Отношения, которые в 1940-1941 гг. годах существовали между Сталиным и Гитлером, вносили путаницу в умы. Так, например, русские шоферы, среди которых были распространены про-большевистские настроения, почти все пошли обслуживать немцев, – причем многие подчеркивали, что они, как русские, в войне нейтральны, т.к. «между Россией и Германией войны нет». Тот же аргумент приводили люди, которые брали работу переводчиков, машинисток и т.п. или шли инженерами, техниками, всевозможными подрядчиками или поставщиками. Немало было и спекулянтов, зарабатывавших большие миллионы...

Из политической эмиграции демократического лагеря и на такие компромиссы почти никто не пошел: люди собирали и продавали желуди, зверски голодали и мерзли, но к немцам не шли... За то среди эмигрантов не-политических нашлось много, кто на работу пошел... А обывателю-французу наиболее заметны были как раз такие люди: он видел, что немецких офицеров возят русские шоферы, что в немецких канцеляриях стучат русские машинистки, что в ресторанах швыряют деньги русские спекулянты... Конечно, таких же «сотрудников» много больше было среди французов, – но о французах забывали, а про русских помнили и рассказывали с сильными преувеличениями...

На почве этих настроений после освобождения Франции выросли попытки огульного обвинения всей русской эмиграции в работе на немцев; кое-где были производимы аресты всех эмигрантов; сообщали о планах постановки больших, – едва ли не показательных процессов, и т.д. Эти процессы не могли не быть крайне неудобны для советских представителей, т.к. во время них необходимо зашел бы вопрос о событиях 1940-1941 годов и о тогдашнем поведении этих самых представителей (напомним, что теперешнему полпреду Богомолову в начале войны пришлось покинуть Францию за его враждебные союзникам заявления).

В этой обстановке полпредство решило выступить в роли защитника эмиграции. Богомолов лично посетил де Голля и говорил с ним о нежелательности преследований русских эмигрантов, т.к. эти преследования питают анти-русские настроения, что нежелательно с точки зрения укрепления франко-советской дружбы. Де Голль согласился, и специальный курс против русской эмиграции был упразднен. Одновременно соответствующие инструкции получили и французские коммунисты, которые перед тем были инициаторами кампании против эмигрантов. А среди последних была начата агитация, что только полпредство спасает их от преследований и что особенно полно эта поддержка будет им обеспечена, если они будут записываться в “Союз русских патриотов” (за последнее время переименован в “Союз советских патриотов”).

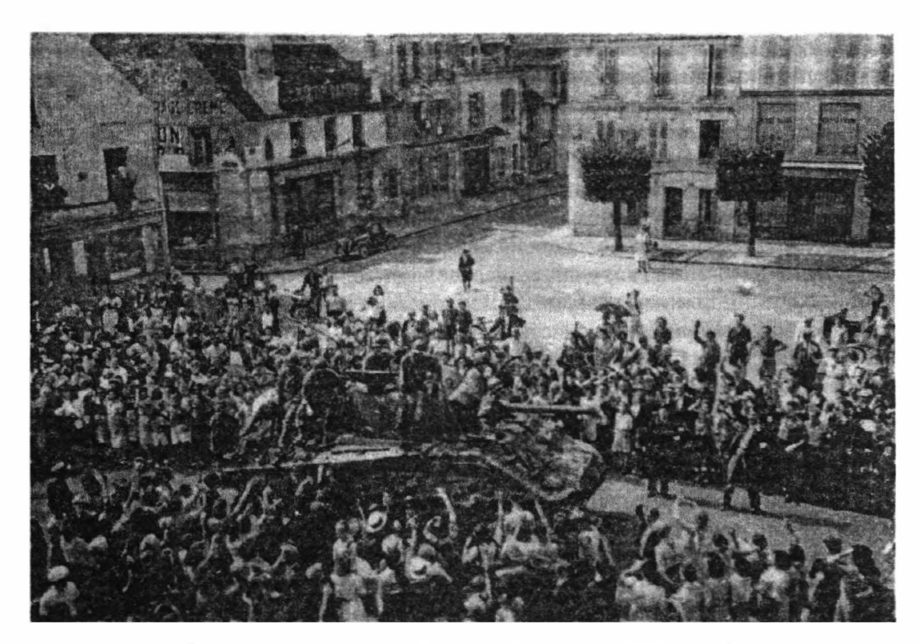

Фото 42. Париж, дни освобождения. Август 1944 г.

Эта последняя организация была создана еще во времена подполья группой русской молодежи, руководящую роль в которой играло несколько человек из технического персонала “Последних новостей”; увлеченные победами Красной Армии, во время войны они “встали на советскую платформу”, издавали подпольный бюллетень, а в дни парижского восстания сражались против немцев. И “Союз” после выхода из подполья, конечно, был взят под контроль полпредства и действовал по инструкциям последнего. Согласно этим инструкциям, в “Союз” стали принимать всех желающих, – независимо от того, в какой степени подмочена репутация данного лица. Естественно, что в “Союз” хлынула широкая волна эмиграции, – причем среди людей, искренне увлекавшихся Сов<етской> Россией, было много повинных в “обывательском” сотрудничестве с немцами. Впрочем, не в одном обывательском только: к участию в еженедельнике “Союза” были привлечены и люди с весьма сомнительной политической репутацией, – вроде Любимова[324] из покойного “Возрождения”. Эти сотрудники, правда, вскоре были устранены, – но не потому, что их привлечение было признано принципиально ошибочным, а потому, что они обладали слишком неприглядной репутацией и отпугивали даже весьма небрезгливых людей. После их ухода, руководящую роль в ”Патриоте” одно время играли

[324] См. о нем [410, с. 525] и приложение 1.I.19.

бывшие “младороссы” Элита-Величковский[325] и Сергей Оболенской[326], которые при немцах подвергались гонениям; последний из них привлек к сотрудничеству в “Патриоте” Бердяева. В последнее время Бердяев и Оболенский из “Патриота” все же ушли и готовят издание своего органа; главную роль в “Патриоте” теперь играет <так!> Одинец и Марков[327], – единственные недавние демократы, кого удалось завлечь в “Союз”.

Когда выяснилось, что старая политическая, а в особенности демократическая эмиграция в “Союз” не пошла, полпредство стало подбираться к ней другими путями.

Центральное место среди этой эмиграции занимает т. наз. “маклаковская группа”, которая начала складываться вокруг В.А. Маклакова[328] еще с 1942-1943 гг. года. Во время оккупации члены этой группы вели себя не только безупречно, но временами и прямо геройски. Всевозможных “сотрудников” к себе они и близко не подпускали. Суб’ективно оставшиеся демократами, они испытали на себе огромное влияние побед Красной Армии; эти победы ими были восприняты, как доказательство сближения советского правительства с народом, – на этой почве в их среде выросло стремление к пересмотру отношения к советской власти, которую они об’явили национальной русской властью. Весной 1944 года ими была разработана платформа, в которую они ввели заявление о прекращении борьбы с советской властью.

Именно с этой группой особенно старалось войти в сношение полпредство. Через всевозможных маклеров, которых среди эмиграции завелось большое количество, попытки вступить в сношение с Маклаковым и его друзьями были начаты еще с октября-ноября прошлого <1944 – *ДИГ*> года. В начале полпредство хотело, чтобы просьба о встрече исходила от Маклакова, – этого не случилось. Тогда полпредство обратилось с официальным приглашением, которое было принято. Таково происхождение визита Маклакова и его друзей

---

[325] Элита-Величковский Кирилл С. (Елита-Величковский; Elita-Viltchkovski; Wilczkowski Cyrille), см. о нем в [264; 643].

[326] Оболенский Сергей Сергеевич, князь (2.9.1908 – 18.3.1980, Париж; кладб. в SGdB), историк, журналист, издатель. Эмигрировал с родителями в 1920 г. Жил в Венгрии, Германии, с 1935 г. – во Франции. Член Главного совета и представитель Руководящего центра младороссов в Германии. В годы войны содействовал Сопротивлению. После войны участвовал с работе СРП, затем ССП, где заведовал культурно-просветительским отделом; сотрудник газеты «РП». Работал в Париже в Совинформбюро постоянным переводчиком (1945-48 гг.). Член редколлегии (1949-72 гг.) и главный редактор (1962-80 гг.) журнала «Возрождение»; главный редактор журнала «Русское возрождение» (1978-79 гг.). Сотрудничал в газетах «Русское воскресенье» и «РМ». Член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже (в 1955 г. – член ревизионной комиссии). Участник монархического движения. [327-5, с. 188; 414-2, с. 326; 624, с. 275; 643, с. 455]. Один из тех, кто искренне поверил после войны Советам. Но в его случае, по счастью, вовремя наступило прозрение. Его покаянное письмо было опубликовано в 1949 г. в «Новой правде» (n° 6) и перепечатано В. Варшавским в 1956 г. [88, с. 364-370].

[327] О них см. [410, с. 485-487, 491-494] и приложения 1.I.38-39.

[328] О нем см. [410, с. 454-456] и приложение 1.I.11.

в полпредство, – визита, о котором в Нью-Йорке знали и говорили больше, чем в Париже. Очень характерно, что полпредство, которое так стремилось к устройству этой встречи, никакой рекламы о ней в парижской печати не сделало. После беседы сторонами было условлено, что о ней будет составлен протокол, который, по утверждении обеими сторонами, будет предан гласности; Маклаков и его друзья такой протокол составили, с большой точностью передав содержание всех речей; экземпляр был послан Богомолову на утверждение, – и никакого ответа не было получено, несмотря на многочисленные напоминания.

С точки зрения полпредства, значение встречи было совсем не в политическом собеседовании, – не в обмене мнениями между представителями советской России и русской демократической эмиграции и не в их соглашении, как это казалось некоторым наивным эмигрантам, а совсем в другом: в разложении эмиграции, – в разложении всех тех групп, которые сохраняют хотя бы некоторые элементы внутренней независимости. Один очень ответственный представитель парижского полпредства в откровенной беседе заявлял: "Никто не знает, как могут обернуться международные отношения, – и чтобы эмиграция не могла быть использована против нас, нужно эту занозу ликвидировать".

Иными словами: советские дипломаты готовятся к крупным осложнениям со своими теперешними союзниками; они считают, что в этом случае эмигрантские группы могут сыграть некоторую роль в качестве центров, вскрывающих значение игры советских дипломатов, – и заблаговременно принимают меры, чтобы парализовать эту опасность, разложив эмиграцию. Именно эти соображения определяют всю игру парижского полпредства. Группа Маклакова была ему особенно важна потому, что в ее составе были люди с наиболее чистой репутацией, – но оно охотится и за всеми другими группами и групками. Богомолов, большой любитель подобного рода "игры", подобрал соответствующий штат сотрудников, которые получили от него указания встречаться как можно чаще с эмигрантами, внушая последним, что Сов<етская> Россия вступила в полосу преобразований и что они сами тоже являются сторонниками таковых. Буквально каждый эмигрант, – если он имеет какое-либо имя, – легко может добиться приема в полпредстве, хотя бы даже у самого Богомолова. Последний охотно ведет "задушевные" разговоры, проявляя хорошую осведомленность; выражает свои симпатии к эмигрантским деятелям, – особенно покойникам; посещает даже эмигрантскую церковь и, вспомнив свое происхождение (он из духовной семьи) чуть ли не отбивает земные поклоны, приводя в умиление легковерных эмигрантов. Но в минуту откровенности, когда у него спросили, почему он так неразборчив и наряду с лично порядочными эмигрантами охотно принимает и людей, морально скомпрометированных своим поведением с немцами, то этот самый "Александр Ефремович" (как его теперь называют многие парижские эмигранты, считая ненужным прибавлять фамилию) коротко ответил: "К чему делать различия? Все они – одинаковая с-ь!"

Из Парижа сообщают также, что среди новообращенной молодежи, которая массами заявляет о желании ехать в Россию, идет вербовка секретных сотрудников[329]. Повторяется та же история, которая имела место в старых "союзах

---

329 Ср. с приложением 4.18.

возвращенцев": желающим ехать в Сов<етскую> Россию предлагается "пока что" помочь советской власти в наблюдении за работой "непримиримых"... Усердие в этом деле обещают принять во внимание при решении вопроса о визе.

Результаты этой работы по разложению эмиграции весьма значительны. В интересах справедливости необходимо подчеркнуть, что в отношении "маклаковского" кружка попытка Богомолова потерпела явную неудачу. Сам Маклаков был приглашен еще раз в полпредство, где Богомолов предложил ему достать визу для поездки в Россию, но Маклаков отказался, заявив, что не отделяет себя от эмиграции; в Россию поехать он очень хочет, но сделать это сможет лишь в том случае, если разрешение на возвращение будет носить общий характер. А относительно такого общего разрешения тот же Богомолов заявил, что оно "совершенно немыслимо". В "Русских новостях" (еженедельник, который пытается выдать себя за продолжение "Посл<едних> Новостей") Маклаков напечатал большую статью, которая хотя и говорит о необходимости пересмотра взглядов на происходящее в России, но совершенно определенно подчеркивает, что в основных вопросах миросозерцания автор остается на старых позициях. Характерно, что редакция (в нее входят Волков, Михельсон[330] и Ступницкий[331]) эту статью Маклакова напечатала с большим примечанием, в котором отгораживается от точки зрения Маклакова, как непонимающего духа времени: сама редакция определенно капитулирует и в области идеологии...

В полпредстве, повидимому, на Маклакова махнули рукой, и недавно один весьма ответственный сановник заявил: "Мы знаем, что Маклаков был и остается нашим врагом".

Но если на Маклакова и его друзей их общение с Богомоловым не оказало разлагающего влияния, то этого совсем нельзя сказать про многих других эмигрантов, – как левого, так и правого лягеря...» [333].

---

[330] Видимо, Михельсон Александр Михайлович (Michelson ; 31.1.1883(85?), Киев – 31.10.1976, Франция), инженер, юрист, экономист, публицист. Окончил экономический фак-т Политехнического ин-та в Киеве и фак-т права Новороссийского ун-та в Одессе. Выехал в Швейцарию перед мировой войной. Читал лекции в учебных заведениях (1915-18 гг.). С 1919 г. – в Париже. В 1921 г. выступал на съезде Представителей русской промышленности в Париже. Преподавал на русском отделении экономического фак-та Парижского ун-та, во Франко-русском ин-те социальных и политических наук, в Русском коммерческом ин-те, в Ин-те славяноведения. Защитил диссертацию (1928 г.), профессор. Член Российской лиги защиты прав человека и гражданина (казначей, 1924 г.), Русского академического союза во Франции (1920 – 30-е гг.; с 1926 г. член правления, затем генеральный секретарь), правления Союза русских писателей и журналистов в Париже (1924-46 гг.; казначей с 1926 г.), Франко-бельгийской лиги профессоров-экономистов (с 1931 г.). Участник Международного конгресса экономических и социальных наук в Париже (1937 г.). Автор нескольких монографий по проблемам экономики. Публиковался в «ПН», сотрудник журнала «Le Mois». После войны был близок к «советизанам»; публиковался в «РН», вышел из Союза русских писателей и журналистов в июне 1947 г. Чл.-корр. Академии моральных и политических наук Института Франции (1949 г.); вице-председатель (товарищ председателя) Русской академической группы (1958-64 гг.). Кавалер Ордена почетного легиона. Масон (ложа – Свободная Россия) [104, с. 465, 499, 535; 414-2, с. 206; 434-IV, VIII; 452, с. 552-553].

[331] См. о Волкове и Ступницком [410, с. 597-599] и приложение 1.I.40-41.

2. СВ, n°15-16(573-574), 6.9.1945, с. 177-179: И. «***Старая и новая эмиграция в Париже: Сводка по письмам***. (Массовое "невозвращенство" бывш<их> военнопленных. Чекистские облавы в Париже. Парижская пресса и полпредство. Накануне раскола "группы Маклакова". "Открытое письмо" Мельгунова и обращение генерала Деникина).

По Парижу ходит анекдот: На улице стоят двое русских: старик-эмигрант, в прошлом гвардии генерал, князь такой то, и молодой красноармеец из бывших военнопленных, – и оживленно спорят. К ним подходит тртий: "В чем дело?" – "Да посудите сами, – отвечает старик, – этот молокосос не хочет ехать в Россию. Ему, видите ли, не нравятся порядки, которые там завел Его Высокопревосходительство генералиссимус Иосиф Виссарионович... Не понимаю, как французское правительство терпит!"

Этот анекдот – отклик на теперешнюю злобу дня. Советских русских во Франции за это время перебывало сотни тысяч: тут и военнопленные, и принудительно вывезенные сюда немцами на работы, и беглецы из немецких концлагерей... И очень большое количество из их среды не желает возвращаться на родину. По самым разным причинам, но правдами и неправдами стремятся удержаться здесь хотя бы на время: тут и любовные драмы (особенно много женщин, которые вышли или стараются выйти замуж за французов); тут и интеллигенты, которые хотят задержаться, чтобы "поднять квалификацию" или подучиться; тут и бывшие "власовцы", которых на родине ждет пуля в затылок, тут и рядовые красноармейцы, которым понравилась французская жизнь. Офицеры, бывшие в немецком плену, особенно боятся, что в России с ними расправятся за то, что они, "вопреки присяге", сдались в плен, а не дали себя убить. Рассказывают, как поступил Сталин после финской войны: всех офицеров, которые были в плену, расстрелял, красноармейцев послал в лагеря на 15 лет... Но многими руководит не страх, а желание жить в свободной стране. Один из наших корреспондентов пишет:

"Разговаривал я с одной советской девушкой, которая ищет француза, чтобы выйти за него замуж:

Почему вы хотите остаться здесь?

Потому что тут вольнее жить.

Но ведь там тоже люди живут?

Да, – но если б у нас знали, что тут ***так*** живут, все бы сюда прибежали!"

Количество желающих остаться определяется десятками тысяч. Ко всем обращаются за справками, за советами: как устроиться? Эмигрантский офис Маклакова буквально осаждают, умоляя о помощи. Но легальных возможностей нет никаких: обмен советских документов на эмигрантские запрещен самым категорическим образом...

Не имея возможности легализовать свое положение, очень многие из советских скрываются. Относительно охотно приют им дает французская деревня, которая очень оскудела мужчинами-работниками. Многие прячутся в городах. По утверждению людей, связанных с советским посольством, французские власти не проявляли нужного усердия в обнаружении таких скрывающихся, – и потому за поиски взялось само посольство, агенты которого производят настоящие облавы. Французска полиция, в аппарат которой проникло много коммунистов, оказывает помощь.

“Дело дошло до того, – пишет один из наших корреспондентов, – что на днях к Русскому Дому в Женевьев Де Буа (приют для стариков, организованный кн. Мещерской[332]) подкатили два камиона[333], – один с французской полицией, другой с агентами полпредства, оцепили дом и произвели тщательный обыск, выискивая среди старых графов и князей, которые являются постоянными обитателями дома, спрятавшихся молодых советских. Никого не нашли, – но потом такой же обыск произвели и в детском доме”.

Другой наш корреспондент пишет: “Здесь сейчас идет отчаянная охота за советскими гражданами, пытающимися не ехать в Россию. Обысков много. Производят их советские военные (т.наз. военный контроль). В детском лагере священника Чекана[334] под Парижем была произведена облава. Нашли двух советских женщин, которые якобы скрывались. Их арестовали, – равно, как арестовали и начальника лагеря, старика полковника, эмигранта...”

Число таких кандидатов в эмигранты весьма велико не только во Франции, – но и в англо-американских зонах Германии, и в Швейцарии, и в Бельгии... Оно постоянно пополняется людьми, из Польши, Литвы, Латвии, Эстонии... Тут имеются и старые эмигранты, скрывающиеся от советских облав и ищущие теперь убежища во Франции[335], и бывшие граждане этих государств, русские по национальности, которые теперь добиваются стать русскими эмигрантами. Юридическое положение их еще не выяснено... Все они приносят рассказы о судьбе русских (да и не русских только) в тех странах, откуда они бежали. Один из наших корреспондентов слышал рассказ о том, что Тито в одном только Белграде повесил свыше 2 тысяч русских эмигрантов (?). Ни подтверждения этого слуха, ни подробностей мы, к сожалению, получить не могли[336].

---

[332] См. о ней [410, с. 531-532] и приложение 1.I.42.

[333] Галлицизм. От французского «camion» – грузовик.

[334] См. о нем [410, с. 572-573] и приложение 1.I.43.

[335] Подтверждение тому, что часть эмигрантов из зон, находившихся под советским контролем, сумела перебраться на Запад.

[336] Событие вполне допустимое. Тито в массовом порядке уничтожал лиц, сотрудничавших с немцами. В эту категорию, как и во Франции, помимо русских эмигрантов попадали проститутки, впрочем, как и все женщины, имевшие несчастье полюбить немца или сблизиться с ним. Однако во Франции, родине Декларации прав человека, этих женщин не убивали, но лишь усиленно издевались над ними: обривали наголо, татуировали свастикой, полуголыми водили по улицам под вооруженным конвоем участников Сопротивления. Одна из фотографий подобной процессии была опубликована в [670] – зрелище удивительно омерзительное: сытые, довольные мужики с оружием и две несчастные татуированные и обритые полуголые женщины. Тито же их просто уничтожал. Так, согласно свидетельскому показанию очевидца, поэта Даниила Долинского [10], в конце лета 1944 г. мимо аэродрома в Вршау (Вршаце ?) в Югославии, где дислоцировалась советская эскадрилья штурмовиков Ил-2, в которой он служил механиком, титовцы гнали колонну из двух сотен женщин в возрасте 25-30 лет – проституток, которых немцы якобы чем-то специально заразили. В это, по-видимому, не очень поверили, ибо технический персонал аэродрома хотел отбить колонну, но персонала было меньше, чем конвоиров. Всех женщин расстреляли за аэродромом. Именно поэтому мы и считаем сообщение, что Тито казнил эмигрантов, – вполне правдоподобным: коммунисту, который хладнокровно расстреливал сотни своих соотечественниц, ничего не стоило казнить пару тысяч иностранцев, которые были врагами коммунизма и «коллаборантами».

Не довольствуясь полицейскими облавами, советские агенты всех мастей принимают меры к тому, чтобы дискредитировать новых беженцев, изображая их, как сплошь "фашистов" и "гитлеровцев". Это, конечно, обычная чекистская ложь. Если можно называть "фашистами" всех "власовцев" (хотя среди них, – судя по сообщениям, – наряду с определенными гитлеровцами, имеются простые, слабые и серые люди, записавшиеся во власовские отряды, чтобы избежать голодной смерти в немецких лагерях) , – то никак нельзя в категорию фашистов отнести те многие и многие тысячи советской молодежи, – девушек и юношей, – которые были принудительно увезены немцами на работы в Германию и теперь хотят осесть во Франции, чтобы учиться или просто пожить, как свободные люди живут. Еще меньше приложим этот эпитет к тем многочисленным советским офицерам и красноармейцам, которые перенесли все муки немецкого плена. Они, – типичные, рядовые советские люди, – интеллигенты, рабочие, крестьяне, – и их теперешнее нежелание возвращаться в Россию, это начало пробуждения общего критического отношения к советскому строю.

Очень характерны их настроения. Они не только не уклоняются от встреч со старыми эмигрантами, но и прямо ищут таких встреч. Настоящий тесный контакт у них установился с рядовой эмиграцией, с которой они сошлись, так сказать, в быту тяжелой жизни зимы 1944-1945 года. Эти встречи дали достаточно материалов, чтобы навсегда похоронить глупую легенду о "психологическом разрыве", который якобы создался между эмигрантами и рядовыми советскими гражданами. Ничего подобного: общий язык находится легко и быстро.

"Пишу я вам, – читаем мы в письме одного из наших корреспондентов, а из соседней квартиры несется рекой русская песня, выпили советские военные вместе с эмигрантами и поют, и поют... Все старые русские песни, – и «Коробейники», и «Многая лета», и «Ермак». Эти встречи с советскими здесь обычное явление".

Очень характерно наблюдение другого корреспондента: советские люди охотнее поют старые русские песни, чем новые, советские – хотя бы и написанные на старые мотивы.

"Надо сказать, что советские совершенно не чуждаются эмигрантов, – как было раньше, а, наоборот, интересуются поговорить с нами. Я лично виделся с немногими, но виделся, и очень хорошо сидели и толковали с нашими русскими бойцами... Это хорошие русские люди. У них хотят даже всячески здесь зацепиться, пожить в Европе, но с этим борятся власти и вряд ли многим это удастся. Совершенно неожиданно Европа им очень понравилась".

Другой наш корреспондент пишет в том же духе: "Недавно я толковал с нашими внутренними русскими: между нами нет, да и никогда не было, никаких преград (психологических). Им, в частности, тоже очень нравится Европа, европейская жизнь, европейская свобода, они так же, как и я, любят свою страну, хотят ее счастья и своего счастья... Очень, очень приятно с ними, с советскими, сидеть, толковать..."

Какие будут результаты этих встреч, сказать трудно. В частном письме один из наблюдателей пытается заглянуть в будущее (надо сказать, что этот наблюдатель живет не в Париже, и даже не во Франции, но видит тех же самых русских военно-пленных):

"Мы – опять в небольшом меньшинстве. В лучшем случае почетные Дон-Кихоты. Течение, – повальное, – против нас. Но... есть один пункт, мешающий впасть в полный пессимизм: история декабристов, побывавших в Европе в 1812 г. году. И что из этого вышло. Теперь побывали уже не тысячи, а миллионы. И мы тут видим, что из этого выходит. Выходит плохая вещь: десятки тысяч третьей эмиграции... Ну, а те, которые тут не останутся, а вернутся? Тема длинная, – очень актуальная, особенно потому, что мы их тут видим. Народ сильный, упорный, – пожалуй, не декабристам чета...".

Если со стороны рядовой эмиграции советские люди часто встречают дружеский прием и понимание настроений, которые должны пробуждаться у каждого честного человека, впервые знакомящегося с жизнью в свободной, не тоталитаристской стране, – то этого нельзя сказать про значительную часть остатков старой литературно-политической эмиграции Парижа. К сожалению, в этой среде нашлось не мало людей, которые свою ставку на Сталина довели до прямой поддержки чекистской деятельности полпредства в борьбе с нарастающими оппозиционными настроениями среди бывших военнопленных. Нашлись журналисты, которые предоставили свои перья на услужение полпредства, чтобы доказывать фашистское происхождение всех оппозиционных настроений. Анекдот, рассказанный выше, об эмигранте-генерале, который возмущен, что молодой красноармеец осмеливается критиковать Сталина, совсем не выдумка, – но в него надо внести поправку: не только черносотенные генералы, но и бывшие либеральные политики и журналисты берут на себя подобную роль. Особенно тяжело полное отсутствие в Париже независимой русской печати. "Русские Новости"[337], которые должны были стать органом "группы Маклакова", в результате внутреннего переворота, совершенного одним из редакторов (Ступницким), превратились в орган, полностью подчиненный полпредству, и по существу ничем не отличаются от "Советского Патриота": и тот, и другой одинаково получают инструкции от 2-го секретаря полпредства (к сожалению, имя этого секретаря нам не сообщили). В результате, как острят в Париже, эти два органа похожи друг на друга, как "две капли воды из одного и того же водопровода".

Положительной стороной этого события является внутренний кризис в руководящем центре "группы Маклакова". Поведение Ступницкого там вызывает острое недовольство, и вполне возможно, что в ближайшие же месяцы там произойдет и открытый раскол между людьми, которые явно пошли на службу полпредства, и людьми, которые остаются независимыми...

Отсутствие независимой легальной печати всегда приводит к возникновению литературы рукописной. Такая начинает создаваться и в Париже, среди русской эмиграции. Среди нее имеются и стихи, и памфлеты, и открытые письма (м<ежду> пр<очим>, нам сообщают, что размножена и распространена в значительном количестве экземпляров статья из "Соц<иалистического> Вестн<ика>" о церкви). Наиболее значительными документами из этой литературы, поскольку она до нас дошла, надо признать большой памфлет

---

[337] См. о них [410, с. 596] и приложение 1.1.44.

С.П. Мельгунова: "Призывы в Каноссу (открытое письмо эмигрантам)" и обращение ген. Деникина, выпущенное к годовщине Добровольческой Армии. Первый очень обширен по своему об'ему (36 стр. на пишущей машинке) и дает подробный анализ политических выступлений главным образом Маклакова и его друзей. Основную политическую мысль автора хорошо передают слова Керенского, взятые им в качестве эпиграфа: "Никогда со Сталиным, всегда с народом". С особенной энергией автор выступает против надежд на возможность "мирной эволюции" существующего теперь режима в сторону демократии. "Надежды на мирную эволюцию власти, – пишет он, – на мирное сожительство с красным самодержавием – утопия. Узурпаторская диктатура никогда не перерождается и никогда не сходит сама добровольно с подмостков истории".

Что же касается до обращения ген. Деникина, то оно очень кратко (одна страничка с небольшим на машинке); наиболее характерные места его гласят:

"Обстановка в международном масштабе в корне изменилась. Враг изгнан из пределов отечества. Мы, – и в этой неизбежности трагизм нашего положения, – не участники, а лишь свидетели событий, потрясших нашу Родину за последние годы. Мы могли лишь следить с глубокой скорбью за страданиями нашего народа и с гордостью – за величием его подвига. Мы испытывали боль в дни поражений армии, – хотя она и зовется «Красной», а не Российской, и радость в дни ее побед. И теперь, когда мировая война еще не окончена, мы всей душой желаем ее победного завершения, которое обеспечит страну нашу от наглых посягательств извне. Но не изменилась обстановка внутри-российская. В дни, когда весь мир переустраивает свою жизнь на новых началах международного сотрудничества, социальной справедливости, освобождения народного труда и самодеятельности от эксплуатации капиталом и государством, не могут народы российские пребывать в крепостном состоянии. Не могут жить и работать без, хотя бы, самых необходимых условий человеческого существования: а) основных свобод; б) раскрепощения труда; в) упразднения кровавого произвола НКВД; г) суда, независимого, равного для всех, основанного на праве, законе, чуждого партийного лицеприятия и административного воздействия. Пока этого нет, мы будем итти прежним путем, завещанным нам основоположниками Добровольчества, какие бы тернии ни устилали наш путь. Ибо судьбы России важнее судеб эмиграции". И.» [200].

3. СВ, n°19-20(577-578), 10.11.1945, с. 226-227: Л.Д. «*Как советских граждан возвращали на родину: Письмо из Парижа*. Если у кого-либо было сомнение в силе симпатий советских граждан к режиму, который установлен на их родине, то он должен был с этими сомнениями расстаться, наблюдая, как в августе-сентябре производилась отправка советских граждан из Франции в Россию. Буду приводить только факты, о которых моя информация совершенно точна.

Количество уклоняющихся от отправки было настолько значительно, что сначала в Париже, а затем и по всей Франции начались настоящие облавы, которые производились русской военной полицией, прикомандированной к посольству; изредка при этих облавах секундировала французская полиция, но чаще всего советские чекисты обходились без ее помощи.

Первый известный мне налет был произведен на русский дом в Ст.-Женевьев де Буа. Не задолго до полуночи туда прикатило два камиона, – один с русскими, другой с французской полицией (будто бы был даже су-префект). Русские оцепили дом и сад (они имели хороший план) и начали обыск. Среди престарелых графов и князей начался отчаянный переполох. Многие уже спали. Сначала вообразили, что приехали за ними и хотят их силком повезти в Сов. Россию. Было не мало истерик, еще странно, что не было скоропостижных смертей (ведь там теперь средний возраст обитателей превышает 75 лет). Тщательный обыск не дал никаких результатов. Советские офицеры в заключение перезнакомились с обитателями приюта и угощали их конфетами.

Безрезультатным был и обыск в Вильнуассоне, в русском детском доме. Через несколько времени наркомвнудельцы – на этот раз без французов – нагрянули в детский лагерь священника Чекана. Тут события приняли более драматический характер и закончились увозом одной семьи на том фантастическом основании, что документы членов семьи фальшивые и в действительности они будто бы являются советскими гражданами.

Если так себя вели советские чекисты в общественных учреждениях, существующих в течении многих лет, то еще более бесцеремонным было их поведение в отношении частных лиц. Приведу лишь один случай. В Париже много советских девушек, желающих выйти за французов. В то время это было запрещено, разрешили только совсем недавно. За одной из таких девушек шла настоящая охота. Советские военные пришли к французам (родители жениха), у которых она пряталась. Произошла драка с французами, в которой русские одержали победу, но женщины успели вызвать ажанов[338]. Последние со своей стороны вступили в бой и одержали верх; на одного из советских офицеров были уже наложены наручники, но в этот момент примчалось на автомобиле советское подкрепление, вызванное из полпредства, и теперь ажаны оказались вынужденными капитулировать. Наручники с офицера были сняты и торжественно надеты на одного из ажанов. Обоих ажанов советские офицеры увели с собою – и они были освобождены только на следующий день. Советской девушке в суматохе удалось как то скрыться...

Если так нагло советские чекисты вели себя в Париже, то легко себе представить, как они хозяйничали в провинции, – особенно в тех районах, где власть была в руках коммунистов. Об'езжая Францию из конца в конец, они производили проверку всех русских, в том числе и старых эмигрантов, так ведя себя при этом, что, по сообщению "Попюлэр" (от 14 сентября), это вызывало в населении "беспокойство и тревогу". К чести французских социалистов надо указать, что они были первыми, кто выступил в печати против подобных порядков. Их выступление произвело свое действие, и в последнее время о чекистских безобразиях стало меньше слышно. Но главные массы советских граждан уже были забраны в особые лагеря, находившиеся под советской юрисдикцией, – и специальными поездами отправлялись в портовые

[338] Галлицизм, жаргон. Усеченная форма от «agent de police» – полицейский (агент полиции).

пункты для посадки на пароходы. Поезда эти шли под специальным советским конвоем, тем не менее, в места назначения приходили со значительно поредевшим составом конвоируемых: люди бегут из поездов в пути. И из Марселя, и из Бордо сообщают, что ни одна погрузка этой новой категории советских рабов на суда не проходит без нескольких покушений на самоубийство...

Для старой эмиграции эти события сыграли роль холодного душа. Многие радикально излечились от тех утопических представлений о современной России, которые они сами себе создали. Правда, здешняя русская печать ведет себя, – мягко говоря, – недостойно: в ней вы не найдете никаких откликов на эти события, волновавшие всю русскую колонию. Находятся среди нее и люди, которые пытаются уговаривать советских граждан возвращаться в Россию, доказывая, что отказ от возвращения является актом "непатриотическим". Мне недавно рассказали об одном таком разговоре. Старый эмигрант из бывших демократов, писатель, долго и убедительно говорил советскому человеку на тему "о любви к отечеству и народной гордости". Советский человек, тоже интеллигент, долго слушал, – а потом спрашивает:

"Скажите, а Вы понимаете, что такое значит 9 миллионов в концлагерях или не понимаете? И понимаете ли состояние гражданина «социалистической республики», который каждый момент рискует быть присоединенным к этим 9 миллионам ?".

7 октября. Л.Д. <Л.А. Аронсон?>» [276].

4. Свободный голос = Cahiers libres, сб. 1, февраль 1946 г., с. 27-28: «***ТРАГЕДІЯ НЕВОЗВРАЩЕНЦЕВ. Насильственная репатріація.***

В различных иностранных органах печати появляются время от времени отрывочныя сведения о насильственной отправке в СССР советских граждан, ищущих за-границей убежища от красно-фашистскаго террора. Попытаемся сделать краткую сводку этих лаконических сообщеній.

Наиболее точныя сведенія мы имеем о положеніи новых эмигрантов в **Швеціи**. Здесь их оказалось свыше тридцати тысяч. Это, главным образом, люди, бежавшіе туда на лодках из Прибалтики при приближеніи красной арміи. Большинство их – даже не советскіе подданные, а граждане б<ывших> прибалтійских стран. В числе этих беженцев – высшій слой интеллигенции Прибалтики.

Зная, что в среде этих беженцев много противников коммунизма, т.е. "классовых врагов", подлежащих расправе, а также большое число спеціалистов, весьма ценных в качестве белых рабов, посылаемых на каторжныя "стройки", большевики предъявили к шведскому правительству требованіе о выдаче им новых эмигрантов.

Сперва это требоваіе было решительно отклонено. Но сов<етская> власть на этом не успокоилась и произвела на шведское правительство энергичный нажим, тем более сильный, что Швеція оффиціально признала присоединеніе балтійских земель к СССР. И вот, в конце прошлаго года, отвечая на запрос в парламенте, министр иностранных дел (соціалист) заявил, что правительству придется, к глубокому своему огорченію, склониться перед настойчивостью могущественнаго соседа Швеціи и выдать людей на смерть.

Тогда вмешалось общественное мненіе свободной демократической страны. Состоялись манифестаціи. Толпа двинулась к королевскому дворцу, чтобы просить монарха о спасеніи невинных людей, и королю Густаву пришлось отложить поездку в оперу.

Глас свободнаго народа возымел свое действіе. Насильственных отправок новых беженцев пока в Швеціи не было. Тем временем большевицкіе агенты ведут среди них пропаганду в пользу возвращенія. Но им удалось уговорить всего несколько десятков человек.

Полу-насильственная отправка, судя по частному письму, имела место в **Даніи**. Датчане просто не поняли нежеланія небольшого числа попавших в Данію беженцев, возвращаться домой. Датскія власти усадили беженцев в вагоны. Населеніе провожало их с музыкой и цветами, искренно радуясь, что русскіе получили, наконец, возможность вернуться на родину![339]

Довольно значительная группа невозвращенцев находится в княжестве **Лихтенштейн**. Они сидят за колючей проволокой и власти, повидимому, намерены в ближайшее время отправить их в СССР[340].

---

[339] С этой точки зрения интересно описание возвращения из Дании в СССР бывшего власовца (*власовца* без кавычек) Л.А. Самутина [445, с. 180-184].

[340] Счастливая ошибка автора. Лихтенштейн оказался единственным государством, которое, опираясь на свою полицию (11 чел.), категорически и сразу отказало Сталину в выдаче невозвращенцев, и его посланцам пришлось убраться восвояси: «Лишь один раз <в Европе> все произошло не так, как обычно. 2 мая 1945 года, направляясь из Австрии, к границе княжества Лихтенштейн подошел русский отряд в 462 бойца. При нем было 30 женщин, несколько детей. Отряд был сформирован ген. Борисом Смысловским и не успел войти в состав РОА. В колонне шел автомобиль, в котором находился сын Великого князя Кирилла Владимировича, Владимир. Княжество Лихтенштейн занимает площадь в 157 кв. км, в нем около 25000 жителей. Вооруженные силы – 11 человек. Правитель Лихтенштейна, князь Франц Иосиф II велел пропустить отряд на свою территорию. Автомобиль, в котором кончилось горючее, парни Смысловского, почти все бывшие советские военнослужащие, докатили на руках до Вадуца, столицы княжества (4000 жителей). И тут начался второй акт солидарности: от жителей Лихтенштейна (его население – преимущественно крестьянское) начали поступать просьбы: “Не выдавайте пришельцев, мы разместим их у себя, в своих семьях”. Когда в Вадуц прибыли чекисты с требованием о выдаче, им было в этом наотрез отказано. (Князя за это “наказали”: не выплатили возмещения за его имущество, конфискованное на территории Чехословакии, тогда еще не коммунистической). До отъезда в Аргентину, которая согласилась принять группу Смысловского, она благополучно прожила в Лихтенштейне полтора года. Н. Толстой пишет, что в разговоре с правителем Лихтенштейна он спросил, не испытывал ли тот беспокойства, принимая такое рискованное решение? “Нисколько, – ответил князь. – С советскими представителями следует говорить решительно, тогда они идут на попятную. Им понятен только такой язык”» [487, с. 47]. Дадим дополнения по тексту самого Н. Толтого: князь Лихтенштейна был не одинок: его полностью поддерживал тогдашний премьер-министр страны, доктор Александр Фрик. Детей в отряде было двое; отряд был сформирован вначале как русский батальон (в 1942 г. набралось уже 12 таких учебно-разведывательных батальонов. В 1943 г. они были переформированы командованием Вермахта в дивизию «Россия» численностью (по разным оценкам) от 10 до 20 тыс. человек (85%- военнопленные; 15%- эмигранты). Во главе

Швейцарія весьма неохотно пропускала беженцев на свою территорію. Некоторая часть невозвращенцев была выдана советским властям осенью и зимой 1945 года. Осталось, по нашим сведениям, около 400 человек. Швейцарскія власти обменивают их "по-штучно" на швейцарских граждан, захваченных большевиками.

В **Италіи** оказалось очень большое количество русских беженцев. Итальянскія власти отнеслись к ним весьма сочувственно и категорически воспротивились насильственной репатріаціи. После того, как стали возвращаться итальянцы, побывавшіе в СССР и получились сведенія о безчинствах, творимых солдатами Тито в области Тріеста, симпатіи итальянскаго населенія к новым русским эмигрантам еще более возросли.

Самоубійства среди репатріируемых

Главная масса невозвращенцев находится, конечно, в Германіи, в зоне англійской и американской оккупаціи. Сведенія об их судьбе весьма скудны. Известно, что летом 1945 г. года американская и англійскія военныя власти выдавали их группами, иногда весьма значительными, советским властям. Осенью подобныя выдачи, как будто, прекратились.

В самое последнее время снова появились сообщенія о насильственных выдачах, сопровождаемых трагическими инцидентами. Так, на-днях, американскія газеты и "Фигаро" (20 января с.г.), сообщили, что из числа 271 русских, содержавшихся в лагере Дахау, 10 покончили самоубійством, узнав о предстоящей отправке к большевикам, а 20 других, пытавшихся покончить с собой, находятся на излеченіи в госпитале.

В другом случае, невозвращенцы, забаррикадировавшіеся в бараке, разделись до гола и предложили американской военной полиціи стрелять в них.

Что решат великіе міра сего?

Только что вопрос о новой эмиграціи поставлен, наконец, в международном масштабе, – в Соціальном Комитете Союза Объединенных Націй. Англійскій делегат Ноэль Бэкер заявил, что беженцев не следовало бы принуждать возвращаться в страну, которую они покинули. Эта мысль была горячо поддержана вдовой президента Рузвельта. Делегат Югославіи оспаривал это мненіе.

этих подразделений стоял в начале капитан (позднее, гененерал) Борис Смысловский. Любопытный штрих: когда уже «все стремительно рушилось, Смысловский связался по телефону с генералом Власовым – до этого они дважды встречались – и сообшил ему о своем намерении идти в Лихтенштейн, однако Власов решил не отказываться от планов искать прибежища в Чехии. В ответ Смысловский напомнил ему о судьбе адмирала Колчака, которого чехи выдали большевикам в 1920 году, и простился с командующим РОА» [129, с. 207-209; 675, с. 318; 512, гл. 16]. Ну, что ж, Смысловский нарушил основной закон истории, гласящий: «История учит, что она ничему не учит», и спас несколько сотен жизней. Из интервью с самим Н. Толстым: «Из Лихтенштейна <...>, единственной западной страны, категорически отказавшейся от насильственной выдачи советских граждан, две трети бывших советских военнопленных вернулись на родину по собственному желанию. Они сговорились с теми, кто остался, что будут писать. Но никто никогда не получил от них ни одного письма...» [62, с. 42].

По сведеніям швейцарских газет, тов. Вышинскій заявил, что считает невозвращенцев изменниками и военными преступниками.

Соціальный Комитет решил выделить особую подкомиссію для детальнаго изученія вопроса. В нее войдут представители США, Англіи, Франціи и одной из южно-американских республик; кроме того, СССР получит два голоса, ибо голос советскаго представителя будет дублирован югославским делегатом».

5. Там же, с. 31: «***ЖИЗНЬ ЭМИГРАЦІИ. Новая эмиграція.***

По исчислению швейцарской прессы количество новых русских эмигрантов доходит до 800 тысяч. У нас нет данных для критической оценки этой цифры. Одно несомненно, что указанная цифра значительно выросла бы, если бы не Ялтинское соглашеніе союзников о насильственной отправке советских граждан на Родину.

Те, кто ныне предпочитают свободное эмигрантское прозябаніе рабству советскаго рая, вынуждены переживать самыя тяжелыя мытарства и прибегать к изощренной изобретательности, чтобы остаться заграницей. Правовое положеніе новых эмигрантов крайне зыбко. Нансеновскіе офисы их не защищают.

Только в последнее время в Швейцаріи, по частной инициативе, возникла новая международная организація помощи беженцам всех стран. ("Secours International aux Refugiés". Berne. Schöbergrain, 2). Эта организація ставит своей задачей заботу о милліонах беженцев в Европе, которые были оторваны от родных мест за годы войны. Новая организация предполагает организовать представительство и для Франціи – в Париже.

Новые эмигранты постепенно начинают организовываться. В Париже, напр., от имени "Комитета советских невозвращенцев на территоріи Франціи" выпущена на шапирографе листовка, в которой говорится, что советскіе граждане, не желающіе возвращаться на Родину, поступают так не потому, что соблазнены лучшими матеріальными условіями жизни. Нет, эти люди, "не имея документов для поступленія на работу, не зная языка, без средств к существованію, под угрозой выдачи советским властям... ведут ужасную, затравленную жизнь". Но они "не желают снова попасть у себя на Родине в моральное рабство". "Мы не хотим, освободившись из немецкой неволи – заключает листовка, – терпеть у себя на родине униженія и репрессіи... Мы организовались для борьбы за право на свободную жизнь, мы верим в свободное будущее нашего народа. Каждый невозвращенец, которому вы протянете руку помощи, – борец за наше дело. Да здравствует свободная Россія. Да здравствует народ Великой Россіи"».

6. Свободный голос = Cahiers libres, сб.2, март 1946 г., с. 1-3: Вл. Лазаревский «***ПРАВО НА ЖИЗНЬ***

"Родина вас зовет" – так трогательно именовалась советская радіо-передача, обращенная к советским гражданам, оказавшимся за рубежом Россіи. "Заботливо и внимательно" советское правительство и партія Ленина-Сталина встречают "многострадальных сыновей и дочерей" родины, измучившихся на чужбине,

писал заведующій репатріаціей советских граждан, ген.-полковник Голиков[341]. ("Год работы по репатріаціи", "Вести с Родины"[342] ном. 34)[343].

Сладко поют советскія сирены в генеральских мундирах и без оных! Краткія сведенія о том, с какой подлинно Сталинской "заботой о человеке" принимает возвращающихся родина в лице чекистов, наши читатели могли прочесть в нашем первом сборнике. Ниже мы помещаем два красноречивых свидетельства, живо передающих всю "радость" поистине "многострадальных сыновей и дочерей" родины, мгновенно преображающихся, при переезде советской демаркаціонной линіи, в "подозрительных", если не прямо в "предателей", коим уготован разстрел или концлагерь.

Судьба советских граждан, оказавшихся за рубежом, была решена злополучным параграфом ялтинскаго соглашенія. В своей последней речи, в Фультоне, Черчилль сам косвенно дал понять, что он считает поспешными и необдуманными обязательства, принятыя на себя в Ялте союзниками по отношенію к советскому правительству. Черчиллю виднее, конечно, поскольку речь идет о ялтинском соглашеніи в целом. Что же касается параграфа, послужившаго тем зерном, из котораго в дальнейшем выросла трагедія насильственной репатріаціи, то здесь и нам видно, что в данном случае союзники поступили по меньшей мере опрометчиво.

Правда, надо учесть обстановку, в которой происходила ялтинская конференція. На очереди стояли огромной важности стратегическія решенія, вопрос о будущей репатриаціи советских граждан не мог не казаться вполне второстепенным и спорить по этому поводу с советским правительством представлялось неуместным. К тому же большевики стремились тогда создать впечатление, что советскій режим быстро идет к "нормализаціи".

И уж никак не могли предвидеть союзные делегаты той обстановки, в которой будет происходить репатріація! Они не могли предвидеть, что советская власть будет стремиться так или иначе выключить из жизни не только пресловутых "власовцев", но и вообще своих граждан, повидавших Европу – физически уничтожая, как тараканов, наиболее "подозрительных" и превращая всех иных прочих в безсловесных рабов, каторжный труд коих должен обезпечить "планетарный" успех новых военных пятилеток!..

На основе ялтинской конвенціи, большевики вскоре заключили соглашенія о репатріаціи с правительствами стран, не участвовавших в конференціи, но

---

341 Голиков Филипп Иванович (16/29.7.1900, дер. Борисово, ныне Курганской обл. – 29.7.1980), начальник разведуправления Красной Армии. Возглавил Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, созданного в октябре 1944 г. Позднее – маршал Советского Союза (1961 г.) [130; 191, с. 3; 383].

342 Об этой газете см. параграф настоящей работы: «Советская русскоязычная пресса во Франции в 1940-е гг.».

343 Эти клише повторяются дословно в репатриационных пропагандистских брошюрах: «Домой, на Родину!», «Родина не забыла вас», «Родина помнит о своих детях». Впочем, есть и их развитие. Например: «Всех освобождённых советских людей встречают на Родине не презрением или недоверием, а вниманием, тёплой заботой и ласковым участием» (из текста, опубликованного 16 декабря 1944 г.) [74].

находившихся в военно-политической орбите союзников (так, напр., с Бельгіей подобное соглашеніе было подписано 13 марта 1945 г.). При этом применен был некоторого рода дружескій шантаж, ибо выдачей советских граждан, обуславливалось, возвращеніе на родину граждан данной страны, почему либо оказавшиеся в СССР, и главным образом, конечно, на оккупированных красной армией территоріях.

Когда, после окончанія военных действій, советское правительство предъявило союзникам к оплате, подписанные ими в Ялте векселя, они оказались в морально трудном положеніи, Они скоро убедились, что многих счастливых кандидатов на возвращеніе и палками не загонишь в советскій рай: надо загонять пулеметами, а иные вообще предпочитают "встрече с родиной" переселеніе в лучшій мир. Пулеметы и были кое-где применены, но эта операція в высокой степени претила представителям свободных демократических народов. Все же, отказаться от раз даннаго обязательства союзники не решились: это значало дать правительству СССР крупный козырь в его дипломатической игре.

Репатріація упорствующих шла с большими заминками. В упомянутой выше статье, появившейся в октябре прошлаго года, генерал-полковник Голиков писал: "Союзники оказали большую помощь в возвращеніи освобожденных ими советских граждан. Они передали более двух милліонов человек, но еще многія тысячи находятся в зонах оккупаціи союзных войск, а также на территоріи других стран... Надо полагать, что союзники выполнят крымское соглашение по репатриаціи всех без исключенія советских граждан. Впереди еще значительная и кропотливая работа по возвращенію на родину находящихся за рубежом уже учтенных советских граждан. Кроме того, предстоит выявить и собрать одиночек, распыленных по разным странам"...

Из помещаемых ниже свидетельств наших корреспондентов, видно, что "работа" советских органов по репатріаціи действительно, оказалась "значительной и кропотливой", и что в иных случаях, в виду "инертности" союзнаго командованія, НКВД решалось проявлять иниціативу, не всегда, впрочем, ведшую к удачным результатам.

Иниціатива по "выявленю и собиранию одиночек", по-видимому, была проявлена НКВД и не только в странах, попавших в орбиту непосредственнаго советскаго вліянія (как Чехія: см. "Жизнь эмиграціи"). По крайней мере, в циркуляре бельгійскаго министра юстиціи от 20 декабря 1945 г., коим предписывалось направлять "тайно проживающих" советских граждан в определенные пункты на предмет выясненія их положенія, прямо указывалось: "непосредственная интервенція военных и прочих органов СССР не допускается и должна быть решительно отклонена; в случае надобности, она должна быть пресечена при помощи чинов жандармеріи"...

На недавней лондонской сессии Совета Объединенных Націй наметился психологический перелом в отношеніи демократических стран к вопросу о насильственной репатриаціи. На делегатов произвело сильное впечатление благородное выступленіе по этому вопросу вдовы президента Рузвельта[344].

[344] Элеонора Рузвельт (Eleonore Roosevelt; 1884 г., Нью-Йорк – 1962 г., там же), супруга Франклина Рузвельта (с 1905 г.) и племянница Теодора Рузвельта.

Выдвинутый советским представителем принцип, согласно которому разрешение беженцам остаться заграницей должно быть непременно обусловлено согласием правительства страны, откуда они происходят – был отвергнут 28 голосами против 6. Повидимому, насильственныя выдачи в зонах военной оккупаціи прекращены. Только что полученныя в Париже бельгійскія газеты позволяют заключить, что правительство Бельгии отказалось продолжать репатріацію в порядке мер принужденія, в чрезвычайно дружественной форме указав правительству СССР, что такая практика противоречит элементарному принципу свободы личности и явилась бы нарушеніем суверенных прав бельгійскаго народа.

Сейчас, когда Учредительное Собраніе четвертой Французской Республики приступило к разсмотренію будущей ея Конституціи, когда, выслушав блестящую речь Э. Эрріо[345], воздавшаго хвалу великим заветам 1789 года, оно вновь торжественно утверждает неотъемлемыя права человеческой личности, – как отрадно и утешительно было бы услышать с высоты трибуны Собранія полномочных представителей французскаго народа заявление о том, что всюду и везде в свободных демократических государствах, всякому человеческому существу, откуда бы оно ни пришло и где бы оно ни было, должно быть обезпечено самое основное и самое непреложное из естественных прав человека:

– Право на жизнь! **Вл. Лазаревскій**[346]».

7. Там же, с. 4-5: В. Л<азаревскій>. «*ТАИНСТВЕННАЯ "МАФФІЯ"*

"Имело ли прецеденты похищеніе на улице Эрланже[347]?" – спрашивает одна из парижских вечерних газет, передавая подробности похищения Николая Лапчинскаго (по некоторым сведеніям, он носил другое имя) из квартиры кн. Л.А. Голицыной, 5 марта, в 5 час. дня[348]. И газета отмечает, что,

---

[345] См. о нем [410, с. 457] и приложение 1.I.37.

[346] См. о нем [410, с. 600] и приложение 1.I.45.

[347] Rue Erlanger, 16°.

[348] Коряков о своем побеге из советского посольства в марте 1946 г.: «Безумием было-бы искать убежища у русских эмигрантов, скрываться в пятнадцатом или шестнадцатом аррондисманах Парижа. Там шныряли агенты НКВД, там днем и ночью производили операции "охотники за черепами". Недавно еще там, в аррондисмане Auteuil, был убит молодой москвич-невозвращенец Колесов, проживавший под именем поляка Лапчинского. Он находился на квартире кн. Голицыной. "Оперативная группа" военной миссии выследила, когда он остался один на квартире: подъехал автомобиль, вломились четыре молодца, чтобы забрать невозвращенца. Колесов-Лапчинский ожесточенно сопротивлялся. Ему проломили голову и, залитого кровью, выволокли на улицу, погрузили в автомобиль, Он еще и на улице кручал "караул", но никто из публики не посмел приблизиться. В квартире нашли лужу крови. Парижские газеты много об этом писали, требовали розыска убийц, но префект полиции заявил, что инцидент может перейти на дипломатическую почву". После этой истории эмигранты жили в страхе: моя приятельница отказывалась даже хранить вещи, не то, что укрывать меня" [252, с. 243; 253, с. 350-351]. Р.Гуль: «в 1945 году, когда мы с Олечкой приехали в Париж, советская акция была серьезна <...>. А некоторых и убивали, как лейтенанта Николая (забыл фамилию), которого среди бела дня насильно вытащили из квартиры наших друзей, Л.А. и И.М.Толстых в их отсутствие и увезли не то в "Борегар", не то в посольство, где и убили» [144-3, с. 102]. А. Столыпин о книге Н. Толстого

по имеющимся у нея данным, за последнее время во Франціи имел место целый ряд случаев похищенія русских.

Подробностей преступленія 5 марта сообщено французскими газетами очень много, но в ту минуту, когда мы пишем эти строки, сущность дела остается невыясненной. Несомненно одно: во Франціи, уже в теченіе нескольких месяцев, оперирует некая таинственная "маффія". Доходяшія до нас сведенія о ея деятельности, неполныя, отрывочныя и чаще всего не поддающіяся проверке, не позволяют нам придти к каким-либо обобщающим заключеніям... Известно, что в ночь с 7 на 8 февраля, из квартиры г-жи Далэн, на улице Нэв де Буле, был похищен Михаил Михайлюк, подвергшийся при этом жестокому избіенію... Известно, что поздно вечером 15 февраля было силой увезено неизвестными лицами несколько молодых русских, живших на улице Линнэ...[349] Разсказывают об аналогичных случаях, имевших место в других кварталах Парижа... Подобные же случаи произошли в Руане, в Кан, в Нильванже, в Шербурге, в Тіонвиле...[350] В других местах, к некоторым русским, устроившимся на работу в провинціи, пріезжали на автомобиле какіе то загадочные "друзья", желавшіе их навестить после долгой разлуки; не застав их дома, они передавали им "привет", не сообщая, однако, своего имени... По некоторым сведеніям, "друзья" составляют целую "опергруппу", при коей состоит "команда разведчиков"...[351]

Все это весьма сбивчиво и неясно. Можно, однако, считать установленным следующій факт: во всех случаях жертвами нераскрытой преступной шайки являлись молодые люди русскаго и польскаго происхожденія, сравнительно недавно прибывшіе во Францію. Исчезновеніе их не привлекало до сих пор особаго вниманія и часто просто проходило незамеченным, вероятно, потому, что жертвы почти не оказывали сопротивленія.

Николай Лапчинскій оказался более мужественным. Он отчаянно защищался и звал на помощь. Похитители пытались затереть следы крови двумя, найденными ими на месте полотенцами, которыя они увезли с собой. Но крови

«Жертвы Ялты»: «Николай Толстой в своей книге упоминает, что с квартиры его дальнего родственника Ивана Толстого был в марте 1946 г. года похищен бывший советский лейтенант Лапчинский (кстати, этому способствовала его собственная неосторожность). Однако он не говорит о том, что Иван Толстой вместе с четой Голицыных спасли от смершевцев десятки русских людей» [487, с. 42-43]. Описывая похищение Лапчинского, Н. Толстой утверждает: «Только в мае 1946 г. года министр внутренних дел отважился заявить протест советскому послу по поводу этих преступлений, открыто совершаемых на французской земле. Но коалиционное правительство (в которое входили и коммунисты), проводившее курс умиротворения СССР, вынудило министра подать в отставку» [512, гл. 16; 675, с. 307]. В это время министром внутренних дел был социалист André Le Troquer (1884-1963 гг.), который, действительно, ушел в отставку 2 июня 1946 г., раньше, чем само правительство, во главе которого стоял Félix Gouin (оно пало 12.6.1946 г.). В этом правительстве из 16 министров и 5 госсекретарей было 5 министров-коммунистов и 2 госсекретаря [586].

[349] Rue Neuve-des-Boulets, 11°; rue Linné, 5°.

[350] Rouen, Caen, Nilvange, Cherbourg, Thionville.

[351] Ср. с приложением 4.18. Это – независимое подтверждение.

было слишком много: кровавыя лужи остались и в кухне, и в комнате, где был застигнут несчастный.

Эта кровь не была пролита даром. Вся французская печать уделила похищенію Лапчинскаго огромное вниманіе. Правда, интерес ея к этому преступленію проявился пока, главным образом, в плоскости уголовной сенсаціи. Моральная сторона вопроса до сих пор как то остается в тени. Быть может, ответственные публицисты, прежде чем высказаться по существу дела, ждут от репортеров более обстоятельных фактических данных.

Так или иначе, надлежащіе выводы будут сделаны общественным мнеінем Франціи. Ошибочно было бы недооценивать его значенія. Каков бы ни был духовный кризис, переживаемый ныне страной, где мы нашли пріют, – несомненно, что лучшая часть ея "ведущаго слоя", независимо от политических убежденій составных его элементов, отчетливо понимает решающую роль моральнаго момента на путях національнаго обновленія. Нелегко стране очиститься от месива грязи и крови, в которое было столько лет погружено почти все человечество. Но те, чьи сужденія о психологіи французскаго народа не построены на придирках сварливой консьержки, знают, что Франція не утратила живого чувства свободы; они видят в лучшей части французскаго народа наличіе морально-волевого напряженія, которым было обусловлено и сопротивленіе германскому порабощенію, и которое с особой силой ощущается сейчас в среде молодого поколенія. В такіе моменты духовная «элита» страны особенно чутка к вопіющим нарушеніям общечеловеческой морали.

В.Л<азаревскій>.

P.S. – В ту минуту, когда мы сдаем наш Сборник в печать, моральная реакція французскаго общественнаго мненія, которую мы ожидали, начинает проявляться. Одна из самых вліятельных парижских газет, "Le Monde", пишет в номере от 12 марта:

"Следует выразить удивление, что какая-то тайная, – и, вероятно, политическая, – организація может безнаказанно действовать во Франціи, пренебрегая правилами гостепріимства и даже нарушая закон"...».

8. Свободный голос = Cahiers libres, сб.3, июль 1946 г., с. 28-29: «*СОВЕТСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ*.

Во все отделения Союза Советских Патриотов было в начале марта разослано из центра циркулярное распоряжение, содержание коего сводится к нижеследующему:

1. Всем членам ССП предлагается незамедлительно приступить к составлению характеристик русских эмигрантов: имя, отчество, фамилия; адрес, возраст, семейное положение; прошлое и настоящее; политические взгляды, степень активности, слабости и недостатки (карты, вино и т.д.).

Сведения должны быть подписаны членом ССП, который несет ответственность за сообщаемое и обязуется держать данное лицо под своим наблюдением.

Каждый член ССП обязан безотлагательно принять участие в этой работе.

2. Союзам Сов<етских> Патриотов рекомендуется устраивать серии докладов, посвященных разным эмигрантским организациям (цели, программы,

возглавление, состав, деятельность и т.д.). Цель докладов: дискредитировать и скомпрометировать в глазах эмиграции всех кто не с ССП.

Приведенная инструкция полностью подтверждает информацию, которая появилась в "Социалистическом Вестнике".[352] <.....>».

9. Там же, с. 29: «*ПОЛЬСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ*

По приказу из Варшавы, польскими консульствами во Франции объявлена "обязательная" регистрация всех проживающих во Франции польских граждан.

Эта мера вызвала понятное волнение в польской колонии. В одной из статей по этому поводу, напечатанных в выходящей в Париже антибольшевицкой газете "Штандарт Польский", (от 3 июля), мы читаем:

"В результате полной неудачи советской политики в вопросе о беженцах, в рамках Объединенных наций, сателиты Москвы принуждены волей неволей прибегать к иным способам ликвидации этой «опасности»".

Польское законодательство, утверждает автор статьи, не дает никаких оснований для применения подобных мер. Те из поляков, которые сочтут нужным исполнить распоряжение о регистрации, должны иметь в виду, что этим актом они ставят себя в зависимость от существующего в Польше правительства и отказываются от привилегий эмигрантского положения.

В том же смысле составлено напечатанное в той же газете сообщение Главного правления Центрального Союза поляков во Франции».

10. СВ, n°3(583), 15.3.1946, с. 82-83: «*СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. Современные "охотники за черепами"* (Письмо из Парижа)

После того, как все лагеря с бывшими советскими военнопленными были "очищены" от их населения, советская репатриационная миссия во Франции официально закончила свою работу. Ее глава, ген. Драгун, и часть его сотрудников уже уехали. Но та охота за советскими людьми, которой руководил ген. Драгун, отнюдь не прекратилась. Она ведется с неменьшим рвением, только новыми людьми и несколько измененными методами. По нашим точным сведениям, в советских кругах считают, что во Франции имеется еще не меньше 40 тысяч невозвращенцев-одиночек, которые скрываются в разных укромных местах.

Правильна ли эта цифра, нам судить, конечно трудно. Но число советских людей, заброшенных во Францию военной бурей и не желающих возвращаться на свою родину, которая стала для них злой мачехой, действительно очень велико. Их ряды постоянно пополняются беженцами из лагерей, находящихся на территории Германии. А за последнее время появилась новая категория особо квалифицированных беженцев: военнопленных, которые однажды уже были «репатриированы», – но смогли бежать уже из советской зоны в Германии, из Польши, или даже из Белоруссии или России. Автору этих строк довелось встречаться с некоторыми из таких счастливцев: их рассказы, при всем их разнообразии в частностях, в основном рисуют одну и ту же жуткую картину

[352] Имеется ввиду публикация «Современные "охотники за черепами"» (см. приложение 4.10), и далее идет из нее обширная цитата.

судьбы "репатриантов". Все пленные и гражданские рабочие, "репатриированные" в советскую зону, прежде всего попадают в особые контрольные лагери на территории советской зоны в Германии, где их третируют, как изменников и предателей. Хуже всего приходится тем, кто пытается доказывать, что за ним никакой вины не имеется: по официальным взглядам, каждый советский гражданин, – особенно военный, – если он не мог избежать плена, был обязан в последний момент пустить себе пулю в лоб. Признание своей вины рассматривается, как первое условие возможности "исправления". Один из репатриантов, спасшихся из советской зоны, рассказывал, что он с самого начала заслужил некоторое снисхождение своим заявлением:

"Да, я признаю себя виновным в том, что не исполнил своей присяги не попадаться живым в руки врага. Я должен был покончить с собой. Но моя вина смягчается тем обстоятельством, что я был взят в плен тяжелораненым".

Агент НКВД, который принимал партию репатриантов, поставил это заявление в пример другим, – но добавил: "Что же касается ранения и неспособности покончить с собой, то это мы еще проверим".

Упомянутый выше советский офицер, так удачно ответивший на первый вопрос, попал в весьма благоприятные условия: ему удалось доказать правильность своего заявления о тяжелом ранении. В качестве человека, знающего немецкий язык, его привлекли на работу в качестве переводчика, – и ему удалось видеть особенно много интересного. Настроение Красной Армии, – как рядовых бойцов, так и младших офицеров, – очень угнетенное, чему особенно способствуют тяжелые вести о страшной нужде, в которой живут их близкие на родине. Этот офицер-невозвращенец рассказывал мне несколько характерных эпизодов, – приведу один, который мне кажется наиболее ярким. Ему приходилось относительно часто работать с одним из красных офицеров, который производил реквизиции у немцев. Наладились не плохие отношения. Как то вечером им прошлось хорошо выпить, – во время выпивки завязался откровенный разговор. Офицер ругал его "идиотом" за то, что он не захотел остаться заграницей:

"Если уж мы несчастны, – голодаем, плохо одеты, не знаем, когда нас демобилизуют, – то можешь представить, что ждет вас всех. Семей своих вы никогда не увидите, – и не ждите!"

Затем разговор перешел на "власовцев" и красный офицер сказал буквально следующее:

"Судьба всех этих несчастных уже решена, – но я, да и многие среди нас, часто спрашиваем себя: кто же был прав, – мы или они?"

Недовольство и тревога в Красной Армии в особенности подогреваются постоянными разговорами о неизбежности войны с "капиталистическими странами". По словам новых беглецов, этим слухам в советской зоне верят все. Во многом этим объясняется сильный рост за последнее время дезертирства из Красной Армии: воевать с англичанами и особенно с американцами мало кто хочет. Многие хотели бы бежать на английскую или американскую зону, – но НКВД усиленно распространяет слух, что Англия и Америка всех беженцев выдают. Поэтому солдаты чаще всего бегут, забрав свое оружие, в Польшу, где присоединяются к польским повстанцам.

Повторяю, таких рассказчиков, уже проделавших опыт "репатриации", теперь во Франции имеется не мало. Их советская власть ищет особенно старательно. По нашим точным сведениям, полицейский аппарат последней в Париже теперь построен приблизительно так. Большинство агентов НКВД, работавших в репатриационной миссии, приобрели слишком скверную популярность в Париже как своей грубостью, слишком хулиганскими выходками и пьяными дебошами, так и спекуляцией на черном рынке. В этом были усмотрены признаки морального разложения. Передают, что в Москве теперь вообще крайне озабочены тем, что долгое пребывание заграницей приучает советских людей к различным житейским удобствам и заставляет их подпадать под "буржуазные влияния". Поэтому, якобы, решено вообще сократить сроки пребывания заграницей, возможно чаще обновляя состав всех служащих. В особенной мере это якобы относится к работникам НКВД, которые по роду своей работы должны ближе сталкиваться с иностранцами. По этим всем причинам в январе отозван почти весь старый полицейский персонал репатриационной миссии. На их место прислано 30 человек новых сотрудников НКВД. Почти все они – люди, никогда заграницей не бывавшие, заграничных условий не знающие и к работе в них совершенно не приспособленные. В качестве помощников к ним придано такое же количество бывших военнопленных-офицеров, несколько знающих иностранные языки. Передают, что среди таковых имеется даже несколько "власовцев".

Как ни существенна помощь агентов этой категории, НКВД никогда не мог бы широко поставить свою работу во Франции, если б не помощь со стороны части старой эмиграции, об'единенной в "Союз Советских Патриотов". Согласно сведениям, полученным из достоверного источника, в январе-феврале 1946 г. года не меньше ста членов этой организации в одном Париже вели активную работу для НКВД, помогая последнему в его поисках новых невозвращенцев[353]. То же делается отделами Союза Советских Патриотов в провинции. Этот Союз повсюду является основной базой всей полицейской работы НКВД. Агентов в нем вербуют по старым методам: каждому, кто желает получить разрешение на возвращение домой, предлагается доказать свою преданность советской власти на деле, – участием в борьбе против врагов этой власти заграницей. Именно они наблюдают за деятельностью "непримиримых" среди старой эмиграции; в еще большей степени именно ими ведутся розыски укрывающихся "невозвращенцев". Оплата сдельная: за каждого выданного "невозвращенца" доносчик получает премию по 5 тысяч франков "с головы"...

Все "невозвращенцы" без исключения рассматриваются в качестве "врагов народа" и преступников. Но инструкции, которые даются агентам-провокаторам, делят их на две основные категории по степени их опасности для советской власти. В первую категорию включаются женщины, которые отказываются вернуться по причинам личного характера, затем идут молодые люди, соблазненные "буржуазным бытом", а также "колхозники", прельщенные легкостью работы. Всех их советская власть считает своими врагами, но врагами несознательными; они подлежат отправке в Союз, где будут подвергнуты тяжелому

[353] Ср. с приложениями 4.13 и 4.18.

наказанию, – в зависимости от их индивидуальной вины. Во вторую категорию включаются «невозвращенцы» сознательные, к числу каковых инструкция относит бывших красных офицеров, инженеров, учителей и профессоров, и всех вообще интеллигентов. "Невозвращенцев" этой категории рассматривают, как врагов особенно опасных, которые своими знаниями могут принести особенно значительный вред Советскому Союзу, а потому должны быть выискиваемы особенно старательно. Аресты невозвращенцев этой последней группы почти никогда не производятся без сопротивления, – иногда вооруженного. Агенты НКВД имеют строжайшую инструкцию такие аресты производить, не прибегая к помощи французской полиции, которую советские власти обвиняют не только в мягкости, но и в прямых послаблениях невозвращенцам. Аресты должны производиться исключительно собственными силами, причем в случае сопротивления невозвращенец должен быть уничтожен, – на условии, оговаривает инструкция, что это "не вызовет черезчур крупного скандала".

Так как, несмотря на все меры предосторожности, при перевозке арестованных этой группы в советскую зону был целый ряд отчаянных попыток побега, связанных с покушениями на агентов НКВД и крупными "скандалами", (во время одной такой попытки из 15 арестованных 11 были убиты, но 4 все же удалось бежать), то последние инструкции предписывают ликвидацию арестованных этих групп производить во Франции же. Основным центром для таких расправ теперь является советский лагерь в Борегар, под Парижем. Только особенно интересных для власти лиц отправляют в Москву, теперь исключительно на советских авионах...

В середине января из Москвы получились новые инструкции, предписывающие напречь все усилия по выявлению «невозвращенцев». Специальный инспектор, прибывший из советской зоны, собрав постоянных агентов НКВД, объяснял, что международная обстановка крайне обострилась и что конфликт с западными державами стал неизбежен. Этот конфликт, объяснял он, может произойти скорее, чем предполагают. – а потому особенно важно как можно скорее устранить все те элементы, которые в силу своих знаний смогут быть полезны западным державам...

Париж, 19 февраля. **А. З.**

От редакции: По нашим сведениям, действительным руководителем охоты за невозвращенцами был не ген. Драгун (действительно боевой генерал)[354],

---

[354] С этой оценкой не вяжутся строки Н. Толстого и А. Столыпина. Толстой: «В Париж прибыла советская репатриационная комиссия, возглавляемая генералом Драгуном. Первым делом он решил навести порядок в лагерях перемещенных лиц, для чего самолично застрелил десять человек, подвернувшихся под руку» [512, гл.16; 675, с. 305] со ссылкой: «Malcolm J. Proudfoot. European Refugees. – London, 1957, p. 129-130». Столыпин, много сделавший для спасения Ди-Пи, участник и свидетель событий: «Генерал-чекист Драгун, присланный из Москвы для руководства репатриацией <...>. Бывало, что Драгун собственной рукой пускал пулю в затылок непокорным соотечественникам» [487, с. 42]. Текст этот написан через 36-37 лет после событий, и не описывал ли автор заместителя Драгуна, ген. Вихорева? Впрочем, из биографической справки, которую приводит П.Полян следует, что речь могла идти и о самом Драгуне: Драгун Василий Михайлович (1898 - ?), в РККА с 1917 г., в 1937-47 гг. – в органах военной

а его помощник по политической части Вихорев, называющий себя генералом от авиации, к армии вообще никакого отношения не имевший, а всю свою карьеру сделавший на службе в НКВД. Он и поныне остается на своем посту в Париже, – и продолжает руководить всей работой НКВД по из'ятию невозвращенцев.

Общей работой НКВД в Париже по наблюдению за эмиграцией руководит резидент НКВД для Парижа Гузовский, числящийся первым секретарем полпредства. Он же "руководит" и всей работой "Советских Патриотов"» [473].

11. СВ, n°4(584), 18.4.1946, с. 109-110: «*СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. Еще об "охотниках за черепами" во Франции* (**сводка по письмам**)

В тот момент, когда наши парижские друзья составляли свое письмо об "охотниках за черепами", напечатанное в предыдущем номере "С.В.", эти "охотники" готовились приступить к большим операциям против невозвращенцев. Первым был захвачен молодой советский офицер Михаил Волков, проживавший на квартире своей жены-француженки. Ночью в его квартиру ворвались 4 чекиста, избили сопротивлявшегося Волкова и его жену и увезли Волкова на посольском автомобиле. Вслед за тем был арестован Николай Орлов, несколько невозвращенцев, проживавших в небольшом отеле на рю Линнэ, 33, целый ряд нeвозвращенцев в провинции... Все попытки обращения к французской полиции оставались безрезультатными; молчала и пресса, – частью, потому, что прямо или косвенно связана с коммунистами (их влияние во французской печати исключительно велико), частью потому, что не рисковала выступить против такого сильного противника.

Брешь в этом заговоре молчания пробила история с похищением невозвращенца Федора Колесова, лейтенанта Красной Армии, который проживал в Париже по бумагам на имя Николая Лапчинского. Его автобиография, поступившая в распоряжение редакции "С.В.", будет напечатана в одном из след. номеров нашего органа: она в высшей степени поучительна, как человеческий документ о трагедии, которую приходится переживать в наши дни лучшим представителям русской молодежи.[355] В печати уже несколько раз пытались проводить параллель между русскими офицерами наших дней, побывавшими в чужих странах, – и декабристами. Колесов-Лапчинский, это первый «декабрист» нашего времени, личную трагедию которого мы узнаем из его собственного рассказа. И как отлична его судьба от судеб декабристов начала прошлого века!

Об его захвате агентами советской полиции нам сообщают след<ующие> подробности: Колесов, проживавший в скромном отеле в Латинском квартале, заметил, что за ним ведется тщательная слежка, а потому 5 марта решил

разведки: в в начале войны – начальник оперативного управления ГРУ Красной армии, зам. начальника военых миссий СССР в Великобритании (1942-43 гг.), в Италии и Франции (1944-45 гг.). Начиная с весны 1945 г. – представитель Управления по делам репатриации во Франции (а фактически – во всей Европе) [383, с. 341].

[355] В доступных нам подшивках СВ таковой статьи за 1946-48 гг. обнаружить не удалось.

не ночевать у себя дома, а пришел к своим друзьям, Голицыным и И.М. Толстому (внук Л.Н. Толстого), которые проживали в своей квартире на рю Эрланже, 33. У них он переночевал и так как на улице были замечены тревожные признаки, остался у них на следующий день. Около 2 часов дня хозяева ушли завтракать в ресторан, условившись с Колесовым, что он никого в квартиру не будет впускать и сам никуда не выйдет. Когда они вернулись домой, Колесова дома не было и вся квартира была полна признаками жестокой борьбы; ряд предметов обстановки был поломан, на полу было большое пятно, – явно от крови... Через несколько минут в квартиру явились свидетели, которые видели, как из дома был вытащен молодой человек весь в крови, оказывавший отчаянное сопротивление... Было ясно, что Колесов был похищен чекистами. Толстой немедленно же отправился в уголовную полицию, где подробно рассказал обо всем случившемся и добился разрешения на оглашение всего этого дела в печати.

7-го марта с утра газеты были широко оповещены о случившемся, и рассказы о похищении обошли всю печать. Последняя реагировала на это дело очень по разному. Коммунистическая и близкая к ним печать, конечно, старалась запутать следы. "Юманитэ" в начале хотело приписать похищение "польским фашистам" из армии Андерса; очень много было попыток набросить тень на всех, кто был связан с Колесовым или прилагал усилия к огласке дела. Но для огромного большинства печати с самого начала не было сомнений в том, что речь идет о деятельности советских чекистов, и она подчеркивала полную незаконность поведения последних (см., напр., «Попюлэр»[356] от 12 марта).

В самый разгар газетной полемики вокруг этого дела, 18 марта, произошло аналогичное событие: попытка ареста советскими чекистами некоей Марии Полячек, советской гражданки, уклонявшейся от возвращения в Сов<етский> Союз. После этого о похождениях советских чекистов заговорила буквально вся парижская печать, а в некоторых органах (напр., в «Пароль франсэз»[357] от 23 марта) были опубликованы подробные данные об организации советской полиции во Франции вообще, о застенках, которые существуют в концентрационном лагере в Борегар, об избиениях и убийствах, которые производятся в подвальном помещении особняка на рю дю женераль Аппер[358], где находится "штаб-квартира" комиссии по репатриации и откуда, по настойчивым утверждениям осведомленных людей, выходят далеко не все, кого туда приводят арестованными...

Чем закончится все это дело, пока еще не ясно. Почти несомненно, что лично Колесов погиб: освободить его чекисты ни в коем случае не освободят. Но несомненно также, что он погиб не совсем безрезультатно: рвению чекистов так или иначе будут поставлены некоторые грани. Конечно, они меньше всего склонны отказаться от своей "охоты за черепами". По последним сведениям в Париж прибыла большая группа агентов НКВД, говорящих по-французски. Кроме того, совершенно определенно утверждают, что во Францию пущено

---

[356] «Le Populaire: journal-revue hebdomadaire de propagande socialiste et internationaliste» (Paris: Parti socialiste, 1916-1970). Еженедельник. Орган социалистической партии.

[357] «La Parole française».

[358] Rue du Genéral-Appert, 16°.

много агентов из бывших военнопленных, которые должны выдавать себя за невозвращенцев и выяснять, кто из французов или русских старых эмигрантов таковым помогает. Эти невозвращенцы-провокаторы имеют французские документы, много денег и проявляют большую активность...

И.

Новая эмиграция в Германии

Нам сообщают, что на территории английской и особенно американской зон оккупации в Германии в настоящее время сосредоточилось огромное количество бывших советских граждан, отказывающихся возвращаться в СССР. Точное количество их неизвестно, но хорошо осведомленные лица говорят то о 800 тысячах человек, то о целом миллионе[359].

Среди этой массы имеются представители едва ли не всех многочисленных советских национальностей и во всяком случае всех социальных групп. Очень много интеллигенции, как беспартийной, так и бывших коммунистов. Судить о социально-политических воззрениях их пока нет никакой возможности: все запуганы возможностью отправки обратно, а потому держатся крайне сдержанно, политических разговоров избегают. Известно, что среди них с большим успехом ведут работу представители православной церкви, – сторонники митроп<олита> Анастасия[360] ("карловацкого"). В последнее время группы интеллигенции приступили к постановке культурно-просветительной работы среди этой новой эмиграции. Под Мюнхеном уже несколько месяцев функционирует школа для русских детей, в которой обучается не меньше тысячи детей. В самое последнее время там же начал работать настоящий "русский университет" в составе пока трех факультетов (медицинский, юридический и технологический). Слушателей очень много и число их непрерывно возростает. Профессора исключительно русские и украинцы; преподавание идет на русском. Среди профессоров очень много молодежи, представителей целиком "советских" поколений; но имеется не мало и "стариков", начавших свою профессорскую деятельность еще до революции.

Сообщают, что второй русский университет (значительно меньший по размерам) функционирует в одном из больших лагерей для беженцев. В нескольких из таких лагерей выходят русские журналы и газеты.

Господствующее настроение всех: желание как можно скорее выбраться в какую бы то ни было страну с устойчивыми порядками, – подальше от большевиков» [199; 335].

12. СВ, n°5(585), 22.5.1946, с. 135-136: «***СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. Политические настроения эмиграции*** **(Письмо из Парижа).**

Сегодня мне хочется рассказать вам о политических настроениях русской эмиграции во Франции "начала 1946 года". Эту дату надо запомнить. Очень

[359] «По сведениям, собранным УНРА, общее число уклоняющихся от репатриации выходцев из Вост<очной> Европы и получающих поддержку УНРА, достигает 914 тысяч чел. – Прим. ред. "С.В."».

[360] См. о нем [410, с. 565] и приложение 1.I.33.

похоже, что она останется в истории наших идейных скитаний. На протяжении первых 14-16 месяцев после освобождения наши настроения были крайне неустойчивы: как то метались меж берегов. И только теперь, под влиянием целого ряда, как крупных международных событий, так и повседневных фактов здешнего, парижского быта, эти настроения начали прочно входить в берега...

Первое время после освобождения большинство русской эмиграции во Франции, – как, впрочем, и большинство мирового общественного мнения, – было полно надежд на перемены в сторону демократизации режима, на какую-то "весну" в Советской России. Все передавали различные слухи, – один отраднее другого. Теперь мы знаем, откуда эти слухи шли, – но тогда так хотелось верить, что недавние страдания были не напрасными, что верили все... или почти все.

И все мы убедились, что никаких "клейких весенних листочков" там не распускалось. Наоборот, оттуда дует таким холодным "сиверкой", что, кажется, сам сибирский полюс холода двинулся походом на разоренную и опустошенную Европу. Вот он то нас и подморозил, – и у подавляющего большинства русской эмиграции маятник настроений откачнулся в противоположную сторону: от радужных надежд к резкой непримиримости. По моим наблюдениям, теперешняя непримиримость даже более остра, чем непримиримость начала 1920-х годов. Во многом тому причиной влияние "новой эмиграции", которая поведала нам правду о всей жути теперешнего коммунистического строя.

К непримиримому большинству русской эмиграции надо отнести не только главное ядро русской интеллигенции, но и широкие массы трудовой эмиграции. Но у него до сих пор нет ни организационных центров, ни печатных органов, в которых могли бы быть сформулированы его настроения. В здешнем климате теперь держится только казенная пресса, – "Советский Патриот" и "Русские Новости", – которая у читателей вызывает больше презрения, чем интереса. Единственным свободным органом является "Свободный Голос", – небольшой журнал, издаваемый группой Мельгунова, Хераскова[361], Лазаревского и др. Своими разоблачениями этот журнал приводит в бешенство представителей

[361] Херасков Иван Михайлович (16.5.1878, Владимир – 18.11.1963, Париж; Старое кладб. в Нейр-сюр-Сен), историк, публицист, литературный критик, преподаватель. Окончил историко-филологический фак-т Московского ун-та. Участник революционного движения, член РСДРП. В 1907 г. арестован и сослан в Сибирь, откуда бежал. С 1908 г. – в Париже. В 1917 г. вернулся в Россию, но в 1921 г. опять эмигрировал. Жил в Париже. Давал частные уроки математики, латинского и русского языков. Читал лекции во Франко-русском ин-те (с 1926 г.). Участвовал в работе клубов «Свободная идеологическая трибуна», «Свободная мысль», Объединенном пореволюционном клубе (1935-37 гг.). Соредактор журнала «Борьба за Россию» (1926-31 гг.); сотрудничал в газетах «Дни» (1929-32 гг.), «Русская мысль», журналах «Новая Россия» (1937-38 гг.), «Современные записки», «Возрождение», «Новый журнал», «Российский демократ» и др. Выступал с лекциями в Кружке ревнителей православного государства (1938 г.), в Институте по изучению русской культуры XIX века (с 1950 г.). Член ревизионной комиссии Общества помощи русским эмигрантам (1950-е), член правления Союза русских писателей и журналистов (с 1955 г.), член парижской группы Союза борьбы за свободу России. Масон (10.2.1926 кандидат к посвящению, ложа Северная звезда) [327-6-3, с. 56-57; 414-3, с. 444; 434-IV, VIII; 452, с. 851].

казенной прессы, но у читателей пользуется успехом; первый номер, напечатанный в количестве 1500 экземпляров разошелся без остатка в течении 5-6 дней. Интересно, что его продавали около церкви на рю Дарю[362]. Покупали на расхват. Но продавцами были добровольцы из французской молодежи: русским это опасно...

Если о настроениях наших "непримиримых" судить пока трудно в виду отсутствия у них органов, – то правильно разобраться в настроениях "примирившихся" трудно в виду политического сумбура, который царит в этом лагере.

На крайне левом (если только это "левая" сторона) фланге стоит "Советский Патриот", – орган Союза Советских (раньше были "русскими") Патриотов. Вскоре после освобождения в эту организацию, помимо людей с подмоченной репутацией (о них "С<оциалистический> В<естник>» писал), пошло немало и искренних людей, движимых патриотическими настроениями. Число членов достигло 7 тысяч человек. Теперь искренних в Союзе не осталось. Число членов вообще упало до 300 человек (это точно!). Многие сами ушли; кое-кого изгнали... Остались только проходимцы, коммунисты да люди, делающие карьеру. От былого русского патриотизма в газете нет и следа. Приходить в восторг от советских маршалов, Кутузова и Александра Невского теперь запрещено: та старая «линия» вот-вот будет об'явлена "троцкистской интригой". Восторги необходимы, – "Сов<етский> Патриот" полон ими, – но только восторги перед Сталиным и партийным монолитом. Сверх того восторгаться разрешается только скромными доярками и свинарками... Трудно в таких условиях вести газету, чтобы ее читали. Но если за читателем не гнаться, то можно. На этой работе сидит проф. А. Марков, бывший сотрудник "Последних Новостей". В Париже его иначе не зовут, как "Марков Третий"[363]. Ему помогает престарелый журналист Руманов, два небольших поэта, несколько сероватых выдвиженцев. Это все. Никакой своей идеологии в газете нет, – и не будет.

Это – так сказать "экзальтисты безудержные". Они славят Сталина всегда и без всяких оговорок. Несколько особняком стоят «экзальтисты с оговорками». От первых они отличаются желанием "соблюдать приличия", т. е. они тоже готовы восторгаться, но настаивают на праве делать это по своему и все время держат в руке фиговый листочек. Не ошибусь, если скажу, что идеологически тон им всем задает Бердяев. Его статьи печатаются во всех прокоммунистических органах, – от "Советского Патриота" через "Русские Новости" до "Эпок Нувель"[364].

К этой группе "экзальтистов с оговорками" принадлежат многие младороссы, нарушившие свою старую присягу "легитимному" царю Владимиру Кирилловичу: говорят, теперь они мечтают о бонапартистской династии Сталина. Раньше они работали в "Сов<етском> Патриоте", – но теперь оттуда ушли (и С. Оболенский, и Величковский). Оболенский (не следует смешивать

---

[362] Речь идет о Св. Троицком кафедральном Александро-Невском соборе, 12, rue Daru, 8°.

[363] См. приложение 1.I.39.

[364] Журнал «Cahiers de la Nouvelle Epoque». Выходил в Париже с сентября по декабрь 1945 г. Вышло всего два номера (n° 1-2).

со старым демократом кн. В.А. Оболенским[365]) состоит постоянным служащим информационного бюро полпредства и поставляет в “Русские Новости” статьи наиболее холопские... Как группа, младороссы не существуют, – во всяком случае не выступают.

Более интересна другая группа умеренных экзальтистов, – т<ак> наз<ываемые> “фотиевцев”[366], о которых недавно были упоминания в “Соц<иалистическом> Вестнике”. Настоящим вождем их является не столько Лосский-сын[367], сколько священник Евграф Ковалевский[368]. К этому же лагерю относится

---

[365] Имеется ввиду князь Владимир Андреевич Оболенский (15.11.1869, СПб. – 12.6.1950, Бюсси-ан-От, деп. Йона; кладб. Борм-ле-Мимоза, деп. Вар), депутат I Государственной думы; председатель Петроградского комитета союза городов, член ЦК Партии народной свободы. Эмигрировал в 1920 г. через Константинополц во Францию. Жил в Бур-ля-Рен, под Парижем. Активный общественный деятель, журналист, мемуарист. Масон. Подробнее см. [104, с. 499; 414-2, с. 320-321; 434-IV, VIII; 452, с. 600-601].

[366] Имеется ввиду Братство Св. Фотия (Фотиевское братство). Территориально располагалось по адресу: 6, rue St-Louis-en-l’Ile, 4°.

[367] Лосский Владимир Николаевич (8.6.1903, Геттинген, Германия – 7.2.1958, Париж; кладб. SGdB), историк, богослов, церковный деятель. Учился в Петроградском ун-те на историческом фак-те. В 1922 г. вместе с семьей выслан и Советской России. Обосновался в Праге. Учился на философском фак-те Карлова ун-та. С 1924 г. – в Париже. Окончил историко-филологический фак-т Сорбонны (1927 г.). Слушал лекции в Коллеж де Франс. С 1928 член Братства Св. Фотия, в 1930-40 его руководитель. Один из основателей прихода Трехсвятительского подворья в Париже (Московский патриархат), где читал лекции по истории церкви (1931 г., 1934-36 гг.). Во время войны участвовал в Сопротивлении. В 1947-53 гг. профессор и декан Богословского ин-та Св. Дионисия, созданного в декабре 1944 г. по инициативе Братства Св. Фотия. Читал лекции, в т.ч. на Пастырских курсах при Экзархате Московской патриархии (1953-58 гг.). В 1956 г. по приглашению Московской патриархии совершил паломничество к православным святыням России [327-4, с. 219; 414-2, с. 84; 434-IV, VIII; 624, с. 228]. О многочисленной семье Лосских см. во всех этих источниках.

[368] Ковалевский Евграф Евграфович (епископ, о. Иоанн; 26.3/8.4.1905, СПб. – 30.1.1870, Париж, госпиталь Бон-Секур; кладб. Пер-Лашез), монах, религиозный деятель, богослов, художник. Эмигрировал с семьей во Францию в 1920 г. Жил в Ницце, затем в Париже. Окончил филологический фак-т Парижского ун-та и Богословский ин-т в Париже (1928 г.). Член-основатель Братства Св. Александра Невского (1921 г.) и Братства Св. Фотия (1925 г.). Художник; участвовал в выставках. Занимался церковной фреской и иконописью; расписал ряд церквей во Франции. Псаломщик православного французского прихода Св. Женевьевы в Париже (1928-31 гг.), помощник настоятеля храма (1937-38 гг.). В 1937 г. рукоположен в иереи. Настоятель французского прихода Св. Иринея в Париже (1938-70 гг.). Был мобилизован во французскую армию в 1939 г. В 1940-44 гг. находился в немецком плену, сначала в лагере Мюльберг в Саксонии, затем в лагере русских военнопленных Сталаг, который обслуживал духовно. В 1944 основал в Париже и возглавил французский Богословский ин-т Св. Дионисия. Протоиерей (1945 г.). Пострижен в монашество в 1964 г. Архимандрит (1964 г.). Хиротонисан во епископа Сен-Денисского в 1964 г. В 1966 г. самовольно отошел от Русской зарубежной церкви (РЗЦ). Был исключен из клира, лишен сана и отлучен от Церкви Архиерейским собором РЗЦ (1967 г.). Предстоятель самопровозглашенной Французской кафолической православно церкви (1967-70 гг.), которой, собственно, и положил основание. Член правления Содружества резервистов французской армии. Автор богословских трудов. [327-3, с. 86; 414-1, с. 630-631; 434-IV, VIII]. О многочисленной семье Ковалевских см. во всех этих источниках.

группа журнала "Эпок Нувель", выходящего на французском языке, но редактируемого русским (адмиралом Вердеревским). Политические настроения всех этих людей не вполне тождественны, – но все же у них у всех есть общие идейные позиции. Это прежде всего какое-то вульгаризированное нео-славянофильство. Им всем обще резкое отталкивание от Запада, презрительное отношение к гуманизму, враждебность к западным демократиям и пренебрежительное третирование всех коренных устоев европейской цивилизации. Особенно удивляться этому не приходится, ибо все эти три группировки прокоммунистического лагеря (младороссы, "фотиевцы" и группа "Эпок Нувель") вышли из определенно правых кругов, которые всегда были враждебны гуманизму и презирали Запад. У нас "особенная стать", особый "свет с Востока"... Вся разница в том, что вместо "православия, самодержавия и народности" они говорят о Сталине вместе с "православием и народностью". Так сказать Сталин в роли носителя "света с Востока".

Еще недавно среди этих групп стыдливых "экзальтистов" можно было различить два крыла. Так сказать свои "меньшевики" и "большевики". Первые, веря во вселенскую миссию Советской России для сокрушения "гнилого запада", в то же время мечтали о "национальном перерождении" коммунистической России и говорили о "ведущей роли советских маршалов"; их сердца умиляли звуки "Славься, славься" на Красной площади, вид маленьких "суворовцев", которые так похожи на былых кадет. Они по много раз ходили на фильм о московских парадах и бешенно аплодировали появлению на экране маршалов и на белых, и на черных, и даже на каурых конях. И твердо веря в национальный ренессанс, любили процитировать кстати и некстати что-нибудь из "Дневника" Достоевского или, – еще лучше, – из Константина Леонтьева; за то от идеи коммунистической революции "по заветам Ильича" они все кисло отворачивались, но находили смягчающие обстоятельства...

Такова позиция "меньшевиков" "экзальтизма"; что же касается до их "большевиков", то они под соусом мессианства и патриотизма приемлют «всю программу разом», вместе с этой самой "мировой коммунистической", – лишь бы "жила на всех морях и океанах Россия". Недавняя речь Сталина и весь внезапный крен советской внутренней и внешней политики явился водой на мельницу этих крайних "экзальтистов". Они отбросили в сторону фиговый листок и теперь ничем не отличаются от "безудержных экзальтистов".

На этом казенном и полу-казенном фоне самой интересной группой являются "фотиевцы". Духовным вождям, как сказано, являются Евграф Ковалевский и Лосский – (сын). Первый из них человек не только умный и энергичный, но и одаренный. Он основатель и вождь религиозного движения "православие западного обряда". Во Франции он живет давно и теперь развертывает весьма большую работу. Их церковная работа ведется не столько среди русских, сколько среди французов, как в Париже, так и в провинции. Имеется не мало французов, принявших православие, – в том числе и священники. Создано несколько приходов. Все "фотиевцы" "без лести преданы" советской власти и поддерживают постоянную связь с ее представителями. Для последних эти

люди – настоящая находка, и не напрасно митр. Николай[369], приехав в Париж, немедленно же посвятил их всех в соответствующий следующий духовный сан.

Подводя итог настроениям всех "экзальтистов с оговорками", надо сказать, что в их взглядах политическая реакционность и мракобесие самого вульгарного старого типа в каком-то причудливом и ядовитом букете сплетаются с самым откровенным сталинизмом. У тех же из них, кто не имеет "историософической" подготовки, политический багаж ограничивается англофобией ("англичанка гадит") и желанием, чтобы "наши, хоть и с красной тряпкой, да прошли бы по всей Европе" и показали последней, "где русские раки зимуют"! Это, так сказать, рядовые бердяевской армии...

Есть среди "экзальтистов" и еще одна группа, по своему происхождению совершенно отличная от всех предыдущих: это "экзальтисты", групирующиеся вокруг "Русских Новостей". Их "духовным вождем" является Ступницкий, пришедший в мир с Волковым одесную и с Михельсоном[370] ошую. Никаким славянофильством здесь, конечно, и не пахнет: все это – перевертни из демократического лагеря. Их задачей является тоже защита сталинской политики, но делают это они цитатами не из Леонтьева и Достоевского, а из Милюкова, растягивая его известную статью "и на выворот, и на шиворот". Правда, эта группа и ее издание имеет очень плохой прием в эмиграции. Воспринимается, как плохой маскарад. На страницах газеты печатается рука об руку с Бердяевым новоявленный коммунист Рощин (до войны один из наиболее старательных "молодцов на посылках" в "Возрождении" Гукасова[371], и теперь принятый во французскую компартию). В последнее время там появился С. Оболенский из информационного бюро полпредства, раз'яснивший Ступницкому

---

[369] Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский. См. о нем [410, с. 278] и приложение 1.I.46.

[370] Михельсон Александр Михайлович, см. выше.

[371] Гукасов (Гукасянц) Абрам Осипович (22.11.1872, Шуша Елизаветинской губ., Кавказ – 27.4.1969, Париж; кладб. в Женеве), нефтепромышленник, меценат, издатель. Окончил в Москве Лазаревский ин-т восточных языков; учился на физико-математическом фак-те Новороссийского ун-та в Одессе. С 1894 г. обучался в Лейпциге, доктор естественных наук (геология) и доктор философии. В России – председатель правления Нефтепромышленного и разведочного общества. В эмиграции – во Франции. В 1924 г. основал в Париже общество «Pétroles d'Outre-Mer». Занимался домостроительством в Париже, Каннах и др. Городах. Основатель и администратор газеты «Возрождение» (1925-40 гг.; с 1949 г. – журнал). Основатель типографии «Наварр». Член Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза (с 1925 г.); делегат Российского Зарубежного съезда в Париже (1926 г.); председатель правления Российского национального объединения. Глава фонда братьев Гукасовых (охрана языка и культурных ценностей армянского народа). Передал в дар Общекадетскому объединению во Франции 3000 томов библиотеки журнала «Возрождение». Его карикатурный портрет нарисовал в своих воспоминаниях Л. Любимов, получавший от него средства к существованию. Брат: Г. Павел Осипович (22.1.1858, Шуша Елизаветинской губ., Кавказ – 22.12.1937, Париж; кладб. Пер-Лажез), финансист, нефтепромышленник; сестра: Бегларян Сатеник Осиповна (1867-1954, Париж; кладб. Пер-Лажез), врач, общественный деятель. [104, с. 531; 285; 327-2, с. 264; 414-1, с. 128, 441; 434-IV, VIII]

"все прелести кнута" советской конституции. Но в обман газета уже никого не вводит, – и сотрудники из нее бегут. Среди писавших прежде в ней, а затем ушедших называют Нольде[372], Неманова[373], Мочульского[374], Кускову[375],

---

[372] См. о нем [410, с. 527-529] и приложение 1.I.47.

[373] Неманов Лев Моисеевич (14.4.1872 (12.2.1872?), Толочок Могилевской губ. – 20.8.1952, пригород Парижа), юрист, публицист, журналист. Обучался в Париже (на отделении классических языков в Сорбонне). Некотторое время жил в Нью-Йорке, работал в ресторанах, продавал газеты. Вернулся в Россию, окончил юридический фак-т Казанского ун-та. Работал в газетах «Наша жизнь», «Речь», «Биржевые ведомости» и др. После 1917 г. в эмиграции. Жил в Германии, где был соредактором берлинской газеты «Голос России»; член Союза русских писателей и поэтов в германии. Не позже 1923 г. перебрался в Париж. Сотрудничал в газетах «ПН», «Сегодня» (Рига), «Neue Zürcher Zeitung», «Times», «Paris-Soir», в журналах «Современные записки», «Русские записки». Участвовал в работе Российского Зарубежного съезда в Париже (1926 г.). Член республиканско-демократического объединения, Общества друзей еврейской культуры в Париже (1923 г.), Кружка русско-еврейской интеллигенции (с 1931 г.), Объединения русско-еврейской интеллигенции. Член правления Очага для евреев-беженцев в Париже. В годы Второй мировой войны участвовал в Сопротивлении, в 1947 г. награжден орденом Почетного легиона, медалью Сопротивления и Военным крестом. Некоторое время сотрудничал с «РН» (с 1945 г.). Автор книги «La russie et le problème de la paix» («Россия и проблема мира», 1945 г.). Оставил мемуары. [414-2, с. 266-267; 427; 434-IV, VIII].

[374] Мочульский Константин Васильевич (28.1/9.2.1892 г., Одесса – 21.3.1948 г., Камбо, деп. Атлантические Пиренеи), филолог, писатель, историк литературы, критик. Окончил историко-филологический фак-т Петербургского ун-та. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию; преподавал в Софийском ун-те. С 1922 г. – в Париже. Читал лекции в Русском народном ун-те (с 1922 г.), на историко-филологическом фак-те Парижского ун-та (1924-39 гг.); преподавал в Русской гимназии в Париже. Член Комитета Лиги борьбы с антисемитизмом в России (1923 г.). Участник литературных объединений «Зеленая лампа», «Кочевье», Союз молодых поэтов и писателей, Франко-русских собеседований и др. Деятельный участник РСХД. Член Центрального Пушкинского комитета в Париже (1935-37 гг.). Участник различных культурных программ и благотворительных мероприятий. В 1941 г. арестован; несколько месяцев провел в лагере Компьень. Выйдя, занимался помощью арестованным. В марте 1945 г. участвовал в работе учредительного собрания Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией, член его правления. В 1946 г. из-за обострения туберкулеза горла переехал в Фонтенбло, затем в Камбо в Пиренеях (в 1947 г. короткое врмя жил в Париже). Публиковался в журналах «Современные записки», «Числа», «Новый град», «Путь», «Вестник РСХД», «Русские записки», «La tribune juive» и др.; в газетах: «Дни», «Звено», «РН», «Россия и славянство», «ПН», «РМ» и др. Издал не менее 8 книг по литературоведению. [104, с. 535; 282-1, с. 269-272; 327-4, с. 658; 414-2, с. 225; 427; 433, с. 429-430; 434-IV, VIII].

[375] Кускова(-Прокопович) (урожд. Есипова; по первому мужу Ювеналиева) Екатерина Дмитриевна (23.11/5.12.1869, Уфа – 22.12.1958, Женева), публицист, политический и общественный деятель; жена С.Н. Прокоповича. Окончила в Москве акушерские курсы при Воспитательном доме; слушала лекции В. Ключевского в Московском ун-те; прослушала курс социальных наук в Брюссельском ун-те. С 1904 г. занималась журналистской работой. Член ЦК партии кадетов. После 1917 г. противник советской власти. В 1921 г. одна из организаторов и руководителей Комитета помощи голодающим в России; приговорена к расстрелу; сослана на Север. В 1922 г. вместе с мужем выслана за границу. Жила в Берлине, член Берлинского Союза русских писателей и журналистов. С 1924 г. – в Праге. Входила в Земгор, член советов Русского заграничного исторического архива и Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1922 и 1926 гг. в Париже

Прокоповича[376] и др. Из эмигрантов многие предпочитают покупать московскую "Правду", – чем "неудачное подражание правде" г. Ступницкого.

Очень настойчиво говорят, что на рю Гренель работой всех этих разновидностей «экзальтистов» крайне недовольны: результаты не соответствуют затратам... Оттуда всем делом руководит Александр Александрович Гузовский, первый (а не второй, как писалось в "Соц<иалистическом> Вестнике") секретарь полпредства и одновременно резидент НКВД для всей Франции по вопросам, связанным с эмиграцией. Его ближайшим помощником является некто Михайлов[377], начальник бюро печати полпредства, старый чекист из македонских комитажей (у него работает "младоросс" кн. С. Оболенский). Это они определяют "политику" всей печати, – Богомолов теперь почти под подозрением за "перегибы", которые им были допущены при игре в патриотизм[378].

... ов.» [381].

13. СВ, n°6(586), 21.6.1946 г., с. 158: «***СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. Протест французского правительства против действий НКВД во Франции***

В последнюю минуту нами получено нижеследующее сообщение из Парижа:

На днях министр внутр<енних> дел,, социалист Ле Трокер, имел разговор с советским полпредом Богомоловым.

выступала с докладами, участвовала в диспутах. В 1939 г. перебралась в Женеву. Сотрудничала в газетах «ПН», «Дни», «РН», «Новое русское слово», журналах «Воля России», «Современные записки», «НЖ» и др. Последние годы жизни провела в пансионе Бельмонт. Автор мемуаров. Масон (член петербургской ложи «Прокоповича»). [104, с. 534; 327-3, с. 655-656; 414-1, с. 790-791; 434-IV, VIII; 452, с. 449-450, 1145].

[376] Прокопович Сергей Николаевич (28.7.1871, Царское село – 4.4.1955, Женева). экономист, статистик, философ, публицист. Муж Е.Д. Кусковой. Окончил Брюссельский ун-т (1899 г.). Член Союза Освобождения и ЦК партии кадетов. Министр торговли и промышленности, а затем и продовольствия во Временном правительстве. В 1919-20 гг. декан юридического фак-та Московского ун-та, профессор. В 1921 г. арестован, приговорен к смертной казни, сослан на Север; в 1922 г. вместе с женой выслан за границу. Жил в Берлине. Один из основателей «Экономического вестника» (1923 г.). Организатор Русского экономического кабинета, затем Русского экономического ин-та в Берлине (декан его экономического отделения, 1923-24 гг.). С 1924 г. – в Праге, руководитель Экономического комитета, член Земгора, редактор «Русского экономического сборника» (1925-28 гг.). В 1922-26 в Париже выступал с докладами. С 1931 г. член Бирмингемского бюро изучения СССР. С 1939 г. жил в Швейцарии. Печатался в газетах «ПН», «Дни», «Новое русское слово». Автор более 10 книг по вопросам экономики. Масон (один из руководителей петербургской ложи «Прокоповича»; член бельгийской ложи). [104, с. 537; 327-6-1, с. 54; 414-2, с. 536-537; 434-IV; 452, с. 449-668-669, 1145].

[377] Михайлов Борис Данилович (псевд. Вильямс) (15.7.1895, Псков – не ранее 1946), агент Коминтерна. Учился в С.-Петербургском университете. Член РСДРП с 1913 г. Участвовал в Гражданской войне, в 1919-21 гг. последовательно член РВС 5-й, 9-й, 10-й и 11-й армий. В 1925 г. эмиссар Коминтерна в ФКП. С 1927 г. в Латинской Америке, затем – в США, представитель Коминтерна под именем Кар Уолл. В 1930-33 гг. возглавлял коммунистическое движение в Индии. В 1945 г. – в Париже; корреспондент газеты «Известия» [156, с. 337; 201].

[378] Ср. с приложением 4.17 (Франсуа).

Министр в самых решительных тонах обратил внимание полпреда на недопустимость действий агентов НКВД в Париже и, по всей территории Франции:

"Погоня по улицам Парижа, – приблизительно так говорил Ле Трокер, – за затравленными русскими людьми, избиения и насильственный увоз их, – все это глубоко возмущает наше общественное мнение и глубоко противно традициям и нравам французов. Это тем более недопустимо, что многие бывшие советские люди, являющиеся об'ектом травли, уже узаконили свое положение во Франции, получили документы, достойно живут и работают".

Далее министр выразил недоумение, почему вместо того, чтобы гоняться за бывшими советскими гражданами, которые не хотят ехать в Советский Союз, власти СССР не увозят на родину тех многочисленных эмигрантов, которые сами пылко выражают желание репатриироваться и уже давно подали об этом прошения в полпредство.

Богомолов, – прибавляет наш корреспондент, – не нашелся, что ответить французскому министру...

Н. Н.»

«"Охота за черепами" продолжается

...Охота за людьми продолжается. Так, 14 мая, около 3-х часов дня, в русский магазин на рю Изабей 16[379], приехало два советских агента в форме за покупками. Когда им завертывали отобранные продукты, мимо магазина прошел какой-то молодой, человек. С криками: "арестовать!" агенты бросились за ним. Молодой человек помчался к грузинскому ресторанчику, который находится вблизи; оттуда выскочил грузин-владелец. На улице началась борьба, во время которой молодой человек вырвался, вскочил в машину, которая принадлежала грузинам, и умчался. Во время погони агенты советские опрокинули и помяли ребенка-француза. Собралась большая толпа. Кто-то вызвал пожарных. Но несмотря на все негодование собравшихся, никакого акта о самочинных действиях чекистов составлено не было. – Скрывшийся молодой человек – грузин, офицер-танкист...

Дело "охоты за черепами" теперь организовано наново. Для этого создан специальный отряд, носящий название "опергруппы". Он подчинен непосредственно начальнику штаба миссии по репатриации майору Кузнецову и его помощнику, майору Березину. Имя непосредственного руководителя "опергруппы" установить не удалось; называют его "товарищ-начальник". "Опергруппа" состоит из двух отрядов: первый состоит из 60 человек советских, специально присланных; второй из 100 человек эмигрантов, навербованных в "Союзе патриотов"[380]. За выдачу каждого невозвращенца члены отряда получают премию в 5 тысяч франков на советский отряд и в 2-3 тысячи на отряд эмигрантский: иудина работа последних ценится дешевле... Набор эмигрантов в "опергруппу" происходит в особом помещении неподалеку от полпредства (дом 90 по рю Гренель). – Помимо "опергруппы" существуют отряды НКВД в форме – так называемые "комендантские команды" (на рю Изабей действовали члены одной из таких команд). В таковых числится человек сорок.

---

[379] Rue Isabey, 16°.
[380] См. приложения 4.10 и 4.18.

С запозданием приходят вести о похождениях «опергруппы» в провинции. Совершенно точно сообщают, что в Тионвилле[381], на кладбище, несколько месяцев тому назад на глазах французской полиции советские чекисты расстреляли двух русских. Это вызвало сильнейшее негодование у французской администрации и в результате решительных выступлений местных представителей последней разгулу чекистов в Лотарингии положен предел. Такие же резкие об'яснения были и в Париже, но, конечно, всего этого недостаточно. Основное зло – это секретный договор, который был подписан де Голлем в декабре 1944 г. года в Москве, предоставивший чекистам право самостоятельных операций на территории Франции...

Теперь говорят о распространении чекистских операций и на территорию Швейцарии, которая, как известно, признана Советским Союзом. Первым долгом туда отправлена особая комиссия под начальством упомянутого выше майора Березина. Он об'езжает лагеря, где имеется несколько сотен невозвращенцев. Официальная его миссия "уговорить" возвращаться. Как ведутся эти уговоры, можно судить по тому, что был уже целый ряд самоубийств... Швейцарские власти ведут себя заискивающе, – и от них приходится ждать самого худшего...

Самая последняя новость в чекистски-патриотической среде, это аудиенция, которой удостоены Одинец из Союза патриотов и Ступницкий из "Русских Новостей" у Молотова. Оба они теперь похваляются, что прием был очень милостивый. Молотов, якобы, обещал не право возвращения на родину, но выдачу советских паспортов членам Союза патриотов... В эмигрантских кругах острят, что это обещание вызвало в Союзе настоящую панику: многие боятся перемены паспортов, так как это может быть связано с неприятностями в случае ухудшения совето-французских отношений. А о таком ухудшении здесь много говорят...

Случайный.» [460].

14. СВ, n°12(592), 27.12.1946, с. 280-281; №3(595) и 4(596), 12.3 и 15.4.1947, с. 48-51 и 74-76: ***«СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. Лагерь Борегар*** **(Письмо из Франции)**

В нью-йоркской коммунистической печати появились сообщения "из Парижа", утверждающие, будто наши сведения об "охоте за черепами" в Париже и, вообще, во Франции оказались, "по проверке", неверными, и что в частности неверны сообщенные у нас сведения о советском концлагере Борегар.

Когда в свободной печати разоблачаются тайные махинации темных организаций и подпольных террористических групп, то неточности и ошибки в деталях всегда возможны и даже обычно неизбежны. Нам еще никто не показал, какие детали были искажены. Возможно, что мы и в деталях были точны. Но мы категорически настаиваем на полной достоверности существа наших сообщений. В частности, о лагере Борегар мы как-раз теперь получили печатаемую ниже корреспонденцию, которая сама за себя говорит. Мы ждем от наших

---

[381] По всей видимости, имеется ввиду город Tionville (он же Тьонвиль) в департаменте Moselle, являющийся частью региона Лотарингия. Находится в 31 километре на севере от Меца.

парижских корреспондентов дополнительных сведений на все эти темы, и поделимся с нашими читателями новым материалом, как только его получим. Не наша вина, что о вопиющих преступлениях, совершаемых советскими органами во Франции, французские граждане вынуждены писать "конспиративно"++, с предосторожностями, точно преступники они, а не советские палачи, нарушающие все законы и французские и человеческие.

Редакция.

В Париже, сразу же после освобождения, "Союз Советских Патриотов", до этого ничем особенно себя не проявивший в смысле помощи советским депортированным, стал проявлять кипучую и шумную деятельность. Был организован отдел "Помощи советским гражданам" с Г. Шибановым во главе. Советские Патриоты стали раз'езжать по Парижу и его окрестностям, собирая советских людей. Они заезжали к эмигрантам, прятавшим советских при немцах, и требовали, чтобы те немедленно следовали за ними. Первое время французы, считавшие, что Союз Сов<етских> Патриотов является официальным русским органом, со своей стороны направляли советских граждан на рю Галлиера. Все эти люди на автомобилях свозились в лагерь Борегар.

Находящийся в окрестностях Парижа лагерь Борегар был в свое время оборудован немцами для своих частей С.С. Он расположен в лесу, около дачного пригорода Вокрессон[382] и занимает обширную площадь, обнесенную проволочными заграждениями, с прекрасно оборудованными бараками, клубным залом, спортивными площадками, бассейном, «бункером» (бетонное бомбоубежище) и т.д.

С самого начала близость к Парижу в значительной мере способствовала материальному благоустройству лагеря. Эмигранты, общественные организации – русские и французские, привозили продовольствие и одежду в больших количествах. Всем хотелось помочь и дать возможность отдохнуть и притти в себя несчастным людям после пережитого ими кошмара в немецкой неволе. Весть о хорошо оборудованном лагере быстро разнеслась среди советских граждан и к концу октября, лагерь насчитывал уже больше 2.500 человек, прибывших из разных концов Франции.

Советские Патриоты продолжали принимать деятельное участие в организации и жизни лагеря, но как ни странно, советским они сразу же не пришлись по душе. Не понравился фальшиво-льстивый восторженный тон. Авторитетом они не пользовались, их не слушались, хотя они и изображали из себя представителей ожидавшихся властей. Часто можно было слышать: – "Ну, эти нам не указка, вот приедут наши власти, их и будем слушать".

Вскоре после открытия лагеря, в Борегар приехал капитан Иванов[383], человек лет 30-ти–35-ти, хромой на одну ногу. Он рассказывал про себя, что был в России начальником партизанского отряда, был ранен в ногу, взят в плен, каким-то чудесным образом не был расстрелян и попал во Францию с партией пленных партизан. Это был человек энергичный, с характером и безусловно

[382] Vaucresson. Коммуна ок. г. Севра в округе Версаля.

[383] Он как предположительный начальник лагеря на октябрь 1944 г. упоминается в [603, с. 89].

смелый. Он сразу же сошелся с Сов<етскими> Патриотами и не смотря на то, что в лагере уже были люди выше его чинами, стал организатором и начальником лагеря. Многие были недовольны его самозванным назначением, но так как у него действительно были организаторские способности, а в лагере в то время царил хаос, с его назначением временно примирились в ожидании властей.

Надо отдать Иванову справедливость, что организовать жизнь лагеря и заставить подчиниться дисциплине людей опьяненных от сознания обретенной свободы, было делом нелегким, и что он в сравнительно короткий срок достиг внешних результатов порядка и дисциплины. Эти результаты были безусловным достижением, в сравнении с тем, что творилось в других лагерях, и Борегар стал "показательным" лагерем, каковым и остался до конца своего официального существования Сборного Репатриационного Центра.

Еслиб <так!> Иванов был только строгим администратором н взыскательным начальником, русские люди, пронесшие через все страшные годы испытаний ничем непоколебимое чувство справедливости, примирились бы с его грубостью и жестокостью, почувствовали бы к нему уважение и признали бы его моральный авторитет. Многие в начале, рассказывая об его грубых выходках и диктаторских приемах, добавляли: – "Сейчас иначе нельзя, людей надо взять в руки". Но те же люди скоро убедились, что Иванов не был строг и жесток для их же пользы, а преследовал свои собственные цели и его не взлюбили в лагере, за исключением преданной ему кучки людей из его окружения, пользовавшихся его благами и милостями.

Одной из первых женщин, появившихся в Борегаре была некая Люся Пестова, женщина лет под 30, маленького роста, толстая, бесформенная как обрубок и исключительно уродливая. Так же, как и Иванов, она сразу же "вышла в люди" и стала руководительницей и начальницей женского отдела лагеря. Из ее рассказов следовало, что она героиня летчица, сбившая 80 вражеских самолетов и совершившая множество героических подвигов. Попала она в плен к немцам и была депортирована во Францию с женщинами-партизанками. В русском Париже, близком к кругам Сов<етских> Патриотов, стали ходить рассказы о "советской героине", ее чествовали и ее фотографии появились во французских газетах.

Ходила она в сапогах, во френче с погонами старшего лейтенанта, в папахе и с огромным револьвером в кобуре за поясом. Воинственное облачение Пестовой при ее фигуре, создавали действительно комический облик, возбуждавший шутки и смех всего лагеря. Она не могла произнести двух слов без сопровождения нецензурной бранью, приводившей в недоумение даже закоренелых и видавших виды людей.

Да и вообще, она не говорила, а хрипло выкрикивала свои приказания, разгуливая по всему лагерю и вмешиваясь в дела мужского отделения, нисколько ее не касавшиеся. Ее поведение стало настолько наглым (она отдавала приказы об арестах людей и даже офицеров), что добродушная насмешливость обитателей лагеря вскоре перешла во всеобщее негодование. Никто не хотел признавать за ней права отдавать бессмысленные приказания и терпеть ее грубые окрики, слишком живо напоминавшие немецкие методы, тем более, что с прибытием новых пансионерок в лагерь, стали узнаваться некоторые подробности

из прошлого "советской героини", совершенно не соответствующие ее собственной автобиографии. Она действительно попала во Францию с лагерем русских женщин партизанок, работавших в исключительно тяжелых условиях в окрестностях города Ле Мана[384], но была на особом привилегированном положении в качестве назначенной немцами "старшины надсмотрщицы", пользовалась покровительством и доверием немцев, ни в чем не нуждалась и была предметом ненависти своих соотечественниц, считавших ее немецкой ставленницей и предательницей.

Когда прошлое Пестовой стало известным в лагере, все возмутились тем, что она вместо того, чтобы понести должное наказание, продолжает командовать своими жертвами. На нее посыпались жалобы, подкрепленные свидетельскими показаниями и поступили требования об ее смещении и разборе дела. Но к этому времени Пестова была уже любовницей Иванова, открыто жила с ним и все протесты остались без последствий. Вступать же в открытый конфликт с Ивановым было опасно, и все надеялись, что ожидавшиеся со дня на день советские власти накажут преступников и восстановят справедливость. Тем временем Иванов и Пестова окружили себя группой людей, назначенных ими на командные и административные должности, подобрали охрану хорошо вооруженных людей и убрали тех, чья независимость и самостоятельность были им неудобны.

Убирать людей в Борегаре было делом не сложным. Вот один пример: в ноябре месяце 1944-го года, под вечер, в лагерь пришел молодой человек в американской форме, об'явивший о своем желании записаться в лагерь. Его пригласила ужинать к себе в барак советская семья, и из разговора выяснилось, что молодой человек – бывший студент, партизан, освобожденный Союзными войсками из партизанского лагеря на севере Франции. Далее, узнав, что капитан Иванов начальник лагеря, он с волнением стал расспрашивать о нем подробности. (В то время в лагере уже начали ходить слухи о прошлом Иванова; одни говорили, что он – бывший власовец, другие – что он работал с немцами и предавал своих русских, но никаких определенных данных для подтверждения этих слухов не было). По внешним признакам и хромой ноге, молодой человек, повидимому, узнал Иванова и на вопрос хозяев, знает ли он его и кто он, значительно ответил: "Иванова я хорошо знаю и всюду его ищу, да и он меня знает, только вряд ли он будет рад меня видеть". На все дальнейшие расспросы хозяев, он отделывался общими фразами, намеками вроде того, что не место Иванову командовать лагерем освобожденных советских граждан и что скоро все узнают, кто он. Настроение его резко изменилось, он отказался дальше пить, стал сумрачным, вытащил револьвер, осмотрел его и вскоре попросил показать ему, где живет Иванов. Хозяин вышел с ним из барака, издали указал ему на дом Иванова и остался наблюдать в стороне. Молодой человек подошел к дому и заговорил со стражей. Вызванный одним из часовых, Иванов вышел на крыльцо и как только увидел посетителя крикнул: – "Арестовать". На молодого человека набросилась стража и несмотря на его сопротивление втащила его в дом, откуда раздалось несколько выстрелов. Молодой человек бесследно исчез. Было известно только, что на рассвете в лесу копали могилу.

---

[384] Видимо, Le Mans, город в деп. Sarthe, к юго-западу от Парижа.

А вот и другой характерный факт самосуда, произошел он в Борегаре, но аналогичные случаи бывали и в других лагерях:

На остров Джерзей[385], в конце 1942-го года было привезено около 3.000 депортированных русских. (Рассказать об их жизни и обо всем том, что им пришлось перенести, было бы слишком долго и составило бы сюжет отдельного очерка). Среди русских на остр<ове> Джерзей, печальную известность приобрел лейтенант Николай Титаренко, коммунист из Частей Особого Назначения. Это была в полном смысле слова жуткая личность. Небольшого роста, крепко сложенный брюнет с стальными зубами и холодными серо-зелеными глазами. Он очень быстро сошелся с немецким начальством, был назначен старшиной, на работу не ходил, был хорошо одет и имел деньги. Всех этих жизненных благ он достиг за счет своих несчастных, раздетых, голодающих и измученных морально и физически соотечественников. Он был доносчиком, провокатором и организовал целую сеть шпионажа, окружив себя группой беспринципных людей, пользовавшихся его покровительством. Остальных он держал в терроре, заставляя мальчиков лет 14-ти, 15-ти воровать для него у местного населения. Тех, кто ему не подчинялся, он или жестоко избивал сам, или передавал на немецкую расправу, как "опасный" – для лагеря элемент. Его акции у немецкого начальства стояли настолько высоко, что его побаивались даже некоторые немецкие солдаты из охраны, проявлявшие к русским человеческие чувства. Несколько раз с Титаренко пробовали расправиться, но это не удавалось, так как, несмотря на единодушную лютую ненависть всех русских, он был слишком полезным для немцев человеком.

После освобождения Титаренко вдруг появился в Борегаре. Его узнали, сообщили о нем Иванову, требовали его ареста, угрожали его убить, но он не только продолжал разгуливать по лагерю (хотя и вооруженный до зубов и в сопровождении вооруженных личностей), но получил назначение на командную должность. Когда об этом узнали те, кто его знали по Джерзей, то несмотря на вооруженных телохранителей, толпа бросилась на него и на площади Борегара произошла дикая сцена самосуда. Прибежал Иванов со своей охраной и израненного и окровавленного Титаренко высвободили и отнесли в сан-часть, где ему была оказана медицинская помощь. Но перед сан-частью собралась угрожающая толпа, способная снести барак, и по приказанию Иванова, Титаренко отнесли в бункер, у входа которого была поставлена стража с приказом стрелять. Иванов по поводу случившегося снесся с только что прибывшими представителями посольства (Миссия еще не приехала), но какие директивы им были получены – неизвестно. На следующий день в лагере было официально сообщено, что Титаренко ночью умер и похоронен в лесу. Но в лагере узнали от свидетелей, дежуривших неподалеку от бункера (из опасения, что Титаренко потихонько ночью увезут), что ночью к Титаренко вошел Иванов и вспрыснул ему смертельную дозу яда (об этом факте узнали от стражи и из сан-части). Разговоров по этому поводу в лагере было много. Хотя

---

[385] Джерси (Jersey), остров под британской юрисдикцией у берегов Нормандии. Находился под немецкой оккупацией с 1 июля 1940 г. и до конца войны.

большинство в принципе и высказывалось против самосуда, но у Титаренко было на совести много загубленных русских жизней и стихийная расправа была отчасти объяснима и особенно не осуждалась. Но зато большинство считало, что уж если Титаренко был не добит и во время спасен, его надо было судить как преступника и изменника родине по закону, а не приканчивать ночью, во избежание лишних хлопот.[386]

(Окончание следует).

(Продолжение)

В лагерь прибывали все новые люди; вскоре их негде было помещать и был открыт второй лагерь – отделение Борегара на севере от Парижа в Монеу[387]. Туда отправляли, главным образом, женщин, детей и больных. Дирекция нового лагеря была подобрана из окружения Иванова и вскоре стала действовать по примеру и методам, введенным Ивановым в Борегаре.

Внешне Борегар производил в то время впечатление образцового лагеря: чистота, порядок, караульная охрана, санитарная часть, отделение для родильниц, швейные, починочные и сапожные мастерские, кружки самодеятельности, стен-газета, курсы политграмоты, хор, артистическая труппа и т. д. ... Мужское население было разделено по взводам и проходило курсы военного обучения и строевых занятий. В свободное время разрешалось выходить из лагеря, но вскоре в виду массовых выходов и длительных отсутствий была учреждена система пропусков с указанием срока отпуска за подписью начальства. С течением времени пропуски эти стали выдаваться с затруднениями, но те из обитателей лагеря, которые уже успели обзавестись деньгами, подкупали начальство, а предприимчивая группа организовала весьма доходное дело. Были заказаны бланки, соответствующие печати, и пропуска за подложной подписью начальства продавались но определенному тарифу. Срок отпуска покупатель обыкновенно проставлял уже сам перед возвращением в лагерь.

В женском отделении лагеря Пестова также ввела строевое учение и курсы военной подготовки, что вызвало большое недовольство и бурные протесты.

Женщины часами стояли в строю и маршировали по окрестностям Борегара, к великому удивлению и потехе французов.

Несмотря на эти занятия, у всех оставалось много свободного времени. Вначале люди приходили в себя, отдыхали, знакомились с Парижем, но вскоре стали тяготиться бездельем. Многие выражали желание работать, другие

---

[386] Из этого довольно подробного описания очевидна некоторая неточность записи у Н. Толстого, которому этот рассказ, по всей видимости, не был известен и который в этом вопросе был вынужден пользоваться другими, быть может, менее основательными источниками: «Лагерь Боригар в течение нескольких месяцев управлялся двумя пленными, Ивановым и Титаренко, которые ранее тесно сотрудничали с немцами, но в лагере пользовались покровительством НКВД. В данном случае, как и в ряде других, смена хозяина прошла безболезненно. Но в конце мая 1945 года охрана внезапно ужесточилась» [512, гл.16; 675, с. 306]. Но, как видим, косвенно эти тексты подтверждают друг друга, в т.ч. и указание на май 1945 г., как на время смены режима (см. далее).

[387] Возможно, что сделана опечатка, и речь идет о Мо (Meaux) в департаменте Seine-et-Marne, на северо-востоке от Парижа, где находился один из репатриационных советский лагерей [603, с. 72-73].

учиться; в особенности сильная тяга к учению была у молодежи; она потеряла несколько лет за время войны и стремилась наверстать потерянное. Было подано большое количество прошений о разрешении временного поступления во французские учебные заведения и технические школы. До приезда советских репатриационных властей вопрос этот оставался открытым, а по приезде их было строжайше запрещено и учиться и работать.

Большинство являлось в лагерь в растерзанном виде – как вышли из немецкой неволи хотелось одеться и приобрести "европейский" облик. Запрещение работать возмущало и раздражало всех тем более, что хотя в лагерь и привозилось большое количество одежды, но раздачей заведывали ставленники Иванова. "Свои" люди получали по несколько костюмов и сразу же "загоняли" их в Париже, а остальные оставались ни с чем. Кое-кого одели эмигранты, некоторые ходили и получали одежду во французских организациях помощи депортированным и бывшим партизанам. А менее изворотливые продолжали ходить в таком виде, что стыдились выйти из лагеря.

С наступлением зимы 1944-го года особенно остро почувствовался недостаток теплой одежды. Предложения работать сыпались отовсюду; был большой спрос на сельские работы из-за недостачи французского мужского населения. Бывшие крестьяне-колхозники стремились попасть на фермы, где хорошо платили и кормили. В лагерь поступали предложения поставить дело на официальную ногу и отпускать на работы на определенный срок и на определенных условиях. Американские власти, очень нуждавшиеся в рабочей силе, также предлагали откомандировать в их распоряжение некоторое количество людей, со своим русским начальством, на очень выгодных условиях. Вопрос ставился в плоскости общей работы союзников для ведения общей борьбы против врага. Работы должны были производиться в окрестностях Парижа; людей либо отвозили бы и привозили на грузовиках, либо предоставили бы им помещения на месте работы. Попасть на работу к американцам, получать американские пайки, курево (которого так не хватало), обмундирование и хорошую зарплату – было мечтой каждого.

Казалось бы что при таких условиях могло быть предосудительного в разрешении людям работать и зарабатывать, а не оставлять их в разлагающей обстановке безделья, уже не говоря о помощи союзникам. Но все такие предложения к полному недоумению французских и американских властей систематически отклонялись. Тех же "счастливчиков", которым удалось одиночками или группами устроиться на фермах или работать у американцев, "выуживали" в официальном или неофициальном порядке, и с головомойкой водворяли в лагеря. Один эмигрант, зашедший по делу к Гузовскому, был свидетелем того, как советский офицер из тех, что ездили и собирали людей по провинции, сообщил Гузовскому, что он нашел 6 советских граждан, работавших на американском пункте. На его предложение бросить работу и следовать за ним, рабочие отказались, а американский офицер попросил показать полномочия и об'явил, что эти люди свободны, нанялись к ним работать на нормальных условиях, и приказать им уходить он не имеет никаких оснований без официального на то требования со стороны советских властей. Гузовский, не стесняясь

присутствием свидетеля и не сдерживая раздражения, стал ругать союзников и кричать: "мы у этих толстопузых всех выудим, ни одного им не оставим!".

Таких случаев, когда – во время наступления американской армии – прятавшиеся и освобожденные советские депортированные следовали за военными частями и пристраивались на работу, было очень много. Несмотря на все просьбы разрешить этим рабочим остаться хотя-бы временно, американцам приходилось, – часто к их большому сожалению, – соглашаться на требования советских властей и отпускать полезных им людей.

Впрочем, как-то раз было сделано исключение, в дальнейшем окончательно подтвердившее советское решение не допускать контакта с "капиталистическим" миром. Американцам, стоявшим в окрестностях Борегара, экстренно потребовалась на время рабочая сила. Американский представитель, приехавший в лагерь, поставил вопрос на идеологическую платформу "общей борьбы"; отказать было невозможно тем более, что из грузовика, привезшего американца, стали выгружать ящики с продуктами в виде подношения от "союзников". Выли вызваны добровольцы, но их оказалось так много, что пришлось сделать отбор, и 100 "счастливцев" в сопровождении советского офицера уехали, провожаемые завистью товарищей.

"Подарки" оказались замечательными сгущенное молоко, шоколад и т.д. и в больших количествах. Но все это добро – "по усам текло, а в рот не попало", и как многие другие подношения было отнесено в склад, никогда не было роздано и явилось доходной статьей для начальства, спустившего этот дефицитный товар на черной бирже.

В следующую субботу часть командированных вернулась в лагерь на воскресную побывку. Приехали веселые, довольные, в прекрасном американском обмундировании, с карманами полными папирос и мешками с угощением для товарищей. С момента приезда и до от'езда на следующий вечер их обступала толпа с распросами. Рассказы о замечательном пайке, хорошей оплате, не тяжелой работе и прекрасном отношении возбуждали удивление и зависть, а также и озлобление против начальства, не позволявшего устроиться таким же образом.

Ясно, что никакая анти-союзническая пропаганда – уже в то время проводимая политруком на политзанятиях – не могла противостоять столь наглядным доказательствам. А потому такие командировки в дальнейшем не возобновлялись.

В лагере-же пошли слухи о нахлобучке, полученной Ивановым "свыше" за разрешение командировки.

*
* *

Почти одновременно с Борегаром в Париже был организован сборный пункт в бывших французских казармах Рейли. Этот пункт сразу принял более воинский вид. Женщин, кроме обслуживающего персонала, не принимали, пожилых и больных направляли дальше, а из молодых было сформировано несколько рот.

Комендантом Рейли стал некий капитан Степан Ганночко, приобревший впоследствии печальную известность в Париже. Еще во время немецкой оккупации одна эмигрантская семья получала письма от Ганночко, находившегося

в лагере депортированных под Шербургом. В то время эмигранты, переписывавшиеся и посылавшие посылки в лагеря, получали бесконечное количество писем от товарищей тех, которым удалось завести связи и получать поддержку. Письма Ганночко, довольно безграмотные, резко отличались от других получаемых писем. Повидимому, в надежде подольститься к "белым" эмигрантам он клеймил и чернил советский режим языком официальной немецкой пропаганды "иудо-большевистская власть", "жиды, погубившие родину" и повествовал о своих неисчислимых страданиях на родине.

Появление Ганночко на командной должности, хотя бы и самочинно, многих удивило. Вскоре после своего приезда он поехал в Борегар к Иванову, но там оказалось некоторое количество его товарищей по плену. На него набросилась раз'яренная группа людей, в него стреляли и только благодаря энергичному вмешательству Иванова с его вооруженной охраной Ганночко удалось вскочить в автомобиль и выбраться из лагеря. Оказалось, что в немецких лагерях под Шербургом он был человеком небезызвестным: немцы считали его своим, назначали надсмотрщиком над лагерниками. Сам он никогда не работал, доносил на своих и возбуждал такое озлобление, что во избежание эксцессов немцам приходилось его переводить из лагеря в лагерь. Выяснилось также, что прежде он был работником Н.К.В.Д.

Больше в Борегаре Ганночко не появлялся, а всех, прибывающих из района Шербурга, направляли или в Борегар или другие пункты. Несмотря на это, он никогда и нигде, даже в самом Рейли, один, без сопровождения вооруженной шайки "преданных" и верных элементов, не появлялся. В начале все были убеждены, что по приезде из Москвы власти с Ганночко расправятся, но он очень скоро оказался в большом фаворе у советской миссии (хотя миссии неоднократно сообщалось о его поведении у немцев) и по окончании войны (1945 г.), когда началась репатриация, Ганночко явился одним из главных организаторов и руководителей сети агентов Н.К.В.Д., выявлявших советских граждан, не стремившихся возвращаться на родину и прятавшихся у эмигрантов. Ганночко со своей бандой нередко сам производил аресты на дому и хватал людей прямо на улице.

За время командования в Рейли Ганночко не пренебрегал и устройством своих личных дел. Черная биржа, продажа части лагерного пайка и многие другие темные дела и комбинации, производимые с "Советскими Патриотами" и группой французов коммунистического толка, позволяли ему и его "опричине", с которой он, кстати сказать, щедро делился, обладать весьма крупными суммами. Это не было секретом не только для обитателей казарм Рейли, но и для французских кругов, весьма интересовавшихся личностью Ганночко и хорошо осведомленных об его разнообразной деятельности.

Русским была отведена всего лишь небольшая часть громадных казарм Рейли, комендантом которых был француз из "Маки" член французской коммунистической партии и командир части Ф.Т.П. («Франк Тирэр е Партизан» – в переводе Вольные Стрелки и Партизаны)[388], известных своими прокоммунистическими настроениями и безобразиями, чинимыми до и после освобождения

---

[388] Francs-Tireurs et Partisans.

Франции под покровом "Резистанс". Ф.Т.П. фактически не подчинялись французским военным властям, а "самоуправлялись" и бесчинствовали.

Рейли, предназначавшийся быть сборным пунктом для освобожденных депортированных иностранцев, превратился в коммунистический интернациональный центр. Были там не только союзники, но и враги. Так, например, еще до конца войны, стали прибывать, каким-то образом освобожденные из лагерей для военнопленных, немцы-коммунисты. Они проходили специальную подготовку и тайным образом уезжали, заменяемые новыми. Все это, конечно, держалось в тайне даже внутри Рейли, но некоторые русские беседовали с немцами. Эти последние предполагая, что их собеседники – советские офицеры и не могут не быть убежденными "Сталинцами", рассказывали, как их готовят для парашютной службы, политической работы и анти-союзнической пропаганды. Насколько активно было участие советских властей, с точностью определить нельзя, известно лишь, что из советской миссии регулярно наезжал человек в штатском, которого Ганночко сопровождал в немецкое отделение казарм. Официально о существовании этой немецкой группы французские власти не знали, но французские анти-коммунистические круги интересовались и следили за коммунистической кухней в Рейли, доступ в который строго охранялся часовыми. Французские военные власти долго и безуспешно просили о возвращении им казарм Рейли, нужных Министерству пленных и депортированных для организации приемного пункта для французских военно-пленных, ожидавшихся с приближавшимся концом войны. Наконец, в мае 1945 года советские части были переведены в Мо[389] (вблизи Парижа). Но часть русского отделения продолжала оставаться в распоряжении Ганночко и его "опер-групп", свозивших в специально-оборудованное арестантское помещение вылавливаемых советских граждан. В течении всего лета 1945 года и до официального конца репатриации, глубокой осенью, тюрьма Рейли была битком набита заключенными.

В один прекрасный день Ганночко из Парижа исчез (в кругах советских невозвращенцев ходило много слухов и о том, что он сбежал, и о том, что его назначили на другую ответственную работу в связи с французской коммунистической партией во Франции).

*

* *

После приезда осенью 1944 года советских властей и известного всем посещения Борегара Богомоловым с его произведшей удручающее впечатление речью, бодрое настроение обитателей лагеря стало падать. Никаких ожидаемых реформ внутри лагеря не произошло, а положение Иванова и его приспешников укрепилось.

Контакт с "властью из Москвы" разрушал надежды и иллюзии даже самых доверчивых, поверивших – за годы отсутствия и пленения – в эволюцию режима и эру новой свободной жизни. А вера была большая, и патриотический под'ем и любовь к родине были так велики, что даже те, кому особенно тяжело

---

[389] Meaux, деп. Seine-et-Marne.

жилось в России, готовы были простить и забыть старое во имя побед и надежд на будущее.

Хотя власти в начале, чтобы не запугать людей и заманить наибольшое количество людей в лагери добровольно, и проявляли сравнительную мягкость обращения, но советских людей обмануть не легко, и они в большинстве понимали, иногда по намекам, по прорывающимся в раздражении "словечкам", что "милостивое" отношение является тактической уловкой – до поры, до времени. "Родина-мать ждет всех своих детей – и правых и виноватых". Всем власовцам обещалось прощение и миссия систематически отказывалась разбирать дела явных предателей, на которых подавались жалобы с подписями и доказательствами. "Во всем разберутся на месте, каждый получит по заслугам".

Советской миссии с самого начала было известно, что многие совграждане не идут в лагеря и ищут путей, чтобы начать новую жизнь заграницей (часто из среды интеллигенции, более ясно отдававшей себе отчет в своем положении). Ни о какой репатриации в большом масштабе не могло быть и речи до конца войны. Важно было также не давать иностранцам вообще и французам в частности (в виду их увлечения Советским Союзом и роста коммунистических настроений) поводов предполагать, что советские граждане могут не стремиться на родину. Всеми этими соображениями и руководствовались представители Москвы в своей политике "мягкости и привлечения" в первые месяцы после освобождения Франции.

Но, повидимому, привычка – вторая натура, и маска "отеческой ласки и справедливости" то и дело спадала, показывая настоящее лицо – жестокое, беспощадное и такое знакомое советским людям, что ошибиться они не могли. Было в высшей степени поразительно, что, при всей, до мельчайших подробностей разработанной, системе лжи и опутывания людей, представители советской власти срывались и допускали грубейшие по своей примитивности и непростительные с их точки зрения психологические ошибки и промахи в выполнении заданий. Если судить по подбору людей и их деятельности во Франции, то невольно приходишь к выводу, что в умных и способных исполнителях у советской власти большой недохват. И, действительно, у "москвичей" (как их со временем прозвали побывавшие в немецком плену) были все карты в руках и, судя по настроению масс ко времени их прибытия, им сравнительно легко было бы провести "кампанию репатриации" и лишний раз обмануть исстрадавшихся в неволе людей, окрыленных близостью победы и больше всего жаждавших вернуться на родину, к близким.

Но покровительство Ивановым, Ганночко и им подобным, совершенно непозволительные для человеческого достоинства и ничем не оправдываемые грубые выходки Гузовского и членов советской миссии и еле скрытые угрозы, то и дело прорывающееся оскорбительно – презрительное отношение подчеркивающее, что все прошедшие через немецкий плен и депортацию по существу никто иные как предатели, которым нужно как-то "оправдаться", что-то "искупить", уже не говоря о произволе и вопиющих несправедливостях в управлении лагерями и введении системы слежки и доносов, – постепенно открывали глаза даже тем, кто вопреки очевидности еще цеплялись за свои иллюзии.

У пишущего эти строки не мало примеров из личных встреч с советскими людьми – особенно среди молодежи – прошедшими за короткий срок, всего лишь в несколько месяцев, все этапы внутренней эволюции, начиная от веры в обновление, постепенно переходящей в сомнения, разочарование, негодование и, наконец, кончая полным отвержением советской системы и решением стать на путь невозвращения. Один за другим встают образы способных, а подчас и талантливых, с жертвенным порывом любящих свою родину молодых людей, безвременно погибших либо во французских застенках НКВД, либо уже в России.

Как жестоко ошибались многие наивные эмигранты, вереницей тянувшиеся в Борегар, чтобы из встреч с людьми "оттуда" узнать, наконец, правду о Советской России. Они приходили в восторг и умиление от контакта с кипящей энергией и динамичной молодежью, от активных проявлений в жизни лагеря: концерты, клубы, самодеятельность, не подозревая того, что в советской атмосфере лагеря советские граждане не могли не отвечать на их расспросы иначе, как стереотипными фразами о "великих достижениях", о том, как молодым у них везде дорога и т.д. Они не подозревали также, как в частных беседах, в атмосфере доверия, те же люди говорили совершенно противоположное и посмеивались, иногда добродушно, а иногда и зло, над наивностью и легковерием эмигрантов.

(Окончание следует)

(Окончание)

Наступила весна 1945 года. Близился конец войны. Обитатели Борегара с волнением и гордостью следили за молниеносным наступлением Красной Армии. Не сходили с уст имена маршалов, ведущих армию к победе, и на них, в особенности на Жукова, возлагались большие надежды. Многим казалось и верилось, что победительнице армии и ее вождям суждено будет сыграть решающую роль в повороте внутренней политики советского строя.

Но советскими людьми приближающийся конец войны воспринимался с некоторой двойственностью, и эмигрантами, в то время близко соприкасавшимися с ними, все яснее ощущалась их наростающая тровога. Перед каждым из них невольно вставал вопрос: "какова же будет моя судьба" – и неминуемость надвигающегося кризиса в личной жизни отравляла им радость победы.

В Париже стояли чудные, весенние дни, и чувствовалось у обитателей лагеря напряженное желание безудержно, до конца использовать выпавшую на их долю передышку. Антагонизм к власти начинал к тому времени принимать уже явные формы неповиновения и нескрываемой вражды. Наиболее смелые, пренебрегая риском быть подслушанными шныряющими всюду доносчиками, открыто критиковали режим, проводя параллели между жизнью в Европе и в Сов<етском> Союзе. Особенно не щадили Сталина; на нем, по мнению молодежи, лежала главная ответственность за создавшиеся невыносимые условия жизни и страдания народа; ему противопоставляли Ленина и его период "нэпа".

По вечерам обладатели радио-приемников – а таких было не мало – слушали передачи власовского движения. В начале принимались кое-какие меры предосторожности, но вскоре весть о передачах облетела весь лагерь, и в ночной

тишине, из открытых окон бараков разносились призывы к борьбе с ненавистной властью. Люди, не скрываясь, собирались в бараках и под окнами, с напряженным вниманием слушая, а затем обсуждая услышанное.

У некоторых обитателей лагеря появились крупные суммы денег, тратившиеся с необыкновенной быстротой и легкостью, – все равно с собой не увезешь, – главным образом на выпивку и на кутежи. Некоторые приоделись, но особенным, ни с чем не сравнимым успехом пользовались часы. Нередко можно было встретить счастливых обладателей целых коллекций разнообразнейших часов, которые они с гордостью демонстрировали, засучив рукав выше локтя.

Для добывания средств были открыты и широко использованы методы, достойные изобретательного ума предприимчивого героя “Двенадцати стульев” Остапа Бендера.

Депортированные русские, находившиеся во время оккупации в ведении организации Тодт, часто предоставлялись ею в распоряжение немецких фирм, выполнявших соорудительные работы во Франции. Кроме русских и поляков, находившихся на положении рабов, у организации Тодт было еще большое количество рабочих других национальностей, получавших более или менее нормальные ставки. Фирмы рассчитывались за рабочий труд с организацией Тодт, у которой таким образом за время оккупации набрались колоссальные суммы, причитавшиеся русским.

Какого рода соглашения произошли по этому поводу с французским правительством после освобождения Франции, пишущему эти строки неизвестно, но русские депортированные, сохранившие рабочие карточки организации Тодт, имели право на получение денежной компенсации, исчисляемой в зависимости от отмеченных на рабочей книжке сроков работы. Кроме того, советские граждане, бежавшие от немцев еще во время оккупации и участвовавшие в вооруженной борьбе с оккупантами в рядах «резистанс», также имели право на получение пособий, выдаваемых предъявителям удостоверений за подписью командиров партизанских отрядов. Обладатели тех или других документов могли, таким образом, вполне законно рассчитывать на получение небольших сумм.

Но таких обладателей оказывалось сравнительно не так много. Тодтовские документы мало кто сохранил, а среди участников «резистанса» некоторые действовали самостоятельными русскими группами, а другие по беспечности своевременно не позаботились получить удостоверения.

Вот тут-то некоторые представители лагерного начальства, – в дальнейшем их примеру последовали и другие, – начали составлять длиннейшие списки кандидатов на получение пособий. К спискам прилагались подложные, тут-же в лагере сфабрикованные удостоверения и трудовые карточки с печатями, на основании которых французские банки и учреждения выплачивали огромные суммы. Операции эти производились настолько успешно, что вскоре начали составляться списки с вымышленными уже фамилиями. И лишь по истечении некоторого срока, позволившего изобретателям нажить целые состояния, французские власти, сообразив в чем дело, отдали распоряжение прекратить выплаты. Небольшое количество законных обладателей удостоверений, отобранных у них предприимчивыми организаторами, в конечном итоге получили лишь малую

долю причитавшихся им денег. Остальные же деньги были по постановлению того же начальства «добровольно» пожертвованы советскому правительству и переданы советской миссии.

Из вышеуказанного было бы ошибочным заключать, что подобные факты были явлением общего характера в среде советских граждан. За исключением лагерного начальства с его окружением и некоторых групп с авантюристскими наклонностями, шумно соривших деньгами и безобразным своим поведением вызывавших отрицательное отношение к русским среди французов, масса обитателей лагеря продолжала жить в сравнительной нужде, с возмущением наблюдая, как часть предназначавшихся им пайков, одежды и денег исчезала из лагеря. Главное недовольство и негодование вызывали не недостатки лагерного существования, – его по сравнению с тем, что пришлось перенести, считали вполне сносным, – а вопиющей несправедливостью и безнаказанностью власть имущих. Так, например, каждый раз из получаемых от французского правительства ежемесячных субсидий, выдаваемых на руки (об этом говорилось в первой части письма), начальство часть их, по своему усмотрению, удерживало на «добровольные» пожертвования, а в марте или апреле 1945 года об'явило, что в виду того, что обитатели лагеря находятся в неизмеримо лучших условиях, чем их соотечественники на родине, и не принимают участия в борьбе с врагом, все причитающиеся им деньги должны быть пожертвованы на постройку новых аэропланов. Для большинства обитателей лагеря деньги эти являлись единственным источником карманных денег – на поездки в Париж и другие мелкие расходы. И несмотря на это, из разговоров по этому поводу можно утверждать, что многие с радостью отдавали-бы все, что у них было, еслиб жертвы эти носили подлинно добровольный характер, и еслиб у них была уверенность в том, что деньги дойдут до своего назначения на родине.

*
* *

С приближением конца войны антисоюзническая пропаганда в лагере усилилась. Назначенный Ивановым на должность политрука лейтенант Коваленко, мало грамотный и некультурный украинец, каждый день на политзанятиях отрывисто выкрикивал всем столь знакомые стереотипные фразы советской политической терминологии, пересыпая их бранью и угрозами по адресу «толстопузых» союзников и тех советских граждан, которые, поддавшись «капиталистическим» соблазнам, рисковали попасть в сети «враждебного окружения». Из речей Коваленко, над которыми все решительно смеялись, следовало, что союзники только о том и помышляют, как бы завлечь побольше советских граждан для использования их в своих темных и враждебных Советскому Союзу замыслах. Особенно ярко это враждебное отношение к союзникам выразилось в момент конца войны. Как известно, в Советском Союзе он был об'явлен несколько позже, чем в Европе и Америке, и поэтому в то время, когда все население Парижа высыпало на улицы во всеобщем ликовании, русским было заявлено: "нечего нам праздновать с союзниками победу, для нас она еще не наступила и наступит только тогда, когда это будет об'явлено из Москвы".

*
* *

В мае месяце из Борегара уехали Иванов и Пестова. Заместителем Иванова Советская миссия назначила старшего лейтенанта Козакова из окружения Иванова. Последний с Пестовой покинули лагерь ночью на автомобиле, нагруженном большим количеством вещей. В виду некоторой таинственности, сопровождавшей их от'езд, в лагере ходили слухи об их бегстве. Все знали, какие громадные деньги были нажиты Ивановым за время управления лагерем. Пестова же неоднократно показывала и хвалилась приобретенными драгоценностями. Поэтому, многие были убеждены, что Иванов приготовил себе где-нибудь во Франции укромное местечко. Но через три недели – срок этот тоже вызвал толки о том, что они бежали, но были пойманы – их видели в Марселе при посадке на пароход.

В середине мая в лагерях распространилась весть о скорой репатриации. Хотя и предполагалось, что она должна наступить с концом войны, но приближение решительного часа вызвало большие волнения. Нервное напряжение достигло крайних пределов; народ был, как в угаре: – повальное пьянство, буйные кутежи с стрельбой не прекращались днем и ночью.

Поползли первые слухи об участи репатриированных из Германии. Слово “Колыма” облетело лагерь и твердилось на все лады. Кто-то сочинил песнь о Колыме, ее переделали в танго “Колыма” и прощались друг с другом до будущего свидания на “Колыме”.

Все старались уклониться от включения в списки первых групп от'езжающих. Решившие бежать потихоньку выносили свои веши из лагеря и свозили к знакомым эмигрантам. Другие – решившие возвращаться – в последний момент бросались искать в Париже возможности найти убежище. Некоторым это удалось – но многие в своих поисках попадали на эмигрантов “советско-патриотического” толка и в полном отчаянии возвращались в лагерь. Решение стать на путь невозвращенства требовало большого мужества – те, кто уезжали в нормальном порядке репатриации, еще могли на что-то надеяться, но все знали, что пойманных после побега ожидает участь “врагов народа”, без надежды на какое либо снисхождение. В последнюю минуту, у готовых к от'езду людей нервы не выдерживали, они бросали свои пожитки и несмотря на оцепленный кругом лагерь и приказ стрелять, прорывались ночью через проволоку и бежали в полную неизвестность.

В день отправки, которая должна была производиться аэропланами до Германии, уезжающие были на рассвете погружены в грузовики и отвезены на аэродром. Весь день шел проливной дождь и бывшая в этот день в Борегаре эмигрантка рассказывала, какое удручающее впечатление произвела на нее атмосфера лагеря. Под вечер, когда она выходила из лагеря, к воротам один за другим стали под'езжать грузовики, наполненные насквозь промокшими, но распевающими песни и бурно проявляющими свою радость людьми. Оказалось, что из за дурной погоды, аэропланы не смогли вылететь и посадка была отложена до следующего дня. Неожиданная передышка вызвала восторг вернувшихся переночевать в лагерь людей. В ту же ночь несколько человек из этой группы бежали.

В течение всего лета 1945 года отправки шли одна за другой. В Борегар, ставший передаточным пунктом, со всех концов Франции свозили людей в ожидании репатриации, которую советская миссия старалась провести усиленными темпами. За редкими исключениями выход из лагеря был запрещен, а доступ в него был также сопряжен с трудностями. Вооруженная охрана пропускала лишь с разрешения дежурного офицера, производившего подробный опрос. "Бункера" были наполнены арестованными, либо из ненадежных элементов, заподозренных в желании бежать, либо задержанных или пойманных на улицах Парижа, на вокзалах и у здания префектуры. Префектура представляла из себя широкое поле деятельности для советских агентов; в самом здании и кругом него толпились легко распознаваемые по их внешнему облику советские граждане, тщетно стремившиеся получить документы на право жительства. В некоторых случаях, когда агенты имели дело с женщинами или пожилыми людьми и не предполагали возможного открытого сопротивления, – жертвы "выявлялись" на месте, и увозились на автомобиле. Но во избежания шума и скандала в людном месте, "энкаведисты" часто выслеживали людей до их места жительства, что позволяло им вдобавок узнавать, где и <у> кого беглец находит убежище.

К концу лета, от бежавших из Германии и пробравшихся во Францию эмигрантов, старого и нового толка, стали узнаваться подробности о репатриации в Германии и о том, как "родина встречает своих детей" в Советской зоне. Бегство из лагеря стало принимать массовый характер, а "добровольная" репатриация советских граждан превратилась в ожесточенную охоту, сопровождаемую террором и насилием. "Родина Вас ждет" гласили плакаты и вещали громкоговорители на площади Борегар, и люди с угрюмыми и застывшими лицами садились в грузовики, оставляя в опустелых бараках трупы повесившихся или отравившихся товарищей.

По окончании официальной репатриации осенью 1945 года Борегар был окончательно закрыт от посторонних посетителей и вооруженная страна, его охранявшая, значительно увеличилась. В лагерь свозили пойманных невозвращенцев и за попытку к бегству расстреливали на месте. Относительной свободой пользовались только женщины и больные. Бежать из Борегара стало почти невозможным, но за зиму 1945-1946 годов все же было несколько случаев побегов. Один из бежавших рассказывал, что лагерь превратился в настоящую тюрьму советского образца. Перед каждой отправкой бывали случаи самоубийства. а при посадках происходили жуткие сцены.

Двух французских журналистов, отправившихся в Борегар в марте 1946 года в лагерь не пустили. Они пробовали протестовать, доказывая, что лагерь находится на французской территории и не пользуется правом экстерриториальности, и попросили вызвать офицера. Пока они ждали у ворот, раздались крики и они увидели, как вдали на площади солдат тащил сопротивляющуюся женщину. Журналисты схватились за аппараты и стали делать снимки. Подоспевший в это время офицер запретил им снимать и потребовал фотографические пленки. На отказ журналистов стража по приказанию офицера силой вытащила из аппарата пленки.

О Борегаре и его жителях можно было бы рассказать многое, но сколько еще, из всего того, что творилось в его пределах, унесено уведенными и погибшими русскими людьми! Тем из нас, кто не был ослеплен миражем собственных иллюзий или намеренно не хотел видеть, жизнь лагеря Борегара наглядно показала подлинную картину советской действительности.

Еще о Борегаре

Один из друзей-читателей "Соц<иалистического> Вестника" сообщает со своей стороны дополнительные сведения о Борегаре, полученные им из исключительно хорошо осведомленного источника. Необходимо оговорить, что автор этого сообщения, в момент его отправки на почту, имел перед собою только первую статью о Борегаре, напечатанную в декабрьском номере "С.В." за прошлый год. – ***Ред. “С.В.”.***

“Несколько слов в заключение о лагере в Борегаре. Я не могу, конечно, знать, о чем будет речь во второй статье об этом лагере, которая обещана Вами, – но думаю, что и мои сведения о нем для Вас будут не лишены интереса. Они идут от весьма осведомленного человека...

Из 15 тыс. человек (пленных, депортированных, женщин), которые в нем одно время находились, был лишь один неграмотный, – 53 лет. Грамотными оказались даже цыгане, попавшие в Германию после захвата их под Ленинградом. Среди этой массы не было ни одного человека, мягко относившегося к Сталину. Его честили и ругали открыто, не стесняясь. Все были убеждены, что победы, одержанные народами России, должны создать в стране огромные изменения. Пленные рассчитывали, что они вернутся на родину более свободную, в которой не придется бояться тюрьмы за каждое непонравившееся начальству слово. Мысль, что Сталин может «украсть у народа победу», – совершенно отсутствовала. Рядом с резкой критикой советских порядков и Сталина столь же резко бросались в глаза большой патриотизм, – огромная, живая любовь к родине, к России, гордое сознание ее силы, величия, ее природных богатств. Но это был ни в коем случае не «советский патриотизм», а русский, вернее российский. А это совсем не одно и то же.

Любопытно, что многие обитатели лагеря, зная откуда то, что в Париже прежде существовала русская, эмигрантская литература, с большой настойчивостью ее отыскивали во время отпусков, выходов своих из лагеря. Многие искали книги, которые, как они говорили, “какой-то Милюков написал о России”. Их это очень интересовало. “Ведь мы как взаперти были, – говорили они, – нам хочется знать, что русские заграницей про нас, советских, писали”. В лагерь после этих “вылетов” в Париж иногда приносили старые-престарые номера “Последних Новостей”. Откуда-то достали романы Краснова[390] и ими зачитывались. “Соц<иалистический> Вест<ник>» передает о начальнике лагеря, некоем Иванове (он был начальником лишь первые месяцы существования лагеря). Этот Иванов вместе с кое-кем повыше (на этот счет шло много разговоров) организовал весьма ловкое об'егоривание французского правительства.

---

[390] См. о нем [410, с. 591] и приложение 1.I.48.

По договору де Голля со Сталиным, пленные и депортированные, находившиеся во Франции, до отправки их на родину, кроме пищевого довольствия, должны были получить каждый по 12-15 тыс. франков. Иванов ухитрялся в казначействе, в Версале, получать огромные суммы на "мертвые души". В списки якобы находящихся в лагере включались лица, уже отправленные в Россию. А так как французский контроль этого дела отсутствовал, то Иванову удалось перебрать изрядное количество миллионов франков. Из этого количества далеко не все шло только ему!

Заместитель Иванова, Казаков и бухгалтер Зозуля изобрели для получения денег из казначейства с внешней стороны более солидную комбинацию: деньги выдавались будто бы лишь тем пленным и депортированным, которые представляли выданные им немцами рабочие карты. Но эти карты никогда не соответствовали действительному числу населения лагеря, и поэтому операция приносила изрядный барыш ее изобретателям. Эти карты фабриковались в лагере и продавались по 600–800 фр. К этому нужно прибавить, что Иванову, уехавшему в Россию, не удалось сохранить награбленное им богатство: франки он превратил в бриллианты и золото и все припрятал в чемоданы с двойным дном. Но в Марселе, когда он был уже на пароходе, отплывающем в Одессу, советские власти произвели обыск его вещей, вытащили на свет божий его богатства и его самого арестовали..."» [172; 492].

15. Независимая мысль = La pensée indépendante, сб. 7, 1947 г., с. 40-41: Вера Сидорова «***Загадка Борегара*. (Письмо в редакцию).**

Разрешите через посредство Вашего органа, который вероятно читают в Москве, обратить внимание Кремля на исключительно халатное отношение советских властей к своим обязанностям.

Некоторое время тому назад во французских газетах появились сообщения самого клеветнического характера. Какой-то досужий репортер, гуляя на лоне природы в Борегаре под Парижем, заметил сквозь листву, за двойной стеной ряд деревянных бараков. "Если бараки, значит лагерь", подумал он. Подойдя к воротам, он увидел красный флаг с серпом и молотом, а на стенах у ворот битое стекло и колючую проволоку. "Ага, если советский флаг, значит, советский лагерь, если проволока, значит заключенные", решил репортер, вернулся домой и поднял во французской прессе кампанию против сов<етского> концентрационного лагеря в Борегаре.

Как-же реагировало Советское Посольство? Вместо того, чтобы немедленно написать опровержение (что обыкновенно принято при ложных слухах) или игнорировать всю историю, как недостойную клевету против советской власти, посольство повидимому снеслось с Москвой. И не по телеграфу или телефону, а, судя по продолжительности истекшего времени, самой простой, обыкновенной почтой. Прошла неделя, вторая, третья, пришло много недель, и вдруг, когда читатели французских газет уже перестали вспоминать о клеветнических статьях, советские власти внезапно заговорили о Борегаре. Да при этом настолько неумело, наивно реагировали на клеветнические статьи, что у заурядного читателя невольно возникает мысль: не скрываются ли в посольстве враги народа, и "не следует-ли кое кому поинтересоваться" этим делом?

Посудите сами. “Русские” журналисты были приглашены посетить лагерь. И что-же оказалось? Из отчета журналистов, напечатанного в местных газетах (Советский Патриот и Русские Новости) выяснилось, что за все недели, прошедшие со времени клеветнических статей, советское начальство Борегара абсолютно не подготовилось к приему представителей печати. Бараки оказались “порядочно запущенными”, и выяснилось, что в них содержится 170 человек. Откуда эти люди, сейчас 2 года с лишним после освобождения Франции? Неужели советские граждане, ожидающие отправки на родину, “ожидают” ее уже 2 года?

“Русские”журналисты далее признали все обвинения французской прессы. Они признали, что лагерь советский. Признали, что по “собственному почину” в лагерь явилась только группа армян, и даже умилились над этим, как над “трогательным фактом”. Заявив, что в Борегаре живут советские граждане, “*последние* из оставшихся в силу военных обстоятельств в Западной Европе”, тем не менее признали, что в лагере кипит работа по ремонту и расширению, т. е. что советские власти намерены продолжать пользоваться Борегаром. Следовательно, признали, что во Франции продолжает находиться группа советских граждан, подлежащих репатриации, настолько многочисленная, что для ее расквартирования необходим лагерь.

Они признали, что советские граждане во Франции, пойманные в бродяжничестве, т. е. в неимении постоянного местожительства, арестовываются и содержатся в тюрьме в том-же Борегаре. Написав про заключенных, что «пребывание в советском лагере повидимому коренным образом изменило их психологию: *теперь* первая их просьба – скорей на родину», они признали тем самым, что в лагере содержатся люди до заключения своего в Борегаре, отрицательно относившейся к советской власти и к возвращению в СССР

И, наконец, из 170 обитателей лагеря они нашли всего 86 человек, согласившихся подписать восторженный отзыв о лагере.

Зачем было опровергать, если опровержение только подтверждает заявление французской печати?

Вера Сидорова. Париж, 29 декабря. <1946>

Ред. *В эмигрантской газете “Нов<ое> Рус<ское> Сл<ово>” старый писатель народник А.Б. Петрищев*[391]*, нашел морально для себя возможным напечатать статью “Легендарный Борегар” и закончить ее такими словами: “Если меня спросят А что вы знаете об ужасах Борегара, о расправах энкаведистов? Ничего не могу сказать, кроме того, что мне независимый, безбоязненный вид борегарцев на* **версальском базаре** *(курсив наш), на улицах и в вагонах не вяжется со слухами об энкаведистском строгом присмотре. Вокруг Борегара творятся легенды. Для печатной характеристики их нужны документы. У меня их нет”. Если у русского писателя нет “документов” для опровержения сообщений французской печати, то элементарная добросовестность требует молчания: ведь слишком очевидно, что заключенные в казематах не могли “зубоскально с хохотом” соблазнять г. .Петрищева на версальском базаре».*

---

[391] См. о нем [410, с. 615] и приложение 1 1.49.

16. Свободная мысль = La pensée libre, сб. 10, 1947 г., с. 46-47: Halygnac

«*РЕПАТРИАЦИЯ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ. Знаменательное выступление.*

Впервые, со времени окончания войны и возникновения проблемы Ди-Пи, на страницах влиятельного французского органа "Ле Монд"[392] поставлен вопрос о насильственной репатриации и подвергнут беспощадной, справедливой критике.

Эту знаменательную заметку, наглядно выявляющую не только морально-общественную недопустимость, но и незаконность ялтинских соглашений о репатриации, подписанную французским юристом Галиньяком, мы приводим ниже полностью в переводе.

Господин директор,

Да будет мне дозволено адресовать вам некоторые размышления по поводу недавнего обмена нотами между Францией и СССР относительно "перемещенных лиц".

Своей нотой от 13 мая 1947 г. советское посольство просило провести обязательную репатриацию всех советских подданных, находящихся во Французской зоне оккупации Австрии соответственно франко-советскому соглашению от 29 июня 1945 г. Не отвергая, в принципе, советские требования, правительство уменьшает число лиц, подпадающих под условия указанного соглашения: французская нота исключает украинцев и балтийцев, уроженцев территорий, присоединенных к СССР после 1-го сентября 1939 г., могущих доказать свой отказ от репатриации определенными причинами.

Как бы ни было ничтожно число советских подданных после этих ограничений, следует тем не менее констатировать, что французское правительство изъявляет согласие их репатриировать даже против их воли, квалифицируя их "подлежащими репатриации". Что подразумевают под словами "подлежат репатриации"? Слова эти меня шокировали, хотя терминология международного права мне известна. Новое-ли это? Чтобы удостовериться, я перелистал несколько книг, касающихся юридического положения иностранцев, но не нашел этого термина. Вообще международное право допускает только лишь добровольную репатриацию; но не знает понятия о людях, "подлежащих репатриации", т.е. подлежащих насильственному возвращению на родину.

Я не рассматриваю здесь соглашение от 29 июня 1945 г. с дипломатической точки зрения. Мне неизвестны причины, побудившие французское правительство подписать подобное странное соглашение, так же как это сделали правительства Великобритании и Соединенных Штатов в Ялте. Я констатирую только, что это соглашение противоречит букве и духу международного права, которое является основой всех международных обязательств. Итак, французское правительство ни в коей степени не обязано репатриировать советских подданных против их воли. Оно даже не имеет права это делать в силу того, что этим оно бы ограничивало свой территориальный суверенитет

[392] «Le Monde», влиятельная французская газета.

в пользу чрезмерного частного суверенитета иностранной державы. Это вопрос права и престижа.

("Ле Монд", 12.6.1947 г.) Примите и т.д. Halygnac».

17. СВ, n°7-8(587-588), 20.8.1946, с. 186-188: «***СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. Смутные дни русского Парижа.*** **(Сводка по письмам)»**

Николаевский Борис. «**Провал "Сталинской амнистии"**

"Указ" 14 июня о советских паспортах всколыхнул весь русский Париж. До сих пор только о нем и говорят. Реклама ведется крикливая, назойливая. Митрополит Евлогий (теперь скончавшийся) поставил на службу полпредства весь аппарат церкви. Обе здешние просоветские газеты выбиваются из сил от усердия. "Советский Патриот" уже пойман на подлогах (т<ак> наз<ываемое> "интервью Бунина"). Из консульства распускают слухи о карах, которые обрушатся на непримиримых немедленно же после прихода к власти французских коммунистов... По всему ясно, что не только для полпреда Богомолова лично (определенно говорят, что эта "амнистия" проводится по его предложению и что от успеха ее зависит многое в его карьере), но и для советского правительства вообще вопрос о паспортах стал совсем не ничтожной картой в большой политической игре... В чем ее суть?

Тоска по родине, и прежде очень сильная у эмигрантов, за годы войны так обострилась, что успех "амнистии" многим казался предрешенным. Есть совершенно точные указания, что в полпредстве ждали, что "протянутая рука" будет принята подавляющим большинством эмиграции. Даже многие из людей, совсем не просоветски настроенных, считались с неизбежностью массового выбора советских паспортов эмигрантами. Теперь уже нет сомнений, что эти рассчеты оказались неправильными. Советские паспорта берет лишь незначительное меньшинство эмиграции, – та ее часть, которая и раньше прочно стояла "на советской платформе". Об этом говорят даже те цифры, которые сообщают официальные советские источники; так сам полпред Богомолов, на собрании 30 июня, заявил, что в очередь на паспорта записалось три тысячи человек; он же на собрании 21 июля говорил о двух тысячах уже выданных паспортов... Конечно, эти цифры далеко не окончательные. Агитация ведется с прежней настойчивостью. Из Москвы прислан дополнительный "дипломат", который совершает об'езд провинций. Записи продолжают поступать... Но их теперь совсем немного, – особенно в Париже, где приемная консульства совершенно пустует: нашлось немало добровольцев, которые нарочно ходили туда для проверки.

Размеры провала станут особенно ясными, если мы приведенные выше цифры Богомолова сопоставим с данными об общем числе эмигрантов: точной статистики последних, как известно, не ведется, – но знающие люди уверенно говорят, что в одном Париже с предместиями наберется около 100 тысяч людей тех категорий, которые подходят под действие указа 14 июня (все, кто были гражданами России в 1917 году и их потомство). По общей оценке, если б этот указ был издан месяцев 12-15 тому назад, за паспортами пришло бы не меньше 80-90% – теперь число их дойдет максимально до 3-5%.

Основной причиной этого провала является, конечно, тот радикальный перелом в настроениях широкой массы эмиграции, о котором недавно писал один из корреспондентов “Соц<иалистического> Вестника”, – ее переход “от радужных надежд к резкой непримиримости”. Теперь всем ясно, что, давая эту “амнистию”, Москва меньше всего думала о нуждах и интересах эмигрантов, – меньше всего заботилась об облегчении их положения. Наоборот, “указ” и средактирован, и проводится в жизнь так, как если б его авторы сознательно стремились ухудшить положение эмиграции. Многое в нем имеет явно **провокаторский** характер, сознательно рассчитанный на усиление подозрительности французских властей в отношении эмигрантов.

Как теперь известно, эмигрант, выбравший советский паспорт, никаких прав по существу не получает; на родину он поехать сможет только после специальных хлопот, если докажет свою лойяльность в отношении советской власти. Каждый, кто хочет получить советский паспорт, дает подписку в том, что он, где бы ни проживал, обязуется отныне “защищать государственный строй Союза ССР от всяких посягательств” и одновременно сообщает адреса всех своих родственников, проживающих на территории СССР, которые становятся заложниками за него. Он должен защищать не Россию и даже не СССР, а именно “государственный строй”, который в данное время там существует. Иными словами, он обязывается выполнять те функции в борьбе против противников “государственного строя СССР”, какие только представителям этого строя покажется нужным на него возложить. Из печатаемого ниже письма о “Союзе Советских Патриотов” мы можем узнать, каковы те функции, которые фактически возлагаются на всех, кто желает вернуться в СССР. Каждый, получивший советский паспорт, в настоящее время становится человеком, обязанным выполнять функции секретного агента советской полиции. Отказаться он не может, не только потому, что за него отвечают его родные, но и потому, что он сам потерял право на убежище в той стране, куда его забросила эмигрантская судьба, т<ак> к<ак> указанная подписка обязывает его быть нелойяльным и по отношению к этой стране. За это говорит весь порядок проведения в жизнь “Сталинской амнистии”.

“Указ” в ряде пунктов затрагивает интересы Франции. Дело не только в том, что русские эмигранты в течении ряда лет жили на ее территории и пользовались с ее стороны гостеприимством; много более важно, что действие этого “указа” распространяется так же и на французских граждан, – на тех из эмигрантов, которые это гражданство получили, и на всех детей эмигрантов, которые родились на территории Франции и потому автоматически получили французские права. Франция имеет свои законы, которые нормируют выход из французского гражданства. Насильно удерживать она никого не собирается, – и в отличие от Советского Союза даже коренной француз может выйти из числа граждан республики. Но этот выход не является односторонним актом, а именно в качестве одностороннего акта он осуществляется теперь советскими властями. Эти последние показали себя весьма искусными дипломатами, умеющими предвидеть последствия своих мероприятий и надалеко рассчитывать вперед. Поэтому указанные меры никак нельзя сваливать

на непредусмотрительность. Демонстративное нежелание считаться с французскими властями явно входит в рассчеты советского правительства. Таким путем прежде всего оно отрезает все пути отступления для тех, кто выбирает советские паспорта. Если б они восстанавливали свое советское гражданство с соблюдением всех формальностей, требуемых французскими властями, то в глазах последних они оставались бы лицами, соблюдающими лойяльность в отношении приютившей их страны. Поскольку этого нет, постольку французское правительство будет относиться к новым советским гражданнам с настороженным недоверием.

О том, что так именно и обстоит дело в действительности, свидетельствуют последние письма из Парижа: после некоторого периода растерянности, французские власти перешли в прямое наступление против эмигрантов, выбирающих советские паспорта. Известен ряд случаев, когда у новых советских граждан отбирали старые долгосрочные разрешения на проживание во Франции, заменив их краткосрочными; в других случаях отбирали разрешения на работу; известен случай высылки из Франции молодого эмигранта, который должен был, на основании французских законов, отбывать воинскую повинность, но в последний момент отказался, как приобревший права советского гражданина; еще больше разговоров вызывает другой случай обыска у русского эмигранта, который уже давно выхлопогал французские права и числился офицером резерва, а теперь получил советский паспорт. По французским законам, выход таких лиц из французского гражданства обставлен известными условиями, которых данное лицо не соблюло. По слухам, против него возбуждено судебное преследование.

Встревоженные этими мерами французских властей, новые обладатели советских паспортов кинулись в консульство и в "Союз Патриотов" за раз'яснением, что они должны делать. Совет, ими полученный, только подтверждает высказанное выше мнение о сознательной провокационности всей "амнистии" вообще: новым советским гражданам рекомендуется "во всяком случае не торопиться" с сообщением в полицию о перемене паспорта. Настойчиво им внушают мысль, что можно легко жить с двумя паспортами в кармане: советским и нансеновским или французским. В этом-де имеются и особые удобства. Легко понять, что такой дву-паспортный эмигрант будет полностью находиться во власти советского консульства: под страхом разоблачения он обязан будет делать все, что только от него ни потребуют советские власти...

Но у этой системы дву-паспортности есть и другая сторона: она подводит под удар не только тех, кто выбрал советский паспорт, но и всех эмигрантов вообще. Французская полиция не может знать, кто именно выбрал советские паспорта, иначе, как из списков, сообщаемых ей консульством. Но если советское правительство легализует систему двух паспортов, то нет никакой гарантии, что списки консульства будут правильны. Теперь, например, стало известно, что в первый список таких лиц, сообщенный недавно консульством в префектуру полиции, включено всего 478 человек, выбравших паспорта, – в то время, как почти одновременно Богомолов на собрании в зале "Мютюалите"[393] говорил

[393] Видимо, речь идет о Palais Mutualité в 5° Парижа.

о двух тысячах. Какая цифра верна, никто не знает. В эмигрантских кругах уверены, что последняя цифра преувеличена, – но и эмигранты признают, что цифра 478 явно преуменьшена... Отсюда ясен вывод: практика двух паспортов начинает проводиться в жизнь, – и в результате ее общее положение всей эмиграции станет еще более тяжелым, чем оно было до сих пор.

"Сталинская амнистия" ставит своей задачей не облегчение положения эмиграции; даже не возможность возвращения на родину тех эмигрантов, которые встали на советскую платформу. Ее действительная задача – разложить эту эмиграцию и сделать еще более трудным ее существование во Франции.

Б.Н<иколаевский>» [332].

Франсуа. «*"Советские патриоты" в Париже.* (Письмо из Парижа).

Давно уже прошло то время, когда в здешнем полпредстве мечтали, что во главе "Союза Патриотов" (тогда еще "Русских патриотов") согласится стать "сам Маклаков", что в правление войдут "два митрополита, два генерала, два адмирала и два заслуженных общественных деятеля из демократического лагеря" и что эта организация, своим составом демонстрирующая национальное единение русской эмиграции, торжественно признает советскую власть и провозгласит самоупразднение старой политической эмиграции... Инициатором этого "планетарного плана", – об этом рассказывали люди, "входящие в полпредство", – был сам полпред Богомолов, который лично руководил работами по проведению его в жизнь, – вплоть до инструктирования наиболее важных маклеров из эмигрантского лагеря.

Эти большие планы сорвались. Часть политической эмиграции, правда, одно время сильно колебалась, – сбитая с толку лживой информацией о России, которую усиленно распространяло полпредство. Но при всех этих колебаниях никто из ответственных представителей эмиграции на путь капитулянтства не встал. После этого в полпредстве изменили политику в отношении эмиграции, и Союз Патриотов подвергся перестройке. Теперь известно, что прошлым летом в полпредстве шла острая борьба по этому вопросу. Боролось две линии. Богомолов считал полезным продолжать игру на русском национализме и довел ее до хождения в церковь и т.п. Главным противником его был Гузовский, первый секретарь полпредства и резидент НКВД по делам эмиграции: он был против "планетарных" планов, – за "старые, но верные" приемы чекистской работы по разложению эмиграции. Передают, что он одержал победу еще давно, – но пока Франция была полна бывшими пленными, отказываться от игры на националистических струнках признавали неудобным: и так нежелающих возвращаться было много десятков тысяч... Якобы независимая эмигрантская пресса, которая возносит хвалу Сталину и в розовых красках рисует советскую действительность, была полезна и с откровенно чекистской точки зрения. А иметь на своей стороне эмигрантского обывателя легче всего было приспособляясь к националистическим настроениям определенных кругов эмиграции, к восторгам по поводу Александра Невского и Дмитрия Донского...

Но это было нужно лишь до тех пор, пока репатриация не была закончена. А когда последние поезда репатриируемых были отправлены, открыто перешли

к чистке и "Союза патриотов". Началась эта чистка с октября-ноября 1945 года. Прежде всего из газеты Союза под разными предлогами вытеснили большую часть писателей из бывших эмигрантов. Курс газеты был изменен: советские "митрополиты" и "маршалы" исчезли (этим делом теперь занимаются "Русские Новости"), линия газеты стала полностью совпадать с линией французской компартии...[394]

Более острые формы чистка приняла в самом Союзе, в особняке на рю Гальера, который стал не только опорной базой для операций НКВД, но и центром всевозможных спекуляций. Сильно смоченная спиртными напитками, эта борьба проходила "в художественном оформлении" многочисленных скандалов и взаимных разоблачений. Конечно, "партия Гузовского" победила и противников выбросили из организации (Савицкого[395], Ясинского[396], Покровскую[397] и др.). Смысл этой перестройки – фактическое превращение Союза во вспомогательную организацию советских органов. Фактически теперь Союз Патриотов превратился в старый Союз возвращения на родину. Сменилась только этикетка, о чем и было откровенно заявлено на с'езде Союза, в конце 1945 года, где председатель заявил, что руководство Союзом теперь находится "в надежных руках" бывших руководителей Союза вовращенцев. Руки эти, действительно, весьма надежные, – о них следует рассказать в печати.

"Союз возвращения", существовавший в Париже в течении последних 8-10 лет перед войною, формально состоял из нескольких сот статистов-эмигрантов, желавших вернуться в Россию. Они ходили на собрания, невинно агитировали среди шоферов, говорили о "любви к отечеству и народной гордости", об эволюции советской власти и т.п. На родину их, конечно, не пускали. Там они были ненужны, – а здесь, в гостеприимной Франции, они выполняли

---

[394] «К этому же времени, – поздней осени 1945 года, – относится история с изданием группой членов "Союза патриотов" путеводителя по Парижу. Этот путеводитель был предназначен для "советских людей", попадающих в Париж, исторически интересные места которого он показывал под националистическим русским углом зрения. Издание это было выполнено на частные средства, собранные в период "национального курса". Перед выпуском книги, ее вытребовали на просмотр к Гузовскому, который ее резко раскритиковал. В свет издание не выпущено: весь завод из типографии был взят в полпредство и свален там в какой-то чулан». – Прим. автора.

[395] По всей видимости, речь идет о Б.(Л.?).А. Савицком. См. [410, с. 485] и приложение 1.1.50.

[396] Ясинский И.Н., с 18.12.1944 – ген. секретарь Парижского отдела СРП; на объединительном конгрессе СРП и СДСР 10.3.1945 избран ген. секретарем Центрального правления Верховного совета вновь созданного ССП. Из Хроники культурной жизни [434] его имя исчезает в мае 1945 [434-V, VIII].

[397] Р.И.Покровская, выполняла роль машинистки в редакции «Русского патриота» (см. приложение 1.I.34.), в 1943-44 гг. выходившего подпольно. В [414-I, с. 471] даны две взаимоисключающие информации: что она была членом ССП и что была арестована и погибла в немецких концлагерях в 1944 г., ибо ССП возник только 10.3.1945 г., а до этого она могла быть членом лишь СРП. Если учесть публикуемое письмо из Парижа, написанное в августе 1946 г.. то Покровская, скорее всего, была членом и СРП и ССП, арестована немцами была, но в лагерях не погибла, и вернулась в Париж [391, с. 290; 410, с. 595; 414-I, с. 471].

роль декораций, за которыми чекистам было удобно развертывать свою работу. Как это ни странно, все эти прежние статисты-возвращенцы дожили в Париже до наших дней. Теперь к ним прибавились новые и все вместе они выполняют те же самые функции.

Кроме статистов, в Союзе возвращения работала группа опытных чекистов. Часть из них состояла из эмигрантов, в течении ряда лет работавших на ГПУ, часть была прислана из Москвы и выступала под псевдонимами. Наиболее известными из этих руководителей были Тверетинов[398], Ковалев[399], Ларионов[400], «товарищ Мишель» и др. Главою среди них был Тверетинов,

---

[398] С идентификацией этого персонажа есть определенные проблемы. В Париже был известен Тверетинов Александр Александрович (род. 15.5(9.7?).1897). Участвовал в 1 Мировой войне, с 1919 г. – в Красной армии. На Финском фронте попал в плен, интернирован в Польшу. В 1924 г. эмигрировал во Францию, с 1925 г. – в Париже; сменил много рабочих специальностей, был переводчиком. В 1929-1937 гг. – шофер такси. В 1929-1934 гг. – член Республиканско-демократического объединения. В июле 1929 г. выступал в Крестьянском объединении на тему «Русское крестьянство и коммунистическая партия»; в июне 1930 г. участвовал в прениях в Республиканско-демократическом объединении по докладу А.К. Палеолога «Текущий момент и задачи демократической эмиграции», в марте 1932 г. – в Ломоносовском кружке в прениях по докладу В.М. Плечова «Об основных идеях журнала “Третья Россия”». В 1933 г. окончил Франко-русский институт в Париже. Участник профсоюзного движения. С 1934 г. – в Союзе возвращения на родину (Союз друзей советской родины), с 1937 г. – секретарь Союза. Активно участвовал в работе Комитета помощи Испании и создании интербригад. Масон (9.5.1933 – кандидат к посвящению в Ложу Свободная Россия) [434-I, с. 593; 434-II, с. 78, 293; 434-VI, с. 85; 452, с. 22, 789].; 414-3, с. 274]. Но вот дальше информация в источниках расходится. Согласно [414-3, с. 274], он был 1.08.1939 (SIC ! до начала войны) по постановлению МВД выслан из Франции «как нежелательный элемент». В апреле 1940 г. в СССР был арестован, заключен в лагерь, где и погиб 27.05.1942. В 1958 г. посмертно реабилитирован. Однако, как следует из текста 1946 г., человек с такой достаточно редкой фамилией, просоветски настроенный и с «широкой известностью в эмигрантских кругах», действовал в Париже. Дальнейшие следы его теряются. Таким образом, либо речь идет о двух разных людях, либо А.А. Тверетинов из Франции уехал не в 1939, а в 1946-1947 гг.; вполне возможно, что погиб в советском лагере, но не в 1942 г., и был реабилитирован в 1958 г.

[399] См. [410, с. 487-488] и приложение 1.I.51.

[400] Возможно, имеется ввиду Михаил Федорович Ларионов (22.5/3.6.1881 г., Тирасполь Херсонской губ. – 10.5.1964, Фонтене-о-Роз, под Парижем; пох. на кл. Иври), художник, сценограф, художественный критик, мемуарист. В первом браке муж Н.С. Гончаровой, во втором – А.К. Томилиной. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В 1915 г. по вызову С.П. Дягилева с Н. Гончаровой выехал в Швейцарию, с 1918 г. – в Париже. Участник множества выставок и благотворительных мероприятий. Помогал в устройстве советского отдела на Международной выставке декоративных искусств в Париже (1925 г.), был одним из организаторов Выставки современного французского искусства в Москве (1928 г.). Вице-президент Союза русских художников во Франции. После войны принимал активное участие в деятельности различных просоветских организаций – СРП, ССП и Комитета «Франция-СССР»: участвовал в их выставках и организовывал последние, жертвовал картины (1945-46 гг.), в т.ч. в пользу советских военнопленных. С июля 1946 г. явно отходит от этой деятельности. Подробнее см. [104, с. 534; 280, с. 367-371; 414-II, с. 28-29; 434-IV, VIII].

широко известный в эмигрантских кругах. Их усилиями Союз был превращен в самую крупную подсобную организацию, которая помогала работе ГПУ в Париже, действуя под непосредственным руководством резидента НКВД, который проживал в одном из особняков неподалеку от Сены.

Эта "головка" Союза создала особые летучие отряды добровольцев, которые своей чекистской работой заграницей должны были доказать свою "преданность советской власти". Эти отряды выполняли самые рискованные поручения, начальником одного из них был бывший евразиец С. Эфрон[401] (муж покойной поэтессы Марины Цветаевой), который "провалился" на деле убийства в Швейцарии Райса[402] (один из руководителей иностранной разведки ГПУ, порвавший с большевиками в виду политических расхождений). Ему пришлось спасаться в Россию, где он вскоре был за что-то расстрелян. Есть все основания предполагать, что головка Союза была причастна и к похищению ген. Миллера... Кроме работы по устранению врагов и слежки за эмигрантами, Союз возвращения играл большую роль и в деле отправки оружия в Испанию; он же вел вербовку добровольцев, желающих туда поехать; о менее важных поручениях (вроде явочных квартир и т. п. можно и не говорить).

Очень крупную роль среди "возвращенцев" играл Тверетинов, которого многие считали главным агентом НКВД в Союзе возвращения. Между прочим, до этого он был видным членом милюковского РДО, где был "лидером" просоветского крыла. Его судьба долгое время была загадочной: в начале войны, вскоре после оккупации Парижа немцами, он вышел из дома, ни о чем не предупредив, – и больше не возвращался. Среди "возвращенцев" ходили всевозможные слухи. Одни полагали, что он сделал какой-то промах по службе (вспоминали об его близости с Эфроном) и "ликвидирован" за это; другие

---

[401] Эфрон Сергей Яковлевич (29.9/11.10.1893, М. – 16.10.1941, Орел), поручик Белой армии, литератор. Эвакуирован в Галлиполи. Жил в Константинополе, с 1921 г. в Праге, с 1926 г. в Париже и его пригородах – Медоне и Ванве. Евразиец, масон; публиковался в эмигрантской периодике, в т.ч. в «Современных записках». С 1931 г. работал на советские спецслужбы, агент Иностранного (разведывательного) отдела (ИНО) ОГПУ, сотрудник Главразведпура РККА (5 управления). Замешан в похищении ген. Миллера. После убийства И. Рейсса в Швейцарии 10.10.1937 спешно уехал в Гавр, оттуда пароходом – в Ленинград. Арестован 10.10.1939 г. Приговорен 6.7.1941 Военной коллегией ВС СССР к высшей мере наказания (по др. данным – к 15 годам ИТЛ). Расстрелян в политической тюрьме [104, с. 478; 156, с. 568; 452, с. 929].

[402] Рейсс Натан Маркович (Игнац, Игнатий Станиславович Порецкий, Герман Эберхард, Людвиг; 1899 – 5.9.1937, Лозанна), капитан госбезопасности, невозвращенец. Связник Коминтерна. В 1920 г. на нелегальной работе в Польше, сотрудник 4-го (разведывательного) управления Генштаба РККА. В 1922-26 гг. – в Германии, в 1926-27 гг. – в Вене, затем в Чехословакии и Голландии. С 1931 г. сотрудник иностранного (разведывательного) отдела (ИНО) ОГПУ. Сотрудник резидентуры во Франции-Швейцарии. Порвал с советским строем, выступил в печати против Сталинского руководства. Солидаризировался с IV (троцкистским) Интернационалом. Для его ликвидации в Швейцарию прибыл сам зам. начальника ИНО ГУГБ НКВД М. Шпигельгасс [66; 156, с. 419].

высказывали догадку, что он уехал в Москву. Теперь эту загадку, повидимому, можно считать разрешенной: некоторое время тому назад жена Тверетинова, все годы войны прожившая крайне замкнуто в Париже, выехала в Москву. Разрешение она получила в то время, когда никому из эмигрантов даже очень про-советским, разрешений не давали... Едва ли можно сомневаться, что эту привиллегию она получила в награду за "работу" своего мужа.

Ряд других чекистов из "головки" Союза возвращения погиб в Испании; кое-кто пошел в немецкие концлагеря и не вернулся... Тем не менее живая личная связь между головкой "возвращенцев" и головкой "патриотов", повидимому, все же существует: таковым является Ковалев, выступающий теперь в роли начальника парижского отдела "Союза патриотов" и одновременно заведующего Русским театром (этот Ковалев, равно как и председатель Союза Матяж[403], тесно связаны с французской коммунистической партией). По сведениям, которые идут из Союза, этот Ковалев играл наиболее видную роль в "чистке", которая была проведена по директивам Гузовского. Ему же приписывают и наиболее активную роль в организации шпионажа за "невозвращенцами" и эмигрантами вообще...

В том, что теперь внутри Союза патриотов создана большая группа чекистского типа, теперь уже никто не сомневается. Похищения последних месяцев, – Волкова, Стариковой (Полячек) и ее приятеля солдата-армянина, Колесова-Лапчинского[404] и др. были, несомненно, их делом. Французское общественное мнение с большой резкостью реагировало на эти похищения, – особенно на дело Колесова. Но это, конечно, не остановит "охотников". Меры против последних будут действительны только тогда, когда будет положен конец шпионской деятельности продавшихся эмигрантов из Союза патриотов.

Франсуа» [532].

18. За Свободу = For Freedom, July 1947, n° 18, с. 103-114: А. Б. В. «***СЕТЬ НКВД ВО ФРАНЦИИ***

Настоящая статья посвящена описанию русской сети НКВД во Франции. Эта сеть агентов НКВД состоит из двух главных категорий, соответствующих требованиям их работы:

1 – сеть, которую можно назвать "тактической", с хорошо подготовленным персоналом. Агенты "тактической" сети разделены на группы боевого характера, они хорошо воружены и снабжены необходимыми средствами передвижения. Чтобы обеспечить себе полную свободу работы и передвижения на территории Франции, "тактическая" сеть работает под прикрытием "Советской Военной Миссии во Франции" и "Советской Репатриационной Миссии". Под предлогом сбора и репатриации советских граждан (бывших военных и гражданских русских пленных, депортированных немцами во Францию) эти советские миссии имеют легальное право передвижения и работы на

---

[403] См. [410, с. 487] и приложение 1.I.52.

[404] О его похищении см. приложение 4.7 и примечание к нему.

всей территории Франции. В начале 1946 г. "репатриация" советских граждан должна была быть закончена и не могла больше служить предлогом для работы НКВД, тогда советские официальные круги объявили, что "Репатриационная Миссия" покидает Францию. Но на самом деле весь персонал этой миссии остался, только переключившись в состав "Военной Миссии".

2 – сеть, которую можно назвать "общей", с разбросанными сотрудниками, работающими в одиночку или маленькими группами и распространенными по всей Франции в виде различных организаций, чисто советских или же франко-советских. Организации эти работают под флагом профессиональных, научных и пр<очих> объединений[405].

I. "ТАКТИЧЕСКАЯ СЕТЬ" НКВД ВО ФРАНЦИИ

Эта сеть составлена из агентов, приехавших специально из Советского Союза и их помощников, русских эмигрантов, сохранивших свое эмигрантское положение или же из принявших советское подданство после указа 14 июля. Сеть эта работает под управлением "Советской Военной Миссии". Начальник репатриационной миссии, ген. Драгун, играл только роль официального представителя перед французскими властями. Драгун – заслуженный генерал, выдвинувшийся в боевой обстановке. Верховный уполномоченный НКВД для этой сети – ген. Вихорев,[406] воздушного флота. Вихорев сделал всю свою карьеру только по линии НКВД. Как известно, во время войны все чекисты получили военные звания и были приставлены, как помощники по политической работе, к комсоставу армии. Ген<ерал> Вихорев, таким образом, является "помощником по политработе" ген<ерала> Драгуна с равным чином. Он руководит всей работой "тактической сети". Эта сеть составлена из "оперативной группы" и "комендантских команд".

---

[405] Независимое подтверждение того, что различные французкие просоветские и прокоммунистические организации, нами описанные, действительно, составляли сеть и, если не управлялись, то конролировались из одного центра.

[406] Приводим описание М. Коряковым события во дворе советского посольства в Париже летом 1945 г. Генерал-майор Вихорев первому секретарю посольства Ф.И. Видясову: «Твой товарищ? – насмешливо переспросил генерал и протянул мне руку, поросшую рыжими волосами. Он был откормленный, розовощекий толстяк. От него несло крепкими духами. Китель, сшитый из добротного американского материала, имел голубые кантики. На голубом околышке фуражки блестела вышитая золотой канителью крылатая эмблема советских воздушных сил – "капуста", как ее называют летчики. <… после длительного разговора> Все более становилось очевидным, что он вообще никого не знал в авиации и ничего не знал в авиации. Наконец, он раздраженно – негромким голосом, похожим на бурчание в животе – закончил разговор: – Нет, в ВВС я не был… я был в другом месте. <…> Несколько позже я узнал, что ген<ерал> Вихорев никогда не служил в авиации. Он был чекист, в НКВД сделал свою карьеру. Авиационную форму носил для близира, как и многие другие офицеры военной репатриационной миссии. Впрочем, миссия эта занималась не столько репатриацией, сколько другими делами. В то время, как Гузовский был начальником "общей сети" НКВД, генерал Вихорев был начальником так называемой "тактической сети" НКВД во Франции» [253, с. 313-316].

А. “Опергруппа”

Начальник опергруппы майор Кузнецов[407], “начальник штаба” репатриационной миссии и член “Военной Миссии”. Его помощник майор Березин[408].

---

[407] Этот человек в мемуарах заслужил значительно более доброжелательную оценку, чем Березин. Дадим слово Корякову: 22 мая 1945 г. в Париже «В военной миссии меня представили начальнику штаба. Он выслушал историю моего пленения и покачал головою: – Вашей дивизии не повезло. Говорят, что и штаб был захвачен немцами. Вы еще счастливо отделались. Ну, что же капитан, Париж посмотреть хотите? Напишу я вам... на две недели. Хватит? – И он написал на листке из блокнота – советскому коменданту в казармах Рейи: принять на довольствие на две недели. Дойдя до станции метрополитена, я однако, должен был снова вернуться в миссию: вспомнил, что ехать мне не на что <...>. – Вот и хорошо, что вы пришли, – сказал начальник штаба. – Деньги? Деньги я вам дам... две тысячи. Не в этом дело. О вас я только что разговаривал с первым секретарем Посольства. Поезжайте сейчас же на рю де Гренель. Вот вам записка к Видясову. Он вас ждет» [251, с. 274]. Хотя Коряков и не называет имени и адреса по которому был, но речь идет о майоре Кузнецове, должность котрого подтверждает и Coudry; находилась же миссия по адресу: 4, rue du Général-Appert [603, с. 75].

[408] Березин оставил свой след в мемуарах. М. Коряков о свадьбе двух сотрудников советского посольства в Париже, – шифровальщика Коли и машинистки Фаины, – 7 ноября 1945 г.: «Клюнем, что ли? – оскалился металлическими зубами коренастый, широкоплечий военный <…>. То был майор Арсений Березин, начальник оперативной группы НКВД по парижскому району. <…> Видясов предлагал Березину приложиться к “вдове Клико”, но тот, полупьяный, смеялся: – Такого слабого напитка моя душа не принимает! Хватанем-ка лучше нашей… “московской очищенной”! Березин налил граненый стакан. Пил он неприятно, обхватывая края стакана широкими липкими губами, по-мертвецки закатывая глаза. Выпил и, вытянув губы, выдохнул из себя спиртовую крепость <…> закусил, прожевал <…>. Майор был немолод, имел детей. Однако это не мешало ему быть пьяницей, бабником. Про него рассказывали, что он заманивал к себе эмигрантских девушек. После войны в Париже было много эмигрантов – “советских патриотов”, которые искали работы в советских учреждениях: посольстве, торгпредстве, военной миссии. Девушке, нуждавшейся в заработке, Березин предлагал: “Приходи ко мне… У меня есть работенка… Перевести кой-какие статьи из французской прессы”. Девушка приходила и попадала в обезьяньи лапы: майор ставил ей “условия” работы, принуждал к сожительству <…>. Майор оскалился металлическими зубами и, отвалясь на спинку стула, запел <…>. Березин налил стакан водки и перегнулся через стол к Панченке <парторгу посольства>: – Яша, друг… по маленькой! Хай живе НКВД… наш комиссариат внутренних дел! Панченко тряхнул кудрями: – Наш комиссариат внутренних дел! – Хай живе НКВД… – Хай живе…» [253, с. 335-338]. Упоминание о металлических зубах и списки майоров миссии позволяют разрешить загадку, кого же встретил и описал Роман Гуль во время прогулки с женой по Парижу в 1945 г.: «Помню, идем мы с Олечкой по рю де Вожирар к Пор де Версай. Навстречу советский офицер. Русский русского узнает “с каблука”. Поравнялись. – “Ну, как живете?” – остановился и протягивает руку. Лицо русейшее, простонародное, но не из приятных. Вижу – майор и слегка навеселе. – Да ничего, – говорю, – живем! – Рады, поди, что мы вас освободили? – и осклабился, обнажив зубы, а они у него золотые, обе челюсти. Только золото какое-то темноватое и зубы кажутся медными, отчего и без того малоприятное лицо его приобретало животно-страшное выраженье. – Конечно, рады, – отвечаю. А он в ответ: – вот постойте, в Москву вернемся, поставим памятник Гитлеру кверх ногами. – Памятник? – переспросил я. – Ну да, за то, что жидов много перебил, а кверх ногами за то, что не всех. И заулыбался, показывая золотые челюсти. – Ну, пока! Он помахал по-приятельски рукой и пошел, слегка покачиваясь. – Ну, как

Другие офицеры миссии прикомандированы к определенным районам Франции. Напр<имер>, майор Львов руководит работой в районе Страсбурга, майор Ананьев – в районе Лилля, а майор Перегудов в западной Германии[409]. Опергруппа составлена из 60-ти советских агентов НКВД, приехавших из СССР, посланных штабом НКВД советской оккупационной армии в Германии. 30 из них бывшие военные и гражданские пленные, депортированные немцами во Францию. Эти 30 человек работали до последнего времени постоянно на территории Франции[410]. Другие 30 человек агенты, которые присылаются во Францию только на месяц; они постоянно меняются ивозвращаются в Германию. Причина этих постоянных перемен следующая: во-первых, не дать этим агентам "обуржуазиться" (первый этап по пути дезертирства) и, во-вторых, дать возможность наибольшему количеству агентов пройти как бы "стаж" работы во Франции. Несмотря на эти предосторожности, случаи дезертирства этих агентов не единичны. Напр<имер>, известен "побег" одного офицера высокого чина. Офицер этот, вероятно, пал жертвой погони, организованной НКВД сейчас же после его побега[411].

тебе понравился наш "спаситель"? – спросил я Олечку. Олечка только пожала плечом: "Какое-то чудовище...". Эти "чудовища" с золотыми зубами и без оных были в Париже 1945 года и гостями, и хозяевами, и доблестными союзниками» [144-3, с. 103-104]. Думаем, что речь идет о Березине.

[409] Весь этот список имен подтверждается архивными документами, опубликованными Coudry и Поляном, что является независимым подтверждением достоверности фактов, сообщаемых в этом отчете. Так, в списке членов Советской военной репатриационной миссии (Mission militaire soviétique de rapatriement) на 15 ноября 1945 г., располагавшейся по адресу: 4, rue du Général-Appert, мы находим (с дополнениями по [383]): полномочного представителя правительства СССР по репатриации советских граждан на западе Европы генерала Драгуна («Général DRAGOUN. Représentant plénipotentiaire du gouvernement de l'URSS pour le rapatriement des citoyens soviétique dans l'ouest de l'Europe»), его заместителя генерала А.И.Вихорева, находившегося в то время в Берне («Général VIKHAREV. Chef-adjoint de la représentation plénipotentiaire actuellement à Berne»), начальника штаба миссии майора Кузнецова («Commandant KOUZNETZOV. Chef d'état-major de la représentation»), майора Березина, в тот момент прикомандированного к XV военному округу (Марсельскому), и в Париж переведенного не позже, чем через три месяца («Commandant BERESIN. Détaché auprès de la XVe région militaire»), майора Львова, отвечавшего за северо-восточные X, XX и XXI (Страсбургский, Нансийский и Мецкий) военные округа («Commandant LVOV. Détaché auprès des Xe, XXe et XXIe régions militaires»), майора П.М. Ананьева, бывшего интендантом миссии, и в Лилль переведенного, видимо, позже («Commandant ANANJEV. Intendant de la représentation»), майора Перегудова, прикомандированного к 1-й французской армии в Германии («Commandant PEREGOUDOV. Détaché auprès de la Ire armée française en Allemagne») [383, с. 457; 603, с. 75-76].

[410] По всей видимости, именно в составе этой группы работал капитан С. Ганночко – см. приложение 4.14.

[411] Вероятно, речь идет о побеге капитана М. Корякова в марте 1946 г. Францию он покинул 14 июля 1946 г., тайно вылетев на самолете с аэродрома Орли в Бразилию, и автор отчета в сентябре 1946 г. еще ничего не знал о его судьбе. Сам Коряков, скрывшийся в деревне, о «погоне»: «Из Парижа доходили тревожные известия: меня искали... В отель "Fleury's" на рю дю Бак явилось несколько офицеров во главе с Панченко и капитаном – моим "попутчиком"; они устроили повальный обыск – по всем номерам, в подвале, кухне,

Фото 43. Михаил Михайлович Коряков (1911-1977)

Помимо 60-ти агентов опергруппа включает в себя около сотни "сотрудников" из местных русских эмигрантов[412]. Набор этих вспомогательных агентов производится "советскими патриотами" (о деталях набора – ниже). Совершенно ясно, что работа опергруппы без помощи этих местных "сотрудников" была бы до крайности затруднительна. Агенты из бывших эмигрантов оказываются чрезвычайно ценными, ибо в большинстве случаев, прожив долгое время во Франции, знают и французский язык и местные условия и многие части территории Франции. Выросшая во Франции эмигрантская молодежь в особенности интересует НКВД для такой работы, ибо эта молодежь говорит без акцента по-французски, одевается и держится по-европейски, что советскому агенту НКВД трудно достигнуть. "Акции" эмигрантской молодежи настолько высоки, что молодой эмигрант может даже перейти от положения "сотрудника" до положения настоящего советского агента НКВД, с получением права

на чердаке. Хозяйка, милая мадам Кайон, натерпелась страха: ей тыкали в лицо дулом пистолета, грозились пристрелить. Известно стало, что агентура НКВД установила в Гавре и Марселе слежку за пароходами, отправлявшимися в заграничное плаванье. К крупным писателям-эмигрантам, например, к Б.К. Зайцеву, подсылались якобы мои "друзья", которые, узнав о случившемся, предлагали мне "помощь": все для того, чтобы узнать, где я скрывался" [253, с. 354]. Справедливости ради заметим, что еще до Корякова, т.е. до лета 1945 г. «перепрыгнул через высокую стену» и бежал из посольства некто Беседовский [253, с. 321].

[412] Коряков о женщинах, пытавшихся укрыться во французских или эмигрантских семьях (лето 1945 г.): «Военная миссия, однако, располагала в Париже, чуть ли даже не во всей Франции, многочисленной и сильно разветвленной агентурой. Осведомителей как для посольства, так и для миссии, поставлял "Союз советских патриотов", причем нередко таких, которые, было время, оказывали подобные же услуги немецким оккупационным властям. "Советские патриоты" подкарауливали советских людей на парижских вокзалах, ходили в эмигрантские и французские семьи – высматривали, выслеживали, выдавали! К дому подъезжал автомобиль, бесцеремонно входили скуластые крепкие парни, переворачивали квартиру вверх дном, находили "преступницу" и увозили... Французская полиция не вмешивалась в действия иностранной миссии: в Париже говорили, что вслед за немецкой пришла советская оккупация. Полиция не имела права вмешиваться: в июне 1945 года было подписано правительственное соглашение о том, что все без исключения советские граждане, находящиеся во Франции, подлежат обязательной репатриации; для того, чтобы сделать соглашение действенным, советы под различными предлогами задерживали отправку французских репатриантов из России, применяя, таким образом, и тут свою систему заложников» [252, с. 237].

надевать советскую военную форму во время поездок в Германию. А бывали случаи, когда подобные агенты носили военную советскую форму и в Париже[413]. К чести русской эмиграции надо сказать, что такие "сотрудники" опергруппы, принадлежащие к подонкам эмиграции, немногочисленны. Но все же около двух-трех десятков таких молодых людей обоего пола работают в "опергруппе". Роль этих сотрудников "опегруппы" состоит в разведке и обнаружении "противника". В случае надобности отряд опегруппы высылается на автомашине, и такие «сотрудники» являются тогда проводниками и переводчиками. Сама "работа" осуществляется советскими агентами, специально натренированными и вооруженными. Официальное положение "Военной Миссии" позволяет снабжать отряды опергруппы пропусками для любого района Франции, к тому же на "ордр де миссьон"[414] всегда добавляется, что местные французские военные и гражданские власти обязаны "содействовать" этим сотрудникам военной миссии. Если во время "исполнения задания" происходит стрельба, скандал, всегда дается официальный предлог розыска военного или даже уголовного преступника. В отношении местных французских властей употребляется часто и "блеф". И местная жандармерия всегда пасует перед советской формой, дипломатическим значком на машине и, беря под козырек, не мешает "работе" агентов НКВД.

Б. "Комендантские команды"

Эти команды составлены из агентов НКВД, официально приписанных к "военной миссии" и носящих форму. Официальный предлог их пребывания во Франции – охрана членов военной миссии и служба связи. Они составляют как бы военный гарнизон миссии, с прекрасным вооружением. Они исполняют только важные задания, крупные "поимки". Численность их – около 40 человек.

В большинстве случаев все члены НКВД, агенты и сотрудники, усиленно занимаются спекуляцией, благодаря их постоянному передвижению и "дипломатической" неприкосновенности. Они перевозят на своих машинах товар из одного района Франции в другой. Это их добавочный заработок, помимо специальных премий за поимки скрывающихся от советской власти невозвращенцев[415]. До сих пор главное задание "тактической сети" НКВД было –

---

[413] Не исключено, что имеется ввиду М.М. Штранге, – старый эмигрант, после Освобождения вдруг появившийся в форме старшего лейтенанта (см. приложение 1.II), хотя его пример мог быть далеко не единичным.

[414] *Ordre de mission* (фр.) – командировочное удостоверение.

[415] Коряков, описывая уже упомянутую свадьбу, приуроченную к годовщине Октябрьской революции, 7 ноября 1945 г.: «Директорша столовой, блистая дорогой, усыпанной камнями брошью, рассаживала гостей. Она неплохо подработала на 28-й годовщине "пролетарской революции". Из Реймса привезли две грузовых машины шампанского – половину продала на черном рынке. Коньяк, который для посольства отпускался по 175 франков бутылка, она сбывала в кафе по 500 франков. Темные делишки такого рода не составляли секрета в советской колонии. Кассир посольства, в компании со вторым секретарем, "заработали" не один миллион франков, пользуясь тем, что при обмене старых кредитных билетов на новые посольству обменивали любые суммы без ограничения; офицеры военной миссии мешками привозили из Германии марки, там уже вышедшие из употребления, и обменивали их на франки; на черном рынке продавали все, что продается: автомобили, отобранные у немцев и пригнанные в Париж, пишущие машинки, так же привезенные из-за Рейна» [253].

ликвидировать “невозвращенчество”. По официальной инструкции цель этой “работы”: “уничтожение всех будущих союзников капиталистических государств в связи с надвигающимся неизбежным конфликтом”. В порядке выполнения этого задания НКВД пришлось работать на всей территории Франции, организовывать налеты, в разных местах совершая тысячи нелегальных актов на чужой территории. Только часть этих дел дошла до сведения местных французских властей.

Разоблачение этих налетов затрудняется тем фактом, что сами “объекты” налетов в большинстве случаев крайне законспирированы и часто скрываются не только от советской власти, но и от местных французских властей, а также и от русских эмигрантов. Погоня за невозвращенцами подтвердила лишний раз факт сотрудничества местных французских коммунистов с НКВД. Во многих случаях французские коммунисты оказались информаторами, проводниками и даже оказывали содействие в поимке. В деле “Лапчинского с рю Эрланже” был даже прислан свидетель коммунист с фальшивыми показаниями для французской полиции. Центральный орган французской компартии “Юманите” в случаях подобного скандала немедленно публикует версию, выгораживающую НКВД, сваливая все на “агентов гестапо” и “белых эмигрантов” и пр. По подобным делам связь между НКВД и французской компартией поручена “сотрудникам”, русским коммунистам (см. ниже об “общей сети”). Пойманные жертвы, еще живые, быстро перевозятся на автомобиле или даже на самолете в Восточную Германию.

Главная база тактической сети НКВД находится в помещениях Военной Миссии, пользующихся дипломатической неприкосновенностью. Официальный советский концентрационный лагерь Борегар, около Версаля. Базой служат также дома, купленные в парижском районе советами. В этих домах были произведены большие работы – цемент ввозился мешками в подвалы, закупка нужных материалов и все работы производились под руководством русских коммунистов, “сотрудников” важного ранга. Рабочих и электротехников набирали в среде “советских патриотов” и французских коммунистов. Вот несколько адресов баз НКВД в Париже: 1) общежитие офицеров – майоры Березин и Орлов, ст<арший> лейт<енант> Водорацкий (адъютант ген<ерала> Драгуна), капитан Трофимчук – 57, авеню Анри Мартэн, 2) общежитие военной миссии – 134, бульвар Виктор Гюго, 3) кинобаза и квартира заместителя коммерческого представителя СССР во Франции, Константина Бахтова – авеню Марешаль Франшэ д-Эспере (дом между этой улицей и бульваром Сюше[416]).

II. “ОБЩАЯ СЕТЬ” НКВД ВО ФРАНЦИИ

Эта сеть составлена из отдельных «разбросанных» агентов или маленьких групп агентов, ведущих постоянную работу по всей территории Франции. Резидент НКВД, начальник этой сети Александр Александрович Гузовский, первый советник посольства СССР в Париже, сотрудник Богомолова[417].

---

[416] 57, avenue Henri-Martin, 16°; 134, avenue (boulevard?) Victor-Hugo, 16°; авеню Maréchal-Franchet-d’Esperey, 16°; boulevard Suchet, 16°.

[417] М. Коряков, описание на 1945 г.: «Хозяин посольства – не посол, а советник посольства, А.А. Гузовский, про которого известно, что он резидент НКВД. Живет он

Позднее Гузовский был замещен приехавшим из СССР А.Г. Абрамовым[418]. Гузовский находился в Париже с момента восстановления советского представительства во Франции в 1944 г. году. По происхождению он казак, участвовал в гражданской войне, старый член ВКП(б). В конце 1945 г. года он был награжден высоким орденом за “выдающиеся заслуги”. Видным сотрудником начальника “общей сети” является Б.Д. Михайлов, руководитель Бюро информации и прессы посольства. Эта руководящая верхушка централизует и ведет всю работу по следующим областям: 1) организация крупной сети местных агентов русского происхождения, хорошо знающих французский язык и местные условия и работающих под видом “эмигрантов-апатридов”, что дает им право постоянного пребывания во Франции, 2) руководство русской коммунистической партии заграницей, члены которой работают во Франции уже 20 лет в полном контакте с французской компартией, 3) слежка за “непримиримыми эмигрантами” и в случае нужды ликвидация их. Руководители “общей сети” работают в полном контакте с тактической сетью. Обе эти сети дополняют друг друга. В то время, как тактическая сеть работает под флагом “Военной Миссии”, общая сеть находится под иным прикрытием, ибо условия ее работы совершенно иные.

А. Русская компартия за-границей

“Русская компартия во Франции” существует уже около 20 лет. Она объединяет русских эмигрантов, “перекрасившихся” в советских патриотов и советских агентов, присланных из СССР для постоянной здесь работы под видом эмигрантов. С самого начала существования русская компартия основала “Союз Возвращения в СССР”. В этой организации русские коммунисты вели большую работу в тесном контакте с французской компартией и советским посольством по пропаганде, разведке, шпионажу, похищению эмигрантов (дело ген<ерала> Миллера), слежке за белыми эмигрантами, убийству невозвращенцев (дело Рейса) и пр. Во время испанских событий почти все члены русской компартии получили приказ перебросится в Испанию, где они начали работать на должностях офицеров и политруков. После окончания этой гражданской войны они вернулись во Францию и снова включились в местную работу. До 1938 года все русские коммунисты во Франции были и членами французской компартии. В 1938 году они получили приказ «выписаться» из нее. Благодаря этому французской полиции в 1939 году, а также немецкой полиции во время оккупации, было трудно их арестовать. Несмотря на эту меру предосторожности, многие русские коммунисты были интернированы в 1939 году французскими властями. Напр<имер>, капитан интернациональной бригады Н.С. Качва и “Жорж” Шибанов[419], политрук этой же бригады. Все интернированные коммунисты были освобождены немцами в 1940 году, в момент франко-

---

не в посольстве, а на площади Мальзерб. Он коренаст, подвижен, одет небрежно, ездит по Парижу один, без шофера, в крохотном “опеле”. <...> был начальником “общей сети” НКВД <...> во Франции» [253, с. 313, 316].

[418] Абрамов Александр Григорьевич. Руководитель Генерального консульства СССР в Париже в течение всего периода, когда это консульство существовало (2.12.1946 1.6.1947) [419].

[419] См. о них [410, с. 481-484] и приложения 1.I.30 и 1.I.53.

немецкого перемирия. С начала германо-советской войны русская компартия во Франции переключилась на борьбу с оккупантами и ушла в подполье, где она основала "Союз русских патриотов"[420]. Русская компартия руководила всей подпольной деятельностью "Союза", к которому примкнуло несколько эмигрантов, искренних врагов немцев. По отзывам всех русских сопротивленцев, членов французских подпольных организаций, которым приходилось соприкасаться с работой Союза Патриотов, работа последних велась в очень ограниченных размерах и неумело. В среде русской компартии приписывают даже один провал в работе, стоивший гибели нескольких человек, коммунисту К., который, желая продвинуться по партийной лестнице, таким образом устранил своих "конкуррентов". После освобождения Парижа русская компартия, все время тесно работая с французской компартией, захватила дома 4, рю Галиера и 40, рю Сен-Дидье (бывшие помещения жеребковского "правления")[421]. Здесь разместился "Союз Русских Патриотов", который превратился с разрешения французских властей в "резистантскую" официальную организацию, ведающую делами русской эмиграции, с полной поддержкой советского посольства, вернувшегося в Париж. На этот раз русская компартия получила замечательное гнездо, как базу для своей работы: "СРП", который в 1945 году превратился в "ССП", т.е. Союз Советских Патриотов. Эта организация была признана французскими властями; в ее распоряжении оказалось прекрасное помещение с сетью телефонов, с "ордр де миссьон", с автомобилями, официальными пропусками и т. д. По всей Франции в районах, где живут русские эмигранты, в ударном порядке был создан подотдел "ССП". Эти провинциальные отделы во всех городах Франции вместе с отделом ССП в Бельгии составляют большую и прекрасно организованную сеть ячеек русской компартии. Официальная деятельность "ССП" – пропаганда в среде русской эмиграции и "культурно-просветительная" работа яро просоветского характера во Франции и Бельгии. Всеми средствами, с привлечением к работе некоторых писателей и журналистов из русской эмиграции, ССП старается морально "ликвидировать эмиграцию". Пропагандная работа ведется перешедшими на советскую службу эмигрантами: проф<ессор> Марков[422], бывший белый генерал А. Говоров[423],

---

[420] Обратим внимание, как много интербригадовцев было в первом составе СРП (см. приложения 1.1.2 и 1.I.34-35): Г.С. Качва, Г.В. Шибанов, Н.Н. Роллер, Л.Б. Савинков, И. Троян и мн. др. Это, действительно, была сплоченная группа. См. также [301, с. 110-136].

[421] Rue de Galliéra, rue St-Didier, 16°. Именно там хранилась уже упоминавшаяся нами картотека, где были собраны имена всех русских эмигрантов старше 15 лет (более 20 тыс. чел.), которые проживали в Париже в период оккупации («с подробным жизнеописанием каждого» [440, с. 231]), и которую так искали и не нашли. Жеребков сумел либо вывезти, либо уничтожить ее. Как утверждает И. Сабенникова, «вся документация, касающаяся эмигрантов (по данным полицейского архива), должна была быть эвакуирована в Германию 19 августа 1944 г.» [440, с. 231], т.е. в первый же день восстания. Из имеющихся воспоминаний не совсем ясно, когда восставшими было захвачено здание советского посольства. По одним сообщениям – 19 августа [345, с. 436]. В этом случае Жеребков опередил их лишь на несколько часов. По другим – не ранее 20 августа [391, с. 285]; по третьим – сказано уклончиво, и точная дата непонятна [345, с. 451].

[422] См. [410, с. 485-487] и приложение 1.I.39.

[423] См.[410, с. 484-485] и приложение 1.I.54.

проф. Одинец[424], журналисты Ладинский[425], Михаил Струве[426], А. Руманов[427] и другие. Русская компартия является в ССП "внутренним контролером". Почти все руководящие должности в ССП занимают крупные члены компартии.

---

[424] См.[410, с. 491-494] и приложение 1.I.38.

[425] Ладинский Антонин Петрович (19/31.1.1896, с Общее поле. Порховский р-н Псковской губ. – 4.6.1961, Москва; Новодевичье кл.), поэт, писатель, переводчик, журналист, масон. Студент Юридического фак-та Петроградского ун-та, прервал обучение. Окончил школу подпрапорщиков в Петергофе. воевал в Перую мировую войну в чине прапорщика. Участник Гражданской войны, подпоручик, служил в армии Деникина. Тяжело ранен, в 1920 г. эвакуирован с госпиталем из Крыма; попал в Египет. С 1924 г. – в Париже. Учился в Сорбонне, не закончил из-за недостатка средств. Работал на обойной фабрике, маляром, телефонистом. Член многих литературных объединений (с 1925 г. постоянный участник вечеров Союза молодых поэтов и писателей, с 1926 г. – член его правления; в 1927-29 гг. – объединения «Зеленая лампа», в 1929-32 гг. – «Кочевья», в 1932-34 гг. – «Кочевья», в 1930-33 гг. – журнала «Числа» и др.), обрядоначальник ложи «Северная звезда» (1935 г.); член Центрального Пушкинского комитета в Париже (1935-37 гг.); сотрудник «Парижских новостей»: печатался во многих периодических изданиях. альманахах, антологиях («Современные записки», «Воля России», «Иллюстрированная Россия», «Новый корабль», «Числа», «Новь», «Встреча», «Круг», «Якорь»). В Париже и Берлине издал 5 поэтических сборников (1931-50 гг.). Во время войны – в «свободной» зоне. Участник Сопротивления. В 1944 г. член временного правления СРП. Сотрудничал в изданиях ССП и ССГ («СП-2», «РН» и др.). 30.6.1946 получил советский паспорт. В декабре 1947 г. вышел из Союза русских писателей и журналистов. С 1948 г. член правления Объединения русских писателей и поэтов. Секретарь и переводчик специального корреспондента «Правды» в Париже Ю.А. Жукова. 7.9.1950 выслан из Франции и доставлен в ГДР. Жил в Дрездене. В марте 1955 г. получил разрешение вернуться в Москву. Избран членом Союза поисателей СССР. Зарабатывал переводами французских романов, автор исторических романов, оказавшихся очень востребованными: трилогии о Киеве – «Когда пал Херсонес» (с 1959 г. по 2001 г. выдержала не менее 13 изданий), «Анна Ярославна – королева Франции» (с 1961 г. по 2010 г. – не менее 23 изданий) и «Последний путь Владимира Мономаха» (с 1966 г. по 2008 г. – не менее 22 изданий), а также «XV легион» (из римской истории, впервые вышел в 1937 г., переиздавался в 1994 г. и 2008 г.), «В дни Каракаллы» (за 1961-98 – 3 переиздания), «Голубь над Понтом» (о Византии, впервые вышел в Таллине в 1938 г., переиздан в 1994 г.), очерки «Путешествие в Палестину (1937 г., переиздание 1999 г.) и рассказы («Слоны Ганнибала», «Анна Ярославна и ее мир» и др.) [104, с. 462, 534; 404; 414-2, с. 17-18; 452, с. 456-457; 458, с. 136-137].

[426] Струве Михаил Александрович (8[14?].9.1890, Самара – 19.5.1949, Париж; кладб. в SGdB), поэт, знакомый Н.С. Гумилева, которому посвятил стихи (они встречались в 1915 г.). В 1916 г. участвовал во втором Цехе поэтов. Окончил Петербургский ун-т. В эмиграции с мая 1920 г., жил в Париже. С 1920 г. участник различных литературных объединений; один из инициаторов создания «Цеха поэтов»; в 1921 г. – член «Палаты поэтов»; с 1922 г. – в литературно-художественном кружке «Гатарапак», в 1923-24 гг. – в объединении «Через»; с 1925 г. – член Союза (Объединения) молодых поэтов и писателей; входил в объединение «Кочевье». Сотрудничал в издательстве «Новый дом» (1926 г.), в газете «Семь дней в иллюстрациях», в «ПН». Принимал участие в работе Тургеневского артистического общества; в 1935 г. входил в Товарищество объединения русских издательств. Печатался в журналах «Современные записки», «Иллюстрированная Россия». «Версты», «Воля России», «Русские записки» и др.; стихи вошли в несколько антологий; в газетах публиковал рассказы, путевые очерки, рецензии на фильмы. Бедствовал: покушался на самоубийство. В 1930-е гг. – на позициях Республиканско-демократического

Под руководством верхушки НКВД в посольстве русская компартия, под прикрытием ССП, ведет подбор новых "кандидатов в партию" среди членов ССП. Намеченные кандидаты получают звание "активиста ССП" и проходят курс "диамата" и "истории партии", повышая тем свою политическую грамотность в самом Союзе. После окончательной проверки испытаний (исполнения поручений, слежки, доносов и пр.) кандидат принимается в состав партии. Члены партии переходят или в состав "сотрудников тактической сети НКВД" в опергруппе или внедряются в русские эмигрантские организации, и подотделы французских профсоюзов, или просто ведут одиночную шпионскую работу среди эмиграции. Некоторые работают по связи с "кавказскими" эмигрантскими организациями (напр., Национальный Армянский Фронт известного "мэтра Мармариана"[428]), разыскивают невозвращенцев. Наконец, некоторые держат ответственную связь между НКВД и французской компартией.

Русская компартия за-границей сильно законспирирована и подбор кандидатов производится с такой строгостью, что некоторые советские патриоты, ставшие ярыми коммунистами, жалуются на "чрезмерную селекцию". Существование компартии (русской), как таковой, стало явным только три года тому назад. Большинство членов партии за годы подполья и после освобождения

объединения. Участник Сопротивления. Публиковался в «РП» (Париж, 1944 г.), «СП-2», «РН». Член ССП и ССГ. В 1946-47 гг. Выступал на литературных вечерах ССП. В конце 1947 г. вышел из Союза русских писателей и журналистов. В 1948 г. принимал участие в вечере участников сборника «Эстафета». Ум. в госпитале Сен-Антуан после операции. Масон [104, с. 472; 327-6-2, с. 226; 414-3, с. 231-232; 452, с. 775; 458, с. 232-233; 583, с. 199; 624, с. 370].

[427] Руманов Аркадий Вениаминович (Абрам-Исаак Бениамин; 29.11.1878, Царское село – 19.10.1960, Париж; кл. Pantin), присяжный поверенный, журналист, коллекционер. Еврей, принял крещение, но, по описаниям, молился на древнееврейском языке. Окончил Царскосельский лицей, юридический фак-т Петербургского ун-та. В эмиграции с конца 1918 г. В 1919 г. находился в Лондоне как представитель Политического совещания при генерале Н.Н. Юдениче; член Лондонского комитета освобождения России. С 1920 г. – во Франции. Компаньон и секретарь вел. Кн. Александра Михайловича. Вел юридическую практику. Читал лекции о французской культуре. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже; член Общества друзей русской книги. Сотрудничал в изданиях: «Временник» этого Общества, «Борьба за Россию», «Числа», «Иллюстрированная Россия», «International Observer»; основал и возглавил журнал «Cinéa» и литературное агентство «Selection». Собрал большую художественную коллекцию, значительная часть которой пропала в годы войны. После войны стал активным «советизаном». Один из основателей газеты «РП», затем «СП-2». Летом 1946 г. вместе с женой устроил в своем доме прием в честь приехавших из СССР писателей К.М. Симонова и И.Г. Эренбурга. Активно агитировал эмиграцию за возвращение в СССР, но сам не поехал. Отец Даниила Аркадьевича Руманова (р.17.2.1936 в Париже) [327-6-1, с. 314-315; 414-2, с. 665-666; 420; 582]. См. о нем в приложениях 1.1.34-35 и 1.1.39.

[428] Марморян Г.М., председатель Национального Армянского Фронта в Париже, на июль 1946 г. – Союза русских армян во Франции. В 1945 г. побывал в СССР и в начале сентября 1945 г. читал на эту тему публичную лекцию. Выступал 30.6.1946 на торжественном заседании под председательством посла СССР А.Е. Богомолова при выдаче советских паспортов. Г-жа Марморян 26.4.1947 пела на вечере Содружества русских участников Сопротивления во Франции [434-5, с. 102, 157, 195].

Франции вновь зачислились в состав французской компартии. Любопытно, что не так давно все они снова получили приказ от НКВД выписаться из французской партии. Приказ этот объясняется в среде компартии тем, что современная обстановка аналогична периоду, предшествовавшему войне: надвигается новый конфликт и необходимость в будущем снова уйти в подполье.

Некоторые другие факты тоже говорят о подготовке партии к переходу к "подпольной" деятельности. В течение августа и июля 46 года в ССП сформировались «кружок бывших политзаключенных» и "интербригадистов". Эти оба "кружка" составлены из членов партии. Цель создания их привлечение всех "старых", отошедших товарищей и подготовка их, в тесном кругу, к грядущей ответственной работе.

Стремлением увеличить число сотрудников НКВД объясняется также издание советской властью т<ак> н<азываемого> "указа 14 июля" о возможности принятия всех русских эмигрантов в советское подданство. Этой новой категории совграждан, в подавляющем большинстве остающихся за-границей, поставлена на вид необходимость защищать "интересы Советского Союза заграницей". И одни из этих новых советских граждан идут на работу в НКВД, предпочитая жить во Франции и не возвращаться "на родину". Другие же, мечтающие, действительно, вернуться на родину, должны работой в НКВД заслужить право на это возвращение. Проверка сведений о лицах, берущих советские паспорта, лежит на "товарищах из ССП".

Все вопросы, касающиеся общественной работы ССП, ведутся под руководством Н.П. Емельянова, советского консула в Париже. Работа же "внутренней линии" ССП – компартии ведется под личным руководством резидентов НКВД в посольстве. Все совещания, субсидирования, приказы производятся в самом посольстве, при встречах советских НКВД и ответственных товарищей из партии. Вот список некоторых членов русской партии во Франции, играющих видную роль в ССП:

1) Пелехин[429], старый член компартии, состоял в Союзе Возвращения, участник подпольной работы СРП, член правления СРП, член ЦКССП до конца 1945 г.; теперь редко показывается в ССП; он лично руководил всеми работами по "оборудованию" домов, купленных советами во Франции; по некоторым данным является секретарем русской компартии во Франции; молодой человек лет 35, спортивного вида, высокий, образованный, хорошо говорит по-французски.

2) Николай Качва, бывший член "Союза Возвращения", капитан Интернациональной Бригады, старый коммунист, член правления СРП, бывший "подпольщик"; в настоящее время заместитель председателя ЦК СПП; руководил отделом молодежи при ССП (работа с молодежью считается одной изнаиболее ответственных). Член президиума Союза "политзаключенных". Его фамилия цитирована с похвалой в "Известиях" от 3-го июля 1946 года. Один из главных руководителей "внутренней линии" партии в ССП. Карьерист. Культурный человек, лет 50, болезненный, аморальный, не стесняется ничем, чтобы пролезть выше по партийной линии. Плохо говорит по-французски.

---

[429] См. [410, с. 481] и приложение 1.1.55.

3) “Жорж” Шибанов, старый коммунист, бывший комиссар Интернациональной Бригады, подпольщик; руководил в 1944-45 гг. “Комитетом помощи советским военнопленным и депортированным во Франции, секция КАДИ” (этот отдел был создан в среде ССП для усиления травли невозвращенцев); один из руководителей “сотрудников” опегруппы тактической сети НКВД; связан непосредственно с “Военной Миссией”, получает непосредственно субсидии для “сотрудников”; 50-ти лет, малограмотный, грубый, волевой. Тип большевика-палача. Постоянно вооружен (как и все другие члены партии).

4) И.Г. Каспаров[430], старый коммунист, хвалится, что он уже 25 лет в партии; член правления СРП, член правления СРП, член ЦКСПП. В настоящее время заместитель председателя ЦК; является также ответственным управляющим газеты “Советский Патриот”, работает в связи с “Национальным Армянским Фронтом”; кавказского происхождения, лет 45, малокультурный, грубый и трусливый.

5) “Баранов” (псевдоним), старый коммунист; раньше жил на юге Франции (в Ницце), приехал оттуда и сразу включился в работу ССП член правления до апреля 1946 года; ведает собиранием сведений об эмигрантах и все время находится в связи с советским посольством, якобы дает там уроки французского языка; сам он по-французски говорит плохо; маленького роста, еврей, лысый.

6) Василий Ковалев, давно живет во Франции, старый коммунист; в прошлом один из руководителей “Союза Возвращения”, член СРП, член президиума ЦКСПП, после выборов 27 апреля 1946 года; говорит хорошо по-французски, женат на француженке.

7) “Заграничный” (псевдоним), бывший член интернациональной бригады, бывший французский легионер, старый коммунист, видный член ССП, малокультурный.

8) Отар, кавказского происхождения, работает в ССП недавно.

9) “Некурящих”, два брата, оба старые коммунисты, ведали в ССП политической подготовкой активистов.

10) Юрий Гудзац (Степуренко)[431], лет 30, ярый коммунист, журналист, некоторые статьи его появлялись во французских коммунистических газетах, хорошо говорит по-французски.

---

[430] Каспаров И.Г. На первом заседании Парижского отдела СРП 17-18.12.1944 был рекомендован в правление отдела. Председательствовал на общем собрании СРП, которое проходило 31.12.1944 в Montargisuц; на собрании Объединения русской молодежи при СРП (28.1.1945 г.). На объединительном конгрессе СРП и СДСР 10.3.1945 избран ген. секретарем Центрального правления Верховного совета вновь созданного ССП. Выступал с докладами или участвовал в прениях на собраниях ССП в Nanres 21.5.1945 г., в Париже 17.7.1945 г. На II делегатском съезде ССП 12-13.10.1945 избран в Центральное правление; на III съезде, 27.4.1946 избран зам. Председателя президиума ЦК. 7.5.1946 присутствовал на приеме у Министра иностранных дел СССР В.М. Молотова [434-V, VIII].

[431] Гудзац (Гутзац) Юрий Д., журналист. На совместном заседании СДСР и СРП с целью учреждения отдела ССП в Марселе 25.3.1945 избран в правление. На май 1945 г. являлся зав. культурно-просветительным отделом ССП в Марселе. Сотрудничал в «СП-2». От этой газеты выступил с речью на банкете в честь отъезжающих на родину членов ССГ 20.9.1947 [434-V, VIII].

11) "Пьер" и "Гарсон", активные сотрудники СРП в подполье, теперь работают вне ССП, хотя часто там имеют свидания с ответственными работниками по "внутренней линии".

Б. Отдельные агенты

НКВД употребляет большое количество "отдельных" агентов, не членов русской компартии, но работающих в полном контакте с НКВД. Личности второстепенные, вербуются, обучаются и руководятся членами компартии. Но есть среди таких сотрудников НКВД люди весьма культурные и занимающие видное положение среди русской колонии в Париже.

Пресса

В Париже имеется ряд пропагандных просоветских изданий. У каждого из них своя сфера действия. На французском языке выходит журнал "Эпок Нувелль"[432], предназначенный для пропаганды среди французских интеллектуальных кругов. Редактором этого журнала является Д.Н. Вердеревский[433], эмигрант, взявший одним из первых советский паспорт и давно известный своими симпатиями к "генеральной линии партии". Вердеревский находится в тесном личном общении с первым советником посольства[434] и является частым посетителем посольства. Просоветскую агитацию он ведет также в среде русского и французского масонства.

Советским пропагандным изданием на русском языке, предназначенным для русской эмиграции под "умеренно-демократической" вывеской является газета "Русские Новости". С момента своего появления эта газета "проповедует, что Сталин является проводником русской национальной политики". С одной стороны, пропаганда этой газеты предназначена для разложения эмиграции, с другой для фальсификации общественного мнения русской эмиграции

---

[432] L'Époque nouvelle: Hebdomadaire. Еженедельник.

[433] Вердеревский Дмитрий Николаевич (4.11.1873, СПб. – 22.8.1947, Париж, кладб. в SGdB), контр-адмирал. Окончил Морской корпус, Офицерские артиллерийские классы; участник Русско-японской войны; в 1912 г. капитан 2-го ранга, читал лекции в Николаевской морской академии. Во время Первой мировой войны командовал крейсерской эскадрой; произведен в контр-адмиралы; с 1.6.1917 командовал Балтийским флотом. С 30.8(1.9?).1917 морской министр Временного правительства. С 1 по 24.9.1917 входил в Директорию. В сентбре 1917 г. участвовал в работе Демократического совещания в Петрограде. 26.1.1917 арестован вместе с другими министрами Временного правительства в Зимнем дворце; выпущен на следующий день. В мае 1918 г. уехал в Лондон. Занимался торгово-промышленной детельностью. С 1925(1928) г. – в Париже. Член ложи Юпитер (с 1927 г.); в 1930-е гг. выполнял обязанности архивариуса, секретаря, оратора, депутата в Великой ложе Франции, представляя эту ложу в Совете объединенных русских лож; выступал на заседаниях лож Юпитер и Друзья любомудрия. 12.2.1945 участвовал в приеме в советском посольстве в Париже. Член правления Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией (1945 г.). 30.6.1946 получил советское гражданство. С 20.9.1946 член Ассоциации друзей движения Сопротивления. Один из создателей ССГ. Чл. Комитета русской помощи гражданам СССР (1947 г.). Редактировал вместе с Н.А. Бердяевым журнал «Cahiers de la Nouvelle Époque». Умер от приступа грудной жабы. Жена (с 1895 г.): Плэн (Плен) Елена Михайловна (ум. 11.4.1944 г.). Имел троих детей. [129, с. 450-451; 303; 327-1, с. 537; 414-I, с. 267; 452, с 174; 624, с. 61].

[434] Речь идет о чекисте А.А. Гузовском.

перед французским общественным мнением. Эта роль просоветской газеты облегчается тем, что независимой русской печати в настоящее время во Франции нет, что русская эмиграция терроризована свободой действия НКВД во Франции и лишена материальных средств. Единственный независимый и свободный журнал "Свободное Слово" выходит нерегулярно и печатается в недостаточном количестве экземпляров. Этим периодом молчания русской эмиграции во Франции большевики широко пользуются, стараясь продлить его как можно дольше, прибегая даже в некоторых случаях к непосредственным угрозам. Главный редактор "Русских Новостей" – А.Ф. Ступницкий[435], французский гражданин по натурализации, ведший в своей газете широкую большевистскую агитацию в пользу взятия русскими эмигрантами советских паспортов; в прошлом Ступницкий ярый антибольшевик, в свое время выступавший свидетелем на процессе Конради[436] (убийство Воровского[437]), теперь он один из частых посетителей рю Гренелль и так сказать советник советского посольства по "вопросу о русской эмиграции". Репортеры "Русских Новостей" Б. Бродский[438], Н. Рощин[439]) и Хохлов[440], все трое советские граждане "по указу 14 июля", находятся в постоянном контакте, как с консулом Н. Емельяновым, так и с первым

---

[435] См. [410, с. 597-599] и приложение 1.1.41.

[436] Конради Морис (Александр) Морисович (1896, СПб. – до 16.3.1931, Африка), сын конфетно-шоколадного фабриканта; в Гражданскую войну – в армии Деникина. Убил в Лозанне В.В. Воровского [327-3, с. 434].

[437] Воровский Вацлав Вацлавович (15/27.10.1871, Москва – 10.5.1923, Лозанна), советский партийный и государственный деятель, публицист. С 1921 г. полпред в Италии. [58-5, с. 359].

[438] Бродский Борис Я. (17.2.1901, Киев – не ранее 1951, СССР?), журналист. В эмиграции жил в Берлине. В 1927 г. член берлинского Союза журналистов и литераторов. Сотрудничал в газете «Руль», журнале «Наш век». Не позже 1937 г. переехал в Париж. Во время войны, в 1941-42 гг. находился в Лиможе (деп. Верхняя Вьенна). После Освобождения член ССП, участвовал в создании ССГ (июнь 1947 г.), Союза русских писателей и журналистов в Париже. Член правления Объединения работников искусства (с декабря 1946 г.), член ревизионной комиссии Объединения русских писателей и поэтов (1947-48 гг.). Сотрудничал в газетах «РН» (с 1945 г.), «Русская мысль» (с 1947 г.), «Честный слон» (1945 г.). В 1951 г. выслан за просоветскую деятельность [414, с. 212; 434-VIII; 452, с. 141].

[439] *Н.Рощин ныне уехал в СССР.* [Прим. авт.].

[440] По всей видимости, имеется в виду Хохлов Евгений Сергеевич (23.6.1890 – 1971, Москва), прозаик, поэт-сатирик, публицист. До революции издал сборник стихов; публиковался в юмористических журналах. В эмиграции – в Париже. Работал в редакции «Иллюстрированной России»; сотрудничал в «ПН», где вел отдел спорта. Член Союза русских литераторов и журналистов (с февраля 1937 г. – член правления). После войны примкнул к «советизанам». 3.9.1945 присутствовал на приеме в Советском посольстве в честь митрополита Николая (Крутицкого). 7.6.1946 присутствовал на заседании Объединения русских писателей во Франции, посвященному павшим писателям. Позднее – член Союза русских писателей и журналистов в Париже (из которого вышел 22.11.1947 в знак протеста против исключения из Союза его членов, принявших советское гражданство). С 1947 г. – секретарь редакции газеты «Русская мысль». Печатался в «РН». Принял советское гражданство и после 1954 г. вернулся в СССР. [414-3, с. 452-453; 434-III, с. 282; 434-VIII]. Возможные родственники: Хохлов Мстислав Николаевич (8.3.1886 – 28.1.1963 кладб. в SGdB) и Хохлов Т. (? — 1955 кладб. в SGdB) [624, с. 415].

советником посольства и руководителем советского информбюро чекистом Михайловым.

Другое советское пропагандное издание на русском языке “Советский Патриот” является органом, ничем не прикрывающим своей коммунистическ<ой> линии. Эта газета орган законспирированной русской компартии во Франции. Официально же это орган “Союза Патриотов”. Редактор этого еженедельного издания – проф<ессор> Одинец, новый советский гражданин, тоже работает в самом тесном контакте с посольством; он находится также в связи с советской военной миссией и советские чиновники относятся к нему с “большим почтением”. Большую роль в редактировании “Сов<етского> Патриота” играет также А. Руманов, старый журналист, весьма вхожий в посольство к первому советнику и консулу. В частности Руманов занимается вербовкой русских эмигрантских писателей и журналистов для работы в большевистской печати. Кое кому он устроил даже денежные авансы от советского посольства, якобы на издание их книг в Советском Союзе. Репортер “Русских Новостей” Н. Рощин (Федоров) до войны сотрудничал в правой эмигрантской газете “Возрождение”, но и тогда уже он был в контакте с советскими организациями НКВД; на его фишке в посольстве значится: “с 1938 года в контакте с посольством, исключительно преданный советский гражданин”.

Большевистская пропаганда в масонстве

НКВД давно поняло большое значение агентов во французском франмасонстве. Уже до войны были разоблачены, как агенты НКВД в русском масонстве, три человека: писатель Анатолий Каменский[441], уехавший в СССР, предварительно украв списки русских масонов в русском масонском доме на рю Ивет[442]; Сергей Эфрон, участник убийства невозвращенца Рейса, также бежавший в СССР, и генерал Дьяконов[443], в свое время обвиненный в организации

---

441 Каменский Анатолий Павлович (17/29.11.1876, Новочеркасск – 1(23?).12.1941, Ухтижемлаг, Коми АССР), прозаик, публицист, киносценарист. Учился в СПб. в Ин-те инженеров путей сообщения (1895-1997 гг.) и на юридическом фак-те Петербургского ун-та (1897-1902 гг.). Служил в Министерстве финансов (1903-1909 гг.). Поэт, беллетрист. Автор около 30 сценариев для кинематографа. В 1918 г. уезжает в Киев, в 1919 г. живет в Одессе. В том же году перебирается в Севастополь, где организовывает театральную труппу «Коломбина». В 1920 г. эмигрировал в Константинополь; в 1921 г. переехал в Берлин, где опубликовал несколько книг. Работал как драматург; член Союза русских писателей и журналистов в Берлине. В 1924 г. вернулся в СССР. В 1929 г. участвовал в подделке поэмы Некрасова «Светочи». Весной 1930 г. выехал заграницу. Остался в Берлине. Сотрудничал в газете «Руль». В том же году перебрался в Париж. Член ряда литобъединений, в т.ч. Союза русских писателей и журналистов в Париже. Участвовал в литературных собраниях объединения «Кочевье», а также в различных публичных диспутах и собеседованиях. Масон; член Ложи Астреи (союза Великой Ложи Франции). Публиковался в журналах «Иллюстрированння Россия», «Мир и искусство», «Сатирикон»; в газетах «Бодрость», «ПН», «Новое русское слово». В сентябре 1935 г. вернулся в СССР. Арестован в 1937 г. Весной 1939 г. осужден на 8 лет за шпионаж; в 1941 г. срок увеличен до 10 лет. Умер в заключении. [414-1, с. 650; 282-1, с. 204; 434-IV; 452, с. 372].

442 Rue de l’Yvette, 16°.

443 Дьяконов Павел Павлович (4[8?].2.1878, Москва – 1943, Челкар, Казахстан), полковник (генерал-майор?) Генерального штаба. Окончил Казанское пехотное училище,

похищения ген<ерала> Кутепова, побывавший в красной Испании и тоже перед войной бежавший в СССР.

В настоящее время для НКВД пропаганда среди масонов, вероятно, нужна еще более. Говорят, что в недрах НКВД был даже поднят вопрос об открытии масонских лож в СССР. Эта мера, помимо привлечения симпатий многих иностранных большевизанов, позволила бы "советским масонам" проникнуть в ложи многих стран. Возможность внедрения своих людей и сейчас НКВД использует очень сильно. Во Франции имеется 8 русских лож при французском масонстве. Теперь в этих ложах ведется многими "советскими патриотами" яростная Сталинская агитация, направленная на уловление как русских, так и французских масонов. Переходя из русских лож во французские, эта агитация имеет целью затемнение действительной сущности большевистской власти. Чрезвычайно активным советским агитатором среди масонства является М.М. Бренстэд[444], бывший сотрудник "Возрождения", пишущий под псевдонимом "Артемьев". По паспорту он датчанин, благодаря чему имеет возможность легко передвигаться по всей Европе. Его дети, приняв советское

Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. В 1916-17 гг. воевал на французском фронте; командовал Особым полком Экспедиционного корпуса. Награжден орденом Почетного легиона. Остался за границей. Военный атташе от Белой армии в Лондоне. В 1920 г. вернулся во Францию. Журналист, писатель; публиковался в журнале «Иллюстрированная Россия». В 1924 г. завербован советской разведкой. Работал под псевдонимом Виноградов. В 1928 г. был связан с организацией «Трест». В январе 1930 г. предлагал Кутепову ехать в Берлин для свидания с представителями «Внутренней русской национальной организации» и участвовал в его похищении. По заданию Москвы сотрудничал с французской разведкой для ослабления германского влияния на Францию. В 1937 г. уехал в Барселону; корреспондент в республиканской армии. Вернулся во Францию. Масон; член ложи Друзей Любомудрия (Союз Верховного Совета Франции), ложи Юпитер (в 1935 г. ее казначей) и Ложи Международной дружбы; член Совета объединения русских лож Древнего и Принятого Шотландского устава (союз Великой ожи Франции), где представлял ложу Юпитер. Накануне 2-й мировой войны хотел уехать в СССР. Во время оккупации Франции заключен немцами в тюрьму «Сантэ». Освобожден. В 1941 г. вернулся в СССР. [414-1, с. 520; 452, с. 319].

[444] Брендстедт (Бронстэд, Бренстедт, Бренстед, Бромстед, Бронштедт) Михаил (Артур) Михайлович (псевд. Артемьев; 18(21?)/30.5.1890, СПб. – не ранее 1967, Волгоград?), из семьи обрусевших датчан; подданный Дании. Окончил Петербургский ун-т. Анархист, масон, писатель, журналист. После революции 3 года прожил в эмиграции в Париже. Вернулся в Советскую России. С 1930 г. (1931?) г. снова в Париже, в 1936 г. – в Исси ле Мулино. Сотрудничал в «ПН», шведской газете «Arbetarins», датской «Politikus»; в журналах «Путь», «Утверждение» Член ложи Северное сияние (с 1931 г.). Участвовал в работе молодежных клубов Русского студенческого христианского движения (РСХД). Выступал на различных диспутах и собраниях, в т.ч. в октябре 1934 г. в Социально-философском объединении. В 1932 г. примкнул к пореволюционному движению; участвовал в работе Объединеного клуба пореволюционных течений, клуба «Свободная идеологическая трибуна». В 1936-37 гг. – корреспондент в Испании. Во время 2-й мировой войны – один из руководителей СРП, редактировал газету «РП». Арестован в январе 1944 г.; более 7 месяцев содержался в заключении. Сотрудничал с советской разведкой. Один из руководителей группы ССП. В конце 1947 г. вышел из Союза русских писателей и журналистов. Возвратился в СССР, жил в Волгограде. Дочь – Вера, участница движения Сопротивления [345, с. 444-448; 414-1, с. 208: 434-IV; 452, с. 139].

подданство, уехали в СССР. Столь же ревностными агитаторами Сталинских идей в масонстве являются: Д.Н. Вердеревский (редактор "Эпок Нувелль"), Голиевский, бывший военный атташе царского времени в Америке, а теперь служащий в американском посольстве, Грюнвальд[445], сотрудник "Русских Новостей", беспрепятственно ездящий в советскую зону в Германии и обратно, Д. Ермолов[446], активный участник ряда просоветских организаций до войны, Г. Товстолес[447],

---

[445] Грюнвальд Константин Константинович, фон (псевд. С. Невский; 4/16.9.1881 г., СПб. – 2.4.1976 г., Нейи-сюр-Сен, под Парижем), юрист, дипломат, журналист, писатель, переводчик, историк. Окончил юридический фак-т Петербургского ун-та. Сотрудник посольства в Берлине; затем заведовал отделом внешней торговли в Министерстве финансов. Во время Русско-японской и Мировой войн – уполномоченный Красного креста. В эмиграции жил в 1919-21 г. – в Лондоне (управлял делами Русского торгово-промышленного союза), с 1921 г. – в Париже и его пригороде Курбевуа. С 1922 г. читал лекции по истории в Русском народном университете. Сотрудничал в «Современных записках», «Иллюстрированной России», газете «Возрождение». Во время войны жил в «свободной» зоне. После войны сотрудничал с «РН», совершал неоднократные поездки в Москву. Выступал с докладами в Кружке любителей русской военной старины (с 1947 г.). Монархист, масон. Чл.-корр. и трижды лауреат Академии моральных и политических наук Института Франции; лауреат премии Института Франции. Автор монографий о Петре Великом (1953 г.) и Александре I (1955 г.). В 1965 г. член-основатель возобновленной ложи Ареопаг Ордо аб хао и ложи Астрея; член Совета Объединения русских лож; почетный член ложи Астрея (с 1967 г.) и ложи Виллар де Хоннекур союза Великой Национальной ложи Франции (1976 г.) [104, с. 457; 140, с. 824; 327-2, с. 257; 414-1, с. 438; 434-IV, VIII; 452, с. 278-279].

[446] Р. Гуль о нем: «"Просоветскими" оказались и братья Ермоловы, в особенности Дмитрий, вошедший в просоветскую группу, созданную в Париже М.Л. Слонимом под названием "утвержденцев"» [144-3, с. 81]. Ермолов Дмитрий Николаевич (3.11.1884, Пенза [Москва?] –23.1.1963, Париж). В [414-1, с. 542] утверждается, что он похоронен на кладбище в SGdB, но в [624] его имя не упоминается. Служил в Министерстве внутренних дел. Эмигрировал после революции. В 1921 г. входил в церковный комитет помощи голодающим при Высшем церковном управлении (русское консульство в Константинополе). После 1923 г. представитель Американского комитета профессора Уитмора, оказывавшего помощь русским студентам. До 1931 г. жил в Софии (Болгария), затем в Париже. С 1954 г. член правления Земгора. Промышленник, масон; член Совета Объединения русских лож (с 1934 г.), руководил ложей Юпитер (1947-56 гг.); выступал с докладами в различных ложах. Его братья: Александр (1883 – 26.2.1956), одно время был директором русской гимназии в Болгарии; Борис (6.1.1891, Москва – не ранее 1967), жил в Париже, в т.ч. и во время оккупации, секретарь (1932 г.), директор (1954-57 гг.) Византийской библиотеки. Масон; Леонид (? – 16.11.1945[46?], St.Alban, Haute Garonne, Франция), поручик [327-2, с. 501; 414-1, с. 542; 452, с. 325]. Слоним Марк Львович (псевд. Б. Аратов; 23.3/4.4.1894, Новгород-Северский – 8.4.1976, Болье-сюр-Мер, деп. Приморские Альпы, Франция), литературовед, журналист. Эсэр, избран в Учредительное собрание (1917 г.). Эмигрировал в 1919 г.; жил во Флоренции, затем в Берлине, с 1922 г. – в Чехословакии, с 1927/28 гг. – во Франции. В 1941 г. переехал в США, в 1943-62 гг. преподавал в Сара-Лоуренс Колледже. После войны один из лидеров группы «утвержденцев». С 1963 г. жил в Женеве. Автор многих книг. Сотрудничал в «Русской мысли», «Новом русском слове». Масон [327-6-2, с. 31-32; 452, с. 755-756].

[447] Товстолес Григорий Николаевич (7.4.1887, Черниговская губ. – 4.11.1957, СССР), один из первых евразийцев (еще с 1920 г. в Константинополе). В эмиграции с 1925 г. жил в Париже; в 1931-38 гг. – в Медоне, под Парижем. В 1926 г. секретарь Евразийского

И. Кривошеин[448], проф. Шклявер[449] и другие бывшие эмигранты, ставшие "советскими гражданами" и советскими агитаторами.

"Резистанс"

НКВД держит под своим контролем так называемое "Содружество Русского Сопротивления во Франции", группирующее русских эмигрантов, бывших членов подпольной работы во время немецкой оккупации. Председателем этой организации является И. Кривошеин (масон), ставший советским гражданином по указу 14 июля, а фактическим "контролером" со стороны посольства является его заместитель Монтуляк[450], старый коммунист, играющий также роль в «Союзе Патриотов» О других организациях сопротивленцев, находящихся в лоне ССП, было уже сказано.

Церковь

Агентом по делам русских православных церквей во Франции является Николай Полторацкий[451], бывший эмигрант, ставший советским гражданином

семинара в Париже. Работал корректором. Масон высших степеней (с 1944 г.), мастер Церемоний («трапезник»; во время войны участвовал в собраниях масонов у С.Г. Лианозова; участвовал в возрождении ложи Северное сияние. В 1945-47 гг. – издатель. В 1950 г. был выслан из Франции. В СССР был репрессирован [414-3, с. 308; 434-IV; 452, с. 801].

[448] См. [410, с. 507-509] и приложение 1.I.56.

[449] Шклявер (Шклавер) Георгий (Георг) Гаврилович (15/27.9.1897, СПб. – 31.8.1970, Париж), поручик русской армии. В эмиграции жил в Париже. Сотрудник Н.К. Рериха. Автор «пакта Рериха», в соответствии с которым был заключен договор о сохранении произведений искусства и культуры во время войны. Доктор юридических наук (1929 г.). С 1938 г. проф. Международного ин-та права Парижского ун-та. Хранитель парижского отдела Музея Рериха. Генеральный секретарь Общества друзей этого музея (с 1929 г.). В 1930-е гг. сотрудничал в Научно-философском обществе, Обществе сибиряков и дальневосточников, Союзе возвращения на Родину, Российском национальном объединении (1938 г.). Один из основателей Пореволюционного клуба (1932 г.). Участвовал в Оборонческом движении (с 1936 г.). Во время 2-й мировой войны лейтенант французской армии. Спас многих французов в Дюнкерке, но сам попал в плен. С 1944 г. член СРП, затем ССП (с 1945 г. – в Центральном правлении); юрисконсульт СРП/ССП (1944-46 гг.). Сотрудничал в газетах «РП» и «СП-2». В 1947 г. член оргкомитета правления общества «Русская помощь» в Париже. Член содружества русских резервистов французской армии. Французский подданный. Профессор ряда французских учебных заведений. Член комиссии по проведению экзаменов при Министерстве иностранных дел и юристконсул французского Центра внешней торговли. Масон; член ложи Юпитер, ее секретарь (1947 г.), обрядоначальник (1951 г.), эксперт (1952 г.) и др.; член ложи Друзья Любомудрия (с 1950 г.); член-основатель ложи Астрея (1965 г.). Умер в госпитале Ротшильда [327-6-3, с. 419; 414-3, с. 556; 434-IV, VIII; 452, с. 900].

[450] См. о нем [410, с. 513] и приложение 1.I.57.

[451] Полторацкий Николай Алексеевич (3/16.8.1909, с. Доброхотов Курской губ. – 31.8.1991, Одесса; кладб. Свято-Успенского монастыря). Преподаватель, переводчик, церковный деятель. В 1925 г. уехал с матерью (по др. источникам – к матери) во Францию для получения части наследства от бабушки-француженки. Жил в Ницце, затем в Париже и под Парижем, в Кламаре. Окончил Русскую гимназию (1927 г.). Член РСХД. Обучался на подготовительных курсах при Парижском католическом институте. Окончил Высшую школу экономических и коммерческих наук (1931 г.). Работал в издательстве «Атье» («Hatier», 1934 г.). С конца 1920-х был техническим секретарем Религиозно-философской академии. Глава Братства Св. Фотия (1930-48 гг.). Один из основателей

по указу 14-го июля. Прекрасно осведомленный о положении православных церквей, а также и о личном составе священнослужителей, Полторацкий является главным докладчиком по всем вопросам этого порядка при посольстве; это именно он ведет законспирированную борьбу с "непримиримым духовенством". В то же время Полторацкий является "Начальником Братства Фотия" в Париже, организации, официально подчиненной Московской патриархии. В своем распоряжении Полторацкий имеет ряд сотрудников по религиозным и церковным вопросам. Полторацкий был очень близок с Гузовским и часто бывает на приемах у Богомолова. Многие эмигранты обвиняют его даже в выдаче невозвращенцев. Полторацкий и его товарищи довольно успешно действуют и в среде французской "католической церкви восточного обряда".

Профессиональные организации

Агентами НКВД захвачены организации и профессионального характера. Так напр., в "Объединенном Союзе русских дипломированных инженеров во Франции" видную роль играет тот же Монтуляк, занимающий пост секретаря этой организации, тогда как председателем ее состоит инж. М.П. Ермаков[452], еще недавно ярый гитлеровец, а теперь ставший советским гражданином.

Агенты НКВД работают и в "Союзе Русских Шоферов во Франции" (на рю Ивар)[453].

Париж, сентябрь 1946» [12].

Трехсвятительского подворья (1931 г.). Товарищ председателя Союза русских студентов-эмигрантов. Во время войны сослан на принудитыельные работы; бежал, участвовал в движении Сопротивления (входил в состав группы А.А. Угримова в г. Дурдан под Парижем (Дурданская группа). Награжден Военным крестом. В 1939-48 ответственный секретарь Благочинного совета Русской православной церкви во Франции (Московский патриархат). Ученый секретарь Совета приходов. 3.9.1945 г. присутствовал на приеме в Советском посольстве в честь митрополита Николая (Крутицкого); встречался с последним в Фонтенбло. Один из организаторов вечера памяти патриарха Московского и Всея Руси Сергия (1946 г.). Активный член ССП. Член организационной комиссии Комитета социальной помощи „Русская помощь". В 1946 г. принял советское гражданство. В 1947 г. ездил в Москву в составе делегации Западноевропейского экзархата Московской Патриархии. В феврале 1948 г. по приглашению патриарха Алексия I вместе с семьей окончательно вернулся в Советский Союз. Преподаватель Одесской духовной семинарии; переводчик отдела Внешних церковных сношений, руководитель издательского отдела. Оставил большой архив. Дочь, Анна Полторацкая, в одесском альманахе "Дерибасовская-Ришельевская" (2004 г., n° 17) опубликовала статью об отце [232, с. 315; 349; 414-2, с. 480-481; 434-IV, VIII].

[452] См. [410, с. 512-513] и приложение 1.I.58.

[453] Rue Yvart, 15°.

ИСТОЧНИКИ

Архивы

1. APP. Cart. BA 1681. Dos. 7023-H (51.343-13-19): Colonie Russe. 27.3.1948. [2], 1-13, 13, 14-64 f.
2. APP. Cart. BA 1710. Dos. 7023-K-96: Bibliothèque universitaire de l'Université populaire russe.
3. Archives de l'École Polytechnique. La banque de donnée du matricule X: 1794–1993 / Équipe sous la dir. de Francine Masson; Bibliothèque de l'École Polytechnique. <Palaiseau>, 1993–94.
4. Archives de l'École Polytechnique. VI 2 b 1: Élèves externes: 1886–1932. Année scolaire 1923/24–1924/25 et 1926/27–1927/28.
5. Archives de l'École polytechnique (EP). XIIc/2. Registre de matricule des élèves. Promotion 1923, 1926; Répertoire général des anciens élèves de l'Ecole polytechnique / Sté amicale des anciens élèves de l'ÉP. T. 3. Palaiseau, <après 1982>. P. 1624; La banque de données du matricule X: 1794–1993 / Bibliothèque de l'EP.
6. Archives de Meurthe-et-Mozelle. Institut électrotechnique et de mécanique appliquée de Nancy. Listes des élèves. 1916 W 7-11: 1905–1949.
7. Archives du CNAM. Registres des auditeurs. 1922–35. 1DD/11* (1932/33) – 1DD/13* (1934/35).

7a. Archives privées de Hazelton Daniel. (Château d'Arcine, Saint-Pierre de Rumilly).

8. Собрание И. и Д. Гузевичей. *Fouchard Elian.* Les Sociétés d'Ingénieurs Russes en France au 20e siècle. <Paris, entre 1995 et 2000>. 18 p. Dactylographie.
9. Собрание И. и Д. Гузевичей. Стенограмма официального сообщения представителям Русской эмиграции во Франции, сделанного Ю.С. Жеребковым 25-го июля 1941 года. <Париж, 1941>. 8 с. Машинопись. (Копия).
10. Собрание И. и Д. Гузевичей. Интервью с Д.М. Долинским о расстреле проституток титовцами в Югославии / Запись Д. Гузевича. Ростов-на-Дону, 22.6.2007 г. 2 л.

10а. Собрание И. и Д. Гузевичей. Интервью с о. Бобринским. Париж, май 2006 г. 2 л.

10б. Собрание И. и Д. Гузевичей. *Гузевич М.* Записка о Шато д'Арсин. 4.06.2011. 1 л.

Библиография[454]

11. *А.А.* 1937 год в жизни Цветаевой // Вестник РХД. 1989. № 155. С. 137-148.
12. *А.Б.В.* Сеть НКВД во Франции // За свободу (New York). 1947, July. № 18. P. 102-114.
13. *Абданк-Коссовский Вл.* Караимы // ПВ. № 74. 1943, 13.11. С. 3, 7.
14. *Абданк-Коссовский Вл.* Памяти профессора Н.Т. Беляева // Возрождение. 1956. № 49, январь. С. 136-138.
15. *Абрамович Р.* Примирение или капитуляция: Кризис русской эмиграции // СВ. 1945 г., 28.03. № 5/6(563/564). С. 51-54.
16. *Адамович Г.* Письма Василию Яновскому; Письма Роману Гринбергу / Публ. и примеч. *В. Крейда* и *В. Крейд* // НЖ. Кн. 218. 2000. С. 121-151.
17. *Адамович Г.В.* Письма Г.В. Адамовича А.В. Бахраху / Публ. и примеч. *В.Крейда и В.Крейд* // НЖ. 1999. Кн. 216. С. 98-146; Кн. 217. С. 41-82; 2001. Кн. 224. С. 70-98; Кн. 225. С. 150-185.
18. *Алданов М.А.* Из писем М.А. Алданова А.И. Коновалову / Публ. и прим. *А. Любимова* // НЖ. Кн. 200. 1995. С. 232-243.
19. *Алданов М.А.* Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. *М. Грин* // НЖ. 1965. Кн. 80. С. 258-287; Кн. 81. С. 110-147.
20. *Александров К.* Против Сталина: Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне: Сб. статей и материалов. СПб.: Ювента, 2003. 352 с. (Б-ка журнала «Новый часовой»).
21. *Александров К.* Русские солдаты вермахта. Герои или предатели: Сб. статей и материалов. М.: Изд-во «Яуза»; Изд-во ЭКСМО, 2005. 752 с. (Серия «Досье III рейха»).
22. *Александров С.А.* Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX в.: Хроника. М.: АИРО-XX, 1998. 312 с.
23. *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М.: Мысль, 1969. 375 с.
24. *Алексинская Т.* Эмиграция и ее молодое поколение // Возрождение. № 65. май 1957. С. 20-42.
25. *Альтшуллер М.* Материалы о Марине Цветаевой в архиве Е.И. Альтшуллер-Еленевой (1897-1982 г.) // НЖ. Кн. 215. 1999. С. 253-282.
26. *Андреев Н.* Н.М. Зернов // НЖ. Кн. 140. 1980. С. 259-261.
27. Американская сенсация // ПВ. № 95. 1944, 14.4. С. 1.
28. Англия предает сербов // НС. 1943, 10.11. № 90(576). С. 3.
29. *Андреева Е.* Генерал Власов и Русское освободительное движение / Пер. с англ. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 370 с. (Англ. ориг.: *Andreyev C.* Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet reality and émigré theories. Cambridge: Cambridge univ. press, 1987. 251 p.).

[454] При указаниях на Интернет имеются две формы записей. В тех случаях, когда работа существует в бумажной версии, но также в оцифрованной или в набранной форме имеется в Сети, то стоит указание: «Версия в Интернете:». Если же работа существует только в Интернете, то без оговорок после ее названия стоит интернетовский адрес.

30. *Андреева Е.* Жертвы Ялты: [Рец.]: Nikolai Tolstoy. Victims of Yalta. Revised and up-dated edition published by Corgi Books, London 1979. 640 p. <…> // НЖ. 1980. Кн. 139. С. 274-279.
31. *Андроникова Н.А.* Осиротел детский дом // РМ. 1972, 17.02. № 2882. С. 11.
32. *Анин Д.* Франция на распутьи // НЖ. Кн. 54. 1958. С. 216-228.
33. *Анин Н.* Похищение юности // ПВ. № 59. 1943, 31.07. С. 6-7; Он же. Сатана смеется // ПВ. № 64. 1943, 4.09. С. 6; Он же. Москва // ПВ. № 67. 1943, 25.09. С. 2-3; Он же. Зависть // ПВ. № 76. 1943, 27.11. С. 2-3; Он же. Баллада о тюрьме // ПВ. №77-79, 81-82. 1943, 4-18.12, 1944, 8-15.01; Он же. Киса // ПВ. № 83. 1944, 22.01. С. 2-3; Он же. Петербург // ПВ. № 85. 1944, 5.02. С. 6; Он же. Наши сестры // ПВ. № 89. 1944, 4.03. С. 6-7; Он же. Счастье // ПВ. № 90. 1944, 11.03. С. 5; Он же. Ровесники // ПВ. № 93-94. 1944, 1-4.04; Он же. Очарованная душа // ПВ. № 100-101. 1944, 20-27.05; Он же. Эоантропус // ПВ. № 112. 1943, 12.08. С. 6.
34. *Антон09*, 2009-11-01, 2009-11-02 // Vive Liberta. http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78839101.htm?from=60; http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78839101.htm?from=90.
35. *Антюхина-Московченко В.И.* К франко-советским отношениям в годы Второй Мировой войны // СССР – Франция: Из истории политических, экономических и культурных отношений. М.: ИМО, 1960. С. 3-19.
36. *А.Р.* Новый обман Сталина // ПВ. № 50. 1943, 29.05. С. 2.
37. *Арзаканян М.* Советско-французские отношения во время Великой отечественной войны и визит де Голля в СССР 1944 года // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: Росизо, 2010. С. 243-251.
38. *Аронсон Г.* «Парижский вестник»: Прогитлеровский орган на русском языке: Опыт характеристики // НЖ. Кн. 18. 1948. С. 330-341.
39. *Аронсон Г.* Процесс Кравченко // СВ. 1949, 25.03. № 3. С. 40-41.
40. *Архипов И.Л., Бортневский В.Г., Рутыч Н.* Аннотированный указатель имен // Русское прошлое. Кн. 3. СПб.: Logos, 1992. С. 350-387.
41. *Бабореко А.* «Златое дерево жизни» // Альманах библиофила. Вып. 12. М.: Книга, 1982. С. 65-85.
42. *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия, Да гибнут наши имена...: Воспоминания председателя НТС: 1930-1960 гг. М.: Авуар Консалтинг, 2002. 124 с.
43. *Балинов Ш.* Русское «оборончество» и казачье «пораженчество»: Доклад, прочитанный 29 марта 1936 г. в Париже на публичном собрании, устроенном Обществом ревнителей казачества. Joinvill-le-Pont (Seine): Изд. ред. журн. «Ковыльные волны», 1936. 28 с.
44. *Балуев Б.П.* Споры о судьбе России в эмигрантской публицистике 1920-х годов: Противостояние двух центров // История и историки. 2003: Историографический вестник. М.: Наука, 2003. С. 3-33.
45. *Басов Н., Нефедов О.* Ученые за мир и прогресс: К 40-летию международной федерации ученых // Правда. 1986, 20.7. № 201. С. 5.
46. Бегство от собственной армии // НС. 1943, 10.10. № 81(567). С. 3.
47. *Белов А., Шилкин А.* Духовныс мертвецы из Джорданвилля // Наука и религия. 1969. № 11. С. 42-45.

48. *Беляков В.В.* Русские солдаты в Северной Африке в 1940-1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 19-23. (Версия в Интернете: www.mil.ru).
49. *Берберова Н.* Конец Тургеневской библиотеки // НЖ. Кн. 63. 1961. С. 155-161.
50. *Берберова Н.* Люди и ложи: Русские масоны XX столетия / Послесл. О.А. Коростелева. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-традиция, 1997. 400 с.
51. *Берг В., фон.* Последние гардемарины / Послесл. *Б.И. Гаврилова* // Наше наследие. № 45. 1998. С. 80-85.
52. Бессарабские евреи во французском Сопротивлении // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн. 1. / Ред.-сост.: *М. Пархомовский, Д.Гузевич.* Иерусалим, 2001. С. 68-89. – (Русское еврейство в зарубежье. Т. 3(8)).
53. *Бийу Франсуа.* Когда мы были министрами / Пер. с фр. *И.П. Оныщук* под ред. и с послесл. *В.В. Загладина*; вступ. ст. *Ж. Марше.* М.: Прогресс, 1974. 184 с. (Ориг.: *Billoux François.* Quand nous étions ministres / Préf. de G. Marchais. Paris: Éd. Sociale, 1972. 191 p.).
54. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую четверть века его существования: 1869-1894. Т.1. СПб., 1896. С. 254-256.
55. *Бобринская Е., Бобринский Б.* Наши жизни шли рядом: Воспоминания о Льве Александровиче и Валентине Александровне Зандер // РМ. 1990, 23.02. № 3816. С. 8-9.
56. *Богатырчук Ф.П.* Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. Сан-Франциско: Изд. Союза борьбы за освобождение народов России, 1978. 336 с.
57. *Боев Ю.* СССР – Франция: Традиции и современность. Киев: Политиздат Украины, 1977. 88 с.
58. Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. М.: СЭ, 1970–78.
59. Большевизация польских отрядов в СССР // НС. 1943, 15.8. № 65. С. 2.
60. Большевистские зверства в Виннице // ПВ. № 59. 1943, 31.07. С. 6.
61. Большое антикоммунистическов собрание в Брюсселе // ПВ. № 56. 1943, 10.07. С. 1-2.
62. *Бонафеде Г.Г.* «Надесь, что это не повторится...»: Интервью у графа Н.Д. Толстого-Милославского // Посев. 1984, февраль. № 2. С. 41-45.
63. *Бондаренко В.* У Столыпина // Слово. 1991. № 2. С. 57.
64. *Борисов Ю.В.* Советско-французские отношения: 1924-1945 гг. М.: Международные отношения, 1964. 551 с.
65. *Борисов Ю.В.* СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М.: Междунар. отношения, 1984. 240 с.
66. *Бортневский В.Г.* В Париже исчезали генералы: Нераскрытые тайны зарубежной деятельности ОГПУ-НКВД // *Бортневский В.Г.* Избранные труды. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 381-396.
67. *Бортневский В.Г.* Против своего отечества: Генерал Власов, власовцы и другие // *Бортневский В.Г.* Избранные труды. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1999. С. 401-412.

68. *Бортневский В.Г., Кузьмук Е.З.* Российская императорская гвардия на кладбище Сен-Женевьев де Буа // Русское прошлое. Кн. 4. СПб.: Logos, 1993. С. 343-349.
69. *Бортневский В.Г., Кузьмук Е.З.* Российские военные моряки и военные летчики на кладбище Сен-Женевьев де Буа // Русское прошлое. Кн. 5. СПб.: Logos, 1994. С. 358.
70. *Бочарова З.С.* «Крайне неприятные ограничения, установленные в Германии для нансеновских паспортов»: Письмо С.Д. Боткина В.А. Маклакову, 1934 г. // Исторический архив. 2005. № 5. С. 53-64.
71. *Бочарова З.С.* Репатриация россиян из Франции и «Союз возвращения на Родину»: 1920-е гг. // Русская эмиграция во Франции: 1850-е – 1950-е гг.: Сб. науч. статей. СПб.: Третья Россия, 1995. С. 97-104.
72. Братские могилы под Одессой // НС. 1943, 19.09. № 75(561). С. 6.
73. *Бронштейн Б.* Пенсионер французского значения // Известия. 1995, 23.12. № 243. С. 5.
74. *Брычев Н.* Домой, на Родину! / Управление уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан. М.: Воениздат НКО, 1944. 24 с.
75. *Бугураев М.* Письмо в редакцию // НЖ. Кн. 139. 1980. С. 273.
76. *Будницкий О.* Написанные без оглядки: Василий Маклаков и его письма-портреты // Родина. 1996. № 10. С. 54-61.
77. *Бунин И.А.* Из дневников И.А. Бунина / Публ. *М. Грин* // НЖ. Кн. 109. 1972. С. 168-182; 1973. Кн. 111. С. 130-150; Из дневников и записей И.А. Бунина / Публ. *М. Грин* // Там же. Кн. 112. С. 208-226; Кн. 113. С. 129-148; 1974. Кн. 114. С. 126-141; Кн. 115. С. 140-155; Кн. 116. С. 162-184.
78. *Бунин И.А.* Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / Публ. А. Звеерса // НЖ. 1983. Кн. 150. С. 159-191; Кн. 152. С. 153-191; Кн. 153. С. 134-172; 1984. Кн. 154. С. 97-108; Кн. 155. С. 131-146; Кн. 156. С. 141-163.
79. *Бунин И.А.* Письма И.А.Бунина к Б.К. и В.А.Зайцевым / Публ. *А. Звеерса* // НЖ. Кн. 132. 1978. С. 175-182; Кн. 134. 1979. С. 173-186; Кн. 138. 1980. С. 155-175.
80. *Бунин И.А.* Письма И. Бунина к Б. Зайцеву / Публ. *А. Звеерса* // НЖ. 1979. Кн. 136. С. 127-140; Кн. 137. С. 124-141; 1980. Кн. 138. С. 155-175.
81. *Бурбыга Н.* Тайна спецлагеря № 188; Что говорят архивы // Известия. 1990, 11.05. № 131. С. 6.
82. *Бурбыга Н.* Французские узники тамбовского спецлагеря // Известия. 1990, 24.11. № 326. С. 7.
83. *Бурцев В.Л.* Беседа с С.Н.Третьяковым // Общее дело. 1919, 30 июля. № 52.
84. В Бессарабии большевики уничтожили 300 000 человек // НС. 1943, 31.01. № 9(495). С. 2.
85. *Вайнберг Д.* Франция // Холокост: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2005. С. 648-657.
86. *Ваксберг А.* Горестная инвентаризация кладбища: Пожертвований и добровольцев из России в Сент-Женевьев-де-Буа не ждут // Литературная газета. 2000, 2-8.02. № 5(5775). С. 1.

87. *Вандалковская М.Г.* «В Вас я верю. Но иногда Вам не верю...»: Письма П.Н. Милюкова Е.Д. Кусковой: 1922-1936 гг. // Исторический архив. 2000. № 6. С. 142-157.
88. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 388 с.
89. Вашингтон против проекта де Голля // НС. 1943, 6.1. № 2. С. 3; Северо-Африканская федерация; Проникновение США в Африку // НС. 1943, 17.1. С. 5.
90. Ведомости Верховного Совета СССР. 1957-78. № 1(868) – 52(1970).
91. Великий подвиг: Рекомендованный указатель литературы о Великой отечественной войне Советского союза / Сост. *Л.Г. Голованова* и др. М.: Книга, 1970. 216 с.
92. *Вельмин А.П.* Русское население в Польше во время оккупации // НЖ. Кн.14. 1946. С. 290-305.
93. *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох / Подгот. текста, вступит. ст., коммент. А.К.Светозарского. М.: Отчий дом, 1994. 448 с.
94. *Вернадский Г.* Константинополь, 1920-21 гг.: Воспоминания: Ч.3 // НЖ. Кн. 108. 1972. С. 202-217.
95. Вечный жид // НС. 1942, 19.08. № 66(448). С. 2.
96. Винница: Новое преступление «союзников» демократий: [О братских могилах 1937-38 в городском парке и под Винницей в м.Лосна] // НС. 1943, 11.07. № 55(541). С. 1.
97. *Вишняк М.* Заключительное слово // НЖ. Кн. 57. 1959. С. 206-225.
98. *Вишняк М.* Право убежища // НЖ. Кн. 61. 1955. С. 224-245.
99. *Власов С.* Узники Бизерты // Наше наследие. № 45. 1998. С. 78-79.
100. *Войцеховский С.Л.* <Рец.:> Б.Прянишников. Незримая паутина. Нью-Йорк. 1979 // НЖ. Кн. 138. 1980. С. 219-222.
101. *Войцеховский С.Л.* Опечатка // НЖ. Кн. 115. 1974. С. 168-176.
102. *Войцеховский С.Л.* Саша: Памяти друга // НЖ. Кн. 117. 1974. С. 165-177.
103. Вокруг Катыни // НС. 1943, 22.09. № 76(562). С. 6.
104. Вокруг редакционного архива «Современных записок»: Париж, 1920-1940: Сб. статей и материалов / Под ред. *О. Коростелева и М. Штрубы.* М.: Новое лит. обозрение, 2010. 546 с.
105. Вокруг убийства Сикорского // НС. 1943, 11.07. № 55(541). С. 3.
106. *Волков С.В.* Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. 619 с.
107. *Володин Л.Д.* От вашего корреспондента во Франции... . М.: Известия, 1979. 224 с.
108. *Воронова Т.П.* К биографии Бориса Вильде: Из архива О.А. Добиаш-Рождественской // Французский ежегодник. Вып.16. 1973. С. 29-33.
109. Всемирная история: в 10 т. / Гл. ред. *М.Е. Жуков.* Т.6. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 15.
110. Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ: 1921–1923 / Сост., вступит. ст. *В.Г. Макарова, В.С. Христофорова.* М.: Русский путь, 2005. 544 с.

111. Выступления представителей генерала Власова // ПВ. №56. 1943, 10.07. С. 1-3; Представители Русской Освободительной Армии в Париже // ПВ. № 57. 1943, 17.07. С. 1; *Гротов*, проф. Три Пасхи // ПВ. № 73. 1943, 6.11. С. 4; *Он же*. Исповедники и мученики // ПВ. № 76. 1943, 27.11. С. 4-5; *Он же*. Неведомый отрок – поэт: Ф.Ф. Достоевский, 1905-1921 гг. //ПВ. № 78. 1943, 11.12. С. 6-7; *Он же*. Рождество у большевиков // ПВ. № 81. 1944, 8.01. С. 4-5; *Он же*. Жертвы и герои // ПВ. № 82. 1944, 15.01. С. 5; *Он же*. Неведомый герой // ПВ. № 85. 1944, 5.02. С. 3.
112. *Вяземский В*. Первая четверть века существования зарубежного масонства: Доклад, прочитанный в «Лотосе» 9 декабря 1957 г. / <Публ.> *Р. Герра* // НЖ. Кн. 161. 1985. С. 231-248.
113. Газеты СССР: 1917-1960: Библиографический справочник. 5 т. М.: Книга, 1970-1984.
114. *Гамкрелидзе Г.М.* ГПУ в Париже; Провокация в грузинской колонии // ПН. 1933, 27.04.
115. *Ган Ж*. [Рец.:] G. LAROCHE (Colonel F.T.P.F. Boris Matlin). *On les nommait des étrangers*… (Les immigrés dans la Résistance). Paris. «Les Éditeurs Français Réunis». 1965. 417 p. – Г. Ларош (полковник ФТПФ Борис Матлин). *Их называли иностранцами*… (Иммигранты в движении Сопротивления) // ВИ. 1966. № 5. С. 186-189.
116. *Гараевская И.А.* Русские воины, павшие смертью храбрых в рядах французской армии: 193961945 гг. // Исторический архив. 1999. № 5. С. 79-95.
117. *Гардер М.В.* <Рец.> Н.А. Кривошеина. Четыре трети нашей жизни <...> // НЖ. Кн.156. 1984. С. 292-296.
118. *Гегелия Г.Д.* Письмо в редакцию; В грузинской колонии: После разоблачений Г. Гамкрелидзе // ПН. 1933, 12.05. №4433.
119. *Гедройц А., кн.* Русская эмиграция в Бельгии в межвоенный период // Страна Синей птицы: Русские в Бельгии / Под общ. ред. *Э. Вагеманса*. М.: Наука, 1995. С. 280-304.
120. *Герчиков О.* Россия против Советов // Аргументы и факты. 2003. №39. С. 10.
121. *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал»: Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань: Татарское кн. изд-во, 2005. 383 с.
122. *Гиппиус Зинаида*. Письма к А.Л. Бему / Публ. и примеч. *Ж. Шерона* // НЖ. Кн. 209. 1997. С. 206-215.
123. *Гитлер А*. Большевизм... // НС. 1941, 9.11. № 46(375). С. 2.
124. *Глазунова-Понтер Е.* Мой отец – Александр Глазунов // Советская музыка. 1990. № 10. С. 46-57. (Версия в Интернете: http://newmuz.narod.ru/st/Glazun_Gyunt01.html; см. также: http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78839101.htm).
125. *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной Думе: 1906-1917: Дневник и воспоминания / <Публ.> *Б.М. Витенберга*. М.: НЛО, 2001. 400 с.
126. *Гоголевский А.В.* Маклаков о борьбе против самодержавия: Взгляд из 1940-х гг. // Зарубежная Россия: 1917-1939. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 19-21.

127. *Годунов Н.И.* Борьба французского народа против гитлеровских оккупантов и их сообщников: 1940-1944 гг. М.: Госполитиздат, 1953. 168 с.
128. *Годунов Н.* Французский народ в борьбе за освобождение Парижа: август 1944 г. // ВИ. 1950. № 8. С. 38-59.
129. *Голдин В.И.* Роковой выбор: Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск: Солти, 2005. 613 с.
130. Голиков Филипп Иванович // Хронос. http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/golikov_fi.php.
131. *Гондусов В.* Тайна лагеря № 188: Как вернулись на родину оказавшиеся в советском плену французы // Советская Россия. 1990, 29.4. № 99. С. 5.
132. *Гончаренко О.С.* Белоэмигранты между звездой и свастикой: Судьбы белогвардейцев. М.: Вече, 2005. 352 с. (Военные тайны XX в.)
133. Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. Т. 4: Фонды ГАРФ по истории белого движения и эмиграции / Ред. С. *В. Мироненко*. М.: РОССПЭН, 2004. XVIII, 798 с.
134. Гренадерские и Пехотные полки: Дополнение: 181-й – 208-й пехотные полки: По 1-е июля 1912 г. / Ред. *В.К. Шенк*; сост. *В.Х. Козин*. СПб., 1912. 48 с. (Справочная книжка Императорской Главной Квартиры). (В Интернете, глава: 193 пехотный Свияжский полк: Списки офицеров резервных батальонов, составивших 193-й пехотный Свияжский полк, на 1 января 1909 г.: 236-й Лаишевский резервный батальон. http://pehota.zbord.ru/viewtopic.php?t=38&start=30). (См. также: Антон09, 2009-11-03 // Vive Liberta. http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78839101.htm?from=120).
135. *Гротов А.* В Бельгии и Северной Франции // НС. 1943, 3.10. №79. С. 4.
136. *Гротов С.* Среди казаков // ПВ. №100. 1944, 20.05. С. 5.
137. *Гротов.* Жиды-дипломаты // ПВ. №74. 1943, 13.11. С. 7.
138. *Гротов.* Кухарка ген. Кутепова // ПВ. №75. 1943, 20.11. С. 4-5.
139. *Гузевич Д.* Дом книги в Париже, или «Пока не ушли свидетели» // Берега. Вып.7. 2007. С. 16-32.
140. *Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 907 с.
141. *Гузевич Д., Пепин-Леаллер – Гондр О.* Библитека Рене Аркоса и инскрипты российских эмигрантов // Русские евреи во Франции. Иерусалим, 2001. С. 148-161. (Русское еврейство в зарубежье. Т.3[8]).
142. *Гуль Р.* В.А. Кравченко // НЖ. Кн. 83. 1966. С. 287-290.
143. *Гуль Р.* Моя биография // НЖ. Кн. 164. 1986. С. 14-32.
144. *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. Нью-Йорк: Мост, 1981-89. (*Переизд.: *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / Предисл. и разверн. указат. имен *О.Коростелева*. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001.).
145. *Гусефф К.* Русские евреи во Франции: Эволюция и численность сообщества. 1900-1939 // Руские евреи во Франции. Кн. 2. С. 18-33. (Русское еврейство в зарубежье. Т. 4(9)).
146. *Далин Д.* Дело Кравченко // НЖ. 1966. Кн. 83. С. 228-243.

147. Дальнейшие раскопки в Катыни // НС. 1943, 7.07. № 54(540). С. 3.
148. *Даманская А.Ф.* На экране моей памяти / Публ. *О. Демидовой* // НЖ. 1995. Кн. 198/199. С. 273-315; Кн. 201. С. 177-207; 1996. Кн. 202. С. 152-188; Кн. 203/204. С. 198-258.
149. *Двинов Б.* Загадка Ялты // СВ. 1949, 25.03. №3(618). С. 37-40.
150. *Двоеносова Г.А.* Казанское дворянство: 1785-1917 гг.: Генеалогический словарь. Казань: Гасыр, 2001. 640 с.
151. *Дворкин А.* Что такое русская православная церковь за границей? // Вестник РСХД. №170. 1994. С. 217-246.
152. Двуличие Коминтерна // ПВ. №52. 1943, 12.06. С. 2.
153. *Денике Ю.* Правда о сталинской России: В.А.Кравченко: «Я выбрал свободу» // СВ. 1946, 22.05. №5(585). С. 121-122.
155. Диаспора: Новые материалы. Т.1–7 / Отв. ред. *О.А.Коростелев*. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2000-2005.
156. *Диенко А.* Разведка и контрразведка в лицах. М.: Русский міръ, 2002. С. 488.
157. Дипломатический словарь: в 3 т. 4-е, перераб. и доп. изд. 3 т. М.: Наука, 1985-86.
158. *Днепров Р.* Собиратель // Журнал Московской патриархии. 1952, апрель. №4. С. 53-58.
159. *Дон Аминадо.* Поезд на третьем пути // Время и мы (Нью-Йорк). №110. 1990. С. 174-253.
160. *Драпер А.* Схватка за французское золото // За рубежом. 1980. № 29. С. 17-19.
161. *Друг.* О возвращении на Родину // Свободное слово. Сб.1(4). 1946. С. 8-9.
162. *Дрюон М.* За три тысячи лет человек почти не изменился: [Интервью] / Брал интервью *Ю. Рахаев* // Известия. 2003, 15.01. № 5. С. 3.
163. *Дубовиков А.Н.* Выход Бунина из Парижского Союза писателей // Литературное наследство. Т.84, кн. 2: Иван Бунин. М.: Наука, 1973. С. 398-407.
164. *Дюкло Жак.* Во что я верю = *Duclos Jacques.* Ce que je crois / Пер. с фр. *И.А .Лилеевой*; общ. ред. *Е.А. Амбрацумова*, предисл. *В.Н .Седых*, послесл. *Ф.С. Наркирьера*. М.: Прогресс, 1980. 280 с.
165. Евреи в культуре русского зарубежья; Русское еврейство в зарубежье / Изд., ред. и сост. *М. Пархомовский. А. Рогачевский* (т.7), *Д. Гузевич* (т. 8-9). Т.1-12. Иерусалим, 1992-2005.
166. Евреи России – иммигранты Франции: Очерки о русской эмиграции / Под ред. *В. Московича, В. Хазана* и *С. Брейар*. М.: Мосты культуры; Париж; Иерусалим: Гешарим, 2000. 416 с.
167. *Евреинова А.* Записи под чертой // НЖ. Кн. 40. 1955. С. 269-274.
168. *Ермолаева Н.С.* Первые годы русской математической эмиграции // ВИЕТ. 1992. №2. С. 50-61.
169. Европа не забудет о Катыни // НС. 1943, 29.09. №78(564). С. 3.
170. *Ершов В.* Русский общевоинский союз и российская эмиграция в 1920-1930 гг.: К 70-летию образования РОВС // НЖ. Кн. 197. 1994. С. 327-336.
171. *Ефимовский Е.* Один из могикан: Памяти В.А. Маклакова // Возрождение. №68. 1957. С. 119-124.
172. Еще о Борегаре // СВ. 1947, 15.04. № 4(596). С. 76.

173. *Жеребков Ю.С.* Книги для добровольцев // ПВ. № 82. 1944, 15.01. С. 1; [То же] // ПВ. № 84. 1942, 29.01. С. 7.
174. *Жеребков Ю.С.* Попытки КОНРа установить контакт с западными союзниками // Зарубежье. 1979, февраль–июнь. № 1/3 (61/63). С. 16-22.
175. Жертвы НКВД в Виннице // НС. 1943, 14.07. № 56(542). С. 1.
176. *Жуков Ю.* Неверояно, но факт... // Правда. 1983, 23.04. № 113. С. 5.
177. За неделю // НС. 1943, 12.09. № 73(559). С. 7.
178. За неделю: [О Михайловиче] // НС. 1943, 28.11. № 95(581). С. 3.
179. За неделю: [О Французском освободительном комитете] // НС. 1943, 14.11. № 91(577). С. 3.
180. *Загладин В.В.* Франко-советские отношениям после Второй Мировой войны // СССР – Франция: Из истории политических, экономических и культурных отношений. М.: Изд-во ИМО, 1960. С. 20-36.
181. Заживопогребенные // НС. 1943, 22.08. № 67(553). С. 5.
182. *Западник.* Встречи с советскими людьми: Письмо из Парижа // СВ. 1945, 10.11. № 19-20(577-578). С. 224-225.
183. За рубежом: Белград – Париж – Оксфорд: Хроника семьи Зерновых (1921–1972) / Под ред. *Н.М.* и *М.В. Зерновых*. Париж: YMCA-Press, 1973. 560 с.
184. *Зайцев Б.К.* Письма Б.К. Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. *М. Грин* // НЖ. 1980. Кн. 139. С. 152-171; Кн. 140. С. 157-181; 1981. Кн. 143. С. 143-161; 1982. Кн. 146. С. 115-142; Кн. 149. С. 127-149; 1983. Кн. 150. С. 202-224.
185. Защита Французской империи // НС. 1942, 1.11. № 87[469]. С. 2; Судьба Дарлана // НС. 1942, 22.11. № 93[475]. С. 2; Самозванец Дарлан // НС. 1942, 9.12. № 98(480). С. 2; Предательство Дарлана // НС. 1942, 16.12. № 100(482). С. 1; Дарлан и французский флот // НС. 1942, 25.12. № 102(484). С. 2.
186. Зверства большевиков в Литве // НС. 1942, 3.05. № 35(417). С. 1.
187. Зверства большевиков в Чернигове // НС. 1943, 13.10. № 82(568). С. 1.
188. Зверства большевиков на Кавказе // НС. 1943, 10.02. № 12(498). С. 2.
189. Зверства большевиков: [О сожжении заживо сотен политзаключенных в Микоян Шахаре и Ростове-на-Дону при отступлении Красной армии] // НС. 1942, 15.11. № 91(473). С. 3.
190. Зверства большевиков в Харькове // ПВ. № 43. 1943, 10.04. С. 4.
191. *Земсков В.Н.* Рождение «второй эмиграции» 1944-1952 // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3-24.
192. *Зеньковский В.* Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США (New York). Т. 26. 1994. С. 3-61; Т. 27. 1995. С. 3-52; Т. 28. 1996/97. С. 3-39.
193. *Зеньковский В.* Зарождение Р.С.Х.Д. в эмиграции: Из истории русских религиозных течений в эмиграции // Вестник РХД. № 168. 1998. С. 5-40.
194. *Зернов В.М.* К похищению ген. Кутепова // НЖ. Кн. 138. 1980. С. 129-135.
195. *Зубков Г.* Дом на бульваре Ланн. М.: Советская Россия, 1979. 272 с.
196. *Зуев Г.И.* Историческая хроника Морского корпуса: 1701-1925. М.; СПб.: Центрполиграф; МиМ-Дельта, 2005. 448 с. (Россия забытая и неизвестная: Российский образ службы).

197. *Зуева К.* Советско-французский договор о союзе и взаимной помощи 1944 года // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: Росизо, 2010. С. 252-260.
198. *Зыков С.* Коммунист, государственный деятель // Неделя. 1965, 25.04-1.05. № 18. С. 14-15.
199. *И.* Еще об «охотниках за черепами» во Франции: Сводка по письмам // СВ. 1946, 18.04. № 4(584). С. 109-110.
200. *И.* Старая и новая эмиграция в Париже: Сводка по письмам // СВ. 1945, 6.09. № 15/16(573/4). С. 177-179.
201. *Иванов Вяч. Вс.* Данные из архива Коминтерна о сотрудниках Коминтерна // Ruthenia. http://www.ruthenia.ru/document/545664.html.
202. *Иванов Г.* Переписка Георгия Иванова / Публ. *В. Крейд и В. Крейда* // НЖ. Кн. 203/204. 1996. С. 134-197.
203. Из архива П.Б. Струве / Публ. *Г.П.Струве* // НЖ. Кн. 106. 1972. С. 201-211.
204. *Иоффе А.Е., Наринский М.М.* Советско-французское сотрудничество: традиции и современность. М.: Знание, 1975. 64 с.
205. *Иоффе Г.* Совершенно один, и это ужасно: Василий Алексеевич Маклаков // НЖ. Кн. 206. 1997. С. 193-212.
206. *Ипполитов С.С.* Русские беженцы во Франции // НЖ. Кн. 217. 1999. С. 179-191.
207. *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М.: Спас, 1999. 208 с.
208. *Исбах А.* Они боролись за Францию: Повесть о Мисаке Манушане и его друзьях. М.: Советский писатель, 1960. 144 с.
209. История международных отношений и внешней политики СССР. Т.1: 1917-1945 / Ред. *И.А. Кирилин*. М.: Международные отношения, 1986. 416 с.
210. История пограничных войск СССР // РФ. Справка. http://www.rian.ru/spravka/20080528/108583383.html.
211. История Франции: В 3 т. / Отв. ред. *А.З. Манфред*. Т.3. М.: Наука, 1973. 600 с.
212. К вопросу об «автокефалии» // НЖ. Кн. 106. 1972. С. 212-238.
213. К истории предательства Бадольо // НС. № 22. 15.3.1944. С. 6.
214. «К смертной казни через повешение» // Источник. 1997. № 4(29). С. 130-142.
215. Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине / Сост., науч. ред., предисл., коммент. С. *В.Волкова*. М.: Центрполиграф, 2003. 927 с. (Россия забытая и неизвестная: Белое движение. Т.11).
216. *Казанцев А.* Третья сила: История одной попытки. 2-е изд. Frankfurt/Main: Посев, 1974. 374 с.
217. Казачий словарь-справочник: В 3 т. / Сост. *Г.В. Губарев*, ред.-изд. *А.И Скрылов*. Кливлэнд (Охайо); Сан-Ансельмо (Калифорния), 1966-1970. (Репринт: М.: ТО «Созидание», 1992).
217а. Как французы с предателями поступали: История двух фотографий. http://smi2.ru/OperTak/c702201/?comm_id=1530214.

218. *Кальма Н.* Книжная лавка близ площади Эгуаль: Роман. М.: Детская литература, 1966. 303 с. (Версия в Интернете: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KAL%27MA_Anna_Iosifovna/; file:///C:/DOCUME~1/dmitri/LOCALS~1/Temp/Rar$EX12.469/Knijnaya_lavka_bliz_ploschadi_Etual%27.htm; http://www.lib.rus.ec/b/24932).
219. *Канищева Н.И., Павлова Т Ф, Шелохаев В.В.* «...Скандал очень большой и безвыходное положение партии»: Из протоколов Парижского совещания ЦК партии народной свободы 26 мая – 2 июня 1921 г. // Исторический архив. 1992. № 1. С. 89-113.
220. Караимы // Народы России: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1994. С. 181-182.
221. *Карпович М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // НЖ. Кн. 60. 1960. С. 222-250.
222. *Кацнельсон И., Терехова Г.* По неизведанным землям Эфиопии. М.: Наука, 1975. С. 179.
223. *Кельнер В.Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции: Из архива Соломона Познера // Russian Studies (СПб.). Т.1, № 1. 1994. С. 269-313.
224. *Кембалл Р.* Послесловие // Русский альманах (Париж). 1981. С. 30-38.
225. *Кёре С.* Русские или большевики?: Франция и французы и признание Советского союза // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: Росизо, 2010. С. 207-215.
226. *Кизеветтер А.А.* Письма Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку / Публ. *М. Раева* // НЖ. Кн. 172/173. 1988. С. 462-526.
227. *Киреев А.* Епархии и архиереи Русской православной церкви в 1943-2002 гг. М. г.:Ф.Соколова, 2002. 480 с.
228. *Клавинг В.В.* Белая гвардия. СПб.: Ольга, 1999. 448 с.
229. *Кленовский Д.* Из писем Дмитрия Кленовского Геннадию Панину / Публ. *Э. Бобровой*; примеч. *Г. Панина* // НЖ. Кн. 206. 1997. С. 95-124.
230. *Клигер Н.* Воспоминания об «Эксодусе» / Пер. *Д. Штайсслингера* // Вести-2 (Израиль). 2007, 12.07. С. 16-17.
231. *Кнышевский П.* Сталин: «Что касается моих информаторов...» // Московские новости. 1993, 23.05. № 21. С. В8.
232. *Ковалев М. В.* Участие русской эмиграции во Франции в борьбе с фашизмом // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. научных трудов. Вып. 7. Саратов: Научная книга, 2006. С. 305-318. (Версия в Интернете: http://www.sgu.ru/files/nodes/10090/035.pdf).
233. *Ковалевский П.Е.* Дневники. 1918-1922 / Подгот. текста, предисл. и примеч. *Н.П. Копаневой*. Т.1. СПб.: Европейский дом, 2001. 574 с.
234. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека: 1920–1970 г.: В 2 вып. Париж: Librarie des Cinq Continents, 1971-1973. (Collection Études Russes. Vol. 5).
235. *Коваленко Ю.* «Отец народов» хотел дойти до Парижа // Известия. № 111. 1996, 18.06. С. 3.
236. *Коваленко Ю.* Пак был близок де Голлю, но служил КГБ // Известия. № 246. 1993, 23.12. С. 3.

237. *Коваленко Ю* Парижский памятник русской культуры // Неделя. 1988, 21-27.11. № 47. С. 18-19.
238. *Коваленко Ю.* Украинец Жан Мюнш опять француз // Известия. 1997, 15.05. № 89. С. 3.
239. *Коваленко Ю.* ФКП вела переговоры с немецкими оккупантами летом 1940 года // Известия. 1993, 30.07.
240. *Коваленко Ю.* Французские узники тамбовского лагеря // Известия. 1990, 22.04. № 112.
241. *Коваленко Ю.* Французы в ГУЛАГе: Их было 30 тысяч, из которых примерно треть погибла // Известия. 1994, 1.11. № 210. С. 7.
242. *Кодомский И.* Формирование англо-американского блока после капитуляции Франции: май-декабрь 1940 года // ВИ. 1950. № 1. С. 40-65.
243. *Козовой В.* Об авторах книги // С Францией в сердце: Французские писатели и антифашистское Сопротивление: 1939-1945. М.: Прогресс, 1973. С. 587-620.
244. *Кокорин М.А., Стручков А.А.* О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943-1944 гг. // ВИ. 1960. № 3. С. 88-101.
245. *Колин А.* Власовские руководители перед судом // Посев. 1986, август. № 8. С. 55-58.
246. *Колтышев П.В.* На страже русской чести: Париж, 1940–1941 гг. / Публ. и авт. предисл. *Н. Рутыч, В. Бортневский* // Русское прошлое. Кн. 3. 1992. С. 167-224.
247. Комитет Земгор // РМ. 2000, 30.03-5.04. № 4311. С. 22.
248. *Кононова М.М.* Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в 1917–1938 гг. // ВИ. 2002. № 3. С. 105-118.
249. *Кононова-Милославская А.* Софья Михайловна Зернова // РМ. 1972, 3.02. № 2880. С. 10.
250. *Коняев Н.М.* Два лица генерала Власова: Жизнь, судьба, легенды. М.: Вече, 2001. 463 с.
251. *Коряков М.* В советском посольстве // НЖ. Кн. 17. 1947. С. 274-289.
252. *Коряков М.* Вне закона // НЖ. Кн. 18. 1948. С. 235-252.
253. *Коряков М.* Освобождение души / Предисл. Бор. Зайцева. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. VIII, 365 с.
254. *Костиков В.* Не будем проклинать изгнанье...: Пути и судьбы русской эмиграции. Изд. 2-е, доп. М.: Междунар. отношения, 1994. 526 с.
255. *Котюков К.Л.* Формирование и боевая деятельность Русского охранного корпуса в Югославии в 1941-1945 годах // Отечественная история. 2008. № 3. С. 86-94.
256. *Кошкин И.А.* Советская дипломатия // НС. 1943, 11.8. № 64(550). С. 3.
257. *Краевский Б.* Похищение генерала Е.К. Миллера // Вестник РХД. № 178. 1998. С. 159-182.
258. *Краминов Д.* Правда о втором фронте // Правда. 1984, 28.05. № 149. С. 6.
259. *Красовицкий М., Плотников Ю.* Судьба гардемарина // Неделя. 1965, 14-20.11. № 47. С. 16-17.

260. Краткая еврейская энциклопедия: В 10 т. / Об-во по исследованию еврейских общин. Т. 1, 2, 4, 7, 9, 10. Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме, 1976-99.
261. Краткая история возникновения Объединения молодежи Витязей // Витязь: Юношеский журнал (Paris). 1967, октябрь–ноябрь. № 4(18). С. 4-6.
262. *Кривошеин К.А.* А.В. Кривошеин (1857–1921 гг.): Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. 350 с.
263. *Кривошеина К.* «Белая роза» и «Резистанс» // Нева. 2009. № 10. (Версии в Интернете: http://www.mere-marie.com/322.htm; http://www.nevajournal.spb.ru/archiv/oct2009/publicism/441/; http://magazines.russ.ru/neva/2009/10/kk11.html).
264. *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Paris: YMCA-press, 1984. 280 с. (Всероссийская мемуарная библиотека. Серия "Наше недавнее". № 2). – (Версия в Интернете с изд.: *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. М.: Русский путь, 1999. 287 с. (Всероссийская мемуарная библиотека. Серия "Наше недавнее". № 6): http://lib.ru/MEMUARY/KRIWOSHEINA/deparis.txt).
265. *Крикунов П.Н.* Некоторые проблемы коллаборационизма на территории СССР в годы Второй мировой войны: Казаки-коллаборационисты; *Малышева Е.М.* Советские коллаборационисты в годы Великой отечественной войны; *Кринко Е.Ф.* Оккупация и коллаборационизм на Северном Кавказе во время Великой отечественной войны: Итоги и перспективы изучения // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: Мат-лы IV Всеросс. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2006. С. 119-167.
266. *Кромиади К.* За землю, за волю...: На путях русской освободительной борьбы 1941-1947 гг. / Союз борьбы за освобождение народов России – СБОНР. Сан-Франциско: Глобус, 1980. 298, XVI с.
267. *Кромиади К.* Последний рейд // НЖ. 1968. Кн. 90. С. 177-193; Кн. 91. С. 201-229.
268. *Кудрова И.* Возвращение на родину // РМ. 1994, 25-31.08. № 4041. С. 10-11; 1-7.09. № 4042. С. 10-11; 8-14.09. № 4043. С. 10-11; 22-28.09. № 4045. С. 10-11.
269. *Кудрова И.* Гибель Марины Цветаевой. М.: Независимая газ., 1995. 318 с.; [2-е изд.]. Там же, 1999. 319 с. (Приложение I: Протоколы допросов Марины Цветаевой в Префектуре Парижа: 1937 год. Версия в Интернете: http://tsvetaeva.narod.ru/WIN/kudrova/kudrG11.html)
270. *Кудрякова Е.Б.* Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. М.: ИНИОН РАН, 1995. 67 с.
271. *Кузнецова Н.В.* Установление советско-французских дипломатических отношений // ВИ. 1984. № 10. С. 63-76.
272. Красный террор на Кубани // НС. 1943, 1.09. № 70(556). С. 3.
273. *Кульков Е.Н.* Советский Союз и движение Сопротивления // Движение Сопротивления в Западной Европе: 1939-1945 г.: Общие проблемы. М.: Наука, 1990. С. 209-229.

273а. *Кульман М.М.* Русские подвижницы за рубежом / Запись *Н.М.Зернова* // НЖ. Кн. 67. 1967. С. 178-197.
274. Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940: В 2 кн. / Под ред. *Е.П. Челышева, Д.М. Шаховского*. М.: Наследие, 1994.
275. *Лавренова А.В.* Установление советско-французских отношений в 1924 году и русская эмиграция во Франции // Россия и Франция: XVIII – XX века. Вып. 8. М.: Наука, 2008. С. 267-296.
276. *Л.Д.* Как советских граждан возвращали на родину: Письмо из Парижа // СВ. 1945, 10.11. № 19-20(577-578). С. 226-227.
277. *Лебанидзе Г.* Награда герою // Правда. 1971, 21.03. № 80. С. 6.
278. *Левашов.* О ген<ерале> Б.А. Штейфоне: Письмо в редакцию // НЖ. Кн. 145. 1981. С. 284-285.
279. *Левин И.Я.* Партизанские и подпольные газеты в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944: Указатель. М.: Книга, 1976. 188 с.
280. *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья: 1917-1939: Биографич. словарь. СПб.: Нотабене, 1999. 720 с.
281. Литература русского зарубежья: Антология в 6 т. / Сост. *В.В. Лавров*. М.: Книга [с 1997: Книга и бизнес], 1990-98.
282. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918-1940): В 4 т. Т. 1-3. М.: РОССПЭН, 1997-2002.
283. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР // Архивные справочники. http://www.rusarchives.ru/guide/lf_ussr/shos_shjut.shtml.
284. *Луцкий С.* «Exodus 1947»: Из воспоминаний // НЖ. Кн. 122. 1976. С. 183-192.
285. *Любимов Л.* На чужбине. М.: Советский писатель, 1963. 416 с.
286. *Мабо-Азовский М.* Памяти М.М. Федорова // НЖ. Кн. 24. 1950. С. 220-224.
287. *Макаров В.Г.* Архивные тайны: Интеллигенция и власть // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 108-155.
288. *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Пассажиры «философского парохода»: Судьбы интеллигенции, репрессированной летом–осенью 1922 г. // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113-137.
289. *Максимова Э.* Скрывшись за своей фамилией: Кем же был главный идеолог при генерале Власове?: Детективный сюжет из хроники войны // Известия. 1997, 3.04. № 62. С. 5.
290. *Максимова Э.* Что говорят архивы // Известия. 1990, 11.05. № 131. С. 6.
291. *Манфред А.* Предательство французских правых социалистов в первые годы Четвертой республики: 1945-1947 // ВИ. 1949. № 7. С. 40-65.
292. *Марин Т.А., Анин Н.* Новогодняя история: Морская быль // ПВ. № 80. 1943, 25.12. С. 3.
293. Марина Цветаева – Вадим Руднев. «Надеюсь – сговоримся легко»: Письма 1933–1937 / Сост., подгот. текста, примеч. Л.А. Мнухина; предисл. *В.К. Лосской*. М.: Вагриус, 2005. 208 с.
294. *Марков А.* Животноводство у крестьянства и свиноводы в коммунистической партии // Дни (Париж). 1929, 20.10. № 59. С. 11-12.
295. *Маркова Н.* Володькина одиссея // Юность. 1980. № 10. С. 91-92.

296. Мартиролог русской военно-морской эмиграции: По изданиям 1920-2000 гг. / Сост. *И.М. Алабин* и др.; ред. *В.В. Лобыцын*. М.: Пашков дом; Феодосия: Коктебель, 2001. 192 с.
297. *Марьина В.В.* Дипломатия Бенеша после Мюнхенского соглашения: 1939-1945 годы // ННИ. 2009. № 4. С. 59-84.
298. *Марьина В.В.* Чехословацкие воинские части в СССР: 1941-1945 годы // ННИ. 2010. № 3. С. 84-105
299. *Марьина В.В.* Чехословацко-французские отношения в 1940-1945 годах: Новые документы чешских архивов // ННИ. 2007. № 1. С. 112-126.
300. *Махров П.С.* В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России / Публ. под общ. ред. *Н.Н. Рутыча* и *К.В. Махрова*. СПб.: Logos, 1994. 303 с.
301. Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мирвая война / Отв. ред. С. *В. Карпенко*. М.: РГГУ, 2004. 347 с.
302. *Мейендорф И.* У истоков зарубежного раскола // Вестник РХД. № 151. 1987. С. 219-241.
303. *Мельгунов С.* О большевиках и масонах // Независимый голос = La voix indépendante. Сб.8. 1947. С. 38-40.
304. *Мельников В.* Три мифа // Новости недели (Израиль). 2005, 23.06. № 4(56). С. 28-30.
305. Меньшевики в большевистской России: 1918–1924: В 4 т. М.: РОССПЭН, 1999-2002.
306. *Милюков П.Н.* Дневник П.Н.Милюкова: 1918–1921 / Сост. и коммент. *Н.И. Канищевой*; подгот. текста *К.Г. Ляшенко*. М.: РОССПЭН, 2005. 848 с.
307. *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
308. *Милюков П.Н.* Письма П.Н.Милюкова / Публ. и примеч. *М. Раева* // НЖ. Кн. 208. 1997. С. 136-156.
309. Минувшее: Исторический альманах: В 25 т. / Гл. ред. *В. Аллой*. Paris: Atheneum; М.: Прогресс; СПб.: Atheneum-Феникс, 1986-99.
310. *Миронова Е.М.* Дипломатическая система русского зарубежья // VI World Congress for Central and East European Studies: Divergencies, Convergencies, Uncertainties: 29 July – 3 August 2000, Tampere, Finland: Abstracts. Tampere: Oy Edita Ab, 2000. P.289.
311. Михаил Михайлович Штранге: [Некролог] // ВИ. 1968. № 9. С. 216; Штранге М.М. (1907-1968 гг.) // Французский ежегодник: 1967. М.: Наука, 1968.
312. Михаил Михайлович Штранге: [Некролог] // История СССР. 1969. № 1. С. 219.
313. *Мнухин Л.* Русский коммерческий институт в Париже: К 75-летию со дня основания // РМ. 2000, 7-13.12. № 4344. С. 19.
314. *Молева Н.М.* Деятель французского Сопротивления Кассу // ВИ. 1988. № 8. С. 145-149.
315. *Молчанов Н.* Генерал де Голль. 3-е изд. М.: Международные отношения, 1988. 480 с.

316. *Молчанов Н.* СССР – Франция: Полувековой путь. М.: Международные отношения, 1974. 96 с.
317. *Морозов Г., Сабсович Р.* Очерки истории профсоюзного движения во Франции. М.: Профиздат, 1961. 220 с.
318. *Морозов Р.* Граф Орлов: «Россия – это свято для нас» // Аргументы и факты. 1992. № 43/44. С. 5.
319. *Мосейкина М.Н.* Русская эмиграция и Вторая мировая война: III Международная научная конференция «Нансеновские чтения» // Российская история. 2010. № 3. С. 211-213.
320. *Мусский И.А.* Сто великих дипломатов. М.: Вече, 2004. С. 458-463.
321. Н.О.Р.С.: Лагерь русских скаутов в лесу ок<оло> Royan // РМ. 1972, 15.06. № 2899. С. 9.
322. *Набоков В.* Постановщик картины: Рассказ / Предисл., пер. с англ. и публ. *Ш. Бреуса* // Родина. 1990. № 5. С. 80-85.
323. *Назаров М.* Меньшее зло?: Русская Зарубежная Церковь в годы «второй гражданской войны» // Родина. 1997. № 11. С. 74-80.
324. *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край, 1992. 416 с.
325. *Наринский М.М.* Борьба классов и партий во Франции: 1844-1958. М.: Наука, 1983. 366 с.
326. *Наркирьер Ф.* С Францией в сердце // С Францией в сердце: Французские писатели и антифашистское Сопротивление: 1939-1945. М.: Прогресс, 1973. С. 11-29.
327. Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. *В.Н. Чуваков*. М.: РГБ, 1999-2005.
328. *Нехамкин С.* ГУЛАГ под Парижем: Как СССР вернул на родину 5 миллионов 700 тысяч соотечественников // Известия. 2003, 23.09. № 174. С. 11. (Версии в Интернете: http://oun-upa.org.ua/articles/boregar.html, http://friends-forum.com/forum/showthread.php?t=90979, http://www.politforums.ru/historypages/1213098305.html, http://aistor.do.am/publ/gulag_pod_parizhem/1-1-0-457).
329. *Нечаев Г.А.* Советские люди – участники французского Сопротивления // ВИ. 1967. № 8. С. 215-218.
330. *Нечаев Г.* Участие советских граждан в движении Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 1965. № 6. С. 37-50.
331. *Николаевский Б.* Пораженческое движение 1941–1945 гг. и ген<ерал> А.А. Власов // НЖ. Кн. 18. 1948. С. 209-234.
332. *Н<иколаевский> Б.* Провал «Сталинской амнистии» // Социалистический вестник. 1946, 20.08. № 7-8(587-588). С. 186-187.
333. *Н<иколаев>ский Б.* Русская эмиграция в Париже // СВ. 3.7.1945. № 11/12 (569/570). С. 133-135. (См. прил. 4-1).
334. *Нитобург Э.Л.* Русские «перемещенные лица» в США: Истории и судьбы // ННИ. 2001. № 4. С. 11-26.
335. Новая эмиграция в Германии // СВ. 1946, 18.04. № 4(584). С. 110.

336. *Новиков М.* Памяти В.А. Маклакова // НЖ. Кн. 50. 1957. С. 276-277.
337. Новое злодеяние НКВД: [О пленных финско-советской войны] // НС. 1943, 27.06. № 51(537). С. 5.
338. Новое злодеяние НКВД: [Об открытии братских могил 1938-41 под Винницей] // НС. 1943, 7.07. № 54(540). С. 1.
339. Новое преступление коммунистов // ПВ. № 3. 1942, 28.06. С. 6.
340. *Новосильцев И.Л.* Глава о том, как совет Николая Васильевича Гоголя помог нам спасать людей от архипелага ГУЛАГа // НЖ. 1980. Кн. 140. С. 241-258.
341. *Носик Б.* Привет эмигранта, свободный Париж. М.: Интерпракс, 1992. 240 с.
342. *Носик Б.* Этот странный парижский процесс. М.: Моск. Рабочий, 1991. 256 с.
343. Носителям русской чести; Русским защитникам Шербурга // ПВ. № 106. 1944, 1.07. С. 1.
344. НТС: Мысль и дело: 1930-2000. М.: Посев, 2000. 128 с. (Библиотечка россиеведения. Вып. 4).
345. О чем не говорилось в сводках: Воспоминания участников движения Сопротивления / Сост. *И.Н. Куликов, Ю.А. Плотников, Б.Л. Сахаров.* М.: Политиздат, 1962. 456 с.
346. О новом злодеянии НКВД: [О расстрелах в Литве в июне 1941] // НС. 1943, 28.07. № 60(546). С. 3.
347. Об одной провокационной попытке // ПВ. № 86. 1944, 12.02. С.4-5.
348. *Одоевцева И.* На берегах Сены. М.: Худ. лит., 1989. 332 с.
349. *Озеров Ю.* О Полторацком // Курск дореволюционный. http://www.old.kurskcity.ru/events/oz-poltor.html; «Дерибасовская-Ришельевская»: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах. Вып. 17. 2004. http://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_17_cont.htm
350. *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции. 1920–1945. М., 2000. 120 с. (Российская историческая военно-политическая библиотека).
351. *Окороков А.В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920-1990 гг. М.: Авуар Консалтинг, 2003. 336 с.
352. *Окороков А.В.* Русские добровольцы. М.: Авуар консалтинг, 2004. 400 с. (Неизвестные войны XIX–XX вв.)
353. Опасность большевизма: [О предвоенных репрессиях в Латвии и Эстонии] // НС. 1943, 3.10. № 79(565). С. 5.
354. [*Орехов В.В.*]. С Новым годом !.. // Часовой (Bruxelles). 1948, дек. № 280. С. 2.
355. *Орлов С.* На чьи деньги создавалось Русское Освободительное движение?: <Материалы, предоставленные Ю.С. Жеребковым и интервью с ним> // Зарубежье. 1977, февраль–апрель. № 1/2 (53/54). С. 21.
356. *Осипов А.* К назначению нового главы Карловацкого раскола // Журнал Московской патриархии. 1964. № 11. С. 76-77.
357. *Осоргин М.* Письма Михаила Осоргина Марку Вишняку / Публ. *Д. Фине и Т. Осоргиной-Бакуниной* // НЖ. Кн. 178. 1990. С. 277-303.

358. От кавказского представительства // ПВ. № 1. 1942, 14.06. С. 3; От Управления Делами Русских Эмигрантов во Франции // ПВ. № 6. 1942, 19.07. С. 6; [То же] // ПВ. № 10. 1942, 30.08. С. 6; [То же] // ПВ. № 54. 1943, 26.06. С. 7; В Бельгии // ПВ. № 43. 1943, 10.04. С. 7.
359. От Управления Делами Русской Эмиграции во Франции // ПВ. № 12. 1942, 30.08. С. 6.
360. От Управления Делами Русской Эмиграции во Франции // ПВ. № 17, 39. 1942, 30.8, 4.10; 1943, 13.03.
361. От Управления Делами Русской Эмиграции во Франции // ПВ. № 110. 1944, 29.07. С. 7.
362. Офицеры Русской Освободительной Армии в Брюсселе на антибольшевистской манифестации // ПВ. № 55. 1943, 3.07. С. 2.
363. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т.4: 1941-1945 годы / *А.Н. Ицков, О.И. Нажесткин, В.Ф. Седов* и др.; Т.5: 1945-1965 годы / *В.А. Аргунов, Л.П. Костромин, Г.А. Орлов* и др. М.: Междунар. отнош., 1999-2003.
364. *Пальчиков П.А.* История генерала Власова // ННИ. 1993. № 2. С. 123-144.
365. Памяти С.М.Зерновой // РМ. 1972, 3.02. № 2880. С. 10.
366. Панова М. История русской эмиграции «первой волны» в Тунисе // Cahiers du Monde russe. Vol. 46, n°3. 2005, juillet–septembre. P. 545-576.
367. *Пархомовский М.* 8-я "Диаспора: новые материалы" и парижская полиция: [Рецензия] // Toronto Slavic Quarterly. № 21. 2007, Summer. (http://www. utoronto. ca/tsq/21/parhomovskii21.shtml).
368. *Пассеван Р.* В первых рядах: Очерки о комунистах Франции / Пер. с фр. М.: Политиздат, 1985. 208 с.
369. Переворот в Виши 13 декабря 1940 года // НС. 1942, 20.12. № 101(483). С. 2.
370. *Петренко А., Коржицкий П., Розик В.* Поймите же нас! // Свободная мысль (Paris). 1947. Сб.10. С. 12-19.
371. *Петров И.* Москва – Берн: Восстановление дипотношений // Международная жизнь. 2006. № 1/2. С. 150-160. (Цит. по: http://www. diary.ru/~vive-liberta/p78839101.htm?from=120).
372. Печатнов В.О. Посол СССР в Великобритании И.М. Майский: По страницам его дневниковых записей // ННИ. 2010. № 3. С. 187-199.
373. *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 546, [5] с.
374. Письмо генерала N. авторам от 18.8.2007. 1 л. Архив ИДГ.
375. *Плешевня В.* Белорусские дочери Франции // Российская Федерация сегодня. 2007, июль. № 14. С. 51.
376. *Поздняков В.* Мелетий Александрович Зыков: К истории Освободительного движения народов России // НЖ. Кн.103. 1971. С. 153-168.
377. *Поздняков В.* Первая конференция военнопленных Красной армии, вступивших в ряды РОД // НЖ. Кн. 106. 1972. С. 184-200.
378. *Поздняков В., Каров Д.* «Республика Зуева» // НЖ. Кн.29. 1952. С. 189-204.

379. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. *А.Ф. Киселева*. М.: Владос, 1999. 776 с.
380. Политические деятели России 1917: Биографич. словарь. М.: БРЭ, 1993. 432 с.
381. Политические настроения эмиграции: Письмо из Парижа / *...ов* // СВ. 1946, 22.05. № 5(585). С. 135-136.
382. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. *В.В. Шелохаев*. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.
383. *Полян П*. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 895 с.
384. *Полянский А., Гузевич И.* Паутина: Жизнь и трагедия одного генсека: Роман. Мариуполь: Сов-Пак «Посейдон», 1993. 320 с.
385. *Постников Е.С.* Франция, ее колонии и русские студенты в начале <19>20-х годов: численность, материальное, социально-правововое положение, учеба // Русская эмиграция во Франции: 1850-е – 1950-е гг.: Сб. науч. статей. СПб.: Третья Россия, 1995. С. 105-112.
386. Православный путь: Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь» (Джорданвилль). 1993. 176 с.
387. *Прегель Софья*. Письма П.Л. Вячеславову / Публ. *Н. Рубашевой* // НЖ. Кн. 219. 2000. С. 154-180.
388. Предатели, перебежчики и невозвращенцы // Агентура. (http://www.agentura.ru/dossier/russia/traitors/).
389. Представители Русской Освободительной Армии в Париже // ПВ. № 57. 1943, 17.07. С. 1.
390. *Прокопенко А.* На война, увы, как на войне: [Интервью, брала Э. *Максимова*] // Известия. 1991, 12.01. № 10. С. 7.
391 Против общего врага: Советские люди во Французском движении Сопротивления / Сост. и авт. введ. *Н.Г. Цырульников*; под ред. *И.В. Паротькина*. М.: Наука, 1972. 394 с.
392. Протокол о Виннице; Тюрьма НКВД в Виннице // НС. 1943, 21.07. № 58 (544). С. 3.
393. Процесс В.А. Кравченки: Судебный отчет. Париж: Presse Libre, 1949. 128 с.
394. *Прянишников Б.* А.П. Кутепов и Б.А. Штейфон // НЖ. Кн. 139. 1980. С. 267-269.
395. *Прянишников Б.* Новопоколенцы. Мэриленд: Силвер Спринг, 1986. VII, 296 с.
396. *Прянишников Б*. Письмо в редакцию // НЖ. Кн. 140. 1980. С. 268-274.
397. Путеводитель по фондам Белой армии / Российский гос. военный архив. М.: Русское библиографич. об-во; Восточная лит-ра, 1998. 527 с. (Academia Rossica. № 4).
397а. Путко А. По принципу бетономешалки, или О тотальной люмпенизации советского общества: [Из журнала АН СССР «Общественные науки и современность», с сокр.] // Спутник: Дайджест советской прессы. 1991, сент. № 9. С. 70-75.

398. *Пушкарев С.* <Рец.:> Русские писатели в эмиграции <...> // НЖ. Кн. 116. 1974. С. 298-300.
399. *Пушкарев С.Г.* О русской эмиграции в Праге: 1921-1945 // НЖ. Кн. 149. 1982. С. 150-151; Кн. 151. 1983. С. 138-146.
399а. *Пушкарев С.Г.* Прага: 1921-1945 // НЖ. Кн. 147. 1982. С. 91-99.
400. *Пушкарев С.* Столыпин и Кривошеин // НЖ. Кн. 117. 1974. С. 204-211.
401. *Пятницкий Н.В.* Генерал Е.К. Миллер: К 25-летию со дня его трагической гибели // Возрождение. № 131. 1962, ноябрь. С. 96-102.
402. *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с. (Англ. ориг.: Raeff M. A Cultural History of the Russian Emigration 1919-1939. New York; Oxford: Oxford University Press, 1990. 239 p.)
403. Разделитель: Зыков Иван Григорьевич Д-р с.-х. наук., проф., карточки 66-70 из 158 // РНБ, Генеральный алфавитный каталог книг на русском языке (1725-1998). (http://www.nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/32068/67-70).
404. Разделитель: Ладинский Антонин Петрович 1896 - 1961 Писатель, карточка 42 из 139 // РНБ, Генеральный алфавитный каталог книг на русском языке (1725-1998). (http://www.nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/50496/1-4); РНБ: Электронный каталог (http://opac.nlr.ru/cgi-bin/opacg/opac.exe).
405. Расправа красных в Чернигове // ПВ. № 70. 1943, 16.10. С. 2.
406. Расследование катынского злодеяния // ПВ. № 47. 1943, 8.05. С. 1.
407 Революционное движение в военных округах: Март 1917 г. - март 1918 г. Сборник документов / Отв. ред. *Ю.И. Кораблев.* М.: Наука, 1988. 486 с. (Интернет см.: google –> livres)
408. *Ревякин А.* Советско-французский договор о ненападении 1932 года // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: Росизо, 2010. С. 216-224.
409. *Романов Е.* В борьбе за Россию: Воспоминания. М.: Голос, 1999. 320 с.
410. Российская эмиграция во Франции в 1940-е. I ч.: Полицейский отчет 1948 года «La colonie russe de Paris» = «Русская колония в Париже» / Публикация *Д. Гузевича* и *Е. Макаренковой*, вступ. ст. и примеч. *Д. Гузевича* при участии *И.Гузевич* // Диаспора: Новые материалы. Т.8. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2007. С. 341-655.
411. Российский государственный архив литературы и искусства: Электронный каталог. Шифр: Ф. 1190, оп. 3, разд. 6: Изобразительные материалы, собранные А.С. Эфрон. Д. 643: Фотография Штранге Эммы Михайловны. [1950-е]. – (Интернет: http://www.rgali.ru/showObject.do?object= 10873557).
412. Российские либералы / Под ред. *Б.С. Итенберга* и *В.В. Шелохаева.* М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
413. Российский центр науки и культуры в Париже = Le Centre de Russie pour la science et la culture. Web site: http://www.russiefrance.org/; Historique: http://www.russiefrance.org/Centre/historique1.htm
414. Российское зарубежье во Франции: Биографический словарь / Под общ. ред. *Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской.* – 3 т. – М.; Наука; Дом Марины Цветаевой, 2008-2010.

415. *Рощин В.* Прерванный полет валькирии // Наша власть: Дела и лица. 2009. № 7-8 (99). – (http://nashavlast.ru/article_description/106/1057.html); Кёстринг Эрнст // Википедия. – (http://ru.wikipedia.org/wiki/).
416. *Рощин Н.* О Куприне / Вступит. заметка и публ. *Л. Голубевой* // Правда-5. 1998, 17-24.07. № 28(530). С. 10-11.
417. *Рубакин А.Н.* Над рекою времени: Воспоминания. М.: Международные отношения, 1966. 527 с.
418. *Руднев В.В.* Судьбы русской эмигрантской школы. Прага, 1929. 21 с. (Отд. отт. из журн. «Русская школа за рубежом»).
419. Руководители консульских учреждений СССР/России во Франции: 1924-1996 // Россия и Франция: XVIII-XX века. Вып.2. М.: Наука, 1998. С. 313.
420. *Руманов Д.А.* Воспоминание об отце – Аркадии Вениаминовиче Руманове // Н.К. Рерих и его современники: Коллекции и коллекционеры: Сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции (Одесса, 16-18 мая 2000 г.). Одесса: Астропринт, 2001. С. 148-162.
421. Русская армия в изгнании / Сост., науч. ред., предисл., коммент. *С.В. Волкова.* М.: Центрполиграф, 2003. 512 с. (Россия забытая и неизвестная: Белое движение. Т.13).
422. Русская армия на чужбине: Галлиполийская эпопея / Сост., науч. ред., предисл., коммент. *С.В.Волкова.* М.: Центрполиграф, 2003. 463 с. (Россия забытая и неизвестная: Белое движение. Т.12).
423. Русская православная церковь: Устройство, положение, деятельность. М.: Изд. Московской патриархии, 1958. 248 с.
424. Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / Сост., науч. ред., предисл., коммент. *С.В.Волкова.* М.: Центрполиграф, 2005. 479 с. (Россия забытая и неизвестная: Белое движение. Т.26).
425. «Русские дни в Париже» // ПВ. № 58. 1943, 24.07. С. 1.
426. «Русские дни в Париже»: Собрание в зале Ваграм 24 июля // ПВ. № 59. 1943, 31.07. С. 1.
427. Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн. 1-2 / Ред.-составители *М. Пархомовский, Д. Гузевич.* Иерусалим, 2001-2002. (Русское еврейство в зарубежье. Т.3-4(8-9)).
428. Русские писатели 20 века: Биографич. словарь. М.: БРЭ; Рандеву-АМ, 2000. 808 с.
429. Русские по всему свету // ПВ. № 87. 1944, 19.02. С. 6; Русские представители в Прибалтике // ПВ. № 90. 1944, 11.03. С. 6.
430. Русско-французский разговорник. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1957. 256 с.
431. Русский крест-памятник на кладбище в Кормее: С создателем резного креста Сергеем Артамоновым беседует *Андрей Корляков* // РМ. 2000, 8-14.06. № 4321. С. 18.
432. Русский Париж / Сост., предисл. и коммент. *Т.П. Буслаковой.* М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
433. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX в.: Энциклопедич. биографич. словарь. М.: РОССПЭН, 1997. 749 с.

434. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920-1975. Франция / Под общ. ред. *Л.А. Мнухина*: В 8 т. М.: ЭКСМО; Paris: YMCA-Press, 1995-2002.
435. Русское население уходит с германскими войсками от сталинской власти // НС. 1943, 20.10. № 84(570). С. 6.
436. *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М.: Regnum; Российский архив, 1997. 296 с.
437. *С.А.* Опровергнутая легенда // Независимая мысль. Сб.7. 1947. С. 26-28.
438. *Саакянц А.А.* Марина Цветаева: Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997. 816 с. ([2-е изд.]: там же, 1999. 816 с. Версия в Интернете: Гл.: «"Оползающая глыба" (1928-1929)». http://www.russofile.ru/articles/article_108.php; Гл.: «Последняя Франция (1937 - июнь 1939)» –http://www.russofile.ru/articles/article_110.php).
439. Саббатай Цеви и саббатианское движение // Еврейская энциклопедия. Т. 13. СПб.: Брокгауз и Ефрон, <Б.г.>. Стб. 781-797.
440. *Сабенникова И.В.* Иностранные диаспоры во Франции: Сравнительная характеристика: 30 – 40-е гг. XX в. // Вестник архивиста. 2002. № 3(69). С. 225-246.
441. *Савицкий И.* Становление Парижа как столицы русской эмиграции // Славяноведение. 2003. № 4. С. 54-59.
442. *Савич Н.В.* Воспоминания / Публ. под общ. ред. *Н.Н. Рутыча*; Биогр. справочник *А.Терещука.* СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 496 с.
443. *Садыкова Б.* История Туркестанского Легиона в документах. Алматы: Кайнар, 2002. 247 с. (Версия в Интернете на сайте Континент: http://www.continent.kz/library/turkcstan_legions/content.htm).
444. *Садыкова Б.* Мустафа Чокай в эмиграции. Алматы: Мектеп, 2009. 248 с.
445. *Самутин Л.А.* Я был власовцем. СПб.: Белое и черное, 2002. 317 с.
446. *Сапир Б.* Трагедия французских выборов // СВ. 1946, 23.11. № 11(591). С. 250-252.
447. *Сарач М.С., Казас М.М.* Особенности истории караимов и караимская народная энциклопедия // Россия и современный мир. 1999. № 4(25). С. 191-200.
448. С. *В.* Русская печать в Америке и война // СВ. 1941, 31.10. № 19 (484). С. 272-274.
449. *Седых В.Н.* Путь длиною в 30 лет: Общество «Франция–СССР». <1976 г.> // *Седых В.Н.* Франция в движении: Очерки разных лет. М.: Советская Россия, 1986. С. 104-108.
450. *Семиряга М.И.* Советские люди в европейском Сопротивлении. М.: Наука, 1970. 352 с.
451. *Серафим, митрополит.* Возвание. Париж, 22 июня 1941. 1 л.; Seraphim, Metropolit. Aufruf. Paris: Impr. D'Art, 22 Juni 1941. 1 л.
452. *Серков А.И.* Русское масонство. 1731-2000: Энциклопедич. словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1223 с.

453. *Силин Л.В.* «В работе по командированию советских делегаций за границу имеются крупные недостатки»: Документы идеологического отдела ЦК КПСС: 1964-1965 гг. // Исторический архив. 2005. № 6. С. 79-104.
454. *Силницкий Франтишек.* [Рец.]: Pavel Tigrid. Politika emigrace v atomovem veku. Index, Koln, 1974 <...> // НЖ. Кн.124. 1976. С. 296-300.
455. Сильнее смерти: Воспоминания, письма, документы / Сост. *М.Г. Искрин.* М.: Госполитиздат, 1963. 128 с.
456. *Сиполс В.Я.* На пути к победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1985. 496 с.
457. *Слащов-Крымский Я.А.* Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы / Предисл. <и коммент.> *А.Г. Кавтарадзе.* М.: Наука, 1990. 272 с.
458. Словарь поэтов русского зарубежья / Под общ. ред. *В. Крейда.* СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. 472 с.
459. *Слоним М.* О Марине Цветаевой: Из воспоминаний // НЖ. Кн. 104. 1971. С. 143-176.
460. *Случайный.* «Охота за черепами» продолжается // СВ. 1946, 21.06. № 6(586). С. 158.
461. *Смирнов А.* Атаман Краснов // Дон. 2003. № 11/12. С. 45-174.
462. *Смирнов А., Богучарсков В.* Род донских казаков // Дон. 2003. № 11/12. С. 36-44.
463. *Смирнов А.А.* Казачьи атаманы. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2002. 544 с. (Сер. «Архив»).
464. *Смирнов В.П.* Генерал де Голль в годы Второй мировой войны: Становление идеологии голлизма // ННИ. 1990. № 6. С. 53-60.
465. *Смирнов В.П.* Начало сотрудничества правительства Виши с фашистской Германией: 22 июня 1940 г. – 22 июня 1941 г. // Французский ежегодник – 1963. М.: Наука, 1964. С. 211-237
466. *Смирнов В.П.* Новейшая история Франции: 1918-1975. М.: Высшая школа, 1979. 376 с.
467. *Смирнов В.П.* Франция: страна, люди, традиции. М.: Мысль, 1988. 288 с.
468. *Смыслов О.С.* «Пятая колонна» Гитлера: От Кутепова до Власова. М.: Вече, 2004. 512 с. (Военные тайны XX в.).
469. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951: В 3 т. / Общ. ред., вступит. ст., комент. *О.В. Будницкого.* М.: РОССПЭН; Стэнфорд: Изд-во Гуверовского ин-та, 2001–2002.
470. Советско-французские договоры, соглашения и протоколы // Дипломатический словарь: В 3 т. 4-е изд. Т.3. М.: Наука, 1986. С. 335-336.
471. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. / МИД СССР. Т. 2: 1944–1945. М.: Политиздат, 1983. 573 с.
472. Совинформбюро и Винница // НС. 1943, 18.08. № 66(552). С. 1.
473. Современные «охотники за черепами»: Письмо из Парижа // СВ. 1946, 15.03. № 3(583). С. 82-83.
474. *Соколов Б.* Коллаборационисты – «дети советских народов» // Независимая газета. 1992, 20.02. С. 5.

475. Соколов Б. Русские коллаборационисты: Предатели и патриоты // НГ. 1991, 29.10. № 134. С. 5.
476. *Соколов В.В.* Посол СССР Ф.Т. Гусев в Лондоне в 1943–1946 гг. // ННИ. 2005. № 4. С. 102-128.
477. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир. 1989. № 8. С. 51; *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛаг: 1918-1956: Опыт художественного исследования. Т. 1-2. Paris: YMCA-press, 1973. С. 93.
478. *Сосинский Б.* Вильде-Левицкий: Дело Музея Человека; *Варшавский В.* Борис Вильде // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции (Париж). № 2. 1947, 1.02. (Версия в Интернете: http://www.mere-marie.com/305.htm).
479. Список дворянских родов, внесённых в Родословную книгу Дворянского Депутатского собрания Черниговской губернии // Геральдика: Сайты Сергея Пана (http://goldarms.ru/chernigov.htm). (См. также: Marty Larny, 2009-08-25 // Vive Liberta. http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78839101.htm?from=0).
480. *С.П.* Проституки печатного слова // Независимое слово. Paris: Les Indépendants, 1946. Сб.5. С. 34-36.
481. СССР – Италия: Страницы истории: 1917-1984. М.: Политиздат, 1985. С. 64-83.
482. Сталин восстанавливает Коминтерн // ПВ. № 61. 1943, 14.08. С. 1.
483. Сталин маневрирует // НС. 1944, 6.02. № 11(601). С. 1.
484. *Станишнев Б., Дорофеев А.* Дожить и умереть в Париже // Аргументы и факты. 1994. № 17. С. 7.
485. *Степун Ф.* Родина, отечество, чужбина // НЖ. Кн. 48. 1955. С. 216-218.
486. 100.000 французских рабочих в Германии // НС. 1942, 20.12. № 101(483). С. 5.
487. *Столыпин А.* Еще о жертвах Ялты // Посев. 1983. № 2. С. 42-47.
488. *Столыпин А.* Жертвы Ялты: [Рец.]: Nicolas Tolstoï. “Les victimes de Yalta”. – Paris: Editions France-Empire, 1980. – Traduit de l’anglais par Sergiu Manoliu et Jean Joba // Посев. 1981, апрель. № 4. С. 49-52.
489. Страшные рейсы: [О катынских раскопках и о депортациях] // НС. 1943, 11.07. № 55(541). С. 3.
490. *Стуруа М.* Без царя в голове // Неделя. 1967, 5-11.11. № 46. С. 15.
491. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1921 // Русская книга (Берлин). 1921. № 1-9.
492. Судьбы русской эмиграции: Лагерь Борегар: Письмо из Франции // СВ. 1946, 27.12. № 12(592). С. 280-281; 1947, 12.03. № 3(595). С. 48-51; 15.04. № 4(596). С. 74-76.
493. *Сургучев И.* Детство императора Николая II; *Вонляр-Лярский Д.* Грех у двери: Петербург; *Жданов Л.* Николай Романов – последний царь / Сост. *И.В. Новиков*; ред. и коммент. *В.В. Васильева*. М.: Армада, 1995. 526 с.
494. *Сургучев И.* За чахохбили / Подгот. и вступл. *О. Михайлова* // Правда-5. 1997, 19-26.09. № 35. С. 10-11.
495. *Сургучев И.* Парижский дневник // ПВ. № 4. 1942, 5.07. С. 2; Он же. Парижский дневник // НС. 1940, 1.12. № 49. С. 3; 1941, 23.02. № 8. С. 3;

1941, 16.11. № 47. С. 5; 1942, 4.02. № 10. С. 4-5; 1942, 10.05. № 37. С. 3; 1942, 28.06. № 51. С. 2. И др.
496. *Сурин Н.* Движение Сопротивлени во Франции в 1942-1943 гг. и де Голль // ВИ. 1949. № 2. С. 52-67.
497. *Суту Ж.А.* Виши, СССР и Германия: 1940–1941 гг.: По французским архивам // ННИ. 2000. № 3. С. 121-140.
498. *Суту Ж.А.* Договор 1944 года и его значение для французской дипломатии // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: Росизо, 2010. С. 261-272.
499. *Сухарев Ю.Н.* Материалы к истории Русского научного зарубежья: В 2 кн. М.: Российский архив, 2002.
500. «Так изменяются принципиальные позиции»: Дневник С.П. Мельгунова: 1933, 1939-1944 гг. / Публ. *Ю.Н. Емельянова* // Исторический архив. 1999. № 5. С. 96-166. (Отд., полн. изд.: *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники / Сост., примеч., подгот. текста *Ю.Н. Емельянова.* М.: Индрик, 2003. 528 с.)
501. *Тарле Г.Я.* Российская эмиграция в 1940–1950-е гг. // Россия и современный мир. 1999. № 3(24). С. 108-129.
502. *Тарханов А.* Свой дракон милее: Политический плакат времен коллаборационизма // НГ. 1992, 25.07. № 141. С. 7.
503. *Татаринова Е.* Русская молодежь в Зарубежье // Возрождение. 1971, июнь. № 233. С. 114-123; Июль. № 234. С. 125-134.
504. Тегеран, Ялта, Потсдам: Сборник документов. М.: Междунар. отнош., 1967. 368 с.
505. *Терещук А.В.* Русская церковная эмиграция в 1917-1927 гг. // Из истории российской эмиграции: Сб. науч. статей. СПб.: Третья Россия, 1992. С. 40-44.
506. *Тетеревлева Т.П.* «Глухая провинция русской эмиграции»: Пореволюционное Русское зарубежье на Севере Европы в переписке эмигрантов: 1931-1937 гг. // Исторический архив. 2005. № 1. С. 23-55.
507. *Тихонова З.Н.* Василий Порик – герой движения Сопротивления во Франции в период фашистской оккупации // ННИ. 1964. № 3. С. 94-95.
508. *Тихонова З.Н.* Иван Троян – герой французского Сопротивления // ВИ. 1966. № 11. С. 151-155.
509. *Тихонова З.Н.* Об участии советских людей в движении Сопротивления на севере и востоке Франции в годы Второй мировой войны: Неопубликованные архивные документы // ННИ. 1964. № 4. С. 118-129.
511. *Токарев В.* Браслет // Труд. 1995, 19.09. № 173. С. 5.
512. *Толстой (-Милославский) Н.Д.* Жертвы Ялты / Пер. с англ. *Е.С. Гессен*; [текст 1988 г. отред. для данного изд. *В.А. Скороденко*]. М.: Русский путь, 1996. 544 с. (Исследования новейшей русской истории. № 2). (Версия в Интернете: http://ricolor.org/history/b/tolstoi/).
513. *Торез М.* Сын народа / Пер. с фр.; предисл. *Ж. Дюкло.* Пересм. и доп. изд. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 296 с.
514. Трагедия Винницы // НС. 1943, 18.07. № 57(543). С. 3.

515. Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и мате-риалы / Сост. *А.В. Сыпченко. К.Н. Морозов*; отв. ред. *В.В. Шелохаев*. М.: РОССПЭН, 2003. 624 с.
516. *Тыркова-Вильямс А*. Русский парламентарий // НЖ. Кн. 52. 1958. С. 235-254.
517. 1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению / Отв. ред. *П.В. Волобуев*. М.: ИРИ РАН, 1997. 400 с.
518. *Тягур М.И*. Международное положение в Европе на страницах "Правды": Май-август 1939 года // Самиздат. http://zhurnal.lib.ru/t/tjagur_m_i/1939.shtml.
519. Убийство Дарлана // НС. 1942, 30.12. № 104[486]. С. 1.
520. Убийство Сикорского // НС. 1943, 27.06. № 51(537). С. 5.
521. Убийца адмирала Дарлана // НС. 1943, 13.01. № 4(490). С. 2.
522. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР группы соотечественников, проживавших во время Великой Отечественной войны за границей и активно боровшихся против гитлеровской Германии (№ 672) // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1965. № 46(1289). С. 1010.
523. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919-1952 гг. / Ин-т по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1953. 164 с. (Исследования и материалы. № 6).
524. Уничтожают раненых // ПВ. № 3. 1942, 28.06. С. 5.
525. Уничтожены сознательно: Журнал “Шпигель” о мучениях советских военнопленных в фашистском концлагере Берген-Бельзен // Советская Россия. 1990, 22.4. № 93. С. 6.
526. *Унковский В*. Катынская трагедия в прошлом // ПВ. № 48. 1943, 15.05. С. 5.
527. *Унковский В*. Ликвидация осиного гнезда // ПВ. № 2. 1942, 21.06. С. 4.
528. *Усвяцов А*. Всеобщая стачка во Франции в 1947 году // ВИ. 1950. № 3. С. 88-101.
529. Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель / Отв. ред. *Т.Ф. Павлова*. М.: РОССПЭН, 1999. 672 с.
530. *Фостер Л.А*. Библиография русской зарубежной литературы: 1918-1968: В 2 т. Boston (Mass.): G.K.Hall, 1970. 1374 с.
531. Франк, Яков Лейбович и франкисты // Еврейская энциклопедия. Т. 15. СПб.: Брокгауз и Ефрон, <Б.г.>. Стб.360-368.
532. *Франсуа*. «Советские патриоты» в Париже: Письмо из Парижа // Социалистический вестник. 1946, 20.08. № 7-8(587-588). С. 187-188.
532а. Франция и Вторая мировая война: Картина номер два: «Имя им – легион». http://botinok.co.il/node/59013
533. *Френкин А*. Власов и власовцы // Литературная газета. 1989, 13.09. № 37(5259).
534. Фюрер русской эмиграции // СВ. 1941, 15.10. № 17/18 (482/483). С. 247-248.
535. *Хан Иомудский, Хан Кият Хан*. Туркестанский Легион // ПВ. № 86. 1944, 12.02. С. 2.

536. *Хитрова Е.В.* Русская диаспора во Франции в период между двумя мировыми войнами // Россия и Франция: XVIII–XX вв. Вып. 4. М.: Наука, 2001. С. 257-281.
537. *Хоффман Й.* История власовской армии / Пер. с нем. *Е.Гессен.* Париж: YMCA-Press, 1990. 382 с.
538. *Хохульников К.Н.* Твои, наш город. сыновья // Новочеркасская неделя. 2005, 10.08. № 31. (Версия в Интернете: http://www.nweek.ru/content.php?article.1639).
539. *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 годах: Документы архивов ФСБ России // ННИ. 2010. № 5. С. 34-52.
540. Хронологическая таблица по истории Русской православной церкви от основания Русской миссионной митрополии до настоящего времени: 861-1997 гг. <Б.м.>, 1997. 64 с.
541. *Худоборов А.Л.* «Мы щепки, забитые в заводь, подле бурно несущегося потока»: Русская эмиграция в Третьем рейхе: 1941–1943 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 153-163.
542. *Цветаева М.* Письма Анатолию Штейгеру / Сост. и подгот. текста *С.Н. Клепининой.* Болшево: Музей М.И .Цветаевой; Калининград: Луч-1, 1994. 154 с. (Версия в Интернете: http://imwerden.de/pdf/tsvetaeva_pisma_ teigeru.pdf).
543. *Цветаева М.* Письма М. Цветаевой к В. Ходасевичу / Публ. и коммент. С. *Карлинского* // НЖ. Кн. 89. 1967. С. 102-114.
544. *Цветаева М.* Письма М. Цветаевой к Г.П. Федотову / <Предисл. и публ. *Е.Н. Федотовой*> // НЖ. Кн. 63. 1961. С. 162-172.
545 *Цветков И.Ф.* Инженер-кораблестроитель В.И. Юркевич // ВИ. 1995. № 7. С.140-145.
546. *Церетели И.Г.* Воспоминания о февральской революции: <В 2 кн.> / Ecole pratique des hautes études. Paris; La Haye: Mouton & Co, 1963.
547. *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Intrada, 2001. 288 с.
548. *Цыбина К.П.* СССР и Франция в борьбе против германского фашизма: К дипломатической истории вопроса // ННИ. 1966. № 1. С. 41-53.
549. «Чему свидетели мы были...»: Переписка бывших царских дипломатов: 1934-1940: Сб. документов: В 2 кн. М.: Гея, 1998.
550. *Черкасов П.П.* Франция // Движение Сопротивления в Западной Европе: 1939-1945: Национальные особенности. М.: Наука, 1991. С. 171-216.
551. *Чертков Л.Н.* Любимов Лев Дмитриевич // Краткая лит. энцикл. Т. 4. М.: СЭ, 1967. Стб. 475.
552. Что представляет собой Карловацкая церковь, объявившая себя представительницей русского православия за границей? // Ответы верующим: Популярный справочник / Под общ. ред. *В А. Мезенцева.* Вып. 3. М.: Политиздат, 1971. С. 93-104.
553. *Шаховская З.* Марина Цветаева // НЖ. Кн. 87. 1967. С. 130-141.
554. *Шварц С.* Трагедия власовского движения // СВ. 1953, февраль-март. № 2-3. С. 39-42.
555. *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. Fontenay-aux-Roses: Синтаксис, 1988. 538 с.

556. *Шевырин В.М.* Василий Алексеевич Маклаков: 1869-1957 // Россия и современный мир. 2001. № 3(32). С. 150-158.
557. *Шейнис-Чехова Л.В.* Тургеневская библиотека // НЖ. Кн. 94. 1969. С. 178.
558. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений: 1802–1917: Биобиблиограф. справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Дм. Буланин, 2002. 936 с.
559. *Шишкин М.* Русская Швейцария: Литературно-исторический путеводитель. Zürich: Pano Verlag, 2000. 590 с.
560. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. 3-е изд. М.: Мысль, 1987. 240 с.
561. *Шкаренков Л.К.* Конец белой эмиграции // ВИ. 1979. № 8. С. 85-103.
562. *Штранге М.М.* Демократическя интеллигенция в России в XVIII веке. М.: Наука, 1965. 306 с.
563. *Штранге М.М.* Жан-Жак Руссо и его русские современники // Международные связи России в XVII-XVIII вв.: Экономика, политика и культура: Сб. статей. М.: Наука, 1966. С. 345-357.
564. *Штранге М.М.* Народное движение Сопротивления в Верхней Савойе в 1941-1944 годах // ВИ. 1949. № 8. С. 113-121.
565. *Штранге М.М.* Отношение русского общества к буржуазной революции во Франции 1789-1794 гг.: Автореф. ... канд. ист. н. М.. 1954. 17 с. – N.V.
566. *Штранге М.М.* Русское общество и французская революция 1789-1794 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 205 с. (Версия в Интернете: http://enlightment2005.narod.ru/science/schtrange.pdf).
567. *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское освободительное движение / Авториз. пер. *И. Баха, М. Рубцовой.* Frankfurt/Main: Посев, 1975. 439 с.
568. *Шулепова Э.А.* Русский некрополь под Парижем. М.: Рос. ин-т культурологии, 1993. 96 с.
569. *Шумихин С.В* «Другой газеты сегодня в Германии быть не может…»: Письма Владимира Деспотули к Александру Бурову (1934–1938 гг.) / Публ. С. *В. Шумихина* // Диаспора: Новые материалы. Т. 8. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2007. С. 301-338.
570. *Щедров И.* Камарад Иванов: Рассказ о судьбе офицера, участника движения Сопротивления во Франции // Правда. 1985, 5.05. № 125. С. 6.
571. *Щедров И.* Память сердца: О тех, кто сражался за свободу Франции // Правда. 1984, 17.03. № 77. С. 4.
572. *Щетинов Ю.А.* Угасание кадетского либерализма: Деятельность кадетов в белой эмиграции: Исторический очерк // Вестник Московского ун-та (Сер.8: История). 1988. № 4. С. 18-47.
573. *Щупляк Е.* Елка в Монжероне (9-го января) // РМ. 1972, 20 января. № 2878. С. 10.
574. Эдуард Эррио // ПВ. № 16. 1942, 27.09. С. 4.
575. Эмигранты: Из воспоминаний митрополита Евлогия, изложенным по его рассказам Т. Манухиной / Публ. и коммент. *А. Нефедова* // Наука и религия. 1988. № 5. С. 52-58; № 6. С. 18-23.
576. Эмигранты у Богомолова // НЖ. Кн. 100. 1970. С. 269-279.

577. Эмиграция и советская власть // НЖ. 1945. Кн. 10. С. 341-360; Кн. 11. С. 350-374.
578. *Энден М.Н.* С.М. Зернова // НЖ. Кн. 106. 1972. С. 288-290.
579. *Эфрон Г.* Дневники // 1001. (http://1001.ru/books/efron/issue236/; http://1001.ru/books/efron/issue302/).
580. Юбилейный сборник газеты «Последние новости»: 1920-1930. Париж, 1930. 64, XXX с.
581. *Южин В.* О ген<ерале> Б.А. Штейфоне: Письмо в редакцию // НЖ. Кн. 151. 1983. С. 289.
582. *Яковлева Е.* Аркадий Руманов – забытое имя? // Русские евреи во Франции. Иерусалим, 2001. С. 162-176. (Русское еврейство в зарубежье. Т. 3[8]).
583. *Яновский В.С.* Поля Елисейские: Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 278 с.
584. Afrique (L') du Nord lâchée par les Anglo-Américains au profil des Soviets: C'est unavertissement pour la France. <France, 1943>. 4 p.
585. *Amouroux H.* La Grande histoire des français sous l'Occupation: Le peuple du désastre quarante millions de pétainistes. 1939-1941. Paris: Robert Lafont, 1997. 1036 p.; *Le Boterf H.* La vie parisienne sous l'Occupation: 1940-1944. 2 t. Paris: France-Empire, 1974-75.
586. André Le Troquer // Wikipedia. http://fr.wikipedia.org/wiki/ Andr%C3%A9_Le_Troquer; Gouvernement Félix Gouin // Wikipedia. http://fr.wikipedia.org/wiki/Gouvernement_F%C3%A9lix_Gouin#Ministres.
587. *A.P.* Le Congrès de l'émigration russe // Le Monde slave. 1926, mai. № 5. P. 307-313.
588. Annuaire pays: Ukraine: Histoire et Culture: De la fin de la Seconde Guerre Mondiale à 1991. http://www.afse92.com/paysslaves/ukraine-1-10.html
589. *Baby Jean.* L'antisoviétisme contre la France. Paris: Editions France – U.R.S.S., <1947>. 48 p.
590. *Berelowitch A.* Un homme des Lumières du XXe siècle: Jean-Louis Van Regemorter: 1927-1999 // Revue des études slaves. Vol. 73, fasc. 1. 2001. P. 259-269.
591. *Berstein Serge.* Édouard Herriot: Troyes, 5 juillet 1872 – Lyon, 26 mars 1957 // Célébrations nationales: 2007. Paris: Direction des archives de France, 2006. P. 66-68.
591a. *Borrel Pierre, Pessey-Magnifique Michel.* Les clefs de Saint-Pierre: Des Burgondes au IIIe millénaire une promenade dans la commune. Saint-Pierre-en-Faucigny: Association d'histoire locale «Sous-Cornillon», 2006. 365 p.
592. *Brasillach R.* Bagatelles sur un massacre // Je suis partout. 1943, 30.04. (Reéd.: Idem. Œuvres complètes / Annotée par M.Bardèche. T. 12. Paris: Le Club de l'Honnête Homme, 1964. P. 553-555).
593. *Brasillach R.* La L.V.F. a deux ans // Je suis partout. 1943, 27.08. (Reéd.: Ibidem. P. 574-577).
594. *Brasillach R.* Sur le front de l'Est avec la Légion française // Je suis partout. 1943, 30.07. (Reéd.: Ibidem. P. 563-568).

595. *Brisson A.* Retour à la terre natale: Des Russes émigrés rejoignenent l'URSS // Le Monde. 1946, 5.11. (Перепеч.: *Coudry G.* Les camps soviétiques en France: Les « Russes » livrés à Staline en 1945. Paris: Albin Michel, 1997. P. 321-322).
596. *Brunet Jean-Paul.* Jacques Doriot: Du communisme au fascisme. [S.l.]: Balland, 1986. 564 p.
597. Bulletin trimestriel d'informations publié par le Centre culturel et économique <puis> Bulletin d'information et de bibliographie du Centre culturel et économique / Association France – U.R.S.S. (Paris). 1946. № 1-3; 1947. № 4.
598. Centre Pouchkine: Programme 1993-1994: 1er centre privé d'ensegnement du russe en Europe. Paris: Centre Pouchkine, 1993. 34 p.
599. Chibanov // Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. Part.4: 1914-1939. T. 12. Paris: Les éditions ouvrières, 1984. P. 270.
600. Chronique du 20e siècle / Sous la dir. de *Jacques Legrand.* Paris: Larousse, 1990. 1400 p.
601. Comité France–Caucase. <Paris, 1919?>. 1 f.
602. «Communisme» (Le) c'est la « Fosse commune ». [S.l.], 1943. 8 p.
603. *Coudry G.* Les camps soviétiques en France: Les « Russes » livrés à Staline en 1945. Paris: Albin Michel, 1997. 340 p.
604. *Dagen Ph.* Des photographies de propagande nazie provoquent un malaise: Polémique: Erhpoisition à la Bibliothèque historique de la Ville de Paris // Le Monde. № 19664. 2008, 12.04. P.21.
605. De Gaulle et la Russie / Sous la dir. de *M. Vaïsse.* Paris: SNRS éd., 2006. 296 p.
606. *De Kérillis H.* De Gaulle dictateur. Montréal: Beauchemin, 1945. 442, [6] p.
607. *Defrasne Jean.* La Gauche en France: de 1789 à nos jours. Paris: PUF, 1975. 128 p.
608. Dictionnaire national des communes de France. Paris: Albin Michel; Berger-Levrault, 1984. 1367 p.
609. Émigration (L') russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langues russe / Etabli par *T. Ossorguine-Bakounine* (t.1), *A.M. Volkoff* (t.2). 2 t. Paris: Institut d'études slaves, 1976–1981.
610. Émigration (L') russe: Revues et recueils, 1920-1980: Index général des articles = Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке: 1920-1980: Сводный указатель статей / Сост. *Т.Л. Гладкова, Д.В. Громб, Е.З. Кармазин* и др.; ред. *Т.Л.Гладкова, Т.А. Осоргина*; Bibliothèque russe Tourguénev; La Biblioteque de documentation internationale contemporaine; préf. d'*Marc Raeff.* Paris: Institut d'études slaves, 1988. 664 p.
611. *Escaich R.* La IIIe république de Thiers à Pétain // Les Cahiers de l'histoire. № 9. 1961. P.5-168.
612. Espionnage (L') soviétique en France de 1945 à 1955. Paris, 1955. 32 p. (Supplément du B.E.I.P.I.: Bulletin d'études et d'informations politiques internationales. № 1/15. Mai 1955).
613. France – URSS. 1944, 1.10. № 11 (Nouvelle série); 1944, novembre. № 2 (Nouvelle série) – 1945, août. № 11; 1945, septembre. № 1(12) (Nouvelle série) – 1949, septembre. № 49.

614. France-URSS // Association France-URSS. № 1(1943) – № 10(1944). Alger, 1943-44; N.s., n°1(11)(1944) – n°170(1960). Paris: Ed. France-URSS, 1944-60. Puis: France-URSS magazine. Paris: France-URSS, 1960-90. Puis: La Lettre France-URSS / [dir. publ. Ch.Latil]. Paris (61 rue Boissière, 75116): Association France-URSS. № 1(1991, mars).
615. France-URSS: bulletin intérieur réservé aux secrétaires des comités départementaux et locaux // Association France-URSS. № 1(1944, oct.) – № 14 (1946, sept.). Paris: France-URSS, 1944-1946. Puis: Combattre pour l'amitié franco-soviétique: bulletin intérieur de l'association France-URSS. № 15 (1946, oct./nov.) – № 35 (1951, mai). Paris: France-URSS, 1946-51. Puis: L'Animateur [Texte imprimé]: bulletin intérieur de l'association France-URSS. N.s., n°1(1952, juin) – 1959. Paris: France-URSS, 1952-59.
616. *Gabrielle M.* Русское общество и Великая французская революция. 25.8.2009 // Vive Liberta. http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78839101.htm?from=120
617. *Gaulle, Charles de.* Appels et discours du General de Gaulle: Juin 1940 – Février 1944. (S. l. n. d.) [London ?, 1944]. 126 p. – (F.(P) № 4).
618. Georges Pâques // Wikipédia. (http://fr.wikipedia.org/wiki/Georges_P%C3%A2ques); Иван Агаянц // Druzya.com. (http://www.druzya.com/kto-est-kto-na-kavkaze/2925-ivan-agayanc.html).
619. *Glasberg, Abbé A.* The social lesson of the « Exodus » affair. Paris: Éd. Réalité, 1947. 61 p.
620. *Gorboff Marina.* La Russie fantôme: L'émigration russe de 1920 à 1950. Lausanne: L'Age d'Homme, 1995. 287 p.
621. *Gousseff C.* Immigrés russes en France: 1900–1950: Contribution à l'histoire politique et sociale des réfugiés: Thèse de Doctorat, Histoire et civilisations. 2 t. Paris: Ecole des hautes études en sciences sociales, 20.5.1996. 533, [104] p.
622. *Gousseff C.* Les mutations de la communauté russe de Paris après la Seconde Guerre mondiale // Le Paris des étrangers depuis 1945. Paris: Publications de la Sorbonne, 1994. P.189-204.
623. Gouvernements des Assemblées constituantes de la Quatriéme République. http://savoir-plaisir.pagesperso-orange.fr/histoire/republique_4/constituante.htm; Elections législatives 1946 // Rois & présidents. http://www.roi-president.com/elections_legislatives/legislatives_1946.php; Французские парламентские выборы, ноябрь 1946. http://en.wikipedia.org/wiki/French_legislative_election,_November_1946.
623a. Protopopov-Ukhtomsky, Sergey Sergeevich // Grave Search Results. http://www.findagrave.com/cgi-bin/fg.cgi?page=gr&GScid=2330375&GRid=44003981&df=p&
624. *Grézine I.* Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière de Ste-Geneviève-des-Bois. Paris: Jacques Ferrand, 1995. 458 c.
625. *Hardeman Hilde.* Coming to Terms with the Soviet Regime: The «Changing Singposts» Mouvement among Russian Émigrés in the Early 1920s. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1994. XI, 319 p.
626. *Heller M.* Un «Fürer russe» à Paris: Ju. S. Žerebkov (1941) // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol.24, n°1/2. P.179-199.

627. Hentges P. Le Régiment Normandie-Niemen // Cahier du communisme. 1960, Mars. № 3. P. 380-390.
628. Herriot Edouard // Grand Larousse encyclopédique en 10 vol. T.5. Paris: Larousse, 1962. P. 871.
629. *Herriot Edouard.* La Russie nouvelle. Paris: J. Ferenczi et fils, 1922. 302 p.
630. *Hitler, Adolf* L'Europe aux européens: Adolf Hitler expose, pendant la campagne en France, son point de vue sur la situation mondiale / Interview accordée à *Karl von Wiegand*, Quartier général du Fürer, 11 juin 1940. [S. l. n. d.]. 14 p. (Англ. Версия, N.V.: Europe for the Europeans: Adolf Hitler on the international situation during the war in France; An interview granted to *Karl v. Wiegand*, Führer's Headquarters, June 11, 1940).
631. *Huber P.. Kunzi D.* Paris dans les années 30: sur Serge Efron et quelques agents du NKVD // Cahiers du monde russe. 1991. Vol. 32, n° 2. P. 285-310.
632. *Johnston R.H.* «New Mecca, New Babylon»: Paris and the Russian Exiles: 1920–1945. Kingston; Montreal: McGrill-Queen's Univ. press, 1988. 254 p.
633. *Johnston R.H.* The Great Patriotic War and the Russian Exiles in France // The Russian Review. Vol.35, n°3. 1976, July. P. 303-321.
634. *Kalinova Evguénia.* La France dans la politique culturelle bulgare après la Deuxième guerre mondiale jusqu'à à la fin des années 1950 // Études balkaniques. 1999. № 3/4. P.55-67.
635. Kravchenko V.A. J'ai choisi la liberté !: La vie publique et privée d'un haut-fonctionnaire soviétique / Trad. de l'américain par *J. de Kerdéland.* Paris: Self, 1947. 638, [2] p.
636. *La Cerda, Alexandre de.* La tournée des Grands-Ducs: Les Russes sur la Côte atlantique. Biarritz: Atlantica, 1999. 183 p.
637. La France Continue la Lutte: textes et documents: 1940-1943. [S. l. n. d.]. 125 p. (F.(P) № 6).
638. *Lande A.* Tables de la révue russe «Le Messager socialiste»: 1921-1963; «Le Messager socialiste, recueil»: 1964-1965 = Указатели журнала «Социалистический вестник»: 1921-1963; «Социалистический вестник, сборник»: 1964-1965 / Bibliothèque russe Tourguénev; La Biblioteque de documentation internationale contemporaine; préf. d'André Liebich. Paris: Institut d'études slaves, 1992. 392 p.
639. *Lapie Pierre Olivier.* Herriot Edouard entre la III e et IV e // Miroir de l'Histoire. № 216. 1967, décembre. P. 104-112.
640. *Laroche G.* Les Soviétiques dans la Résistance française // Cahier du communisme. 1960, Mars. № 3. P. 391-411.
641. *Laroche G.* On les nommait des étrangers...: Les immigrés dans la Résistance. Paris: Les Éditeurs français réunis, 1965. 477 p.
642. [*Lazarevski V.*]. Новая эмиграция // Свободный голос. Сб. 1. 1946, февраль. С. 31.
643. *Massip Mireille.* La vérité est fille du temps: Alexandre Kasem-Beg et l'émigration russe en Occident: 1902–1977 / Préf. de *Marc Raeff.* Genève: Georg éd., 1999. XVIII, 759 p.

644. Legion Volontaire Français. См.: http://www.hist-geo.com/glossaire/Legion-Volontaire-Français.php и http://genealogo.frel.fr/lvf.htm
645. *Liard Thomas*. «La langue est la clé de toute téussite»: Interview [de] Maurice Druon // Directsoir. 2007, 13.03. № 122. P.4.
646. Meeting international des opprimés sous la présidence de Gustave Gautherot, ancien sénateur: Salle Wagrame – 28 Octobre 1947: Déclarations des Délégués: Russie, Etat baltes, Pologne, Yougoslavie, Roumanie, Bulgarie, Hongrie, Ecrivains qui ont «choisi la liberté» / Union pour la défense des peuples opprimés. Paris: Éd. Hermas-France, 1947. 111 p.
647. [*Melgounoff S.P.*]. Бегство из полпредства // Свободное слово = La parole libre. Сб. 1(4). 1946. С. 11.
648. [*Melgounoff S.*]. В "ордене" советских патриотов // Свободный голос (Paris). № 2. 1946, 12.03. С. 31-32.
649. [*Melgounoff S.*]. Жизнь эмиграции // Свободная мысль (Paris). 1946, [декабрь]. Сб. 6. С. 47-48.
650. *Moch Jules*. Le communisme et la France: Discours prononcé à l'Assemblée Nationale le 16 Novembre 1948. Paris: Société parisienne d'imprimerie, 1948. 64 p.
651. *Montauban P.* L'Insurrection Nationale de 1944 et le rôle de la Résistance dans la Libération // Cahiers du communisme. 1950, août. № 8. P.55-68.
652. National Front (French Resistance) // Wikipedia. http://en.wikipedia.org/wiki/Front_National_%28French_Resistance%29; National Front (France) // Wikipedia. http://en.wikipedia.org/wiki/National_Front_%28France%29.
653. *Nivat G.* Russie-Europe – La fin du schisme: Études littéraires et politiques. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1993. 810 p. (Версия в Интернете: http://classiques.uqac.ca/contemporains/nivat_georges/russie_europe_fin_schisme/russie_europe_fin_schisme.html).
654. *Ory Pascal*. Les collaborateurs: 1940-1945. Paris: Éd. Du Seuil, [1986]. 331, [15] p.
655. Ouritskaia Rita. Les combattants soviétiques engagés dans la Résistance française // La Revue russe (Paris). № 27. 2005. P. 61-70.
656. *Peltier M*. Une école navale russe à Bizerte // La Revue maritime. 1967, août-septembre. P. 1054-1065.
657. Pensée (La): Revue du rationalisme moderne / Fondateur *P.Langevin*; comité directeur *F.Joliot-Curie* [et al.]. № 1-3 (1939); NS, n°1 (oct./déc. 1944 -).
658. *Piad, de Lupé Mayol*, *Doriot Jacques*. Des combattants du front de l'Est vous parlent...: Discours prononcés au Vélodrome d'hiver le 15 avril 1944. <Montrouge>, 1944. 16 p.
659. *Ponfilly, R. de*. Guide Russe, Ukrainien, Biélorusse de France. Paris: Institut d'études slaves, 1988. 220 p.; Idem. Nouv. éd., mise à jour et augmentée. Paris: Institut d'études slaves, 1994. 296 p.
660. Pour défendre la France: Engage-toi dans la Légion volontaires français contre le bolchevisme. Paris, 1944. 8 p.

661. Procès (Le) Kravchenko contre «Les Lettres françaises»: Compte Rendu des Audiences d'après la Sténographie suivi d'un index des noms cités. Paris: La Jeune parque, 1949. XI, 703, <8> p.
662. *Ramunni G., Savio M.* Cent ans d'histoire de l'École supérieure d'électricité: 1894-1994. Paris: Saxifrage, 1995. P. 262.
663. Répertoire général des anciens élèves de l'Ecole polytechnique / Société amicale des anciens élèves de l'EP (AX). T.3. Palaiseau, <1982>. P. 1622.
664. Résistance et libératiojn de la Provence: Témoignages et récits. Genève: Éd. de Crémille, 1994. P. 51-61.
665. *Rigal Albert.* Maurice Thorez, député d'Ivry, secrataire générale du Parti communiste doit pouvoir rentrer librement en France // Humanité. 1944, 21.8; Pour le promt retour de Maurice // Ce Soir. 1944, 23.8; Une délegation des femmes et des F.T.P. du 19e s'enquiert à «l'Humanité» du retour de Thorez // Humanité. 1944, 27.8; Maisons-Alfort réclame la présence de Maurice Thorez dans notre pays en lutte // Humanité. 1944, 28.8; Les intellectuels, les oevriers tous les Parisiens réclament le retour de Maurice Thorez // Humanité. 1944, 29.8; Maurice Thorez doit pouvoir reprendre sa vie publique en France // Humanité. 1944, 30.8; Maurice Thorez doit pouvoir rentrer rapidement en France // Humanité. 1944, 31.8.
666. *Robrieux Ph.* Histoire intérieure du parti communiste. T. 1: 1920-1945. Paris: Fayard, 1980. 584 p.
667. *Robrieux Ph.* Maurice Thorez: Vie secrète et vie publique. Paris: Fayard, 1975. 661 p.
668. *Roche É.* L'Impossible justification // Dépêche de Paris. 1946, 21.05.
669. *Ross N.* Quelques aspects du passé de l'Archevêché des églises orthodoxes russes en Europe occidentale. http://oltr.france-orthodoxe.net/html/rosstr1.html.
670. Sed de venganza // Muy espesial. 2005. № 68. P.55.
671. *Sigard M.I.* Les crimes du Guépéou en France. Paris: Bureau de press de l'exposition internationale «Le bolchevisme contre l'Europe», 1942. 32 p.
672. *Strange M.* La Révolution française et la société russe / Trad. du russe par J. Champenois; present. de V. Dober. M.: Éd. en langues étrangères, 1960. 227 p.
673. *Szyszman S.* Le Karaïsme: Ses doctrines et son histoire. Lausanne: L'Age d'Homme, 1980. 249 p.
674. *Szyszman S.* Les Karaïmes d'Europe. Uppsala, 1989. P.64. (Acta Universitatis Upsaliensis: Studia Multiethnica Upsaliensia. № 7).
675. *Tolstoy Nikolai.* Les victimes de Yalta / Trad. de l'angl. par *Sergiu Manoliu* et *Jean Joba*. Paris: Éd. France-Empire, 1980. 352 p.
676. Tout l'Europe contre le Bolchevisme: 2$^{\underline{eme}}$ Anniversaire: 22 Juin 1941 ! 22 Juin 1943. [S.I.]: Ed. C.E.A., 1943. 32 p.
677. Tout-Paris: Annuaire de la société parisienne: 1939: noms & adresses. Paris: La Fare, 1938. 765 p.
678. *Vallier H.* Le Cimetière et l'Eglise Orthodoxe N.D. de l'Assomption Ste-Geneviève-des-Bois (Essonne). <SGdB, pas plus tard que 1999>. <4> p.

679. Volontaires français en Espagne républicaine // Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. Part.4: 1914-1939. T.16. Paris: Les éditions ouvrières, 1981. P.488, 493.
680. *Weil Claudie*. Mencheviks et socialistes-révolutionnaires en exil // De Russie et d'ailleurs: Feux croisés sur l'histoire: Mélanges Marc Ferro. Paris: Institut d'études slaves, 1995. P.417-426.
681. *Z.* Эмигрантская жизнь: В русском доме // Независимый голос (Paris). 1947. Сб. 10. С. 50-51.

О ПЕРВОМ ЭМИГРАНТЕ «ВТОРОЙ ВОЛНЫ» И О ПОСЛЕДНЕМ ЭМИГРАНТЕ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»
(Необходимые уточнения)[1]

М.П. Лепехин

Сведение воедино рассеянных на страницах «Парижского вестника» автобиографических подробностей позволяет без труда установить личность загадочного «профессора А.В. Гротова», упоминавшегося в предыдущей публикации настоящего сборника. Этот псевдоним избрал уроженец Санкт-Петербурга историк Сергей Викторович Сигрист (Siegrist), родившийся 7(19) октября 1897 г. Ввиду того, что личность Сигриста ранее никогда внимания исследователей не привлекала, ниже сообщаются необходимые сведения о нем.

Его отец, В.Ф. Сигрист (1857-?) был одним из наиболее известных в столице специалистов по легочным заболеваниям; а также входил в число создателей отечественной бальнеологии [1].

С.В. Сигрист окончил Училище правоведения. С детства прекрасно владевший немецким и французским языками, он помышлял о дипломатической карьере и об углубленном изучении международного права, однако события 1917 г. сделали эти намерения неосуществимыми. Все лихолетье 1918-1920 гг. Сигрист провел в Петрограде, живя в кругу

---

[1] Эта статья первоначально готовилась по просьбе авторов предыдущей публикации в этом сборнике в качестве двустраничного комментария к псевдониму «профессор Гротов» (см. главу «Первый эмигрант "второй волны"»). По счастью, М.П. Лепехин, которому мы приносим свою глубокую благодарность, развил этот комментарий в фундаментальное исследование, которое публикуется в виде отдельной статьи. Но рассматривать ее при этом необходимо именно с точки зрения расшифровки имен «профессор Гротов» и «Николай Анин» и в связи с конспирологическими проблемами зарождения второй волны. Не менее важной является и попытка объективно-отстраненного исследования политических взглядов и идеологических предпочтений изучаемых персонажей, а также обширной сети их связей и контактов. Учитывая все это, рекомендуем читателю прежде, чем погружаться в исследование М.П. Лепехина, ознакомиться с указанной выше главой про «первого эмигранта», а также с посвященным М. Зыкову приложением 1.III к предыдущей публикации. Статья М.П. Лепехина дается в авторской редакции и представлении. В ряде случаев редакторы, далеко не всегда разделяющие оценки автора, посчитали необходимым дать свои комментарии. – Прим. ред.

семьи в большой квартире на Сергиевской улице. Служил он в Историко-экономической секции Петроградского отделения Центрархива, которой руководил Е.В. Тарле. На этой работе Сигрист приобрел вкус к историко-юридическим исследованиям – предметом его особого интереса стала история дипломатии с точки зрения международного права. По собственному позднейшему свидетельству, ближайшим его другом с этого времени стал коллега Б.А. Романов, с которым его связывала общность научных интересов; вместе их и уволили из Архива в марте 1921 г. в ходе чистки кадрового состава.

С начала 1920-х гг. Сигрист много преподавал в петроградских вузах (в том числе в Университете и в Политехническом институте), а также занимался собственными научными исследованиями под руководством Тарле. Основным местом работы Сигриста в 1930 г. был Ленинградский промышленно-экономический техникум.

Первоевыступление Сигриста в печати – статья «Русская дипломатия и Балканский Союз 1912-1913 гг.», опубликованная в издававшемся С.Ф. Платоновым и Е.В. Тарле сборнике «Русское прошлое» [2]. В 1924 г. в публикуемой под руководством С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и А.Е. Преснякова серии «Россия и Запад в прошлом: Историческая библиотека» увидела свет книга Сигриста «У порога Великой войны: Балканы как очаг европейских столкновений».

Основанная на доскональном изучении опубликованных к тому времени источников, эта книга отличалась строгим построением, лаконичностью и доступностью изложения; сугубо описательный характер повествования исключал какую-либо категоричность суждений. Анализ непосредственных причин Великой войны в целом следовал антантофильской концепции Тарле; действия Сербии были описаны достаточно объективно, однако провокационная роль России в балканских событиях 1910-х гг. совершенно игнорировалась. (Сигрист лишь осторожно намекнул на «потворство русского посланника в Белграде Н.И. Гартвига великосербским амбициям»). В целом же Сигрист пришел к выводу о том, что основной причиной Великой войны явилось, прежде всего, столкновение австрийских и российских дипломатических интересов, и при этой дуэли великие державы играли роль секундантов. Этническая и экономическая составляющие межбалканских распрей не привлекли особого внимания Сигриста – он всецело сосредоточил свое внимание на рассмотрении взаимных дипломатических обид и территориальных претензий балканских стран и великих держав после Берлинского конгресса 1878 г.

Книга Сигриста носила популярный характер и в последующей историографии вопроса не учитывалась. Несомненными ее достоинствами

являлись доступность изложения, видимая простота языка и безукоризненность стиля. О том, какой труд стоял за небольшой по объему книгой, можно судить по помещенной в ней аннотированной библиографии – с замечаниями Сигриста критического характера едва ли не по каждой позиции. Какой бы то ни было конспирологический элемент, а также публицистический характер, столь свойственные статьям «профессора Гротова» в «Парижском вестнике», в книге Сигриста отсутствовали полностью.

В 1927 г. Наркомфин опубликовал книгу Сигриста «Внешняя торговая политика СССР в международных договорах», которая открывалась обстоятельным предисловием Тарле «Международные отношения в Европе в 1919-1925 гг.». В жанровом отношении книга Сигриста представляла собой одновременно и исследование роли кодификации в международной торговле, и экскурс в историю советской внешнеторговой политики, и практическое руководство по поиску опубликованных материалов.

В 1929 г. Сигрист принял участие в подготовке 4-го издания справочника «Современные государства в фактах и цифрах» видных ленинградских экономгеографов М.Б. Вольфа и Г.А. Мебуса.

В достаточной степени светский человек, прекрасно владевший иностранными языками, безукоризненный стилист, склонный к анализу и систематизации исследователь, исключительно трудолюбивый работник, Сигрист во второй половине 1920-х гг. был знаком едва ли не со всеми современными ему ленинградскими историками [3]. Многообразие знакомств, а также близость к Тарле сыграли в судьбе Сигриста роковую роль: он идеально вписывался в сценарий сфабрикованного чекистами т.н. «Академического дела» в качестве одного из руководителей «Кружка молодых историков», который чекистским воображением превратился в молодежное отделение мифического «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». (Ввиду того, что «Академическому делу» в настоящее время посвящен ряд исследований[2] – подробно рассказывать о нем излишне.)

«Кружок молодых историков» представлял собой существовавшее с января 1921 по весну 1927 гг. неформальное объединение выпускников университета, оставленных в нем при кафедрах русской истории и истории русского права. Организаторами «Кружка» были С.И. Тхоржевский и Н.С. Штакельберг; первый воспринимался в качестве его очевидного главы. В «Кружок» входили также А.А. Введенский, А.Н. Шебунин, М.А. Островская, С.В. Сигрист, Б.А. Романов, Н.С. Цемш,

---

[2] См. [4]. См. также [22].

О.К. Недзведская, В.А. Петров, П.А. Садиков, М.К. Гринвальд, дочери С.Ф. Платонова – Нина и Наталья, муж последней пушкинист Н.В. Измайлов и другие – всего около 35 человек. Кружок составляли по преимуществу либо историки с наклонностями к изучению права, либо юристы, тяготеющие к историческим исследованиям. Постоянно встречаясь не только в университете, но и в архивах и библиотеках, все участники «Кружка» знали друг друга не один год, и он расширялся по принципу личных знакомств.

Собирался «Кружок» два раза в месяц по пятницам; в 1921-1925 гг. заседания происходили в квартире бывшего управляющего делами Академии наук А.А. Штакельберга в т.н. «доме академиков» (7 линия, д. 2, кв. 13) – прямо над квартирой И.П. Павлова. В 1926-1927 гг. «Кружок» заседал не столь регулярно, тем более, что «вечеринки стали доминировать над учеными заседаниями», а собираться начали у кого-либо из членов «по принципу наличия большой комнаты». Все члены «Кружка» были беспартийными, и деятельность его была подчеркнуто аполитичной. Какая-либо документация в «Кружке» не велась, и строгой иерархичности среди его членов также не было [5].

В ночь на 5 февраля 1930 г. Сигрист был арестован и год провел под следствием в Доме предварительного заключения. Среди его многочисленных соседей по 11-й общей камере оказались ученый хранитель Пушкинского Дома М.Д. Беляев и член Балканского бюро Коминтерна хорват А. Цилига. Последний был ровесником Сигриста; сближали их и относительная общность научных интересов – по образованию Цилига был историком и специализировался на изучении Западной Европы новейшего времени. Главной же деятельностью Цилиги до приезда в 1926 г. в Москву была подпольная работа на Балканах. В Ленинграде Цилига прожил с октября 1929 по май 1930 г. По распоряжению первого секретаря обкома С.М. Кирова он был определен доцентом Ленинградского коммунистического университета, а также Исторической секции Ленинградского отделения Коммунистической академии и областной совпартшколы; поселен Цилига был в Партийном доме (в настоящее время известен как «дом Бенуа» – Каменностровский пр. 26/28). За участие во фракционной борьбе советских коммунистов, а также за категоричность суждений (в частности, выдвиженцев он считал злейшими врагами рабочего класса) Цилига в мае 1930 г. был арестован и помещен в ДПЗ, что еще более обогатило его впечатлениями.

> «Как раз в мое время сидела в тюрьме и целая группа ленинградских профессоров, доцентов и академиков во главе с проф. Тарлэ и академиком Платоновым. Их вина состояла в том, что они недостаточно приспособились к режиму и скептически относились к пятилетке. На тюремном жаргоне

всю эту группу называли "академики". Они находились на особом положении, которое проявилось уже в том, что среди неполитических групп только они получали, например, политпаек. В моей камере сидели два представителя этой группы, директор Пушкинского Дома Беляев и доцент университета по истории международных договоров С.

Беляев был представителем старой русской интеллигенции, ее чисто культурной, строго академической части. Его интересовали Пушкин, история литературы, жизнь духовной элиты. Ему в корне было безразлично, какая власть господствует в стране – большевистская или царская, на всякую власть он смотрел, как на нечто второстепенное, ему глубоко чуждое. Он в своей науке парил где-то высоко над грешной землей и с тех же заоблачных высот смотрел он на народ. Народ в его глазах был толпой, сбродом. Беляев был представителем той тонкой прослойки интеллигенции, которая умудрялась жить в своей башне из слоновой кости на недосягаемой высоте, далеко, страшно далеко от жизни своего народа. И сидя в тюрьме, Беляев перечитывал Софокла, Сервантеса, Тэккерея, Дюма, с заключенными камеры из простонародья он не общался вовсе. Он и из своего угла в тюремной камере умудрялся создать новую башню из слоновой кости. До тюрьмы он ездил неоднократно в заграничные командировки и в сущности мог бы воспользоваться одной из них, чтобы не вернуться назад. Он этого не сделал потому, что свой Пушкинский Дом ставил выше всякой эмиграции, как ставил его выше и всякого правительства.

Другой представитель "академиков" был доцент С. – человек советской формации. В его мировоззрении все было ясно: новый советский тип государства в России он принимал как незыблемый факт исторического развития. Он прекрасно был знаком с историей международного рабочего движения. Но при всем том мне пришлось отмечать в его миросозерцании полное отсутствие того, что, мне кажется, составляет душу социализма: чувство своей кровной связи с низшими классами общества. Даже находясь в тюрьме, С. не был враждебно настроен к советскому строю, все его помыслы были сосредоточены на том, как бы снова занять подобающее ему положение в этом новом строе. С. наверное вернулся после пятилетки на свое прежнее место и ходит сейчас в "беспартийных большевиках". Из таких людей рекрутируются самые надежные кадры советского бонапартизма» [6].

В мировоззрении же самого Цилиги произошла та же эволюция, что некогда случилась у его соплеменника Юрия Крижанича, который желал посетить Россию и был жестоко разочарован, побывав в стране своих мечтаний. Приехавшему осенью 1926 г. в Москву любознательному хорвату-коммунисту пришлось в нем несколько задержаться: увиденное в СССР настолько отличалось от его представлений об идеальном государстве всеобщего равенства, что он начал высказывать свои сомнения вслух. Эта непосредственность привела Цилигу сперва в ленинградский ДПЗ, а затем и в Верхнеуральский политизолятор.

(Местом жительства Крижанича в свое время был определен Тобольск). «Только осенью 1935 г. удалось европейскому гостю вырваться от радушных московских хозяев. Перед паспортом фашистской Италии, охранявшим неприкосновенность деятеля Коминтерна, московские власти спасовали. Цилига был выпущен за границу» [7]. Выехав во Францию, Цилига принялся за работу над мемуарами «В стране великой лжи».

Что же касается Сигриста, то 10 февраля 1931 г. он был приговорен к 5 годам ИТЛ с последующим поражением в правах на 3 года и этапирован в Свирьлаг. После скитания по карельским лагерям и пересыльным пунктам осенью 1931 г. его направили на строительство Беломорканала. После частичного удовлетворения ВЦИК поданного Сигристом прошения о помиловании оставшийся срок заключения был заменен ему ссылкой в Кузбасс. На строительстве Кузнецкстроя Сигрист пробыл до своего освобождения в 1936 г. Пораженный в правах, он не имел права жительства в 10-ти крупных городах. К этому времени семья Сигриста попала в т.н. «Кировский поток» – массовую высылку из Ленинграда в 1935 г., после убийства Кирова, лиц дворянского происхождения . По неподтвержденным сведениям, семья Сигриста проживала в Казани: именно там в 1942 г. эвакуированный Тарле вручил его матери свою надписанную Сигристу свежеизданную патриотическую брошюру – для отправки тому на фронт. Сам же Сигрист до войны проживал, так же, как и его брат Алексей, на Северном Кавказе – в Ростове-на-Дону и менее крупных городах. Будучи мобилизован в 1941 г. Сигрист служил в нестроевых частях как ранее судимый. В январе 1943 г. он перешел линию фронта и сдался в плен. Вероятно, это случилось под Керчью – таким образом, обстоятельства его перехода почти полностью повторяют совершенный там же в то же время аналогичный поступок Б.Н. Ширяева, описанный им в автобиографической повести «Ставрополь – Берлин». По непроверенным сведениям, Сигрист был первым редактором газеты «Голос Ростова», издававшегося оккупантами в Ростове-на-Дону. Пребывание Сигриста в ГУЛАГе и Европе соответствует сведениям сообщаемым Д. и И. Гузевичами о «профессоре Гротове».

Несмотря на то, что послевоенная жизнь Сигриста прошла в Италии, сведения о его судьбе все же весьма фрагментарны и имеют легендарный характер. Сразу же после войны «профессор астрономии Ростовского университета А.В. Гротов» перевоплотился в Сергея Викторовича Сиверса, бывшего ранее приват-доцентом Казанского и Саратовского университетов, профессором международного права Ленинградского университета, затем репрессированного, а с началом войны мобилизованного и направленного в штрафные части. По непроверенным сведениям, «профессор Сиверс» после войны служил уборщиком

в американских казармах – едва ли бы кто смог распознать в нем видного коллаборациониста. Сообщенные о себе Сигристом сведения были настолько убедительны, что до сих пор принимаются на веру исследователями, свидетельством чего является статья о «профессоре Гротове» в биографическом словаре «Русское зарубежье во Франции, 1919-2000». Анонимный автор статьи принял на веру созданную некогда заинтересованным лицом легенду – в статье в качестве подлинной фамилии «профессора Гротова» указана «Сиверс», а «Сигриста» <так! – *М.Л.*> приведена в качестве одного из псевдонимов. Излишне говорить, что все сведения о приват-доцентстве в Казани и Саратове, а также о профессорстве в Ленинграде приводятся без каких-либо сомнений [8, с. 435].

В Италии Сигрист обосновался не позднее 1953 г., но вполне мог там появиться и в 1945 г. В последнем случае способов избежать выдачи в СССР было как минимум два. Первый состоял в получении документов, подтверждавших принадлежность к эмиграции «первой волны», – подобными свидетельствами спас жизнь многих соотечественников бессменный председатель Русского собрания в Риме Сергей Георгиевич, герцог Лейхтенбергский, князь Романовский (1890-1974 гг.), после Второй мировой войны избранный почетным председателем Русского национального объединения. Второй состоял в укрытии в одном из католических монастырей – в годы войны и после монахи, повинуясь христианскому долгу, спасали от расправы сперва евреев, а затем немцев и русских. Впрочем, не исключена и версия о депортации Сигриста сразу после войны в Великобританию в качестве компетентного в реалиях советской жизни перебежчика – в условиях холодной войны на таковых был устойчивый спрос. В Италии Сигрист вел достаточно уединенную жизнь; он женился на вдове своего сокамерника А. Цилиги. (Почетный член Русского собрания в Риме Лидия Евгеньевна Сигрист-Цилига , в первом браке Ангельсон, скончалась 20 декабря 1967 г. на 69-м году жизни) [9, с. 99]. Проживая в Риме, Сигрист зарабатывал на жизнь переводами и преподаванием – в частности, русского языка в Министерстве иностранных дел. Сигрист также занимал должность профессора русского языка, истории, литературы и синхронного перевода Международного университета общественных наук.

По неподтвержденным данным, с конца 1940-х гг. Сигрист являлся секретарем Народно-монархического движения, созданного И.Л. Солоневичем в порядке преемства по отношению к созданному им же в конце 1930-х годов Российскому народно-имперскому движению, вошедшему в историю русской общественной мысли под названием «штабс-капитанского». (Учитывая неформальный характер Движения,

вероятно предположить, что Сигрист был не «секретарем», а координировал его деятельность в Европе). Как бы то ни было, но Сигрист эпизодически публиковался в главном органе Движения – в газете «Наша страна» (Буэнос-Айрес). В иной русскоязычной прессе Сигрист почти не сотрудничал – в 1948 г. под псевдонимами он опубликовал в лондонских эфемеридах две заметки об «Академическом деле» [10], а в 1951-1952 гг. – еще две статьи на ту же тему [11]; в 1950-е гг. он публиковался также в «Церковной жизни» (Белград). В конце 1950-х – начале 1960-х гг. Сигрист поместил четыре статьи в парижском «Возрождении» под псевдонимом «Алексей Ростов». Литературные труды Сигриста были немногочисленны и носили по преимуществу мемуарный характер.

Темой первой статьи Сигриста вновь явилось т.н. «Академическое дело» 1929-1931 гг. [12]. Следует отметить, что в данной работе Сигрист именует себя «профессором международного права», несмотря на то, что таковым не являлся – как не являлся «А.В. Гротов» «профессором астрономии Ростовского университета». (На Северном Кавказе лишенные права жить в Ленинграде братья Сигристы действительно жили до войны, и Ростов «профессор Гротов» представлял. Что же касается избранной им области знаний, то вероятность встречи с астрономом представлялось ничтожно малой). До самого конца 1980-х гг. статья Сигриста являлась основным источником сведений о т.н. «Академическом деле». Сигрист был первым исследователем данной темы: во время своих скитаний по ГУЛАГу он неоднократно встречался с однодельцами и тщательно их выспрашивал о всех обстоятельствах следствия – это позволило ему в целом объективно воссоздать его картину, а также дать характеристику поведения отдельных подследственных. Большинство сообщенных Сигристом сведений в настоящее время имеет значение первоисточника. Не меньшее внимание Сигриста привлекала и последующая судьба арестованных по «Академическому делу» ученых – по мере возможности, он пристально следил за выходившей советской научной литературой и имел в СССР личные контакты, позволявшие получать сведения о тех или иных интересовавших его персонах. Возможно, что кроме брата Алексея, интересующие его сведения Сигрист получал от М.К. Гринвальд.

> «Особенно тяжела участь историков, философов, юристов. Медику или астроному можно простить любое пресмыкательство перед каким-нибудь Берией или Кагановичем, Булганиным или Хрущевым, если это позволит расширить его научный институт или обсерваторию, которые облагодетельствуют человечество и прославят русскую науку своими открытиями. Но чего достигли историки, которых "перековал на все четыре

ноги", выражаясь чекистским языком, концлагерь <...>. Ради сытого куска и жизни в Ленинграде, ради даже любимой науки, которую совестно проституировать, не всякий, далеко не всякий из нас вступал на путь Романова, Садикова, Бахрушина и акад. Тарле. Большинство поставили крест над наукой, не писали бесстыдных работ и скромно жили по ссылкам и провинциальным городам, перебиваясь случайным заработком и радуясь, если в библиотеке могли читать книги по своей специальности, по которой им самим не суждено было писать. В этом отречении от научной работы, о которой мечтали с детства, к которой готовились в нелегкие полуголодные дни советской юности и состоял христианский подвиг тех моих друзей молодости, которые прошли перед читателем в этих кратких воспоминаниях и которые теперь не перековались на роль советских рысаков на академической конюшне коммунистической партии. Но хочется верить, что они еще живы, как были живы до последней войны и поработают на старости лет для русской родной науки, когда "Над отечеством свободы просвещенной взойдет долгожданная, и... на родине и в эмиграции, – заря!"» [12, n° 84, с. 119].

Следующая статья Сигриста в «Возрождении» была посвящена эволюции творцов советской внешней политики как определенного психологического типа – шла ли речь об явной деградации интеллектуального уровня, или же нравственных качеств [13]. Написанная с большим знанием предмета (Сигрист консультировал итальянское внешнеполитическое ведомство по вопросам, имевшим отношение к СССР), статья изобиловала подробностями, которые в настоящее время приобрели значение первоисточника. Таковы, в частности, изгнание Г.В. Чичерина из Министерства иностранных дел Российской империи с поста секретаря посольства в Берлине за скандал гомосексуального характера, или же заточение его в 1930 г. на шесть лет под строжайший надзор в отдельную палату Кремлевской больницы под предлогом душевной болезни. Не менее колоритны и рассыпанные на протяжении статьи мелкие подробности, как то начало карьеры А.Я. Аросева комендантом (т.е. палачом) Казанской ЧК, или же этническое происхождение И.М. Майского – «сын сосланного молодого врача-еврея и тунгуски». В крайне неприглядном виде предстает и современный публикации советский посол в Риме С.П. Козырев. Не удержался Сигрист и от нападок на лично ему несимпатичного владыку Антония (Блума) – вероятно, неприязнь возникла еще в военном Париже. «Посол в Лондоне Я.А. Малик опирается на советского епископа Антония Лондонского (Блюма), которого в посольстве прозвали "Красным епископом из Парижа", ибо он всем хвастает своим сотрудничеством с французскими коммунистами в годы войны» [13, n° 93, с. 16].

Две последующие статьи Сигриста представляют собой его журналистские наблюдения. Размышляя о том, какое впечатление произвела на членов советской делегации на Олимпийских играх в Риме 1960 г. изданная в Буэнос-Айресе брошюра «Правда о русской монархии», Сигрист пришел к выводу о том, что современная молодежь в СССР не доверяет оболванивающей официальной пропаганде и хочет знать правду о прошлом своей страны [14]. В статье, посвященной участию Московской Патриархии в первом Всеправославном совещании, Сигрист дал волю своему сарказму, описывая увертки советской делегации, во время хрущевских гонений на церковь уверявшей своих единоверцев в полной «свободе совести в СССР»; мастерски выписаны автором психологические портреты московских гостей [15].

Последняя опубликованная в «Возрождении» статья Сигриста была посвящена проблеме межнациональных отношений в СССР [16]. Под итоговым выводом статьи мог бы подписаться любой советский пропагандист: «Совершенно иллюзорными окажутся расчеты тех эмигрантских и иностранных политиков, которые воображают, что Эстония или Таджикистан стремятся отделить свою судьбу от России. Все эти народы спаяны общими культурными и хозяйственными интересами, общими страданиями в прошлом и общими надеждами на еще неясное, но несомненно более светлое будущее общей для всех них необъятной и прекрасной родины» [16, с. 125]. Каких-либо свидетельств последующего участия Сигриста в периодике русского зарубежья не выявлено.

Причина избрания нового псевдонима очевидна – как нежелание отождествлять себя с «профессором Гротовым», так и боязнь повредить оставшемуся в СССР брату Алексею – человеку не менее сложной судьбы, скончавшемуся в 1980-е гг. в должности хранителя отдела графики Всесоюзного музея А.С. Пушкина (отсюда: Алексей Ростов). Все происходившее в СССР вызывало у Сигриста устойчивый интерес – особо он следил за событиями в исторической науке, в частности, за судьбами однодельцев. Как мы уже писали, в СССР у него должны были быть корреспонденты, поскольку судьбы некоторых из них за пределами державы иначе отследить было бы невозможно. На всем протяжении своего римского жития Сигрист был неизменным посетителем Русской библиотеки имени Н.В. Гоголя, каталог которой был им составлен. Именно там во второй половине 1970-х гг. состоялось знакомство Сигриста с эмигрировавшим из СССР издателем альманаха «Память» В.Е. Аллоем (1945-2001)[3]. После публикации в 1-м номере альманаха

[3] О нем см. [17].

статьи Ф.Ф. Перченка (1938-1993)[4], посвященной судьбам репрессированных действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук СССР [19], Сигрист сообщил Аллою свою напечатанную в 1958 г. в «Возрождении» статью «Дело Академии наук», ранее Перченку неизвестную. Для републикации в «Памяти» текст статьи был заново тщательно просмотрен автором – были добавлены сведения о тех лицах, которым это уже не могло повредить, например, «мой друг монархист покойный историк Серафим Владимирович Юшков» [20, с. 486], а также удалены излишне резкие высказывания – в частности, о Б.А. Романове, которого ранее Сигрист именовал «другом моей юности и товарищем по камере, этапам и концлагерным командировкам» [12, № 84, с. 119]. Себя самого Сигрист также отнес к «убежденным и образованным монархистам» [20, с. 481]. Заключительный же абзац в новой редакции гласил:

«По тюрьмам и лагерям “перековались” и стали законопослушными учеными… – не будем их еще раз перечислять. Но ради сытого куска и жизни в Ленинграде далеко не каждый из нас шел на проституирование любимой науки. Большинство поставило крест над научной работой, не писало бесстыдных статей, жило скромно по ссылкам. Мы добывали хлеб уроками языков и случайными заработками. В этом заключался наш подвиг. Так текла жизнь большинства моих однодельцев, судьбу которых в этой статье я изложил. Мирно и скромно закончили они свое печальное житие» [20, с. 486].

Переиздание статьи Сигриста [20] сопровождалось комментариями и предварялось статьей Перченка [21], который в дальнейшем неоднократно возвращался к данной теме [22]. Скончался Сигрист 18 августа 1986 г. в Риме; похоронен на кладбище Тестаччо как «Гротов Сергей Викторович» [9, с. 51].

Точно так же не составляет ни малейшего труда отождествить личность «Николая Анина». Статья о нем в вышеуказанном биографическом словаре «Русское зарубежье во Франции, 1919-2000» гласит:

«АНИН Николай (1910-е – не ранее 1944, Франция?). Журналист. Учился в Ленинградском университете. В 1938 был арестован. Освобожден. В время Второй мировой войны служил в Красной армии. В 1941 попал к немцам. Служил в «Восточных батальонах». Офицер Русской освободительной армии (РОА). В 1943 г. оказался в Париже. Сотрудничал в газете «Парижский вестник» (1943-1944 гг.), писал статьи мемуарного и публицистического характера (не раскрыл свой псевдоним *Николай Анин*)» [8, с. 61].

---

[4] О нем см. [18].

Замечательным явлением в истории русской литературы являются стихи и проза «Николая Анина», он же Николай Сергеевич Давиденков, легендарный образ которого запечатлели Б.Н. Ширяев в «Неугасимой лампаде» (глава «Павший на Керженце») и А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» (ч. III, гл. 18). Впервые собранные воедино мемуарные свидетельства, материалы следственного дела и стихи самого Давиденкова были опубликованы К.Н. Хохульниковым в подготовленном Н.С. Тимофеевым пятитомном своде мемуарных свидетельств по истории коллаборационизма казачества [23]. В настоящее время сведения о Н.С. Давиденкове с наибольшей полнотой собраны его двоюродным племянником Л.П. Романковым [24] и историком К.М. Александровым [25].

Отцом Николая был выдающийся невролог и создатель нейрогенетики как научной дисциплины С.Н. Давиденков (1880-1961), завершивший свое образование в начале 1910-х гг. в Париже – он стажировался в Сальпетриер под началом Ж.М. Шарко[5] [26]. Николай родился в 1915 г. в Харькове; молодые годы он провел в Петрограде/Ленинграде в профессорской квартире отца (ул. Кирочная, д. 12, кв. 8). Исключительное влияние на формирование личности Николая имела разносторонняя одаренность отца, в совершенстве владевшего 6-ю иностранными языками, прекрасного художника и фехтовальщика. Таким же был и сын. «Действенный до предела, никогда не пребывавший в состоянии покоя, подвижный, неистощимо игристый, претворявший в пенистое вино все попадавшее в круг его зрения, порою шалый, неуравновешенный, порывистый и разносторонне талантливый. В беспрерывном движении пребывало не только его тело, но и его мысль, его душа. Каждое явление окружавшей его жизни немедленно находило в нем отклик. Он не мог оставаться пассивным. Вероятно, этим были обусловлены и разнообразные проявления его одаренной натуры. Углубленная научная работа в области физиологии сочеталась в нем с яркими проявлениями сценического таланта; вступив в журналистику, он проявил себя красочными реалистическими рассказами из военного быта и насыщенными подлинным темпераментом литературно-критическими статьями» [27, с. 373-374]· При содействии отца, возглавлявшего Клинику неврозов на 15-й линии, Николай познакомился с И.П. Павловым и неоднократно ему ассистировал на Павловских клинических средах.

[5] Вряд ли речь идет о самом Ж.М.Шарко (J.M. Charcot), ибо тот уже в 1893 г. скончался, а стажировался С.Н. Давиденков, скорее всего, у его прямых учеников, составлявших «школу Шарко» в госпитале Сальпетриер. Среди последователей этой школы числились П.Рише, П.Жане, А.Бине. – Прим. *ДГ.*

«Гениальный старик, зорко присматривавшийся к своим молодым сотрудникам, заметно выделял его. Он уловил кипучий ритм творческих устремлений, клокотавших в его самом младшем по возрасту ассистенте. Это кипение было созвучно душе старика, оставшейся юной в творчестве до последних дней жизни. Уходивший в могилу ученый приласкал вступившего в науку неофита. Тот отплатил ему любовью, в которой сыновнее чувство тесно сплеталось с преклонением влюбленного. Эту любовь Давиденко пронес сквозь горнило каторги и войны. Об академике Павлове поручик Давиденко не мог говорить так, как о других людях, кроме еще одного старика, позже вступившего в его жизнь. Старый мыслитель был для его ученика не только гениальным физиологом, он осуществлял в себе то, что тогда еще подсознательного, но властно и неудержимо влекло к себе эту пламенную натуру. Павлов был для Давиденко частью той России, которой он не видел своими физическими глазами, но воспринял, ощутил духовным зрением, подсознанием. “В Павлове сочетались все элементы русской научной мысли, – говорил он позже, – дерзостные титанические устремления Ломоносова, пророческое предвидение Менделеева, высокий гуманизм Пирогова… Мозг и сердце пульсировали в нем, сливаясь в единой дивной гармонии. Эта неразрывность и есть основная черта русской, только русской научной мысли.” < …> Попав на каторгу, Давиденко воспринял ее, как продолжение своей работы в институте академика И.П. Павлова. Он не мог и не хотел перестроить свой духовный уклад в соответствии с изменением окружающего.

“Каторга была для меня гигантской лабораторией, в которой, вместо собак и мышей, под моим наблюдением были живые, подлинные люди. Их рефлексы были обнажены, вскрыты до предела, до полной ясности. Подопытный материал давил меня своим обилием. Я не успевал анализировать и фиксировать его в моем сознании. Мне удалось ясно увидеть, понять лишь два основных рефлекса, вернее, комплекса рефлексов, владевших действиями этой массы. Первый, условный, выработанный рядом наслоений последовательных влияний, это – революция, советчина. Второй, глубинный, заложенный в генах, не подчиненных воздействиям извне – Россия, русскость. Эти комплексы были двумя полярностями, пребывавшими в беспрерывной борьбе. Первый давил извне, второй изнутри. Ареной этой борьбы была личность”. В духовный строй самого Давиденко каторга внесла прояснение. Подсознательное влечение к России перешло в сознание и оформило в нем путь поиска ее, по которому он пошел, руководствуясь компасом методов, указанных ему Павловым» [27, с. 374-376].

С 1933 г. Николай учился на биологическом факультете ЛГУ имени А.С. Бубнова. 1 мая 1938 г. в ходе прореживания университетского студенчества пятикурсник Давиденков был арестован по делу о созданной воображением чекистов «Ленинградской студенческой террористической организации», якобы намеревавшейся убить А.А. Жданова, взорвать во время первомайской демонстрации Дворцовый мост и т.п.

Вместе с Давиденковым были арестованы другие студенты: психолог М.Г. Ярошевский[6], историки А.А. Предтеченский, В.И. Рутенбург, Н.М. Гольдберг, биолог А.Д. Дернов и еще несколько десятков человек [28]. Из арестованных по этому же делу студентов-востоковедов Л.Н. Гумилева, Н.П. Ереховича и Т.А. Шумовского чекисты создали «молодежное крыло партии прогрессистов». (А.А. Ахматова была близка семье Давиденковых – ее лечил отец и, в бытовом отношении, пыталась опекать мать Николая. Тем не менее, Л.Н. Гумилев вспоминал, что с Николаем он познакомился и подружился в камере. Напротив, Л.К. Чуковская отмечает их дружбу до заключения). После допросов, сопровождавшихся пытками, в результате которых подследственные пошли на самооговор, 23 сентября 1938 г. коллегия Военного трибунала Ленинградского военного округа приговорила Давиденкова к 8 годам ИТЛ с последующим поражением в правах на 3 года, однако приговор не был утвержден вышестоящей инстанцией ввиду вопиющей даже по меркам того времени очевидной фальсификации дела. Во время «бериевской оттепели», когда сфабриковавшие данное дело следователи уже сами были расстреляны, дело было пересмотрено и 29 июня 1939 г. коллегией Ленинградского областного суда Давиденков был оправдан и выпущен на свободу.

Тюрьма обогатила Давиденкова высшим знанием: «Главное, что я понял: никому нельзя верить и никому ничего нельзя рассказывать» [29, с. 44]. Заключение определило и отношение Давиденкова к правящему режиму. «Целый ряд причин привел меня в лагерь врагов советской власти. Вот основные из них: 1932-1933 гг. – я был недоволен мероприятиями советской власти по ликвидации казачества, особенно меня задевало раскулачивание среди казачества, я чувствовал себя казаком, ибо мои родители принадлежали к казачьему сословию. Год тюремного подследственного заключения в 1938 году подействовал на меня озлобленно» [23, с. 65].

---

[6] По преданию, бытующему в историко-научной среде (мы слышали ее от лиц, лично знавших Ярошевского), позднее он создал бессмертный фразеологический шедевр: «кибернетика – продажная девка империализма». Вполне возможно, что предание восходит к его статье «Кибернетика – наука мракобесов», опубликованной в «Литературной газете» в апреле 1952 г. и сейчас выведенной в Интернет (http://www.infrance.su/forum/archive/index.php/t-5539.html). Но в самой статье подобного выражения нет. А посему допускаем, что эту фразу Ярошевский мог высказывать устно – в разговорах либо в докладах. В этом случае она предшествует другому знаменитому шедевру (и, возможно, последний родился как ее аналог): «генетика – продажная девка империализма», который появился в пьесе писателя-сатирика Александра Хазина «Волшебники живут рядом» (1964 г.; опубликовано в 1967 г.), а ныне попал в Википедию (http://ru.wikipedia.org/wiki/). – Примеч. *ДГ*.

Не успевший ввиду каникулярного времени восстановиться в университете, Давиденков сразу же уехал отдохнуть на Северный Кавказ, где был призван в Красную Армию и отправлен служить в новоприсоединенную Западную Украину. (По свидетельству Чуковской, Давиденков не был восстановлен в университете и занимался литературным трудом в Доме занимательной науки – писал книгу о Ч. Дарвине для детей; призван в РККА он был весной 1941 г. Сообщаемые Чуковской сведения о военных годах Давиденкова имеют легендарный характер и частично восходят к книге Ширяева. По данным Александрова, Давиденков в 1940 г. окончил университет и лишь после этого был призван в РККА и направлен в Киевский особый военный округ.) Участие Давиденкова в военных действиях в целом соответствует сведениям, сообщаемым Д. и И. Гузевичами о «Николае Анине».

С началом Великой Отечественной войны Давиденков сражался с врагом на Юго-Западном фронте; 15 июля 1941 г. он был взят в плен близ Львова. С августа 1941 г. – «хиви», шофер продовольственной части, расквартированной в Западной Украине. Несмотря на антипатию к любому тоталитарному режиму, с образованием боевых частей антибольшевистской направленности из бывших пленных, Давиденков сознательно в них вступил, полагая, что для свержения сталинского режима хороши все средства. 13 августа 1942 г. Давиденков вступил рядовым в казачий полк имени атамана Платова. После трехмесячной боевой подготовки был произведен в хорунжии и в качестве командира взвода отправлен вместе с полком на Северный Кавказ. Полк двигался пешим порядком из Новой Горловки в Ростов-на-Дону навстречу фронту, не принимая участия в боях. В марте 1943 г. Давиденков был переведен в Херсон в штаб группы армий «А» генерал-лейтенанта Э. фон Клейста. В середине апреля Давиденков был отправлен на учебу в только что организованный центральный учебный лагерь РОА в Дабендорфе (отделение восточных пропагандистов особого назначения), где познакомился со своими будущими биографами – капитаном Б.Н. Ширяевым (впервые «Неугасимая лампада» была опубликована в 1954 г. в Нью-Йорке издательством им. Чехова; с 1991 г. – ряд переизданий в России) и поручиком Л.Н. Польским, до конца жизни собиравшим любые свидетельства и материалы о нем (частично опубликованы в Невинномысске в 1999 г.). Во время учебы в Дабендорфе Давиденков лично познакомился с А.А. Власовым. По словам Давиденкова, во время прогулки в саду Власов объяснил ему, что «он многое не может сказать открыто, что ему мешают немцы и что о многом он должен умалчивать» [23, с. 67]. В Берлине Давиденков познакомился с видным деятелем

Белого движения генерал-лейтенантом К.В. Сахаровым. По предложению другого белоэмигранта – преподавателя К.А. Мейера, бывшего петербуржца, Давиденков опубликовал воспоминания о пережитом в 1938-1939 гг. на страницах газет «Заря» и «Доброволец». (Эти же мемуарные очерки вместе с воспоминания других курсантов Дабендорфа были изданы там же в 1943 г. отдельной книгой; воспоминания Давиденкова «Дом родной» вышли также отдельной брошюрой В Дабендорфе Давиденков много писал – помимо публицистики, он написал много стихов и прозы, а также приступил к работе над романом «Трус» – о судьбе студента-провокатора из ЛГУ. Одним из первых Давиденков вступил в РОА.

В мае 1943 г. по окончании Дабендорфа по предложению Ф.И. Трухина поручик Давиденков был оставлен в лагере как военный корреспондент газеты «Доброволец» и введен в состав редакции. Почти сразу же Давиденков вступил в резкое столкновение с главным идеологом власовского движения, укрывшимся за псевдонимом «Мелетий Зыков». Если Давиденков твердо отстаивал свои русские национал-патриотические воззрения, то бывший советский журналист еврей «Зыков» твердо стоял на прокоммунистических позициях бухаринского толка. «Чуткий Давиденко разом уловил эту двойственность, скорее почувствовал ее, чем осознал, потому что всей силой одаренной натуры любил и искал подлинную, не фальсифицированную, свободную от чар оборотня Русь. Смолчать или пойти на компромисс он не мог. Между ним и “Зыковым” возник конфликт, в который потом был вовлечен сам генерал Власов, который пытался примирить противников, но не смог угасить разгоревшиеся страсти[7].Дело кончилось тем, что молодой поручик поспорил с главнокомандующим на его квартире в Далеме и порвал с РОА» [27, с. 376-377]. Вероятно, это был первый случай выхода из РОА.

[7] В качестве посняющего комментария приведем строки из статьи, посвященной Зыкову: «Штрик-Штрикфельд пишет: “З<ыков> не пользовался всеобщей любовью. Он мог быть жестким, иногда безжалостным, проверяющим вынесенные решения”. Однако, не это создавало ему врагов среди русских. Штрикфельд приводит слова З<ыкова>, сказанные А. Власову в присутствии капитана <самого Штрикфельда – *ДГ*>, когда однажды Андрей Андреевич, устав от постоянного сопротивления немцев, сказал, что может быть лучше ему уйти в лагерь военнопленных... “<...> если вы выпустите узду из своих рук, черные реакционеры и оппортунисты возьмут дело в свои руки. И это будет концом русской борьбы за свободу. Не поддавайтесь иллюзиям, Андрей Андреевич! Среди наших соотечественников есть нацисты хуже немецких! Они только и ждут, чтобы Вы ушли, для того, чтобы занять Ваше место. Уже слышны лозунги черной реакции: «Бей жидов – спасай Россию». Это будет черным днем для русских, когда эта реакция придет к власти... ”» (см. [875, с. 165] по списку источников в предыдущей работе). – Прим. *ДГ*.

Что же касается конфликта Давиденкова с «Зыковым», то это также был первый случай открытого противостояния любимцу Власова. Размежевание участников Власовского движения по отношению к «Зыкову» началось еще в Дабендорфе. В первое же послевоенное десятилетие страсти накалились до предела. В своих беллетризованных воспоминаниях Ширяев так характеризовал «Зыкова»: «Человек очень культурный, но я вполне уверен, что это сталинский агент. Говорит он много, красиво, и всегда умеет связывать, слить воедино русское с советским. А ведь дело обстоит как раз наоборот: настоящее русское – не советское, а противоположность, антитеза ему. Думается, что поэтому и эмигрантов в РОА не принимали. У тех: все советское – не русское, и это тоже неверно, но где же разделяющая черта… Этого, кажется, никто не знает…». К словам «сталинский агент» Ширяев сделал сноску: «Позже майор Зыков действительно был расшифрован как большевистский агент, но успел скрыться» [30].

А. Несин высказывался еще более определенно, именуя «Зыкова» не менее, как «гнойником РОА, который лишил генерала А. Власова возможности организовать по-настоящему Русскую Освободительную Армию». Более того: идеологическая работа РОА являлась «системой политических провокаций, которую вполне справедливо можно назвать зыковщиной» [31, с. 19]. В пользу высказанного им мнения Несин приводит и суждение «завхоза школы из старых эмигрантов В.»: «Там, где у руководства школы стоят не комиссары и политруки, созидательной работы быть не может. Не забывайте, мой друг, что здесь половина советчиков, из коих многие работают по заданию». – «Было ясно, что за Зыковым стоит власть имущий. <…> Зыков был резидентом, прекрасно организовавшим агентурную службу. Только при этом условии он мог занимать крупные посты в РОД» [31, с. 20].

Б.Н. Ширяев был всецело согласен с этим мнением: «Зыков не был ни “душой”, ни “вдохновителем” РОА, но он занимал в ней крупное место руководителя двух главных газет и школы пропагандистов в Дабендорфе. Со своей группой марксистов он вел в РОА какую-то свою работу». На вопрос: «Какую? Созидательную или подрывную?», – Ширяев не смог дать однозначного ответа, а лишь рассказывал о виденном им самим, предоставляя судить об этом читателям.

«Рождественские и пасхальные статьи в “Заре” и “Добровольце” давались полностью в духе антирелигиозного “учебника” Ем. Ярославского и ничего общего с христианством не имели. В статьях о русской литературе трактовались как национальные таланты коммунистические поэты и писатели, как напр. Маяковский, статью о котором делал сам Зыков. Статей по литературе противоположного значения ни в “Заре”, ни в “Добровольце” не было. Они не допускались туда. Как напр<имер> статья двух крупных журналистов о Гумилеве и Волошине была им возвращена со ссылкой на запрет со стороны немцев. Это было ложью, позже обе статьи были беспрепятственно напечатаны в зоне оккупации в газете “Голос Крыма”.

Мой вывод: Зыков умело и талантливо внедрял в сознание бойцов РОА формулу “советское есть русское и иного русского нет”, то есть дублировал советскую пропаганду того времени.

Талантливые журналисты: Тарусский, Волошин, Булдеев, Давиденко, Гаркуша, Барятинский и другие, большинство которых доказало свою преданность Русской идее не только жизнью, но и смертью, были или не допущены к работе в пропаганде РОА, или вытеснены из нее. <...> В данном случае мы имеем дело с гениально задуманной и проведенной Зыковым провокацией» [32, с. 20].

Попытка редактора «Часового» В.В. Орехова внести ясность в вопрос о личности «Мелетия Зыкова» натолкнулось на столь яростное сопротивление ряда участников РОД, по преимуществу входивших в НТС, что он счел за лучшее прекратить дискуссию, напомнив, что и «Азеф был разоблачен только по редкой случайности, хотя о его провокаторской работе и ходило много слухов», а посему «вопрос о том, был ли Зыков советским агентом, должен оставаться открытым» [33].

Впервые высказанная А. Николиным (А.Н. Неймирок) гипотеза о тождестве «Мелетия Зыкова» с Ц.С. Вольпе была почти сразу же подвергнута критике А. Несиным, но до настоящего времени имеет своих приверженцев[8]. Если такое тождество все же гипотетически допустить, то столкновение «Мелетия Зыкова» с Давиденковым представляется злой насмешкой судьбы, едва ли осознаваемой самими участниками конфликта. Вольпе был первым мужем Л.К. Чуковской, которая после гибели второго мужа М.П. Бронштейна в конце 1930-х гг. вошла в узкий круг ближайших друзей вышедшего на свободу Давиденкова[9].

В июне 1943 г. Давиденков был направлен в Париж на должность офицера-пропагандиста «Информационного листка Добровольческих частей» (Champs-Elysees, 57) в непосредственное подчинение поручика РОА Н.Ф. Лапина, тоже советского еврея, но в отличие от «Зыкова» не бухаринца, а всего лишь члена ВКП(б). Лапин пользовался исключительным доверием Власова. (По непроверенным сведениям, профессиональный переводчик с китайского Лапин был прикомандирован к Власову еще во время его службы советским военным советником при Чан Кай-ши. После возвращения в СССР Лапин служил директором средней школы в Омске). Немецкие власти возложили на Лапина обязанность быть цензором «Парижского вестника», что поставило его в двусмысленное положение по отношению к подчиненному. Если в своей деятельности Лапин был полностью зависим от указаний прикомандированного к редакции «Информационного листка» зондерфюрера Якобсона,

---

[8] На наш взгляд наиболее основательная статья о происхождении М. Зыкова была написана Э. Максимовой. Однако из-за места своей публикации прошла совершенно незамеченной исследователями. Обширные выдержки из ее статьи мы приводим в приложении 1.III к предыдущей публикации в данном сборнике и солидаризируемся с выводами автора. – Прим. *ДГ*.

[9] Лишний косвенный аргумент в пользу того, что Мелетий Зыков и Цезарь Вольпе – это разные лица. – Прим. *ДГ*.

то Давиденков пользовался покровительством руководителя отдела восточной пропаганды при Главнокомандующем немецкими войсками во Франции капитана Рихгора. Внутренняя свобода Давиденкова и его относительная служебная независимость не могли не привести его к служебному конфликту с очередным начальником.

В качестве военного журналиста Давиденков пользовался большой свободой: он получил возможность совершать поездки по Европе. Ранее безукоризненно владевший немецким, в кратчайшие сроки он овладел французским языком. «Вместе с профессором Гротовым поручик Давиденко совершил агитационное турнэ по Франции и Бельгии, где его выступления перед старой русской эмиграцией имели успех» [27, с. 376]. Во время поездки по Франции (Париж, Лион, Марсель, Ницца) Давиденков выступал с лекциями о жизни в СССР – рассказы о советской действительности производили на аудиторию шокирующее впечатление. Давиденков снискал симпатии довоенной русской эмиграции, в частности он познакомился с великим князем Владимиром Кирилловичем, А.И. Спиридовичем, З.Н. Гиппиус, Н.А. Тэффи, Н.А. Бердяевым, С.М. Лифарем. Ср.: «В Париже Давиденко смог встретиться с некоторыми лицами из ведущего слоя эмиграции двадцатых годов. Он вернулся в Берлин усталый, похудевший, неудовлетворенный. "Ничего! Пусто! Одни утратили ощущение России и построили себе взамен ее эфемерную иллюзию, далекую от реального бытия. Другие пытаются подойти к ней через условное понятие советизма, третьи неопределенно идут к тому, от чего мы уходили, не понимая нас, не анализируя, скользя по поверхности. Ближе всех к ней, быть может, Бердяев. Но у него всё от ума – книжное, отвлеченное... А сердца-то, сердца-то нет... Не бьется оно, не слышно его"» [27, с. 377].

Позднее на следствии Давиденков особо подчеркивал то влияние, которое оказали на его духовное развитие двое парижских знакомых. Первым был выдающийся историограф революционного движения в России, бывший в 1906-1916 гг. начальником личной охраны Николая II генерал-лейтенант А.И. Спиридович (1873-1952)[10]. Вторым был видный деятель РОВСа полный георгиевский кавалер полковник Г.А. Джуджиев (1886-1971), в Великую войну – командир 16 Мингрельского гренадерского полка, а в военном Париже – директор библиотеки и книжного магазина «Возрождения»[11]. Верный традициям кавказского куначества, он имел многих друзей – судьба одного из них, его помощника по «Возрождению» П.В. Гусева, оказалась связанной с судьбой Давиденкова.

---

[10] О нем см [34].

[11] О нем см. [8, с. 483; 35].

После знакомства с Ю.С. Жеребковым Давиденков стал одним из основных авторов «Парижского вестника». Во время недельного визита высших чинов РОА – В.Ф. Малышкина и В.И. Боярского в Париж в июле 1944 г. Давиденков их сопровождал, помогая установить контакты с русской эмиграцией и французскими правыми кругами. Во время многотысячного антикоминтерновского форума, организованного ими 17 июля в «Homon Palace», в своем ярком эмоциональном выступлении Давиденков допустил несколько резких высказываний. Оскорбленный Лапин счел эти высказывания «антисемитскими» и подал на него жалобу руководству РОА. Производственный конфликт Давиденкова с непосредственным начальником был разрешен Малышкиным, представлявшим Власова во Франции. Малышкин откомандировал увлекшегося оратора в распоряжение начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта П.Н. Краснова, воззрения которого всецело совпадали со взглядами Давиденкова. «Сближение с ним почти точно повторило взаимоотношения академика Павлова с его ассистентом. Та же закатная ласка умудренного долгой жизнью уходившего из нее старика, та же пылкая влюбленность вступавшего в жизнь борца за Россию. Давиденко обобщал, почти сливая воедино, этих двух, так мало схожих по внешним признакам людей...» [27, с. 378]. Сближал их и несомненный литературный дар Краснова – одного из самых популярных писателей русского зарубежья.

Начиная с августа 1944 г. Давиденков под тем же псевдонимом «Николай Анин» являлся одним из основных авторов газеты «Казачья лава» (1944-1945 гг.) и журнала «На казачьем посту» (1943-1945 гг.), издававшихся в Берлине и Потсдаме. В «Казачьей лаве» Давиденков оказался в подчинении у своего будущего биографа – ее редактора есаула Л.Н. Польского. Непосредственным куратором издания был начальник штаба Главного управления казачьих войск генерал-майор С.Н. Краснов (племянник П.Н. Краснова). По словам Давиденкова, С.Н. Краснов «давал нам подробные указания по работе, требуя большего освещения исторической роли казачества в гражданской войне на стороне белых. Противопоставляя цели белых, как "классовые", казачьим целям как "общенародным", мы должны были в наших очерках и статьях проводить мысль о казачьей национальной, специфически – "самостийной" борьбе» [23, с. 70]. Давиденков был произведен в чин старшего лейтенанта и назначен заместителем начальника отдела пропаганды штаба Главного управления казачьих войск. Коллегами Давиденкова были видный деятель РОВСа публицист Е.А. Рышков (псевд. Евгений Тарусский) и сотник (с 1944 г.) П.В. Гусев, в 1926-1942 гг. живший в Париже и работавший в издательстве «Возрождение» под началом

Джурджиева. Гусев был видным деятелем казачьего литературного возрождения: он был одним из учредителей парижского «Кружка казаков-литераторов», атаманом Парижской студенческой казачьей станицы (1930-1939 гг.), редактором журнала «Станица» (1931-1940 гг.) и членом редакционной коллегии «Казачьего альманаха на 1939 год». В 1937 г. Гусев был секретарем Комитета для организации торжеств, посвященных 300-летию взятия казаками Азова. Вместе с Гусевым и Рышковым в начале 1945 г. Давиденков предполагал возобновить издание «Казачьего альманаха», но дальнейшее развитие событий не позволило осуществить этот замысел.

В качестве военного корреспондента Давиденков побывал в Варшаве во время восстания 1944 г. и в Венгрии во время ожесточенных боевых действий. В редакции «Казачьей лавы» Давиденков познакомился с В.В. Ушаковой из Смоленска – посаженным отцом на их свадьбе был П.Н. Краснов. В феврале 1945 г. в связи с прекращением издания «Казачьей лавы» Давиденков выехал из Берлина в Толмеццо (Северная Италия) ввиду откомандирования в Казачий Стан Т.И. Доманова, где был назначен на должность заместителя начальника школы пропагандистов. Вместе с Гусевым Давиденков сотрудничал в газете «Казачья земля». Там же Давиденков опубликовал свою лекцию «Казаки и русское освободительное движение», где он «выступал за казачью самостоятельность и автономию» [23, с. 70]. После приезда в Казачий Стан Краснова Давиденков был с ним неразлучен «в качестве его ближайшего адъютанта, даже чего-то вроде приемного сына» [27, с. 379]. – «Пребывание в Казачьем Стане было взрывом творческой силы Давиденко. Его деятельность развертывалась главным образом в плоскости идейного оформления <...> казачьего движения 1942-45 гг. Вопреки попыткам немцев оторвать казаков от России, он стремился влить их поток в общерусское русло, как одну из главных, наиболее чистых струй» [27, с. 379-380]. На стороне Краснова Давиденков принял деятельное участие в его столкновении с назначенным Власовым войсковым атаманом В.Г. Науменко. «Защищая русскую идею от атак со стороны прогитлеровских самостийников, Давиденко был принужден не менее энергично бороться и на другом фланге против псевдонациональных, но маскированных под национализм вылазок неосоветистов. Они нередко появлялись в Толмеццо и пытались там взорвать традиционную казачью организацию сокращенным повторением пресловутого "приказа № 1". Против них он вел свои последние бои и одерживал свои последние победы в конце апреля 1945 г.» [27, с. 380].

В связи с ликвидацией 18 апреля 1945 г. Главного управления казачьих войск и переподчинением Казачьего Стана новому походному

атаману – начальнику 1-й Казачьей дивизии генерал-майору И.Н. Кононову, школа пропагандистов была распущена, а Давиденков был назначен командиром 2-й батареи 1-го артдивизиона 5-го запасного полка. После капитуляции Италии, Давиденков и его беременная жена вместе с казаками перешли перевал Сен-Готард и оказались в Австрии. Далее пути Давиденкова и Краснова разошлись: Краснов сдался в плен британскому командованию, а Давиденков решил скрыться[12].

1 июня 1945 г. Давиденков был захвачен солдатами Британского Палестинского корпуса, выследившими его в горах Тироля (как он о том сообщил Польскому), – несмотря на гражданскую одежду и безукоризненный немецкий язык, при нем были найдены уличавшие его документы. Давиденков был заключен в тюрьму Граца, а затем был выдан в Юденбурге «СМЕРШу». Польский свидетельствовал: «Нашу передачу в Юденбурге осуществляли чины палестинского корпуса под свист, улюлюканье и ликованье собранных из газет 3-го Украинского фронта журналистов той же национальности. Особенно неистовствовали женщины, изощрясь в грубейшей лагерной брани» [36]. В середине июля вместе с другими военнослужащими казачьих частей вермахта Давиденков был этапирован в проверочно-фильтрационный лагерь, расположенный в Прокопьевске (Кузбасс). 5 ноября Военный трибунал Западно-Сибирского военного округа приговорил Давиденкова к 10 годам ИТЛ; по тому же делу вместе с ним были осуждены Гусев и Польский. Несмотря на то, что против Давиденкова не было выдвинуто никаких обвинений в участии в боевых действиях против частей Красной Армии или партизан как на территории СССР, так и за его пределами, в участии в карательной деятельности против граждан СССР или других государств, – он получил максимально возможный срок. По мнению К.Н. Хохульникова, это было связано с тем, что Давиденков ни на следствии, ни на заседании трибунала не счел нужным скрывать свои взгляды на советский строй.

> «И в настоящее время я не оставил своих взглядов, которые были у меня до прибытия на советскую территорию. Эти взгляды, в основном, заключаются в следующем.
>
> Со времени пребывания на курсах пропагандистов РОА в Дабендорфе я утвердился в воззрении, что советский строй не является демократическим.
>
> Я считал, что свобода слова, печати и собраний, гарантированные в Конституции на деле не осуществляются. Граждане СССР, с моей точки зрения, не имеют возможности свободной критики, которая преследуется по закону. Не обеспечивается возможность свободного изложения своих

---

[12] Пример неудачной попытки выхода в эмиграцию, минуя стадию Ди-Пи. См. предыдущий текст в данном сборнике. – Прим. *ДГ*.

взглядов в печати и на собраниях. Даже незначительная критика существующего положения приводит к привлечению к уголовной ответственности. Законы, карающие за политические преступления, за расхищение социалистической собственности, за уход с места работы, я также считаю чересчур суровыми.

В области литературы я считал недопустимым зажимание творческой инициативы отдельных писателей и поэтов, существование художественных произведений, написанных по "социальному заказу" (подобно произведениям Безыменского или Гладкова) за счет снижения их художественной ценности.

В области науки я считал недопустимым проявление нетерпимости по отношению к нематериалистическим течениям и теориям, считал неверным преподавание лишь одной философии – диалектического материализма.

Я считал, что только в борьбе различных точек зрения могут развиваться сознательно и самостоятельно мыслящие люди. Мне казалось, что культурный уровень народа уже достаточно высок для того, чтобы правительство допустило истинную свободу слова и печати, подобно тому, как допущена свобода совести. Мне казалось, что давно уже пришло время большей объективности в философии и раскрытия творческих возможностей молодых ученых.

В области экономики я стоял на точке зрения развертывания широкой частной инициативы, направленной на увеличение прожиточного минимума, на улучшение и удовлетворение насущных потребностей масс трудящихся.

Мне казалось, что ввиду надвигающейся угроз новой войны, все эти перемены должны быть произведены, чтобы вырвать из рук англо-американцев их основное пропагандистское оружие – лозунг демократизации.

При этом, со времени моего пребывания на территории, оккупированной немцами, до сегодняшнего дня я не ждал и не жду от каких бы то ни было иностранных интервентов ничего, кроме прямой колонизации России» [23, с. 77-75].

Зиму 1945-46 гг. Давиденков провел в новосибирской пересыльной тюрьме, а срок начал отбывать в лагпункте Кривощеково Новосибирской обл. Там 31 августа 1946 г. на выездном заседании суда ИТЛ и колоний МВД по Новосибирской области Давиденков был повторно осужден на 10 лет ИТЛ за «попытку создания контрреволюционной повстанческой группы из заключенных с целью организации вооруженного побега путем разоружения охраны лагеря», – по сценарию «оперной постановки» Давиденков намеревался поднять в лагере восстание и уйти в Китай к Чан Кай-ши. Действительной же причиной увеличения срока явилось заявление Давиденкова министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову «с просьбой разрешить мне написать роман о заблудившемся русском человеке».

«По моей мысли, в романе должен был быть показан путь молодого человеа, не убежденного в правоте советской власти. Этот роман должен

стать предупреждением всем тем, кто надеется на решение трудностей и противоречий нашей жизни внешними силами. Трагедия этих людей не имеет ничего общего с "трагедией" прямых немецких наймитов – старост, полицейских и т.д.

Показом действительной душевной драмы человека, оторвавшегося от родины, я хотел предостеречь молодых людей, увлекающихся западной культурой и искусством, сказав им: "Вам всё равно нет туда хода. Вы всё равно не пристанете к их пристани, но потеряете самое дорогое – Родину". Для осуществления этого намерения я просил только разрешения мне работать после рабочих часов в любом месте, где имеется свет, и сдавать весь материал тому, кому укажут.

В этом заявлении я также писал о моих взглядах и о том, что они мало изменились, но просил разрешения на работу, которая пойдет на пользу не только советской власти, но и русскому народу.

Я прошу учесть, что нигде и никогда не маскировался – на следствии, на суде и после суда, всюду говорил людям одно и то же: многое в советской действительности для меня и сейчас неприемлемо, но после этой войны, особенно после моего знакомства с антисоветскими группами и группировками за границей, я пришел к выводу, что облегчения положения из-за рубежа ждать бессмысленно» [23, с. 76-77].

Пребывание Давиденкова в заключении обросло легендами, частично запечатленными Ширяевым и Солженицыным. Согласно одной из легенд, приезд отца – «главного невропатолога Советской Армии в звании генерал-лейтенанта» (в действительности – в годы войны главного невропатолога Ленинградского фронта в звании полковника) – изменил отношение к Давиденкову лагерного начальства: его сняли с общих работ и определили на должность художника при лагерном клубе. Следует указать, что официально с 1941 г. Давиденков числился «пропавшим без вести». Положение его в заключении усугублялось тем, что его мать сознательно утаивала нелегально посылаемые письма от мужа, полагая – как и при аресте в 1938-1939 гг., что «зря не посадят», что «лес рубят – щепки летят» и что «дыма без огня не бывает». В лагере Николай по памяти маслом написал портрет отца и сумел ему его переправить, – и таким образом о месте нахождения сына С.Н. Давиденков узнал незадолго до его гибели. Указания на точное место последнего заключения Давиденкова противоречивы. Согласно свидетельству И.З. Сермана, в конце 1949 – весной 1950 гг. это была Караганда [37]. Получив возможность жить в уединении при клубе, Давиденков занялся литературным творчеством – писал стихи и прозу, философские эссе, статьи на научные темы («Биокритика» и «Конкретизация биокритики»). Согласно легенде, лагерное начальство даже позволило Давиденкову иметь радиоприемник, сыгравший в его судьбе роковую роль, – он слушал «Голос Америки», а затем расклеивал листовки с пересказом

передач на стенах бараков. Данный поступок настолько возмутил вершителей судеб, что его приговорили к высшей мере наказания (ВМН).

В действительности же после восстановления смертной казни 19 ноября 1949 г. главный военный прокурор Н.П. Афанасьев внес протест на первый приговор («по мягкости»). 7 января 1950 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в порядке удовлетворения протеста отменила данный приговор и направила дело на доследование. В мае 1950 г. Давиденков был этапирован в Краснодар (по месту призыва в РККА). На пересылке в Молотове (Пермь) он встретил Польского, этапируемого туда же по тому же поводу. 1 ноября 1950 г. Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа приговорил Давиденкова к ВМН. Рассмотрев поданную Давиденковым 4 ноября кассационную жалобу, Военная коллегия Верховного суда СССР 3 января 1951 г. оставила приговор в силе. 19 февраля 1951 г. Давиденков был расстрелян в Краснодаре.

Псевдоним «Анин» явно указывает на А.А. Ахматову, в ближайшее окружение которой Давиденков входил в конце 1930-х гг. Л.К. Чуковская неоднократно упоминает его имя в «Записках об Анне Ахматовой». – «Как мне говорила А<нна> А<ндреевна> Коля и до ареста, и после освобождения часто бывал у нее, читал ей свои стихи и знал наизусть “Реквием”» [29, с. 303]. – «Славный человек, думающий, смелый и немного смешной» [29, с. 44]. Чуковской было обращено и прощальное письмо Давиденкова, брошенное им в мае 1950 г. из тюремного вагона. Посылая стихи, Давиденков заключил письмо словами: «Главное у меня оказались не стихи, а проза. Этим я жил (во всех смыслах) четыре года, прерывался только для войны – но тут я ударяюсь в биографию, от которой сохрани Бог» [29, с. 302].

Что же касается псевдонима С.В. Сигриста – «профессор Гротов», то фамилия идеально соответствует профессии, проецируя в подсознании образы академика Я.К. Грота и профессоров Н.Я. и Я.К. Гротов. Тем не менее, псевдоним совершенно недвусмысленно указывает на преемство по отношению к определенной ономастической реалии. Само собой разумеется, что первым всплывает в памяти капитан Николай фон Гроте – начальник Русского отдела службы «Вермахт-пропаганда»: встречи и беседы с этим русофилом едва ли мог миновать перешедший линию фронта Сигрист. (Фон Гроте в то время находился в зоне ожесточенных боевых действий в Крыму. Образ заботливого и тактичного немца, безукоризненно говорящего по-русски, запечатлен на страницах автобиографической повести «Ставрополь – Берлин» перешедшего линию фронта едва ли не в то же самое время и в том же самом месте Б.Н. Ширяева). Тем не менее, более вероятным все же представляется

преемство «профессора Гротова» по отношению к псевдониму «М.М. Гротт», который не позднее 1915 г. начал употреблять М.М. Спасовский. (Учитывая связи последнего, представляется весьма вероятным его участие в судьбе Сигриста в военные годы.)

Михаил Михайлович Спасовский родился 26 марта 1890 г. в Санкт-Петербурге; потомственный дворянин. В 1910 г. он поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и в 1915 г. его окончил. С 1909 г. Спасовский сотрудничал в периодике патриотического направления и примерно с того же времени сплотил вокруг себя небольшой кружок единомышленников, вполне разделявших его взгляды. В 1913 г. Спасовский организовал и возглавил Научно-литературно-художественный кружок Союза русских студентов, в который входило около 200 человек. (Согласно А.А. Иванову, «Спасовский возглавлял Союз Русских Студентов, стоявший на позициях, близких Академическому движению».) Целью кружка было «содействовать пробуждению и развитию <...> интереса и любви к Русскому национальному литературно-художественному творчеству на почве сознания Русской национальной гордости». Следует отметить, что Спасовский обладал несомненным даром увлекать людей: осенью 1913 г. при посредничестве одного из лидеров русского национального возрождения, – создателя первого оркестра народных инструментов В.В. Андреева, он познакомился с В.В. Розановым и вступил с ним в переписку; их общение продолжалось до конца жизни Розанова. «Поборник искреннего слова, Руководитель “Вешних Вод”, К заветам прошлого родного Неукоснительно зовет» [38]. Тем не менее, несмотря на призыв «следовать заветам», воззрения самого Спасовского 1910-х гг. отличались крайней эклектичностью, вообще свойственной духовным исканиям «Серебряного века» в их эзотерико-националистической трактовке, – так, в 1915-16 гг. он пережил увлечение оккультизмом.

Начиная с 1910 г. Спасовский пробовал свои силы на издательском поприще. Поначалу свет увидели подготовленные им сборники студенческих работ, а затем совместно с женой Анной Васильевной (?; 1895-1915) при материальном содействии Андреева Спасовский основал журнал «Вешние воды» и стал его редактором. Этот орган «внепартийного русского студенчества» издавался с 1914 по 1918 гг.; всего в свет вышло 34 номера; зачастую номера были сдвоены и строены (всего 25 отдельных книг). Как позднее вспоминал К.В. Сахаров, «политическое кредо наших сборников было самое простое – русское, пытливое и ищущее, вне всякого партийного политиканства... Пожалуй, именно это невольно и привлекало к себе доброжелательное внимание многих противников разложения и разрушения исторической России». В этом

журнале Розанов вел раздел «Из жизни, исканий и наблюдений студенчества». Беллетристический раздел вел А.А. Бурнакин, которому В.П. Буренин оставил в 1912 г. должность литературного критика в «Новом времени». «Вешние воды» активно сотрудничали как со старыми (М.О. Меньшиков, Розанов), так и с молодыми (Бурнакин, В.М. Грибовский, А.М. Ренников) нововременцами, однако в основном журнал наполнялся материалами ровесников и единомышленников Спасовского – Э.Ф. Голлербаха, Ф.Я. Тигранова, И.И. Алексеева, И.В. Казанцева; большинство из них приняло участие в изданном Спасовским сборнике «Молодая Русь» (Пг., 1916). В «Вешних водах» также принимали участие и более маститые деятели патриотического движения – сам Андреев, П.Е. Казанский, П.И. Ковалевский, А.И. Соболевский, К.В. Сахаров, А.П. Устьинский. Постоянным автором журнала была пожилая литературная труженица Л.А. Мурахина урожденная фон Цеппелин (1859-1919 гг.) – одна из родоначальниц русской конспирологической прозы. Весьма почитаемая Розановым и Спасовским, она являлось автором антисемитских исторических романов, а также выдержанной в том же духе антиутопии «Грядущее человечества» (1916. № 7/8, 9). В 1917 г. в «Вешних водах» сотрудничал А.И. Тиняков, годом ранее изгнанный за двурушничество как из либеральной, так и из патриотической периодики, – и в ответ разразившейся «Исповедью антисемита». В «Вешних водах» неоднократно публиковались материалы по т.н. «еврейскому вопросу», – не будучи сугубо антисемитским изданием и воздерживаясь от каких-либо погромных призывов, журнал был пропитан юдофобией (особенно в 1915 г.), которая, однако же, сводилась не к традиционному «жидомасонскому заговору», а всего лишь к «извечному противостоянию еврейства и арийства». На кончину Э. Дрюмона[13] «Вешние воды» откликнулись сочувственным некрологом [39]. Спасовский тесно сотрудничал с Союзом русского народа, был членом Русского собрания, печатался в «Вестнике Союза русского народа», в «Русском знамени» и в «Голосе русского».

Достаточное представление как об исповедуемых в 1910-е гг. Спасовским взглядах, так и об уровне его литературной одаренности дает сборник его статей и очерков «Больное творчество» [40]. По мнению А.А. Иванова, «основной темой его литературно-критических статей было обличение и борьба с еврейским влиянием на русскую литературу, которое, с точки зрения Спасовского, привело ее к глубокому кризису

---

[13] Э.А. Дрюмон (E. Drumont; 3.5.1844 – 3.2.1917) – французский политический деятель и публицист-юдофоб, прославившийся антисемитской книгой «Еврейская Франция» («La France juive», 1886), которая выдержала около 200 переизданий. – Прим *ДГ*.

и потере нравственной ориентации». Впрочем, борьба с «растлевающим еврейским влиянием» не являлась для Спасовского самоцелью, – главным для него являлось пробуждение русского национального сознания у молодежи. «Будя других, будем сами на страже, – будем дерзновенными и гордыми в своих мечтах, ибо с нами Бог и правда! Нас не осудят за нашу беззаветную любовь к Державной Родине, нас поймут в наших страстных исканиях отзывчивой русской души». Не обольщаясь, Спасовский сам предрекал своему сборнику безвестность: «Я не надеюсь на его широкое распространение. Влияние еврейской печати еще слишком сильно и шумно, чтобы русская мысль свободно и широко неслась по необъятному простору Православной Руси! Зная наперед, что настоящее мое издание будут или красноречиво замалчивать, или "гуманно" бойкотировать, обливая его ушатами грязи и лжи, подтасовок, – я выпускаю свой сборник в крайне ограниченном количестве экземпляров. Все-таки выпускаю, все-таки издаю, – не останавливаясь ни перед какими преградами еврейского засилья, ни перед какими предстоящими чисто инквизиторскими пытками "передовой" и, конечно, "прогрессивной" печати». Сборник статей Спасовского производит весьма странное впечатление своей явной вторичностью: налицо причудливое сочетание взятых за образец двух современных ему авторов. С одной стороны, это рафинированный стилист и утонченный мастер психологического анализа А.А. Закржевский, в то время активно публиковавшийся в «Огнях» и снискавший успех публичными лекциями. С другой же стороны, это разудалой до неприличия Бурнакин, «Трагические антитезы» (М., 1910) которого были восприняты В.Я. Брюсовым как «литературное хулиганство», зато Спасовский явно воспринимал «стиль провинциального репортера» (как об этой книге выразился А.А. Блок) в качестве эталона литературной критики.

Едва ли не всю современную ему русскую литературу Спасовский оценивал весьма невысоко: «Если все эти Амфитеатровы, Леониды Андреевы, А.И. Куприны, М. Арцыбашевы, Мережковские и пользуются в настоящее время успехом, правда, химеричным, натянутым, дутым и непрочным, если их и читают, "на расхват", если и увлекаются этими истерическими выкриками полоумных, морально-грязных, современных "пророков", то только исключительно потому, что у нас нет критики, именно, той неподкупной, действительно свободной, здравомыслящей критики, которая бы открыто бичевала эту невежественную, наглую, бесстыдную литературную чернь, так хамски издевающуюся над великой русской родиной» [40, с. 25-26]. Особенно возмущал Спасовского сверхпопулярный Игорь Северянин. «Ведь это безобразие, каких мало. А между тем мы читаем это издевательство

над святым искусством и, чтоб не отстать от моды и не прослыть профанами, твердим, как какие-то идиоты, эти мерзкие постыдные вирши полоумного дегенерата, заведомого шарлатана и низменника» [40, с. 28]. Категоричность итогового вывода Спасовского гласит: «Старания еврейского печатного ига увенчались полным успехом. Русское общество, зараженное тлетворным влиянием анархии, декадентства, модернизма и прочими канканирующими, пьяными "гримасами дня", уже не может остановиться и во всем требует все новых и новых утонченно-развратных извращений. И некому остановить эту страшную роковую волну сомнения и отрицания. Мы настолько отвыкли самостоятельно мыслить, что не отдаем себе отчета, и эти безобразия в литературе мы встречаем на веру, как должное. <…> Да, мы разучились мыслить, нас загипнотизировали. Мы не в силах уж критиковать и протянуть руку, поднять очи к поруганному, но вечно чистому, святому алтарю искусства. Нас поработили» [40, с. 28, 30].

В марте 1916 г. при журнале был основан Кружок Ф.М. Достоевского, преобразованный в октябре того же года в Литературно-художественное общество «Вешние воды» под председательством Бурнакина. Общество помещалось в собственном помещении (Фонтанка, 88); благодаря постоянным выступлениям в его стенах оркестра Андреева оно могло существовать без внешней поддержки и издавать журнал. (Распространявшиеся либеральной печатью в 1916 г. слухи о якобы осуществлявшейся «Вешним водам» помощи из т.н. «рептильного фонда» Министерства внутренних дел подтверждения не получили). При Обществе существовала тщательно подобранная самим Спасовским библиотека, ставшая центром притяжения молодежи. Ближайшим другом Спасовского был Э.Ф. Голлербах – их сближало восторженное отношение к Розанову. Последнего в 1918 г. журнал старался поддерживать материально; в 1918 г. Голлербах опубликовал в «Вешних водах» первое биографическое исследование о Розанове, впоследствии изданное отдельной книгой. С конца 1917 г. после запрещения «Нового времени» Спасовский безуспешно пытался издавать газету «общегосударственного» направления, но этот замысел был обречен на неудачу. (Весной 1918 г. для этого предполагаемого издания Меньшиков и Розанов прислали Спасовскому свои статьи). 2/15 марта 1918 г. «Вешние воды» и как журнал, и как общество были вынуждены прекратить свое существование: по распоряжению райсовета группа матросов вывезла всю обстановку, а опечатанное помещение было передано в распоряжение домкома. В 1919 г. Спасовский приютил покинувшую Сергиев Посад больную Мурахину, вскоре скончавшуюся.

Невзгоды революции и военного коммунизма Спасовский пережил в Петрограде – с 1918 по 1924 г. он служил проректором по хозяйственной части Академии художеств, одновременно окончив ее в 1924 г. по классу архитекторы профессора Л.Н. Бенуа. В это время Спасовский пользовался в Петрограде известностью в качестве одного из видных петербургских коллекционеров, – вместе с Голлербахом он принимал самое деятельное участие в трудах Ленинградского общества библиофилов (член Совета и секретарь) и Ленинградского общества экслибрисистов, где вокруг них сложился узкий круг молодых единомышленников (Н.П. Бауэр, А.К. Мартенс, С.А. Мухин). В феврале 1926 г. Спасовский с семьей выехал из СССР в Персию, будучи приглашен в качестве архитектора местным отделением Красного Креста. В дальнейшем Спасовский стал придворным архитектором шаха Резы Пехлеви.

Живя в Тегеране, Спасовский активно включился в политическую жизнь русской эмиграции, активно сотрудничая под псевдонимами (прежде всего – М. Гротт и М. Недзвецкий) в «Двуглавом орле», «Нации», «Нашем пути», «Новом слове», «Русском авангарде», «Сигнале», «Фашисте» и других органах русской национальной мысли, зачастую находившихся друг с другом не всегда в приязненных отношениях. Партийная фракционность была органически чужда созидательному мировосприятию Спасовского. В той или иной степени ему были близки русские как монархические, так и фашистские структуры; связан был Спасовский и с мировым антикоммунистическим движением. В соответствующие круги русской эмиграции (и, в частности, в казачьи) Спасовского ввел его старший товарищ по «Вешним водам» генерал-лейтенант К.В. Сахаров – один из наиболее духовно близких А.В. Колчаку лиц, в 1930-е гг. бывший полномочным представителем атамана Г.М. Семенова в Европе. Сахаров был одним из создателей Российского освободительного народного движения (РОНД), в деятельности которого участвовал и Спасовский. Материальная независимость, предельная доброжелательность и отсутствие политического честолюбия делали Спасовского желанным гостем заведомо антагонистических русских националистических структур. Прирожденный организатор, лидер, подчеркивавший свою внефракционную индивидуальность, прекрасный оратор, эрудит и блестящий полемист, Спасовский был ярким светилом на достаточно тусклом и однородном фоне большинства русских фашистских группировок. Постоянно проживая в 1930-х гг. то в Тегеране, то в Восточной Пруссии (с 1934 г.), свободно посещая Китай, США и Европу, Спасовский был одним из связующих звеньев между Всероссийским фашистским союзом (РФС) К.В. Родзаевского, Всероссийской национал-революционной трудовой и рабочей партии фашистов (ВНРПФ) А.А. Во-

нсяцкого, а также их европейскими единомышленниками. (В 1930-х гг. Спасовский входил в состав Центрального исполнительного комитета ВНРПФ). Самое активное участие принимал Спасовский в просветительской деятельности данных партий, специализируясь на т.н. «еврейском вопросе», а также на контрпропаганде в связи с различными «примиренческими соблазнами» и по отношению к хвалебным реляциям о положении в СССР «знатной иностранной сволочи».

В освещении «еврейского вопроса» Спасовский претендовал на объективность: «Нелепо приписывать евреям все те беды, через которые проходило арийское человечество на своем историческом пути – но еще большей нелепостью будет звучать отрицание очевидного факта еврейской мании к мировому владычеству». В своих идеологических построениях он подчеркивал прежде всего этическое начало: «Быть антисемитом сейчас означает быть чистоплотным и добропорядочным человеком, то есть таким человеком, ум и воля которого совершенно свободны от тлетворных влияний иудо-масонства – от предрассудков догнивающих теорий либерального, демократического и прочего радикального блуда. Свободный ум и свободная воля не могут не быть "антисемитами" – не могут склонять себя перед потомственными и профессиональными носителями лжи и мрака. Такова уж природа кровно чистых и духовно честных. Только невежество в силу грубой своей организации этого не понимает и не чувствует – и только продажность закрывает глаза на очевидность». Один из ведущих идеологов русского фашистского движения, Спасовский опубликовал в 1939-1940 гг. в издававшейся в США газете «Фашист» переведенный им на русский язык «Mein Kampf» А. Гитлера. В конце 1930-х годов Спасовский выпустил ряд брошюр – «Борьба за Россию» (1938 г.); «Тактика русских фашистов» (б.г.) и др., а также активно сотрудничал в периодике под псевдонимами: М.М. Гротт, М. Недзвецкий.

В идеологических построениях Спасовского было существенное отличие от мнений других признанных лидеров русского национализма той поры. Так, Спасовский прежде всего всячески подчеркивал самобытность русского фашизма и его независимость от иностранных образцов; истоки этого явления он был склонен находить в русском традиционном мировоззрении. «Нам нет надобности подражать другим народам. <…> Мы спокойно и уверенно внимаем инстинкту нашего национального самосознания, черпаем из него все формы своей исконно русской идеологии и этим гарантируем свое национальное самосохранение. Для построения и организации своего движения нам, русским фашистам, не нужно ничего придумывать или выдумывать – мы, как русские люди, для этого духовно богаты. Все, что нужно нам для выковывания

наших лозунгов – мы берем в сокровищнице нашей великой Русской культуры» [41].

Пользуясь вывезенным из СССР архивом, Спасовский опубликовал книгу «В.В. Розанов в последние годы своей жизни: Среди неопубликованных писем и рукописей» (Берлин, 1939); издание было анонимным. Вплоть до настоящего времени эти мемуарные свидетельства Спасовского являются одним из основных первоисточников для воссоздании биографии Розанова в 1910-е гг. Книга немедленно вызвала возмущение З.Н. Гиппиус, упрекавшей неведомого ей автора в крайней предвзятости и односторонности при изображении такого сложного явления, каким была личность Розанова. По мнению Гиппиус, анонимный автор заведомо неправ в своей трактовке Розанова как «антисемита и православного». – «Автору берлинской книжки <...> нужен Розанов-юдофоб; вернее – нужна юдофобия, а попалось "имя", которым можно ее подпереть – так лучше. <...> Надеемся, что подобные книги у нас редкость» [42]. Говоря о взаимоотношениях Спасовского и Гиппиус, следует отметить, что они не сложились уже в 1910-е гг. – в полемике об арийской сущности христианства. Вторично, уже под именем Спасовского, книга «В.В. Розанов в последние годы своей жизни» увидела свет в Нью-Йорке в 1968 г. в существенно отредактированном виде [43].

В конце 1940 г. по требованию советских властей Спасовский был выслан из Тегерана; путь его лежал через Бомбей в Шанхай. После того, как японские власти в 1941 г. запретили РФС и он был переведен на нелегальное положение, Спасовский возглавил Верховный совет РФС. В это же время Спасовский обобщил свои разыскания по т.н. «еврейскому вопросу» в книге «Евреи» (Шанхай, 1942). Что же касается немцев, то их Спасовский воспринимал в качестве единственной силы, способной избавить Россию от «ига жидобольшевизма». Тем не менее, несмотря на явную прогерманскую направленность своего мировоззрения, в своих статьях и выступлениях с середины 1930-х гг. до 1943 г. Спасовский неизменно подчеркивал гибельность для Германии вооруженного конфликта с Россией. Так, еще в 1936 г. он указывал: «Во всех отношениях Адольфу Гитлеру выгодно в лице Русской России видеть именно доброго союзника, а не врага. Русская же Россия только в том случае может быть союзником Германии, если последняя будет искренне стремиться и добьется освобождения России от гнета большевиков» [44]. Германию Спасовский рассматривал в качестве средства освобождения России от чуждой ей «власти евреев», полагая, что после освобождения от нее русский народ сам будет определять свое будущее. «Пусть немцы освобождают Украину. Пусть японцы освобождают Дальний Восток, Сибирь. Пусть еще кто-нибудь освобождает наш Север или

Прикаспий и т.д. Буквально все способы и все средства хороши для разгрома СССР. – Но ведь такое освобождение связано с отторжением, с захватом, с колонизацией!.. Значит, прощай Украина, прощай Сибирь, прощай наш Север или там Прикаспий! – волнуются слепыши, явно играя на руку большевикам. Все такие рассуждения о "захватах" вздор сплошной, – мы об этом писали уже не однажды. И еще раз подчеркиваем, – когда 180-миллионный народ сбросит цепи большевиков и расправит свои плечи, поверьте, он быстро сообразит, как с кем быть... Нечего бояться расчленения России. Коли будут созданы и охранены наше общерусское национальное единство и крепкая авторитарная власть, то будет воссоздана и сохранена и Великая Россия. Мы приветствуем освобождение России по частям, – мы приветствуем всякий удар по большевикам, в какой бы форме, где бы и как бы он не проявлялся» [45].

Тем не менее, по поводу провозглашенного Гитлером лозунга о необходимости «расширения жизненного пространства на Восток», Спасовский пророчески предупреждал: «Политика разграбления России есть политика безумия», поскольку «одно только поползновение к этому уже способно восстановить весь Русский Народ против немцев» [44]. Уже в 1943 г. в статье «Германия и Россия» Спасовский предсказал «гибель Германии в результате ее ошибок в отношении к России и русским». Несмотря на то, что время не благоприятствовало публичному выражению подобных взглядов, Спасовский не считал нужным их скрывать и, не выезжая в годы войны из Шанхая, находился в постоянном эпистолярном общении с единомышленниками по всему миру, в том числе и в Германии.

В Шанхае Спасовский прожил до 1949 г.; после захвата власти коммунистами он успел эвакуироваться на Тайвань, откуда в марте 1955 г. переехал в Австралию. Все послевоенные годы Спасовский активно публиковался в русской национальной прессе, как то в «Нашей стране», во «Владимирском вестнике», в «Часовом», в «Наших вестях», в «России», в «Знамени России» и т.п. Особо тесные отношения сложились у него с аргентинскими единомышленниками – входившими в «Российское народно-имперское движение» (в Австралии Спасовский являлся представителем издательства «Русь» и газеты «Наша страна», созданных Б. Башиловым). Во время пребывания Спасовского на Тайване им была написана книга «Соборная монархия» [46], изданная в 1953 г. в составе «Библиотеки “Нашей страны”». По мнению автора, идея соборности власти существовала уже в допетровской Руси – это был тот идеальный государственный строй, до уровня которого «Петербургская Империя» так и не смогла подняться. По мнению Спасовского, «Московский период Русской Истории – это апогей расцвета русской государственной

жизни, до подлинно демократических форм которой Западной Европе со всеми ее Вольтерами, Кантами, Гегелями так до сих пор и не удалось дойти» [46, с. 18]. Конец же «Петербургской Империи» в 1917 г. был закономерен – «как следствие потрясающего простодушия, политической тупости и морального вырождения нашей высшей интеллигентской элиты – гражданской и военной» [46, с. 28]. В представлениях Спасовского, торжеству «Народной Монархии», т.е. «соборного единства Царя, Народа и Церкви» воспрепятствовали «российские социалисты-профессора – повара всякой лжи и клеветы» [46, с. 28], место которых в настоящее время заняла «красная рвань, которая за любые деньги несла, несет и будет нести ложь о русском народе, о русских Царях и о всей русской исторической жизни» [46, с. 11]. По мнению автора, лишь постижение «высшей исторической правды» (в качестве таковой были перечислены имена И.С. Аксакова, И.Е. Забелина, Л.А. Тихомирова и Н.Д. Тальберга) поможет вступить России на правильный путь. В целом же книга Спасовского производит впечатление старательно выполненного упражнения на заданную тему – историософское эссе в духе воззрений И.Л. Солоневича. Возможно, что Спасовский был причастен и к изданной там же анонимной брошюре «Правда о русской монархии». Как было отмечено выше, согласно наблюдениям Сигриста, данная брошюра внесла смятение в умы делегации СССР на Олимпийских играх 1960 г. в Риме, – это привело «убежденного и образованного монархиста» к выводу о несомненных симпатиях советской молодежи к свергнутой царской власти. (Излишне говорить, что в 1960 году подобные настроения в советской молодежной среде были невозможны!)

В мае 1952 г. Спасовский вступил в ряды Российского Общенационального державного движения, созданного Александром Уайтом (Евгений Арцюк; псевд. Евгений Державин) в Мюнхене. РОНДД был последним по времени создания русским национальным образованием за рубежом, возводившим свое происхождение к Союзу русского народа. В идеологии РОНДД преобладали элементы конспирологии – в значительной степени доктрина РОНДД сводилась к необходимости противодействовать экспансии Запада в Россию. В опубликованном в 1950 г. труде «Русская политика самосохранения» Уайт впервые выдвинул тезис о том, что антикоммунистическая деятельность западных спецслужб носит не идейный, а прагматический характер, – подрывая позиции правящей партии, т.е. КПСС, Запад сознательно ослабляет Россию с целью последующего ее захвата. (Предсказания Уайта полностью оправдались уже к началу 1990-х гг. В качестве одного из главных врагов России Уайт воспринимал НТС, бывший, по его мнению, в равной степени как «выкормышем западных разведок», так и «гнездом

советской агентуры на Западе»). Тем не менее, РОНДД считала необходимым в равной степени противодействовать как коммунистической, так и «иудо-масонской» пропаганде, которые во многом срослись в неразделимое целое. В целях борьбы с «международной еврейской камарильей и коммунизмом» был создан Патриотический фонд, на средства которого издавалась «Библиотечка народного державника», где Спасовский опубликовал брошюру «Сыны погибели: Памятки о социализме и социалистах».

Скончался Спасовский 9 июля 1971 г. в Австралии. После выхода в свет «Русских фашистов» Дж. Стефена и «Наставников Гитлера» У. Лакера труды и дни Спасовского начали привлекать устойчивое внимание российских исследователей («Фашизм и русская эмиграция» А.В. Окорокова), однако крайняя скудость документальных материалов не позволяет восстановить его жизненный путь с должной обстоятельностью. Все публикации о Спасовском в значительной степени носят характер взаимодополняющих компиляций [47]. В современной России личность и взгляды Спасовского вызывают устойчивый интерес – так, в 2002 г. в Москве был издан сборник избранных его статей «Нам нужны герои».

Говоря о происхождении псевдонимов Спасовского, следует указать, что он происходил из смоленского шляхетского рода Гротт-Спасовских; во второй половине XIX века первая часть фамилии была утрачена. Впервые псевдоним «М.М. Гротт» был употреблен им не позднее 1915 г. [48]. Что же касается псевдонима «М. Недзведский», то он недвусмысленно указывает на Ольгу Конрадовну Недзведскую-Самарину (1887-1972). Выпускница Высших женских курсов, историк, она с 1918 г. до конца 1920-х гг. преподавала историю Нового времени в ряде учебных заведений Петрограда/Ленинграда: в Петроградском университете (уволена в 1923 г. по результатам кадровой чистки), в Женском педагогическом институте и т.д. Красавица Недзведская в 1920-е гг. была достаточно известна в научной среде; она принимала постоянное участие в деятельности «Кружка молодых историков». Отлученная от научной деятельности, она преподавала иностранные языки в Военно-медицинской академии, а с середины 1930-х гг. на протяжении многих лет заведовала кафедрой иностранных языков Ленинградского государственного института дальнейшего усовершенствования врачей (ГИДУВ).

Учитывая крайне узкий круг профессионального общения лиц одного поколения и схожего душевного склада в Петрограде/Ленинграде 1910-1920-х гг., их постоянное общение в библиотеках и архивах, а также сложное переплетение знакомства, родства, свойства и кумовства, вполне можно допустить гипотетическое знакомство Сигриста

со Спасовским если не в 1910-е гг. (молодежная библиотека при «Вешних водах»), то уже наверняка в 1920-е гг. (коллекционерские наклонности братьев Сигристов – гравюры и книги) годы. (Следует заметить, что в «Парижском вестнике» сотрудничал другой постоянный сотрудник «Внешних вод» – нововременец Андрей Ренников (А.М. Селитренников, 1882-1957), с учетом времени и места между двумя мировыми войнами эволюционировавший из немцееда в юдофоба). Спасовский был учеником ординарного профессора римского права Д.Д. Гримма(1864-1941), бывшего в 1910-1911 гг. ректором Санкт-Петербургского университета, в 1911-1914 гг. – товарищем министра народного просвещения и с февраля 1907 г. по май 1917 г. членом Государственного совета [49]. С июня по октябрь 1919 г. Гримм был деканом факультета общественных наук 1-го Петроградского университета, а затем эмигрировал в Финляндию. В 1921 г. проживавший в Гельсингфорсе Гримм был объявлен главой созданной воображением чекистов «Петроградской боевой организации»; сотоварищами его на этом посту были жившие в Париже В.Н. Коковцов и П.Б. Струве. В отличие от своего младшего брата Эрвина, Давид Гримм сумел избежать соблазна «возвращенчества», что позволило ему благополучно скончаться на свободе – он умер 29 июля 1941 г. в Риге. И.В. Гессен вспоминал Гримма как «типичного добросовестного ученого немецкой выучки, образцово корректного человека» [50]; то же самое можно было сказать и про Спасовского.

С 1918 по 1920 гг. Гримм профессорствовал в Крыму, а в 1920-1923 гг. – в Софии; видный сменовеховец, он в 1925 г. вернулся в СССР [51]. Гримм и Сигрист в 1920-е гг. приглашались в качестве консультантов Наркоминделом в связи с публикацией дипломатических документов. Сигрист и Недзведская были активными членами «Кружка молодых историков». Арестованный в 1930 г. по «Академическому делу», Э.Д. Гримм в заключении сошел с ума и ввиду безнадежного состояния был выпущен на свободу; ухаживала за ним жена Романова – участника «Кружка молодых историков» и ближайшего друга Сигриста. Сын Д.Д. Гримма и племянник Э.Д. Гримма – И.Д. Гримм (1891-1971), капитан лейб-гвардии Павловского полка, профессор Тартуского университета в 1930-е гг. сотрудник управления Латвийской православной епархии в 1941-1944 гг. также связал себя с Власовским движением – был начальником юридического отдела КОНР; скончался он в 1971 г. в Австралии [52].

Говоря о сотрудничестве «профессора А.В. Гротова» и «Николая Анина» на страницах «Парижского вестника», следует учесть вероятность знакомства Сигриста и Давиденкова еще по Ленинграду 1920-х гг.:

сестра отца последнего, В.Н. Давиденкова, принадлежала к той небольшой группе экономгеографов – доцентов экономического факультета Политехнического института, в которую входили упоминавшиеся выше Вольф, Мебус и Сигрист. Недзвецкая в 1930-е гг. уже работала в ГИДУВе, где с 1932 г. было основное место работы отца Давиденкова – заведование кафедрой нервных болезней. В завершение тезиса о причудливости человеческих судеб молодых ленинградских интеллектуалов довоенного времени следует указать на то, что ближайший друг Николая Давиденкова, привлеченный вместе с ним по тому же сфабрикованному в 1938 г. студенческому делу, Борис Быков (сын академика К.М. Быкова – выдающегося физиолога и ученика И.П. Павлова) в годы войны сумел уйти на Запад – в 1955 г. он под чужим именем жил в Вене. Как и Давиденков, официально он числился «пропавшим без вести».

Говоря об антисемитской направленности отдельных текстов «профессора Гротова», «Николая Анина» и самого «М.М. Гротта», он же «М. Недзведский», следует учесть, что устойчивая юдофобия последнего все же носила в достаточной степени характер умозрительный и вторичный. На более чем полувековом протяжении своей публицистической деятельности Спасовский был вдохновляем наиболее совершенными отечественными и зарубежными образцами данного жанра (Э. Дрюмон, В. Розанов, М. Меньшиков, В. Шварц-Бостунич, А. Гитлер, Ф. Розенберг); сам же «М.М. Гротт» ничем оригинальным теорию «научного антисемитизма» не обогатил. Что же касается свойственной Сигристу и Давиденкову в 1940-е гг. юдофобии, то она была результатом их собственного благоприобретенного опыта. Гумилев об этом не забывал и на склоне лет. «Сидим за столом на кухне. У Льва Николаевича из глаз текут слезы. “Михаил Давидович, я не виноват, что у моего отца и у меня все следователи были евреи и меня очень больно били”» [53][14]. Тягостная зависимость от советских евреев – будь то истязавшие

[14] Это высказывание широко известно. Обращаем внимание на странность бытовых взглядов человека, посвятившего себя этноистории. Он лучше кого-либо представлял несоотносимость по длительности жизни светских идеологических доктрин и тоталитарных режимов, с одной стороны, и этноса – с другой. А потому введение коллективной ответственности за принадлежность ряда представителей этногруппы к карательным структурам – нонсенс, не имеющий отношений к реалиям. Отсюда вопрос: если бы следователями были латыши либо русские, стал бы Гумилев латышефобом или русофобом? Вряд ли. А ведь, учитывая этносостав карательных советских органов, такое вполне могло быть (не забудем украинцев и представителей кавказских народов). Так же требует проверки утверждение *обо всех следователях*. Если найдется хоть одно исключение, оно будет говорить об избирательности памяти. А потому вынуждены признать, что этнопринадлежность следователей, имевших дело с Л.Н. Гумилевым, не столько определяла его юдофобию, сколько оправдывала ее в его собственных глазах. – Прим. *ДГ*.

его следователи НКВД или руководившие им идеологи РОА, едва ли способствовала пробуждению в Давиденкове склонности к филосемитизму. Удручала его и очевидная мировоззренческая схожесть двух режимов: «Власовцы оперируют иллюзией "третьей силы" – нелепость, граничащая с провокацией. Вернее, и то, и другое вместе. Новая фаза просоветизма» [27, с. 817].

Одним из самых запоминающихся образов, созданных гитлеровской пропагандой, был демонический «жид-политрук», у которого «рожа просит кирпича». Данное устойчивое словосочетание восходит к знаменитой немецкой листовке осени 1941 г.: «Пароль! Пароль! Товарищи, командиры и бойцы РККА! Мы сбрасывали вам пропуска, чтобы вы спокойно могли с ними переходить к нам. Ваши товарищи сообщают, что были случаи, когда бесчеловечные комиссары расстреливали бойцов, имевших эти пропуска. Мы не хотим подвергать опасности вашу жизнь. А хотим вас спасти! Вместо пропусков выдается отныне следующий лозунг: **Бей жида-политрука, рожа просит кирпича!** Достаточно сказать немецкому посту этот лозунг, чтобы вас пропустили к нам. Все, командиры и бойцы Красной Армии, которые перейдут к нам, будут хорошо приняты и по окончании войны отпущены на родину. Выучите этот лозунг наизусть, говорите его товарищам на ухо: **Бей жида-политрука, рожа просит кирпича!**» На обороте листовки этот лозунг дважды повторялся – вверху и внизу над соответствующими иллюстрациями: 1) «Комиссары и политруки принуждают вас к бессмысленному сопротивлению»; 2) «Гоните комиссаров и переходите к немцам» [54, с. 138, л.2 нахзаца]. Листовка не оправдала надежд ее авторов: она воспринималась с недоумением: «Какое убожество, глупость и подлость! А, главное, бездарность. <...> Какой вульгарный и исковерканный язык – не только на нас, интеллигентов, они произвели кошмарное впечатление. У всех настроение, как перед смертью. Неужели же мы и здесь ошиблись, и немцы то самое, что о них говорит советская пропаганда? Ив.-Раз. <Р.В. Иванов-Разумник – *М.Л.*>. высказал предположение, что это большевики, чтобы скомпрометировать немцев, под их марку выпустили такие листовки. Мы вздохнули с облегчением и опять стали надеяться на лучшее» [54, с. 139].

К данной гипотезе следует добавить, что Русский отдел Вермахтпропаганды в это время уже возглавлял русофил Н. фон Гроте, искренне полагавший, что германская армия освобождает русский народ от еврейской оккупации; листовки же в Русском отделе составлял видный НТСовец А.С. Казанцев (1909-1963) [54, с. 347], в дальнейшем известный в качестве творца доктрины «третьей силы» и автора основной мифологемы Власовского движения – слогана «против Сталина

и Гитлера». Для полноты образа следует добавить, что Казанцев был пламенным апологетом «Мелетия Зыкова», который, по его мнению, был «одним из замечательнейших людей советского мира». Казанцева не смущало даже то, что, по его словам, «Зыков и окружавшая его немногочисленная группа молодежи были правоверными и убежденными марксистами… в религии воинствующими неверующими» [32, с. 19][15]. Несмотря на то, что встреча Казанцева и «Зыкова» произошла позднее, высказанное Ивановым-Разумником в 1941 г. предположение о «большевистском» происхождении данного текста вполне имеет право на существование – с учетом мнения Давиденкова 1943 г. о сращивании власовской и советской идеологий. Именно в Дабендорфе это сращивание окончательно и произошло. «Лекторский состав в школе пропагандистов был укомплектован исключительно бывшими коммунистами, из которых часть вступила в организацию солидаристов. Таким образом, идейное воспитание Армии было поручено не тем, кому бы следовало. Все дальнейшие трагедии и ошибки были следствием неправильного идеологического воспитания добровольцев. <…> Преподавательский состав школы пропагандистов в Дабендорфе, а равно и сотрудников в отделах пропаганды и печати, в основном укомплектовывался перекрасившимися в солидаристов бывшими коммунистами и им сочувствующими. Инакомыслящие и беспартийные допускались как исключение» [31, с. 20]. В настоящее время трудно представить иных претендентов на авторство знаменитой листовки, кроме Казанцева. Насколько «жид-политрук» соответствовал незамысловатым конспирологическим представлениям заказчика-начальника, настолько и «третья сила» соответствовала потребности уцелевших участников Власовского движения в подведении приемлемого западным миром идеологического обоснования своего участия в войне на стороне противника.

Неизвестно, видел ли Давиденков евреев-политработников в Красной Армии, но в Русской Освободительной Армии он встретил не менее двух. Следует заметить, что усилия пропагандистов как ОСВАГа[16], так и Вермахт-пропаганды в целом увенчались успехом. Восприятие евреев как главных виновников не только бедствий России, но и личных

---

[15] Прямо противоположное утверждение об очень плохих отношениях между Казанцевым и Зыковым и наши комментарии к этому см. в примечаниях к приложению 1.III к предыдущей публикации в данном сборнике. – Прим. *ДГ*.

[16] ОСВАГ (Осведомительное агентство) – пропагандистский орган Вооруженных Сил Юга России во время Гражданской войны. Основан в декабре 1918 г. генералом Деникиным. С февраля 1919 г. – Отдел пропаганды при правительстве Вооруженных сил Юга России, но название ОСВАГ сохранилось. В качестве одной из основ его довольно бессистемной пропаганды был положен антисемитизм. – Прим. *ДГ*.

злоключений, было едва ли не единственным, что идейно сближало незначительную часть первой и большую часть второй «волн» русской эмиграции – иных предполагаемых точек соприкосновения, кроме ностальгии по России у отдельных индивидуумов, у них не было и не могло быть.

Если согласиться с гипотезой о том, что «профессор Гротов» был первым эмигрантом «второй волны», то с такой же долей условности «М.М. Гротта» следует считать последним эмигрантом «первой волны». Слушая выступления «профессора Гротова» и «Николая Анина», эмигранты «первой волны» узнавали о происходящем в СССР из первых уст. Таким образом, встреча двух «волн» русской эмиграции произошла в 1943 г. – quod erat demonstrandum.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

1. Сборник биографий врачей выпуска 1881 г. Императорской Военно-медицинской академии. СПб. 1906. с. 209-212.
2. *Сигрист С.В.* Русская дипломатия и Балканский Союз 1912-1913 гг. // Русское прошлое. 1923. № 3. с. 52-69.
3. *Панеях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов / СПбФ ИРИ РАН. СПб.: Д. Буланин, 2000. 444 с. (Историко-филологический архив. Вып. 5).
4. *Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов и «Дело Платонова» // Советская историография / РГГУ. М.: РГГУ, 1996. с. 215-239. (Россия XX век. Кн. 2); Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / РАН. БАН. 2 вып. СПб.: БАН, 1993-1998.
5. *Штакельберг Н.С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Предисл. послесл. и публ. *Б.В. Ананьича*; примеч. *Е.А. Правиловой* // In memoriam: Исторический сборник памяти *Ф.Ф. Перченка.* М.: Феникс; СПб.: Atheneum, 1995, с. 19-86.
6. *Цилига А.* В Ленинграде / Предисл. В. Р[уднева] // Современные записки. Т. 66. 1938. С. 339.
7. [*Руднев В.В.*] Предисловие // Современные записки. Т. 66. 1938. С. 295.
8. Русское зарубежье во Франции, 1919-2000: Биографический словарь / Дом-музей М. Цветаевой. Под общей редакцией *Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской.* Т. 1. М.: Наука, 2008. 796 с.
9. Тестаччо: Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме: Алфавитный список русских захоронений / Сост. *В. Гасперович, М. Катин-Ярцев, М. Талалай, А. Шумков.* СПб.: ВИРД, 2000. 156 с. (Российский некрополь. Вып. 6.).
10. *Беломорцев Алексей* [*Сигрист С.В.*]. Разгром исторической науки в 1930 г. // Россиянин (Лондон). 1948, 19 ноября. С. 1; *И.С.* Допрос академика С.Ф. Платонова // Эхо (Лондон). 1948, 24 ноября. С. 1.

11. *Беломорцев С.* [*Сигрист С.В.*]. 1) Большевизация Академии наук // Посев. 1951. № 46; 2) Жертвы «дела» АН СССР // Воля (Мюнхен). 1952. № 10.
12. *Ростов А.* [*Сигрист С.В.*] «Дело Академии наук» // Возрождение. 1958. № 81. С. 97-105; № 82. С. 109-119; № 83. С. 111-122; № 84. С. 111-119.
13. *Ростов А.* [*Сигрист С.В.*] За кулисами советской дипломатии: Облик советских дипломатов от Троцкого до Громыки // Возрождение. 1959. № 92. С. 81-91; № 93. С. 13-35.
14. *Ростов А.* [*Сигрист С.В.*] Монархические настроения в современной России // Возрождение. № 110. 1961. С. 109-111.
15. *Ростов А.* [*Сигрист С.В.*] Всеправославная конференция на Родосе: Наблюдения и впечатления // Возрождение. № 120. 1961. С. 112-117.
16. *Ростов А.* [*Сигрист С.В.*] Из бесед с земляками // Возрождение. № 143. 1963. С. 118-125.
17. In memoriam: Сборник памяти Владимира Аллоя. СПб.: Феникс; Париж: Atheneum, 2005. 598 с.
18. In memoriam: Сборник памяти Ф.Ф. Перченка. СПб.: Феникс; Париж: Atheneum, 1995. 452 с.
19. *Вознесенский И.* Имена и судьбы // Память: Исторический сборник. Вып. 1. М. 1976; Нью-Йорк, 1978. С. 353-410.
20. *Ростов А.* Дело четырех академиков // Память. Вып. 4. М. 1979; Париж: YMCA-Press, 1981. С.469-495.
21. *Вознесенский И.* Материалы к истории Академии наук // Там же. С. 459-469.
22. *Перченок Ф.Ф.* 1) Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М. 1991. С. 163-235; 2) К истории Академии наук: Снова имена и судьбы // In memoriam: Памяти Ф.Ф. Перченка. М.: Феникс; СПб.: Atheneum, 1995. С. 141-143.
23. *Хохульников К.Н.* Не вернуться из мертвых... // Война и судьбы / Сост. *Н.С. Тимофеев*. [Вып. 1. Невинномысск, 1999]. С. 64-106.
24. *Романков Л.П.* Легендарный человек // Романков Л.П. Контуры света: Сборник рассказов и воспоминаний. СПб.: [Звезда], 2002. с. 71-79; То же // Война и судьбы: Вторая мировая, без ретуши: Трагедия казачества / Сост. Н.С. Тимофеев. Невинномысск, 2005. Сб. 5. С. 225-228.
25. *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944-1945: Биографический справочник. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Посев, 2009. С. 364-369.
26. *Жулев Н.М.. Сайкова Л.А.* Сергей Николаевич Давиденков: Жизнь и творческая деятельность / МАПО. СПб. 2005. 61 с.
27. *Ширяев Б.Н.* Неугасимая лампада. М.: Товарищество русских художников, 1991. 413 с.
28. *Калядина С.А.* Фрагменты «Дела Ленинградской студенческой террористической организации» // Репрессированная наука / Под ред. *М.Г. Ярошевского*. Вып. 2. СПб.: Наука, 1994. С. 193-199.
29. *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1: 1938-1941. М.: Согласие, 1997. 541 с.
30. *Альмов А.* [*Ширяев Б.Н.*] Ставрополь – Берлин // Часовой. 1950. № 6 (298). С. 15.

31. *Несин А.* О политических настроениях в РОА // Часовой. 1951. № 7 (310). С. 19-20.
32. *Алымов Алексей* [*Ширяев Б.Н.*]. Тайна Майора Зыкова // Часовой. 1950. № 10 (302). С. 19-20.
33. *Часовой* [*Орехов В.В.*]. Загадка майора Зыкова // Часовой. 1952. № 2 (316). С. 20.
34. *Колоколов Б.Г.* Жандарм с царем в голове. М.: Молодая гвардия, 2009. 582 с.
35. Часовой (Брюссель). 1971. № 11 (545). С. 19.
36. *Польский Л.П.* Эпопея еще одной казачьей семьи // Война и судьбы / Сост. *Н.С. Тимофеев*. Сб. 5. Невинномысск, 2005. С. 224.
37. *Серман И.З.* Время и память // Окна (Иерусалим). 2001, 20.12.
38. *Голлербах Э.Ф.* Портреты современных писателей // Вешние воды. Т. 31-32. 1918. С. 42.
39. *Ювенал* [*Приоров М.К.?*]. Кончина Э. Дрюмона // Вешние воды. Т. 22. 1917. С. 89-91.
40. *Спасовский М.* Больное творчество. СПб. 1914. 44 с.
41. *Гротт М.М.* [Спасовский М.М.] Истоки русского фашизма // Фашист. № 14. 1934/1935.
42. *Крайний Антон* [Гиппиус З.Н.] Об одной книжке // Современные записки. Т. 69. 1939. С. 398.
43. *Ранн А.* [Раннит А.] Два издания одной книги // Грани. № 76. 1970.
44. *Гротт М.М.* [Спасовский М.М.] Фашистская Россия и Германия Адольфа Гитлера // Фашист. № 24. 1936.
45. *Гротт М.* [Спасовский М.М.] Наши лозунги и наши мысли // Фашист. № 32. 1937. С. 15.
46. *Спасовский М.М.* Соборная Монархия. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1953. 46 с.
47. *Иванов А.А.* Спасовский Михаил Михайлович // Черная сотня: Историческая энциклопедия / Под ред. О.А. Платонова. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 522-523; *Ломоносов А.В.* 1) Спасовский Михаил Михайлович; «Вешние воды» // Розановская энциклопедия / ИНИОН, под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. Стб. 924-926, 1321-1325; *Наумов С.* Спасовский Михаил Михайлович // Святая Русь: Большая энциклопедия русского народа / Под ред. О.А. Платонова. Т.: Русский патриотизм. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. С. 762-763; *Чуваков В.Н.* Незабытые могилы: Русское зарубежье: Некрополь 1917-2001 / РГБ. Т. 6, кн. 2. М.: Пашков дом, 2006. С. 130; Некрологи: Часовой. № 544. 1971. С. 24; Наша страна. № 1122. 1971, 24 августа (см. также: № 2509/2510. 1998, 18 сентября).
48. *Гротт М.* [*Спасовский М.М.*] Нехам адонай // Вешние воды. 1915. № 1, 2/3.
49. *Томсинов В.А.* Давид Давидович Гримм (1864-1941): Биографический очерк // *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права / Под ред. и с предисл. *В.А. Томсинова*. М.: Зерцало; Гарант, 2003. С. 21-38.
50. *Гессен И.В.* В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции, изданный И.В. Гессеном. Т. XXII. Берлин, 1923. С. 301.

51. *Гохнадель В.* Гримм Эрвин Давыдович // Немцы России: Энциклопедия. Т. 1. М.: ЭРН, 1999. С. 632.
52. *Борман А.А.* Сообщение // Часовой. 1971. № 11 (545). С. 19.
53. *Эльзон М.Д.* Что помню // Вспоминая Л.Н. Гумилева: Воспоминания. Публикации. Исследования. СПб.: Росток, 2003. С. 207.
54. Цит. по: *Батиев В.* Власов: Опыт литературного исследования. [Т. I:] Ч. 1-3. Frankfurt-am-Main, 2001. 483 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ[17]

Из книги: Российское зарубежье во Франции: Биографический словарь / Под общ. ред. *Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской.* Т. 1. М.: Наука; Дом Марины Цветаевой, 2008. С. 435.

«**ГРОТОВ** (наст.: **Сиверс) Сергей Викторович** (7/19 октября 1897 г., С.-Петербург – 18 августа 1986 г., Рим, пох. на клад. Тестаччо). Правовед, журналист, общественный деятель. Литературные псевдонимы Алексей Ростов, С.В. Сихриста. Приват-доцент Казанского, затем Саратовского университетов. Профессор международного права Ленинградского университета (1927 г.). Автор ряда трудов о внешней политике СССР. В 1930 г. был арестован, отбывал ссылку. Во время Второй мировой войны призван в армию, находился в штрафных частях, перешел к немцам. Основал на оккупированной территории газету «Голос Ростова». В 1943 – 1944 гг. выступал с пропагандистскими докладами в Бельгии, Франции, Хорватии. Во Франции за время четырех поездок читал доклады в Париже, Лионе, Марселе, Бордо, Гренобле, Лилле и др. выступал перед русскими рабочими, солдатами Русской освободительной армии (РОА), находившимся на территории Франции. Сотрудничал в газете «Парижский вестник». После войны служил уборщиком в американских казармах. Обосновался в Риме. Был секретарем Российского народно-монархического движения. С 1949 г. сотрудничал в русской эмигрантской периодике, печатался в журнале «Возрождение», газете «Наша страна» (Буэнос-Айрес), «Церковной жизни» (Белград) и др. Провел работу по каталогизации Русской библиотеки имени Н.В. Гоголя в Риме. Участвовал в работе Русской православной церкви. Профессор русского языка, истории, литературы и синхронного перевода Международного университета общественных наук».

[17] Подготовлено Д. Гузевичем.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

—Б—

—Т—

—У—

—Ф—

Статьи о Музее российской эмиграции и диаспоры во Франции, опубликованные во французской интернет-газете «РУССКИЙ ОЧЕВИДЕЦ»

22 мая 2010 г.
Музей наследия зарубежной России

Недавно при поддержке партнерских структур и частных лиц французская неправительственная и некоммерческая ассоциация «Зарубежная Россия» («LaRussie hors frontières»), зарегистрированная 20 августа 2009 г., приступила к осуществлению организационного этапа создания Мемориального музея «Зарубежная Россия», посвященного истории российской эмиграции и диаспоры во Франции.

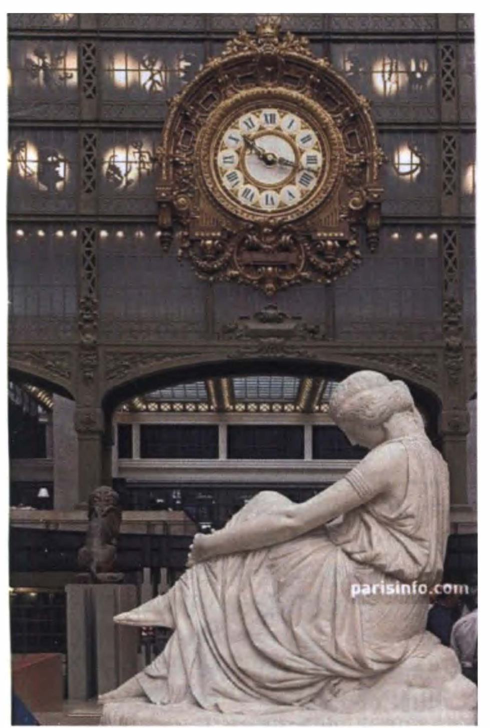

Фото 44. Музей

Создание музея предусмотрено в качестве одной из основных уставных целей ассоциации, которая является также учредителем французской русскоязычной Интернет-газеты «Русский очевидец» («L'Observateur Russe»).

Группа инициаторов создания музея, исходит, прежде всего, из тревожной мысли о том, что утратить следы пращуров, будучи на Родине – еще полбеды, а лишиться памяти о предках и предшественниках, находясь на чужбине, – это смерти подобно! Поистине трагично, что самыми заметными мемориалами и мартирологами для

целых поколений российской эмиграции во Франции, да и в других странах, для множества выдающихся и просто честных соотечественников стали погосты при немногих православных церквях.

На эти кладбища идет и идет паломнический поток потомков. Идет, чтобы поклонится памяти тех, кто сохранил и передал в будущее благие ценности духа, культуры и языка, и чтобы склонить голову перед мудрыми стараниями небольшой, но многозначной части многонационального и многострадального российского народа – его зарубежного рассеяния.

К счастью, во Франции уже издавна существует целый ряд эмигрантских мемориальных формирований, который включает в себя как крупные и известные музейные учреждения, так и собрания более камерного и даже домашнего облика. Они, как правило, носят специализированный или профильный характер и достойно отражают определенные спектры и сферы истории российского рассеяния.

Однако по разобщенным, отрывочным и сегментарным архивам и экспозициям трудно составить целостную и достаточно объективную панораму российского присутствия во Франции. Поэтому давно уже высказываются мнения о назревшей потребности в крупном музейном комплексе, отражающем, помимо прочего, и многие противоречивые и спорные аспекты, которые в самой России не всегда признаются, освещаются и поддаются объективному пониманию с высоты пережитого. Но и там усиливается интерес ко многим малоизвестным или замалчиваемым, но значительным эпизодам и явлениям ушедшей эпохи, касающимся, в частности, целых массивов российского населения, которые оказывались вне своей страны и которых объединяли их убеждения, чаяния и судьбы. И важно помнить, что и у этих россиян есть потомки, которым хочется помнить и уважать своих предков и знать, что при всех минувших противостояниях, думы и страдания всех предшественников являются общим незабвенным наследием.

Учредители проекта надеются вместе со всеми, кому эти чувства и мысли окажутся близки, создать в Париже такое место, где без траурных горестей можно будет наглядно и содержательно вспомнить, узнать, увидеть, понять и по достоинству оценить людей, пропустивших через свои души те тягостные и громовые эпохи, на фундаменте которых покоится наша сегодняшняя достаточно продвинувшаяся вперед и поуспокоившаяся жизнь.

С учетом самой специфики эмиграции, состоявшей из ряда «волн» и течений, представители которых по хронологическим, объективным и субъективным причинам не всегда сливались затем в единый поток, а также в силу ее многочисленных внутренних, порой непримиримых,

противоречий, отображение истории диаспоры единым блоком и в одних стенах может представляться делом невыполнимым. Однако основатели музея все же полагают, что благодаря произошедшей в последнее время глубочайшей идейной и социальной эволюции и трансформации многие явления приобрели более отчетливые и в то же время менее заостренные очертания. Человечество взрослеет и мудреет. Некоторые прежде болезненные вопросы стали видны под новым, куда более округлым углом зрения.

Люди устали от баррикад, где по одну сторону непременно – общество «Память», а по другую – общество «Мемориал». А ведь все они – нормальные люди, всем им достается поровну счастья, любви, сердечной боли за детей, трудовых и бытовых тягот и радостей, глупостей и светлых прозрений. Так доколе будем чиниться между собой? Разные мы именно между собой, в своих страстных разборках, а вовне, для мира мы, независимо от кровей, всё одно – русские. Ответственная должность.

А вместо всех разъединительных названий не грех вспомнить о душе и сойтись всем в одном благом обществе под именем «Наследие».

Наследие – это то то единственное, что для всех дорого в равной степени. Как его поймем и передадим, так и будет идти жизнь. Нужно, чтоб наши дети позже кое-что поняли о нас.

Рассеяние особенно остро показывает, что нас всех не так уж и много. Все на виду и наперечет. И недосуг нам меряться достоинствами – есть дела и поважнее!

От зарубежных россиян все-таки идет глубокий посыл в Россию. Нас многие оттуда слушают в ожидании весомого, а то и пророческого слова. Здесь во Франции всегда собирались и будут собираться особые, не последние люди России.

Все это дает надежду на то, что в условиях такой достаточно демократической страны, как Франция, есть возможность более широко и непредвзято подойти к ряду проблем заграничной российской истории и в как можно более примирительном и объединительном духе отобразить ее в рамках беспристрастной экспозиции общеэмигрантского мемориального музея.

На исходном этапе становления музея предусматривается:

– создать первичное сообщество заинтересованных участников и сеть институциональных и частных партнеров;

– коллективно обсудить, согласовать и опубликовать базовую объединительную историко-музейную концепцию и опубликовать ее в газете Ассоциации;

– сформировать Попечительский совет;

– завершить согласование административно-процедурных вопросов с городскими властями Парижа;

– расширить стратегию мобилизации финансовых средств по французско-российским каналам публичного субсидирования, частных пожертвований, предпринимательского самофинансирования и др.;

– приступить к созданию виртуального компонента Музея, включая дальнейшее формирование оцифрованного музейного фонда;

– подготовиться к созданию хранилищно-экспозиционной и материально-технической базы;

– активизировать работу по компоновке начальных материально-документальных фондов Музея.

Первоначально предполагается структурировать музейное пространство не по тематико-хронологическому принципу, а по «цеховой» принадлежности. Имеется в виду, что каждая партнерская организация будет иметь возможность сформировать музейно-экспозиционный блок по собственной идейно-исторической проблематике в духе взаимного уважения и толерантности. А по мере накопления собственных фондов музей будет переходить к компоновке экспозиций исходя из объединительной историко-хронологической логики, но неизменно на основе консенсусного согласования с партнерами.

Учредители ставят перед собой задачу создать место для сохранения архивной, музейной и чисто человеческой памяти не только о выдающихся деятелях, личностях, событиях и процессах, но и о крупных и обычных российских и русскоязычных семейных династиях и даже простых, но по-человечески образцовых людях во Франции. Для этого предполагается создать также специальный музейно-экспозиционный Фамильный фонд, в рамках которого будет открыта Золотая книга семейных династий и Мемориальный реестр эмигрантов и экспатриантов. Часть материалов этого фонда будет оцифрована, и к ней будет предоставлен доступ в электронной форме и через Интернет. Тем самым, члены, дальние родственники и потомки таких семей, а также, с соответствующего их разрешения, современные почитатели смогут знакомиться в материальном и виртуальном формате с сагами, культурой, реликвиями и традициями старых эмигрантских и новых экспатриантских родов и фамилий.

Можно надеяться, что это послужит ощутимым вкладом в сохранение культурного и интеллектуального наследия и коллективного достояния зарубежных россиян, расширит информированность российской и французской общественности об истории русской эмиграции и диаспоры в этой стране, будет способствовать интеграции нынешних российских экспатриантов во Франции и дальнейшему росту взаимопонимания и взаимного уважения между народами двух государств.

Мы – далеко не первые, кто чувствует важность такого начинания. Дело зреет давно. И знаем, что труд кажется неподъемным даже и для многих сдвинутых вместе плеч. И не очень-то видим именно себя во главе этого долгого похода. Главное, как говорил Наполеон, ввязаться в бой. На это нам храбрости должно хватить. А там найдутся люди и посильнее. Так что, лиха беда - начало.

Адресуем это обращение всем нынешним и потенциальным партнерским организациям, видным личностям и всем светлым людям российской экспатриантской общины, а также представителям французских русофилов, ценителей и знатоков русской зарубежной истории. Предлагаем всем вместе замахнуться на это новое дело. А мы будем готовиться к обсуждению инициативы всем миром. И надеемся, что газета в этом поспособствует. Приглашаем всех к участию в реализации этой инициативы. Дел много – и общих сил немало.

Инициативная группа по учреждению Мемориального музея «Зарубежная Россия»

(По всем вопросам можно обращаться в газету, а также по тел.: 0139280804; 0145680508; моб.: 0616438014; элпоч: ruhofr@gmail.com).

Отзывы: 16

Галина, 22 мая 2010 в 17:03

Подозрительное начинание – подобные уже имели место в прошлые годы. Тем более, ни одной фамилии не названо.

Low Profile, 28 мая 2010 в 17:35

Отзыв очень показательный. Привыкли мы к использованию любых возможностей для саморекламы. А если у кого-то по-другому, то уже настораживает. Это как в советское время было: непьющий в компании попадал под подозрение как самих пьющих, так и надсмотрщиков за ними. Прямо паранойя, попробуй тут поборись с алкоголизмом.

Но у инициаторов, действительно, нет нужды самопиариться. И без этого хватает забот, хотелось бы дело сделать. А те, кого реально заинтересовало начинание, активно обращаются по открыто указанным координатам. И добро пожаловать.

К тому же, в редакцию газеты чуть позднее была дополнительно передана звукозапись интервью о музее, которое дважды транслировалось на весь мир 27 мая федеральной российской радиостанцией «Голос России». Можно надеяться, что она вот-вот появится на газетном сайте. Так что гласность все-таки есть. Если интервью не пройдет через технические барьеры сайта, то аудио-файл можно запросить по тем же указанным координатам, даже анонимно, просто через элпочту.

А то, что попытки были и раньше – абсолютно верно. Но они как раз и были не особенно гласными, а так – для посвященных, без массовой поддержки. Посмотрим, что получится теперь. Мы вам сообщим.

Vassiliev, 31 мая 2010 в 8:53
Очень общие заявления. Ничего конкретного. Кто организаторы? Чья инициатива? Франции, России, чья-то частная? Кто спонсоры? Кто кураторы? Будет ли у музея помещение? Будет ли музей приобретать экспонаты на финансовой основе? В этом плане с кем конкретно контактировать?

Low Profile, 31 мая 2010 в 11:33
Спасибо за ваши вопросы, они – свидетельство интереса к идее.

Вкратце: инициатива сугубо французская, некоммерческая, частная. В силу ее частности, не представляется пока уместным обнародовать целиком «внутрикорпоративные» интеллектуально-хозяйственные наработки, своеобразный «fonds de commerce». Тем более по анонимным запросам, за которыми может стоять лишь простое любопытство. Во Франции это общепринятое правило приличий. Здесь можно надеяться на понимание.

Экспозиционного пространства пока нет, есть только неплохое и защищенное хранилищное помещение для первичных запасников и архивов. Достойные выставочные площади – это то главное, ради чего на этот раз кампания подготовки к созданию музея проводится хотя бы с некоторой публичностью (хотелось бы и еще громче все это обозначить).

К сожалению, подробную сводку о характере и деятельности инициативной группы газета опубликовать не смогла, поскольку информация была бы слишком объемной и приобретала облик технического отчета или заказной рекламной статьи.

Деловые же уточнения предоставляются по указанным координатам с учетом конкретной ситуации, в том числе в очном порядке.

Анна, 1 июня 2010 в 10:52
Ну и допрос! По стилю и неопрятности вопросов – чистый НКВД. Теперь на очереди ЦРУ и Мосад! Ну, держитесь, музейщики, все шишки соберете! Смелые люди и полезное дело затеяли, но труд потребуется колоссальный. Если только не обычное русское чудо.... .

Vassiliev, 1 июня 2010 в 19:54
Анна, что за раздраженный окрик? Вас что-нибудь задело лично?

Георгий Сидой, 1 июня 2010 в 22:52
Делать инициативный русский музей бесполезно, и это чревато последствиями, кому-то что-то понравится или наоборот. Все это было.

Возьмем музей Дома белого воина, который растащили по частям, история с пистолетами дуэли Пушкина и т.д.

Лучше всего создать секцию или отдел музея русской эмиграции уже при существующем французском музее. Приблизительно так, как предложил Саркози для сохранения музейных экспонатов и документов эскадрильи Нормандия-Неман.

Конкурент, 2 июня 2010 в 10:37

Галина, если возможно, скажите пару слов об известных Вам прежних попытках. Всем было бы интересно.

Sveta, 2 июня 2010 в 10:47

Да не слушайте никого. Пытайтесь сдвинуть гору со своими единомышленниками. Других храбрецов пока не видно.

гн, 2 июня 2010 в 14:52

А правда, надо создать русскую секцию на базе уже существующего во Франции Музея Иммиграции.

Антон, 3 июня 2010 в 17:05

С секцией идея соблазнительная. Так вроде проще. Но не будут ли чудно там выглядеть наши лапти? В лом будет российским людям отыскивать там своих. Представьте графа :)

гн, 4 июня 2010 в 10:48

Причем тут лапти? Это же не Музей человека!

Low Profile, 4 июня 2010 в 11:42

Вообще-то этот вариант надо обсуждать наравне с предложениями обосноваться в Русском центре на Буасьере или попроситься в церковный комплекс, который будет строиться. Но в идеале лучше бы иметь свое лицо, иначе уж очень много потенциальных цензоров. Только редко идеал получается.

гн, 5 июня 2010 в 10:16

В какой церкви? В «Кремлевском» соборе на Сене?

Наталья, 26 июля 2010 в 14:49

Придумано правильно. И кто первый – тот и получает и лавры, и шишки. Поддерживаю инициаторов идеи. Видно, еще не пришло время открывать все карты. Пока собирайте предложения. У меня одно есть. Я – издатель. Несколько лет назад мы издавали книгу Б. Носика «На погосте XX века» о кладбище Сент-Женевьев. Ее вполне можно переиздать и распространить в музее. Поверьте, книга того стоит. Вся история от первой волны эмиграции.

Low Profile, 28 июля 2010 в 16:57

Наталья, спасибо за идею. Приглашаем любезно оставить ваши координаты на ruhofr@gmail.com, надо бы обсудить. С вашей легкой руки, сочтем за честь взаимодействовать и с Б. Носиком, ибо он – знаток темы, эрудированный исследователь и писатель, да и человек, по отзывам, весьма открытый.

А открывать карты и мы уже скромно начали (см. статью «Наследие во благо» от 4 июля с.г.) как только убедились в интересе к инициативе на самых разных уровнях и в том, что она не вызвала дополнительных нестроений в диаспоре. А может быть даже и наоборот.

1 июня 2010 г.
Создать нельзя забыть

«Русский очевидец» представляет известного российско-французского специалиста по ряду недостаточно освещенных разделов российской зарубежной истории, сотрудника Центра по изучению России, Кавказа и Восточной Европы Школы высших социальных исследований в Париже и эксперта Фонда имени Лихачева в Петербурге, *Дмитрия Гузевича*, который излагает свои соображения о концепции формируемого музея наследия российской диаспоры во Франции.

Фото 45. Дмитрий Гузевич

Создаваемый мемориал – в первую очередь, конечно, должен быть музеем и должен собирать объекты музейного хранения. Однако в изолированном варианте это мало что даст. При нем должна собираться библиотека и архивная коллекция. Отсутствие во Франции подобных центров (которые лишь в небольшой степени восполняют такие организации, как Тургеневская библиотека, библиотека в Нантерре или музей еврейского искусства и архивный еврейский центр), приводит к тому, что частные коллекции, сформированные на ее территории, отчасти уходят в Германию, но еще больше уплывают за океан, в США, где на это отпущены большие деньги и владельцам даются гарантии. Многое исчезает. Конечно, отправка в Америку – лучше, чем исчезновение, однако для европейского культурного пространства это, безусловно, потеря. Со временем так, наверняка, уплывет за океан уникальная коллекция Рене Герра. Это сейчас крупнейшее собрание, которое есть не только во Франции, но и в Европе. И если бы ему были созданы достойные условия для размещения коллекции и создания научного центра (для библиотеки и архива) с соответствующими гарантиями, коллекция осталась бы во Франции.

Изучение и отображение истории и наследия российского рассеяния – задача долговременная.

В реальности сколько-нибудь детально к настоящему моменту изучена лишь первая волна собственно русской эмиграции между двумя мировыми войнами, особенно во Франции. В то же время очень плохо изучены даже за этот период «маргинальные» этнические, субэтнические, этно-конфессиональные группы (кавказская – армянская, азербайджанская, грузинская, северокавказская; туркменская, калмыцкая, караимская и др., не говоря уже о таких больших, и поэтому лучше, хотя и недостаточно изученных, как украинская или еврейская). Заметим, что в рамках некоторых из них (как, например, казаков) собраны богатые коллекции реликвий и документов. Появляются даже отдельные работы по истории (как, например, по истории кавказской эмиграции). Однако большая часть из них написана «изнутри» этих групп и рассматривает их в отрыве от других.

В реальности же первая волна эмиграции является едва ли не чистым слепком с самой Российской империи – в ней представлены все этнические и религиозные группы и все партии. Эти группы зависимы друг от друга, в т.ч. и в своей дружбе, и в своей неприязни друг к другу. Независимость друг от друга определяет полная индифферентность. А ее никогда не было. И если мы хотим понять первую волну российской эмиграции как явление, мы должны рассматривать ее в комплексе, иначе – тупик. И, соответственно, необходим сбор, классификация и изучение не только архивных документов, но и объектов музейного хранения. Без этого полной истории просто не написать.

Еще хуже дело обстоит с историей второй эмиграционной волны, начиная с 1940-х годов, как, впрочем, и с историей первой волны в эти годы. Объясняется это, во-первых, тем, что Германия взяла под защиту российскую эмиграцию (естественно, исключая ее еврейскую часть). И, во-вторых, характером второй волны, основу которой составили Ди-Пи – перемещенные лица. Причины понятны: многие из этих людей успели послужить как в Красной армии, так и в Вермахте, или оказались приписаны к СС. Последняя организация справедливо признана преступной на Нюрнбергском процессе. Но из этого не следует, что преступником является каждый, кто оказался в этих частях, особенно в боевых: каждого человека можно судить лишь за его личные поступки. Однако, поскольку организация признана преступной, в принципе, в европейском сообществе недопустимы памятники СС и марши ветеранов, как то происходит в Прибалтике, чем бы они ни оправдывались.

Вместе с тем, понять причины этих действий и что-либо противопоставить этому явлению можно лишь при его изучении. Оно же выпало из поля зрения академической науки по идеологическим причинам и потому оказалось отдано на откуп крайне правым публицистам и политикам.

Близкая ситуация со всеми частями, которые позиционировали себя как «третью силу»: ОУНовцы, НТСовцы, «власовцы» и др. Если же мы учтем аналогичные формирования в других европейских странах («Батальоны хлопски» и Армию Крайову в Польше; четников Михайловича – в Югославии и мн. др.), то увидим, что их суммарная численность вполне сопоставима с численностью армий воевавших держав. И, соответственно, их суммарное влияние на характер Второй мировой войны было чрезвычайно велико. А посему необходимо их предельно отстраненное от любой идеологии изучение. Если этого не произойдет, попытки фальсификации итогов Второй мировой войны будут происходить с обеих сторон, и никакими законами этого будет не удержать. К тому же, многие из этих людей – бывшие российские подданные или советские граждане. И их история – это история Российской империи / СССР / России. И никуда нам от этого не деться.

Дмитрий ГУЗЕВИЧ

(Продолжение следует)

Отзывы: 1

Антон, 3 июня 2010 в 16:23

Серьезный разговор затеваете, господин Гузевич. Нечасто об этом прочитаешь. Может запятая все же нужна «Создать, нельзя забыть»? Буду ждать продолжения.

6 июня 2010 г.
Создать нельзя забыть
(Окончание)

«*Русский очевидец*» продолжает знакомить читателей с концептуальными соображениями *Дмитрия Гузевича* (известного историка, работающего в Париже) относительно создания музея наследия российской эмиграции во Франции. На этот раз имеем удовольствие представить и его неизменного соавтора и супругу *Ирину Гузевич*, сотрудницу Центра Мориса Альбвакса Школы высших социальных исследований в Париже. Оба они, соответственно кандидат и доктор наук, оказывают Ассоциации «*Зарубежная Россия*» обширную помощь в качестве научных консультантов музея.

Фото 46. Дмитрий и Ирина Гузевичи

Ни западная, ни, тем более, восточная, просоветско-пророссийская концепция войны не желает учитывать различные маргинальные и повстанческие группы, которые выходят за границы «Сопротивления» (каждая из историографий при этом, – восточная и западная, – опираются на свои критерии, поэтому списки этих групп не совпадают). Они никому не выгодны, но без них войны не понять. Жестокость захлестывала во всех группах; «беленьких» среди них не было. Но это не значит, что там не было порядочных людей, и что они не отражали интересы определенных групп населения, которые все являлись жертвами этой бойни. Единственные воинские подразделения, где в принципе невозможно было остаться человеком, – айнзацкоманды. Во всех остальных человек мог сопротивляться втягиванию в преступление. «Неудобство» повстанческих и маргинальных групп для послевоенной историографии и послевоенного европейского сознания, а также преступления, которые за ними числятся, – отнюдь не причина, чтобы ныне отказываться от их

изучения, как, впрочем, и для того, чтобы скрывать преступления победителей.

Ну а потомки военнопленных, выживших в нацистских концлагерях, или их внуки когда-нибудь должны будут поставить памятник генералу Власову и его движению: это была единственная сила в течение всех лет войны, которая последовательно добивалась смягчения режимов в лагерях, вне зависимости от того, записывались люди в их подразделения либо нет, и без различия национальностей (кстати, они не допустили у себя реальной антисемитской пропаганды. И это под оком Гестапо! Более того, идеолог власовского движения, по-видимому, сам еврей, М.А. Зыков, редактор власовской газеты «Заря», погибший осенью 1944 г. в гестаповских застенках, в ответ на требования немецких цензоров изобрел метод буквального цитирования нацистского официоза «Фёлькишер Беобахтер». Это, как правило, избавляло от необходимости включения антисемитских пассажей в другие материалы газеты). И в том, что в 1943 г. ситуация в лагерях для военнопленных серьезно изменилась, помимо чисто объективных обстоятельств, есть и их доля труда. А это сотни тысяч спасенных жизней.

Если в разговоре о первой волне идет речь о том, что ее надо изучать в комплексе отдельных составных групп, то при изучении второй (уже советской) задача усложняется. Ее в принципе невозможно понять без понимания учета взаимодействия с эмиграционными группами из Восточной Европы: польской, югославской, венгерской и др. Это ставит вопрос о сотрудничестве музея российской эмиграции с соответствующими образованиями в эмиграционных группах бывшего социалистического лагеря.

С третьей волной – диссидентской и, в значительной степени, еврейской, в целом проще: многие из этих людей живы до сих пор; имеется немало исторических свидетельств; они почти все – письменные (в отличие от второй), и многое известно, зарегистрировано и изучается. Но опять-таки, основное внимание обращается на документы (хотя и с ними далеко не всегда хорошо), и намного меньше – на объекты музейного хранения, которые, помимо своей художественной ценности, являются такой же группой источников, несущих информацию о явлении, как архивные материалы.

И, наконец, 4-я волна. Среди нее есть и беженцы (особенно с национальных окраин), но в своей массе она экономическая и профессиональная. Эти люди очень тяжело общаются друг с другом и почти не создают «землячеств» (исключая территории их суперскопления: Нью-Йорк, Израиль и некоторые другие). Франция, в реальности, в них не входит.

Важно учитывать и национальную составляющую четвертой волны (еврейскую, немецкую, финскую, греческую, шведскую и т.п.).

В отличие от чисто экономической и профессиональной миграции, эти национальные группы более компактны, и у многих есть землячества (хотя бы в виде общин при синагогах в Германии).

Была еще волна, которая «номера» так и не получила – дореволюционная. Поскольку она была в основном революционной (и к тому же в значительной степени еврейской), то сохранение ее реликвий во Франции в целом поддерживала Французская компартия (или СССР через ФКП). Естественно, поддерживала революционную составляющую (хотя они не всегда разделимы). Но ФКП сейчас и себя-то поддерживать не может. Парадокс в том, что значительная часть этой революционной эмиграции после 1917 г. плавно переросла в первую волну (в «белую эмиграцию»), а многие успели побывать в России и поучаствовать в проходившей там борьбе. И многое еще сохранилось.

Особо следует подчеркнуть, что любые волны эмиграции определяются, как правило, неприятием режимов и ситуаций на территориях исхода. Поэтому для академического изучения явления мы должны полностью абстрагироваться от любых идеологических предпочтений. Другой вопрос, как политика использует полученное знание.

Следует констатировать, что многие из этих людей готовы поддерживать контакты с Россией и максимально ей помогать (и в исследовательской среде, и в среде бизнеса). И музей, в который поверят как не в однодневку, а в серьезную постоянную организацию, мог бы послужить одним из центров, содействующих налаживанию связей представителей эмиграционных волн с демократической Россией. Любые усилия в этом направлении будут способствовать национальному примирению в современной России, а также упрочению того европейского пространства, органической частью которого она является.

Дмитрий ГУЗЕВИЧ

Отзывы: 1

Анна, 7 июня 2010 в 9:44

Дмитрий, спасибо! Сказано очень много важного. Если хоть часть этого сможет отразить какой-либо музей, то это станет большим делом. Жаль, что мало чем можно тут помочь.

4 июля 2010 г.
Наследие во благо

Чем отличается нынешнее поколение от своих предшественников? Ошеломительным отрывом от своих предков в гонке за техническим прогрессом. Но и ошеломительным же отрывом от предков как таковых

и утратой восприятия себя в качестве части великого и мудрого потока поколений. Формирование новых техноцентричных личностей сопровождается усилением их эгоцентричности. Каждый – только за себя и для себя. И для многих это оборачивается самым страшным следствием – утратой смысла бытия. Ибо нет смысла в существовании органа отдельно от тела.

Восстановить чувство общности поколений, облегчить молодым восприятие жизни в ее непрерывности – задача благородная. Изобрести способ сделать это удавалось немногим.

Но все же удавалось - на протяжении уже нескольких поколений российской эмиграции во Франции! Люди сберегали в чистоте свою душу и завещали ее потомкам, живя на чужбине, в отрыве от корней. Берегли и материальные реликвии, отображавшие их идеалы. В стесненнейших обстоятельствах все же думали о будущем, создавали музеи, архивы и хранилища.

Фото 47. Русский эмигрантский комитет во главе с В.А. Маклаковым

Как распорядимся этими сокровищами мы, пришедшие им на смену?

Есть много тревожных признаков. Утрачиваются исторические артефакты; расхищаются экспонаты, выселяются и закрываются целые музеи. Семейные архивы и свидетельства минувшего предаются забвению

новыми поколениями. Обширные музейные фонды и коллекции вывозятся в другие страны. Те редкие центры наследия, которые выстояли в этих условиях, держатся на плечах немногих подвижников, которым за это низкий поклон.

В то же время ряд страниц и нюансов истории эмиграции во Франции по-прежнему остаются в тени. А за ними – многочисленные лица ушедшей эпохи и не менее многочисленные потомки, которым важно достойное и уважительное отображение облика их предков.

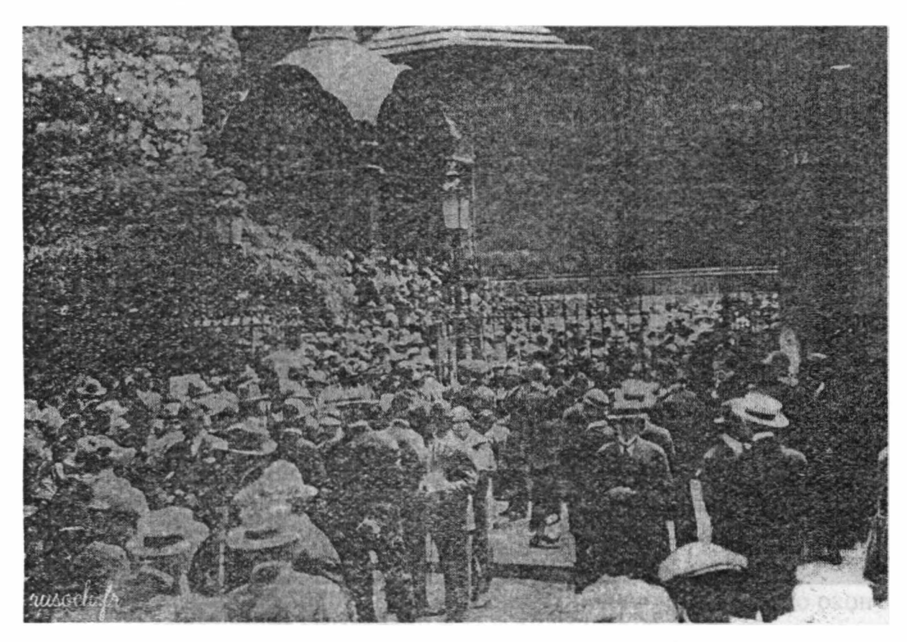

Фото 48. Выход из церкви в Париже на рю Дарю

Все это придает особую важность назревшей задаче создания комплексного и объединительного музея истории эмигрантского рассеяния во Франции.

В рамках многогранной местной общины нелегко сразу добиться единства мнений всех ее слоев. Поэтому с инициативой создания мемориального музея российской эмиграции и диаспоры во Франции по необходимости выступила группа наиболее нейтральных, неангажированных и не обремененных групповыми условностями лиц. Юридической платформой этого начинания стала учрежденная год назад французская неправительственная и некоммерческая ассоциация «Зарубежная Россия», которую возглавляет автор данной статьи сотрудник ЮНЕСКО,

бывший дипломат-китаист, имеющий российское и французское гражданство. А одним из главных основателей ассоциации «Зарубежная Россия» стала Елена Якунина, которая после ряда лет работы в парижской «Русской мысли» стала бессменным главным редактором «Русского очевидца» и по возможности способствует информационному обеспечению формирования музея.

Фото 49. На конкурсе красоты русской эмиграции

Вокруг ассоциации собралась группа энтузиастов, из числа которых сформирована коллегия экспертов и научных консультантов музея в составе преимущественно докторов и кандидатов наук по истории, социологии, этнографии, искусствоведению, музеологии и т.п. Их имена будут не раз звучать в связи с аналитическими и экспозиционными разработками музея и его публикациями. Но уже сейчас следует назвать таких серьезных специалистов, как французские исследователи Ирина и Дмитрий Гузевич, Сара Картон де Граммон и София Чуйкина, а также их российская коллега Дарья Желудкова – научный сотрудник московского музея-усадьбы «Останкино». Существенный вклад вносит и президент французской ассоциации «Друзья Пушкина» Екатерина Эткинд-Допера, которая вместе с единомышленниками специально

занимается писателями эмиграции. Ценным приобретением для инициативной группы было и присоединение к ней музейного и книжного фотографа Бориса Гесселя. Еще ждет своих новых заинтересованных исследователей и сфера театрального и музыкального искусства эмиграции.

Фото 50. Первая футбольная команда
Российского спортивного общества в Париже

С помощью столь авторитетной коллегии планируется еще до окончательного учреждения мемориала провести в ближайшем будущем цикл «выездных» экспозиций и издать сборник обзорных статей и эссе.

Взявшись за организацию сложной коллективной работы по формирования музея, ассоциация, прежде всего, заручилась поддержкой ряда видных деятелей традиционной эмиграции. Интерес, понимание, поддержку и советы высказали руководители и видные представители ряда объединений диаспоры: П. Шереметев, К. Мурузи, Д. Шаховской, В. Барятинский, К. Толстая, С. Белосельский-Белозерский, А. Бобриков, Е. Свечина, Д. Корнилов и др.

После появления первых публичных сообщений и концептуальных статей, касающихся создания музея, общественностью начал активно обсуждаться, прежде всего, вопрос о желательном месте его расположения. При этом преобладает мнение о невозможности добиться получения отдельного музейного помещения.

В этой связи среди гипотетических вариантов называют размещение музея в Российском центре науки и культуры в Париже, в проектируемом православном религиозно-общественном центре на набережной Бранли и даже в здании ЮНЕСКО. Предлагается также вместо самостоятельного музея открыть русскую секцию в существующем французском музее иммиграции или объединиться с Музеем Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка в Курбевуа. Приводятся и аргументы в пользу базирования музея в одном из таких, исторических очагов российского присутствия во Франции как Вильфранш-Сюр-Мер, Ницца или Биарриц. Есть и мнение о том, что единому музею эмиграции со всеми ее реликвиями место только в России.

При этом, следует с признательностью отметить, что вопрос об учреждении музея находится в поле заинтересованного внимания Посольства России во Франции. Насколько известно, российский посол с французским министром культуры не так давно посетили Казачий музей в Курбевуа и обсуждали варианты формирования единого мемориала. Это, правда, плохо соотносится с невнятными слухами о возможности создания параллельного музея казаков в Санкт-Петербурге или даже о переносе туда их нынешнего музея, что представляется весьма маловероятным. Не вполне ясна также ситуация с запланированным на 2014 г. созданием там же Музея гвардии под эгидой министерства обороны и Эрмитажа.

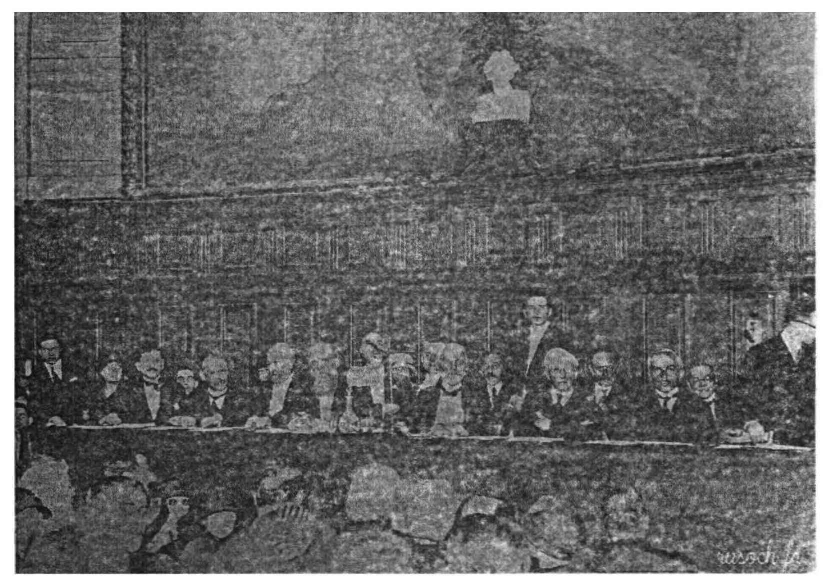

Фото 51. Чествование в Сорбонне 125-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина

Никоим образом не предвосхищая события и не отвергая сплеча ни одну из альтернатив, инициативная группа все же обоснованно считает, что наилучшим вариантом является создание отдельного мемориально-исследовательского комплекса в Париже. Это целесообразнее всего было бы сделать в форме приобретения меценатскими и спонсорскими структурами объекта недвижимости с передачей его музею в пользование (не в собственность) или в худшем случае – в льготную аренду.

При невозможности «независимого» формата музея берем на себя смелость предложить еще один вариант, несколько новаторского характера: создать музей совместно с Эрмитажем или даже под его эгидой, но не в России, а в Париже. И это будет поистине французско-российский мемориал, сообразующийся с характером эмиграции и ее реальным местопребыванием. Ввиду ограниченности пространства газетной публикации подробную аргументацию по этому вопросу целесообразно будет рассмотреть позднее в отдельной статье или в иной форме.

И попутно нужно упомянуть еще об одной инициативе в сфере наследия, которую берется продвигать ассоциация «Зарубежная Россия»: настало время общине во Франции установить и повсеместно проводить раз в год День российского наследия. Хорошо известно о подобных днях диаспор других народов в разных частях мира. Важность и смысл такой акции для русскоязычной общины не нуждается в пояснениях.

В работе по созданию мемориального центра потребуются и контакты с музейными структурами за пределами Франции. Если и там диаспора заботится о своем наследии, взаимодействие обещает быть плодотворным.

Путь предстоит неблизкий, но цель видна – забота о потомках.

Михаил ЯКУНИН, член инициативной группы,
председатель ассоциации «Зарубежная Россия»

Отзывы: 5

Sveta, 6 июля 2010 в 14:01

Неплохое развитие темы и информация любопытная. Замечательные и трогательные изображения. Но не очень и сообразишь, какой музей предпочтительнее. Все же маленький и частный был бы безопаснее. Как бы для своих. Зря инициаторы замахиваются на большой. А то государственный влезет, куда не надо. Ведь в эмиграции много чего в тени и что требует большого такта.

Конкурент, 6 июля 2010 в 17:47

Скелет вроде появляется, и надо ждать, когда нарастет мясо, а особенно шкура, чтобы ее делить. Интересно – кто? А идея удачная, особенно в год России. Советую инициаторам привлечь Бориса Карпова, он – компетентный человек и разбирается в истории эмиграции.

Крон, 8 июля 2010 в 20:35
Нужная инициатива. Дай Бог, чтоб осуществилась.

незнакомка, 9 июля 2010 в 11:28
Миша молодец! Дерзай дальше!

Анна, 9 июля 2010 в 13:18
Дело перспективное, да суховато написано. Попроще надо, тогда люди потянутся :). И не забудьте о других парижских изыскателях (напр. о Корлякове). Они вне конкуренции и могут усилить эту идею.

Память потомков
(посвящается 90-летию «Белого исхода»)

Для музея русскоязычного рассеяния во Франции в предварительном порядке избрано длинное рабочее название: Мемориальный музей российской эмиграции и диаспоры во Франции «Зарубежная Россия». Как сказал поэт: «Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно». По-человечески говоря: музей наследия. Что может быть важнее наследия для людей, уважающих самих себя и накопленное за жизнь понимание; думающих о продлении своего присутствия в мире после физического ухода; о своем продолжении в потомках!

Лишенные Родины представители исторической российской элиты – политические вожди и властители дум дореволюционного российского общества, выдающиеся люди мысли и искусства; герои веры, чести и храбрости – лейб-гвардейцы, гусары, казаки, императорские морские офицеры – интеллект, душа и воля России! Все они, не поступившись благими ценностями духа и благородства, сформировали в изгнании исторический феномен, общность под именем «российская эмиграция».

Важно отметить, что никто из них никогда не говорил об иммиграции. Именно эмиграция! Их вера и верность были в том, что Родина одна – Россия! Они не желали укореняться и ассимилироваться, как сейчас говорят – интегрироваться. Это значит, что воспринимали они свой исход не как простое переселение от тягот в благодатные края, а лишь как временное отступление, как арьергардный бой в непроигранной войне.

И глядя из нынешней эпохи, становится понятно, что они, хотя и не выиграли, но уж точно не проиграли в этой баталии, в которой победителей не может быть в принципе, по определению. Ибо не может быть победителей в братоубийстве.

А драки между братьями, и драки лютые, случаются у людей часто. Особенно среди россиян, у которых на праздник непременно – кулачные

бои. У которых до сих пор шутливо говорят, что свадьба без драки – это неудачная свадьба. У которых и ныне День воздушно-десантных войск или День пограничника – это нередко традиционное побоище между своими или с несвоими! Что делать – бойцы!

Но что ценно и свято у россиян: хорошенько искромсав и размазав друг друга, братья вдруг сядут, заплачут, обнимутся, задумаются – и пойдут сообща помогать соседу строить дом. Вот чем сильна Россия: уважением к геройскому самозабвению схватки, где каждый бьется за по-своему понятое правое дело. Но и способностью столь же уважительно примиряться, не держать зла, жалеть, сочувствовать и помогать в беде. Утратим это – и не будет такого особого народа.

И во многом именно этот боевой настрой и в то же время дух сочувствия к соплеменникам несло в себе и передавало потомкам первое поколение элитных и рядовых «контрреволюционных» эмигрантов. Они, видно, глубинно чувствовали, что тягости революции рано или поздно кончатся и что жалеть и заново отстраивать Россию придется всем сообща.

Не всем родителям удается вложить в детей нажитое наследие души – с материальным наследством куда легче, тут дети всегда наготове. Насколько это удалось первой волне эмигрантов, видно по их потомкам, которые хоть и стали французами, но сохранили достоинство и сухой порох предков. Ощутив окончание драки, они нашли в себе силу духа шагнуть навстречу новой России и проникнуться сочувствием к надежде соплеменников построить новый дом. И подставили свое братское плечо в этом новом созидании. Незабвенна роль старой эмиграции, неоценима роль ее потомков. И память об этом наследии должны хранить и нести дальше и мы – экспатрианты новых времен.

И лишь малой толикой оплаты такого долга памяти перед предшественниками мог бы послужить музей, посвященный такому удивительному явлению, как российская эмиграция.[1]

Стремление к созданию целостного мемориала издавна присутствует в среде эмиграции и побуждает вести соответствующую практическую работу. В течение ряда лет этому уделяют внимание такие известные в диаспоре современные исследователи и бытописатели русской Франции, как А. Корляков, Б. Носик, Б. Карпов и др. В недавнее время сбережению наследия посвящали свою деятельность организации целевого характера, например «Ассоциация сохранения русских культурных ценностей» (Association pour la Conservation des Valeurs Culturelles Russes (APCOR)), видная роль в которой принадлежит князю Стефану

---

[1] Предыдущая часть этой статьи не публиковалась в газете «Русский очевидец», которая поместила только ее сокращенный заключительный раздел.

Белосельскому-Белозерскому, и Ассоциация «Корни» во главе с князем Константином Хогандоковым. Немало сделано и такими крупными структурами, как АРЕП под руководством М. Лебедева. Заметную координирующую роль в этой области играет возглавляемая им ныне Федерация русских ассоциаций (FAR), которая и ранее вносила здесь важный вклад под руководством своего первого президента С. Оболенского и сменившего его затем главы Земгора Ю. Трубникова.

Фото 52. Справа налево: кн. Белоссельский-Белозерский, кн. К. Хагондоков, братья Гофман, кн. Белоссельская-Белозерская, Н. Рутчковская, И. Моолостер. Сзади стоят кн. Г. Хакондокова и М. Якунин
© *Е. Якунина*

Хотя в недавнем интервью «Русскому очевидцу» М. Лебедев и посетовал на прошлый неуспех в деле создания музея эмиграции, однако нужно подчеркнуть, что предпринимавшиеся усилия не пропали даром, а заложили фундамент для дальнейшего развития этого проекта. К тому же, упомянутые организации отнюдь не утратили к нему интерес и не устранились от дел, а остались компетентными приверженцами этой инициативы.

Представляется, что с учетом современной динамики развития России и заметной эволюции самой российской диаспоры во Франции, а также, в первую очередь, благодаря конструктивному продвижению диалога между двумя странами, ярко проявившемуся в рамках российско-французского «прекрестного года», расширяются возможности реального создания мемориального музея на основе совместных усилий активных членов общины и при поддержке со стороны обоих государств и их меценатских кругов.

Музей эмиграции отнюдь еще не создан и пока далек от этого. Ведется только «нулевой цикл» проекта. И сразу изначально необходимо обозначить, что он представляется отнюдь не конкурентом или заменой существующих музеев, собраний и коллекций.

Задумываемый мемориал не должен брать на себя миссию отображения истории княжеских родов или различных видов императорских войск, корней первой эмиграции, ее дореволюционных предков. Эта честь принадлежит только самим ее представителям. Только прямые потомки могли и могут выступать от имени дореволюционного элитного офицерства, политических партий и интеллектуальных сообществ. Только они могли и могут создавать музеи и историко-архивные собрания для сбережения документов, реликвий и артефактов минувшей эпохи. Ни подменить их на этой стезе, ни сымитировать их наследие в новых структурах невозможно.

Основная задача создаваемого мемориала – достойно отобразить не элитную предысторию, а саму жизнь эмиграции уже во Франции, показать ее течения и объединения, ее мысли и лица, а также эволюцию ее взаимоотношений с Россией и Францией.

Нынешние россияне и экспатрианты, и даже некоторые эмигранты из более поздних «волн» могут плохо разбираться в династийных законах и геральдических правилах эмигрантских княжеских и графских родов или в особенностях воинской структуры, формы и состава лейб-гвардейских полков или морских служб. Потомки могут грешить нетвердым знанием имен дореволюционных генералов. Но, будучи членами нынешней земляческой общины, совестно не ориентироваться в истории ее борьбы за сохранение своего лица, за уважительное отношение к выходцам из России и за их достойное место в стране проживания.

Для всех значимых структур эмиграции предполагается сформировать в музее отдельные стенды-витрины, отображающие их прошлую и недавнюю деятельность, с тем, чтобы демонстрировать и популяризировать эмигрантские организации и их музеи и коллекции и, фактически, обеспечивать им дополнительную рекламу. Если по логике музейной экспозиции потребуются свидетельства о конкретных элементах

наследия, то в таких витринах вполне можно будет дать ссылки и прямые рекомендации посетить тот или иной музей. Только так можно предотвратить ненужный параллелизм и дублирование коллекций.

Вместе с тем, по мере упрочения своего статуса новый музей мог бы оказаться прибежищем для бесхозных, находящихся под угрозой утраты или предназначаемых на вывоз материалов, коллекций и архивов. Хотя часть таких наиболее важных и уязвимых музейных элементов традиционно передается для реставрации и хранения в Россию, эта тенденция представляется не всегда обоснованной.

Поскольку представители исторической и более поздней эмиграции в подавляющей своей части остались во Франции, где теперь живут и их потомки, есть смысл хранить и выставлять значимые для них ценности именно здесь, а не в России. К тому же, как ни парадоксально, тема эмиграции может привлекать гораздо больше интереса со стороны самих россиян, временно прибывающих в Париж, в том числе в качестве туристов, нежели у себя в стране. Там артефакты и документы наследия могут оказаться хоть и в сохранности, но в тени, если не в забвении, и почти наверняка не станут объектом такого паломничества, как это с большой вероятностью могло бы проявляться во Франции.

Предметом углубленного рассмотрения станет жизнь во Франции так называемой второй волны эмиграции, включающей, прежде всего, перемещенных лиц и бывших участников «смутьянных» и маргинальных воинских формирований. Это направление потребует особой научной тщательности, человеческого такта и уважительного отношения к их потомкам.

В рамках объединительной концепции музея достойное внимание необходимо уделить «третьей» волне эмиграции, пока недостаточно представленной в каких-либо общеэмигрантских музейных собраниях.

Без лишнего дублирования с существующими музейными учреждениями хотелось бы осветить и тему еврейской составляющей традиционной и более поздней российской эмиграции.

Не останется в забвении и нынешняя, чисто экспатриантская часть диаспоры во Франции. У нее тоже уже есть своя история, заметные организации и личности, с которыми будущему музею предстоит активно взаимодействовать.

Серьезного внимания заслуживает история жизни и деятельности представителей научно-интеллектуальных и творческих кругов эмиграции, лишенная пока надлежащего музейного обзора. Если удастся, то хотелось бы показать вклад российской эмиграции и диаспоры в научный и культурный прогресс Франции.

При всей неоднозначности подходов в самой российской диаспоре, необходимо в духе объективности и научной добросовестности осветить

культурное и идейное воздействие представителей эмиграции и их потомков на развитие ситуации в России, их профессиональное и деловое участие в ее жизни.

Широкого показа заслуживает также прошлая и нынешняя благотворительная деятельность ряда элитных и обычных ассоциаций диаспоры, оказывающих щедрую помощь неблагополучным группам населения в России.

Особое место в истории эмиграции занимает деятельность заграничных конфессиональных объединений и их руководителей, но эта тема является прерогативой соответствующих общин. И если они со временем сочли бы целесообразным включить этот весомый, если не ключевой, элемент в общую экспозицию, то это серьезным образом расширило бы горизонты музея.

Подытоживая, нужно подчеркнуть, что все перспективы и возможные достижения создаваемого музея будут зависеть, прежде всего, от заинтересованного сотрудничества с многообразными и все более взаимодействующими объединениями потомков российских эмигрантов и нынешних экспатриантов.

Михаил ЯКУНИН,
член инициативной группы по созданию музея эмиграции,
председатель ассоциации «Зарубежная Россия»

Отзывы: 3

Георгий, 21 декабря 2010 в 0:45

В семидесятых годах мне пришлось жить в Париже у одного одинокого русского белоэмигранта, который представился как командир пулеметной роты. Жил он одиноко. В профессиональной французской карточке он записал свою профессию – пулеметчик. По вечерам, он, ожидал меня после работы, чтобы начать очередной эпизод из военной жизни. В порыве воспоминаний, он восторженно восклицал: «А вы помните под Керчью, как нас красные обложили...» и т.д. Я ему вежливо напоминал, что я тогда еще не родился. Но через некоторое время история повторялась, и так изо дня в день. Через две недели я съехал с квартиры.

Так и сейчас потомки белой эмиграции ходят в церковь на рю Дару и не ходят в церковь Московской епархии на рю Петель, считая ее красной.

Давно существует Дворянское собрание в Москве, многие из них были на фронте борьбы с фашизмом, имеют боевые ордена, воспитывают молодежь. Но выходцы из дворянских сословий во Франции считают их красными, и отношения с ними мало сказать натянутые.

Великая княгиня Леонида в свое время была признана дворянским собранием в Москве и не признана в Париже и т.д. Эти и другие факты

говорят о глубоком противоречии в русской диаспоре. И тот факт, что в посольстве собралась публика, которая хочет особых привилегий, внимания, а возможно и средств со стороны российских властей для создания музея, говорит о проблематичности этого мероприятия при таком разбросе интересов.

bear, 27 декабря 2010 в 21:26

Ну, раз есть разброс интересов, то, слава Б-гу, эмиграция еще жива. В тот момент, когда разброс интересов исчезнет, это будет значить, что мыслящих людей в ее среде не осталось, что равносильно концу. Ну, а те, кто мыслят, во мнениях редко сходятся

Svoyak, 15 февраля 2011 в 11:09

Складывается впечатление, что мы, действительно, неоправданно много говорим об «элитной» эмиграции первой волны. Равно как и о роли Франции в качестве важнейшего очага эмиграции.

По существу, о классической, особенно «старой» эмиграции все главное уже сказано. Мы понимаем, что у России просто завершается короткий период романтического любопытства и идеализации «белой» эмиграции, которая на излете советского времени воспринималась как нечто элитное и «западное», поэтому ей уделялось некоторое, порой показное, внимание. По мере привыкания России к своему полуевропейскому окрасу «белая» эмиграция будет неизбежно блекнуть в ее глазах и начнет видеться тем, что она есть на самом деле.

А на самом деле уже сказано, что она кончилась – причем устами самих ее потомков (Капнист, Шереметев и др.). Фактически, русские изгнанники, в свое время в принципе отринувшие саму возможность возврата в любую Россию, уже тогда стали обычными иммигрантами среди прочих. Поэтому, строго говоря, речь следует вести не о наследниках русских эмигрантов, а всего лишь о потомках французских иммигрантов русского происхождения. Каких во Франции полно и с иным происхождением – арабским, польским, итальянским, португальским и пр.

Будет корректироваться и явно завышенная ныне оценка вклада «элитной» российской эмиграции в культуру и цивилизацию как Франции, так и самой России. И если о таком вкладе первого поколения эмигрантов еще можно с некоторыми поправками говорить, то это никоим образом не относится к их потомкам. Эти последние в значительной своей части имеют весьма не чрезмерное образование, за редкими исключениями не выделяются экзотически-русской гениальностью и едва ли могут похвалиться заметным следом или хотя бы некоторой известностью во Франции, а тем более в России. И уж конечно не много найдется каких-либо представителей эмиграции или их потомков, которым нынешняя Россия была бы особенно благодарна за поддержку своего народа в периоды войн, бедствий и разрухи.

Парадокс в том, что они до сих пор убеждены в том, что Россия и ее народ в целом провинились перед изгнанниками и так и не осознали этого с покаянием. Это проявилось и на торжественном вечере в Посольстве, посвященном 90-летию «Белого исхода».

К тому же, как-то мы все очень привыкли говорить о Франции как о месте, наиболее привлекательном для всех бедствующих. Таковой она во многом и была для эмигрантов первой волны. Чего нельзя в полной мере сказать о последующих ее волнах.

Для этих новых потоков Франция уже не была основным центром притяжения и укрытием от бед. С послевоенного периода и поныне для выходцев из России, как и для большинства экспатриантов из других государств, кроме арабских и некоторых других франкоязычных стран, Франция отнюдь уже не является главным маяком, светочем и прибежищем для гонимых. Эту роль давно и прочно перехватили или, по крайней мере, делят с ней, даже чисто статистически, США, Великобритания, Германия и Италия.

2 декабря 2010 г.
Мы нужны Марии Григорьевне
Старческому дому Земгора 60 лет

Земгор для россиянина – что-то неизмеримо далекое и уж точно не из его жизни. Для русского, выросшего во *Франции*, это реалии его детства и сегодняшнего дня.

Но если быть точным, *Земгор* был действительно создан на заре прошлого века, в 1915 году. Его основной задачей основатель князь Г.Е. Львов видел оказание помощи участникам Первой мировой войны и их семьям.

В зарубежье началась вторая жизнь *Земгора*, его отделения открывались в европейских городах, куда судьба забрасывала русских беженцев. Только теперь уже российский Земско-городской комитет помогал своим гражданам за границей.

После Второй мировой войны Европа разделилась на два лагеря,

Фото 53. Панно у входа на территорию дома Земгора © Е. Якунина

и в ее восточной части Земгоры были закрыты. Но во *Франции* работа не прекращалась. Как и в довоенное время, помощь оказывалась в первую очередь больным, старикам, детям.

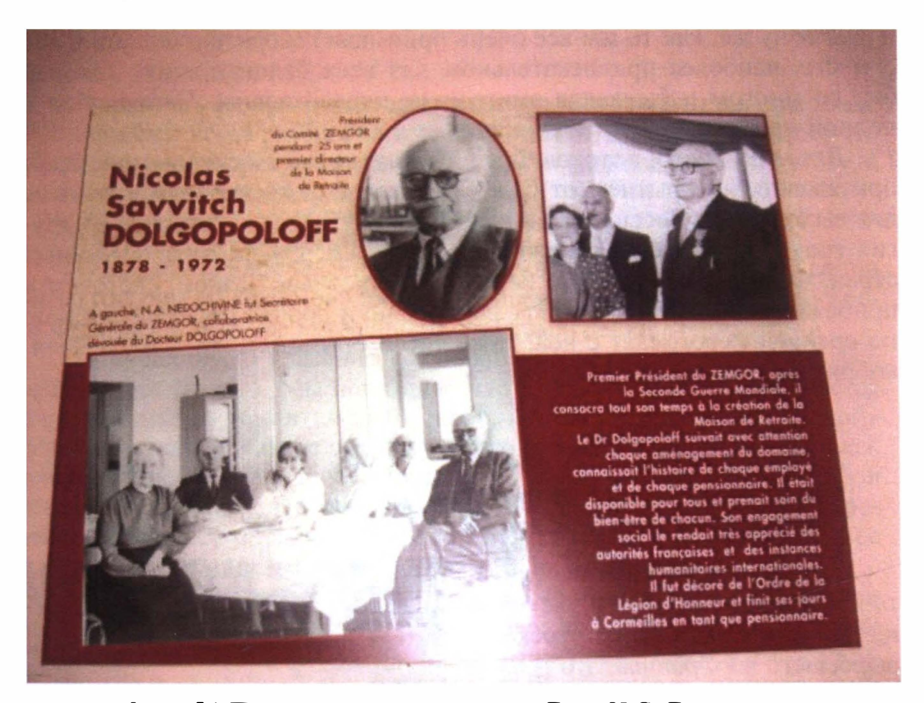

Фото 54. Память о первом директоре Дома Н.С. Долгополове
© Е. Якунина

Созданная в 1947 году Организация Объединенных Наций активно занималась беженцами в Европе и выделяла средства самым разным общинам: армянам, евреям, полякам.

Русским она помогла купить два с половиной гектара земель с постройками в *Кормей-ан-Паризи*, что в 25 километрах от Парижа. Там в 1950 году открыли русский старческий Дом *Земгора*.

В нынешнем декабре Дому исполняется 60 лет.

Самым известным во *Франции* всегда был русский старческий дом в Сент-Женевьев-де-Буа. Но самым большим по русскоязычному составу остается, все же, земгорский дом в Кормей. Сейчас там из 200 пансионеров 35 русских.

В 2008 году старческий дом в *Кормей-ан-Паризи* пришлось передать филантропическому обществу. Причины на то были самые объективные:

зданиям, а их теперь уже четыре (три жилых плюс корпус, где пожилые люди проводят дневное время), нужен ремонт, они устарели и не отвечают нынешним нормам. В 50-е годы не было острой нужды устанавливать в каждой комнате душ, коридоры были узкими, и современным инвалидным креслам теперь в них не развернуться. Сейчас необходимые суммы получены, и в будущем году начнется ремонт.

Уже два года старческий дом в *Кормей-ан-Паризи* возглавляет французская администрация, но члены Земгора трудятся в полном с ней согласии. Традиции живы: по-прежнему открыта русская гостиная, проходят праздники и православные богослужения. Русский язык и обычаи бережно сохраняются.

Фото 55. Ю.А. Трубников, директор Дома М. Анри-Брено, А. Думлер, А. Шестопалов ©Е.Якунина

Дом гордится тем, что у него есть своя собственная кухня, на которой каждый день стряпают повара-французы, всеми силами старающиеся сберечь русские рецепты. Те самые, которые завещали им бывшие пансионеры. А на Пасху на кухню поступают заказы на куличи и извне.

На территории, приобретенной *Земгором*, ранее находился католический монастырь. Уходя, монахи оставили русским свою церковь. Вот уже 60 лет здесь висят православные иконы. Из центра *Франции*, где закрылась православная церковь, привезли иконостас. Много церковных реликвий подарили прихожане. Службы проводит отец Евгений, исправно приезжающий каждую неделю из собора на рю Дарю.

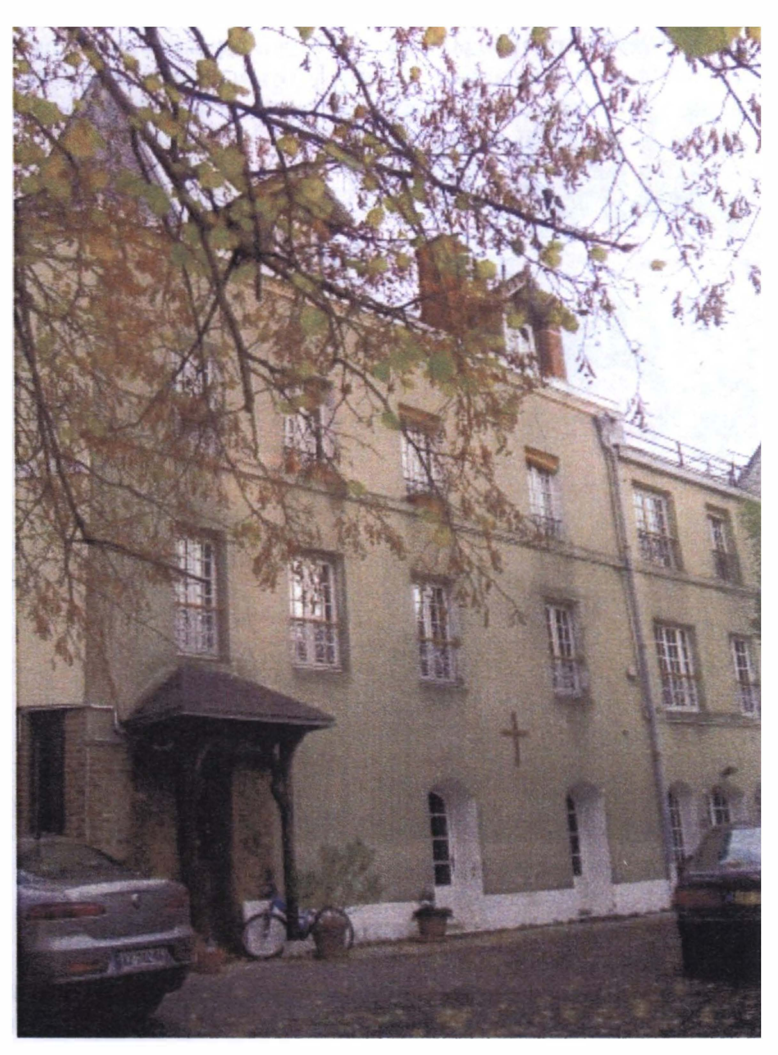

Фото 56. В этом здании находится церковь
© Е. Якунина

Фото 56. В этом здании находится церковь
© Е. Якунина

Фото 57. Читальня
© Е. Якунина

В библиотеке около трех тысяч книг, в коридорах стены увешаны картинами. «Это все наши пансионеры писали», – с гордостью рассказывает Андрей Шестопалов, заведующий приемным отделением.

Русское население любого французского старческого дома постоянно уменьшается. Потомков первых двух волн сменяют родители экономических мигрантов.

Всего один пример – Мария Григорьевна. Пожилая мама приехала из Сибири к дочери, которая была замужем за французом. Дочь погибла. Мать, не знавшая французского языка, оказалась в Кормей-ан-Паризи. Деревенская женщина страшно скучала, и ей помогли – разбили небольшой огородик, на котором она теперь выращивает помидоры и разную зелень. В конце ноября на ее яблоне еще висели редко-

го гранатового цвета яблоки. Аня Думлер сорвала мне два самых красивых.

Фото 58. Час русской песни. А. Думлер и А. Шестопалов
© Е. Якунина

Аня работает здесь тринадцать лет. Ведет художественное ателье, рисует и лепит с пансионерами. После обеда поет под гитару русские песни. Их приходят слушать и французы, хлопают и подпевают без слов.

Председатель *Земгора* Юрий Александрович Трубников входит в совет директоров Дома в *Кормей-ан-Паризи*.

Юрий Александрович рассказал мне о первом послевоенном председателе *Земгора* и первом директоре старческого дома *Николае Саввиче Долгополове*.

О том, что и в XXI веке *Земгор* по-прежнему помогает молодежи – Витязям, РСХД – в организации летних лагерей, а также Богословскому институту и школе на рю Дарю. Отвечает на отдельные запросы

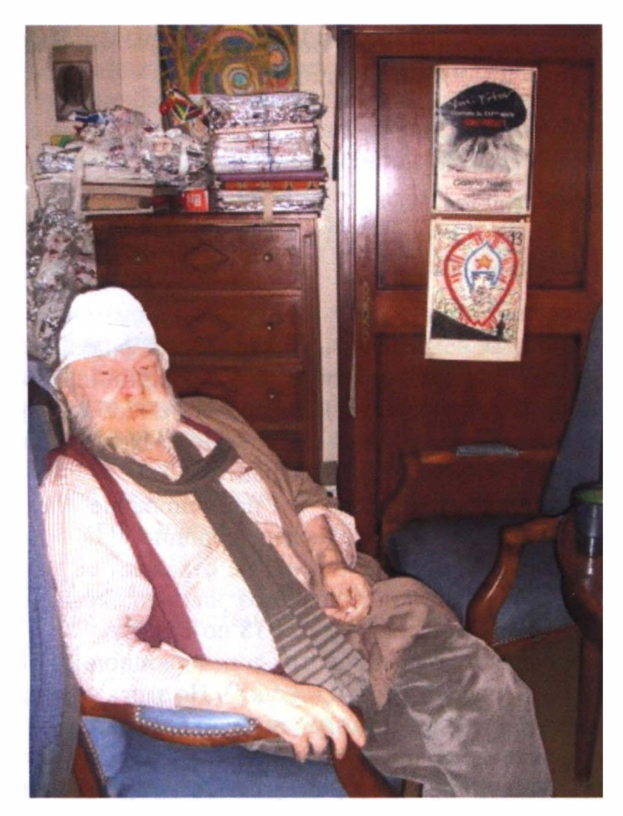

Фото 59. Художник Ю. Титов на фоне своих работ
© Е. Якунина

Пока мы разговаривали, подошла Ольга Александровна, сестра Юрия Александровича. Она приезжает каждую неделю навещать одиноких стариков.

Я шла на железнодорожную станцию и грызла яблоки Марии Григорьевны. Они были очень сладкие.

Елена ЯКУНИНА

Отзывы: 16

Галина Карпусь, г.Уфа, 2 декабря 2010 в 15:13

Елена, благодарю за материал – получился пронзительным. Почувствовала атмосферу этого дома, заботу, любовь к одиноким людям... Это особая степень развития духа, когда есть силы и желание помогать

другим, слабым, беспомощным. Ваш материал – монетка в копилку такого служения. Помоги вам, Господи!

Elena, 2 декабря 2010 в 15:22
Галина, спасибо Вам!

Владимир, 3 декабря 2010 в 7:33
Очень серьезная и нужная статья. Проникает в самое сердце. Есть над чем задуматься многим!

Bear, 3 декабря 2010 в 14:38
В хорошей статье встретилась, к сожалению, фраза, смешивающая в кашу две принципиально различные эмиграционные волны и два разных термина. Цитирую: «Русское население любого французского старческого дома постоянно уменьшается. Потомков первых двух волн сменяют родители экономических мигрантов».

Так уж сложилось в истории, что наименование «первая эмиграционная волна» закрепилось за послереволюционной эмиграцией (ее еще называют «белой», но этот термин не отражает ее многообразия). Фактически, к ней причисляют и более поздних невозвращенцев. Во всяком случае, она охватывает период с 1918 по 1939 гг.

При таком подсчете очевидно, что дореволюционная волна как бы лишается номера или получает № 0 («ноль»). Но здесь никуда не деться – язык не переделаешь, какие бы аргументы ни приводить.

«Вторая волна» – это перемещенные лица (ДиПи), которые охватывают, практически, все категории: узники лагерей, военнопленные, угнанные либо добровольно уехавшие на работы в Германию, беженцы от Красной армии, бойцы различных маргинальных соединений (как сотрудничавшие с Германией, так и воевавшие против нее) и т.п.

Третья волна, к «экономическим мигрантам» не имеющая никакого отношения, начинается со второй половины 1950-х. Она, в основном, еврейская и диссидентская.

С конца 1991, с развала СССР, берет свое начало 4-я волна. Лишь только в ней можно найти «экономических мигрантов», но они отнюдь не превалируют. Основную ее массу составляют национальные потоки – еврейский, немецкий, греческий. Есть менее массивные – финский, шведский, испанский. Даже французский. Безусловно, экономические интересы здесь играют свою роль, но причины миграции этих людей к экономике не сводимы.

В этой волне есть, как минимум, еще три потока:

А) Беженцы из конфликтных районов (чаще всего русские, но не только – евреи, армяне).

Б) Профессиональная миграция/эмиграция. Охватывает специалистов высшей квалификации вне этнических рамок. Их перемещения определяются не экономическими мотивами, а желанием выжить профессионально. Как правило, при своей квалификации экономически выжить они могли бы и в России, но, сменив род деятельности.

В) Учебная миграция/эмиграция.

Ну что ж, те, которые остаются за вычетом этих потоков, могут быть признаны «экономическими мигрантами», в том числе и в своей криминальной части.

Но теперь загвоздка со вторым словом: «мигрант» – человек, который уезжает на время – заработать, обучиться и т.п., не порывая, как правило, корней и будучи готов к возвращению, «если карта не лягет». Но вот те из них, кто перевозит в страну временного проживания своих престарелых родителей (преодолевая, замечу, фантастические сложности), переходят границу: из мигрантов они превращаются в эмигрантов.

Т.о. «родителей экономических мигрантов» в этом старческом доме, скорее всего, нет – речь идет о представителях других категорий.

Ну, а случай с Марией Григорьевной – достаточно уникален. Впрочем, если ей дали остаться во Франции, то дочь, скорее всего, уже имела французское гражданство, и из «мигрантки» успела превратиться в «эмигрантку».

Роман Федоров, 4 декабря 2010 в 12:08

Большое спасибо за эту статью. Я всю жизнь прожил в Сибири и в годы моей юности, прошедшей в советское время, культура русского зарубежья всегда казалась чем-то далеким и запретным. По-настоящему я смог ее открыть лишь сравнительно недавно, когда познакомился с рядом потомков ранних волн русской иммиграции во время поездки в Америку, а также сопровождая группу приехавших в Тобольск православных паломников из США и Австралии. Общаясь с ними, я был глубоко удивлен их бережным отношением к родной культуре и вере. Помню, как меня растрогал рассказ родившегося в Харбине потомка русского дворянина о том, что он каждый день своей сознательной жизни молился о России, а сам увидел родину своих предков лишь когда ему исполнилось 67 лет. Я считаю большим подвигом то, что этим людям, оказавшимся в вынужденном изгнании, на протяжении столь длительного времени удалось пронести через свою жизнь особую стать и благородство, бравшие свое начало еще в дореволюционной России. К сожалению, сегодня большинство носителей этой культуры относятся лишь к самому старшему поколению, тогда как их потомки чаще склонны перенимать культурные ценности, язык и образ жизни своей новой родины. Поэтому сейчас столь важна забота русских общин за рубежом

об их наиболее старших представителях, которые еще продолжают оставаться олицетворением этой культуры. Было бы очень хорошо, если бы какие-нибудь энтузиасты записывали и систематизировали воспоминания обитателей таких домов, которые еще хранят, как множество драматических эпизодов нашей истории, так и малоизвестные, но несомненно важные страницы русской истории и культуры.

Георгий, 5 декабря 2010 в 2:03

Несколько недель назад в газете «Русская Мысль» появилась статья о бедственном положении пожилых людей находящихся в этом старческом доме Земгор. Они обратились в полицию потому что их перестали обслуживать, а Вы утверждаете, что все хорошо и мило даже фотографии прикладываете.

Кто же из вас говорит правду!!!

Сегодня в составе русской диаспоры во Франции много пожилых людей нуждающихся в помощи, о них просто забыли. Они не крутятся у высоких сановников на виду и не могут за себя постоять, в нужде и забвенье коротают свои дни. Постоянная болтовня о волнах, потоках эмиграции разделяет и без того неоднородную русскую массу людей во Франции, кому-то это очень надо. Девиз «разделяй и властвуй» как нельзя лучше подходит для этого случая. Постоянное сюсюканье о потомках первой эмиграции как выдающихся личностях только подливает масло в огонь человеческих отношений. Многие пожилые люди, отдавшие России свои лучшие годы, сегодня влачат жалкое существование, они не нужны ни своему Отечеству, ни Франции.

Елена Якунина, 5 декабря 2010 в 12:02

Уважаемый Георгий.

К сожалению или к счастью я не читала статьи в «Русской мысли» об обращении пансионеров в полицию. Тем более странно, что приехав в старческий дом, я там была представлена как французский журналист, и ни один из обитателей дома ко мне не подошел с просьбой или вопросом.

Я описала лишь то, что видела своими глазами. Сомневаюсь, что французские работники, которые обслуживают пожилых людей, как-то специально изменили свое отношение к ним на время моего визита. Мария Григорьевна встретилась нам в столовой, я какое-то время находилась у русского стола, потом зашла в гостиную, где пансионеры слушали песни под гитару. Без предупреждения постучалась к художнику Ю. Титову и была приятно удивлена очень приличной обстановкой его комнаты.

Я провела в старческом доме полдня и своими впечатлениями поделилась с читателями.

По поводу второй части комментария: я совершенно с Вами согласна. Не нужны эти деления на бывших и советских. Во всяком случае, теперь. Необходимо заботиться о всех русских людях, и Мария Григорьевна – хороший тому пример.

bear, 5 декабря 2010 в 17:53

К вопросу о «делениях»,

Mesdames, Messieurs,

вы путаете исследовательские понятия явлений, которые существуют вне нашего с вами желания и обладают существенными признаками, отличающими их друг от друга, и политическим использованием этих понятий.

Приведу пример: существуют расы – т.н. «большие» и «малые», а также этносы. Но использование тех и других понятий в политических целях привело к возникновению расизма, достигшего своей «высшей» стадии в нацистской Германии. Аллергическая реакция общества на расовые теории нацистов, в свою очередь, привела к закрытию всех исследований по расам (антропологических, социо-психологических, генетических и т.п.) и очень многих исследований в области этнологии на долгие десятилетия, чем был нанесен колоссальный урон человеческой цивилизации в целом. Идеологическое давление здесь и сейчас чрезвычайно велико, выступая под маркой «politically correct» и препятствуя изучению реалий, от политической корректности не зависящих.

Т.о., если мы хотим изучать эмиграцию и происходящие в ней процессы, мы с неизбежностью будем вынуждены учитывать «волны» и их особенности (иначе диссиденты у нас окажутся «экономическими мигрантами»), а если мы занимаемся благотворительностью или культурной деятельностью, то для нас происхождение различных представителей российской диаспоры никакой роли играть не должно.

elena orlova, 6 декабря 2010 в 18:32

Прекрасная статья и грустная – уходят поколения, и хотя традиции остаются, многое исчезает безвозвратно. Хорошо, что теперь можно полнее познакомиться с жизнью русских эмигрантов во Франции – долгое время эта тема была закрытой. Спасибо!

Георгий, 7 декабря 2010 в 1:09

Уважаемая Елена, допущено разночтение в информации о проблемах по старческому дому Земгор опубликованных в статье Р.М. от 8-14 октября, и в Вашей информации. Видимо, администрация, с которой Вы встречались, вряд ли была заинтересована в показе «грязного белья», тем более журналисту.

Что касается пожилых людей и пенсионеров, эта проблема нарастает как снежный ком. На это обстоятельство обратила внимание Организация Объединенных Наций, объявив 10 сентября днем пожилого человека. Сегодня во Франции, по данным по данным института INSEE за 2010 год, проживает 7,5 млн человек в возрасте более 65 лет при населении 64,667 млн. Сколько из них французов русского происхождения и россиян, постоянно проживающих во Франции, никто не подсчитывал. Во всяком случае, выходцев из России и стран СНГ в Европе, по скромным подсчетам, проживает более 13 млн человек из них лиц старше 65 лет более 2 млн человек. До сих пор подобная статистика никого не интересовала, но с течением времени и дальнейшей глобализацией она будет иметь политический и экономический статус. Что касается русских во Франции, то такое понятие, как эмиграция, во Франции давно не существует, подросло уже четвертое поколение русских, коренных французов. Однако некоторые элементы продолжают цепляться за старые понятия, исходя из выгоды чем-то выделиться. Франция и Россия имеют республиканскую форму правления.

К сожалению, пожилые люди не дают о себе знать, пока не случается катастрофа. Во Франции не принято спрашивать, сколько ты получаешь и за кого голосуешь, поэтому скромные пенсионеры, живущие на жалкую пенсию стесняются ее назвать. Безусловно, эта категория лиц нуждается в моральной и материальной поддержке, юридической консультации и т.д.

Большие деньги России направляются на поддержку русского языка за рубежом, но пожилых носителей этого языка забыли. Тема пожилых людей русского происхождения, наверное, должна иметь продолжение.

В Париже создан комитет пожилых людей и пенсионеров он находится в начальной стадии организации.

bear, 7 декабря 2010 в 13:33

Уважаемый Георгий, хотелось бы внести комментарий в Ваш текст с достаточно интересными статистическими данными.

«Что касается, русских во Франции, то такое понятие как эмиграция во Франции давно не существует, подросло уже четвертое поколение русских, коренных французов.»

Прекрасный пример того, как оперирование даже в обычном тексте не совсем точным термином приводит к ложным выводам, которые являются основой для действий, далеких от академической науки. Пока Вы оперируете исключительно понятием “эмиграция”, Вы оказываетесь в тупике: ну нетути эмиграции давно, и тогда ваааще о чем стук?

В действительности, мы имеем дело с диаспорой, которая охватывает собственно эмигрантов, их потомков в той мере, в которой они

причисляют себя к этой группе (как бы они ее ни называли) или, хотя бы, ощущают связь с ней, и мигрантами, которые осуществляют постоянную связь диаспоры со страной исхода. Диаспоры могут существовать тысячелетия (даже после исчезновения страны исхода): еврейская, ассирийская (ассоры), цыганская, или столетия – армянская. И попробуйте кому-нибудь из них сказать, что они не существуют, ибо за пределами страны исхода их «подросло уже четвертое поколение»...

«однако некоторые элементы продолжают цепляться за старые понятия, исходя из выгоды чем-то выделиться.»

Впервые слышу, что осознание принадлежности к своим корням дает какие-либо выгоды, кроме риска оказаться в очередном погроме, если не сейчас, то когда-нибудь (замечу, что ни одна из перечисленных выше этно-конфессиональных групп в своей истории оных не избежала, как и собственно русская эмиграция, хотя и в несколько иной форме).

«Франция и Россия имеют республиканскую форму правления.»

А вот здесь Вы меня, несомненно, убедили. Это несокрушимый аргумент в пользу исчезновения эмиграции. И да здравствует всеобщая манкуртизация!

Танфильев Вадим Гаврилович, 30 марта 2011 в 17:03

Спасибо за интересную статью. У меня в этом доме, возможно, проживал дальний родственник – Танфильев Сергей Александрович. Умер он 1 января 1962 года, и его могила находится на городском кладбище (информация с сайта kortic.borda.ru – журнал \"Кортик\"). Подскажите, пожалуйста, как выйти на этот Дом, чтобы получить информацию о Сергее Александровиче (возможно, сохранились архивы). С уважением, Танфильев.

Отдельные отзывы на другие статьи в газете «Русский очевидец» (http://rusoch.fr)

«О войне, о Победе», 6 мая 2010 г., автор Елена Якунина

Отзывы: 28

bear, 6 мая 2010 в 20:43

Этот вопрос стоит задавать всегда совместно с другим вопросом:

а) Кто начал Вторую мировую войну? Или, вариант, пожалуй, более точный: Какие союзники начали Вторую мировую войну?

б) Кто победил (какие союзники победили) во Второй мировой войне?

С просьбой расставить их «по старшинству», т.е. с учетом вклада каждой страны.

Думаю, что ответы на второй вопрос окажутся значительно более однозначными, а вот на первый будут разниться не столько из-за знания фактов, сколько из-за идеологической принадлежности.

Мой ответ:

а) Германия в союзе с Советским союзом;

б) Советский союз с западными союзниками, в последовательности: США, Англия, Франция (затем остальные).

Далее с неизбежностью последуют вопросы: а против кого она была начата? И против кого закончена? А были ли среди тех, против кого она была начата, так и не выигравшие? и т.д.

Антон, 7 мая 2010 в 12:19

По вопросу (а) ответ уж очень, помилуйте, упрощенный. Сильно попахивает пропагандой. Уж хотя бы потому, что в этом списке (если не во главе его) тогда уж должна стоять и Польша, которая агрессивнее всех захватывала территории соседей именно на предвоенной фазе, даже вопреки сдерживающим намекам и Германии, и Англии с Францией. Фактически, она первая провокационно пошла против всего мира. А Германия с СССР военными союзниками едва ли были.

Ну, и еще из такого ответа должно следовать, что все остальные-то были белыми и пушистыми. Как-то это не очень клеится. Скорее это была все же нормальная кровавая склока на коммунальной квартире, где все были хороши! Такие были времена. И едва ли они завершились.

А в совокупности ваших ответов (а) и (б) вырисовывается гениальность Советов: получается, что они войну начали и стали главными победителями. Т.е. сыграли по-взрослому. Может быть, так

Полностью с вами согласен в отношении последних вопросов, оставшихся без ответа. Они, наверное, и есть самые главные. Возможные ответы – тоже баррикадно противоположные. А уж самый заключительный нюанс для меня лично даже и совершенно нов. Неслабый ход мысли. Шапо.

Ольга, Брно, 7 мая 2010 в 13:25

«Наверное, нашим исследователям и преподавателям надо исправить знания, а еще важнее – написать или снять новую ориентированную на Европу эпопею для широкой публики, которая показывала бы настоящую роль и огромную цену, заплаченную русскими для спасения всей Европы, то есть и Западной, и Восточной,

Я полностью согласна с Дмитрием КОШКО.

Уважаемый bear! А что Вы скажите о I Мировой воине? Кто ее начал? И кто выиграл? Сколько русских погибло в той войне?

Любая война это – СМЕРТЬ и ГОРЕ, которое несут ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ маленькие людишки стремящиеся стать ВЛАСТЕЛИНАМИ МИРА :(((

Сейчас речь идет о ПАМЯТИ, о том, чтобы последующие поколения знали, какой ценой достался МИР на нашей планете.

Политики, как бы они не хотели - не могут исказить прошлое, т.к. народную ПАМЯТЬ уничтожить НЕВОЗМОЖНО.

В Чехии, Моравию освобождала Советская Армия и, ежегодно, в конце апреля по всей Моравии чтут память погибших, проходит реконструкция сражения в Орехове (около Брно), а еще в Чехии военно-исторический клуб делает реконструкцию Курской Дуги.

Несмотря на советскую «оккупацию» после окончания II Мировой войны и события 1968 года – чехи не искажают исторические факты, связанные с этой войной.

Между прочим, около Брно (12 км) 2 декабря 1805 г. произошло сражение «Трех императоров» – «АУСТЕРЛИЦ», там у мемориала «МОГИЛА МИРА» ежегодно проходит реконструкция сражения.

Так что то, что касается ПАМЯТИ, так французам надо брать пример с чехов, да и остальным тоже.

Bear, 7 мая 2010 в 17:11

Антон: По вопросу

(а) «Ответ уж очень, помилуйте, упрощенный. Сильно попахивает пропагандой. Уж хотя бы потому, что в этом списке (если не во главе его) тогда уж должна стоять и Польша, которая агрессивнее всех захватывала территории соседей именно на предвоенной фазе, даже вопреки сдерживающим намекам и Германии, и Англии с Францией. Фактически, она первая провокационно пошла против всего мира».

Ну, что ж, вот Вы и начали отвечать сами на вопрос, и причем очень неожиданно. Где же здесь пропаганда, уважаемый? Это не ко мне. Я профессиональный историк, а не пропагандист. Другой вопрос, что в дискуссии я могу спровоцировать ответ, который мой оппонент сам не ожидает. Ну, так это профессионализм полемиста. Однако Вам в Вашем ответе мешает официально признанная граница начала войны: 1 сентября 1939. Ни расчленение Чехословакии, в которой Польша принимала самое активное участие в союзе с гитлеровской Германией, ни бомбежки ею чехословацких городов в границы 2-й мировой войны не вписываются. Отсюда Польша, с неизбежностью, оказывается жертвой. Но есть такое понятие: «виктимное поведение», которым жертва провоцирует акции в отношении нее. И, надо сказать, что Польша постаралась. У меня есть неопубликованная работа об этической ответственности в истории: так вот, Польша сделала все, что могла, чтобы произошло то, что произошло.

«А Германия с СССР военными союзниками едва ли были.»

Вы хотите опровергнуть два договора – августа и сентября 1939 г., где они не только договариваются о ненападении, но и о любви, дружбе, союзе; делят сферы влияния, в рамках которых и ведут свои действия еще почти два года? Попробуйте.

А Вам никогда не приходило в голову, что от Пакта Молотова-Риббентропа выиграло (на тот момент) еще одно государство? Литва, которая по условиям пакта получила Вильно и Виленский район, взяла и не поперхнулась, тем самым признав этот пакт?

«Ну, и еще из такого ответа должно следовать, что все остальные-то были белыми и пушистыми.»

Да????? И где же я на то намекаю? Из Вашего ответа следует, что вот Польша таковой не была. А я еще показываю Вам Литву. Можно, ведь, дальше... Заявляя о «белых и пушистых», Вы отвечаете не на мой вопрос, а на те стереотипы, которые он вызвал в Вашем сознании. А затем сами начинаете отвечать. Но, как бы мы не отвечали, 1 сентября свои военные действия против Польши начал ее бывший союзник (по договору от 1934) – Германия. 3 сентября войну Германии объявили Франция и Англия. А 17 сентября в Польшу вступила Красная армия, чтобы в полном согласии с Вермахтом добить польскую армию, еще продолжавшую безнадежное сопротивление, и разделить страну. И никуда от этого не деться. Причем сделано было гениально: Франция и Англия выпустили весь свой и так малый военный пыл своим объявлением войны Германии и не решились того же сделать Советскому Союзу. Сталин поимел всех: и с Германией в союзе выступил, и сохранил дип. отношения с ее противниками. Гениальный

«Как-то это не очень клеится. Скорее это была все же нормальная кровавая склока на коммунальной квартире, где все были хороши! Такие были времена. И едва ли они завершились.»

Вы абсолютно правы, и действия «союзников» во время и после войны это доказывают, что, тем не менее, не мешает нам определять, кто, в какое время и с кем был союзником, кто что начал и кто что завершил. К определению этих вещей моральные критерии просто не имеют отношения.

«А в совокупности из ваших ответов (а) и (б) вырисовывается гениальность Советов: получается, что они войну начали и стали главными победителями. Т.е. сыграли по-взрослому. Может быть так и

Вы абсолютно правы.

«...Неслабый ход мысли. Шапо.»

Я рад, что мои вопросы и ответы кого-то заставили посмотреть на события с неожиданной стороны.

Антон, 7 мая 2010 в 18:20

Уважаемый Bear (полагаю, что правильно обращаюсь в мужском роде). Злоупотреблю еще немножко виртуальной печатной площадью газеты. Похоже, мы с вами толкуем на одном языке. Что отрадно. А ради научной педантичности, и скорее для тех возможных читателей, которые не очень в теме, позволю себе только добавить что военного союза – по образцу польско-английско-французских – с Германией у СССР не было. Его скорее можно назвать «братским». А потом они по-братски порубились, а позднее, т.е. ныне, опять помирились. Все

А про «виктимную» (верно сказано) Польшу нужно тоже уточнить, что перед началом войны она умудрилась замахнуться не только на чехов, но и на Венгрию, а несколько ранее не постеснялась территориально пощипать вообще почти всех своих соседей, включая Германию и Россию. Было отчего им всем расстроиться. Тут я с вами опять же полностью солидарен.

И, опять же, вы правы, что Польша войну не начинала. По указанным вами срокам начала войны даже советско-финская война – это еще не Мировая. А значит хронологически все же начали Германия, Англия и Франция. Звучит забавно – прямо Совет Европы. Тут, наверно, важнее, не кто начал, а кто организовал. Тогда участников затеи становится довольно много.

Про Литву я бы даже сильнее сказал: она выиграла, конечно, по Пакту, но и по доброй воле СССР, который эту территорию ей «отказал» с барского плеча, хотя и не был напрямую обязан (может я

Спасибо, что поделились своими богатствами.

Призываю редакцию, просить вас обнародовать в газете хоть маленькую толику из неопубликованного творчества, но, понятно, не в ущерб вашему более общему труду.

bear, 8 мая 2010 в 1:07

АНТОН: «военного союза – по образцу польско-английско-французских – с Германией у СССР не было. Его скорее можно назвать «братским». А потом они по-братски порубились, а позднее, т.е. ныне, опять помирились. Все как у людей».

И здесь Вы правы. Были лишь договор о ненападении, раздел сфер влияния (августовский) и договор о дружбе и сотрудничестве, в т.ч. военном и органами: Гестапо-НКВД (сентябрьский). Однако это никак не мешает говорить об их союзном взаимодействии с 1 сентября 1939 г. по 21 июня 1941 г.

АНТОН: «А про «виктимную» (верно сказано) Польшу нужно тоже уточнить, что перед началом войны она умудрилась замахнуться не только на чехов, но и на Венгрию, а несколько ранее не постеснялась

территориально пощипать вообще почти всех своих соседей, включая Германию и Россию».

А также Литву

АНТОН: «И, опять же, вы правы, что Польша войну не начинала. По указанным вами срокам начала войны даже советско-финская война – это еще не Мировая».

Ну, почему же: ноябрь 1939 – март 1940. Как раз Мировая, начавшаяся 1 сентября 1939. Сталин разбирается в рамках своей сферы влияния, определенной пактом Молотова-Риббентропа. Прибалтику и Бессарабию прихватывает почти что мирным способом. Так и Гитлер почти не вел боевых действий в Дании, если не считать горстки гвардейцев в медвежьих шапках с аркебузами, которые единственные выступили против немецких танков на улицах Копенгагена – честь не позволяла иначе; да и в Люксембурге, где по легенде в бой вступила одна герцогиня: перегородила своей каретой мост, чем задержала передвижение войск на полдня, а после, когда немцы на руках перенесли карету с герцогиней в сторону, не вылезая из нее, уехала в эмиграцию. В сфере влияния Сталина единственным достойным человеком оказался Маннергейм, не запятнавший себя ничем – ни до, ни после. Один из немногих, кто сберег честь российского офицера: глупости творил (во время Гражданки); подлостей же за ним не

Кстати, после войны, когда союзники совершали преступления в угоду Сталину, выдавая ему сотнями тысяч и миллионами (SIC !) и перемещенных лиц, и старых эмигрантов, единственный правитель, который сохранил свою честь, оказался опять из карликового государства: князь Лихтенштейна. Опираясь на свои мощные вооруженные силы численностью в 12 полицейских, он послал по тому самому адресу советскую репатриационную миссию, чем спас несколько тысяч человек, которые не хотели возвращаться обратно. И Вы знаете, миссия пошла... Ни Англия, ни Америка этого сделать так и

АНТОН: «А значит хронологически все же начали Германия, Англия и Франция. Звучит забавно – прямо Совет Европы».

И все-таки: начала Германия, получив пактом гарантии от СССР (без них бы не начала). Англия и Франция выступили против. Затем выступил СССР в качестве союзника Германии (пусть и «братского»). И то, что мы до сих пор спорим об этом, подтверждает гениальность «Кремлевского горца» (начавшего захват Польши чуть позже – ему было без разницы, территории все равно заранее были определены, и немцы, захватившие больше чем полагалось, передавали территории Красной армии), как и то, что Англия и Франция не решились объявить

ему войны. Дальше ведь больше: советский представитель был при Виши. А, затем, он же (Богомолов, тот самый, что после войны отлавливал эмигрантов обеих волн) – при де Голле. Талейран, знаменитый по своему по цинизму, – мелкий простачок перед ними.

АНТОН: «Тут, наверно, важнее, не кто начал, а кто организовал. Тогда участников затеи становится довольно много.»

Да нет, наверное. Как только кто-то заговаривает об «организации» чего-то всемирного (как война, например), тут же встают химеры всемирных жидо-масонских, фашистских, коммунистических и пр. заговоров, к реалиям отношения не имеющим. Скорее, можно говорить, кто спровоцировал. Дело в том, что спровоцировать можно достаточно случайно, не ожидая последствий, просто желая отхватить что-то у соседа. И пример

АНТОН: «Про Литву я бы даже сильнее сказал: она выиграла, конечно, по Пакту, но и по доброй воле СССР, который эту территорию ей «отказал» с барского плеча, хотя и не был напрямую обязан (может я что и путаю)».

А про добрую волю Германии и ее барское плечо Вы как-то забываете. Причем вначале Сталин, затем Гитлер, затем опять Сталин поимели эту Литву вместе с ее Виленским районом. Но дело в другом: требуя после развала СССР денонсации советско-германского пакта, Литва как-то забывала, что в этом случае она должна была бы передать свою столицу любимой Польше.

Прошу прощения, быть может за не совсем парламентские выражения, но вспоминается классический анекдот, заканчивающийся сентенцией: «Так б..., Сэр». Надеюсь, что модератор эту фразу не выкинет: она точно отражает реалии.

Борис, 8 мая 2010 в 22:51

Во Франции каждая годовщина со времени начала Второй мировой войны стоит под знаком неразрешимого противоречия. С одной стороны, Франция, как известно, держава-победительница! Но с другой, Франция – единственная из четырех союзных держав, которую Вермахт оккупировал, завоевав страну, и в которой в течение четырех лет оккупации у власти находилось профашистское правительство

Коллаборационизм с профашистским режимом Виши носил массовый характер. Очень многие французы прошли войну в униформе Вермахта. И британский представитель, увидев на Нюренбергском процессе французскиого представителя в роли обвинителя, вскричал: «ОНИ что здесь делают!?»

Толян, 9 мая 2010 в 1:00

Общая доля вклада в победу во Второй Мировой, наверно, примерно равная у СССР и США/Великобритании.

США и Британия вели сверхдорогостоящую морскую войну.

США обеспечил СССР половиной пороха, алюминия, рельсами, грузовым автотранспортом, радиостанциями, заводами, шинельным сукном, ботинками, тушенкой, да всего не перечислишь.

65 процентов немецкой истребительной авиации всегда были на Западе.

Да и фронт на Западе в 1944 году был плотнее, чем Восточный фронт.

Если считать вклад в войну только количеством бездарно загубленных своих граждан, то у СССР тут нет конкурентов.

Но война – это не только посылать на убой своих граждан, это еще военная экономика, например.

bear, 9 мая 2010 в 1:22

А Вам никогда не приходило в голову, как Франция оказалась среди стран-победительниц, тем более, если ни Англия, ни тем более, Америка, не желали видеть Францию в числе возрожденных великих держав и мечтали о разделе ее колоний?

Объясню на пальцах, предельно упростив ситуацию (не обвиняйте в излишней простоте – в реалиях все сложнее). Был такой человек, которого звали – Иосиф Сталин, который с 1942 по 1947 гг., вне зависимости от количества жертв, которые понес СССР, оказывался один против двух союзников. А два голоса больше, чем один. И ему нужен был еще один, который бы его поддерживал. Для этого его надо было держать подвешенным за одно место и в черном теле, но постоянно при этом помогать, чтобы этот четвертый знал, что без Сталина он просто рухнет в пропасть. И таковым оказался один бригадный генерал, которого звали де Голль, мечтавший о величии

1. Поддержка Сталина на всех совместных совещаниях, до которых его, впрочем, не допускали до завершения войны. Так что козырь слабый.

2. Свобода действий Компартии, которую он презирал (за сотрудничество с немцами с июня 1940 по июнь 1941 гг.) и ненавидел (как правый). Дал эту свободу, и был вынужден покинуть пост главы

3. Свобода допуска сотрудников НКВД на подконтрольные территории и в подконтрольные вооруженные силы (пришлось делать, скрепя сердце).

4. Сдача Сталину всех эмигрантов – и первой, и второй волны (сдал и продал, умудрившись, в отличие от англичан и американцев, не замарать собственно Францию: французские вооруженные силы и органы сами никого не передавали, но не мешали действиям советских

репатриационных миссий, которых послал подальше, например, князь Лихтенштейна).

К тому же у де Голля была еще одна головная боль: 30 с лишним тысяч пленных эльзасцев, которых немцы считали за немцев, и те просто оказались как солдаты Вермахта в советском плену. Их де Голлю надо было вытаскивать. Вытащил.

Он платил по всем 4 позициям, ну, а Сталин, по выражению АНТОНА, «с барского плеча» откинул де Голлю оккупационный район в Германии, кусок Берлина, место в Нюрнбергском Трибунале. В результате Франция, союзник гитлеровской Германии, виновный, к тому же в депортациях, смогла не только стать державой-победительницей, но и избежать покаяния. Ей это икается до сих пор.

Винни-пух, 9 мая 2010 в 10:14

Потрясающая инсталляция на Красной площади! Мавзолей, замотанный в трехцветную тряпку! Кристо отдыхает!!!

Борис, 9 мая 2010 в 13:39

Поговорим лучше о Петене, Лавале и других политиках вишистского режима, принявших столь охотно участие в «строительстве Новой Европы» под руководством «великого фюрера». В составе войск СС была сформирована дивизия СС «Шарлемань». А в Вермахте добровольцами воевало ещё больше французов. Причем все на Восточном фронте. Недаром среди пленённых Красной армией в ходе Великой Отечественной войны вражеских солдат оказалось 23,1 тысячи французов – всего лишь вдвое меньше, чем официальных врагов-итальянцев

bear, 9 мая 2010 в 15:30

В это число вошли и эльзасцы, к Виши не имевшие отношения и оказывавшиеся в Вермахте по мобилизации как граждане Рейха. А с режимом Виши после 22 июня 1941 г. были официально разорваны дипломатические отношения, он также был признан врагом. Кстати, до этого СССР признавал режим Виши почти что как союзный, точнее, дружественный. Богомолов после разрыва отношений плавно переместился к де Голлю, а ФКП резко переориентировалась с признания германской оккупации и режима Виши на борьбу с ними обеими. К тому же это была вторая переориентация за два года. Первая – летом 1940 г., когда от борьбы с французским правительством коммунистов перенаправили на признание германской оккупации и режима Виши. Обращаю Ваше внимание, что для большинства французов долго не было принципиального противоречия между Петеном – победителем немцев в Первой мировой, и его учеником (в прошлом), де Голлем. Их просто считали

двумя сторонами одной медали. Была даже присказка: «де Голль спасает честь, а Петен – мебель». К тому же из режима Виши довольно быстро выделилась еще одна сила, в виде адмирала Дарлана (кстати, глава вишистского правительства с февраля 1941 до апреля 1942 гг.) и союзного ему генерала Жиро, бежавшего из немецкого плена. Они помогли союзникам захватить Магриб. На них сделали ставку американцы, в отличие от англичан, поддерживавших де Голля. Однако после убийства Дарлана в декабре 1942 г., эта сила начала терять свои позиции: Жиро был боевым генералом, а не политиком, и де Голль в союзе с ФКП к октябрю 1943 г. сумел лишить его власти.

Замечу также, что США поддерживали дипломатические отношения с Виши до ноября 1942.

Sveta, 9 мая 2010 в 17:30

Поучительные ответы на вопросы редакции и чрезвычайно содержательные отзывы и диалоги. Век живи – век учись. Даже гордость охватывает, какие есть компетентные русскоязычные люди. Всех с Праздником Победы и с Перемирием!

bear, 9 мая 2010 в 19:12

Ольге, Брно.

Chère madame,

У меня есть лишь два вопроса в ответ на Ваш чрезвычайно эмоциональный текст, против этической стороны которого вряд ли у кого-то есть возражения.

Вот несколько строчек из него:

«В Чехии, Моравию освобождала Советская Армия и, ежегодно, в конце апреля по всей Моравии чтут память погибших... Несмотря на советскую «оккупацию»после окончания II Мировой войны и события 1968 года – чехи не искажают исторические факты, связанные с этой войной. ...Так что то, что касается ПАМЯТИ,так французам надо брать пример с чехов, да и остальным то же».

Я был бы Вам чрезвычайно признателен, если бы Вы рассказали, как чехи описывают освобождение Праги? И есть ли там, например, памятник С.К. Буняченко – «власовскому» генерал-майору, который вместо того, чтобы спасать свою дивизию (1-ю дивизию КОНР), совершавшую марш-бросок на запад, к американцам, бросил ее, по отчаянной просьбе пражан, в бой. Он бросил свои жалкие 10 тыс. человек, вооруженных лишь стрелковым оружием, в коридор, отделявший передовые части полумиллионной группировки СС с тяжелой техникой, и баррикады почти невооруженных горожан. И спас жизни десятков, если не сотен тысяч чехов, очень неплохо живших при Гитлере: в армию их

не брали, вот только работать должны были, обеспечивая военный потенциал Рейха (что они и делали). Так вот, есть ли ему где-либо памятник? А также тем четырем сотням власовцев, которые погибли, спасая пражан? А тем тяжело раненым бойцам дивизии, что не могли идти дальше, были оставлены в госпитале на попечение чехов, а затем без суда и следствия расстреляны и заколоты в своих койках бойцами Красной армии, 9 мая, 65 лет назад, ворвавшимися в уже освобожденную Прагу? (Вы мне, конечно, назовете танк, подбитый на подступах к городу, – так это был единственный боевой эпизод, если не считать госпиталя с власовцами). И дана ли оценка черной неблагодарности руководства Праги во главе с коммунистами, которые 7 мая 1945 г., после освобождения Праги, т.е. оказавшись в безопасности (хотя бои шли с 4 мая по 8 мая), заявили Буняченко, что не звали его (а чешские партизаны в это время захватывали офицеров этой дивизии и сдавали их Красной армии)?

Если Вы назовете мне хоть один из таких памятников или памятных досок и расскажете о покаянии чехов, я признаю, что Вы правы. А если нет – то уж извините…

Кстати, второй вопрос, навеянный Вашей эмоциональной попыткой углубиться в более раннюю историю: как в Чехии оценивают захват Чехословацким корпусом и сдачу большевикам верховного правителя России, – Колчака за два десятилетия до II мировой? И увязывают ли как-либо эти действия с последующей невеселой судьбой Чехословакии? Например, с советскими танками на ее территории в

Антон, 9 мая 2010 в 22:35

Дорогой Bear! Ваша профессиональная эрудиция несомненна, но и некоторая пристрастность налицо. Вам, наверно, не очень близка советская грань войны. Везде вы Советы немножко регулируете. Хотя объективность и у вас все-таки по-европейски получается пошире. Великолепным чтением нас балуете.

На дам не покушайтесь, пожалуйста. Их все же меньше в диспуте. И написано Ольгой от сердца, а это дорого стоит. Сыпьте все гранаты в мою сторону.

Но, в общем, тут Толян писал, что без союзников и их индустриально-сырьевых ресурсов СССР едва ли выиграл бы войну. Насчет ресурсов извне – да. Но ведь не даром. Похоже, что неплохим золотом и долгами платили. Да и Германию порой, особенно поначалу, демократии не забывали промышленно подкреплять.

И смотря что считать выигрышем. По крайней мере, СССР, можно полагать, в основном без союзников освободил свою территорию. Мог бы, может быть, на этом и остановиться. Уже была бы победа. И думаю,

велик был соблазн вернуться к предвоенному статусу по Молотову-Рибентропу.

А вот союзники без СССР навряд ли быстро что-нибудь бы выиграли. И тут уж, в антиисторическом сослагательном наклонении, можно рискнуть предположить, что довольно долгое время вся Европа еще пожила бы в подмороженной нордической атмосфере, и неарийские потери были бы куда круче.

Конечно, мне ответят, что кто бы России позволил остаться в стороне, если уж и Суворова, бывало, увлекали повоевать за европейские интересы, и некоторые из Александров зачем-то к Европе приобщались оружием. Русские почему-то здесь вообще как дома, и все же и все же...

Хватит бы России за всех воевать. Мудры были Ельцин с Путиным, что демонстративно демонтировали армию. Спасти она все равно не может, а зато русские впервые в истории были избавлены от жандармства в Ираке и Афганистане, и их мальчишки не клали свои безрассудные головы неизвестно за что. Да и в Сербию не вляпались воевать вместо нежелающего сражаться местного населения. Своего Кавказа вполне хватило. Надолго ли теперь?

Но это что-то уж далеко от заявленной темы газеты.

Борис, 10 мая 2010 в 9:18

Ну да, хотя сейчас в мире не прекращается деголлевская пропаганда, Франция поеживается, когда заходит речь о ее роли во Второй мировой. Гитлер рассчитывал на длительную войну между Германией и Францией, по примеру 1 мировой войны. А Франция сдалась сразу. Началась «странная война», а Гитлер тем временем проглотил Польшу. На самом деле, немецкий удар был направлен против СССР. А новая ошибка нацистов была в их презрении к побежденным, они морили голодом пленных, издевались над ними, массово уничтожали в лагерях смерти – и люди перестали сдаваться. При этом и Сталин был беспощаден в отношении тех, кто попадал в плен к врагу или в окружение. И еще стоит вспомнить, какие у Сталина были способные организаторы и военспецы – Василевский, Антонов, Каганович. Еще Наполеон говорил о стойкости русского солдата, что надо его не только убить, но еще и толкнуть, чтобы упал.

Что касается самой победы, немцев сломала именно Россия. И именно на Россию приходится 80% людских потерь. Правда, если в то время было принято эти потери преуменьшать, сейчас считают всех – не только солдат, но и все гражданское население, даже власовцев и бандеровцев! Тогда как Гитлер считал лишь своих, то есть немцев, не причисляя к потерям даже союзников по коалиции, итальянцев и разных прочих румын.

Bear, 10 мая 2010 в 12:56
Борис, 10 мая

«...а Гитлер тем временем проглотил Польшу. На самом деле, немецкий удар был направлен против СССР».

Нет, конечно. Гитлер сам вусмерть перепугался, когда ему Франция с Англией объявили войну. Он был к ней совершенно не готов. Куда ему было в тот момент об СССР думать. Да и германский генштаб был против. Там почитались, особенно подтвержденные I мировой войной, заветы Бисмарка, завещавшего избегать войны с Россией. Идеи нападения на СССР всерьез появились лишь после советско-финской войны, где стала очевидна абсолютная беспомощность Красной армии, обескровленной Сталиным.

«Основная ошибка нацистов была в их презрении к побежденным, они морили голодом пленных, издевались над ними, прибегали массово уничтожали в лагерях смерти – и люди перестали сдаваться».

Да, здесь Вы правы. У Гитлера была возможность к концу 1941 г. создать 3-миллионную русскую антисталинскую армию. Но для этого на этих людей надо было смотреть как на полноправных союзников. А нацисты на сие пойти не могли по определению (до сентября 1944 г. когда под ними все зашаталось). Пришлось в конце 1941 г. даже заменить командование на Восточном фронте, которое действовало в направлении создания русской армии. В КАЖДОЙ германской дивизии до 15% состава (в первую очередь, вспомогательные силы) составляли бывшие красноармейцы. Потом из них стали создавать т.н. «четвертые батальоны». Однако летом все строевые соединения (кроме вспомогательных сил) из бывших советских граждан были переброшены на Западный фронт (ок. 800 000 чел.). Только во Францию попало по разным оценкам от 135 до 200 тыс. бывших советских, составивших более сотни т.н. «восточных батальонов», оборонявших Восточный вал. Всего же на стороне Германии в самых разных формах в ее вооруженных силах либо в союзных с ней, служило более 1 200 тыс. бывших советских.

Уничтожать же людей в лагерях Гитлеру активно помогал Сталин, отказавшийся сотрудничать с Красным крестом, который сильно облегчал положение в лагерях. Плюс априорно объявил всех пленных преступниками, а сдачу в плен – преступлением. Т.е. все они оказались вне закона, чем Гитлер широко пользовался. Ситуация в лагерях для военнопленных (не путать с лагерями уничтожения) улучшилась лишь к середине 1943 г.

«Что касается самой победы, немцев сломала именно Россия».

И здесь с Вами нельзя не согласиться.

«...сейчас считают всех – не только солдат, но и все гражданское население, даже власовцев и бандеровцев!».

Власовцев погибло относительно немного: в основном при освобождении Праги, а затем те, которые были расстреляны и повешены советами после войны. Но лагеря прошли они все. Там, конечно, много погибло.

Но, надеюсь, Вы вслед за советской пропагандой не путаете власовцев, т.е. бойцов КОНР (Комитета освобождения народов России), которые соотносились с германскими силами как союзные, с бойцами восточных батальонов (РОА), входивших в Вермахт, с различными дивизиями, легионами и др. национальными подразделениями, которые прихватило под свое крыло СС, с РОНА, которая действовала в Белоруссии (более известна как «дивизия Каминского»), с казачьими частями, с полицией, с т.н. «отрядами самообороны»? Если не отдавать себе отчета в том, кто есть кто, то будет полная каша в голове, к реалиям отношения не имеющая.

Что касается тех, кого мы называем «бандеровцами» (вооруженные силы ОУН), то это просто одна из антикоммунистических и антисоветских партизанских армий, действовавших в годы войны, и которая принципиально не отличается от АКовцев в Польше, отрядов Михайловича (четников) в Югославии и т.д. Воевали и против СССР, и против Германии, совершали множество преступлений (в этом смысле не отличались от советских партизан), но просто это третья сила, которую давили и в конечном счете задавили обе империи – германская и советская. Они такие же жертвы войны, как и все остальные. А за свои преступления каждый человек отвечает сам.

Bear, 10 мая 2010 в 15:02

Антон, 9 мая

«Ваша профессиональная эрудиция несомненна».

Спасибо.

«но и некоторая пристрастность налицо».

По всей видимости, за пристрастность Вы понимаете профессиональную попытку смотреть на события отвлеченно, без эмоций. В этой схеме принадлежность к советской схеме должна восприниматься объективностью. Но это, пардон, не для меня, если я хочу, как профессионал, пытаться понять реалии, а не заниматься защитой той или иной идеологии.

«Вам, наверно, не очень близка советская грань войны».

Я вырос в военной семье. Мои деды погибли в войну – от голода и от ран; мой отец умер в 2001 г.от ран, полученных в войну: «Мы не от

Спасибо.

«но и некоторая пристрастность налицо».

По всей видимости, за пристрастность Вы понимаете профессиональную попытку смотреть на события отвлеченно, без эмоций. В этой схеме принадлежность к советской схеме должна восприниматься объективностью. Но это, пардон, не для меня, если я хочу, как профессионал, пытаться понять реалии, а не заниматься защитой той или иной идеологии.

«Вам, наверно, не очень близка советская грань войны».

Я вырос в военной семье. Мои деды погибли в войну – от голода и от ран; мой отец умер в 2001 г.от ран, полученных в войну: «Мы не от старости умрем, от старых ран умрем...». Моя мать, по счастью еще жива, – прошла всю войну медсестрой, инвалид.

Просто если на 65 году победы государство судорожно пытается создать комиссию по защите определенной точки зрения на это событие, то значит, советская концепция ее истории не работает. «Во многом знании много печали»: мне просто пришлось по профессии много читать на эту тему документов и воспоминаний, которые на территории СССР были запрещены. И в один прекрасный момент я схватился за голову, ибо для оценки действий сторон в дилемме нацизм / большевизм и оценки результатов войны приходится прибегать ко второй производной. Какому режиму Вы пожелаете победу: тому, который уничтожает, скажем, 1000 человек в день, или тому, который уничтожает 1050 человек в день? Какой лучше? На мой взгляд, первый: ровно на 50 человек в день. А, значит, желательно, чтобы он победил. Потому я счастлив, что победил Сталин, а не Гитлер. Да и третья производная у Сталина уже была отрицательной (снижалось число уничтожаемых за единицу времени), а у Гитлера росло. Ну, а когда проводишь сравнительный анализ двух вполне достойных друг друга режимов, то просто абстрагируешься. А если не можешь абстрагироваться, то надо заниматься не исследованиями, а пропагандой. Но то другая профессия.

«Везде вы Советы немножко регулируете».

Просто смотрю с обеих сторон. И Советы перестают быть белыми и пушистыми. А оказываются кроваво-красными. Ну, а их противники – кроваво-коричневыми.

«Толян писал, что без союзников и их индустриально-сырьевых ресурсов СССР едва ли выиграл бы войну».

Он прав в отношении первого периода войны, когда все висело на волоске.

«а зато русские впервые в истории были избавлены от жандармства в Ираке и Афганистане, и их мальчишки не клали свои безрассудные головы неизвестно за что».

Проделайте простейший экзерсис. Ситуация: мальчишек стригут в армию, накачивают на политзанятиях официальной идеологией, и посылают в чужую страну. Вопрос: виноваты ли мальчишки?

Ответьте на него для себя, до того, как прочтете следующую строчку. Вряд ли у Вас повернется язык обвинить советских мальчишек в войне в Афганистане, хотя там творились страшные вещи. Но ведь и немецких мальчишек, одев их в форму Вермахта, Гитлер послал в Советский союз. И они виноваты в той войне не больше, чем советские – в афганской. И матери также ждали своих сыновей.

Борис, 10 мая 2010 в 17:47

Если и имелось безрассудство – так это не со стороны «мальчишек», а преступного советского верховного командования. СССР начинал войну с никудышными военными ресурсами. Сталин поверил Гитлеру! А «безрассудные мальчишки» спасали Родину, шли на врага фактически с голыми руками, подрывали немецкие танки «коктейлем Молотова». Но именно благодаря этой оголенности советского фронта в начале войны, к ее концу у СССР было новейшее вооружение в сравнении с немецким.

Евгения, 11 мая 2010 в 8:01

Интересно кто такой Вини_Пух? Он слепой или глухой? Не смог увидеть торжественности и четкости Парада, прекрасные чистые лица наших мальчишек-военных, их старание и желание быть лучшими. Нас всех переполняют чувства радости и гордости, что «не перевелись Богатыри на Земле русской»! Мы благодарны нашим президенту и премьеру за величие Памяти и за «уроки» для детей и молодежи. Прекрасные праздники устроили. Нужно было своими глазами увидеть красоту Александровского сада, всех парков и увидеть счастливые лица ветеранов, чтобы все прочувствовать и оценить.

ВП, 11 мая 2010 в 11:46

Все понятно! Винни-Пух враг Народа!!! К стенке подлеца!

Татьяна, 11 мая 2010 в 12:57

Судя по широкому обсуждению, очень нужным и правильным была публикация в Вашем издании нескольких интервью о Дне Победы. Это -история, которая будет изучаться еще ни одно десятилетие. Информированность и восприятие одних и тех же событий у всех разные. Самое страшное – это равнодушие, а так люди, может быть, узнают

bear, 12 мая 2010 в 0:31

Толян, 11 мая 2010

«А вы знаете, что на момент этих позорных событий генерал де Голль был давно в отставке? Такая же степень убедительности и у остальных ваших выкладок в том сообщении, товарищ Беар».

Да ?????????? Чертовски интересно, милейший.

Первая сдача произошла в октябре 1943 г. на территории Алжира, который тогда контролировала голлистская администрация и куда в начале октября 1943 г. прибыл советский представитель Богомолов. После этого специальным декретом все русские эмигранты были сняты с работы и лишены на нее права; вскоре согнаны в концлагерь, а 27 октября 1943 года посажены на пароход и увезены в СССР. Близкая ситуация была в том же октябре на освобожденной от немецких войск Корсике. Там к отправке в СССР предназначались даже натурализованные (SIC !) русские эмигранты. Они подняли восстание, которое, естественно, было подавлено. 8 человек «англо-голлистами» (по терминологии тех лет) были повешены.

До сих пор считалось, что де Голль в течении всей войны руководил собственными вооруженными силами. Ваше заявление, уважаемый, вносит принципиальные изменения в эту сложившуюся картину.

Пойдем дальше.

А дальше – осень 1944 г., когда в уже материковую и освобожденную Францию возвращается советское полпредство (все тот же Богомолов) и появляются военная и репатриационная миссии (все три организации почти что слиты; различия видны не извне, а изнутри посольства). И начинается охота за новой эмиграцией. Причем французские коммунисты при полном попустительстве де Голля хотели прихватить и старую за прогерманские настроения и спокойную жизнь при оккупации (на юге страны начались погромы). Ее спасло... советское посольство. де Голлю намекнули, что старую эмиграцию трогать не надо. Он сделал по стойке смирно, а т.к. к этому времени уже разоружил коммуняк (с 28 августа по 28 октября 1944 г.) и распустил народные трибуналы (15 сентября 1944 г.), то все прошло спокойно. Проблема была крайне проста: эти преследования эмигрантов коммуняками и де Голлем питали антирусские настроения, которые легко могли перейти и в антисоветские, чего посольство не без основания опасалось. А старым эмигрантам намекнули, что лишь сов. посольство их может защитить, а для этого им надо поголовно становиться членами организаций «Союз русских патриотов» (возник 3 октября 1943 г.) и «Союз друзей советской России» (возник в 1944 г.), которые 10 марта 1945 г. слились, образовав «Союз

советских патриотов», ну а последний на учредительном съезде 8-11 августа 1947 г. превратился в «Союз советских граждан». К тому же старых эмигрантов привлекли к охоте за новыми эмигрантами. Так, один из опертрядов советской репатриационной миссии численностью до сотни человек, занимавшийся охотой за бывшими советскими гражданами, т.е. за представителями второй волны эмиграции (Ди-Пи), состоял из представителей первой.

10 декабря де Голль подписал в Москве Договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Францией, а его представитель, П. Шарпантье, – там же, в Москве, 29 июня 1945 г. – Соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан, находящихся соответственно под контролем французских и советских властей (с советской стороны подписал А.Вышинский), которое тут же получило кличку «Ялтинского соглашения де Голля». Причем, хотя деятельность по репатриации эмигрантов первой волны и Ди-Пи с территории Франции началась уже осенью 1944, но именно второе соглашение между де Голлем и Сталиным в июне 1945 имело для эмиграции, в первую очередь для второй волны, последствия почти что катастрофические. И уже летом 1945 г. за ними началась откровенная охота, вплоть до похищения людей, погони и стрельбы на улицах французских городов. А «советских патриотов» в это время, одурачив и с их согласия, отправляли в СССР целыми пароходами.

До сих пор считалось, что де Голль ушел с поста главы правительства в январе 1946 г. Таким образом, охота за эмигрантами с разной интенсивностью при его власти продолжалась, если считать с момента освобождения Парижа, 1 год и 4,5 месяца, а если считать на подконтрольных ему территориях, 2 года и 3 месяца.

Т.о., уважаемый Толян, я Вам могу порекомендовать либо что-нибудь почитать по истории, либо, если Вы уверены в глубине своих познаний и не путаетесь в арифметике дат, переписать историю Франции.

В добрый путь, милейший.

bear, 12 мая 2010 в 0:43
Борис, 9 мая 2010

«Недаром среди пленённых Красной армией в ходе Великой Отечественной войны вражеских солдат оказалось 23,1 тысячи французов».

Отвечая уважаемому Толяну, был вынужден заглянуть в свои записи, и вот некоторые цифры и цитаты к вопросу о численности.

Из статьи начальника штаба Французской военной миссии по репатриации в Москве подполковника Раймона Маркье, опубликованной в «Красной звезде» в декабре 1947 г.: «После двух с половиной лет

трудоемкой работы были репатриированы 315 564 француза, из них 21 321 эльзасец и лотарингец».

Имеются ввиду лица, оказавшиеся в советских руках не только на территории СССР, но и в зоне советской оккупации, а там было очень много французов полу-насильно, полу-добровольно работавших на территории Германии, среди них были и те, которые попали в немецкий плен еще в мае-июне 1940 г. при боевых действиях, а затем капитуляции Франции. Эльзасцы и лотарингцы, естественно, были среди солдат вермахта. А вот другие цифры.

«По документам ГУПВИ всего французов за годы войны было пленено 23 163 человека. Освобождено и репатриировано 21 811. По нашим данным, которые могут быть неполными, умерли 1352». По другим источникам, французских военнопленных на территории СССР было 32 тыс. чел.

Как видим, цифры расходятся. И причиной являются, кроме сложностей и различия методик подсчета, различия в понятиях: «пленные» и «перемещенные лица» – Ди-Пи (заключенные или рабочие, оказавшиеся на подконтрольных территориях).

Толян, 18 мая 2010 в 1:29

Товарищ Беар, я передам ваши соображения товарищу Аронычу, который сподвигнул меня ответить вам.

Посмотрим, как выкрутится.

bear, 18 мая 2010 в 13:16

Толяну

Искренне сожалею, что Вас подставили, и что несколько потрепанной оказалась Ваша шевелюра, а не г-на Ароныча. Но, по всей видимости, Вы человек достаточно молодой, так что восстановится :)

Я же стараюсь выражаться очень точно, и под каждым моим утверждением стоят либо архивные документы, либо газетные публикации, либо брошюры и листовки той эпохи. Последние три источника, естественно, менее надежны и требуют подтверждений и довольно жесткой критики, но всегда отражают определенные реалии.

Что касается де Голля, то его роль в истории чрезвычайно сложна. И, естественно, во Франции ситуация еще сложнее. Не будь де Голля, Франция не вышла бы из войны в качестве великой державы-победительницы. Но в результате Виши оказалось скрыто. Да и достигал он своих целей крайне сомнительными методами. Впрочем, не более сомнительными, чем коммунисты или Петэн (и те, и другие умудрились и повоевать с гитлеровской Германией, и посотрудничать с нею, только в разном порядке). Заметьте, и Петэна де Голль помиловал (заменил

смертную казнь тюрьмой), и коммунистов легализовал. Наиболее чистым изо всех был, пожалуй, генерал Жиро: не замешан в сотрудничестве ни с Гитлером, ни со Сталиным и ни в каких выдачах: ни евреев – Гитлеру (как Петэн), ни эмигрантов и Ди-Пи – Сталину (как де Голль). Но он, как я уже писал, был довольно прямолинейный вояка и, добавлю, прекрасный спортсмен (в 60-летнем возрасте сумел бежать из Кенигштайна – видимо, первый побег из этой цитадели на скале; а при покушении на него в Алжире, одного разоружил, а другого обратил в бегство; жена же его прикрывала в этот момент своим телом маленького внучка в коляске, которого они выгуливали). Но для политики он явно не годился, поэтому и сошел со сцены.

«Столетняя «Лютеция, 20 июня 2010 г., автор Елена Якунина

bear, 26 июня 2010 г. в 14:46

...А вот другая история. Французская разношерстная компания на фуршете. Один выходец из Северной Африки с пеной у рта доказывает, что Иерусалим нелегитимен в качестве столицы Израиля, ибо все страны держат свои представительства в Тель-Авиве, да и в учебнике его дочки написано тоже самое. «Значит, Вы считаете, что легитимность собственной столицы определяет не сам народ, а другие страны, которые могут не признать его решения и имеют право навязывать свое?», – спрашиваю я. И получаю в ответ согласные кивки. «Ну, тогда, пожалуйста, опишите ваши реакции, если я начну утверждать, что реальной столицей Франции является не Париж, а Виши, который хотя и был навязан Германией, но был признан всей Европой и Америкой, причем и СССР, и США имели там послов?». Реакцию моих собеседников описывать не буду, но возвратиться к теме Иерусалима представителю Северной Африки уже более не дали.

«AREP – тридцать лет позади»,
1 октября 2010 г., автор Елена Якунина

bear, 18 октября 2010 в 23:25

...И ведь опыт ничему не научил: вторая (военная и послевоенная) волна была тоже из СССР. И в 40-е гг. был конфликт между высокомерной и уже устоявшейся первой и нищей, укрывавшейся от облав оперативников советской военной миссии, второй волной. Более того, представители молодого поколения первой волны составили в Париже

целый оперотряд, помогавший НКВД отлавливать перемещенных лиц, не хотевших возвращаться на Родину. Но прошло 35 лет, и эти две волны уже вместе отталкивают третью, затем четвертую, восприняв лишь ее более либо менее благополучную часть, относящуюся к XXI веку!

«Баллада о евроремонте», 9 мая 2011 г., автор Кира САПГИР

Bear, 14 мая 2011 в 19:40

Кире Сапгир

...ключевая фраза, которая все объясняет: «Франция предоставила мне статус политэмигранта». Это именно то, что дало Вам потенциальную возможность претендовать на социальное жилье. Другой вопрос, что организации, где Вы работали, были, видимо, довольны Вами и ходатайствовали о скорейшем (внеочередном или каком-либо другом) предоставлении Вам жилья. А, возможно, и сами имели какие-то лимиты. Но в любом случае, ключевым понятием были не Ваши заслуги, а Ваш статус, который получало подавляющее большинство эмигрантов III волны. Так уж случилось, что основную читательскую массу в данной ситуации составляют эмигранты IV волны, которые, в отличие от Вас, во Франции никакой помощи от государства не имеют (во всяком случае, до определенного момента в их интеграции). И поэтому складывается такое непонимание. Впрочем, стандартное для разных эмиграционных волн. Замечу, что в Германии для этноиммиграции (немецкой и еврейской) ситуация принципиально иная (впрочем, как в большинстве стран, где соблюдается принцип «крови» и «территории» для своей, локальной этноиммиграции).

Valentine, 15 мая 2011 в 7:56

Гопникам из Четвертой волны, попавшим сюда зайцем, квартиры, ведомственная или государственная, в принципе не светит, а все же они их имеют. Вот как? Поделились бы опытом.

Bear, 15 мая 2011 в 16:17

«Valentine. Гопникам из Четвертой волны, попавшим сюда зайцем, квартира, ведомственная или государственная в принципе не светит, а все же они их имеют. Поделились бы опытом».

Милейшая, называя «гопниками» (т.е., согласно словарю: «нищими, бродягами», «грабителями») целую группу своих соотечественников, Вы позволяете себе элементарно хамить, что недопустимо на подобном сайте. Правда, Вас извиняют Ваши явные проблемы с русским языком,

и высекли Вы себя саму. «Гопник» – это обитатель и ведомственного (до революции), и государственного (после революции) жилья – у этого термина двойное происхождение. До революции это бродяга, обитавший в здании Городского Общества Призрения (ГОП) – располагалось в Питере на Лиговке у Московского вокзала. А после революции – Государственного Общежития Пролетариата (ГОП) – там же. «ГОПники» существовали на государственные пособия, а чего не хватало, добирали милостыней и воровством. Так что этот термин значительно ближе к тем, кто живет в государственных и ведомственных квартирах (вне зависимости от страны), чем в своих собственных или съемных, а также к тем, кто использует государственные пособия. Что еще никак не дает права называть гопником ныне кого-либо, кроме собственно бродяг и воров. Так как учить вежливости человека в Вашем возрасте (после 18 лет, во всяком случае) уже поздно (если родители не научили раньше), то можно порекомендовать хотя бы быть осторожней.

Теперь по поводу «зайцев». Вы не хуже меня знаете, что те, кто приехал «зайцем», т.е. нелегально, во Франции не имеют будущего в принципе, и их пребывание здесь крайне коротко. А IV волну составляют люди, которые приехали на учебу, по исследовательским грантам, по контрактам или заключив брак, а также небольшое число тех, кто может претендовать на французское гражданство по рождению, – т.е. все совершенно легально (даже криминальная составляющая IV волны прибывает сюда легально – через покупку крупной недвижимости и создание различных фирм-прикрытий). И в отличие от представителей III волны, никто из них не имеет никаких пособий и помощи от государства (ср. с Вашей предыдущей их характеристикой), которое им враждебно, во всяком случае, до получения ими постоянных постов, а то и гражданства. Но после этого помощь как таковая уже перестает быть нужна.

Научно-популярное издание

Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы

История и память

Составитель Михаил **Якунин**

Подписано в печать 28.03.2012. Формат 60х84/16. Усл.-печ. л. 29,5. Тираж 250 экз. Заказ № 30

Выпущено французской Ассоциацией «Зарубежная Россия» ("La Russie hors Frontières", 8, impasse des Renardières, 78480 Verneuil-sur-Seine, France) и французской интернет-газетой «Русский очевидец» ("L'Observateur russe")
Редакционно-издательский отдел ГПНТБ СО РАН
630200. Новосибирск, ул. Восход, 15. E-mail: rio@spsl.nsc.ru

Полиграфический участок ГПНТБ СО РАН. 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15